КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

28-29/I 41 г.

Колич. вред. выдач ——— Зак. №

ПЕЧАТЬ НАЛЯЗИНСКОЙ
БИБЛИОТЕКИ.
ГОРОДСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ

04 ЯНВ 1912

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

СОРОКЪ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ.

16954 5/1 1904 г. Январь

49 г

ПЕРВАЯ МАЛАЯ ГОРОДСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКА

ЯНВАРЬ.

Редакція и Главная Контора журнала Моховая 37.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1912.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Спб. Б. Подъяческая, 39.

04 ЯНВ 1912

ЦВѢТЫ ВОСПОМИНАНІЙ.

I.

Сосѣдка.

Переѣхали на новую квартиру. Цѣлое событіе: старая надоѣла до смерти — это разъ, въ новой есть садъ, а въ старой не было—это два, а самое главное—въ новой у меня своя отдѣльная отъ маленькихъ братишекъ комната. Своя комната! Только у папы и у меня—своя комната. Никогда еще въ жизни у меня не было своей комнаты...

Въ квартирѣ еще пусто, чисто и звонко. Полы—желтые, блестящіе, косяки и подоконники—бѣлоснѣжные, обои безъ трещинъ и клочковъ. Такъ хорошо пахнетъ краской и еще чѣмъ-то. Папа съ мамой заняты: привезли мебель, кровати, піанино, сундуки, всякую всячину; мама ссорится съ папой, спорятъ о томъ, гдѣ что поставить, кричатъ на ломовиковъ, пыхтящихъ подъ тяжестью піанино, на прислугу, стоящую безъ дѣла, кричатъ на меня: суюсь и мѣшаю... Богъ съ ними, лучше уйти подальше отъ этого содома! Вихремъ помчался вверхъ по витой лѣстницѣ въ свою комнату. Прекрасная комната: длинная, узенькая, съ обрѣзанными краями, съ венеціанскимъ окномъ. И даже запирается! На крючокъ. Браво! Распахнулъ створку окна, залѣзъ на широкій подоконникъ и окинулъ взоромъ хаосъ крышъ, красныхъ, зеленыхъ, сѣрыхъ, съ блестящими надъ ними куполами церквей, съ пятнами зелени садовъ, съ сверкающими въ голубомъ морѣ неба бѣлыми голубями, съ сѣтками телефонныхъ проводовъ... Высоко. Перегнулся черезъ подоконникъ, посмотрѣлъ внизъ на улицу и попятился: страшно!

— Не смѣй лазить!

— Я посмотрѣть, мама...

— Упадешь, костей не соберешь...

— Что тутъ такое?..

Ну, и папа тоже! Кричатъ въ два голоса, грозятъ отобрать комнату и опять ссорятся между собою:

— Рано ему свою комнату. Малъ еще онъ. Это ты все... Упадетъ вотъ...

— Я, папа, не такой маленькій, чтобы упасть...

— Затвори окно! Не разсуждай!

— Ну, отлично... Извольте, закрою.

Папа съ мамой продолжали спорить, а я ушелъ въ садъ. Маленькій садъ, а съ виду казался огромнымъ. Полное разочарованіе: съ одной стороны кирпичная стѣна, а съ двухъ—высочайшіе заборы, зеленые, заплѣсневѣвшіе, а за заборами—сады, огромные старые сады... А я думалъ, что эти великаны-липы—въ нашемъ саду. А въ нашемъ—счетомъ десять деревьевъ и бесѣдка. Старая бесѣдка, съ побитыми стеклами, съ соромъ, съ какой-то рухлядью. Съ любопытствомъ сталъ рыться въ этомъ старьѣ и мусорѣ, выбиралъ обломки игрушекъ, куски дерева, картона, и думалъ:

— Это пригодится...

Обрѣзалъ стекломъ руку, пососалъ кровь и, разсердившись, выкинулъ все, что должно было пригодиться. Отломилъ вѣтку бузины, выковырялъ сердцевину, устроилъ насосъ и началъ изображать пожарнаго...

— Михаилъ!

— Что, папа?

— У тебя на носу экзамены, а ты... Хотя бы взялъ книжку да почиталъ!..

— Возьму.

— Сѣлъ бы вонъ на лавочку и долбилъ...

— Сяду, папочка. Надо же посмотрѣть, какъ все это... Какъ устрою себѣ комнату, такъ и засяду. Ужъ съ завтрашняго дня, папочка...

Отецъ усѣлся на лавочку, глубоко вздохнулъ и сталъ ворчать:

— Усталъ, какъ ломовая лошадь... Только останься на второй годъ!.. Я тебѣ...

Въ этотъ моментъ вбѣжалъ братишка и веселымъ тономъ торопливо сообщилъ:

— Мамочкѣ комодомъ ногу придавили!..

— Ахъ, чортъ бы... Суются...

Отецъ сердито ушелъ изъ сада, а мы съ братомъ, отыскавъ въ заборѣ щели, стали знакомиться съ сосѣдними садами.

Точно другой міръ былъ тамъ, за заборомъ. Здѣсь мрачно, сорно, мозолятъ глаза грязные брандмауэры, пахнетъ сыростью и плѣсенью, уныло выглядитъ поломанная заброшенная бесѣдка, а тамъ, за заборомъ,—радостно, солнечно и такъ удивительно красиво! Изумрудная зелень сочныхъ лужаекъ; ряды стройныхъ, вытянувшихся въ ровную линію подстриженныхъ тополей, похожихъ на огромныя кудряво-зеленыя головы; золотящіяся подъ солнцемъ песчаныя дорожки, окаймленныя разноцвѣтными узорами живыхъ цвѣтовъ; причудливой формы клумбы, мостики, горки; прячущіяся въ зелени фигуры нагихъ женщинъ изъ алебастра и...

— Фонтанъ! Фонтанъ!

— А вонъ качели...

— Сѣтки!..

— Лаунтеннисъ.

Мы двигались по забору и, отыскивая новыя щели, смотрѣли и дѣлали все новыя и новыя открытія...

— Смотри: тамъ озеро, а кругомъ цвѣты! Птица плаваетъ... Огромная!

— Дуракъ! Лебедь это...

Огромный молчаливый садъ. Словно въ заколдованномъ царствѣ. Тѣни подъ высокими липами, таинственность длинныхъ аллей, кажущихся безконечными, солнечныя пятна на лужкахъ, притаившіеся цвѣты невиданныхъ формъ и эти бѣлыя нагія женщины и огромная бѣлая птица... Какъ въ сказкѣ!..

— Тамъ живетъ Черноморъ...

— Нѣтъ. Это озеро, гдѣ катаются Мила и Нолли. Помнишь, у Кота-Мурлыки?

Да, тамъ совсѣмъ иной міръ, невѣдомый, загадочный, непонятный...

— Кто тамъ живетъ?..

— А можетъ быть, царь или король.

— Дуракъ. Царь живетъ въ Петербургѣ, а не здѣсь.

— Ну, другой какой-нибудь... Или принцъ!..

— Просто очень знатные и богатые...

— Тише! кажется, идутъ.

На песчаной дорожкѣ показалась мохнатая болонка съ краснымъ галстучкомъ и позванивающимъ бубенчикомъ. Тоже какая-то странная, сказочная, словно не настоящая, а игрушечная: прыгаетъ въ травѣ, словно кто сжимаетъ гуттаперчевый

шаръ съ кишечкой... Не успѣли мы подивиться этой живой игрушкѣ, какъ заскрипѣлъ песочекъ и появилась дѣвочка съ льняными локонами, въ бѣломъ платьѣ, съ тонкими ножками. Она на ходу подбрасывала мячикъ и, закидывая къ небу голову, ловила его, встряхивая локонами... И тоже, словно не настоящая, а огромная нарядная кукла, нарядная и дорогая. Мы затаили дыханіе, плотнѣе прижались къ щелямъ и слѣдили за этой красавицей. Она молчаливо поиграла мячикомъ, подошла къ озеру, побросала лебедю хлѣба, что-то ласково говорила съ нимъ, посылала ему воздушные поцѣлуи. А когда пошла обратно, то свернула на дорожку, которая шла около самаго забора, за которымъ мы прятались. Даже духъ сперло отъ волненія! Ахъ, какая же красивая! Никогда въ жизни не видалъ такихъ красивыхъ. Только важная ужъ больно: идетъ такъ прямо и глаза прищуриваетъ. Лѣниво говоритъ собачкѣ:

— Бобка! Не смѣй шалить.

А Бобка учуялъ насъ за заборомъ, прыгаетъ и лаетъ.

— Бобка! Стыдно такъ озорничать. Ты не маленькій. На кого ты, дурачокъ?

Мы отпрянули отъ забора, переглянулись и, пригнувшись, торопливо шмыгнули въ бузину. Притаившись, помедлили, потомъ стали тихонько разговаривать про дѣвочку:

— Какая красивая... Видѣлъ, какая?

— Да. Можетъ быть, это царская дочь или королевна...

— Дуракъ. Просто очень знатная...

— А князья и въ нашемъ городѣ есть... Можетъ быть, княжна.

— Княжна—можетъ быть...

— Щурится. Замѣтилъ?

— Замѣтилъ. А видѣлъ, какіе волосы? Точно не настоящіе, а изъ льна сдѣланы. Посмотримъ еще!

— Только тише, на цыпочкахъ.

Мы снова впились въ щели. Сидитъ на рѣшетчатой лавочкѣ и плететъ вѣнокъ изъ разныхъ цвѣтовъ, а собачка—рядомъ. Что-то мурлыкаетъ. Что она тамъ поетъ?..

Ми-лые цвѣ-то-о-чки, какъ люб-лю я в-а-съ...

Надѣла вѣнокъ на голову и спрашиваетъ:

— Бобка, посмотри: хорошо? Не правда ли: я красавица? Ну, смотри же!

Она поставила на заднія лапы собачку и стала ей улыбаться и моргать глазами. Братишка не выдержалъ и фыркнулъ.

Я погрозилъ ему кулакомъ. Но было поздно: Бобка, стоя на заднихъ лапкахъ, смотрѣлъ въ нашу сторону и ворчалъ.

— Какъ ты смѣешь! Глупый! Ты долженъ любоваться, а ты...

Тутъ ужъ и я не вытерпѣлъ. Зажавъ ротъ, я махнулъ братишкѣ рукой, и мы бросились отъ забора. А потомъ забрались въ нашу бесѣдку и давай хохотать.

— Какая кокетка! Вотъ такъ кокетка! Видѣлъ?

— Видѣлъ. Дура.

— Не дура, а это называется — кокетка... Самъ-то ты дуракъ...

— Не ругайся, а то я скажу папѣ, что ты въ щелку подглядываешь...

— Вѣдь и ты подглядывалъ.

— Я маленькій, а ты гимназистъ...

Такъ я впервые увидалъ невѣдомую красавицу и кокетку Нину въ сказочномъ саду за заборомъ... Какъ я узналъ, что ее зовутъ Ниной?..

Однажды я сидѣлъ въ своемъ саду и долбилъ «предлоги»:

— «Раз», «воз», «низ», «из»—передъ буквами к, п, т, х измѣняютъ букву з въ с... Предлоги «раз», «воз», «из», «низ» передъ буквами... к, п, т, х—измѣняютъ, измѣняютъ... Что они измѣняютъ?..

Вдругъ за заборомъ — лай собачки. Сложилъ учебникъ и потянулъ къ забору, продолжая твердить правило. Надо сказать, что сидѣть съ учебникомъ невдалекѣ отъ забора сдѣлалось съ нѣкотораго времени моимъ любимымъ времяпрепровожденіемъ: дѣвочка съ льняными волосами, невѣдомая кокетка, притягивала меня тайной силой къ забору.

И теперь я сидѣлъ по близости, а когда услыхалъ лай знакомой собачки, то меня словно кто столкнулъ съ лавочки: такъ и метнуло къ забору... Не успѣлъ я прижаться глазомъ къ дыркѣ, какъ что-то стукнуло подъ моими ногами. Я сперва испугался, потому что упавшее побѣжало, какъ мышь, по дорожкѣ и юркнуло въ крапиву. Но сейчасъ же сообразилъ, что это не мышь, а—мячикъ, которымъ играла кокетка. Обрадовался, отыскалъ мячъ и подошелъ къ забору. Посмотрѣлъ въ дырку: ищетъ.

— Что вы ищете?

— Мячикъ. А кто тамъ спрашиваетъ?.. Вамъ какое дѣло? Какъ вы смѣете...

— Мячикъ упалъ къ намъ въ садъ.

— Бросьте его сюда!

— А, можетъ быть, это не вашъ мячикъ?..

— Тогда я брошу его вамъ назадъ. Ну!

— Посмотрите въ щелку: вашъ ли?

— А гдѣ щелка?

— Вотъ здѣсь! Я просуну вѣточку.

— А-а, вижу. Ну!

Я самъ смотрѣлъ въ щелку, когда мнѣ навстрѣчу сверкнулъ близко-близко синій глазъ.

Я быстро отстранился и подставилъ мячикъ.

— Видите?

— Да. Это—мой. Бросьте! Я поймаю.

— А какъ васъ зовутъ?

— Вотъ новости! Зачѣмъ вамъ это знать? Не скажу. Мы съ вами незнакомы.

— Если мы были бы знакомы, я зналъ бы, какъ васъ зовутъ, и не спрашивалъ.

— Не скажу. Не ваше дѣло.

— Тогда я не брошу мячика.

— Сдѣлайте одолженіе! Я дарю его вамъ. Не очень нужно...

— Нина! Съ кѣмъ ты разговариваешь? Отойди отъ забора. Неприлично.

— Но тамъ мой мячикъ. Я забросила его туда, а какой-то мальчишка взялъ и не отдаетъ...

Мальчишка! Какой-то мальчишка. Это—я. Покраснѣвъ отъ обиды и досады, я кинулъ черезъ заборъ мячъ:

— Ловите! Нина!

— Не смѣйте меня называть...

— Нина! Нина! Нина!..

— Мужикъ!..

— Какая принцесса! Скажите, пожалуйста! Подумаешь...

— Глупый мальчишка!

— Кокетка!

Итакъ мы поссорились прежде, чѣмъ познакомились. Эта ссора еще больше приковала мои мысли къ забору.

— Вотъ какая... важная. Ну, и кокетка! Ругается мужикомъ, глупымъ мальчишкой... А сама-то ты какая?.. Воображаетъ, что красавица, кокетничаетъ съ противной собаченкой... Предлоги «раз», «воз» и «низ» передъ буквами к, п, т, х— измѣняютъ букву з въ с... Какъ написать: раз-красавица? З или с? Конечно — раскрасавица... Мужикъ! Что же, мужикъ только бѣдный, а ничего дурного... Какая знатная! Возгордилась...

Дня черезъ два я столкнулся носъ съ носомъ съ ругательницей: иду въ гимназію, завернулъ за уголъ, а она вышла изъ большого каменнаго дома и садится въ пролетку. Она меня не узнала, а я моментально: вотъ особа—въ гимназію разъѣзжаетъ на лошадяхъ! И съ гувернанткой! Когда она поѣхала, я громко сказалъ въ догонку:

— Нина!

Обернулась и удивленно и сердито оглядѣлась по сторонамъ. А красивая! Что ни говори, а... Теперь ужъ все испортилъ ссорой. Неудобно и знакомиться. А можно бы... Только очень ужъ знатная. Важничаетъ. Не люблю такихъ.

Возвращаясь изъ гимназіи, прошелъ мимо большого дома, посмотрѣлъ на мѣдную дощечку: «Николай Николаевичъ, князь Кекуановъ». А-а, дѣйствительно, важная, княжна. А все-таки, что ужъ такого? Вонъ у насъ въ классѣ тоже учится князь, а дуракъ и попрошайка: у всѣхъ завтракъ пробуетъ въ большую перемѣну. И на брюкахъ—заплатка. Можетъ быть, тотъ—не настоящій, а какой-нибудь... Княжна Нина Николаевна Кекуанова!.. Кто изъ насъ старше: я или она? Мнѣ—тринадцать, а ей... тоже не больше. Что же она зазнается, называетъ мальчишкой? Ноги, какъ у цапли... Выхаживаетъ по травкѣ. А вонъ и она подъѣзжаетъ въ кабріолетѣ! Барыня важная. А у меня въ рукахъ—цѣлый ворохъ сирени: нарвалъ въ гимназическомъ саду. Небойсь, хочется попросить, да боишься! Уроню вѣтку и пройду, а она будетъ проходить въ крыльцо и, навѣрное, подниметъ. А потомъ я спрошу въ заборъ, хорошо ли пахнетъ моя сирень... Спѣшу пройти крыльцо, пока она вылѣзаетъ изъ кабріолета, и бросаю двѣ вѣтки сирени. Прохожу до угла, заворачиваю и возвращаюсь посмотрѣть, взяла ли... И не подумала: даже наступила ногами... Вотъ какая гордячка! А все-таки, возьмешь. Дома сдѣлалъ хорошій букетъ изъ сирени, перевязалъ его ленточкой отъ сестренкиной косы и привязалъ записку: «Княжнѣ Нинѣ Николаевнѣ Кекуановой, отъ графа С. В.». И, перебросивъ черезъ заборъ, всталъ у забора около дырочки. Простоялъ часа два. Не идетъ. Вечеромъ, на закатѣ, подошелъ и посмотрѣлъ: букетъ лежитъ на прежнемъ мѣстѣ. Не дѣйствуетъ! Рѣшилъ просчитать до ста: если не появится, уйду и не буду смотрѣть. Сосчиталъ до девяноста и остальной десятокъ сталъ считать медленно-медленно. И на 99 въ кустахъ мелькнуло бѣлое платье и черныя длинныя ножки княжны... Я весь замеръ отъ напряженнаго любопытства и ожиданія. Словно ловилъ рыбу и смотрѣлъ на шевелящійся поплавокъ. Идетъ,

идетъ! Какъ разъ мимо. Увидала. Ага!.. Браво!—подняла, читаетъ. Удивленно смотритъ вокругъ, потомъ на заборъ и тихо произноситъ:

— Графъ...

Молча улыбается, нюхаетъ сирень и въ припрыжку бѣжитъ въ глубь сада.

Былъ праздничный день. Наканунѣ я успѣшно сдалъ экзаменъ по русскому языку и получилъ отъ папы разрѣшеніе сегодня не долбить къ слѣдующему экзамену.

— Отдохни одинъ денекъ, а завтра валяй съ новыми силами.

Конечно, мой отдыхъ проходилъ главнымъ образомъ около забора. Сегодня за заборомъ было шумно и весело: у княжны Нины собрались подруги, и садъ оглашался звонкимъ смѣхомъ и визгами дѣвочекъ. Какъ огромные цвѣты, бѣлые, синіе, красные, выростали по лужкамъ и въ кустахъ нарядныя дѣвочки, и самая нарядная и красивая среди нихъ была княжна. Она была похожа на махровый макъ, ярко-пунцовый. Должно быть, она разсказала подругамъ про мой букетъ сирени: взявшись подъ руки, дѣвочки попарно проходили мимо, съ любопытствомъ останавливали взоры на заборѣ, и шептались, и ворковали тихимъ смѣшкомъ. Мнѣ захотѣлось, чтобы Нина знала, что я въ саду, за заборомъ. Какъ это сдѣлать? Развѣ запѣть? Тотъ романсъ, который поетъ дядя Петя? Начало у меня выходитъ. Затянулъ:

Подъ душистою вѣткой сирени
Я сидѣлъ съ ней надъ сонной рѣко—ой...

За заборомъ раздался дружный взрывъ смѣха, который все удалялся и удалялся... Убѣжали! Такъ и есть: посмотрѣлъ въ дырку,—дѣвочки исчезли... Опять смѣются и все ближе и ближе. Бѣгутъ сюда...

Подъ души-сто-ю вѣткой си-ре-ни-и-и...

Что это? На дорожку шлепнулся и началъ подплясывать резиновый мячикъ, знакомый мнѣ уже мячикъ, который однажды былъ уже въ моихъ рукахъ... А потомъ звонкій голосъ:

— Графъ! Будьте добры... Мы нечаянно перекинули къ вамъ въ садъ мячикъ...

Графъ?.. Почему—графъ? Какой графъ? Ахъ, да... Это я—графъ...

— Графъ! Послушайте, графъ!..

Я вскарабкался на заборъ и выглянулъ: нѣсколько дѣвочекъ бѣжали прочь, а три—среди нихъ и княжна—стояли, взявшись подъ руки, и ждали. Я приподнялъ фуражку, дѣвочки кивнули головами...

— Вы меня звали?

— Да, графъ!.. Мы забросили мячъ туда, черезъ заборъ... Будьте добры...

— Сейчасъ поищу...

Искать было не надо: я уже зналъ, гдѣ лежитъ мячъ, но тянулъ дѣло, чтобы поговорить:

— Не видать. Въ какую сторону вы бросили?

— Прямо. Противъ самой высокой березы... Простите, графъ, что...

— Нашелъ! Сейчасъ. Ловите!

— Бросайте!

— Разъ!

— Два!—отвѣтилъ голосокъ Нины.

— Поймали?

— Да. Мерси.

— Не стоитъ.

— Мерси за сирень!—прозвучалъ голосокъ Нины, и дѣвочки со смѣхомъ побѣжали прочь отъ забора...

Вечеромъ я уже былъ въ сказочномъ саду и игралъ съ дѣвочками въ крокетъ. Мы съ Ниной были во враждебныхъ партіяхъ, и я гонялъ ее по саду за шаромъ безъ всякаго милосердія. Она оттопыривала губки, гримасничала и съ упрекомъ произносила:

— Графъ! Противный графъ!..

А потомъ перешла въ нашу партію и радостно хлопала въ ладоши, когда я мучилъ противниковъ.

— Браво, графъ!

И, взглядывая на меня, такъ привѣтливо улыбалась, что мнѣ щекотало сердце.

Когда я уходилъ изъ сказочнаго сада, Нина протянула мнѣ руку, сдѣлала реверансъ и повелительно сказала:

— Приходите, графъ, еще... каждый день...

— Мерси, княжна...

Такъ я сдѣлался графомъ. Нѣсколько первыхъ дней общенія я смущался, когда Нина и ея подруги называли меня графомъ, но скоро такъ съ этимъ званіемъ свыкся, что пересталъ находить въ немъ неудобство и началъ чувствовать себя прирожденнымъ графомъ. Дѣло дошло до того, что въ гимназіи во

время уроковъ, когда учитель вызывалъ къ доскѣ моего товарища, настоящаго графа, я, еще не дослышавъ фамиліи, вскакивалъ на это званіе.

— Не тебя, а графа!

— А-а!.. Послышалось...

— Обратись къ доктору. Ты плохо слышишь...

Нина представила меня своей мамѣ—отца у ней не было дома, онъ уѣхалъ за-границу — и та очень любезно встрѣтила наше знакомство и тоже называла меня графомъ.

— Графъ, вы говорите по-французски?

— Нѣтъ... Я—по-нѣмецки... и то плоховато.

— Это жаль...

Княгиня начинала говорить что-то по-французски своей дочери, и та смущалась и краснѣла. А однажды даже выскочила изъ-за стола и крикнула:

— И вовсе нѣтъ!.. Нисколько!..

А княгиня переводила на меня улыбающіеся глаза и спрашивала:

— Вамъ, графъ, сколько лѣтъ?

— Скоро четырнадцать...

— Да, пожалуй, и мало...—задумчиво говорила княгиня и начинала говорить по-французски съ гувернанткой, оживленно, со смѣхомъ и гримасами. А я краснѣлъ, потому что чувствовалъ, что рѣчь идетъ обо мнѣ и Нинѣ...

Дома надо мной начали подсмѣиваться: меньшой братъ уже успѣлъ насплетничать о моихъ приключеніяхъ папѣ и мамѣ.

— У него тамъ невѣста... Княжна! Влюбился онъ...

— Ничего не влюбился. Врешь! А просто я... мы тамъ играемъ въ крокетъ...

— Съ дѣвчонками! Ни одного мальчика тамъ нѣтъ... Втюрился въ княжну...

— У меня провались только! Я тебѣ такую невѣсту пропишу, что...

— Женихъ! Ты опять стопталъ сапоги... Вотъ наказаніе Божіе! Не напасешься.

— Обѣщали новые, если изъ географіи сдамъ... А сами...

— Если завтра выдержишь изъ латинскаго, куплю новые сапоги, брюки и фуражку.

— А курточку, мама! Забыла?

— Ну, ладно, и курточку.

— Не обдуешь?

— Нѣтъ.

— Смотри!

Два дня не былъ у княжны. На третій сдалъ экзаменъ изъ латинскаго, послѣдній экзаменъ, перешелъ въ четвертый классъ и возликовалъ... Не находилъ мѣста отъ радости и бездѣлья, отъ тоски по княжнѣ, которую я самъ уже началъ считать своей невѣстой, но въ гости не шелъ: хотѣлось заявиться туда во всемъ новомъ. Послѣ обѣда пошли съ мамой въ гостиный дворъ покупать все новое. Оба измучились, ныряя изъ лавки въ лавку, примѣривая и сомнѣваясь. Я не находилъ фуражки по вкусу. Мнѣ хотѣлось такого фасона, чтобы походила на офицерскую, а давали безобразную... Я примѣрялъ, подходилъ къ зеркалу и разочарованно говорилъ:

— Опять не такая... Уши торчатъ, какъ у татарина...

— Не мы вамъ уши дѣлали. Наша только шапка, а уши у васъ собственныя.

— У Петрова вотъ этакая: блинъ назадъ ложится, а у этой—торчитъ...

— Ляжетъ, молодой человѣкъ, обомнется и ляжетъ.

— Ничего не ляжетъ...

А потомъ мука съ брюками: мама хочетъ пошире да подлиннѣе, а я—покрасивѣе.

— Мѣшки, а не брюки!

— Выростешь, узки будутъ.

— И длинны!

— Подвернешь.

— Что я, баба, что ли?

Уже начали запирать лавки, когда наши муки кончились. Добился того, что все было по моему вкусу. Вышагивалъ бравымъ молодцомъ; сапоги блестѣли и поскрипывали, брючки въ аккуратъ, фуражка на бекрень...

— Не махай руками! Держись прямо.

Я иду по-военному. Разъ-два! Разъ-два! Правой! Правой!

Когда пришли домой, братишка съ завистью осмотрѣлъ меня съ головы до ногъ, а папа произнесъ:

— Ну-ка, повернись!

Я сдѣлалъ по-военному оборотъ на мѣстѣ и отдалъ честь подъ козырекъ.

— Вотъ теперь настоящій женихъ!

— А безъ тебя въ садъ звали... И меня!—подзадоривая, сказалъ обиженный чѣмъ-то братишка.

— Куда тебя: тамъ маленькихъ нѣтъ...

— А вотъ и пойду... Меня звала сама княжна. Приходите, говоритъ, и вы...

— Играть можешь въ старомъ,—сказала мама.—Я не позволю лазить по заборамъ въ новомъ. Живо обдерешь.

— А въ старомъ я не пойду.

— Какъ хочешь...

— Ну, разрѣши только сегодня!.. одинъ разъ! Я буду осторожно.

— Нельзя.

— Онъ хотѣлъ передъ княжной пофорсить...

— Не твое дѣло, дуракъ. Молокососъ! Сдалъ всѣ экзамены, а они—ходи въ старомъ! Больно нужно... Если бы зналъ... Я вовсе не черезъ заборъ, а улицей...

— Ну, такъ и быть: сегодня можешь походить, но если издерешь, отцу скажу.

— Не издеру.

— Къ невѣстѣ!.. Я тоже пойду. Меня она звала.

— Нечего тебѣ дѣлать. Малъ еще,—сказала мать и этимъ окончательно разозлила брата.

Я посмотрѣлся въ зеркало, молодцоватѣе поправилъ фуражку, вытянулъ изъ-подъ кушака курточку книзу и отправился къ княжнѣ въ садъ, гдѣ весело постукивали шары и молотки играющихъ въ крокетъ. Меня встрѣтили восторженно:

— Графъ! Графъ пришелъ!

— Съ нами!

— Нѣтъ, съ нами! Они сильнѣе...

— Графъ, я хочу въ одной съ вами партіи!—сказала княжна, и я сдѣлалъ ей подъ козырекъ и примкнулъ на ея сторону. Нина потихоньку поглядывала на меня и такъ ласково улыбалась, что я чувствовалъ себя полнымъ побѣдителемъ. Въ спорахъ стояла всегда на моей сторонѣ и иногда даже замѣтно кривила душой... Впрочемъ, всѣ дѣвочки относились ко мнѣ очень внимательно, и я не успѣвалъ отвѣчать: со всѣхъ сторонъ звали.

— Графъ! Графъ!

— И вовсе онъ не графъ!.. Навралъ, что графъ, а вы, дураки, повѣрили!..

Что такое?.. Откуда голосъ брата? О, ужасъ, на заборѣ сидѣлъ братишка, хохоталъ и изобличалъ меня въ обманѣ, а остальныхъ укорялъ въ глупости.

— Убирайся вонъ!.. Я папѣ скажу, что ты—невѣжа... нахалъ!..

— А я скажу, что ты себя графомъ называешь!.. Мы вовсе не графы, а простые, незнатные... чиновники...

— Слѣзай, говорятъ тебѣ!..

Игра оборвалась. Всѣ слушали обличенія съ забора и смущенно улыбались. А я готовъ былъ провалиться сквозь землю, только бы не слышать выкриковъ и насмѣшекъ съ забора.

— Княжна! Онъ вовсе не графъ... Онъ обманулъ, чтобы выйти за васъ замужъ!

Это ужъ было выше моихъ силъ. Подъ предлогомъ остановить озорника я, ни съ кѣмъ не прощаясь, пошелъ быстрымъ дѣловымъ шагомъ изъ сада, бормоча:

— Вотъ, я сейчасъ скажу папѣ, какой ты невѣжа и нахалъ!..

Я ушелъ, а братъ еще остался на заборѣ и продолжалъ свои изобличенія. Пошелъ я сперва въ нашъ садъ и со злобой стащилъ за ногу брата съ забора. Потомъ далъ ему трепку. Онъ съ ревомъ пошелъ жаловаться, а я, подавленный, униженный открытымъ обманомъ, прислонился къ забору и сталъ, затаивъ дыханіе, прислушиваться къ тому, что дѣлается за заборомъ... Тамъ спорили о томъ, графъ я или не графъ. Княжна настаивала на томъ, что я графъ...

— Графъ, графъ, графъ!.. Я знаю...

И эта настойчивость княжны была такъ невыносима для меня, что я пригибался къ землѣ, словно отъ ударовъ, и готовъ былъ уползть на четверенькахъ изъ сада, лишь бы чѣмъ-нибудь не раскрыть своего присутствія за заборомъ. Я сталъ бокомъ пробираться вдоль забора, зацѣпился за гвоздь и изорвалъ новые брюки. Съ позоромъ, потихоньку, я пробрался къ себѣ наверхъ и заперъ дверь на ключъ. Притаился. Снизу доносится ревъ брата...

— У, рева!.. Болванъ проклятый!.. Какое тебѣ дѣло?..

Ну, кто-то идетъ наверхъ! По шагамъ узнаю отца. Полный упадокъ силъ...

— Эй, ты, графъ! Отопри!

— Зачѣмъ тебѣ? Я занимаюсь...

— Отопри!

А отпереть я не могъ, ибо сидѣлъ и зашивалъ прорванные брюки. Что дѣлать? Положеніе было ужасное и совершенно безвыходное. Я сталъ было надѣвать брюки, но голосъ отца, требующаго немедленно отпереть дверь, былъ такъ грозенъ, что пришлось на одной ногѣ подскакать къ двери и отпереть.

— Что ты тутъ дѣлаешь, женихъ?.. Изорвалъ?! Новые?

— Маленькая дырка... Это ничего...

Слава Богу: бѣжитъ мама... Иначе не миновать бы подзатыльниковъ.

— Въ чемъ дѣло? Какой тамъ графъ?.. Ничего не понимаю...

Папа началъ говорить съ мамой, поссорился, забылъ про меня, и подъ эту ссору я незамѣтно скрылся изъ своей комнаты... А потомъ, когда гнѣвъ родительскій изсякъ нормальнымъ путемъ, я появился въ комнатахъ, и дѣло ограничилось лишеніемъ меня нѣкоторыхъ правъ: а именно—ношенія до осени новаго платья и возвращеніемъ меня въ первобытное состояніе...

— Графъ... Походишь и въ стоптанныхъ...

Но теперь это было уже для меня неважно: я больше никогда не пойду въ садъ, гдѣ меня ждутъ позоръ и презрѣніе...

И дома, среди родныхъ, я чувствовалъ себя очень скверно: отецъ называлъ меня заштатнымъ женихомъ или самозванцемъ, братья и сестры—графомъ, а мама—ловеласомъ. За обѣдомъ и чаемъ подтрунивали:

— Кушайте, ваше сіятельство!

— Онъ, папа, Хлестаковъ...

— А ты—дуракъ!..

И я уходилъ наверхъ, въ свою комнату и тамъ отсиживался. Въ распахнутое окно доносился изъ сада смѣхъ дѣвочекъ и звонкій стукъ шаровъ—тамъ попрежнему играли въ крокетъ. Иногда, среди шума голосовъ, я ловилъ серебристый смѣхъ и вскрики княжны Нины...

— Хохочетъ!.. Кокетничаетъ съ собаченкой... Очень нужно!.. Не заплачу.

Такъ утѣшалъ я себя въ несчастіи, но звонкій голосокъ Нины тоской наполнялъ мою душу и передъ моими глазами вставалъ свѣтлый призракъ красавицы съ синими глазами и треплющимися по плечамъ льняными гирляндами золотящихся подъ солнцемъ волосъ. Ахъ, какъ мнѣ хотѣлось бы очутиться вдругъ среди дѣвочекъ за высокимъ заборомъ и стоять съ молоткомъ въ рукѣ около одной изъ нихъ, которая... Нѣтъ, этого никогда не можетъ случиться!..

Теперь я съ ужасомъ думалъ о томъ: а вдругъ мы съ ней гдѣ-нибудь встрѣтимся и она съ хохотомъ назоветъ меня вашимъ сіятельствомъ? При одной мысли объ этомъ я краснѣлъ до ушей и торопливо закрывалъ окно, чтобы не слышать смѣха въ сосѣднемъ саду. Когда надо было сходить куда-нибудь по родительскимъ порученіямъ, я далеко обходилъ большой каменный домъ, въ которомъ жила княжна Нина. И все-таки однажды встрѣтился: она ѣхала въ коляскѣ съ матерью; я кротко и

вѣжливо снялъ фуражку, но мнѣ не отвѣтили. Можетъ быть, не замѣтили, а можетъ быть... не желали замѣтить...

— Ужасная кокетка!.. Слава Богу, что не женился!..

II.

Безпорядки.

Съ трепетнымъ волненіемъ подъѣзжалъ я на пароходѣ къ пристани маленькаго уѣзднаго города, въ которомъ нѣкогда я жилъ молодымъ человѣкомъ. Теплый и тихій, задумчивый лѣтній вечеръ обнималъ лѣниво катящую воды Волгу, прибрежныя горы и синеватую даль далекихъ заволжскихъ лѣсовъ; кроткой усталостью и невысказанной грустью вѣяло мнѣ въ душу отъ этого вечера, отъ сонной глади рѣки, отъ бросавшихъ на нее тѣни высокихъ, поросшихъ лѣсомъ горъ, отъ уходящаго за нихъ солнышка, отъ одинокихъ рыбацкихъ лодочекъ, отъ бѣлыхъ чаекъ и далекихъ свистковъ... Начались уже знакомыя мѣста, гдѣ я когда-то бродилъ съ удочками, жегъ костры, ловилъ раковъ. Вонъ тамъ, на каменистомъ откосѣ берега, гдѣ я любилъ ловить рыбу, сидитъ человѣкъ и тоже ловитъ рыбу. Странно... Прошло больше двадцати лѣтъ, а на этомъ мѣстѣ все такъ же ловятъ рыбу. Посмотрѣлъ въ бинокль: молодой. Когда я былъ такимъ, его не было еще на свѣтѣ, а, можетъ быть, онъ только что родился. Странно... Сидитъ на моемъ мѣстѣ и ловитъ рыбу. И вдругъ мнѣ сдѣлалось такъ грустно, что захотѣлось заплакать. Я вспомнилъ, что у меня—сѣдые волосы, морщины, что меня уже не приводитъ въ волненіе трепетаніе поплавка, когда я ловлю рыбу, что я не полѣзу въ воду вытаскивать зацѣпившуюся удочку, какъ это дѣлаетъ сейчасъ онъ,—и заныло сердце отъ невозвратимыхъ потерь жизни... Я ждалъ радости, а меня встрѣтила печаль. А когда, на заворотѣ, съ высокаго берега Волги выглянули два купола знакомыхъ церквей и горсточка домиковъ съ зелеными и сѣрыми крышами,—на моихъ глазахъ навернулись слезы... Съ тѣхъ поръ городокъ дважды выгоралъ почти до основанія. Уцѣлѣлъ ли тотъ домъ, въ которомъ мы жили? Мнѣ бы такъ хотѣлось посмотрѣть на этотъ домъ съ зеленымъ палисадникомъ, въ которомъ нѣкогда мы жили съ отцомъ и матерью. Нѣтъ отца, нѣтъ матери, нѣтъ одного изъ братьевъ... Какъ живые, встали покойники предъ

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки
16954

глазами воспоминаній, и не хотѣлось вѣрить, что ихъ больше нѣтъ въ этомъ городѣ. Казалось, что вотъ я сойду съ парохода, перейду тропой черезъ оврагъ—какъ ходилъ тогда для сокращенія пути,—взберусь на горку и, пройдя нѣсколько домовъ, увижу нашъ палисадникъ...

— Мама! Папа!

И на крыльцо выбѣгутъ съ радостными лицами мать, отецъ, братишки, сестра...

— Пріѣхалъ?!

— Пріѣхалъ...

Загудѣлъ протяжный свистокъ, пароходъ сдѣлалъ крутой поворотъ и сталъ медленно подползать къ пристани. Пристань полна народомъ. Жадно всматриваюсь въ лица, нѣтъ ли тамъ, среди нихъ, кого-нибудь изъ знакомыхъ. Нѣтъ. Ни одного. Странно. Куда же всѣ они дѣвались? Вонъ эта дама съ зонтикомъ напоминаетъ... Да нѣтъ, это не она! Той въ то время было лѣтъ двадцать пять, стало быть, теперь ей должно бы быть около пятидесяти, а этой не болѣе тридцати. Стало быть въ мое время... Эхъ, да, въ мое время ей было лѣтъ пять-шесть и потому мы не можемъ знать другъ-друга. Нѣсколько молоденькихъ барышенъ... Онѣ при мнѣ еще не родились.

— Прикажете снести вещи?..

— Ахъ, да, да!.. Несите.

Никто не встрѣчаетъ. Никому нѣтъ дѣла, что у меня тревожно стучитъ сердце, не съ кѣмъ поцѣловаться и некому спросить: «пріѣхалъ?» Смотрятъ враждебно, недовѣрчиво, съ подозрительнымъ любопытствомъ:

— Это еще что за субъектъ!.. Къ кому онъ?

Къ кому—я? Не знаю. Теперь не къ кому. Къ тебѣ, бѣдный, захудалый городокъ, который видѣлъ меня молодымъ. Быть можетъ, мы узнаемъ еще другъ друга.

Не пойду я тропой, черезъ оврагъ. Теперь мнѣ некуда торопиться и никто не ждетъ меня съ такимъ радостнымъ безпокойствомъ, какъ это было когда-то...

— Извозщика надо...

— Нѣтъ. У насъ всего два извощика. На одномъ сейчасъ уѣхалъ исправникъ, а другой что-то не выѣхалъ. Можно донести. Вамъ куда?

— Мнѣ... Ммм... Номера у васъ есть?

— Какъ же-съ! Даже очень приличные. Номера Климова.

— Климова! Развѣ онъ еще... живъ?

— Онъ-то померъ, а только номера-то по-старому у насъ называютъ.

— Сынъ, что ли держитъ?

— Нѣтъ, держитъ Ивановъ, а только прозвище старое у нихъ осталось. Сынъ тоже померъ.

Я шелъ за мужикомъ и думалъ. Полно, да живъ ли и ты, самъ-то? Не осталась ли и отъ тебя только одна кличка?

— А вы сами-то откуда будете?

— Я-то?.. Я пріѣзжій... Изъ Петербурга.

— То-то видимость-то у васъ неподходящая. Что же, по торговымъ дѣламъ?

— Нѣтъ.

— То-то и говорю. У насъ одна торговля—мукой, а къ этому дѣлу вы не подходите. На службу, что ли?

— Нѣтъ, просто заѣхалъ посмотрѣть. Жилъ здѣсь когда-то и потянуло...

— Не узнаешь. Послѣ пожара мало чего осталось отъ прежняго-то...

Мы шли по улицѣ и я жадно искалъ знакомыхъ чертъ. Обновилась улица. Дома новые и смотрятъ на меня неласково. Какая это улица?

— Симбирская.

— Симбирская!.. Неужели?

— Она.

На Симбирской улицѣ былъ домъ протопопа, а къ протопопу пріѣзжала гостить родственница, молодая дѣвушка, которую звали Сашенькой. Промелькнулъ маленькій, такой коротенькій романъ. Поѣздка шумной компаніей на мельницу, съ удочками, самоваромъ, ватрушками... Рѣчка съ бурливымъ теченіемъ по каменистому руслу, вся въ кустахъ, говорливая, звонкая, въ которой водились форели. Ахъ, красива была Сашенька въ красненькомъ платочкѣ на золотистой головкѣ, съ удилищемъ въ рукѣ, съ выглядывающей изъ травы ножкой! Мы сидѣли, смотрѣли на поплавки и ждали, пока намъ не станутъ кричать:

— Самоваръ готовъ!

Долго не могъ закипѣть тогда самоваръ: его разжигали еловыми шишками. Мы съ Сашенькой закипѣли гораздо раньше. Она брезговала червяками, и я ихъ насаживалъ ей на удочку. Боже мой, какая она хорошенькая, эта Сашенька!..

— Опять склевала... Насадите новаго!

— Съ большимъ удовольствіемъ.

Подошелъ, стою позади и насаживаю червяка. А онъ, негодяй, упрямится: вертится. Оглянулась Сашенька, подняла снизу вверхъ свои глазки:

*

— Скорѣй!..

— Не хочетъ, каналья, на крючекъ...

Подсѣлъ къ дѣвушкѣ. Искоса смотрю на ея лицо и думаю:

— А что, если я ее поцѣлую?..

Встрѣтились глазами. Должно быть, она угадала мою преступную мысль: покраснѣла. Я тоже. Потомъ я кончилъ съ червякомъ, но не шелъ къ своей удочкѣ. Сидѣлъ совсѣмъ близко къ Сашенькѣ и дышалъ ей на шею.

— Идите же. У васъ клюетъ.

— Не пойду... Не могу...

— Почему?

— Нѣтъ силъ уйти отъ васъ...

Молчитъ. Потупилась и молчитъ. Не гонитъ.

— Александра Викторовна!

— Ну!

— Догадайтесь, о чемъ я думаю...

— Я не волшебница. Кто васъ знаетъ!

— Вы разсердились бы, если узнали, о чемъ я сейчасъ думаю...

— Думать никто не заказываетъ...

— Знаете, о чемъ я думаю?..

— Нѣтъ. Ну о чемъ?

— Вы разсердитесь...

— Попробуйте!..

— Вы ...когда-нибудь любили?..

— Н... не знаю.

— А сейчасъ?..

— Тоже.

Покраснѣла, какъ піонъ.

— А я...

— Ну!

— Я люблю...

— Кого?

— Догадайтесь!

— Не знаю...

А сама еще больше покраснѣла и ниже опустила голову. Я прилегъ на травку, совсѣмъ близко къ Сашенькѣ. Не отодвинулась. Грызу сорванную травку, а самъ мучаюсь непреодолимымъ желаніемъ поцѣловать Сашеньку.

Вздохнулъ.

— О чемъ это?

— Догадайтесь сами...

Опять вспыхнула. Будь что будетъ... Всталъ, наклонился и поцѣловалъ Сашеньку. Закрыла личико обѣими руками и молчитъ. Я поцѣловалъ еще разъ и тихо спросилъ:

— Да или нѣтъ?..

— Да!—чуть слышно прошептала Сашенька.

— Открой лицо!.. Посмотри на меня!..

— Нѣтъ.

Сидитъ въ прежней позѣ и не двигается... Я подсѣлъ и положилъ голову ей на колѣни. Тихо опустилась ея рука на мои волосы и ласково погладила ихъ...

— Самоваръ ски-пѣ-ѣ-ѣлъ!

Сашенька словно пробудилась. Моментально вскочила и побѣжала къ мельницѣ. Тамъ мы снова встрѣтились, пили чай, но не смотрѣли другъ на друга. Оба боялись посмотрѣть. Только вернувшись въ городъ поздно ночью, прощаясь у воротъ протопопова дома, гдѣ спустили съ дрогъ Сашеньку,—я взглянулъ ей въ лицо. Оно было смущенное, безпокойное. А когда она подала мнѣ руку, то рука дрожала и чуть слышно отвѣтила на мое пожатіе. Потомъ я каждый день ходилъ мимо протопопова дома, тщетно ожидая увидѣть Сашеньку. Съ каждымъ днемъ я любилъ ее сильнѣе, а она какъ въ воду канула. Вскорѣ я узналъ, что Сашенька на другой же день уѣхала въ Симбирскъ: пришла телеграмма, что у ней умеръ отецъ...

Никогда я больше не встрѣчалъ Сашеньки. Гдѣ она? Быть можетъ, она вышла замужъ за попа и теперь уже протопопиха... Вѣдь теперь ей тоже больше сорока лѣтъ...

— А что, живъ протопопъ, о. Николай?

— Померъ.

— А домъ его?..

— Сгорѣлъ. Вотъ здѣсь онъ былъ. Вонъ, гдѣ монополія-то...

Домъ новый, а ворота старыя, каменныя. Смотрю на ворота и чудится, что вотъ сейчасъ изъ этихъ воротъ выйдетъ молоденькая хорошенькая Сашенька въ красномъ платочкѣ, какъ тогда на мельницѣ, и, покраснѣвъ, скажетъ:

— Помните, какъ мы ловили форель на мельницѣ!

Вышелъ изъ монополіи мужикъ и, остановившись въ воротахъ, сталъ сбивать о каменный столбъ сургучъ съ горлышка бутылки.

— Что дѣлаешь?.. Нѣтъ тебѣ мѣста...

— А тебѣ-то что?

Да. Не станешь объяснять мужику, что въ этихъ воротахъ стояла двадцать лѣтъ тому назадъ Сашенька. Да и что ему эта Сашенька и моя сентиментальность?

А соборъ все такой же. Кругомъ березы, развѣсистыя, огромныя, съ гнѣздами грачей, наполняющихъ весь городокъ своимъ раздражающимъ разговоромъ. Базарныя торговки. Не даютъ подумать и устояться взволнованной душѣ. Вотъ ударилъ соборный колоколъ ко всенощной. Завтра—воскресенье. Все тотъ же колоколъ. Гудитъ, и зоветъ, и пробуждаетъ въ душѣ грусть о томъ, что прошло и не вернется, напоминаетъ о краткости человѣческой жизни и всего, что — дѣло рукъ человѣческихъ... Вспомнилось, какъ ходилъ въ соборъ, чтобы посмотрѣть на Сашеньку... Такъ же гудѣлъ тогда колоколъ, но не было видно конца жизни, и звонъ его говорилъ совсѣмъ о другомъ.

— Вотъ и дошли...

Одинъ въ номерѣ. Тихо, пусто и мертво. Стукаютъ лѣнивые часы въ темномъ корридорѣ. Убѣгаютъ все дальше тѣ дни, когда поцѣловалъ Сашеньку на мельницѣ. Не остановишь. Изъ окна видна каланча полиціи. Все та же, даже и выкрашена такъ же, въ желтое. Должно быть, не сгорѣла. Несгораемая.

— Войдите!

— Можно получить вашъ видъ на жительство?

— Ахъ, на жительство!.. Извольте. Безсрочная паспортная книжка. Могу жить вѣчно. Безъ срока.

— У насъ нынче строго.

— И у васъ строго?

— Да. Посля леворюціи безъ паспорта не велятъ держать.

— А развѣ и у васъ была революція?

«Человѣкъ» ухмыльнулся и, обидѣвшись, сказалъ:

— А то какъ же-съ!.. Настоящая, все какъ слѣдуетъ...

— То есть какъ это «какъ слѣдуетъ»?

— Т. е. абнакнавенно... Полицейскаго надзирателя убили, съ краснымъ флагомъ ходили, казаки были...

Разсказываетъ съ гордостью. Жестикулируетъ.

— Казаки были и... васъ били?

— Били. Здорово били!

И тоже съ гордостью. Съ удовольствіемъ.

— Ну, а теперь?

— Теперь тихо. Исправникъ у насъ теперь строгій. Хорошій исправникъ.

— А прежній?

— А его подъ судъ отдали.

— За что?

— За краснымъ флагомъ ходилъ...

Ничего не разберешь. Махнулъ рукой. «Человѣкъ» вышелъ.

Я посидѣлъ у окна и отправился по городу. Вотъ и мостъ черезъ оврагъ съ крапивой, на днѣ котораго вьется зеленый ручей, называемый рѣчкой «Брыской». Тамъ, на горѣ за оврагомъ, долженъ быть нашъ домикъ съ палисадникомъ. Страшно идти и даже смотрѣть. Уже сейчасъ сжимается сердце. Остановился на мосту, не могу дышать. Смотрю въ оврагъ черезъ перила моста: тамъ братишка сражался съ крапивой, поражая ее деревянной саблей. Всталъ въ памяти худой, порывистый мальчикъ съ смѣющимися глазами...

— Модя! Что ты тамъ дѣлаешь?

— Сражаюсь...

— Иди обѣдать!..

— Нельзя: непріятель наступаетъ!..

Словно это было вчера. Гдѣ теперь этотъ мальчикъ? Неужели это его, Модю, убили подъ Вафангоу, того самаго мальчика, который сражался здѣсь, въ оврагѣ, съ крапивой!.. Невѣроятно. Вздохнулъ и, опустивъ голову, побрелъ дальше. Взобрался на гору. Слава Богу, все осталось. Ни пожаръ, ни революція не тронули этого мѣста, такъ дорогого мнѣ по воспоминаніямъ. Вонъ онъ, палисадникъ! Ой, какъ разрослась сирень: не видно оконъ. Кто-то играетъ тамъ на рояли. Остановился на противоположной сторонѣ и слушаю. Старый разстроенный рояль. Такъ же было и у насъ. Словно я опять молодой человѣкъ, словно это мать играетъ на рояли, а я мечтаю о Сашенькѣ, которую вчера поцѣловалъ на мельницѣ. Что тамъ играютъ?.. Господи, да играютъ что-то знакомое, старое, отъ чего тоже вѣетъ тѣми днями! Что это такое? Ахъ, да это «Молитва дѣвы»!.. Да, да... Закрылъ глаза, слушалъ, и исчезли тѣ двадцать лѣтъ, которыя отдѣляли меня отъ юности. Опять я студентъ, пріѣхалъ на каникулы. Всѣ живы и въ сборѣ. Только что напились въ палисадникѣ чаю съ вареньемъ; отецъ сидитъ съ папиросой около остывшаго самовара и читаетъ газету, а мама играетъ на рояли. Пришелъ мой соперникъ, студентъ духовной академіи Богоявленскій, влюбленный въ Сашеньку, и зоветъ меня купаться на Волгу. Онъ воображаетъ, что женится на Сашенькѣ, и все собирается сдѣлать предложеніе. Совѣтуется со мной. Все не довѣряетъ своему вкусу. Когда мы купаемся, только и говоримъ о Сашенькѣ. Сниметъ сапогъ, постучитъ по подметкѣ и говоритъ:

— Жениться—не сапоги купить.

— Вѣрно, братъ!

— Ты бы какъ, братъ?.. Какъ она тебѣ?

— Кто?

— Да Сашенька-то!

— Такъ себѣ. Ничего особеннаго.

— А, по моему, красота! Отдай все, и мало. Не знаю, теперь объясниться, или ужъ отложить до окончанія курса. Боюсь, изъ-подъ носа вырвутъ: красива ужъ очень...

Сниметъ другой сапогъ, броситъ его въ сторону и скажетъ:

— Рѣшено: завтра же сдѣлаю предложеніе...

Послѣ чего стремглавъ бросается съ плотовъ въ воду.

И теперь подошелъ звать купаться и поговорить про Сашеньку. Дуракъ, онъ и не подозрѣваетъ, что вчера на мельницѣ Сашенька для него пропала безвозвратно.

— Идемъ, миляга, купаться!

— Предложеніе сдѣлали?

— Нѣтъ еще. Торопиться некуда.

— Напрасно. А вы увѣрены, что она васъ любитъ?

— Она?

Богоявленскій дѣлаетъ удальской жестъ головой, подмигиваетъ и хлопаетъ меня по плечу:

— Хороша Саша и будетъ наша!..

А мнѣ и смѣшно и досадно. И, главное, обидно за Сашеньку. Такъ и хочется сказать ему, что вчера мы цѣловались и Сашенька сказала мнѣ «да».

— Идите! Я не желаю купаться... А относительно Сашеньки жестоко заблуждаетесь. Очень ужъ вы самонадѣянны и... вообще...

— А вы-то что?

— А вотъ увидимъ.

— Чего «увидимъ», когда я ужъ получилъ согласіе.

— Врете! Сашенька—моя невѣста...

— Ого! А вотъ это видѣли?..

— Подите къ чорту!.. Иначе я дамъ вамъ въ физіономію.

— Ого!.. Видѣли мы этакихъ...

Гдѣ этотъ Богоявленскій? Быть можетъ, онъ женился на Сашенькѣ и сдѣлался протопопомъ. Разсказала ли она ему про мельницу?...

Рояль замолчалъ, и я очнулся. Такъ захотѣлось войти внутрь дома и посмотрѣть, какъ тамъ стало. Кто теперь живетъ въ этомъ домѣ, кто играетъ «Молитву дѣвы», какъ тамъ расположены комнаты: столовая, залъ, кабинетъ? Неудобно войти и сказать:

— Разрѣшите посмотрѣть комнаты: я жилъ здѣсь когда-то молодымъ и теперь мучительно хочется посмотрѣть и воскресить свою молодость.

Не рѣшился. Нѣсколько разъ прошелся мимо дома, зашелъ въ проулокъ и посмотрѣлъ чрезъ щели забора въ садъ, гдѣ когда-то ѣлъ съ деревьевъ крѣпкія сочныя анисовыя яблоки, гдѣ мать варила варенье, а пѣнки отдавала маленькимъ братишкамъ на съѣденіе, гдѣ было столько уютныхъ тайныхъ уголковъ въ заросляхъ сирени и малины, въ которыхъ я читалъ хорошія книги и думалъ:

— Родина! Я отдамъ свою жизнь твоему счастію...

Такимъ маленькимъ и ничтожнымъ казался я теперь себѣ. Вотъ и жизнь проходитъ, а ты все еще такой же маленькій и безсильный, какъ былъ въ то, далекое время; нѣтъ, ты еще меньше и безсильнѣе теперь, потому что у тебя нѣтъ прежней вѣры въ свои силы и нѣтъ надежды, что ты когда-нибудь увидишь свою родину счастливой... Вспомнился «человѣкъ» изъ номеровъ, который разсказывалъ про революцію... и тотъ исправникъ, который шелъ за краснымъ флагомъ...

— Бѣдный исправникъ! Ты не зналъ, что все это кончится такъ печально. Я, исправникъ, тоже не думалъ объ этомъ... И вотъ теперь мы съ тобой оба въ опалѣ: ты подъ судомъ, а я опять подъ надзоромъ полиціи...

Съ тоской и вялостью на душѣ и въ тѣлѣ вернулся я въ номера. «Человѣкъ» пришелъ и подалъ самоваръ. Потомъ онъ вышелъ и, затворивъ дверь, сталъ подглядывать и подслушивать...

— Все по старому!.. Только я не тотъ... Я уже не вѣрю въ прокламацію и не пачкаю рукъ въ синихъ гектографскихъ чернилахъ. Напрасно ты, человѣкъ, подозрѣваешь, что съ моимъ пріѣздомъ въ городъ у васъ повторится революція... У васъ теперь очень строгій исправникъ...

... Ну опять таже исторія: рано утромъ приходилъ будочникъ и принесъ повѣстку—явиться сегодня въ полицію.

— Боже мой, какъ надоѣло мнѣ это приглашеніе! Впрочемъ все-таки это лучше, чѣмъ визитъ ко мнѣ. Пойду въ полицію. Посмотрю на строгаго исправника.

Пришелъ въ полицію. Попросили въ кабинетъ помощника исправника. Пошелъ съ протестомъ въ душѣ, съ кислой физіономіей.

— Прошу садиться. Извиняюсь, что побезпокоили васъ. Будьте любезны сообщить, съ какой цѣлью вы прибыли въ нашъ городъ?

— Безцѣльно. Просто взялъ и пріѣхалъ. Развѣ я не имѣю права ѣхать, куда глаза глядятъ?

— Совершенно вѣрно... А когда предполагаете уѣхать?

— Объ этомъ не думалъ еще.

— Извините за любопытство: вы... вы не писатель?

— Писатель. Къ сожалѣнію, писатель...

— Очень пріятно познакомиться.

— Неужели пріятно?

Помощникъ исправника смутился.

— Я самъ когда-то былъ студентомъ. Мы были въ университетѣ въ одно время, только я былъ на третьемъ курсѣ, а вы— на послѣднемъ.

— Вотъ какъ!..

— Да. Неугодно ли папиросочку?.. Я вѣдь тоже былъ уволенъ по безпорядкамъ... Въ одно время съ вами... Можетъ быть, припомните: моя фамилія—Пензенскій!

— Пензенскій?.. Что-то припоминается...

— Да! Вѣдь это я тогда далъ плюху инспектору!

— Вы?

— Да... я! Даю вамъ честное слово!..

— Вы! Не помню...

Помощникъ исправника началъ съ гордостью утверждать, что именно онъ тогда, во время безпорядковъ, далъ плюху инспектору— и совсѣмъ забылъ, что теперь служитъ въ полиціи. Все больше воодушевляясь, онъ сталъ припоминать подробности безпорядковъ, лицо его утратило полицейскій оттѣнокъ, и весь онъ странно преобразился: можно было подумать, что безпорядки въ университетѣ—самое дорогое для него воспоминаніе... Я смотрѣлъ на него съ нескрываемымъ лыбопытствомъ и думалъ: почему же ты попалъ не подъ надзоръ полиціи, а въ полицію? Должно быть, онъ угадалъ мою мысль:

— Вы, пожалуйста, не смотрите, что на мнѣ—полицейскій мундиръ!.. Это такъ... пустяки... видимость...

И снова заговорилъ о безпорядкахъ. Въ кабинетъ заглянула физіономія съ печатью собачьей угодливости на лицѣ. Должно быть, писецъ. Помощникъ исправника поморщился и строго прикрикнулъ:

— Прошу безъ разрѣшенія не лѣзть ко мнѣ. Я занятъ.

Писецъ спрятался...

— Да, батенька, были люди въ наше время...—неожиданно произнесъ помощникъ исправника и сталъ возбужденно ходить по комнатѣ.

— Эхъ, разбередили вы мнѣ сердце... А помните Ульянова? Котораго повѣсили?.. Мы съ нимъ на одномъ курсѣ были...

— А вы мнѣ все-таки скажите, зачѣмъ меня вызвали въ полицію?

— Я это... Вспомнилась молодость, дни студенчества... Захотѣлось посмотрѣть, какой вы изъ себя... Я вѣдь васъ зналъ въ университетѣ и...

— Причина уважительная!..

— Вы обидѣлись?... Ну, простите великодушно!.. Вспомнилъ безпорядки наши и... не удержался: захотѣлось на васъ поглядѣть... Читалъ ваши произведенія...

Онъ вдругъ притихъ и, отвернувшись къ окну, застылъ въ неподвижной позѣ. Я всталъ и кашлянулъ... Онъ быстро повернулся ко мнѣ: лицо его было пасмурно, и виноватая улыбка скользила на губахъ.

— Не смѣю задерживать—кротко сказалъ онъ и вздохнулъ; на одинъ моментъ задумался и протянулъ руку.

— Ну, дай вамъ Богъ!.. Быть можетъ, никогда бы не довелось увидѣть, если бы...

— Не пригласили въ полицію?

Засмѣялся, виновато улыбнулся и сказалъ:

— Наша жизнь коротка, все уноситъ съ собой...

Я вышелъ изъ полиціи и долго не могъ привести въ порядокъ свои мысли. Необъяснимо: полицейскій чиновникъ, приставленный къ прекращенію и искорененію всякаго рода «безпорядковъ», съ умиленіемъ вспоминаетъ о томъ, какъ самъ онъ дѣлалъ безпорядки и хватается за это воспоминаніе, какъ утопающій за соломенку... Не потому ли, что у него, какъ и у меня, сѣдѣетъ голова и что оба мы давно растеряли цвѣты жизни въ долгой дорогѣ жизни? Вѣдь

Наша жизнь коротка,
Все уноситъ съ собой...

III.

Королевна...

Было это давно, въ тѣ годы, когда молодежь мечтала поднять на плечахъ своихъ счастье родины, когда она твердо вѣрила словамъ поэта: «поэтомъ можешь ты не быть, но гражданиномъ быть обязанъ» и потому сотнями гибла въ разныхъ безпорядкахъ и демонстраціяхъ...

Теперь принято думать, что чувство «общественнаго долга»,

во имя котораго молодежь гибла, вырабатывало сухихъ доктринеровъ политической морали, что стремленіе быть «гражданиномъ» убивало въ юношахъ и дѣвушкахъ того времени поэзію юности, что политика загораживала всѣ горизонты души и сердца...

Ахъ, какая это ошибка!.. Вѣдь юность—всегда юность, и когда юноша, сгорая на огнѣ общественнаго долга, говоритъ, что поэтомъ онъ можетъ не быть, но гражданиномъ быть обязанъ,—онъ уже поэтъ и мечтатель, прежде всего поэтъ... и мечтатель.

Развѣ есть мечта шире и красивѣе, чѣмъ мечта сдѣлать человѣчество счастливымъ? Развѣ въ этой мечтѣ не больше поэзіи, чѣмъ политики?.. И развѣ не были правы отцы, когда они называли «блудныхъ дѣтей» своихъ «мечтателями»?..

Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ: никогда среди молодежи не было столько поэтовъ, какъ въ то далекое время, не бумажныхъ поэтовъ, а поэтовъ жизни, не бумагѣ, а жизни отдававшихъ свое вдохновеніе...

Тургеневскія Кукшины уже прошли, а Чеховскіе Львовы еще не народились. Мечта о счастьѣ человѣчества пережила уже Писаревщину и Базаровщину и еще не выродилась въ сухое сектантство съ программами, какъ жить, чувствовать и говорить. Борьба личнаго счастья съ общественнымъ долгомъ рождала героевъ трагедіи, а не комедіи, и, можетъ быть, никогда еще любовь не была такъ красива, какъ въ то время...

Я хочу разсказать вамъ одинъ эпизодъ изъ жизни молодежи того времени, маленькій эпизодъ, въ которомъ такъ ярко вспыхнуло на одно мгновеніе это «трагически-прекрасное» юной души того времени.

Покончивъ съ гимназіей, я пріѣхалъ въ университетскій городъ и сдѣлался студентомъ. Конечно, какъ и большинство молодежи того времени, я горѣлъ жаждой перевернуть весь міръ и, вопреки всякимъ препонамъ, даже вопреки склонностямъ самого человѣчества, осчастливить его... Какъ это сдѣлать, я хорошенько не зналъ; зналъ только, что безъ равенства, братства и свободы обойтись невозможно. А такъ какъ провозвѣстниками этихъ лозунговъ были революціонеры, то конечно, я уже былъ революціонеръ. Очень быстро я попалъ въ одинъ изъ студенческихъ кружковъ, обслуживавшихъ, такъ сказать, революціонную партію, и очень скоро столкнулся съ людьми изъ подполья...

Въ числѣ нашихъ услугъ «политическимъ» было устройство свиданій съ заключенными въ мѣстной тюрьмѣ, доставленіе имъ обѣдовъ, книгъ и т. д. Въ томъ случаѣ, когда у заключенныхъ имѣлись на мѣстѣ мать, сестра или другіе родственники, все это

дѣлалось черезъ нихъ, но когда у сидящаго въ тюрьмѣ никого изъ близкихъ не было, мы поставляли имъ невѣстъ. Среди учащихся дѣвушекъ и просто знакомыхъ мы находили всегда достаточное количество желающихъ помочь въ этомъ дѣлѣ; поэтому недостатка въ невѣстахъ у насъ никогда не было...

Милая, прекрасная Королевна! Ты до сихъ поръ стоишь предъ моимъ взоромъ и до сихъ поръ мучаешь меня загадкой своей нѣжной прозрачной души, такъ недолго погостившей съ нами на землѣ и покинувшей ее въ красотѣ подвига и въ экстазѣ первой дѣвичьей любви...

Мы всѣ называли ее Королевной... За что? Было въ ней что-то трогательно прекрасное и хрупкое, облеченное въ величавую гордость сказочной царевны изъ любимыхъ сказокъ Андерсена. Она ушла изъ богатой семьи, гдѣ жила въ безпечной роскоши, гдѣ не было никакихъ преградъ исполненію капризовъ и прихотей избалованной любимицы, гдѣ она привыкла повелѣвать людьми и жизнью, и пришла къ намъ, чтобы жить жизнью полуголодныхъ мечтателей, ютиться въ мансардѣ, питаться колбасой и чаемъ, не бояться худыхъ башмаковъ и вмѣстѣ съ нами мечтать о великомъ подвигѣ осчастливить человѣчество... И теперь еще, порвавши съ богатыми родителями, она была среди насъ милліонершей: замужняя сестра тайкомъ присылала ей время отъ времени по сто рублей... Сто рублей! О, это въ нашихъ глазахъ были тогда такія деньги, которыя дѣлали товарища Ротшильдомъ.

— Королевна получила сотню.

— Опять?!..

— Да.

И всѣмъ казалось, что это не Королевнѣ, а ему присланы деньги. Все равно: если у тебя нужда, а Королевна получила сотню, съ нуждой покончено, всѣ будутъ обѣдать каждый день, никто не будетъ закладывать пальто, чтобы бѣгать зимой въ одномъ пледѣ, побываетъ въ театрѣ или концертѣ, поѣстъ конфектъ и фруктовъ... Конфекты!.. Это была слабость Королевны, принесенная ею изъ родительскаго дома. Бывало, на послѣдній полтинникъ купитъ конфектъ и сидитъ безъ булки. А башмачки просятъ каши. Странно было видѣть эту красивую дѣвушку, съ изысканными манерами и граціозными позами и жестами, съ капризными нотками въ привыкшемъ повелѣвать голосѣ, съ величавой гордой походкою и привычкою красиво одѣваться, странно было видѣть ее за починкой дырочки на башмачкѣ, или за передѣлкой старой шляпки въ новую, или за штопаніемъ шелковаго чулка, отъ котораго уже осталось одно воспоминаніе. Это было такъ странно и трога-

тельно, что хотѣлось каждому изъ насъ сдѣлаться сейчасъ же башмачникомъ, чулочникомъ, шляпочникомъ... Исколетъ себѣ до крови руки иглою, сердито кричитъ на башмакъ или чулокъ, а на столѣ коробка съ конфектами:

— Не угодно ли?..

Съ привѣтливой улыбкой указываетъ на коробку,—и въ ея жестѣ головкой и глазами столько благороднаго изящества, что опять вспоминается сказочная королевна. Какъ люди демократическихъ принциповъ, мы отрицательно относились къ аристократамъ и ихъ манерамъ и приличіямъ, иногда намѣренно бывали грубыми; но всѣ мы, иронизируя надъ аристократическими замашками Королевны, въ тайнѣ любовались красотой и изяществомъ ея манеръ, позъ и жестовъ, а многіе были безъ ума влюблены въ нее и скрывали это другъ отъ друга... и отъ нея. Она была красивѣе всѣхъ другихъ дѣвушекъ нашего общества и, быть можетъ въ тайнѣ сознавая это, бывала иногда горда съ подругами.

— Королевна! Имѣйте въ виду, что вы не имѣете подданныхъ!—кололи ее иногда дѣвушки, замѣчая слабость повелѣвать.

— Развѣ?.. Неужели никто, господа, не подастъ мнѣ шубки?..

И мы, забывъ всѣ принципы, старались опередить другъ друга въ «лакейскихъ обязанностяхъ», а она торжествовала:

— Объявляю всѣмъ моимъ подданнымъ, что завтра у меня будутъ конфекты.

Такъ вотъ однажды, когда намъ понадобилась для тюрьмы невѣста, а весь наличный составъ уже обневѣстился, мы предложили это мѣсто Королевнѣ.

— Но... у меня худые башмаки!..—съ печалью и досадой сказала Королевна.

— Наплевать!—сказалъ кто-то.

— Нѣтъ... Я не пойду къ жениху въ такомъ видѣ...

— Глупо, Королевна!.. Помните, что здѣсь вы исполняете долгъ, а не...

— А не выхожу замужъ?..

— На коробку конфектъ для жениха вамъ будетъ выдано изъ общественной кассы.

— Нельзя ли и на башмаки? Я отдамъ.

— На это не имѣемъ уполномочій.

Начались споры, которые были прерваны въ самомъ разгарѣ неожиданной вѣстью:

— Королевнѣ повѣстка на сто рублей!..

— Жертвую вамъ въ кассу на башмаки для невѣстъ по-

ловину...—съ радостнымъ смѣхомъ объявила Королевна и начала танцовать вальсъ... Ахъ, какъ она танцовала! Можно было подумать, что она не подчинена законамъ тяжести и движенія: летаетъ по комнатѣ, кружится, едва касаясь пола, и все кажется, что вотъ-вотъ она поднимется на воздухъ и поплыветъ, продолжая ритмъ своихъ изящныхъ движеній. И опять мы, относившіеся къ танцамъ отрицательно, засматривались на танцующую Королевну и начинали думать:

— Ахъ, если бы я умѣлъ танцовать!..

— Но кто онъ, кто мой женихъ?—неожиданно спросила Королевна, оборвавъ танецъ.

— Комитетскій.

— О-о! Значитъ, настоящій революціонеръ... Не такой, какъ всѣ вы?

На другой день Королевна пропала съ утра и явилась къ намъ неузнаваемой: въ свѣтломъ платьѣ, въ новой шляпѣ, въ перчаткахъ, съ цвѣтами, восторженная и волнующаяся, словно она и въ самомъ дѣлѣ была невѣстой и горѣла радостнымъ ожиданіемъ свиданія съ любимымъ человѣкомъ.

— Ну, я готова...

Однако ей пришлось разочароваться: прежде чѣмъ ѣхать на свиданіе съ женихомъ, пришлось поѣхать на свиданіе съ жандармскимъ полковникомъ. Такъ какъ недавно еще былъ такой случай, что явившаяся на свиданіе одна изъ нашихъ невѣстъ, войдя въ контору тюрьмы, не знала, который изъ двухъ студентовъ ея женихъ, и вернулась обратно съ конфектами, навсегда лишенная права ходить на свиданія съ заключенными, то во избѣжаніе такого недоразумѣнія Королевнѣ показали портретъ ея жениха...

— Этотъ?... Какой онъ... красивый!..—вырвалось у Королевны, и она вспыхнула яркимъ румянцемъ.

Нареченный былъ дѣйствительно красивъ той особенной красотой одухотворенности, которая невольно приковываетъ глаза встрѣчныхъ людей и заставляетъ ихъ думать:

— Какое хорошее лицо... Кто онъ?

— Королевна покраснѣла, господа...

— Почему вы покраснѣли?

— Не знаю...

Начали острить надъ Королевной и чуть не довели ее до слезъ.

— Не поѣду... Пусть другая!..

Но другой на этотъ разъ не было, да трудно было и оты-

скать другую, которая бы больше подходила къ роли невѣсты, что̀ теперь, послѣ недавней исторіи съ невѣстой, которая не узнала своего жениха, было особенно необходимо. Королевна раскапризничалась, съѣла сама почти всю коробку конфектъ, предназначенныхъ въ подарокъ жениху, и, глотая слезы вмѣстѣ съ шеколадомъ, гордо повторяла:

— Пусть другая!..

Большого труда стоило переломить упрямство Королевны. Убѣждали въ нѣсколько голосовъ и страшно обрадовались, когда она, наконецъ, спросила:

— Какъ его зовутъ?

— Николай.

— По отчеству?

— А чортъ его знаетъ...

— Не надо отчества... Называйте Колей: женихъ вѣдь!..

Это развеселило Королевну и вернуло ей прежнее жизнерадостное настроеніе.

— Коля!.. Отлично. Я буду называть его Колей... А онъ — меня? Вѣдь онъ не знаетъ, кто къ нему придетъ?

— Въ первую голову скажите ему: «Вотъ и я, твоя Вѣра!»...

— Ахъ, какъ это забавно!.. Ну, ладно ужъ... Ѣду къ жандармскому папашѣ просить благословенія...

И Королевна, взявъ хорошаго извозчика на резинахъ, гордо помчалась, провожаемая восхищенными взорами всей компаніи, наблюдавшей за нею изъ оконъ.

Кто-то изъ насъ вздохнулъ, отходя отъ окна. Въ комнатѣ какъ-то разомъ стихло и потускнѣло, словно вмѣстѣ съ Королевной ушелъ смѣхъ и ушла наша шумная радость.

— Поѣхала...

— Да...

Всѣмъ хотѣлось поговорить о Королевнѣ, у всѣхъ она была въ головѣ и въ сердцѣ, да что-то мѣшало намъ. Должно быть, всѣ мы были тайными соперниками, чувствовали это и потому предпочитали не говорить. А Королевна была со всѣми одинаково любезна и никому не отдавала предпочтенія. Она жадно прислушивалась къ нашимъ серьезнымъ разговорамъ, внимательно слушала чтеніе только что добытой нелегальной книги или брошюрки, и глаза ея, сѣрые, начинали темнѣть и казаться черными, когда мы узнавали о страданіяхъ политическихъ въ каторжныхъ тюрьмахъ, или объ удачномъ побѣгѣ арестованнаго, или о смерти неизвѣстнаго намъ товарища, покончившаго жизнь въ тюрьмѣ какимъ-нибудь ужаснымъ способомъ...

Пропадала у ней тогда веселость и долго она молчала, усѣвшись гдѣ-нибудь въ полутемномъ уголкѣ, и казалась одинокой, живущей своими думами, которыми ни съ кѣмъ не хотѣла дѣлиться... Мы негодовали въ шумныхъ восклицаніяхъ, не скупились на ругательства для враговъ, а она сидѣла въ отдаленіи съ опущенной головою и не двигалась...

Только одинъ разъ она пріоткрыла мнѣ свою душу. Поздно ночью я провожалъ ее послѣ такого чтенія до дому. Она была молчалива и долго не проявляла желанія поддерживать разговоръ, которымъ я хотѣлъ занять свою даму, опиравшуюся на мою руку. И вдругъ, послѣ продолжительнаго обоюднаго молчанія, она вздрогнула, пріостановилась на одно мгновеніе и спросила:

— Когда же мы... когда мы кончимъ разговоры и начнемъ?..

— Что?

— Вѣдь надо же когда-нибудь перейти отъ словъ къ дѣлу!..

— Всякій дѣлаетъ, какъ и что онъ можетъ и на что... пригоденъ.

— Ахъ, вотъ какъ!.. А какъ узнать, на что человѣкъ пригоденъ?

Я не сразу отвѣтилъ и, пока соображалъ, Королевна спросила:

— Развѣ не всякій годенъ на то, чтобы отдать жизнь?.. Какъ вы думаете, пригодна я на пушечное мясо?..

— Ахъ, Королевна, какъ странно вы говорите!..

— Я только о себѣ, только о себѣ!.. Я знаю, что гибнутъ лучшіе, но...

Спуталась, растерянно засмѣялась и сказала:

— Простите... Не надо объ этомъ говорить... Я такъ... по глупости...

Въ этотъ вечеръ мы только что ознакомились съ двумя враждующими мнѣніями въ революціонномъ лагерѣ: одни требовали отъ революціоннаго дѣятеля основательной научной и моральной подготовки, поэтому совѣтовали молодежи усиленно заниматься саморазвитіемъ, а другіе говорили, что самоусовершенствованіе не имѣетъ предѣловъ и потому всю жизнь можно проучиться и не почувствовать, что ты достаточно подготовленъ къ вступленію въ партійную дѣятельность. Для Королевны это разногласіе сразу сдѣлалось «проклятымъ вопросомъ»: она кончила институтъ благородныхъ дѣвицъ, прекрасно знала языки, читала въ подлинникахъ классиковъ нѣмецкой и французской литературы, но по части общественныхъ наукъ и родной исторіи и литературы была очень слабовата. Она не могла понять, почему царь не можетъ надѣлать столько бумажныхъ денегъ, чтобы

хватало ихъ на всѣхъ бѣдныхъ; русская литература кончалась у ней Гоголемъ, а исторія состояла изъ однихъ войнъ и подвиговъ императоровъ. Очень часто, слушая наши дебаты послѣ рефератовъ по экономическимъ и политическимъ вопросамъ, Королевна приходила въ уныніе, почти въ отчаяніе:

— Ничего я не знаю и ничего не понимаю!..

И теперь, когда она узнала, что по части научной подготовки существуетъ разногласіе, душа ея потеряла равновѣсіе: отчаяніе боролось съ надеждой и никто изъ нихъ не могъ побѣдить...

Однажды она пришла ко мнѣ и сказала:

— Я рѣшила заняться политической экономіей и пришла просить васъ помочь.

— Съ радостью!

— Давайте читать вмѣстѣ... Только вдвоемъ, иначе я не могу... Вы не будете смѣяться надъ моимъ невѣжествомъ?..

— Что вы, Королевна!..

— Я рѣшила, что я безграмотна. Нельзя требовать, чтобы мы всѣ были учеными, но грамотными надо быть всѣмъ... Начну съ политической экономіи.

— Отлично...

Я былъ на седьмомъ небѣ: заниматься съ Королевной политической экономіей—да вѣдь это... блаженство!

Начались занятія. Съ обѣихъ сторонъ удивительное усердіе и добросовѣстность. Королевна смотритъ на меня съ такой благодарностью и уваженіемъ, что я начинаю чувствовать себя настоящимъ учителемъ жизни.

— Оставьте, Королевна, конфекты!.

— Только одну... Простите... Слушаю.

Кончится урокъ, Королевна уйдетъ, а я долго еще не могу прійти въ нормальное состояніе. Чортъ знаетъ, кажется, начинаю влюбляться окончательно... Въ комнатѣ еще пахнетъ духами:

— Вотъ аристократка!.. Не можетъ безъ конфектъ и духовъ...

На столѣ маленькій кружевной платочекъ. Это называется — платокъ! Короче воробьинаго носа... Беру платочекъ, прикладываю къ лицу, къ губамъ и чувствую, что есть въ немъ какая-то притягательная сила, ласкающая лицо такой нѣжностью и ароматомъ, что не хочется оторваться... На слѣдующій день:

— Вы забыли у меня платокъ...

— Мерси...

— Ну-съ, на чемъ мы остановились?..

— На «желѣзномъ законѣ».

— Знаете, Королевна, велимъ соорудить самоварчикъ и будемъ прихлебывать вмѣстѣ съ политической экономіей...

— А въ такомъ случаѣ я требую льготъ относительно конфектъ!..

— А у васъ есть?

— А вотъ...

Ахъ, проклятый желѣзный законъ!.. Случилось, что должно было случиться: влюбился окончательно и сталъ меньше всего думать о политической экономіи, когда читалъ ея страницы...

— Королевна, я усталъ. Читайте вы, а я буду слушать...

Королевна беретъ книгу и читаетъ, а я сажусь вдали и слушаю, смотрю и слушаю. Смотрю на склоненное надъ книгой лицо дѣвушки и слушаю ея голосъ... Исчезаетъ политическая экономія, остается только это лицо и голосъ... Люблю безповоротно... А она?.. Не замѣчаетъ... Она только уважаетъ, симпатизируетъ, пожалуй, но не больше...

И вотъ, когда я окончательно убѣдился, что попалъ подъ власть этого желѣзнаго закона, наши уроки оборвались: Королевна была назначена невѣстой...

— Ну, пока... остановка. Я—невѣста!—радостно сообщила мнѣ Королевна, придя въ часъ, назначенный для урока.

— Я полагаю, что это не помѣшаетъ намъ продолжать...

— Нѣтъ! Я волнуюсь и... опять сдѣлаюсь безтолковой... Отложимъ.

Отложили.

Когда я увидалъ Королевну въ бѣломъ костюмѣ, въ новой шляпѣ, въ перчаткахъ и съ цвѣтами, у меня шевельнулась ревность къ тому неизвѣстному, который сдѣлался женихомъ... Вотъ если бы я сидѣлъ въ тюрьмѣ, а она приходила ко мнѣ на свиданія!.. Зачѣмъ я не въ тюрьмѣ?..

— Когда мы будемъ продолжать желѣзный законъ, Королевна?..

— Какой законъ?

— Вы уже забыли!

— Нѣтъ... Но я не поняла, о чемъ вы...

Выше я сказалъ вамъ, что когда Королевна уѣхала на резинахъ къ жандармскому полковнику, кто-то изъ насъ, отходя отъ окна, вздохнулъ...

Нечего скрывать: этотъ «кто-то» былъ я!.. Словно предчувствовало мое сердце, что не суждено намъ больше заниматься политической экономіей!

Когда на другой день Королевна вернулась изъ тюрьмы

послѣ перваго свиданія съ женихомъ, я убѣдился, что люблю безнадежно. Королевна вернулась сіяющая и возбужденная, меня не замѣтила и со мной не поздоровалась. Она вся была полна какой-то радостью, мѣшавшей ей понимать и слушать окружающихъ.

— Какой онъ милый!.. Онъ еще лучше чѣмъ на карточкѣ... Я думала, что онъ грустный, а онъ такой бодрый, остроумный... Я много смѣялась... Называетъ Вѣрочкой!.. Поцѣловалъ руку и сунулъ записочку... Улыбается и говоритъ: «Нескоро наша свадьба, Вѣра; боюсь, что тебѣ надоѣстъ ждать». Какіе у него странные глаза!..

— Позвольте! А гдѣ же записка, которую онъ вамъ передалъ?..

— Ахъ, да!.. Гдѣ она?.. Была здѣсь, за перчаткой... Неужели я потеряла?..

Мы съ яростью накинулись на Королевну, обвиняя ее въ легкомысліи и другихъ порокахъ аристократическаго происхожденія. Но записка нашлась. Мнѣ было досадно, что записка нашлась... Я, кажется, всѣхъ больше разсердился на Королевну и всѣхъ больше бранилъ ее.

— Слава Богу: вотъ она!.. Какъ я испугалась!..

— Читайте!

— Нельзя.

— Почему?

— Въ комитетъ... Нельзя посвящать всѣхъ въ эту переписку... Я протестую.

— Какъ онъ сказалъ, Королевна?

— «Въ комитетъ»...

— Давайте, я передамъ!..

Я взялъ записочку и спряталъ ее въ кошелекъ. А Королевна продолжала разсказывать про жениха... Все еще восхищается!

— Ну, однимъ словомъ, вы влюблены... Вени, види, вици!..

— Милыя дѣвицы!

Каждую недѣлю Королевна ѣздила въ тюрьму на свиданіе съ цвѣтами и конфектами. Подозрительно: очень ужъ ждетъ очередного свиданія и очень много хлопочетъ о цвѣтахъ. Наряжается, какъ на балъ. То груститъ, то много смѣется, иногда безъ достаточнаго повода... Обзавелась портретомъ жениха и поставила его на своемъ туалетѣ... Когда спрашиваютъ, кто это, отвѣчаетъ уклончиво:

— Одинъ... господинъ...

И переводитъ разговоръ на другую тему.

Однажды я засталъ ее за цвѣточнымъ жертвоприношеніемъ этому идолу: украшаетъ портретъ фіалками.

— Здравствуйте, Королевна!.. Что вы это дѣлаете?..

Очень смутилась:

— Знаете: уже появились фіалки и подснѣжники... Видите?.. Хотите, въ петличку?..

— Нѣтъ... Не достоинъ... чтобы мой путь усыпали цвѣтами. Пусть ужъ другіе... счастливцы...

— Эхъ, вы! И не стыдно?.. Онъ второй годъ сидитъ въ тюрьмѣ, а вы...

Дѣло было вечеромъ. Ранней весной. Я страдалъ сильнѣе обыкновеннаго, напѣвалъ «Не для меня придетъ весна», ревновалъ, какъ новобрачный мужъ, и ненавидѣлъ неизвѣстнаго...

— Какъ только пройдетъ Волга, его отправятъ съ первымъ этапомъ въ Сибирь... Овдовѣете, мадемуазель!..

— Онъ убѣжитъ. Онъ задумалъ такое... такое...

— А вы почему знаете?

— Знаю!..

— Умный человѣкъ не станетъ откровенничать съ первой встрѣчной...

— Съ первой встрѣчной!.. А если я не «первая встрѣчная»?..

— Вы полагаете?... А, впрочемъ, кто васъ знаетъ...

— Какой вы... нехорошій!.. Раньше я васъ больше любила...

И тутъ я не выдержалъ...

— Я долженъ знать правду!.. Я, Королевна, не могу такъ, я долженъ знать...

— Что знать, голубчикъ?..

— Онъ васъ любитъ?..

— Ахъ, почему я знаю!.. Я сама ничего не знаю... Я... сама...

И Королевна отвернулась и спрятала лицо.

— Вы плачете?..

— Уйдите!.. Оставьте меня одну... Ради Бога, уйдите! Прошу васъ...

— Вы его любите, Королевна?..

— Зачѣмъ вамъ?.. Ну, да, да!.. Неужели не видите?.. Уходите!..

А я не уходилъ. Стоялъ въ двери со шляпой въ рукѣ, съ опущенной головою, и не уходилъ.

— Что вамъ отъ меня надо?.. Я выхожу за него замужъ!..

Слышите? На Фоминой я выхожу за него замужъ... Я поѣду съ нимъ этапнымъ порядкомъ. Не могу васъ даже просить въ шафера... Мы вѣнчаемся въ тюрьмѣ... Поняли?..

— Я въ шафера не собираюсь... Прощайте!..

— Нѣтъ, нѣтъ... Простите меня, голубчикъ!.. Я виновата... Я сама не понимаю, что̀ говорю и дѣлаю... Ради Бога не уходите!.. Я очень прошу...

Продолжая плакать, она схватила меня за руку и не отпускала...

— Хорошо, я не уйду... Но зачѣмъ вамъ мое присутствіе?..

— Сейчасъ... Не могу говорить... Подождите...

Выпила воды. Сѣла, спрятавъ лицо, и, съ трудомъ подбирая слова, заговорила:

— Я вѣдь знаю, что... вы любите меня... Но... я... Что же мнѣ дѣлать?! Я не виновата... Вы мнѣ очень, очень нравитесь, но... вы такой хорошій, милый... Вы очень, очень симпатичный... Но... можетъ быть, мы оба несчастны, одинаково несчастны!.. Я люблю Николая... Да, это случилось...

— О чемъ же, Королевна, плакать?.. Я васъ ни въ чемъ не обвиняю...

Мнѣ вдругъ такъ жалко сдѣлалось Королевну, что захотѣлось ее утѣшить:

— Не надо плакать, милая Королевна... А главное,—не о чемъ. Вѣдь вы выходите замужъ, стало быть, любите другъ друга... Нельзя же считаться съ тѣмъ, что кто-то тамъ еще будетъ страдать!.. Наконецъ, я вовсе не изъ тѣхъ, которыхъ любовь сводитъ съ ума... Я съумѣю найти выходъ... въ любви къ... къ родинѣ, Королевна!.. Она будетъ моей Королевной!..

Королевна притихла. Я ходилъ по комнатѣ крупными шагами и чувствовалъ себя такъ, словно Королевна была маленькая, а я—большой, обязанный къ жертвамъ въ пользу маленькой...

— Ну, будетъ... останемся прежними друзьями!.. Кромѣ вашей дружбы и вашего уваженія, мнѣ ничего не надо...

— Милый вы!..

— Если вы любите другъ друга, то...

— Но я не знаю... Я его люблю... Я такъ его люблю, что... Не знаю, какъ!

— Но какъ же?.. Вы сказали, что на Фоминой вѣнчаетесь съ нимъ въ тюрьмѣ...

— Да. Это правда... Но это такъ... Не по-настоящему... Я хочу ѣхать съ нимъ въ Сибирь, поберечь его и... помочь ему убѣ-

жать съ дороги... Вѣдь, такихъ людей мало!.. А я... На что я нужна?.. Но я... Ахъ, если бы онъ любилъ меня вотъ такъ, какъ вы!.. Мнѣ кажется, что онъ любитъ... Иногда кажется, а иногда... Не поймешь его... Неудобно въ тюрьмѣ говорить: слушаютъ...

— Напишите...

— Но вѣдь письма читаютъ, а я невѣста... Какъ же писать... Догадаются, что...

Королевна улыбалась и отирала кружевнымъ платочкомъ слезы. А мнѣ было ее жалко и все сильнѣе хотѣлось помочь ей чѣмъ-нибудь...

— Посовѣтуйте, что мнѣ дѣлать!..

Королевна схватила мою руку и подняла на меня умоляющіе взоры. Я почувствовалъ себя отцомъ, любящимъ дочь.

— Бѣдненькая милая Королевна!.. Вы напишите нѣсколько словъ на клочкѣ бумаги и при свиданіи суньте ему въ руку. Попросите отвѣта...

— Да, это правда... Надо же мнѣ знать...

— Только не поздно ли, если ваша свадьба рѣшена уже?..

— Ахъ, это все равно!.. Мы все равно обвѣнчаемся. Я должна это сдѣлать.

— Ну, тогда и узнаете все... любитъ или нѣтъ...

— Нѣтъ, тогда—поздно... Тогда я ужъ не рѣшусь сказать ему...

До сихъ поръ помню я тотъ день, когда рѣшалась судьба Королевны. Помню ея испуганное лицо, ея страхъ предъ неизвѣстностью, то отчаянную рѣшимость поѣхать въ тюрьму и сейчасъ же узнать по первому взгляду на жениха, любитъ или нѣтъ... то колебаніе и стыдъ, отъ котораго горѣло пятнами лицо дѣвушки...

— Не купила конфектъ... Забыла купить конфектъ... Какъ же быть?..

— Опоздаете, не пустятъ на свиданіе...

У Королевны захватило духъ. Закрыла лицо и, постоявъ нѣсколько минутъ неподвижно, вдругъ перекрестилась и рѣшительно и очень быстро пошла на улицу. На прощанье улыбнулась мнѣ съ извозчика и скрылась. Я остался ждать въ ея комнатѣ. Волновался не меньше Королевны. Время тянулось невыносимо. Мнѣ хотѣлось счастья для Королевны, но моментами вспыхивала ревность и откуда-то изъ темныхъ глубинъ души вылѣзала туманная безформенная мысль безъ словъ:

«А вдругъ все разстроится, и она будетъ любить меня?»..

«Вотъ ерунда!.. Дуракъ!—бранилъ я себя, отгоняя непрошенную и глупую мысль»...

«Ну, скоро ли? Это, наконецъ невыносимо»...

«Ѣдетъ!.. Нѣтъ, проѣхали мимо... Что за чортъ?.. Можно подумать, что свиданіе—не въ тюрьмѣ, а гдѣ-нибудь на волѣ, въ паркѣ, въ лѣсу»...

«Ѣдетъ. Да!»

Выглянулъ въ окно и сразу понялъ, что больше мнѣ не на что надѣяться: Королевна слѣзала съ пролетки такъ величаво и торжественно, лицо ея было такъ прекрасно и радостно, жесты такъ повелительны, что не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, что она любима и счастлива...

Она и такъ была красива, а теперь ея лицо, озаренное счастьемъ любви, было неописуемо прекрасно! До сихъ поръ это лицо стоитъ въ моей памяти. Вошла, посмотрѣла и радостно засмѣялась...

— Да?

Кивнула головой и вдругъ кинулась ко мнѣ порывистымъ движеніемъ...

— Какъ я счастлива!.. Боже, какъ я счастлива!..

Я протянулъ ей руку, а она отстранила ее и крѣпко меня поцѣловала...

— Королевна!..

— Я васъ люблю *послѣ него* всѣхъ больше... Увѣряю васъ!..

— Ну, а зачѣмъ же на глазахъ слезы?

— Отъ счастія... Теперь я настоящая невѣста... Мнѣ хочется пѣть, плясать, кричать, что онъ любитъ меня... Я не знаю... Идемъ! Идемъ! Я не могу оставаться въ комнатѣ...

— Куда?

— Не знаю... Все равно!.. Куда-нибудь!..

Мы вышли на улицу и пошли. Королевна торопилась, я едва поспѣвалъ за ней.

— Куда вы торопитесь?..

— Не могу...

Хохочетъ. Я взялъ ее подъ руку и сталъ сдерживать ея торопливость.

— Ведите меня въ комитетъ!..

— Въ комитетъ? Я этого не могу сдѣлать, Королевна... Я знаю только одного члена комитета, но раскрыть его никому не могу...

— Даже мнѣ, его невѣстѣ?

— Даже вамъ!

— Глупый комитетъ... у васъ! Воображаетъ, что онъ ближе Николаю, чѣмъ я...

— Конспирація и дисциплина...

— Наплевать мнѣ на вашу дисциплину!..

Я сталъ объяснять, почему важна конспирація и дисциплина, и Королевна смирилась. Она повела меня въ тихую безлюдную улицу и тихо, поминутно оглядываясь, сообщила, что Николай рѣшилъ бѣжать съ дороги. Рѣшено, что они повѣнчаются на Фоминой и поѣдутъ вмѣстѣ, т. е. этапнымъ порядкомъ, а при первомъ удобномъ случаѣ онъ бѣжитъ съ дороги и проберется за границу...

— А я пріѣду къ нему и... кончено!

— Едва ли разрѣшатъ ѣхать вмѣстѣ...

— Тогда я поѣду на ближайшемъ пароходѣ, впереди или позади арестантскаго...

— Ужъ лучше впереди, чтобы подготовить почву...

— Да, пожалуй... Вотъ по этому дѣлу мнѣ и надо поговорить съ комитетомъ. Вѣдь надо паспортъ...

— Добудемъ!..

— Ахъ, если бы все это вышло такъ, какъ мы мечтаемъ!..

И Королевна неожиданно заговорила по-французски, не считаясь съ тѣмъ, что я говорю только на одномъ русскомъ. Потомъ вспомнила, что я не понимаю, и махнула рукой, расхохоталась...

Начались хлопоты къ вѣнцу и приготовленія къ побѣгу. Королевна таки добилась своего: имъ разрѣшили повѣнчаться. Потомъ она ѣздила куда-то за деньгами, должно быть, къ той сестрѣ, которая посылала ей иногда по сту рублей. Комитетъ рекомендовалъ имъ ѣхать врозь, далъ Королевнѣ нѣсколько шифрованныхъ писемъ въ сибирскіе города. Паспортъ былъ добытъ самый настоящій. На Фоминой Королевна повѣнчалась въ тюрьмѣ съ Николаемъ и получила отъ него нитку съ узелками, которая должна была служить мѣркою для костюма бѣглецу. Надо было торопиться, потому что Николая уже погнали по этапу въ Нижній, гдѣ онъ будетъ водворенъ на первый арестантскій пароходъ въ Каму. Только два дня послѣ вѣнца Королевна прожила въ нашемъ городѣ. Послѣдній день мы съ ней бѣгали по лавкамъ, покупали дорожныя вещи и костюмъ для Николая. Когда, проходили мимо оружейнаго магазина, Королевна испуганно пріостановилась:

— Чуть-чуть не забыла!.. Зайдемъ: надо два хорошихъ револьвера.

— Зачѣмъ два?

— Одинъ себѣ, а другой—Николаю. Будутъ ловить...

— А вамъ?

— На всякій случай...

— Тогда сдѣлаемъ такъ: я сейчасъ пойду и куплю одинъ, а вы пойдете спустя четверть часа и купите другой...

— Ахъ, какой вы умница!.. Я васъ поцѣловала бы... Ну, вотъ деньги: идите и покупайте!..

Купили два револьвера.

— Теперь все... Завтра утромъ уѣзжаю...

— Поѣду провожать...

— Нѣтъ... Лучше приходите вечеромъ ко мнѣ: посидимъ и поговоримъ въ послѣдній разокъ...

— Въ послѣдній разокъ!..

Сжалось сердце тоской...

— Нѣтъ ужъ... Все равно... Надо, Королевна, сразу... Больно мнѣ, милая, тянуть эту... операцію... Прощайте!

— Ну, зайдите сейчасъ... На минуту!..

Мы стояли у крыльца другъ противъ друга, и оба были печальны...

— Зачѣмъ?.. Прощайте! Желаю вамъ много-много счастья!..

— Когда-нибудь, можетъ быть, увидимся... За границей...

— Развѣ это такъ необходимо?..

— Тогда... Прощайте!..

— Прощайте!..

Королевна ушла. Я медленно побрелъ къ своему дому. И, когда очутился въ своей комнатѣ, такая тоска поползла въ мою душу отъ угрюмыхъ стѣнъ и тишины ея, что не было силъ бороться. Точно я только сейчасъ вернулся съ кладбища, гдѣ оставилъ все, что привязывало меня къ жизни... Чувствуя, что къ горлу поднимается судорожная волна отчаянія, я попробовалъ запѣть... И только хуже сдѣлалъ... Бросился въ постель и началъ стонать.

— Королевна!.. Королевна!.. Зачѣмъ все такъ случилось?.. Вѣдь, я люблю тебя, люблю безумно!.. Безъ тебя я...

На другой день утромъ пришла горничная изъ той квартиры, гдѣ жила Королевна, и принесла мнѣ свертокъ.

— Отъ кого?..

— Барышня велѣли вамъ отнести...

— Королевна!..

Я выхватилъ посылку, отдалъ послѣдній цѣлковый горнич-

ной и, спрятавшись въ запертой комнатѣ, началъ дрожащими руками развертывать бумагу...

— Что такое!?

Коробка конфектъ изъ кондитерской! Перевязана розовой ленточкой. На крышкѣ цвѣты незабудки!.. Больше ничего!.. Письма не было...

Болѣе мѣсяца прошло, какъ уѣхала Королевна. Обѣщала написать, если все устроится, какъ они мечтали. Но письма не было. И вдругъ телеграмма въ газетахъ: «Вчера ночью, при переправѣ партіи арестантовъ съ парохода на поѣздъ желѣзной дороги, бѣжалъ важный политическій преступникъ. Побѣгъ, видимо, былъ подготовленъ, бѣжавшій былъ настигнутъ въ лѣсу въ сопровожденіи неизвѣстной женщины, при чемъ при попыткѣ задержать ихъ было оказано вооруженное сопротивленіе.

При перестрѣлкѣ бѣжавшій преступникъ успѣлъ скрыться, а сопровождавшая его неизвѣстная женщина убита».

— Она! Она!.. Моя милая прекрасная Королевна!—подсказало мнѣ сердце, и горячей скорбью облилась душа.

— А, можетъ быть, не она... Какъ узнать правду?.. Какъ узнать?.. И если она, то кто мнѣ разскажетъ о послѣднихъ минутахъ этой такъ ярко и красиво вспыхнувшей и угасшей дѣвичьей любви?.. Некому разсказать...

Нѣсколько дней я ходилъ, какъ помѣшанный, по тѣмъ улицамъ и домамъ, гдѣ встрѣчалъ Королевну. И такъ невѣроятна казалась мнѣ смерть Королевны, что иногда я пугался, обманутый призракомъ сходства проходящихъ вдали дѣвушекъ съ любимой... Ускоряя шагъ, я догонялъ призракъ, и иллюзія исчезала... Нѣтъ, не она и совсѣмъ непохожа!.. А была какая-то надежда... Почему? Развѣ мертвые воскресаютъ?.. По ночамъ я плохо спалъ: все думалъ о Королевнѣ и старался нарисовать картину послѣднихъ минутъ ея жизни... Какъ въ сказкѣ: ночь, глухой лѣсъ, мерцающіе въ темныхъ дебряхъ фонари, бѣглецъ и королевна изъ сказокъ Андерсена... Послѣдняя отчаянная попытка спасти любимаго принца, глухой стукъ выстрѣловъ и тишина... Спитъ въ глухой дебри темнаго лѣса прекрасная королевна, и улыбка застыла на ея мраморномъ лицѣ... Только маленькое алое пятно крови на груди говоритъ, что не проснется прекрасная лѣсная королевна и не запоетъ пѣсни о своемъ недолгомъ счастьѣ... Зачѣмъ вы наклонились надъ ней и свѣтомъ фонаря въ прекрасное лицо мѣшаете ей закрыть глаза и вздохнуть въ послѣдній разъ?!.

Каждое утро я съ жадностью набрасывался на газеты: быть

можетъ, есть какія-нибудь подробности о «неизвѣстной женщинѣ»... Нѣтъ, такъ и осталась она для людей неизвѣстной женщиной...

Если бы встрѣтить того человѣка, за котораго она отдала жизнь!.. Онъ разсказалъ бы все, все... Справлялся въ комитетѣ: объ этомъ человѣкѣ,—ничего не знаютъ. Слонялся по товарищамъ, которые были знакомы съ Королевной, и надоѣдалъ имъ своими разговорами о ней. А тѣ готовились къ экзаменамъ и неохотно слушали мои сумбурныя взбудораженныя рѣчи. Это меня оскорбляло и я уходилъ, чувствуя безграничное одиночество. Искалъ у общихъ знакомыхъ портретъ Королевны,—ни у кого не было портрета... Дома перерылъ всѣ ящики и уголки съ бумагами и книгами, надѣясь найти записку Королевны, написанную ею наканунѣ вѣнца... Нѣтъ, не нашелъ записки!.. И вдругъ...

— Коробка съ незабудками!..

Да вѣдь эту коробку мнѣ прислала Королевна, уѣзжая навсегда!..

— Ахъ, милыя святыя незабудки!.. Какъ любила васъ моя Королевна!..

Я держалъ въ рукахъ коробку, цѣловалъ незабудки, и слезы текли изъ моихъ глазъ...

— Незабудки!.. Любимые цвѣты!..

Ничего не осталось у меня отъ Королевны, кромѣ этой коробки съ незабудками. Долго, много-много лѣтъ, я берегъ эту коробку изъ-подъ конфектъ: она неразлучно путешествовала со мной изъ города въ городъ... Какъ святыня, она стояла у меня на столѣ... Теперь нѣтъ ея... Затерялась, не уберегъ... За то до сихъ поръ я люблю незабудки и, встрѣчая ихъ на полѣ, смотрю на нихъ съ такой нѣжностью, какъ когда-то въ юности смотрѣлъ на Королевну...

Недавно я прочиталъ о томъ, что въ одной изъ каторжныхъ тюремъ скончался отъ чахотки политическій арестантъ Н. К. Тревожно забилось усталое сердце, какъ яркая молнія, освѣтила память кусокъ далекаго прошлаго: вѣдь этотъ Н. К.— тотъ самый человѣкъ, за котораго отдала жизнь Королевна!..

Не могъ уснуть... Все вспоминалъ это далекое и невозвратное... И захотѣлось вдругъ разсказать вамъ о Королевнѣ...

Евгеній Чириковъ.

I. ДАРЫ.

Тебѣ несу дары, печальный и убогій,
И скученъ гордому весь блескъ даровъ иныхъ.
Въ душѣ горитъ огонь мой строгій
И плавится мой стихъ.

И я всегда одинъ: средь пыльныхъ селъ въ долинѣ,
И на лѣсной тропѣ, и наверху горы.
Одинъ отъ вѣка и донынѣ
Тебѣ несу дары.

Но, еслибъ могъ взлетѣть надъ облачною кручей,
Не выбралъ бы и тамъ тебѣ даровъ свѣтлѣй:
То золото моихъ созвучій
Въ огнѣ любви моей.

II. ПРИБЛИЖЕНІЕ.

Когда недугъ меня объемлетъ,
Я не ропщу на трудный путь,
Такъ чутко сердце жизни внемлетъ
И такъ легко назадъ взглянуть
На завершенныя печали,
На отошедшіе года.

Такъ слышно все, о чемъ молчали
И замолчали навсегда.
Душа, какъ поздній часъ, покорна.
Ея огонь прохладно-чистъ,
И жизни ткань, многоузорна,
Спадаетъ, какъ осенній листъ.

П. Соловьева.

БАДЕРА.

I.

— Елла!

Пѣгая арабская лошадка шевельнула ушами, качнула головой, давая этимъ знать, что она отлично поняла своего хозяина, и прибавила ходу.

Въ бѣлой, слегка запылившейся абаѣ, въ ловко сдѣланной гафіи изъ красной фески, обернутой по-арабски тонкимъ бѣлымъ платкомъ, спускавшимся съ боковъ для защиты отъ знойнаго апрѣльскаго солнца, Саяновъ въ самомъ дѣлѣ походилъ на араба. Недоставало только винтовки за плечами, да, пожалуй, нарушалъ это впечатлѣніе европейскій сакъ за сѣдломъ. Вмѣсто винтовки былъ надежный браунингъ, изъ котораго онъ стрѣлялъ превосходно, и подъ абаей—большой ножъ, служившій, впрочемъ, больше для мирныхъ цѣлей въ пути.

Но покуда путь былъ вполнѣ благополучный. До восхода солнца онъ покинулъ Назаретъ, и было необыкновенно пріятно спускаться по узкой извилистой тропинкѣ, выбитой въ твердыхъ каменистыхъ скатахъ, минуя открывающіяся кое-гдѣ по сторонамъ головокружительныя пади.

Неприступная и мрачная, еще вся сѣдая въ утренней тѣни, слѣва отъ тропинки, съ каждымъ шагомъ коня все выше и выше уходила гора Сверженія, откуда, по преданію, фарисеи хотѣли сбросить Христа. Но уже золотые отливы зари скользили по розовымъ выбоинамъ камней и падали въ безконечную, ровную какъ пластъ, прекрасную Ездрилонскую долину.

Сколько разъ онъ видѣлъ Ездрилонскую долину во всякое время! Вчера отъ заката солнца до ночи онъ просидѣлъ наверху,

а ночь была колдовская. Свѣтила луна, наполняя живымъ своимъ сіяніемъ все это глубокое пространство долины, напоминавшее дно очарованнаго моря, до верху налитаго свѣтящейся, необыкновенно прозрачной влагой.

Въ этой хрустально-голубоватой прозрачности справа облачно-легко синѣли Самарійскія горы; ближе, слѣва, темнымъ островомъ круглился Ѳаворъ, а впереди долина тонула въ безконечности. Сейчасъ тамъ можно было уловить синеватые контуры дикихъ Іудейскихъ горъ.

«Засидѣлся я въ Назаретѣ» — съ задумчивой улыбкой подумалъ Саяновъ и вздохнулъ. Было жаль покидать свѣтлый, кроткій Назаретъ, съ его цвѣтущими холмами и трогательной поэзіей евангельскихъ преданій, которыя шли къ нему, какъ эти бѣлыя лиліи, распускающіяся на склонахъ весною, какъ этотъ благодатный источникъ воды, у котораго ангелъ явился чистой, какъ бѣлая лилія, простой и бѣдной дѣвѣ-женѣ, Маріамъ.

Лошадь подалась назадъ, и всадникъ машинально быстро отвернулся отъ города и схватился за поводья. Но тамъ, гдѣ непремѣнно поскользнулась бы всякая другая, привычная сирійская лошадка только насторожилась и, вытянувшись, слегка припадая назадъ, точно и твердо ставила на срывающіеся камни свои тонкія, крѣпкія ноги.

Взошло солнце, и хотя его не видно было изъ-за горы, но уже все сразу засіяло и опредѣлилось вдали, и отъ горы на долину упала большая лиловая тѣнь.

И весело, и грустно было ѣхать по Ездрилонской долинѣ на бодрой, славной лошадкѣ, которую онъ купилъ въ Триполи черезъ три мѣсяца по пріѣздѣ и съ тѣхъ поръ не разставался съ нею, странствуя изъ Сиріи въ Галлилею, изъ Галлилеи въ Самарію и Іудею. Иногда приходилось перевозить ее на пароходѣ, но не хотѣлось разлучаться съ нею, и даже въ городахъ онъ избѣгалъ отелей, а останавливался всегда въ арабскомъ домѣ, гдѣ лошадь также могла найти себѣ пріютъ и даже уходъ.

Вся Ездрилонская долина въ это время года была покрыта зрѣющимъ хлѣбомъ, точно сплошнымъ золотымъ листомъ. Черные феллахи въ черныхъ одеждахъ своихъ казались силуэтами, разбросанными по золотому полю.

Большія, бѣлой жести трубы сверкали на солнцѣ въ ихъ рукахъ, служа и для посѣва, и въ видѣ гигантскаго рупора, помогающаго имъ перекликаться на далекомъ разстояніи. Тамъ, гдѣ работали близъ дороги, при видѣ всадника арабы выбѣгали, съ любопытствомъ оглядывали его, по чемодану у сѣдла дога-

дываясь, что это не арабъ, но послѣ двухъ-трехъ брошенныхъ имъ по-арабски словъ, а то такъ и просто междометій, ограничивались салямомъ.

И такъ было пріятно, что его принимаютъ за араба. Саяновъ улыбался въ свои пушистые усы, вспоминая недавнее въ Бейрутѣ. Тамъ лодочникъ-арабъ схватилъ его багажъ и донесъ куда слѣдуетъ, но, когда получилъ отъ пассажира вознагражденіе, которое тотъ молча протянулъ ему, съ презрѣніемъ взглянулъ на монету, потомъ на господина и нагло крикнулъ одно изъ немногихъ иностранныхъ словъ, которыя всѣ эти портовые рабочіе хорошо знаютъ:

— Анкоръ-бишлыкъ.

Тогда Саяновъ только сдѣлалъ характерный арабскій жестъ, издалъ одинъ изъ тѣхъ глубокихъ гортанныхъ звуковъ, почти не поддающихся европейцамъ:

— Хрхар...

Носильщикъ опѣшилъ и далъ вдругъ ему два піастра сдачи, ворча:

— Чего же ты, арабъ, нарядился въ европейское платье и молчишь.

«Да, да, въ языкѣ я очень успѣлъ», — съ удовольствіемъ подумалъ Саяновъ.

Онъ взглянулъ въ сторону Назарета. Хорошо было тамъ, но слишкомъ много пріятныхъ встрѣчъ. Оттого за весь этотъ мѣсяцъ онъ розно ничего не сдѣлалъ, и было нѣсколько совѣстно, что даромъ потратилъ время, оплаченное казенными деньгами.

«Ну, да наверстаю теперь въ Іерусалимѣ»,—успокоилъ онъ себя, имѣя въ виду іерусалимскія библіотеки, а главное—монастырь св. Саввы, гдѣ разсчитывалъ найти цѣнныя древнія арабскія рукописи, которыя могли пролить свѣтъ на захватившую его идею большого научнаго труда по арабско-христіанской литературѣ IX в. «Теперь уже мнѣ ничто не помѣшаетъ».

Вспомнились большіе печальные темные глаза подъ тонко и четко очерченными бровями, и опять, слегка вздохнувъ, онъ обернулся назадъ.

Назаретъ еще бѣлѣлъ въ котловинѣ горы, подобно стаѣ птицъ, сидящихъ въ гнѣздахъ. И самой большой птицей былъ на взгорьѣ католическій монастырь, точно сторожевой орелъ, наблюдающій за всей стаей.

II.

Поѣздъ перерѣзалъ Ездрилонскую долину изъ Кайфы въ Хеджасъ. Какъ онъ не подходилъ къ этой землѣ, оставшейся древней, какъ въ далекое прошлое!

Времена Деборы, Саула и жестокихъ войнъ, происходившихъ на Ездрилонской долинѣ, благодаря ея сохранившейся первобытности и этимъ чернымъ людямъ, живущимъ на ней тою же жизнью, что и тысячелѣтія назадъ, — не казались тутъ такими далекими, и самъ Саяновъ чувствовалъ себя здѣсь ближе къ тѣмъ библейскимъ временамъ, чѣмъ къ людямъ, съ которыми прожилъ большую часть своей жизни.

Боже, какъ далекъ ему сейчасъ пестрый, суетный Петербургъ! И все, что тамъ было, отодвинулось за эти полтора года за такую грань, гдѣ событія и люди какъ будто теряли смыслъ своего дѣйствительнаго значенія.

Простота и ясность восточной жизни, съ которой онъ такъ скоро успѣлъ свыкнуться, стала ему ближе той, всегда нѣсколько пугавшей и тревожной для него—ученаго, склоннаго къ созерцательной, тихой жизни,—столичной пестроты.

«Въ самомъ дѣлѣ, во мнѣ, видно, сказывается восточная кровь моей прабабушки-турчанки», приходило ему не разъ въ голову, когда онъ ловилъ себя на этой симпатіи своей. И онъ уже начиналъ подумывать, не принять ли ему предложеніе Палестинскаго общества: занять тутъ на Востокѣ большое мѣсто. Но тогда пришлось бы проститься съ наукой, а наукѣ онъ былъ преданъ всей душой, и не случайно избралъ этотъ путь, очень мало обѣщающій въ смыслѣ карьеры и житейскаго благополучія.

Съ такими спокойными мыслями онъ продолжалъ свой путь, не особенно понукая лошадку, четко и мѣрно шагавшую. Только разъ онъ проскакалъ по этому вольному золотому простору, когда его нагналъ объѣздчикъ арабъ и предложилъ испытать лошадей.

— У меня вотъ это,—указывалъ Саяновъ на свой сакъ, однако ревниво поглядѣлъ на караковую кобылу объѣздчика. Его взглядъ уже порядочно наметался на арабскихъ лошадяхъ. У этой были слишкомъ большія бабки и толстыя ноги.

«Обгоню»—рѣшилъ онъ.

Обѣ лошади косились одна на другую умными, сразу засвѣтившимися зрачками.

— Э, я готовъ взять на свое сѣдло то, что тебѣ мѣшаетъ,— услужливо предложилъ арабъ.

Саяновъ только улыбнулся въ отвѣтъ, прикрутилъ свой сакъ покрѣпче и слегка тронулъ стременами свою кобылу.

Но она ужъ и такъ насторожилась, почуявъ соперницу.

Всадники взглянули другъ на друга, пытаясь улыбнуться. Вдругъ арабъ дико вскрикнулъ.

По этому крику оба ринулись впередъ и понеслись по дорогѣ такъ, что воздухъ занылъ и засвистѣлъ въ ушахъ.

Арабъ взялъ первый. Саяновъ далъ два-три мгновенія своей кобылѣ оцѣнить и почувствовать силу соперницы и шевельнулъ поводьями.

Вытянувъ короткую голову на стальной шеѣ, его лошадь скакала за караковой кобылой араба и съ каждымъ движеніемъ какъ бы глотала раздѣлявшее ихъ разстояніе.

Арабъ слышалъ приближеніе всадника и, выхвативъ винтовку, завертѣлъ ее въ воздухѣ, какъ бы пугая своего коня близостью врага. Но и это не помогло, Саяновъ обогналъ его.

— Халасъ, — крикнулъ онъ, сдерживая свою уже разгорячившуюся лошадь.

Арабъ также остановился съ раздувающимися ноздрями съ завистливымъ взглядомъ.

— Халасъ. Твоя лошадь, хаваджа, лучше, — признался онъ, тяжело дыша.—Но она ничего не стоитъ передъ лошадью Халиля Бедаса,—тотчасъ же поспѣшилъ прибавить онъ, чтобы какъ-нибудь возмѣстить свое пораженіе.

И сталъ расхваливать лошадь Халиля, съ которой, по его словамъ, не могъ соперничать здѣсь ни одинъ конь на сто верстъ кругомъ.

— Я, что же? Я простой объѣздчикъ у Сореина,—пошелъ онъ на униженіе,—а Халиль—иное дѣло... О, Халиль изъ Хадрана — это важная птица. Не даромъ Сореинъ сдѣлалъ его своимъ управляющимъ.

Но уже Саяновъ не слушалъ его. Мало ли у бедуиновъ превосходныхъ коней. Какое ему дѣло до того, что у кого-то есть конь лучше, чѣмъ у него. Онъ ужъ былъ доволенъ и тѣмъ, что объѣздчикъ не пристаетъ къ нему съ обычными разспросами, кто онъ, и откуда, и куда направляется.

Имя Сореина онъ слышалъ не разъ. Это былъ богатый арабъ, державшій въ своихъ рукахъ всю Ездрилонскую долину; за нимъ всегда оставалась десятина отъ турокъ на аукціонѣ, и феллахи вокругъ изнемогали отъ его жадности.

— А правда ли,—не вытерпѣлъ, наконецъ, Саяновъ, когда объѣздчикъ слишкомъ расхвастался своими Халилемъ и Сореи-

номъ,—правда ли, что у вашего Сореина на дняхъ вонъ тамъ—онъ указалъ на бѣлѣющія стѣны на горѣ,—обвалился тотъ каменный сарай и раздавилъ шестьдесятъ человѣкъ рабочихъ и триста головъ скота?

— Правда,—тихо сознался арабъ и поднялъ черные быстрые глаза къ небу.—О, Алла! Алла!

— Что же такъ плохо смотрѣлъ за этимъ зданіемъ вашъ управитель Халиль? Видно, ему лошадь его дороже людей?

Но тотъ опять поднялъ глаза къ небу: на все молъ воля Аллаха. Однако, сдѣлавъ спутнику салямъ и пробормотавъ обычныя привѣтствія, повернулъ коня на другую дорогу, которая втекала въ эту слѣва, какъ притокъ.

Уже солнце припекало основательно, но жара здѣсь, на открытомъ просторѣ, не была особенно чувствительна.

Откуда-то изъ-за далекихъ самарійскихъ горъ все время тянулъ пріятный свѣжій вѣтерокъ, какъ будто море посылало сюда изъ-за ихъ синѣющихъ гребней свои влажные и ласковые вздохи.

Саяновъ остановился на перепутьи перекусить и выпить вина.

III.

Уже далеко позади остался Назаретъ. Синева его горъ сливалась съ другими горами, и надъ ними сіялъ серебряной вершиной Гермонъ. Съ сухимъ шорохомъ переливаясь при каждомъ дуновеніи вѣтра, шли безконечными волнами хлѣба, и за ними по временамъ, самъ похожій на круглый хлѣбъ, поставленный на золотое блюдо, почти совсѣмъ скрывался Ѳаворъ.

Въ серебристомъ маревѣ впереди на взгорьѣ намѣчался Дженинъ, но путь лежалъ вправо, мимо Дженина, тотъ самый путь, по которому не разъ изъ Назарета на праздникъ Пасхи съ караваномъ паломниковъ, въ сопровожденіи Іосифа и матери, ходилъ Христосъ въ Іерусалимъ.

«Откуда у меня въ душѣ такая нѣжность при мысли объ этихъ преданіяхъ?»—думалъ Саяновъ.—«Такъ-такъ»,—рѣшилъ онъ тутъ же и съ благодарностью поглядѣлъ вокругъ, и на хлѣба, и на дорогу, и на древнія горы.

Все это ему напоминало дѣтство, которое онъ какъ будто вновь обрѣлъ среди нетронутой наивной природы и наивныхъ людей. Въ далекую пору своей жизни, на пробуждающейся зарѣ сознанія, первыя необычныя слова, которыя онъ услышалъ изъ

устъ своей матери, любившей читать ему евангеліе, были—Галиллея, Христосъ, Назаретъ. Слова, съ которыми таинственнымъ образомъ связывались радужныя краски, и неизъяснимое сіяніе, и ароматы, подобные аромату весеннихъ цвѣтовъ.

И, должно быть потому у него всегда было смутное чувство, близкое къ предвидѣнію, что онъ здѣсь можетъ найти и иное, реальное счастье. И уже не разъ, при встрѣчѣ съ арабскими дѣвушками-христіанками, настораживалось сердце; но скоро онъ видѣлъ, что ошибался и спѣшилъ уйти отъ призрака, все же, однако, болѣе чувствительнаго, чѣмъ все, что было до сихъ поръ тамъ, за этими синими горами и моремъ.

О, конечно, онъ не жилъ тамъ праведникомъ. И даже, уѣзжая, онъ оставлялъ привязанность, по которой очень тосковалъ въ первое время. Но здѣсь онъ скоро убѣдился, что все это прошлое—не то. И эта послѣдняя дѣвушка, съ которой онъ былъ почти близокъ и которую оставилъ съ надеждами на счастливую встрѣчу въ будущемъ, она уже не была ему такъ необходима, какъ тамъ. Онъ даже съ нѣкоторой тревогой думалъ о предстоящей черезъ нѣсколько мѣсяцевъ встрѣчѣ съ нею, ожидаемую значительность которой осторожно старался уменьшить особенно въ послѣднихъ своихъ письмахъ.

Да, да, даже она, кажется лучшая изъ всѣхъ, что онъ встрѣтилъ до сихъ поръ, она казалась неестественной и испорченной сравнительно съ этими полудикими восточными дѣвушками, которыхъ онъ встрѣчалъ здѣсь. Тѣ какъ-то и безъ предвзятыхъ сравненій отсюда казались ему хорошо сдѣланными куклами, и у самыхъ лучшихъ изъ нихъ не было и въ поминѣ той простоты и женственности, которыми отличались арабки изъ народа. А простоту и женственность онъ цѣнилъ въ женщинѣ выше всего.

И опять вспомнился Назаретъ. Нѣтъ, покуда и тутъ было еще не то, что надо, хотя, разъ онъ рѣшилъ возвратиться обратно, было бы опасно давать волю своему чувству, даже если бы и встрѣтилось что-нибудь неотразимое.

Нѣсколько глотковъ коньяку, которыми онъ запилъ свой простой завтракъ, захваченный изъ Назарета, настроили его еще болѣе мечтательно, и онъ ѣхалъ неторопливо, не обращая никакого вниманія на жару, исходившую столько же отъ солнца, сколько и отъ хлѣбовъ, въ которыхъ однообразно, томительно и знойно звенѣли кузнечики.

IV.

Въ попутной деревушкѣ Умесель-Фехенъ онъ рѣшилъ сдѣлать вторичный привалъ.

Деревушка представлялась издали дѣтскими кубиками, разставленными какъ попало, а среди нихъ стояла тонкая бѣлая башенка мечети.

Эти кубики и вблизи были невелики и невзрачны. Къ нимъ почти примыкало кладбище, бѣдное деревенское кладбище съ бѣлыми камнями. Изгороди изъ кактуса, цвѣтущаго желтыми цвѣтами, огораживали это бѣдное жилище мертвыхъ. Кое-гдѣ неподвижно, какъ неживая, стояла запыленная пальма, да около одного изъ домиковъ, который былъ и выше, и чище другихъ, зеленѣлъ садикъ. Тамъ жилъ старый шейхъ.

Онъ познакомился съ нимъ случайно въ Назаретѣ, плѣнившись той спокойной мудростью, которая кажется врожденной въ иныхъ изъ этихъ восточныхъ стариковъ, полныхъ истиннаго достоинства и глубокаго проникновенія въ глубины жизни, скрытыя для европейцевъ за пѣной суеты, взбитой искусственной и часто лживой культурой.

Старикъ встрѣтилъ его съ тѣмъ благороднымъ гостепріимствомъ, которое кажется въ бѣдности не жалкимъ, а еще болѣе прекраснымъ и трогательнымъ, нежели тамъ, гдѣ богатство угощенія къ услугамъ гостя всегда.

Онъ угостилъ его холоднымъ лебеномъ и кофе и показалъ ему свой фруктовый садъ, въ которомъ, къ сожалѣнію, еще не совсѣмъ созрѣли плоды.

— Этотъ садъ,—сказалъ старикъ,—замѣняетъ мнѣ потомство, которое Аллаху угодно было отнять у меня. Я посадилъ его собственными руками и взлелѣялъ каждое деревцо, какъ свое дитя, а это нелегко сдѣлать здѣсь, гдѣ воды такъ мало, а дожди такъ рѣдки. Не то, что въ Самаріи. Зато, когда начинаютъ цвѣсти эти деревья,—онъ поднялъ темныя синеватыя рѣсницы, и его глубокіе спокойные глаза тихо засвѣтились,—мнѣ кажется, что земля, гдѣ зарыты всѣ мои трое дѣтей, посылаетъ мнѣ свое благословеніе въ этихъ бѣлыхъ цвѣтахъ.

Онъ опять опустилъ рѣсницы, печально перебирая свои бѣлыя четки, и затѣмъ продолжалъ сдержаннымъ и важнымъ тономъ:

— И если деревья мои не погибнутъ, то и состарившись, они будутъ радовать глаза тѣмъ же бѣлымъ благословеніемъ земли,

въ которомъ мнѣ представляется, какъ утѣшеніе, душа моихъ дѣтей.

Гость, растроганный, взглянулъ на него, и этотъ старикъ-мудрецъ показался ему также однимъ изъ тѣхъ деревьевъ въ старости, которыя одѣваются бѣлыми цвѣтами. И онъ простился съ нимъ почти съ сыновнимъ чувствомъ.

— Встрѣтимся ли мы еще когда-нибудь?—подумалъ Саяновъ съ грустью.—И старикъ, точно угадавъ его мысли, сказалъ, пожимая сухими, благородными руками его руку:

— Иньша Алла. Можетъ быть, имъ ужъ никогда не встрѣтиться болѣе. Но старикъ благодаренъ небу и за эту встрѣчу. Пусть они люди разныхъ религій, но у всѣхъ вѣрующихъ Богъ одинъ. И тѣ, чья душа не омрачена братоубійственной ненавистью, всегда при встрѣчѣ приносятъ другъ другу свѣтлую радость. Онъ почувствовалъ въ своемъ случайномъ гостѣ родную душу, возвышенную знаніемъ, котораго ему, старику, недоставало.

— Такой человѣкъ, какъ ты, съ ясностью мудреца, которому нечего бояться, что слова его будутъ приняты за лесть,—сказалъ старикъ,—подобенъ колодцу, вырытому въ пустынѣ. Каждый жаждущій можетъ напиться изъ него.

И Саяновъ въ свою очередь отвѣтилъ также искренно:

— Вдвойнѣ чистъ и благословенъ тотъ источникъ, что самъ собой выбился изъ земли. Да не оскудѣетъ влага его.

V.

Оставалось часа два ѣзды до Буркина, гдѣ Саяновъ рѣшилъ переночевать.

— Елла!—прикрикнулъ онъ на лошадь, и та побѣжала ровной сдержанной рысью.

Легкая пыль поднималась на дорогѣ, но вѣтерокъ дулъ на встрѣчу, и она не осѣдала на немъ, а оставалась позади сиреневымъ облачкомъ, пронизанная вся закатывающимся солнцемъ. Оно садилось тамъ за Джениномъ, за аметистовыми отъ его свѣта горами.

Лошадка спускалась въ балку, откуда тянуло запахомъ зелени и влагой близкой воды, заставлявшей ее фыркать отъ удовольствія раздувающимися ноздрями. За этой балкой, на взгорьѣ, за кактусовыми изгородями, виднѣлось Буркино.

По обилію зелени въ балкѣ и за нею видно было, что тутъ много воды. Для арбъ былъ другой путь, хорошо проѣзженный.

Этимъ путемъ возвращались съ полей верблюды въ сопровожденіи своихъ хозяевъ, которые шли пѣшкомъ, съ большими черными палками, или ѣхали на маленькихъ осликахъ впереди. И въ предзакатномъ свѣтѣ солнца верблюды представлялись сказочными, на сиреневомъ фонѣ неба, въ безмолвной пустынности окружающихъ полей.

По лошадинымъ слѣдамъ видно было, что можно короче проѣхать въ деревню мимо источника. Саяновъ такъ и сдѣлалъ. Но путь шелъ какъ бы по каменистому руслу высохшаго потока, и лошади трудно было ступать по скользкимъ, мѣстами нагроможденнымъ, камнямъ.

Онъ уже хотѣлъ повернуть назадъ, но услышалъ женскіе голоса, смѣхъ, и оставилъ поводья. Этотъ шумъ потянулъ къ себѣ. Въ немъ всегда таилось для него что-то волнующее, и онъ нетерпѣливо взглянулъ впередъ. У тщательно выложеннаго каменными плитами источника пестро и живописно шевелились женщины. И онѣ, и вода на закатѣ солнца, которое вода такъ любитъ, сдержанно переговаривались журчащими голосами и посмѣивались; женщины судачили и совѣтовались о своихъ нехитрыхъ дѣлахъ. Нѣкоторыя изъ нихъ уже уходили съ тяжелыми кувшинами на головахъ, вытянувшись, какъ струна, прямо держа свои высокія, сильныя шеи; другія шли на встрѣчу; третьи набирали воду.

При видѣ всадника тѣ изъ нихъ, у которыхъ были подняты покрывала, быстро опустили ихъ на лица, украшенныя синими звѣздочками татуировки, и только одна осталась съ непокрытымъ лицомъ. Онъ, по отсутствію бѣлаго покрывала, сразу узналъ въ ней христіанку.

Она уже наполнила свой большой глиняный кувшинъ водой и обратилась къ подругѣ, чтобы та помогла ей поставить его на голову.

Саяновъ невольно потянулъ поводья лошади, выгнувшей шею и жадно косившейся на воду.

Два большихъ черныхъ глаза, въ которыхъ золотомъ блеснуло сіяніе заката, встрѣтили его глаза. Онъ еще не успѣлъ разсмотрѣть хорошенько ея лица, но и то, что охватилъ его взглядъ, такимъ же золотымъ сіяніемъ прошло по его сердцу.

Она замѣтила незнакомаго, отвернулась, смутилась и поспѣшила принять на голову кувшинъ.

Онъ уже не видѣлъ теперь ея лица, но въ черныхъ волосахъ изъ-за головного убора золотомъ сверкали брызги, скатившіяся съ кувшина. Упругъ и чистъ былъ рисунокъ ея шеи, и

вся фигура, съ этимъ большимъ библейскимъ кувшиномъ на головѣ, была такъ стройна и изящна, что онъ забылъ о лошади. Она тянулась къ водѣ, недовольно скаля зубы, обезпокоенные уздой.

Почувствовавъ, какъ надо, кувшинъ на головѣ, дѣвушка опустила тонкія, какъ вѣтки, руки вдоль бедеръ и нѣсколько мгновеній стояла совершенно неподвижно, точно желая дать время налюбоваться собой.

Но вотъ она шевельнулась, и потускнѣло какъ будто все вокругъ, и погасли влажный блескъ на кувшинѣ и золотыя искры на волосахъ. Легко и воздушно нѣсколько шаговъ она сдѣлала съ опущенными руками, точно земля уходила изъ-подъ нея, а не она шла впередъ.

По переливавшимся лишь линіямъ ея шевелившихся бедеръ видно было, что ея высокія, стройныя ноги движутся. Такъ она могла бы нести свой кувшинъ, не притрогиваясь къ нему, съ походкой царицы, несущей привычную корону.

Но путь шелъ вверхъ и ей пришлось поднять лѣвую руку, чтобы поддерживать кувшинъ.

Недовольные и испуганные крики женщинъ заставили Саянова придти въ себя, лошадь его шла на нихъ къ водѣ. Онъ смутился, пробормоталъ свои извиненія и поспѣшилъ заставить лошадь идти вверхъ вслѣдъ за дѣвушкой.

VI.

Она не могла не слышать за собою лошадиной поступи, но ни разу не ускорился и не замедлился ея шагъ. По прежнему шла она величественной походкой и, наконецъ, повернула вправо, на узенькую тропинку, по которой на лошади Саяновъ ѣхать не рѣшился. Да и похоже это было бы на то, что онъ ее преслѣдуетъ.

Надо было спросить кого-нибудь, у кого можно остановиться. Но навстрѣчу все попадались женщины подъ покрывалами: это была тропинка на источникъ, а мужчина на Востокѣ никогда не пойдетъ за водой.

«И почему я не спросилъ ее!»—спохватился онъ.

Теперь уже было поздно: дѣвушка входила въ узкую уличку.

«Остановлюсь, если можно, у священника»,—неожиданно рѣшилъ онъ, увидѣвъ жалкое подобіе церковки, и обратился къ

странной фигурѣ въ лохмотьяхъ, съ разинутымъ ртомъ и какъ будто даже съ разинутыми глазами, остановившейся на перепутьѣ въ улицу.

— Салямъ-алейкюмъ.

— Салямъ, салямъ, — радостно забормоталъ тотъ, мотая тяжелой головой.

— Гдѣ здѣсь домъ священника?

— Здѣсь... здѣсь...—замоталъ онъ головой еще энергичнѣе, и побѣжалъ впередъ, то хлопая себя по груди руками, то указывая въ сторону.

«Деревенскій дурачекъ»,—рѣшилъ Саяновъ и улыбнулся арабской примѣтѣ: «Встрѣтишь первымъ дурака — къ счастью». Но тутъ же вспомнилъ, что вѣдь онъ не дурака встрѣтилъ первымъ, а эту дѣвушку. Стало досадно, что онъ не разсмотрѣлъ какъ слѣдуетъ ея лица.

Дурачекъ не шелъ, а уже бѣжалъ впередъ, то и дѣло останавливаясь, оглядывался назадъ все съ той же радостной улыбкой и что-то бормоталъ своими толстыми мокрыми губами.

Деревня встрѣчала вечернимъ шумомъ, переливомъ голосовъ, истерическимъ воплемъ осла и обычнымъ теплымъ и терпкимъ запахомъ навоза, дыма и человѣческаго жилья.

Дурачекъ вбѣжалъ во дворъ, немного отличавшійся отъ другихъ жилищъ. Украшеніемъ его служила небольшая сизая пальма. Оттуда тотчасъ же вышелъ самъ священникъ-арабъ, въ черной рясѣ и черномъ клобукѣ.

Разглаживая свою большую съ просѣдью бороду, онъ съ любопытствомъ осматривалъ гостя и, прикладывая широкую руку къ груди, привѣтствовалъ его по арабскому обычаю:

— Я давно тебя ждалъ и скучалъ по тебѣ.

Гость спрыгнулъ съ коня и, также приложивъ сначала руку къ груди, а затѣмъ протягивая ее хозяину, отвѣтилъ въ томъ же тонѣ, хотя они впервые видѣли другъ друга:

— И я также скучалъ о тебѣ всѣмъ сердцемъ. И страшно счастливъ, что, наконецъ, тебя вижу.

Лѣтъ десяти мальчикъ съ удивительно красивыми глазами выскочилъ изъ дому и, также поздоровавшись съ гостемъ, выхватилъ изъ рукъ дурачка поводъ лошади, который тотъ держалъ съ блаженнымъ лицомъ.

— Да, да, проведи ее немного, потомъ напой и накорми,— приказалъ отецъ. Но, замѣтивъ мѣшокъ у сѣдла, прибавилъ:— А вещь отвяжи и отнеси въ комнату.

Мальчикъ весело блеснулъ глазами и, позвавъ съ собою

юродиваго, увелъ лошадь, съ любопытствомъ посматривая на хитрый сакъ съ металлическими застежками.

Не успѣлъ еще гость сообразить, отчего такъ знакомы глаза мальчугана, какъ увидѣлъ быстро промелькнувшую по двору дѣвушку, которая юркнула съ какимъ-то сверткомъ изъ дверей дома въ небольшую пристройку при немъ.

И опять нельзя было разглядѣть ея лица, но у Саянова какъ-то безотчетно насторожилось сердце. «А вѣдь примѣта, кажется, сбылась»,—подумалъ онъ съ пріятнымъ чувствомъ. И послѣдовалъ за священникомъ въ его домъ.

Какъ въ большинствѣ подобныхъ арабскихъ домовъ, внизу дома было помѣщеніе для скота и нѣчто вродѣ кладовой, а наверху—покои семьи: всего двѣ комнаты, изъ которыхъ одна служила чистой половиной, а въ другой было что-то вродѣ кухни, и тутъ же хранился весь домашній скарбъ. Большая кровать, диванъ, то есть возвышеніе вдоль стѣнъ изъ досокъ, покрытыхъ войлокомъ, подушками и застланныхъ узорными цвѣтными кошмами. Такія же кошмы на полу. Это было убранство комнаты. На столѣ лежали толстыя, въ кожаныхъ переплетахъ, очевидно, священныя книги, и постукивали часы.

Некрасивая, худая, какъ вообще на Востокѣ, видимо преждевременно состарившаяся отъ заботъ и тяжелаго труда женщина, все еще наскоро прибирая какія-то вещи, скользнула изъ этой комнаты въ сосѣднюю. Саяновъ былъ нѣсколько разочарованъ: эта некрасивая женщина—ея мать.

«Впрочемъ», подумалъ онъ тутъ же, съ удивленіемъ ко всѣмъ этимъ чувствамъ. «Въ сущности не все ли мнѣ равно? Вѣдь я только переночую здѣсь и завтра поѣду дальше».

Онъ такъ и сказалъ объ этомъ хозяину, на что тотъ отвѣтилъ, что это чрезвычайно его огорчаетъ.

— Мой домъ, моя жена и дѣти—въ твоемъ полномъ распоряженіи. Для насъ было бы большой радостью, если бы ты остался у насъ погостить, хотя, правда, мы слишкомъ бѣдны для такого знатнаго гостя.

Конечно, всѣ эти выраженія были ничто иное, какъ обычная форма вѣжливости, но по изысканной свободной рѣчи гостя, по его манерамъ, по его дорожному саку, священникъ видѣлъ, что гость его не простой арабъ. Однако, что-то было въ тонѣ, что заставляло сомнѣваться съ перваго же взгляда въ томъ, что они одной съ нимъ арабской крови. Меньше всего тутъ значили лицо и борода, казавшаяся еще болѣе свѣтлой отъ загара. Мало ли арабовъ съ свѣтлыми волосами! Въ Газѣ онъ видѣлъ еще свѣтлѣе.

А европейскій костюмъ подъ абаей? Ну, объ этомъ совсѣмъ уже не стоило говорить.

Какъ ни остро было его любопытство, онъ и не заикнулся о своихъ сомнѣніяхъ. Послѣ того, какъ гость умылся съ дороги и отряхнулъ съ себя пыль, хозяинъ сказалъ:

— Сейчасъ намъ приготовятъ ужинъ, а пока гость, конечно, не откажется выпить съ нимъ чашку кофе.

Онъ повелъ его съ собой на крышу, куда мальчуганъ принесъ лишнее украшеніе ихъ дома: стулъ и круглый маленькій столикъ.

VII.

Въ предвечерній часъ пріятно было войти на плоскую крышу восточнаго дома, особенно въ незнакомомъ мѣстѣ, и сразу охватить взглядомъ все окружающее.

Еще далеко не погасъ закатъ. Его оранжевые отблески были замѣтны не только на небѣ, но и на землѣ и на бѣлыхъ стѣнахъ арабскаго селенія, въ которомъ было много зелени.

Село было небольшое, и мечеть въ немъ имѣла видъ куда богаче, нежели христіанская церковь. Ея бѣлый стройный минаретъ граціозно возвышался надъ хорошо сложеннымъ зданіемъ самой мечети, и, высунувшись изъ окошечка наверху, муэдзинъ томительно и заунывно призывалъ мусульманъ къ молитвѣ.

— Ля-илляха-илля—Аллахъ уа, Мухамеду Расуль-Алла!

Но большинство арабовъ предпочитало въ этотъ часъ отдыхать, попивать кофе на крышахъ и любоваться угасающимъ днемъ, чѣмъ молиться въ душной мечети.

И удивительнымъ покоемъ и ясностью вѣяло съ далекаго запада на ихъ небогатое село, и на золотыя дали земли, то ровной и засѣянной хлѣбомъ, то волнующейся сизыми холмами и рощами маслинъ, которыя казались сиреневыми въ розовомъ свѣтѣ зари.

Небольшія разбросанныя облачка, пронизанныя закатившимся солнцемъ, походили на золотыхъ рыбокъ въ блѣдно-зеленоватомъ морѣ. Зато воздушными облаками казались Самарійскія горы и далекая цѣпь Антиливана. И, какъ всегда, было много грусти и мира въ этой картинѣ.

— Таибъ,—сказалъ гость.—Ктиръ таибъ.

— Таибъ,—повторилъ хозяинъ.—И было бы еще лучше если бы у меня былъ побольше приходъ въ церкви. А то большинство мѣстныхъ жителей мусульмане, и въ селѣ всего десять

христіанскихъ семействъ. Трудно жить такъ,—не могъ не пожаловаться онъ съ грустной улыбкой и печально покачалъ головой.

— А ты давно здѣсь?

— Да, я тутъ и родился. И этотъ домъ перешелъ ко мнѣ отъ моего отца. А то совсѣмъ нечѣмъ было бы жить съ семьей.

— А у тебя большая семья? — участливо спросилъ его Саяновъ.

— Дочь и два сына. Одного ты видѣлъ, а другой учится въ Назаретѣ въ семинаріи. А дочь... вотъ она,—указалъ онъ на дѣвушку, которая поднималась съ двумя маленькими чашечками кофе, поставленными на расписанномъ цвѣточками жестяномъ подносѣ.

Саяновъ быстро повернулъ голову и не сразу узналъ дѣвушку: она сняла свое бѣдное арабское одѣяніе, въ которомъ онъ видѣлъ ее у источника, и надѣла худо сшитое ситцевое платье европейскаго покроя. Это бѣдное некрасивое платье сразу лишало ея движенія того очарованія, которое, въ арабской одеждѣ, оживляло даже самыя ткани: подъ ними чувствовалась каждая линія ея тонкаго и стройнаго тѣла.

Теперь фигура ея казалась худощавой и плоской и уже не было въ ней той гордой благородной красоты, плѣнившей такъ его тогда. И самое лицо ея, которое промелькнуло передъ нимъ у источника и во дворѣ нѣсколько минутъ тому назадъ, показалось совсѣмъ не тѣмъ, что онъ представлялъ себѣ: оно было прямо таки незначительно... это палево-смуглое неправильное лицо, съ большимъ ртомъ и тонко вырѣзанными ноздрями.

Но достаточно ей было, послѣ поклона и перваго смущенія, поднять на него изъ-подъ длинныхъ и какъ будто тяжелыхъ рѣсницъ потупленный взглядъ, какъ въ него проникъ еще ощутительнѣе тотъ странный трепетъ, необычность котораго онъ уловилъ въ себѣ раньше.

«Что такое»?—уже съ нѣкоторой тревогой спросилъ онъ самого себя.—«Вздоръ, это ему только такъ показалось». Онъ поклонился ей и сразу успокоился: опять опустились ея рѣсницы и скрыли синеватою тѣнью глаза, надъ которыми тонкими закругленіями разбѣгались черныя брови.

Онъ принялъ изъ ея рукъ чашечку кофе и сдержанно ее поблагодарилъ.

Едва уловимо шевельнулись уголки ея большого рта и глаза блеснули изъ-за рѣсницъ.

— Не за что.

Онъ опѣшилъ отъ неожиданности. Можетъ быть, такъ ему

только показалось. Нѣтъ, хотя она произнесла тихо, но онъ отчетливо разслышалъ ея слова: она сказала ихъ по-русски.

Но не меньше его удивился ея отвѣту отецъ и вопросительно взглянулъ на гостя. Значитъ, его сомнѣніе подтвердилось. Но откуда это было знать его дочери, когда онъ самъ еще не успѣлъ услышать имя гостя? Онъ перевелъ вопросительный взглядъ съ нея на него и замѣтилъ, что гость покраснѣлъ. Но прежде, чѣмъ въ глазахъ араба успѣло вспыхнуть подозрительное чувство, тотъ постарался оправдаться.

Да, онъ русскій. У него, конечно и въ мысляхъ не было выдавать себя за араба и обманывать ихъ относительно своей личности. Просто, еще не случилось сказать, кто онъ такой: они вѣдь не успѣли перемолвиться и десяткомъ словъ, а хозяинъ, очевидно, не знаетъ по-русски. Но какъ могла дѣвушка догадаться, что онъ русскій?

Она отвѣтила съ лукавой улыбкой, освѣщавшей ея глаза и губы.

О, что онъ не арабъ, она узнала сразу, еще когда только увидѣла его у источника верхомъ на конѣ.

Опять покраснѣла, стѣсняясь, что онъ видѣлъ ее тамъ съ кувшиномъ, да еще въ арабскомъ костюмѣ, какъ бѣдную арабку, и, вздохнувъ, закончила: а что онъ говоритъ по-арабски, она этому не удивилась потому, что знаетъ что русскіе способны къ языкамъ настолько, что говорятъ на чужомъ языкѣ, какъ на родномъ.

Саяновъ не сводилъ съ нея изумленныхъ глазъ, но самолюбіе его, задѣтое сначала тѣмъ, что она не признала въ немъ араба, успокоилось, и когда она, все еще по-русски, но съ характернымъ арабскимъ налетомъ, застѣнчиво добавила:

— Только не обижайтесь, пожалуйста, что я вамъ такъ говорю... такъ откровенно...

Онъ отвѣтилъ ей по-арабски, чтобъ отецъ понялъ о чемъ шла рѣчь:

— О, нѣтъ, наоборотъ. Я долженъ сказать вамъ также, что и вы удивительно хорошо говорите по-русски.

Она вспыхнула отъ удовольствія, и отецъ пояснилъ:

— Бадера училась въ Бетъ-Джалѣ въ семинаріи, но... — Онъ не безъ принужденія печально добавилъ: — Она должна была уйти изъ послѣдняго класса, не окончивъ курса...

Дѣвушка устремила на него умоляющій взглядъ, но чтобы гость не подумалъ, что его дочь оставила училище по неуспѣшности, тихо закончилъ, ласково опуская ей руку на плечо:

— Она заболѣла тамъ.

Голова Бадеры склонилась на грудь, еле опредѣлявшуюся подъ кофточкой, какъ у подростка. И видно было, какъ эта грудь взволнованно поднималась и опускалась.

— Но вѣдь теперь ваша дочь совсѣмъ здорова,—сказалъ Саяновъ, не понимая ни умоляющаго взгляда дѣвушки, ни загадочной печали ея отца.

— Да, да, слава Богу, теперь она совсѣмъ здорова, — отвѣтилъ старикъ и провелъ своей большой рукой, привыкшей не только къ кресту и благословеніямъ, но видимо и къ самой грубой работѣ, по чернымъ волосамъ дѣвушки.

Совсѣмъ смущенная, не поднимая опущенной головы, она какъ-то сжалась, какъ нѣжное охваченное холодомъ растеніе и ушла тихо, оставивъ въ этихъ быстро наступавшихъ сумеркахъ вѣяніе трогательной грусти и тайны.

VIII.

Не было уже въ небѣ золотыхъ рыбокъ, и само небо потеряло свой оранжевый, съ золотыми проблесками, тонъ. Оно было на самомъ горизонтѣ еще тускло малиновое, а выше — сиреневое, переходившее въ зеленовато-синее, и облачка въ немъ сошлись вмѣстѣ и образовали странной формы островокъ, похожій очертаніями не то на верблюда, не то какую-то сказочную птицу.

Брызнули острыми серебристыми струйками лучей первыя звѣзды: горизонты придвинулись близко, а горы, холмы и сады одѣлись сумракомъ, который какъ будто вышелъ изъ нихъ, и оттого сами они уменьшились и потерялись въ полумракѣ.

На крышахъ убавилось фигуръ; оставшіяся казались неживыми силуэтами. Зато ожилъ минаретъ мечети, бѣлѣя, какъ привидѣніе. Кое-гдѣ среди силуэтовъ шевелились красноватыя огненныя точки: это свѣтились папиросы и угли въ кальянахъ кейфовавшихъ арабовъ.

Отецъ вздохнулъ, проводивъ взглядомъ дочь.

Саяновъ ждалъ, что онъ сейчасъ объяснитъ, что за болѣзнь была у этой дѣвушки; но онъ молча сталъ прихлебывать кофе, въ своихъ печальныхъ размышленіяхъ какъ будто забывъ на минуту даже о своемъ гостѣ.

А тотъ внимательно смотрѣлъ на него и объяснялъ себѣ его печаль тѣмъ, что тяжело положеніе арабской дѣвушки, которая нѣсколько лѣтъ училась въ учительской семинаріи, почти кончила

курсъ и принуждена опять вернуться въ ту же самую обстановку и среду, отъ которой ее отдѣляютъ иные люди, иные нравы, и прочитанныя книги, и пробужденныя мечты. Другое дѣло, если бы она поступила учительницей въ одну изъ русскихъ школъ, или иностранныхъ, какъ поступаетъ большинство изъ нихъ. А жизнь здѣсь, въ бѣдности, въ глуши, среди полудикихъ арабокъ—это, должно быть, цѣлая драма для облагороженной мысли и отвлеченной отъ этой среды иною жизнью души.

Замужество? Но за кого же она выйдетъ здѣсь замужъ? За простого араба, можетъ быть также за бѣдняка?

Стало жаль ее, и эти кроткіе прекрасные глаза представились окутанными трауромъ.

Снова по ступенькамъ снизу послышались шаги, но это была не она, а ея маленькій братъ, которому онъ спокойно довѣрилъ свою лошадь, убѣдившись, что арабъ, даже въ такомъ возрастѣ, знаетъ уходъ за лошадью прежде всего.

— Славная лошадь у тебя, — дѣловымъ тономъ сказалъ мальчикъ гостю. — Ты позволишь мнѣ завтра проѣхаться на ней? Я ее напоилъ, когда она остыла, и далъ ѣсть.

Отецъ сурово остановилъ его, но Саяновъ поспѣшилъ утѣшить мальчика:

— Ты можешь хоть нынче прокатиться на ней.

— Нѣтъ, нынче надо дать ей отдохнуть. Лошадь не мячъ. Она не можетъ прыгать безъ конца,—все съ тою же серьезностью, которая казалась необыкновенно забавной при его красивомъ дѣтскомъ личикѣ, продолжалъ онъ.

Нельзя было не улыбнуться.

— Ну, тогда завтра.

— Мнѣ Халиль всегда готовъ дать свою лошадь, когда пріѣзжаетъ къ намъ.

— Халиль?—повторилъ гость это имя, какъ что-то знакомое.

— Да, Халиль Бедасъ!—съ гордостью сказалъ мальчикъ.— У Халиля, пожалуй, лошадь еще лучше твоей,—не совсѣмъ рѣшительно настаивалъ онъ, чтобы не обидѣть гостя, хотя былъ вполнѣ убѣжденъ въ превосходствѣ лошади Халиля.—Но только Халиль боится, что лошадь сброситъ меня. Она не допускаетъ на свое сѣдло никого, кромѣ Халиля. Я бы не побоялся, да онъ боится. Но я пріучу ее къ себѣ.

Теперь Саяновъ вспомнилъ, и это у него сразу вызвало непріязненное чувство къ арабу, имя котораго онъ сегодня уже слышалъ второй разъ.

«Опять Халиль Бедасъ! Интересно зачѣмъ ѣздитъ сюда Халиль Бедасъ»,—подумалъ онъ и сказалъ:

— Да, я уже слышалъ о лошади Халиля Бедаса, если это тотъ, что служитъ у Сореина?

— Да, тотъ самый,—обрадовался мальчикъ и съ гордостью добавилъ:—Онъ каждую недѣлю ѣздитъ къ намъ.

— Онъ ѣздитъ такъ издалека каждую недѣлю?

— Э, что значитъ для лошади Халиля этотъ путь! Она можетъ проскакать его весь и не устать. Вотъ какая лошадь у Халиля. Черезъ три дня онъ будетъ, ты самъ увидишь.

— Черезъ три дня меня уже здѣсь не будетъ, мальчикъ.

— Какъ? Ты не останешься посмотрѣть на паломниковъ, которые скоро придутъ сюда?

Саяновъ не успѣлъ еще отвѣтить, какъ почувствовалъ, что она уже здѣсь, обернулся и увидѣлъ Бадеру, которая безшумно поднялась на кровлю.

И опять въ этихъ сизыхъ сумеркахъ дѣвушка казалась ему новой, не той, что у источника, и не той, что была нѣсколько минутъ тому назадъ. Теперь она сама походила на эти легкіе звѣздные сумерки, таинственные и безконечно тихіе.

— Готовъ ужинъ,—сказала она.—Просимъ дорогого гостя къ нашему бѣдному столу.

Не хотѣлось покидать кровлю. Тутъ воздухъ былъ недвиженъ и тепелъ, а тамъ, въ комнатѣ, вѣрно и совсѣмъ душно.

Священникъ плавнымъ, привѣтливымъ жестомъ повторилъ приглашеніе дочери. Затѣмъ взглянулъ на облако, походившее на верблюда и неестественно выросшее за эти нѣсколько минутъ въ большую тучу, глубоко вдохнулъ воздухъ и сказалъ:

— Завтра будетъ дождь.

— О, я хотѣлъ бы, чтобы дождь былъ и завтра и послѣ завтра!—воскликнулъ искренно мальчуганъ.—Тогда бы гость остался у насъ навѣрно.

— Ты слишкомъ много болтаешь, Амедъ,—остановилъ его спокойно отецъ.—Не забывай, что слово болтуна—камень на пути умнаго. У нашего гостя, вѣрно, очень важное дѣло въ Іерусалимѣ, иначе онъ бы не спѣшилъ такъ, и вѣроятно, дѣло срочное...

Спускаясь внизъ по лѣстницѣ, Саяновъ отвѣтилъ чистосердечно:

— У меня нѣтъ особенно важныхъ дѣлъ въ Іерусалимѣ, тѣмъ болѣе срочныхъ. Я не купецъ и не чиновникъ. Я русскій ученый, котораго отправили сюда, чтобы ознакомиться съ арабскимъ языкомъ и арабской премудростью.

— Какъ, ты не арабъ!—удивился Амедъ.—А говоришь по-нашему совсѣмъ, какъ нашъ.

— Вотъ видишь,—подхватила его слова дѣвушка, обращаясь къ гостю и зная, что ему будетъ пріятно безхитростное изумленіе братишки.

А отецъ ея добавилъ:

— Да, я бы никакъ не подумалъ, что ты не родился среди арабовъ. Хвала учителямъ, которые такъ съумѣли научить тебя по-арабски.

IX.

Они сѣли по-европейски за столъ, на которомъ сразу поставлены были всѣ кушанья: освѣжающій лебенъ, и пилавъ изъ риса, и творогъ, завернутый въ виноградные листья—все, что можно было достать ради торжественнаго случая. Для нихъ былъ рѣдкостью такой роскошный столъ при бѣдномъ хозяйствѣ.

Священникъ прочелъ молитву, и они опустились на мѣста.

Ужинъ былъ при огнѣ. Горѣла пестрая керосиновая лампа очень затѣйливой формы, совсѣмъ почти новая и даже съ ярлычкомъ, на которомъ стояла цѣна. Видно было, что и эта лампа зажигалась только въ торжественные вечера.

Но, сдѣлавъ европейцу любезную уступку относительно стола, въ остальномъ держались арабскаго обычая и ѣли всѣ кушанья сразу: немного одного, затѣмъ другого и третьяго. Прислуживали мать и дочь. Онѣ настойчиво потчевали гостя и радовались его похваламъ лебену, пилаву и налистникамъ.

За столомъ Саяновъ долженъ былъ разсказать, что за училище въ Петербургѣ, гдѣ такъ хорошо учатъ арабскому языку, и арабы ли сами учителя. Священникъ не могъ удержаться отъ искушенія проэкзаменовать гостя, и не столько затѣмъ, чтобы провѣрить его знаніе, сколько—чтобы самому блеснуть своей ученостью. Онъ задавалъ ему школьные вопросы по стихосложенію и по исторіи Востока, и гость отвѣчалъ на нихъ съ серьезностью ученика, въ то время, какъ улыбка часто просилась на лицо при этихъ наивныхъ вопросахъ.

Больше всего изумлялись учености гостя Амедъ и его мать. Они таращили на него восхищенные глаза, качали головами и прищелкивали языкомъ.

Бадера молчала. Только когда отецъ экзаменовалъ гостя, она чувствовала себя смущенной, и краска стыда приливала къ

ея щекамъ, вплоть до глубокихъ темныхъ глазъ, рѣсницы которыхъ нетерпѣливо вздрагивали.

Какъ хотѣлось ей остановить отца, но она не смѣла. И только, когда экзаменъ кончился, она заговорила, сначала робко, сбиваясь отъ волненія и непривычки говорить съ постороннимъ мужчиной, да еще съ ученымъ европейцемъ.

О какой еще премудрости, для изученія которой онъ живетъ здѣсь, могла быть рѣчь? Ну, можетъ быть, правда, эти полтора года среди арабовъ помогли ему освоиться вполнѣ со всѣми тонкостями ихъ языка, которыя нельзя постичь ни изъ книгъ, ни отъ учителей. Но европейцу ли учиться премудрости у арабовъ! Правда, прежде арабы были богаты ученостью и поэзіей, но конечно, эта ученость, съ которой онъ могъ познакомиться и изъ книгъ и въ европейскихъ библіотекахъ, устарѣла и кажется смѣшной для европейца. А теперь? Теперь арабы—полудикіе, невѣжественные люди, доведенные до нищеты и до страшнаго униженія своими насильниками и врагами. Гость вѣрно смѣется надъ арабами, говоря, что здѣсь живетъ, чтобы учиться у нихъ премудрости.

Саяновъ былъ пораженъ ея рѣчью. Ему случалось и раньше встрѣчать довольно интеллигентныхъ арабокъ, главнымъ образомъ среди учительницъ, окончившихъ европейскія учебныя заведенія въ Бейрутѣ, въ Іерусалимѣ, въ Назаретѣ. И та, глаза которой вспомнились ему на пути сюда, также была изъ той среды. Но его поразили не только самыя слова ея, облекавшія не новыя для него мысли, сколько та страстная тоска, та безконечная горечь, которая слышалась въ ея тонѣ. Казалось, рѣчь ея вылетала, какъ огонь, не только изъ ея трепещущихъ губъ, но и изъ этихъ большихъ печальныхъ глазъ, съ ихъ траурной тайной. Уже не вызывало досаду и обидную жалость ея убогое платье, какъ будто и оно слилось со всей ея тонкой и гордой фигурой.

Нѣсколько разъ отецъ поднималъ руку, пытаясь остановить дочь, но она ничего не замѣчала. Наконецъ, онъ встревоженно поднялся съ мѣста и подошелъ къ ней и ласково коснулся ея плеча.

— Бадера... Бадера...—взволнованно повторялъ онъ ея имя, какъ будто будилъ ее отъ тяжелаго сна, мучившаго это наивное и чуткое сердце.—Бадера... опять...

Но она стояла, опустивъ руки вдоль тонкихъ бедеръ, тяжело дыша, съ блѣднымъ и сразу преобразившимся лицомъ, которое выдавало теперь эту мучительную тайну ея глазъ.

Онъ почувствовалъ, какъ сердце его облилось нѣжною

жалостью къ этой необыкновенной дѣвушкѣ, и также хотѣлось подойти къ ней, положить ей на голову руку, поцѣловать ея удивительные глаза и трепещущія губы этого рта, въ которомъ какъ бы таилось пламя и который уже не казался большимъ въ ея лицѣ, а придавалъ ему неотразимую обаятельность выраженія. Такъ вотъ въ чемъ заключался источникъ той болѣзни, о которой такъ сдержанно упомянулъ отецъ. Да, да, это было несомнѣнно такъ.

Пугливо косясь на гостя, съ жалкой улыбкой, какъ бы прося у него прощенія, подошла къ Бадерѣ мать, взяла дѣвушку за руку и повела за собой въ сосѣднюю комнату. И дочь послушно, какъ ребенокъ, пошла за нею, но въ ея движеніяхъ уже не было той гордой увѣренности и царственной граціи, съ которыми она несла свой кувшинъ на головѣ.

Она двигалась машинально, какъ сомнамбула, съ вздрагивавшими рѣсницами и страдальческимъ, устремленнымъ вглубь себя взглядомъ.

X.

Если бы не Амедъ, ужинъ начавшійся такъ пріятно и оживленно, закончился бы совсѣмъ безмолвно и печально. Но мальчикъ, только недовольно морщившійся при неожиданной вспышкѣ сестры, по уходѣ ея сталъ болтать, какъ ни въ чемъ не бывало, и съ аппетитомъ заканчивалъ въ тоже время этотъ праздничный ужинъ. Онъ видимо привыкъ къ ея болѣзненнымъ порывамъ и смотрѣлъ на нихъ почти какъ на капризъ женщины, которому не стоитъ придавать слишкомъ большого значенія.

— Э,—безпечно добавилъ онъ въ концѣ концовъ.—Она стала уже забывать это... Ну, да ничего... Вотъ выйдетъ замужъ, тогда пройдетъ.

На этотъ разъ отецъ уже не снисходительно, а строго прикрикнулъ, и болтунъ прикусилъ язычекъ.

Однако, послѣднія слова непріятно укололи Саянова.

«А, такъ Бадера скоро выходитъ замужъ!»—сдѣлалъ онъ мысленно заключеніе, хотя слова мальчика и не давали для этого достаточнаго основанія. И тотчасъ же закончилъ еще произвольнѣе:—«Конечно, она выходитъ за этого Халиля, христіанина-бедуина, у котораго есть прекрасная лошадь. Ну, что жъ, тѣмъ лучше для нея».. —настойчиво растравлялъ онъ себя этими мыслями.

Послѣ ужина хозяинъ спросилъ гостя, не желаетъ ли тотъ расположиться спать. Конечно, онъ уступилъ ему свое лучшее мѣсто—кровать, но Саяновъ рѣшительно уклонился отъ этой чести. Занять кровать, значило хозяина заставить спать на полу, хозяйку, и дочь, и сына—гдѣ попало.

Въ этой пристройкѣ съ землянымъ поломъ, но съ окномъ и чисто выбѣленными стѣнами, онъ будетъ себя чувствовать гораздо свободнѣе.

Послѣ долгихъ переговоровъ онъ отвоевалъ себѣ это мѣсто, и туда перенесли его вещи.

Спать такъ рано онъ, конечно, не хотѣлъ, и къ тому же былъ взволнованъ всѣмъ происшедшимъ. Да и священнику, повидимому, хотѣлось поговорить съ нимъ. Видѣть въ этой глуши гостемъ человѣка изъ другого міра, о которомъ онъ только слышалъ и мечталъ когда-то, и говорить съ нимъ при этомъ на своемъ родномъ языкѣ—это было для него чрезвычайно интересно и дорого. Вѣдь завтра этотъ гость можетъ уѣхать, и онъ опять останется въ своей полудикой средѣ.

Но на крышѣ кто-нибудь могъ помѣшать ихъ бесѣдѣ, и онъ былъ доволенъ, когда гость самъ выразилъ желаніе пройтись по деревнѣ.

Ночь была все также тиха, но стало нѣсколько душнѣе и звѣзды свѣтили ярче. И, казалось, духота шла отъ этой тучи, набухшей и расширившейся еще болѣе. И отъ темноты этой тучи ярче сверкали звѣзды, четко блестѣлъ серпъ мѣсяца и даже можно было видѣть остальную линію его круга, обозначавшуюся тонкимъ, золотымъ ободкомъ по темно-синему фону.

Въ настежь открытыхъ жильяхъ горѣли огни, и оттуда слышались громкіе голоса, иногда пѣсня и звуки музыки. Люди въ черныхъ и полосатыхъ абаяхъ шевелились около огней и часто въ помѣщеніи съ людьми можно было видѣть не только лошадей и ословъ, но и верблюдовъ.

Пылалъ мангалъ. Люди сидѣли на цвѣтныхъ кошмахъ, устилавшихъ нары у задней стѣны, а внизу шевелились животныя.

И запахъ навоза, дыма и молока былъ разлитъ въ воздухѣ, ожидавшемъ дождя.

Вокругъ была знакомая ему ночная жизнь небогатаго арабскаго поселенія, въ которой была своя мирная привлекательность и поэзія.

— У насъ народъ трудовой, и нѣтъ другихъ источниковъ жизни, кромѣ земли и скота,—сообщилъ священникъ.—У другихъ селеній есть что-нибудь привлекающее къ нимъ или ученыхъ

для раскопокъ, или паломниковъ. У насъ ничего, совсѣмъ ничего,—грустно повторилъ онъ.—Даже нѣтъ никакихъ воспоминаній. Правда, это путь изъ Іерусалима въ Назаретъ, и, говорятъ, здѣсь Христосъ исцѣлилъ десять прокаженныхъ. Но я скорѣе склоненъ думать, что это чудо было въ Дженинѣ, такъ какъ древній путь въ Іерусалимъ лежалъ черезъ Дженинъ.

— Салямъ-алейкюмъ.

— Алейкюмъ-ассалямъ.

Они обмѣнивались обычными привѣтствіями съ встрѣчными, которые какъ-то внезапно вырастали передъ ними изъ мрака и также внезапно пропадали.

И священникъ тутъ же, съ простодушіемъ и наивностью бѣдняка, для котораго приношенія вѣрующихъ служатъ почти единственнымъ средствомъ существованія, поспѣшилъ добавить:

— Я не ропщу однако. Все же православные паломники нѣсколько разъ въ годъ проходятъ черезъ наше село изъ Назарета въ Іерусалимъ и обратно и не оставляютъ церковь и меня своей лептой. Безъ этого,—сознался онъ,—пришлось бы совсѣмъ плохо съ семьей. Вотъ черезъ нѣсколько дней ожидается ихъ караванъ на пути къ Назарету.

Они уже вышли изъ села и повернули на широкую дорогу, смутно бѣлѣвшую среди двухъ стѣнъ кактусовъ, представлявшихся въ темнотѣ ощетинившимися другъ противъ друга полчищами враговъ, грозившихъ выступавшими изъ мрака громадными лапами. Здѣсь какъ-то сразу перестали быть слышны голоса и шумъ деревенской жизни, точно они провалились вмѣстѣ съ своими огнями. А между тѣмъ, несомнѣнно собесѣдники спустились внизъ, такъ какъ стало нѣсколько прохладнѣе и свободнѣе дышать.

На смѣну деревенскому шуму и голосамъ откуда-то издали донесся грустный звонъ бубенчиковъ: видно, гдѣ-то проходилъ караванъ верблюдовъ. Ночная птица пролетѣла низко надъ землей и, невидимая, уронила въ тишину, какъ бы позлащенную этимъ звономъ, жалобный звукъ тоски и одиночества, точно застывшій въ воздухѣ.

Саяновъ сразу вспомнилъ дѣвушку, и все его давешнее раздраженіе противъ нея, послѣ словъ Амеда, мгновенно исчезло. Стало не только жаль ее мучительно, но онъ почувствовалъ раскаяніе и свою вину передъ нею.

И не хотѣлось ни о чемъ говорить, какъ только о ней, о ней одной.

Онъ осторожно началъ нѣсколько издалека:

— Твоя дочь заподозрила меня въ томъ, что я насмѣхаюсь надъ арабскимъ народомъ, когда я сказалъ, что живу здѣсь, чтобы учиться у арабовъ премудрости.

— Моя дочь... Моя бѣдная Бадера... Ты не долженъ обижаться на ея слова, потому что она еще не совсѣмъ здорова,— печально отвѣтилъ отецъ.

— О, нѣтъ!—поспѣшилъ онъ успокоить.—Я нисколько не обидѣлся на нее. Я вижу, что ея слова отъ ея добраго сердца и отъ любви и жалости къ обиженнымъ людямъ.

— Такъ, такъ...—обрадовался отецъ.—Но состраданіе къ несчастному народу не должно переходить въ болѣзнь, а моя дочь, къ сожалѣнію, больна этимъ чувствомъ.

Однако, признаніе было неполнымъ. Гость сказалъ:

— Больна? А онъ не замѣтилъ, чтобы въ ней были признаки того, что называется страшнымъ словомъ болѣзнь.

— Да, да, конечно, это не то, что было,—отвѣтилъ отецъ, потому что то, что было, наполняло весь ихъ домъ ужасомъ и скорбью.

И отецъ мало-по-малу разсказалъ тяжелую исторію болѣзни своей дочери, исторію, которая поразила и глубоко взволновала его слушателя.

XI.

Съ ранняго возраста Бадера была отдана въ русскую школу въ Бетъ-Джалу. Онъ самъ учился и знаетъ, какъ необходимо образованіе тѣмъ, чье сердце и умъ, волей Бога, ищутъ свѣта и знанія. Хотя въ арабской средѣ, даже богатой и не совсѣмъ невѣжественной, на женщину глядятъ, какъ на созданіе низшее, онъ знаетъ, что женщинѣ-матери нужно не меньше знать, чѣмъ отцу, чтобы воспитать своихъ дѣтей, какъ слѣдуетъ. Наконецъ, съ знаніемъ она и сама можетъ заработать себѣ хорошо тѣмъ трудомъ, который ей по душѣ. Вотъ онъ не отдастъ Амеда въ семинарію, потому что Амедъ имѣетъ склонность къ торговлѣ. А Бадеру отдалъ... Но лучше бы не дѣлалъ этого.

И, опустивъ голову, священникъ закрылъ лицо руками и долго такъ шелъ молча, отдавшись печали, быть можетъ, молитвѣ, обращенной къ тому, кто и въ мрачныхъ явленіяхъ своей воли таитъ уроки для людей, предназначенные, чтобы смирять ихъ гордые порывы.

Несмотря на то, что этотъ несчастный отецъ былъ христіаниномъ, а не мусульманиномъ, онъ все же былъ арабъ и

для него слово Кисметъ — судьба — было неотвратимо и непреложно.

Бадера въ семьѣ цвѣла, какъ цвѣтокъ и сіяла, какъ пламя.

Она пріѣзжала лѣтомъ изъ школы счастливая, довольная и съ нетерпѣніемъ ждала, когда отправится снова.

Тамъ были подруги, занятія, книги, которыя она любила еще больше, чѣмъ подругъ.

Училась отлично и потому ей больше, чѣмъ другимъ, разрѣшалось читать книги изъ небольшой библіотеки при школѣ.

Но въ послѣдніе годы Бадера стала почему-то терять свою веселость. Однажды она едва не погибла: ее понесла испугавшаяся чего-то лошадь. Болѣе десяти верстъ бѣшено мчала она растерявшуюся дѣвушку, прыгая черезъ преграды, попадавшіяся на пути, грозя разбить ее о камни или о встрѣчное на пути дерево.

Бадера удержалась только какимъ-то чудомъ, но, когда ее сняли съ сѣдла, лишилась сознанія и была нѣкоторое время больна отъ потрясенія.

Можетъ быть, это была простая случайность, но съ тѣмъ временемъ совпало начало болѣзни, измѣнившей Бадеру.

Бадера вдругъ забросила книги. Послѣднее, что она прочла — была Іоанна д'Аркъ Шиллера. И эта драма охватила ея душу, зажгла ея сердце страстнымъ болѣзненнымъ пламенемъ.

Въ ней проявилась необыкновенная религіозность: ночью видѣли ее подруги молящейся. Потомъ она стала украдкой уходить изъ спальни внизъ, въ столовую, и молилась тамъ. Сначала одна, потомъ начала водить туда младшихъ, отданныхъ ей, по правиламъ школы, подъ надзоръ. Тамъ она заставляла ихъ цѣлые часы простаивать на колѣняхъ на каменномъ полу. Не за себя должны были они молиться, а за несчастный, бѣдный арабскій народъ. И не смѣли ослушаться ея: въ ней проявлялась особенная сила, передъ которой трепетали не только маленькія, но и сверстницы-подруги.

Начальство, сначала даже поощрявшее эту религіозность, не видѣло, что душа Бадеры больна, но, когда эта болѣзнь проявилась черезчуръ явно, приняли мѣры.

Дѣвушка сперва подъ величайшей тайной сообщила своимъ подругамъ, что въ нее перешла душа Іоанны д'Аркъ и что она скоро выступитъ на спасеніе своего народа. Нашлись подруги, которыя были такъ захвачены ея безумнымъ экстазомъ, что повѣрили ей. Но подъ страшной клятвой она заставила ихъ молчать объ этомъ до предопредѣленнаго часа.

Дома, по выходѣ изъ больницы, Бадера постепенно поправлялась. Докторъ посовѣтовалъ забросить на время книги и заниматься больше физическимъ трудомъ. И Бадера работала по хозяйству, ходила за водой. Но уже прежней Бадеры съ ея пѣснями и свѣтящимися отъ радости глазами не было.

И еще сказалъ докторъ, что послѣдніе слѣды болѣзни Бадеры пройдутъ, когда она выйдетъ замужъ и у нея будутъ дѣти.

— Иньша Алла,—закончилъ священникъ необычайную повѣсть о дочери.—Иньша Алла—повторилъ онъ, покорно поднимая свои темные въ синеватыхъ орбитахъ глаза къ небу.

И опять имя Халиля Бедаса, возбуждавшее въ Саяновѣ непріязнь и чувство, близкое къ зависти, встало передъ нимъ съ рѣзкой назойливостью.

Когда они вернулись во дворъ, на кровлѣ стояла Бадера, поворачиваясь то въ одну, то въ другую сторону, словно высматривая кого-то.

Туча уже закрыла полнеба, въ то время какъ другая половина неба сіяла пронзительными звѣздами. И звѣздъ было такъ много, точно онѣ, какъ птицы, испуганно слетѣлись сюда отъ тучи, и подъ ней пропалъ только одинъ, не успѣвшій еще какъ слѣдуетъ разгорѣться, мѣсяцъ.

Въ этихъ звѣздныхъ лучахъ, сѣявшихъ голубовато-золотисто-зеленоватыя искры на землю, стояла Бадера, легкая какъ видѣніе. Но вотъ она повернулась къ нимъ, узнала и сразу присѣла на крышѣ, совсѣмъ слившись съ ея выступомъ.

— Бадера!—окликнулъ ее издали отецъ.

Она молчала.

— Бадера, что же ты не спишь? Иди спать.

Но она не отозвалась.

«И отлично», съ насильственной усмѣшкой подумалъ Саяновъ. «Она, конечно, мечтаетъ о своемъ Халилѣ. Ну и пусть себѣ мечтаетъ. Что касается ея болѣзни, это вздоръ, повышенная экзальтація дикарки, больше ничего. И докторъ правъ, что съ замужествомъ и съ материнствомъ болѣзнь пройдетъ. А ужъ Халиль постарается объ этомъ. Qu'à cela ne tienne»—раздраженно и грубо прижегъ онъ свою неожиданную царапину такъ нелѣпо почему-то по-французски выскочившей фразой.

XII.

Спалъ онъ отвратительно.

Наканунѣ, явившись въ этотъ лѣтникъ, онъ нашелъ его прибраннымъ и украшеннымъ необыкновенно заботливо.

Постель ему была постлана на диванѣ. Сюда же былъ принесенъ столъ, стулъ, раскрашенная лампа, и ко всему прибавились еще часы, сразу оживившіе его помѣщеніе.

Все имѣло такой видъ, точно онъ долженъ былъ остаться тутъ надолго.

Еще прежде, чѣмъ была зажжена лампа, онъ почувствовалъ пріятный нѣжный ароматъ цвѣтовъ, и увидѣлъ на краю стола, возлѣ своего изголовья, въ разрисованномъ стаканчикѣ, замѣнявшемъ вазу, двѣ небольшія красныя розы. Кѣмъ бы эти розы ни были поставлены, хотя бы самимъ дурачкомъ, это вниманіе тронуло его.

«Ну, нѣтъ, завтра меня съ утра здѣсь не будетъ!»—вслухъ сказалъ онъ, точно кто-то убѣждалъ его въ эту минуту остаться. «Надо хорошенько выспаться, и все это вздорное безпокойство пройдетъ».

Чтобы обезпечить себѣ спокойный сонъ, онъ даже посыпалъ свою постель порошкомъ отъ блохъ, такъ какъ повсюду въ Палестинѣ блохъ нисколько не менѣе, чѣмъ мухъ.

Свѣжій воздухъ, дорога, всѣ эти впечатлѣнія порядочно его утомили. Онъ уже сталъ было задремывать, какъ начали бить часы.

«Разъ... два... три... четыре»...

Онъ досчитывалъ конецъ боя уже почти сквозь сонъ. Но вдругъ за десятымъ ударомъ часы выкинули такую неожиданную штуку, что онъ, ничего не понявъ сначала, сталъ громко смѣяться.

Часы оказались съ музыкой. Роскошь, которою, конечно, бѣдный арабскій священникъ хотѣлъ щегольнуть передъ гостемъ. Каждый часъ, отзвонивъ положенное число ударовъ, они громко разыгрывали какой-нибудь европейскій мотивъ, и на этотъ разъ нѣмецкій патріотъ, пустившій въ ходъ это изобрѣтеніе, заставилъ ихъ играть Wacht am Rhein.

Но и музыка стала забываться. Вдругъ кто-то началъ осторожно дергать дверь.

«Неужели воръ позарился на мои вещи», подумалъ онъ и отворилъ дверь.

Низко кланяясь и страшно безпокоясь, вошелъ юродивый. Пробормотавъ что-то, онъ полѣзъ подъ нары, въ темнотѣ повозился тамъ и, успокоившись, вышелъ.

Саяновъ заглянулъ туда и увидѣлъ жестянку съ керосиномъ: сокровище, которое было ввѣрено дурачку. Видно онъ боялся, что гость могъ пролить керосинъ.

Пробило одиннадцать. Часы проиграли на этотъ разъ вальсъ, а онъ все еще не спалъ: эта дѣвушка съ траурными глазами неотступно стояла передъ нимъ.

Какъ и предсказывалъ хозяинъ наканунѣ, съ самаго разсвѣта полилъ сильный дождь. Нечего было и думать выѣхать въ этотъ день.

Ужасно досадно. Саяновъ смотрѣлъ на небо и морщился. Все оно было покрыто тучами, не обѣщавшими рѣшительно ничего хорошаго. Ни клочка лазури, ни просвѣта. Такимъ образомъ, онъ оказывался безпомощнымъ плѣнникомъ, вмѣстѣ со своимъ конемъ.

Пришелъ священникъ и прежде всего спросилъ гостя—хорошо ли онъ спалъ. Тотъ отвѣтилъ, что прекрасно. А ужъ какое прекрасно: забылся только передъ самымъ разсвѣтомъ.

Самъ хозяинъ успѣлъ выпить свое утреннее кофе, и Амедъ принесъ гостю также кофе и лебенъ.

— Вѣрно, счастливый вѣтеръ принесъ тебя къ намъ,—привѣтливо сказалъ хозяинъ,—такъ какъ этотъ вѣтеръ принесъ съ собою и дождь, чтобы удержать тебя.

Это опять таки было выраженіе только обычнаго гостепріимства. Его бѣдность не могла не быть стѣснена присутствіемъ гостя, и Саяновъ рѣшилъ непремѣнно уговорить его принять за это угощеніе плату.

— Мнѣ тяжело стѣснять тебя лишнимъ днемъ,—отвѣтилъ онъ.—Но завтра я во что бы то ни стало, уѣду. Ненастье не можетъ быть продолжительно. Вѣдь это не пора дождя.

Но Амедъ только засмѣялся на эти слова, а отецъ его сказалъ:

— Нѣтъ, этотъ дождь не на одинъ нынѣшній день. Но если бы даже онъ шелъ только день, все равно, тебѣ нельзя было бы ѣхать по пути въ Іерусалимъ. Въ многоводной Самаріи разливаются источники и затопятъ всѣ дороги. Потребуется нѣсколько дней знойнаго солнца, чтобы сдѣлать ихъ снова доступными для проѣзда.

Блестя своими умными лукавыми глазами, мальчикъ прибавилъ къ этому страшную исторію, какъ англичане, попавшіе прошлую весною въ Самаріи въ такую погоду подъ дождь, едва не пропали въ пути. Если бы не караванъ верблюдовъ, шедшій въ Наблусъ, они бы навѣрное погибли.

Онъ выслушалъ рѣчи сына и отца съ смѣшаннымъ чувствомъ, близкимъ съ одной стороны къ страху, съ другой—къ непонятной надеждѣ, какъ бы заключавшейся въ двухъ этихъ

цвѣткахъ, присутствіе которыхъ онъ чувствовалъ не только теперь, но и ночью. Однако, скорѣе это внушало непонятную тревогу.

— Иньша Алла,—сказалъ онъ, наконецъ, съ арабской покорностью.

— Иньша Алла, — повторилъ и священникъ, и опять съ улыбкой принятой любезности закончилъ: — небо знаетъ, что у тебя нѣтъ въ Іерусалимѣ неотложныхъ дѣлъ. Во всякомъ случаѣ не ропщи на небо: этотъ дождь является настоящимъ благодѣяніемъ для земли, для хлѣба и садовъ.

XIII.

Дождь лилъ и лилъ, какъ осенью.

Тучи шли и шли безъ конца оттуда, гдѣ за горами скрывалось море, и казалось, это оно посылало свои безчисленныя полчища, чтобы наводнить землю.

Однообразно и назойливо стучалъ онъ о крышу, и стукъ этихъ странныхъ часовъ съ музыкой представлялся ему также непрестанно падающими каплями того же дождя.

Да и завтра ему, несомнѣнно, не суждено уѣхать.

Онъ принужденъ былъ окончательно распаковать свои вещи. Амедъ съ жаднымъ любопытствомъ разсматривалъ все, всему изумлялся и прищелкивалъ отъ восторга языкомъ. Когда что-нибудь особенно поражало его, онъ бѣжалъ подѣлиться своими впечатлѣніями съ сестрой.

Между прочимъ онъ сообщилъ ей, что гость везетъ и книги. Бадера не могла устоять. Она посмотрѣла на себя въ зеркальце и вмѣстѣ съ братомъ подъ дождемъ проскочила изъ своего дома къ его двери.

— Могу ли и я войти къ вамъ?—услышалъ онъ ея голосъ съ несвойственнымъ арабскому языку обращеніемъ на Вы.

Саяновъ въ это время отбиралъ консервы, фрукты, чай и сахаръ, захваченные на дорогу, чтобы все это отдать Амеду, отнести къ обѣденному столу.

Онъ никакъ не ожидалъ этого посѣщенія и взволнованный бросился къ двери, бормоча:

— Конечно, конечно... пожалуйста... Прошу васъ.

Она вошла, стряхивая платкомъ съ волосъ и лица успѣвшія брызнуть на нее капельки дождя, и эти брызги въ волосахъ ему напомнили ее вчерашнюю у источника.

Онъ прежде всего замѣтилъ, что взглядъ ея упалъ на цвѣты,

и это уронило свѣтлый лучъ въ его сердце: значитъ, цвѣты поставлены ея рукою.

И въ то время, какъ Амедъ, оставивъ свои туфли у двери, въ однихъ чулкахъ прыгнулъ въ комнату, она стояла, смущенно посматривая на чуть-чуть загрязнившіяся гезмы и теребила свой платокъ.

Ему такъ хотѣлось опуститься передъ нею на колѣни и вытереть своими руками эти маленькіе узенькіе носки ея обуви.

— Какъ я радъ, что вы пришли,—все также по-русски сказалъ онъ, чувствуя, наконецъ, въ своей рукѣ ея тонкую, легкую и прохладную руку.

И она слышала по его голосу, что онъ, дѣйствительно, радъ ей. И еще онъ былъ радъ тому, что она говорила съ нимъ по-русски. Никто, кромѣ нихъ, не понималъ здѣсь ни звука на этомъ языкѣ, и это самымъ простымъ словамъ, которыми они обмѣнялись, сообщало характеръ сближающей обоихъ тайны.

Онъ усадилъ ее на стулъ и прежде всего хотѣлъ поблагодарить за цвѣты; но она, можетъ быть, не хотѣла, чтобы онъ догадался, кто поставилъ эти цвѣты. Но прежде, чѣмъ онъ собрался приступить къ разговору съ нею, она сама начала, стараясь побороть застѣнчивость:

— Вотъ вы вчера навѣрно сказали: какая глупая Бадера... Послѣ того, какъ я наговорила вамъ столько...

— Нѣтъ, что вы! Я понялъ васъ... вашу душу...

Она вся загорѣлась отъ этихъ словъ, порывисто вдругъ встала, точно хотѣла убѣжать. Потомъ снова сѣла и взглянула прямо въ его глаза, какъ бы желая провѣрить—правду ли сказалъ онъ.

Онъ продолжалъ:

— Но я бы хотѣлъ, чтобы и вы поняли меня и...—слегка запнулся, невольно подчеркивая этимъ ея сомнѣнія.,. и повѣрили мнѣ.

И опять она покраснѣла, но ужъ по иной причинѣ и бросила быстрый взглядъ на Амеда.

— Можетъ быть, лучше мнѣ говорить по-арабски,— истолковалъ онъ по своему ея взглядъ, но она торопливо возразила, быстро закачавъ своей головкой:

— Нѣтъ, нѣтъ, будемъ говорить по-русски.

Амедъ не обращалъ рѣшительно никакого вниманія на нихъ; онъ всецѣло былъ занятъ этими гладкими металлическими коробочками дорожнаго несессера и прочими пустяками, извлеченными Саяновымъ изъ мѣшка.

Мальчугану мало было, что онъ разсматривалъ эти вещи, какъ-то по-обезьяньи вертя ихъ въ рукахъ, но онъ и обнюхивалъ ихъ, какъ знатокъ, и раза два, прежде даже, чѣмъ узнать, что въ нихъ, спрашивалъ Саянова, сколько стоитъ то или другое.

Саяновъ вскользь отвѣчалъ ему и, наконецъ, занялъ мальчика тѣмъ, что далъ ему нѣсколько конфектъ, купленныхъ спеціально для встрѣчныхъ арабчатъ.

— Такъ вотъ,—продолжалъ онъ,—я долженъ вамъ сказать, что совсѣмъ не такъ мрачно смотрю на нынѣшній арабскій народъ, какъ смотрите вы.

Она встрепенулась и хотѣла отвѣтить ему, но онъ угадывалъ, что она возразитъ.

— Я говорю не о бѣдности арабскаго народа и даже не о невѣжествѣ... Все это, правда, очень неутѣшительно, хотя положеніе нашихъ русскихъ крестьянъ—не лучше...—замѣтилъ онъ между прочимъ, чувствуя, что говоритъ не совсѣмъ то, что хотѣлъ.

Дождь шумѣлъ по крышѣ, какъ будто сотни птицъ бѣгали по ней, шурша своими лапками и хлопая крылышками. И, можетъ быть, дождь мѣшалъ ему овладѣть вполнѣ своими мыслями.

Она только нервно пожала плечами, и это еще болѣе смутило его.

— Видите ли,— поспѣшилъ сказать онъ.—Я, конечно, пришелецъ въ вашей странѣ. Но я сказалъ искренно, что и теперь европейцу можно учиться у арабовъ премудрости. Да, да,—горячо подтвердилъ онъ...—И я многому здѣсь научился и страшно благодаренъ за это.

Она съ горькимъ сомнѣніемъ покачала головой.

Онъ нѣсколько освоился съ мыслью, которую хотѣлъ ей высказать, и пояснилъ:

— Понимаете. Я вижу мудрость народа не въ одномъ только образованіи. Образованіе это... это... какъ бы вамъ сказать... Это хорошо и имѣетъ настоящую цѣну, когда соотвѣтствуетъ духу народа, его кореннымъ запросамъ. И для меня еще большой вопросъ: не разрушаетъ ли образованіе, въ томъ видѣ, въ какомъ оно дается намъ, то, что я называю истинной мудростью.

Она не понимала, о какой мудрости говоритъ онъ. Ей представлялось высшей мудростью знать то, что знаютъ много учившіеся люди.

— Та мудрость, которая въ книгахъ, это мудрость того или другого человѣка... Понимаете ли... человѣка!—съ ударе-

ніемъ произнесъ онъ, такъ, что Амедъ подумалъ, что гость сердится за что-то на сестру и съ неудовольствіемъ поглядѣлъ на нее.—Но эта мудрость съ этимъ человѣкомъ и умираетъ, какія бы хорошія книги онъ ни писалъ. Иначе... вы поймите... иначе люди, читающіе эти книги, давно должны были бы сдѣлаться мудрецами... Есть иная мудрость—народная мудрость... Это то богатство, которое вѣками накопляется въ народной душѣ, которое идетъ изъ самыхъ нѣдръ народной жизни... Ну, вотъ, какъ паръ идетъ отъ земли. Вотъ такая мудрость есть у арабскаго народа.

Не успѣлъ онъ еще кончить этой рѣчи, какъ музыкальные часы, которые у гостя не хватило духа убрать или остановить, пробили десять и опять заиграли Wacht am Rhein. Онъ старался сдѣлать видъ, что не замѣчаетъ этой столь некстати ворвавшейся музыки, но Амедъ слушалъ эти фальшивые звуки съ настоящимъ восторгомъ и гордостью и удивлялся, что гость можетъ говорить, въ то время какъ у него и руки, и ноги, и голова двигались въ тактъ музыкѣ.

Бадера какъ-будто совсѣмъ и не слышала ихъ. Она вся была охвачена желаніемъ проникнуть въ глубину его мыслей. Но для нея все еще было темно то, что онъ пытался высказать ей. Она понимала только одно, что онъ хорошо относится къ арабскому народу и была всѣмъ сердцемъ благодарна ему.

— Я не знаю... народъ нашъ... Я думала, что европеецъ можетъ только презирать нашъ народъ,—несмѣло и неловко выразила она свое удовольствіе.

— Что вы говорите!—воскликнулъ онъ.—Да знаете ли, для меня часто съ простымъ арабскимъ пастухомъ пріятнѣе бываетъ говорить, чѣмъ съ такъ называемымъ культурнымъ европейцемъ. Да вотъ вамъ, на дняхъ я видѣлъ такую сцену... Это было неподалеку отъ Каифы, въ Акрѣ. Изъ садовъ Аббаса Эфенди выѣхала европейская коляска, принадлежащая англичанамъ. Въ это время какъ разъ пастухъ гналъ скотъ по мосту черезъ пересохшій ручей. Вмѣсто того, чтобы дать ему прогнать своихъ овецъ черезъ мостъ, культурные англичане приказали своему кучеру ѣхать. Испуганныя овцы стали прыгать съ моста, конечно, нѣкоторыя ушибались. И англичане же выругали пастуха. Знаете, что пастухъ сказалъ тогда? Онъ сказалъ: «Они поступили хуже, чѣмъ овцы, потому что овецъ гналъ я, и онѣ не могли повернуть назадъ, или мнѣ пришлось бы бѣжать по ихъ спинамъ, чтобы погнать ихъ назадъ оттуда. А этимъ людямъ стоило только остановиться». Вотъ такое отношеніе къ обязанностямъ человѣка я считаю мудростью,—закончилъ Саяновъ.

Этотъ примѣръ гораздо больше объяснилъ ей его мысль, чѣмъ всѣ его отвлеченныя разсужденія.

— Да, да,—обрадовавшись подтвердила она,—это правда, въ нашемъ народѣ много добраго, потому особенно жаль его. А все же... мнѣ кажется, вы это говорите... Ну, вотъ, какъ большой человѣкъ... или нѣтъ, лучше, какъ тотъ, который не спитъ...—путалась она, желая какъ можно убѣдительнѣе выразить свой взглядъ.

Краснѣя и теряясь, она наконецъ, схватилась за настоящее сравненіе:

— Или, лучше, вотъ, какъ зрячій говоритъ о слѣпомъ, который идетъ по дорогѣ темной ночью и не сбивается... потому что онъ чувствуетъ. А зрячій можетъ сбиться. Или, какъ вотъ слѣпой узнаетъ монету... только притронется и узнаетъ... и не ошибется.

— Ну, да! Ну, да!—восхищенный ея сравненіемъ, подхватилъ онъ.

У нея мелькнуло недоумѣло испуганное выраженіе въ глазахъ. Онъ угадалъ и поспѣшилъ прибавить:

— Вотъ это-то чувство и есть высшая мудрость духа. Но это вовсе не значитъ, что народъ такъ и долженъ остаться слѣпымъ. Пусть онъ прозрѣетъ, это чувство все равно съ нимъ останется... И я видѣлъ его въ образованныхъ арабахъ.

Онъ вспомнилъ послѣднюю встрѣчу съ старымъ шейхомъ по пути сюда и его мудрую бесѣду. А, главное, хотѣлъ сказать, что и въ Бадерѣ онъ видитъ то же сокровище. Но вмѣсто всего этого сказалъ:

— Вотъ за это-то я и полюбилъ арабскій народъ.

Она встала взволнованная, растроганная, и нѣсколько мгновеній молча теребила свой платокъ, съ опущенными глазами; затѣмъ какъ-то неожиданно и свѣтло взмахнула рѣсницами и порывисто протянула ему руку.

— Простите меня за то, что я такъ вчера подумала. Вы не должны на меня обижаться. Вѣдь я...—Она опять вся сжалась и ушла головой въ плечи.—Я бѣдная, простая арабка.

Онъ чувствовалъ, какъ трепетали пальцы ея въ его рукѣ, и прежде, чѣмъ успѣлъ сжать ихъ, они выскользнули, и она неожиданно юркнула въ дверь.

Онъ подумалъ, что она испугалась чего-то, и оглянулся. Можетъ быть, отецъ или мать сдѣлали ей со стороны знакъ недовольства, что она въ гостяхъ у посторонняго мужчины. Но никого не было по близости кромѣ Амеда, который сидѣлъ, сложивъ ноги на кошмѣ, и съ наслажденіемъ уписывалъ апельсинъ.

Дождь шелъ по прежнему. Тучи неслись по небу, какъ сѣрая лава.

Этотъ мальчикъ былъ ея братъ, и хотя онъ не похожъ на нее своимъ лицомъ и особенно душою, но глаза у него ея, и у Саянова явилось нѣжное чувство къ нему.

Онъ подошелъ къ Амеду, положилъ ему руку на плечо и спросилъ:

— Амедъ, ты любишь свою сестру?

Амедъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него и проглотилъ кусочекъ апельсина, бывшій во рту.

— Ну да, Аллахъ велѣлъ любить своихъ близкихъ,—отвѣтилъ онъ.—Но братьевъ своихъ онъ все же любитъ больше. Бадера женщина, занята разными пустяками, которыхъ долженъ стыдиться мужчина. Онъ самъ вчера видѣлъ, какъ она вечеромъ плакала на крышѣ. Но, можетъ быть, когда выйдетъ замужъ за Халиля и у нея будутъ дѣти, она тогда забудетъ всѣ эти дурачества и перестанетъ плакать,—солидно закончилъ онъ свое неодобрительное отношеніе къ слабости сестры.

Очевидно, это были не его собственныя слова, а онъ повторялъ то, что слышалъ дома. Чувство свѣтлой нѣжности сразу схлынуло съ души и захотѣлось остаться одному.

— Вотъ что, Амедъ. Возьми вотъ эти штуки и отнеси ихъ своей матери. Мы ихъ попробуемъ за обѣдомъ.

И онъ нагрузилъ восхищеннаго мальчика цѣлымъ ворохомъ коробокъ и пакетовъ.

XIV.

Вѣроятно, Бадера уже передала отцу свою бесѣду съ гостемъ. За обѣдомъ священникъ первый заговорилъ, какъ бы продолжая его разговоръ съ Бадерой:

— Очень дорого для араба въ европейцѣ, что онъ не только не презираетъ ихъ несчастный народъ, а находитъ въ немъ нѣкоторыя достоинства. Но, разумѣется, если бы судьба судила ему не только быть гостемъ въ ихъ странѣ, а прожить здѣсь много лѣтъ, онъ бы умеръ отъ огорченія.

Саяновъ улыбнулся. Нѣтъ, почтенный отецъ ошибается. Вотъ уже около двухъ лѣтъ живетъ онъ среди арабовъ, но его нисколько не влечетъ обратно.

Они были поражены. Какъ, имѣть возможность жить тамъ, гдѣ жизнь такъ разнообразна и красива, и довольствоваться

бѣдной скитальческой жизнью въ ихъ несчастной странѣ. Вѣрно, у него было какое-нибудь страшное горе тамъ, и самое воспоминаніе о странѣ, гдѣ горе приключилось, уже причиняетъ ему страданіе.

Они не высказали этого прямо, но по ихъ сострадательнымъ взглядамъ, по ихъ намекамъ, онъ почувствовалъ это ясно.

— Развѣ у тебя никого не осталось изъ близкихъ въ твоей странѣ?—спросилъ священникъ.

— Мои мать и отецъ давно умерли. Есть братъ, но мы съ нимъ совсѣмъ разные люди. Сестра? Но я бы скорѣе хотѣлъ видѣть ее здѣсь, нежели тамъ.

Бадера не спросила его съ своей стороны ни о чемъ, но глаза ея скользнули по его рукѣ.

Нѣтъ, на пальцѣ его не было обручальнаго кольца; но тутъ болтливый мальчуганъ вмѣшался въ ихъ разговоръ самымъ неожиданнымъ образомъ. Значитъ, у гостя не осталось на родинѣ ни жены, ни даже невѣсты. А по ихъ арабскому обычаю ему давно бы слѣдовало жениться.

Священникъ почему-то разсердился на мальчика и хотѣлъ даже его выгнать изъ-за стола; мать испугалась за своего любимчика, Бадера тоже взволновалась и почему-то покраснѣла до слезъ. Но Саянова только разсмѣшила эта наивная выходка, и онъ попросилъ отца не сердиться на ребенка. Что же въ сущности онъ сказалъ дурного? Но дѣвушка всѣми силами старалась замять этотъ разговоръ.

Она поспѣшила разсказать, что видѣла русскихъ, пріѣзжавшихъ сюда и даже жившихъ въ ихъ странѣ подолгу. Но всѣ они жили по неволѣ: у однихъ была служба, другихъ удерживала нужда. И всѣ они мечтали уѣхать на родину. Часто вспоминали, какъ тамъ хорошо и сколько тамъ разныхъ красивыхъ и веселыхъ развлеченій. Да и по русскимъ книгамъ, которыя она прочла въ школѣ, она видитъ, что это правда, что тамъ, въ большихъ городахъ такіе нарядные и яркіе соблазны, что люди готовы убивать другъ друга, только бы ими воспользоваться.

Пока у нея не вырвались эти послѣднія слова, Саяновъ слушалъ ее, какъ не разъ слушалъ подобныхъ ей арабскихъ дѣвушекъ, завистливо смотрѣвшихъ въ даль этой пестрой жизни, такую заманчивую для нихъ.

Но тутъ онъ понялъ, что ее эта жизнь скорѣе пугала, чѣмъ привлекала, и главное—ей хотѣлось, чтобы онъ въ самомъ дѣлѣ предпочиталъ ихъ скудную страну и жизнь той, что бурлила у него на родинѣ.

И онъ сказалъ съ спокойнымъ чистосердечіемъ:

— Нѣтъ, я не изъ тѣхъ людей, которыхъ плѣняютъ всѣ эти соблазны и которые способны изъ-за нихъ убивать другъ друга.

Священникъ возразилъ:

— Но ты слишкомъ молодъ, чтобы тебѣ успѣло наскучить то, что для людей твоего круга чуть ли не цѣль жизни.

Нѣтъ, онъ никогда такъ не смотрѣлъ. Можетъ быть, тому причиной та капля восточной крови, которая течетъ въ его жилахъ, но въ той жизни онъ мало видѣлъ смысла. Гораздо больше лжи и фальши. Люди въ большихъ городахъ отошли отъ того, что составляетъ главную правду жизни. Природу они замѣнили картинками, а простоту и правду жизни запутали разными ложными измышленіями и условностями.

Амедъ, видимо, не могъ долго молчать; онъ вмѣшался въ разговоръ и тутъ. У нихъ есть одинъ знакомый арабъ, который уѣзжалъ въ Америку, и онъ тоже, правда, вернулся домой, но за то говорилъ, что тамъ можно нажить хорошія деньги.

Саяновъ вдругъ не сдержался и спросилъ, прежде чѣмъ кто-нибудь успѣлъ отозваться на это:

— Можетъ быть, этотъ знакомый твой—Халиль Бедасъ?

Взглядъ его скользнулъ по лицу Бадеры, и онъ сразу раскаялся, что позволилъ вырваться этимъ злымъ словамъ.

Глаза ея вспыхнули, потомъ сразу помутнѣли, и по лицу разлилась знойная блѣдность.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ безпечно мальчикъ.—Тотъ знакомый изъ Сиріи, а Халиль—бедуинъ. Халиль никогда не захочетъ поѣхать въ чужую страну. Халиль умретъ безъ пустыни и своего коня.

Саяновъ не пытался обратить все въ шутку и объявилъ серьезно:

— Тѣмъ лучше. Значитъ, Халиль дѣйствительно достойный человѣкъ и потому заслуживаетъ счастья.

Но и отецъ, и мать приняли его слова за чистую монету. Они оба взглянули на дѣвушку, какъ будто желая сказать: вотъ видишь, даже такой ученый человѣкъ, еще не видя Халиля, отзывается о немъ такъ хорошо.

Но на Бадеру эти послѣднія слова гостя произвели почти такое же впечатлѣніе, какъ если бы у ней передъ самымъ лицомъ, передъ этими большими скорбными глазами, просвистѣлъ хлыстъ. Она съ укоромъ посмотрѣла на Саянова, встала, потомъ снова сѣла, и опять встала и вышла изъ-за стола въ сосѣднюю комнату.

Правда, обѣдъ кончился, но все же ей не слѣдовало покидать своего мѣста, когда и гость, и отецъ оставались за столомъ.

— Бадера!—крикнулъ ей вслѣдъ отецъ.

Дѣвушка не отозвалась.

Чтобы предупредить недовольство отца, мать поспѣшила шепнуть въ видѣ робкой защиты:

— Ты видишь, дѣвушка застыдилась.—И пояснила, чтобы оправдаться передъ гостемъ:

— Халиль давно добивается ее, какъ женихъ, но она все упрямится. Конечно, — вздохнула опечаленная мать, — Бадера много училась, а Халиль простой бедуинъ, но онъ не бѣдный человѣкъ и очень ее любитъ.

Мальчишка выскочилъ и тутъ на правахъ мужчины, заинтересованнаго въ семейныхъ дѣлахъ, какъ скворецъ, повторилъ слышанные имъ и запавшіе ему въ голову практическіе выводы жизни:

— Дѣвушка, которая ждетъ калифа, дожидается феллаха.

Но Саяновъ не раскаивался уже въ своихъ неосторожныхъ и жестокихъ словахъ; благодаря имъ, онъ узналъ правду, которая доставила ему тайную отраду успокоенія.

XV.

На другой день дождь шелъ порывами, но уже съ утра временами синѣло небо, и солнце вырывалось изъ-за тучъ, дрожащее и радостное, какъ ожившая надежда на счастье.

Правда, оно вскорѣ опять заволакивалось тучами, бросавшими косыя полосы дождя на землю; но тогда и эти полосы озарялись его лучами изъ открывающихся проваловъ и свѣтились убѣгающей радугой.

Онъ не видѣлъ Бадеры со вчерашняго дня. Она разсердилась на него. Но вѣдь если она ничего не подозрѣваетъ съ его стороны, тогда нечего сердиться, а если она поняла, что это ревность, тогда... Но тогда сердиться на него у нея еще меньше основаній. Такъ или иначе, завѣса, раздѣляющая ихъ, всколыхнулась.

Саяновъ пошелъ посмотрѣть свою лошадь. Она узнала его и, взволнованно переступая съ ноги на ногу, смотрѣла на него своими большими умными глазами, точно желая сказать: «Что, братъ, тебѣ, видно, не очень-то хочется уѣзжать. Да и мнѣ ничего. И я сыта, и за мной ухаживаютъ, и не только мальчу-

ганъ въ красной фескѣ, но и дѣвушка съ прекрасными глазами. Она даетъ мнѣ вкусный посоленный хлѣбъ, гладитъ мою шею и называетъ меня ласковыми именами».

Вернувшись въ свой лѣтникъ, онъ нашелъ еще двѣ свѣжихъ розы. Значитъ, не разсердилась. Значитъ... Но онъ не рѣшался дать волю своей догадкѣ и оборвалъ ее совсѣмъ ничтожнымъ вопросомъ: и откуда только она достаетъ розы? Онъ не видѣлъ по близости ни одного розоваго куста.

Вдыхая ароматъ этихъ нѣжныхъ цвѣтовъ, онъ касался ихъ губами, и у него какъ-то само собой нѣсколько разъ сорвалось благодарное восклицаніе:

«О, милая! Милая»!

Онъ не впервые задавалъ себѣ вопросъ: чѣмъ все это кончится? Но на этотъ разъ рѣшилъ не препятствовать судьбѣ творить свое дѣло.

Только передъ обѣдомъ онъ увидѣлъ Бадеру. Вѣрно по случаю прояснявшейся погоды она и въ свои черные волосы вколола красный цвѣтокъ. И когда онъ увидѣлъ у нея этотъ цвѣтокъ на головѣ, показалось, что она должна была родиться съ нимъ.

— Бадера,—сказалъ онъ ей полушутливо,—этотъ цвѣтокъ такъ счастливъ, что онъ на твоей головѣ, что навѣрное пуститъ въ нее свои корни.

Бадера покраснѣла и пробормотала:

— Ты смѣешься надъ черной арабкой,—и сдѣлала движеніе, чтобы сорвать этотъ цвѣтокъ.

Онъ представился, что разсердился на нее. И такъ какъ они были на этотъ разъ наединѣ въ его стѣнахъ, взялъ ее за тонкую кисть руки и проговорилъ:

— Никогда мнѣ не повторяй этихъ нехорошихъ словъ. Ты видишь сама, что арабы мнѣ ближе европейцевъ.

Она не вырывала своей руки. Только на мгновеніе взмахнувъ рѣсницами, проговорила, стараясь сдержать дрожь своего голоса, за одно съ которымъ дрожала ея рука:

— Я пришла къ тебѣ, чтобы ты мнѣ написалъ сюда что-нибудь,—застѣнчиво проговорила она, положивъ на столъ маленькій жалкій альбомъ.—Не теперь, а послѣ... А теперь я хочу попросить какую-нибудь книгу для чтенія. У тебя навѣрное есть съ собою очень хорошія русскія книги.

Но всѣ книги его остались въ Бейрутѣ. Изъ русскихъ книгъ онъ захватилъ только одинъ романъ Толстого «Воскресенье», заграничнаго изданія, которое онъ купилъ въ Каирѣ. Но

въ этомъ романѣ такъ описана церковная обрядность, что Саяновъ опасался дать его религіозной дѣвушкѣ, да еще дочери священника.

Онъ нѣсколько замялся отвѣтомъ.

Она по своему истолковала его нерѣшительность и, смущенная и обиженная, освободила свою руку.

— Вѣрно, отецъ тебѣ сказалъ, что мнѣ нельзя читать книги,—съ усиліемъ выговорила она.—Но это было уже давно. И если называть болѣзнью то, что со мной было—я совсѣмъ здорова теперь.

У нея едва не выступили слезы на глазахъ отъ этого признанія. Очевидно, было такъ мучительно подтверждать тяжелую для нея тайну.

Но онъ обошелъ это молчаніемъ и высказалъ только то, что касалось самаго романа.

Она успокоила его:

— Нѣтъ, нѣтъ, это ничего.

Она знаетъ, что на это смотрятъ такъ многіе хорошіе, вѣрующіе въ Бога люди.

Тогда онъ досталъ ей эту книгу и просилъ ее принять отъ него въ подарокъ.

Она не рѣшалась. Ему самому эта книга, вѣрно, очень дорога, если онъ въ пути не разстается съ ней.

Саяновъ настаивалъ. Онъ уже не разъ прочелъ ее. А когда захочетъ прочесть снова,— купитъ или выпишетъ себѣ.

— Возьми ее, какъ мою благодарность за цвѣты,—сказалъ онъ наконецъ уже съ умысломъ, чтобы нѣсколько поднять колыхавшуюся завѣсу, раздѣляющую ихъ.

Она закрыла лицо руками и подняла плечи, точно птица, не имѣющая возможности спрятаться иначе отъ прослѣдившаго ее взгляда.

У него какъ-будто остановилась на мгновеніе въ сердцѣ кровь и потомъ вдругъ хлынула оттуда въ голову и въ руки, которыя сами собой потянулись къ ней.

Сначала онѣ нерѣшительно коснулись ея рукъ, точно спрашивая о чемъ-то, что тѣ уже знали. Ея руки, очевидно, отвѣтили, потому что онъ медленнымъ движеніемъ положилъ ихъ себѣ на плечи и, сомкнувъ свои пальцы вокругъ ея таліи, притянулъ ее къ себѣ и поцѣловалъ сначала въ глаза съ вздрагивающими рѣсницами, затѣмъ въ горячія губы ея большого пламеннаго рта.

Что-то стукнуло рядомъ съ ними. Онъ разомкнулъ свои руки. Она отшатнулась.

Это книжка упала на полъ. Она быстрымъ движеніемъ подняла ее и, мгновенно освѣтивъ его испуганными и радостными глазами, исчезла за дверью.

Въ этотъ день стало извѣстно, что къ Буркину подвигаются русскіе паломники изъ Іерусалима.

Арабъ, обогнавшій ихъ, разсказывалъ, что паломниковъ человѣкъ двѣсти, и они имѣютъ ужасный видъ. Хотя дождь, какъ слѣдуетъ, принялъ ихъ вчера уже за Наблусомъ, они не могли продолжать путь и, добравшись кое-какъ до Силома, должны были тамъ остаться переночевать.

Но путь отъ Силома до Буркина, который обыкновенно паломники проходятъ не болѣе, чѣмъ въ пять-шесть часовъ, такъ размыло дождемъ, что они съ разсвѣта до сихъ поръ тянутся оттуда. У многихъ въ дорогѣ пали ослы и лошади, другіе сами готовы упасть отъ изнеможенія.

Все село всполошилось. Бѣдствіе-бѣдствіемъ, но кое-кто можетъ и нажить на этомъ. Наскоро стали снаряжать, кто осла, кто лошадь или мула, а кто—такъ и верблюда, чтобы сорвать съ паломниковъ, что возможно, за помощь.

Тѣ, у кого не было никакихъ четвероногихъ, просто запаслись всякой всячиной: хлѣбомъ, яйцами, горохомъ...

Священникъ услалъ имъ на встрѣчу юродиваго, а самъ пошелъ на колоколенку своей бѣдной церкви, чтобы, какъ только они появятся близъ села, встрѣтить ихъ звономъ.

Исчезъ и Амедъ. Бадера скрылась куда-то, ее не могли дождаться даже къ обѣду.

«Вѣрно, ушла также съ братомъ на встрѣчу паломникамъ»—рѣшила мать, мало обезпокоенная ея отсутствіемъ по случаю все той же суеты встрѣчи.

Въ небѣ уже было больше синевы, нежели тучъ, и тучи чувствовали себя растерянными и разбитыми солнцемъ; оно шло къ закату уже нѣсколько успокоенное и не такое яркое, какъ утромъ, и если проходило иногда за ними, то какъ побѣдитель среди побѣжденныхъ.

Саяновъ также рѣшилъ пойти за село. Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, Бадера тамъ, и ему удастся быть наединѣ съ нею.

Хотѣлось выяснить, что-то сказать и, можетъ быть, на что-то рѣшиться.

Уже съ холма за селомъ онъ увидѣлъ вдали растянувшуюся вереницу людей, которые медленно подвигались впередъ по широкой,

хлѣбной равнинѣ, тучной послѣ дождя и прорѣзанной черной полосой дороги, на которой люди казались не болѣе какъ комьями движущейся земли.

Отъ деревни ихъ путь отдѣлялъ довольно широкой свѣтлой полосой разлившійся ручей, къ которому со стороны Буркина шли и ѣхали на помощь арабы. Онъ издали хотѣлъ угадать среди нихъ Бадеру, но это было трудно. Онъ вмѣстѣ съ запоздавшими пошелъ по направленію къ ручью.

Ноги скользили и вязли. Размокшая глина прилипала къ сапогамъ и дѣлала ихъ тяжелыми. Сапоги были высокіе, дорожные, и онъ мало заботился о нихъ.

Но, уже пройдя съ полверсты по такому пути, почувствовалъ утомленіе. Что же должны были чувствовать тѣ бѣдняки на длинной дорогѣ, размытой еще хуже, чѣмъ эта!

«Нѣтъ, не можетъ быть, чтобъ Бадера пошла туда по этой грязи».

Онъ представилъ себѣ ея тонкія изящныя ножки, и все тѣло его вспомнило прикосновеніе къ ея тѣлу, которое на минуту какъ будто приросло къ нему, и дважды погрузившіеся въ глубину ея закрытыхъ глазъ губы, и этотъ знойный поцѣлуй. Стало трудно дышать, и онъ остановился, чтобы полной грудью втянуть въ себя влажный, но уже согрѣтый солнцемъ воздухъ, пахнущій хлѣбомъ и землею.

«Хорошо»! — сказалъ онъ себѣ вслухъ. Но не смотря на то, что тѣлу, дѣйствительно, было почти невыразимо хорошо, гдѣ-то въ глубинѣ сердца занималась раздражающая тревога, которой и слѣда не было тогда, послѣ поцѣлуя.

«Не уѣхать ли нынче же?» — неожиданно и язвительно, какъ искра, обжегъ его вопросъ. Но онъ тотчасъ же съ негодованіемъ погасилъ его.

Это ужъ похоже было бы на бѣгство. Чего же и кого онъ испугался? Ужъ не Халиля ли Бедаса?

Уже всѣ въ Буркинѣ знали его, какъ гостя, и тутъ привѣтствовали. Хотѣлось спросить — не видѣлъ ли кто Бадеру, но не спросилъ.

Паломничій караванъ уже былъ своей головой по другую сторону ручья, но хвостъ растянулся версты на полторы. Впереди были тѣ, у кого сохранились мулы, да наиболѣе выносливые ходоки, среди которыхъ шевелились женщины, по преимуществу очень немолодыя, привычныя ко всякимъ переходамъ.

Черногорцы-кавасы, измученные и охрипшіе, носились на своихъ крѣпкихъ лошадяхъ, стараясь ободрить и подогнать из-

немогающихъ, удерживая наиболѣе ретивыхъ, готовыхъ сунуться къ переправѣ, не зная хорошо, гдѣ удобнѣе.

Буркинцы уже спустились и кричали по ту и по эту сторону, предлагая переправить на своемъ ослѣ, лошади, а то такъ и просто на своей спинѣ за нѣсколько паричекъ. Но на первыхъ порахъ они запрашивали черезчуръ дорого и паломники бранились съ ними изо всѣхъ силъ.

— Креста на тебѣ нѣтъ, окаянный!—визгливо раздражалась бывалая старушенка паломница на мусульманина-араба.—Десять паричекъ, чтобы на ослѣ перевезти. Да ты и самъ-то съ твоей животиной не стоишь десяти паричекъ.

И она, снявъ съ себя большіе облѣпленные грязью сапоги, задравъ полы надъ голыми тощими ногами, сама двинулась съ мѣшкомъ по давно знакомому ей броду.

За ней, также разувшись и снявъ порты, полѣзъ мужикъ. Толпа все прибывала и гамъ увеличивался.

Расплескивая и мутя воду, шли животныя и люди, молодые и старые. Одни, раздѣваясь, другіе—одѣтые, такъ какъ, все равно, одежда ихъ и обувь насквозь промокли отъ дождя и грязи. По срединѣ ручья приходилось задирать полы чуть не по поясъ. Но люди такъ были измучены, что ужъ было не до стыда, и бѣлыя ноги, безобразныя и стройныя, старчески дряблыя и гладкія, какъ мраморъ, блестѣли на солнцѣ, вызывая со стороны мусульманъ насмѣшки и грубоватыя замѣчанія.

— Христосъ васикри... Христосъ васикри...—услышалъ Саяновъ молящій и уже знакомый голосъ, и увидѣлъ дурачка. Онъ стоялъ почти у самаго выхода изъ воды, держа икону на блюдѣ, покрытомъ полотенцемъ и вымаливая милостыню на поддержаніе храма.

Саяновъ смотрѣлъ на эту грязную, усталую, полуголодную толпу, говорившую на родномъ ему языкѣ—живой клочекъ его родины, которую онъ не видѣлъ столько времени. Но у него не вспыхнуло ни радости, ни волненія при встрѣчѣ съ ними. Даже чувствовалось какъ-то жутко, точно они принесли съ собою всю подноготную другой стороны жизни нарядной и шумной—свое безпросвѣтное невѣжество, нищету, глушь позабытыхъ далей и тупую покорность власти.

Паломники, обрадованные, что, наконецъ, добрались до мѣста отдыха, крестились на икону, прикладывались, клали на блюдо свои парички и отходили, спѣша подняться вверхъ и занять въ селѣ получше ночлегъ.

Гамъ, плескъ воды, ржанье животныхъ—все слилось въ дикій безпорядокъ.

Нѣтъ. Бадеры тутъ не могло быть.

Но все же, разыскивая ее глазами, онъ увидѣлъ Амеда. Красная феска мальчугана носилась среди паломниковъ. Что онъ такое продѣлываетъ тамъ? Саяновъ присмотрѣлся и увидѣлъ, что мальчуганъ снуетъ съ бутылкой водки и маленькой рюмочкой и продаетъ ее желавшимъ, громко выкрикивая два слова: — Два паричка-ракичка! Два паричка-ракичка!

Съ вѣдома отца онъ дѣлалъ это, или самъ по себѣ?..

Саянова сначала слегка покоробила такая коммерція. «А впрочемъ»—подумалъ онъ. «Если и съ вѣдома, что тутъ такого? Ну, выпьетъ съ устатки промокшій мужикъ рюмку ракички. Эка важность. Да и надо же какъ-нибудь жить».

Однако, отъ этого гама, грязи и суеты ему стало нѣсколько не по себѣ. А главное, огорчало, что онъ ушелъ изъ дома, а можетъ быть Бадера уже тамъ.

Онъ направился обратно ужъ не той дорогой, какъ пришелъ, потому что по этой дорогѣ шли и ѣхали паломники, а тѣмъ путемъ, мимо кактусовыхъ изгородей, гдѣ онъ намедни прошелъ со священникомъ.

XVI.

Еще шумъ преслѣдовалъ его, но ужъ никого не было видно за поворотомъ.

Стѣны разлапистыхъ колючихъ кактусовъ съ ихъ желтыми большими цвѣтами походили теперь на гигантскихъ зеленыхъ спрутовъ съ желтыми глазами, съ безчисленнымъ множествомъ сплетающихся и съ угрозой протянутыхъ ногъ.

Уже закатывалось солнце, и свѣтло-алый блескъ скользилъ по начисто вымытой влажной зелени, пахнувшей терпко и пріятно.

— Хаваджа,—услышалъ онъ за спиной неестественно прозвучавшій голосъ. Быстро обернулся и встрѣтилъ стыдливо смѣющееся лицо, полузакрытое разставленными пальцами, сквозь которые глубоко и печально, несмотря на этотъ счастливый смѣхъ, глядѣли ея глаза.

Онъ ужасно обрадовался этому неожиданному появленію и еще болѣе обрадовался тому, что она явилась передъ нимъ съ такой милой шуткой послѣ того, что произошло между ними.

— Бадера,—прошепталъ онъ, не зная, что еще сказать ей, протягивая ей свои руки.

Но она, видно, поспѣшно догоняла его, или не могла справиться съ своимъ волненіемъ: тяжело дышала, прижавъ теперь руки къ сердцу, въ то время, какъ ея крѣпко и молодо круглившаяся подъ кофточкой грудь шевелилась, какъ два живыхъ голубя.

— Я не узналъ твоего голоса, Бадера, — притворился онъ.—Я думалъ это какой-нибудь старый арабъ окликнулъ меня.

Но тутъ же разсмѣялся своему притворству, и она тоже разсмѣялась.

Шумъ и голоса паломниковъ становились все тише. Солнце уже скрылось, и свѣтлый блескъ на кактусахъ превратился въ сиреневый.

Онъ стоялъ въ нерѣшительности, не зная, куда направить теперь путь. Тропинка къ дому шла вверхъ направо; дорога тянулась прямо, уходя отъ деревни вдаль.

Бадера замѣтила его нерѣшительность. Смѣхъ сразу исчезъ съ ея лица, и глаза ея молча сказали: если онъ хочетъ, можетъ повернуть домой направо, а она пойдетъ одна по этой дорогѣ, гдѣ никого нѣтъ сейчасъ.

Онъ, чтобы вывести ее изъ сомнѣнія, далъ ей понять, что, можетъ быть, ей будетъ непріятно, если ихъ встрѣтятъ гуляющими вдвоемъ.

Она изумленно поглядѣла на него и шевельнула губами, точно желая что-то сказать. Можетъ быть: «Какое теперь дѣло до того, что кто-то встрѣтитъ ее съ нимъ».

Онъ покраснѣлъ, самъ не зная отчего, и снова погасилъ вспыхнувшую искру безпокойства.

Она, опустивъ голову, пошла впередъ, дѣлая видъ, что мало интересуется тѣмъ, идетъ ли онъ за ней, или не идетъ. А въ ея опущенной головѣ и въ линіи спины и особенно въ походкѣ чувствовалось мучительное ожиданіе.

Но лишь только она услышала его поступь за собою, это напряженное выраженіе пропало, и когда онъ очутился рядомъ съ нею, она даже не взглянула на него. Такъ она молча прошла нѣсколько шаговъ. Наконецъ, Саяновъ съ безмолвнымъ вопросомъ взглянулъ на нее, и его поразилъ своею строгостью ея профиль, точно вылитый изъ бронзы. Это была какъ-будто опять новая Бадера, и менѣе всего она была похожа на ту, съ открытымъ счастливо-радостнымъ лицомъ, которая такъ мило остановила его наивной поддѣлкой своего голоса подъ мужской басъ.

Онъ уже придумывалъ, какой бы шуткой разсѣять ея суровость и, наконецъ, прямо хотѣлъ сказать: «Не будь такой гордой, Бадера» и взять ее за руку.

Но она начала первая, даже не оборачиваясь къ нему, а какъ бы слѣдя за длинными острыми носочками своихъ башмачковъ, которые выскакивали и исчезали изъ-подъ ея платья.

— Я знала, что ты пойдешь туда...

Ужъ по одному тому, что она заговорила по-арабски, онъ угадалъ, что это начало объясненія. И ея тонъ, которому она желала придать спокойствіе и даже холодность, задѣлъ его.

— Почему же ты знала?—спросилъ онъ въ тонъ ей, угадывая, что она отвѣтитъ совсѣмъ не то, что знала на самомъ дѣлѣ, то есть, что онъ искалъ тамъ ее.

Такъ и случилось. Но вмѣсто того, чтобы отвѣтить правду, Саяновъ съ насильственно неестественной ироніей засмѣялся.

Она потянулась къ высунувшемуся на дорогу кактусу, сорвала съ него желтый цвѣтокъ и, съ отчаянной рѣшимостью взглянувъ на своего спутника, внятно выговорила:

— Надо, чтобы ты забылъ о томъ, что произошло между нами.

Онъ, глядя прямо въ ея лицо, спросилъ испытующе:

— Это то, что ты пришла сказать мнѣ?

Она устремила тотъ же полный отчаянія взглядъ въ глубину цвѣтка и отвѣтила:

— Да.

Но этого показалось мало, и она, помолчавъ, прибавила:

— Что я такое? Бѣдная, темная арабка.

Какъ ей хотѣлось, чтобы онъ разсердился на нее за эти слова, какъ раньше. Она даже отвела взглядъ отъ цвѣтка и искоса взглянула въ его лицо, но онъ не замѣтилъ этого взгляда.

— Да?—съ удареніемъ переспросилъ онъ, блѣднѣя.

Она ничего не отвѣтила.

Тогда онъ, ловя слова, налетѣвшія на него пчелинымъ роемъ и ужалившія прежде всего его самого, сталъ бросать эти слова ей.

Да, конечно, она права... Онъ отлично понялъ ее, и иначе не можетъ быть. Это было ужасной дерзостью съ его стороны. Онъ воспользовался минутной растерянностью ея—и вотъ... Вѣдь онъ зналъ, что она невѣста другого... Да, онъ не можетъ отказаться отъ этихъ словъ, онъ зналъ и все-таки поступилъ такимъ образомъ... Оскорбилъ гостепріимство.

Она была поражена цѣлымъ роемъ этихъ ядовитыхъ словъ, безсвязно слетавшихъ съ его губъ. Такъ у него, въ самомъ дѣлѣ,

не нашлось ничего, кромѣ нихъ?. Только эти слова? Она чувствовала, какъ холодѣетъ сердце, но инстинктивно пыталась остановить его. Нѣтъ, онъ не виноватъ ни въ чемъ... Тѣмъ болѣе не можетъ быть и рѣчи объ оскорбленномъ гостепріимствѣ... Она сама виновата во всемъ.

Но онъ также ждалъ иныхъ возраженій отъ нея и продолжалъ въ томъ же тонѣ.

— Я прошу простить меня, если возможно. Завтра я уѣду, и все забудется.

Цвѣтокъ задрожалъ у ней въ рукѣ. Она нашлась только пробормотать, что завтра ему ни въ какомъ случаѣ нельзя будетъ ѣхать, если онъ думаетъ ѣхать на Самарію. Не вѣритъ ей, пусть спроситъ проводниковъ каравана; они ему скажутъ, что тамъ еще нѣсколько дней послѣ этого ливня будутъ совершенно непроѣздные пути.

— Пустяки, тогда я остановлюсь или въ Силомѣ, или въ Наблусѣ.

Она все еще пыталась вразумить его. Зачѣмъ же подвергать себя опасностямъ, или даже просто непріятности, когда можно переждать здѣсь. Навѣрное, къ тому же у него за это время найдутся спутники.

— Нѣтъ, я не желаю мѣшать чужому покою и счастью,— сорвалось у него.

Это было уже совсѣмъ зло. Конечно, онъ имѣлъ въ виду пріѣздъ Халиля. «Но—подумала она съ укоромъ—развѣ онъ забылъ, что сказалъ Амедъ въ его присутствіи. Вѣрно, въ самомъ дѣлѣ, его поцѣлуй былъ только неосторожной шуткой. Тогда, правда, лучше, если онъ уѣдетъ и забудетъ о ней».

И она съ загорающейся гордостью, въ которой кипѣла невыносимая ѣдкая горечь, сказала ему.

— Какъ хочешь. У насъ говорятъ: удерживать гостя—долгъ: приневоливать—обида.

Этими двумя словами—*у насъ*—она какъ бы отчеркивала рѣзкую грань между нимъ, заѣзжимъ чужимъ человѣкомъ, и своими.

Онъ не остался у ней въ долгу.

— Я еще и потому спѣшу въ Іерусалимъ, что тамъ меня навѣрное уже давно дожидаются письма.

Она постаралась даже улыбнуться.

— А, письма!.. Отъ сестры?..—Потому что вѣдь онъ сказалъ, что кромѣ брата и сестры у него нѣтъ никого близкихъ тамъ.

Онъ отвѣтилъ уклончиво, что подъ близкими подразумѣвалъ родныхъ.

Она собрала всѣ свои силы, и спросила:

«Такъ можетъ быть, у него также есть на родинѣ невѣста».

— Если у тебя есть женихъ, отчего же у меня не можетъ быть невѣсты?—вызывающе отвѣтилъ онъ.

Она изъ гордости ничего не сказала, но ея молчаніе упало на него удушливой тяжестью.

Нечаянно вынувъ изъ бокового кармана вмѣсто портсигара записную книжку, онъ не могъ воздержаться отъ искушенія отомстить ей. Точно желая убѣдиться, все ли на своемъ мѣстѣ, онъ взглянулъ въ отдѣленіе книжки, и Бадера замѣтила, что взглядъ его остановился на фотографической карточкѣ.

Она вся затрепетала отъ обиды и боли.

— Можно посмотрѣть?

Онъ извлекъ фотографію и протянулъ дѣвушкѣ.

Та уронила изъ рукъ цвѣтокъ и наступила на него, и даже слышно было, какъ цвѣтокъ хрустнулъ у ней подъ ногой.

Принявъ небольшой фотографическій портретъ, она внимательно и долго разсматривала его, держа въ обѣихъ рукахъ и прижавъ къ тѣлу локти, чтобы сдержать дрожь въ своихъ рукахъ.

Тускнѣла заря, но облака все еще таили въ себѣ ея алость. Небо стало на западѣ свѣтло-палевымъ, но уже мало давало свѣта землѣ, и надъ ней зарѣяли сумерки, прятавшіеся покуда среди кактусовъ, которые вотъ-вотъ грозили ожить и двинуться на дорогу и раздавить эту какъ будто заплутавшуюся пару.

— Да, очень красивая дѣвушка и у нея вѣрно очень бѣлое лицо.—Почему-то по-русски сказала это Бадера, возвращая ему карточку.

И повернула назадъ, не сказавъ больше ни слова, и пошла гордо выпрямившись, опустивъ руки, поднявъ голову, какъ будто на ней стоялъ тотъ тяжелый кувшинъ съ водой.

Онъ остался совершенно ошеломленный и уничтоженный. Когда она уже была на поворотѣ, онъ хотѣлъ крикнулъ ей вслѣдъ:—Бадера, остановись!—броситься за нею. Но кто-то приближался съ другой стороны, и потому онъ не вскрикнулъ и остался стоять на мѣстѣ.

«И отлично, что такъ вышло»,—съ раздраженіемъ и тоской подумалъ онъ.—«Пусть наслаждается счастьемъ со своимъ Халилемъ».

И если бы теперь не онъ, а она его окликнула или вернулась къ нему, онъ непремѣнно сказалъ бы ей это прежде всего.

XVII.

Въ этотъ вечеръ все село и церковь были переполнены паломниками. Священника дома не было: онъ служилъ сначала всенощную, а затѣмъ записывалъ паломниковъ въ поминаніе, пользуясь за то ихъ нищенскими паричками, поддерживавшими его существованіе цѣлые полгода.

Томительная тоска одиночества охватила Саянова. Въ жизни его какъ будто образовался глубокій провалъ, и онъ самъ не вѣрилъ себѣ и не понималъ, какъ это могло случиться столь внезапно. Но въ сущности развѣ не такъ происходитъ все самое важное въ жизни?

«Вздоръ»,—старался онъ успокоить себя.—«Вотъ уѣду—и баста. Конечно, завтра уѣзжать, дѣйствительно, нѣтъ смысла: къ чему рисковать изъ-за пустого упрямства. Но послѣ-завтра—другое дѣло. Послѣ-завтра онъ непремѣнно уѣдетъ. А можетъ быть, завтра появится тутъ и Халиль. Интересно взглянуть, что за птица».

Онъ приходилъ въ свой лѣтникъ и уходилъ, но Бадеры не видѣлъ. Цвѣты стояли на своемъ мѣстѣ, а онъ дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ ихъ. Наконецъ не выдержалъ, и глаза его обратились къ нимъ съ молчаливымъ вопросомъ.

Неужели это только кокетство, ничѣмъ не отличающееся отъ кокетства любой испорченной городской дѣвушки? Проба своей женской силы надъ мужчиной, при которой иногда приходится рискнуть не только цвѣткомъ, но и поцѣлуемъ?»

Онъ не могъ усидѣть на мѣстѣ и снова вышелъ.

Проходя по двору, онъ увидѣлъ на крышѣ знакомую тѣнь и услышалъ жалобный мотивъ. Сжавъ голову руками и слегка покачиваясь корпусомъ, Бадера бокомъ къ нему сидѣла на выступѣ крыши и пѣла арабскую пѣсню.

«Очи мои! Дайте мнѣ насмотрѣться на васъ.
Едва ли моимъ собственнымъ глазамъ суждено послѣ этого
васъ встрѣтить.
Возьмите съ вами и мое сердце, тающее отъ страданія.
Я не знаю, съ вами ли прощаюсь или съ своей душой.
Идите же съ миромъ. Господь васъ да хранитъ».

Саяновъ долго слушалъ эту пѣсню, и временами ему казалось, что слова ея перекидываются, какъ мостъ, черезъ провалы, образовавшіеся въ его существованіи. Но вспомнивъ, какъ пре-

небрежительно гордо она ушла отъ него, онъ раздраженно заключилъ: «Тѣмъ хуже, если замѣтила и поетъ, чтобы ее услышали». Но онъ теперь не поддастся обману и докажетъ ей.

Бѣленькій оставленный альбомъ попался ему на глаза, когда онъ вернулся домой. Саяновъ раскрылъ чистую страницу и съ раздраженіемъ вписалъ туда:

«Пѣсни, подобныя той, которую я слышалъ сейчасъ—колосья, собранные на чужомъ полѣ. Когда хотятъ, чтобы птица летѣла слѣдомъ, бросаютъ ей по зернышку, пока колосъ не станетъ пустымъ, какъ пусто сердце. Тогда забываютъ и о колосѣ, и о птицѣ».

Онъ подписалъ свое имя, день и даже часъ, чтобы она знала, о какой пѣснѣ онъ говоритъ. И уже хотѣлъ нынче же вручить ей этотъ альбомъ, но машинально сталъ перебирать его потертыя и закапанныя странички.

Жалкій и тощій альбомъ съ цвѣточками, съ сладкими и нелѣпыми стишками и изліяніями подругъ и случайныхъ знакомыхъ, альбомъ, немного отличающійся отъ тѣхъ, что встрѣчаются и у насъ въ захолустьяхъ у чувствительныхъ дѣвицъ.

Конечно, то, что написалъ онъ, было самымъ умнымъ изъ всѣхъ оригинальныхъ твореній этого альбома. Онъ уже намѣревался закрыть его, но въ глаза бросились двѣ строки, написанныя по-арабски, и прежде всего подпись—Халиль Бедасъ.

«Только съ моей кровью изсохнетъ моя любовь къ тебѣ, Бадера».

Первымъ порывомъ Саянова было вырвать свои строки, за язвительное ничтожество которыхъ стало стыдно.

Но вырвать страницу, гдѣ были онѣ написаны оказалось невозможно: на обратной сторонѣ огнемъ горѣли слова Халиля.

XVIII.

Рано утромъ паломники ушли въ Назаретъ, оставивъ послѣ себя на улицахъ и вокругъ села тряпки, бумажки, яичную скорлупу, всякій соръ и нечистоту, а въ карманахъ буркинцевъ нищенскіе парички.

Амедъ еще наканунѣ попросилъ у Саянова разрѣшенія проводить паломниковъ на его лошади до ближайшей деревни, гдѣ они сдѣлаютъ первый привалъ.

То, что Амедъ уѣхалъ на его лошади, оправдывало Саянова и передъ Бадерой; нельзя же было отказать мальчугану за все гостепріимство, которое оказали гостю въ домѣ священника.

Бадеру онъ еще не видѣлъ утромъ. Ужъ не уѣхала ли она съ братишкой, захватившемъ съ собой ракичку и маленькій стаканчикъ, провожать паломниковъ: вѣрнѣе — навстрѣчу Халилю, такъ какъ это была какъ разъ и его дорога сюда.

Судя потому, что дома все оставалось спокойно, Саяновъ заключилъ, что отсутствіе дѣвушки не внушаетъ отцу и матери никакихъ тревожныхъ опасеній. Священникъ даже былъ въ лучшемъ настроеніи, чѣмъ всегда: у него записалось нынче много паломниковъ и такимъ образомъ онъ получилъ порядочную сумму на церковныя нужды, въ которыя включалась и его собственная нужда.

— Слава Богу, русскіе православные паломники стали прозрѣвать,—торжествовалъ онъ.—Не такъ ужъ довѣряются грекамъ, какъ прежде. А то бывало греки выжимали все у нихъ, и послѣ Самаріи паломники приходили къ намъ очень обобранными.

Саяновъ воспользовался случаемъ и попросилъ и отъ него принять нѣсколько меджидовъ.

— Я знаю, что за такое радушное гостепріимство нельзя заплатить деньгами, потому и прошу принять эти монеты, какъ дань церкви,—слукавилъ онъ.

Священника эта щедрая плата очень смутила: гость, конечно, зналъ, куда пойдутъ деньги, зачѣмъ же искушать бѣднаго араба.

— Нѣтъ, это слишкомъ много,—отвѣтилъ онъ и, наконецъ, согласился взять всего половину.

Тогда Саяновъ прибавилъ къ остальнымъ еще два меджида и вручилъ ихъ хозяйкѣ потихоньку отъ мужа: пусть Рукайя на эти деньги сдѣлаетъ что-нибудь Бадерѣ. Дѣвушка — невѣста, и ей должно быть пріятно щегольнуть передъ женихомъ. Только чтобы до отъѣзда гостя она ни словомъ не обмолвилась объ этомъ ни мужу, ни дочери.

— Кстати, что-то не видно сегодня Бадеры, — какъ бы вскользь замѣтилъ онъ.

— Да, она часто исчезаетъ вотъ такъ, точно дикая коза,— отозвалась мать.

Онъ вошелъ къ себѣ съ опустѣлымъ сердцемъ. Первые два цвѣтка уже начали блекнуть, новыхъ на этотъ разъ не прибавилось.

Къ обѣду вернулся Амедъ.

Онъ отлично прокатился и жалѣетъ, что не встрѣтилъ Ха-

лиля. Можно было бы погнаться съ нимъ до Буркина. Онъ хотя и раньше видѣлъ, что у гостя хорошая лошадка, но все же не предполагалъ, что она такъ быстра и легка.

— Я только немножечко проскакалъ на ней, — сознался мальчуганъ, чтобы гость не подумалъ, что онъ злоупотребилъ его довѣріемъ.

Уже сидѣли за столомъ, когда, наконецъ, явилась Бадера.

Отецъ и мать ахнули увидѣвъ ее: она была не въ европейскомъ, а въ своемъ арабскомъ платьѣ, хотя и не въ томъ, въ которомъ онъ видѣлъ ее съ кувшиномъ, а въ болѣе праздничномъ.

Сбросивъ съ плечъ полосатый хабара, она осталась въ пестрой вышитой курткѣ поверхъ плотно облегавшей ея станъ галябіи и въ красныхъ съ загнутыми носками гезмахъ.

Отецъ не сдержался и даже при гостѣ сдѣлалъ ей строгій выговоръ. А мать стала прямо таки стыдить ее. Но, чтобы гость не подумалъ, что такая небрежность со стороны Бадеры относится къ нему, съ укоромъ добавила:

— Такъ вотъ всегда. Какъ только пріѣхать Халилю, она прячетъ дорогое платье и одѣвается, какъ простая арабка.

Бадера избѣгала глядѣть на Саянова, и онъ понялъ, что эта выходка относится именно къ нему: пусть молъ видитъ, какъ Бадера мало дорожитъ его мнѣніемъ. Наконецъ, не все ли равно,—говорило лицо ея,—какое бы дорогое платье она не надѣла, ей, съ ея смуглой кожей, большимъ ртомъ и черезчуръ тонкимъ станомъ не сравниться съ той петербургской красавицей, которую она видѣла на карточкѣ.

Бадера и не подозрѣвала, какъ шелъ къ ней именно этотъ костюмъ, сшитый дома, а не у городской портнихи въ Яффѣ. Съ какой бы радостью онъ отдалъ теперь многое, не исключая и своей ученой карьеры, за то, чтобы вернуть вчерашнее счастье и уничтожить все, что выросло столь неожиданно такой злой преградой между ними.

XIX.

Наконецъ, Халиль пріѣхалъ.

Саяновъ уже засталъ его, послѣ того какъ вернулся съ прогулки по той самой дорогѣ среди кактусовъ, гдѣ произошло это нелѣпое объясненіе съ Бадерой.

Амедъ, возбужденный, вбѣжалъ къ нему въ лѣтникъ и со-

общилъ радостную новость. Онъ уже успѣлъ показать Халилю лошадь гостя, и Халиль одобрилъ ее. Халиль, пожалуй, не прочь испытать, чья лошадь быстрѣе.

Теперь Халиль съ отцомъ сидятъ въ домѣ. Если гость хочетъ, онъ можетъ пойти къ нимъ, хотя бедуинъ не любитъ стѣнъ. Халиль и спитъ всегда у нихъ на крышѣ, и они сейчасъ поднимутся туда пить кофе.

Мальчикъ трещалъ безъ умолку.

— Мать заставила Бадеру варить кофе. Мать очень разсердилась на сестру, что она такъ и не захотѣла переодѣться въ дорогое платье, но Бадера упряма, какъ ослица у лавочника. Ужъ если она чего не хочетъ, такъ скорѣе бросится въ колодецъ, чѣмъ уступитъ.

Онъ обѣщалъ мальчику придти на крышу пить кофе, и тотъ убѣжалъ такъ же быстро, какъ появился.

Саяновъ почувствовалъ себя взволнованнымъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него человѣкъ, имени котораго еще нѣсколько дней тому назадъ онъ и не зналъ, точно также, какъ и не имѣлъ понятія о Бадерѣ. Одно движеніе руки судьбы—и въ жизнь его ворвалась новая сила, которая способна измѣнить весь путь его жизни.

Когда онъ вышелъ наружу, хозяинъ и Халиль уже сидѣли на крышѣ.

Юродивый изъ-за колодца съ какой-то собачьей преданностью глядѣлъ на Халиля, но, замѣтивъ Саянова, недовольно покосился на него и заворчалъ, отшвыривая ногой камни съ приставшей къ нимъ землею.

Саяновъ ужъ не разъ встрѣчалъ его злые взгляды, но приписывалъ все тому же безпокойству о жестянкѣ съ керосиномъ.

Нельзя было разглядѣть всего лица бедуина; оно было почти закрыто бахромой головного убора, но красивый тонкій съ горбиной носъ, да кончикъ чернаго уса опредѣляли сильными намеками хищный характеръ этого профиля.

Бадера, все въ томъ же уборѣ, поднималась на крышу съ подносомъ, на которомъ стояли три чашечки кофе. Для кого же третья? Для нея самой или для Амеда, который, конечно, сидитъ также на крышѣ, сложивъ по восточному ноги и съ восторгомъ любуется бедуиномъ?

Но вотъ Бадера поднялась по лѣстницѣ и бедуинъ всталъ, чтобы принять кофе. Онъ былъ не высокъ ростомъ, не выше ея, но фигура его, въ сѣрой съ коричневыми полосами абаѣ, была сильна и изящна.

Амедъ увидѣлъ Саянова и крикнулъ ему, какъ птица. Въ ту же минуту чашки, къ одной изъ которыхъ арабъ протянулъ руку, упали съ подноса на полъ.

Конечно, это Амедъ своимъ крикомъ испугалъ дѣвушку. Но бедуинъ взглянулъ не на Амеда, а на гостя, и взглядъ его черныхъ глазъ на мгновеніе впился въ него безпокойно и остро.

Теперь лицо араба было все на виду, смуглое и энергичное, полное выразительной восточной красоты и благородства.

Что-то вспыхнуло въ памяти Саянова. Гдѣ онъ видѣлъ это лицо? Такъ иногда съ нимъ бывало: видѣлъ несомнѣнно что-нибудь въ первый разъ, а знакомо, какъ будто грезилось когда-то во снѣ.

Вспомнилъ!

Ровно годъ тому назадъ въ Іудейской пустынѣ, между Мертвымъ моремъ и Іерихономъ, онъ одинъ на одинъ съ нимъ встрѣтился.

Стоялъ полдневый зной; струилось марево, и ослѣпительно бѣлыми и призрачными казались расплывающіеся контуры известняковыхъ холмовъ и скалъ, подобныхъ въ пепелъ превратившимся руинамъ допотопнаго міра.

Всадники, приближаясь двугъ къ другу, недовѣрчиво придержали своихъ лошадей и, прежде чѣмъ произнести салямъ, обмѣнялись продолжительными и испытующими взглядами.

Разъѣхавшись, ни тотъ ни другой не оглянулись назадъ, но Саяновъ хорошо помнилъ движеніе его руки и ждалъ, что— вотъ-вотъ просвиститъ мимо уха пуля. А что пуля не причинитъ ему не малѣйшаго вреда, онъ былъ въ этомъ непонятно для самого себя убѣжденъ.

И вотъ опять тотъ же взглядъ, какъ будто они снова въ пустынѣ Мертваго моря.

Онъ былъ пораженъ такою случайностью, но это подѣйствовало на него совсѣмъ особеннымъ образомъ: какъ и тогда въ пустынѣ, имъ овладѣлъ полный покой, удивившій его самого. Онъ направился къ лѣстницѣ.

На крышѣ Амедъ, чувствовавшій себя и на самомъ дѣлѣ виновнымъ, собиралъ осколки кофейныхъ чашечекъ.

Халиль старался обратить все это маленькое происшествіе въ шутку, увѣряя, что разбить что-нибудь при гостяхъ—признакъ новой радости.

Саяновъ вошелъ, и Халиль ужъ не глядѣлъ на него, какъ раньше, но черные острые глаза съ желтоватыми бѣлками подернулись влажной мутью.

Халиль несомнѣнно также узналъ его, и узналъ гораздо раньше, чѣмъ тотъ разсмотрѣлъ бедуина; но ни одинъ изъ нихъ сейчасъ не выдалъ воспоминанія о той встрѣчѣ.

Полнымъ достоинства жестомъ арабъ приложилъ руку къ сердцу и лбу. То же сдѣлалъ и Саяновъ, Затѣмъ, ладонь въ ладонь, они сложили обѣ пары своихъ рукъ.

Пока происходилъ между ними обычный обмѣнъ любезностей и привѣтствій, Бадера исчезла, оговорившись, что снова идетъ приготовить кофе.

Халиль сѣлъ на разостланную кошму и сложилъ ноги, но Саяновъ не хотѣлъ представляться арабомъ и принялъ стулъ, который поставилъ ему Амедъ.

Кофе принесла на этотъ разъ мать.

— Бадера готовитъ наргиле. Она просила сказать,—оправдывая дочь и вмѣстѣ съ тѣмъ гордясь своей находчивостью, произнесла мать:—не слѣдуетъ дважды повторять того, что въ первый разъ кончилось неудачно.

Оба приняли это замѣчаніе на свой счетъ.

Халиль сказалъ:

— Такъ говоритъ женщина; мужчина долженъ говорить иначе.

И, съ улыбкой сверкнувъ желтоватыми отъ куренья ровными, сильными зубами, онъ хлопнулъ мальчика по колѣну.

— Не такъ ли, Амедъ?

И отецъ, и Амедъ подтвердили эти слова, и всѣ принялись за кофе.

И опять вошла дѣвушка, съ красивымъ наргиле, которое поставила посреди сидящихъ.

Блестѣла вода за стекломъ. Дымились и рдѣли угольки. Отецъ только взглянулъ на дочь и она не посмѣла ослушаться. Покорно сѣла между нимъ и матерью и стала раскуривать кальянъ.

Саянову непріятно было видѣть въ губахъ дѣвушки большой черный чубукъ. Ея смуглыя щеки впадали, когда она втягивала воздухъ, обозначались скулы и глаза расширялись отъ усилій.

Въ чубукѣ засопѣло, оживилось; задрожала и забулькала и заворчала вода, сначала какъ будто недовольная, что ее потревожили, но затѣмъ ворчанье превратилось въ мурлыканье, и сизые клочья заклубившагося надъ водой дыма потянулись вверхъ.

И разъ, и два дѣвушка потянула въ себя дымъ изъ мундштука. Ее видимо одурялъ табакъ; опустивъ длинныя рѣсницы,

она выпускала изо рта голубоватыя душистыя струи и, наконецъ, съ нѣсколько замутившимися глазами вытерла платкомъ мундштукъ и нерѣшительно протянула его по направленію гостей, избѣгая глядѣть на того и другого.

— Тфадделе, — произнесъ арабъ, движеніемъ руки приглашая Саянова принять наргиле.

— Тфадделе, — въ свою очередь поспѣшилъ отвѣтить Саяновъ.

— Тфадделе, тфадделе,— съ улыбкой убѣждали Саянова хозяева.

Только Бадера молчала, опустивъ рѣсницы, но не выпуская изъ рукъ мундштука.

Тогда, видя, что всѣ отговорки ни къ чему не приведутъ и только затянутъ церемонію, такъ какъ бедуинъ здѣсь свой человѣкъ, онъ съ благодарностью кивнулъ головой и поспѣшилъ принять изъ ея рукъ наргиле.

Несмотря на то, что она вытерла мундштукъ, ему казалось, что еще чувствуются на немъ тепло и знакомая нѣжность ея губъ, и первыя же затяжки дыма нѣсколько опьянили его.

Всѣ, кромѣ Бадеры, съ удовольствіемъ слѣдили, какъ куритъ русскій арабскій наргиле, и поощряли его своими привѣтливыми восклицаніями. Но, соблюдя восточный этикетъ, онъ, также вытеревъ мундштукъ, передалъ его бедуину, и тотъ, отпустивъ ему неизбѣжную любезность, принялъ наргиле.

Саяновъ въ свою очередь отплатилъ ему также любезностью. Онъ сказалъ о примѣтѣ, касающейся допитой другимъ воды.

— А—а!—отозвался арабъ, держа мундштукъ въ одномъ углу губъ.—Значитъ, я узнаю твои мысли и мысли Бадеры вмѣстѣ.

И онъ глубоко потянулъ въ себя дымъ.

До сихъ поръ наргиле избавляло ихъ отъ необходимости говорить, но эти, повидимому, незначительныя слова уже прозвучали ревнивымъ намекомъ.

Бадера первая отозвалась на нихъ.

— О, мысли арабки и русскаго не могутъ смѣшаться, какъ этотъ дымъ съ водой,—указала она на стеклянную вазу наргиле.

Отецъ и мать, еще не разобравшись въ томъ, что она хотѣла выразить своимъ сравненіемъ, были, однако, изумлены ея смѣлостью.

Но Саянова обожгли ея слова, въ которыхъ слышалось уже мстительное чувство, и онъ отвѣтилъ почти на удачу, подвернувшимся случайно символомъ:

— Тѣмъ лучше. Такимъ образомъ дымъ очищается водой.

И уже не взвѣшивая отвѣтственности, которую налагали на него дальнѣйшія слова, онъ съ видимымъ спокойствіемъ, но безъ признака шутливости медленно произнесъ, какъ бы обнажая свою мысль:

— Поэтому я и рѣшилъ жениться на арабкѣ.

Мундштукъ вздрогнулъ во рту бедуина, и Саяновъ видѣлъ, что только во время вспыхнувшее усиліе удержало араба, и онъ не раздробилъ янтарь своими крѣпкими зубами.

Это заявленіе было до того неожиданно, что хозяева растерялись, а Амедъ, разинувъ ротъ, смотрѣлъ на гостя.

Опустивъ глаза, сидѣлъ бедуинъ, но Бадера всѣмъ тѣломъ чувствовала, какъ его взглядъ змѣей подползаетъ къ ней. Кровь отхлынула отъ головы къ сердцу, и сердце сначала расширилось, какъ будто заполняя всю грудь, потомъ сжалось, снова бросивъ кровь въ голову и разгоняя ее по всему тѣлу томительнымъ зноемъ.

Было всего одно мгновеніе молчанія, но оно подобно было той кровавосиней точкѣ, которая вспыхнула отъ послѣдняго солнечнаго луча въ выпукломъ стеклѣ также умолкшаго кальяна и погасла, разлившись алымъ румянцемъ по стеклу, и водѣ, и клубившемуся дыму.

Тогда Бадера, взглянувъ прямо въ глаза Саянову, сказала съ язвительной усмѣшкой:

— Нашему дорогому гостю трудно будетъ найти такую красивую дѣвушку среди арабокъ, какъ та, карточку которой онъ показывалъ мнѣ.

Саяновъ далъ нѣсколько остыть въ воздухѣ ея словамъ и затѣмъ все съ тѣмъ же неестественнымъ спокойствіемъ отвѣтилъ:

— Это карточка моей сестры. Вотъ она.

Онъ досталъ записную книгу и какъ бы въ удостовѣреніе своихъ словъ досталъ фотографію, на которой съ другой стороны была русская надпись.

Всѣ сдѣлали видъ, что съ любопытствомъ разсматриваютъ фотографію, и когда очередь дошла до бедуина, Бадера, сидѣвшая напротивъ, однимъ взглядомъ успѣла прочесть съ другой стороны:

«Милому брату моему Сашѣ отъ любящей сестры Ины».

И, встрѣтивъ послѣ этого взглядъ Саянова, полный любви и мольбы, отвѣтила ему мгновеннымъ, какъ молнія, взглядомъ.

Она встала съ такой легкостью, точно ее подняли крылья, и обратилась къ матери:

— Мама, пойдемъ приготовить ужинъ.

Мать поднялась и направилась вслѣдъ за дѣвушкой.

XX.

Все село, обрадованное опять вернувшимся тепломъ и тихой лаской весенняго вечера, высыпало наверхъ. И въ вечерней тишинѣ говоръ на крышахъ звучалъ, какъ воркованіе голубей. Серебряными узорами переплетали его здѣсь и тамъ звенѣвшія струны аûда.

Передъ самымъ ужиномъ Саянова точно подтолкнуло что-то: онъ спустился къ себѣ въ лѣтникъ, оговорившись, что по случаю вечерней прохлады перемѣнитъ бѣлый пиджакъ на болѣе теплый.

Едва отворивъ дверь, онъ вздрогнулъ отъ радости.

На мѣстѣ прежнихъ розъ стояли свѣжіе цвѣты. Онъ узналъ это по тому чистому благоуханію, которое эти цвѣты распространяли вокругъ, и, чиркнувъ спичкой, дѣйствительно увидѣлъ въ стаканчикѣ двѣ пары большихъ красныхъ розъ, какъ четыре расцвѣтшихъ буквы того признанія, которое принесли онѣ съ собою.

— Твоя.

Когда она успѣла это сдѣлать? Какъ она могла, не боясь быть замѣченной, съ крыши проникнуть сюда?

«Ну, Халиль Бедасъ», — прошепталъ онъ. — «Теперь посмотримъ, кто изъ насъ окажется побѣдителемъ».

За ужиномъ бедуинъ не могъ не похвалиться въ присутствіи Бадеры, что Сореинъ прибавилъ ему вознагражденіе за то, что онъ съумѣлъ погасить это непріятное дѣло о катастрофѣ. Съ наивностью дикаря онъ разсказывалъ о тѣхъ хитростяхъ, которыя пустилъ въ ходъ, чтобы убѣдить назаретскаго мудира не поднимать дѣла противъ Сореина. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ Сореинъ виноватъ, что Аллахъ прогнѣвался на бѣдныхъ феллаховъ и послалъ на землю страшный ливень какъ разъ тогда, когда они спали тамъ? А развѣ самъ Сореинъ мало пострадалъ, потерявъ такое количество дорогого скота? Но онъ не только не ропщетъ на эту утрату, а согласился даже помочь тѣмъ феллашскимъ семьямъ, которыя остались послѣ убитыхъ.

— И это я уговорилъ его сдѣлать такое доброе дѣло, — похвалился бедуинъ, но скрылъ, что задаренный мудиръ только съ такимъ условіемъ и согласился замять это дѣло.

Саяновъ доволенъ былъ, что Халиль занялъ всѣхъ своей бесѣдой. Уже спеціально для Бадеры и ея родителей онъ прибавилъ еще, что Сореинъ обѣщался въ счетъ будущаго жалованія дать ему земли и скота, когда онъ женится.

И отецъ, и мать похвалили щедрость Сореина; только одна Бадера не сказала ничего. Ей не трудно было угадать, что гость видѣлъ ея цвѣты.

Да, да, она переломила для него свою гордость. Этими цвѣтами она сама сознавалась, что была неправа.

Никогда еще Халиль не чувствовалъ, что она такъ далека отъ него, какъ въ этотъ вечеръ, и ревность отравой разливалась въ его крови.

Неужели этотъ свѣтловолосый гость въ нѣсколько часовъ завоевалъ то, чего вотъ уже сколько мѣсяцевъ добивается съ такой мукой и страстью бедуинъ?

Онъ уже слышалъ отъ хозяевъ, что гость у нихъ задержался проѣздомъ только благодаря ливнямъ, и осторожно завелъ разговоръ о томъ, какъ не боится тотъ странствовать одинъ въ чужой странѣ: вѣдь его могутъ ограбить, даже убить.

— Чтобы рѣшиться ограбить,—отвѣтилъ онъ,—грабитель долженъ рискнуть собою, а тутъ не изъ-за чего рисковать. А убивать?.. За что же убивать? Арабы попусту не станутъ проливать кровь.

Всѣ, и Халиль также, одобрительно закивали головой. Бедуинъ прибавилъ при этомъ, что обязанность мужчины быть храбрымъ, но и у храбраго можетъ быть врагъ.

— Покуда у меня не было враговъ среди арабовъ, а если будетъ, я постараюсь съ нимъ справиться.

Неожиданно зазвенѣлъ голосъ Бадеры:

— Справиться можно съ открытымъ врагомъ, но бываетъ врагъ коварный, который въ глухомъ мѣстѣ, изъ-за угла, пуститъ свою пулю.

Но въ сердцѣ Саянова сейчасъ было такъ свѣтло, что онъ не могъ и представить себѣ ничего подобнаго и, весело блеснувъ глазами, онъ произнесъ:

— Ну, что жъ, Кисметъ.

Бедуинъ мрачно шевельнулъ бровями. Не въ него ли пущена дѣвушкой эта стрѣла? Значитъ, въ самомъ дѣлѣ, его подозрѣнія оправдываются.

Онъ рѣшилъ быть настражѣ, и, новымъ движеніемъ бровей стеревъ съ лица мрачный налетъ, съ лукавымъ простодушіемъ сказалъ:

— Правда, жизнь и смерть въ рукахъ Аллаха, но все же лучше соблюдать осторожность.

Эту рѣчь онъ повелъ къ тому, что если гость согласится подождать его здѣсь еще нѣсколько дней, то они вмѣстѣ могутъ

доѣхать почти до самаго Іерусалима, миновавъ, такимъ образомъ, опасное ущелье Айнъ-Хараміе.

Хозяинъ также присоединилъ свой голосъ къ этому предложенію.

Въ самомъ дѣлѣ, почему бы гостю не остаться еще нѣсколько дней въ Буркинѣ? Все равно, завтра нечего и думать ѣхать черезъ Самарію: послѣ такого продолжительнаго ливня самарійскіе ручьи не вошли еще въ свои русла и на дорогахъ невылазная грязь. Если онъ не погибнетъ самъ, то навѣрное погубитъ коня. Они, его друзья, были бы спокойнѣе, если бы гость поѣхалъ вмѣстѣ съ Халилемъ.

Онъ и безъ того рѣшилъ не ѣхать завтра, чтобы окончательно выяснить свои отношенія съ Бадерой. Но послѣ-завтра, такъ или иначе, уѣдетъ: надо дать время устояться своему новому чувству, а затѣмъ принять то или иное рѣшеніе.

Саяновъ поблагодарилъ хозяевъ за вниманіе. Къ сожалѣнію, онъ долженъ ѣхать въ Іерусалимъ. А чтобы они о немъ не безпокоились, онъ тотчасъ же по пріѣздѣ имъ напишетъ.

Хозяинъ поспѣшилъ объяснить бедуину, что гостя ждетъ наука, а наука, какъ лошадь, не можетъ застаиваться безъ вреда для себя и для того, у кого она въ подчиненіи.

Но гость еще проще пояснилъ свою поспѣшность:

— Въ Іерусалимѣ я рѣшу наконецъ: останусь въ Палестинѣ навсегда, или навсегда ее покину. — И онъ взглянулъ прямо на Бадеру.

Бедуинъ перехватилъ этотъ взглядъ и уже больше не сомнѣвался. Лицо его помертвѣло и глаза какъ будто покрылись пепломъ. Опустивъ голову, онъ долго сидѣлъ неподвижно, потомъ устало поднялъ рѣсницы.

— Амедъ,—сказалъ онъ,—принеси мнѣ мой аудъ.

Амедъ принесъ инструментъ, похожій на мандолину.

Поднявъ сосредоточенные глаза, бедуинъ сталъ настраивать его, чутко прислушиваясь къ звукамъ.

Жалобно и нѣжно прозвучали струны, и вотъ, устремивъ огненный взглядъ на Бадеру, онъ запѣлъ глубокимъ, груднымъ голосомъ съ дикими переливами:

У пустыни есть знойный песокъ,
Всѣ песчинки сосчитаны Богомъ,
Пусть несетъ ихъ, шутя, вѣтерокъ,
По горамъ, по холмамъ и дорогамъ,—
Ни одной никогда не пропасть.
Такова моя вѣрная страсть.

Сколько бъ мысли мои о тебѣ
Не взметала земная тревога,
Всѣ онѣ въ подчиненьи судьбѣ,
Всѣ онѣ на подсчетѣ у Бога,—
Ни одной никогда не пропасть.
Такова моя вѣрная страсть.

Оттого, что тебя я люблю
Больше солнца, коня и пустыни,
Для тебя я богатства коплю
И надежды лелѣю донынѣ,—
Никому, ни одной не украсть.
Такова моя вѣрная страсть.

Послѣднія слова прозвучали несдержанной угрозой. Кончивъ свою пѣсню онъ съ торжествомъ посмотрѣлъ на Бадеру и сказалъ гордо и страстно: — Это я самъ сочинилъ дѣвушкѣ, которую люблю.

Бадера ни слова не отвѣтила.

Онъ всталъ, поднялъ руки къ небу, точно большая черная птица, собирающаяся летѣть, и съ глубокимъ вздохомъ произнесъ:

— О, Алла! Алла!

XXI.

На другое утро Халиль долженъ былъ уѣхать, но Амедъ умолялъ его остаться, чтобы испытать, чья лошадь быстрѣе бѣгаетъ: его или русскаго гостя.

Бедуинъ мысленно уже рѣшилъ остаться до обѣда. Онъ хотѣлъ потребовать окончательнаго отвѣта отъ Бадеры, а нынче ночью это врядъ ли могло ему удасться. Наконецъ, ночь скорѣй солжетъ, чѣмъ день, и, если даже ему придется остаться до завтра, чтобы не дать сопернику возможности видѣться съ глазуна-глазъ съ Бадерой до отъѣзда, онъ останется до завтра.

А тамъ, будь что будетъ. Иньша Алла.

Онъ сдѣлалъ видъ, что ему самому интересно сравнить лошадей. Его подчиненный говорилъ именно объ этой лошади, что она превосходно бѣгаетъ. Онъ узналъ лошадь сразу по описанію объѣздчика, когда увидѣлъ ее самъ. И Халиль согласился уступить просьбамъ мальчика.

— Я увѣренъ, что твоя лошадь лучше,—сказалъ Саяновъ.

У бедуина сверкнула въ глазахъ затаенная мысль.

— Я не хочу обидѣть моего новаго друга, но скажу, что

опытный музыкантъ съумѣетъ сыграть и на плохомъ аудѣ лучше, чѣмъ неопытный на хорошемъ. Я выросъ на лошади, и мнѣ случалось даже арабовъ обгонять на худшемъ, чѣмъ у нихъ, конѣ.

Саяновъ отвѣтилъ, что хотя онъ тоже знакомъ съ лошадьми съ самаго ранняго дѣтства, но, конечно, ему врядъ ли возможно тягаться съ бедуиномъ въ этомъ искусствѣ.

Однако, не смотря на это скромное заявленіе, ему и тутъ не хотѣлось остаться въ глазахъ Бадеры побѣжденнымъ.

Утромъ, когда еще не успѣло, какъ слѣдуетъ, подняться солнце, Амедъ разбудилъ Саянова. Халиль уже готовъ и ждетъ его. Дорога въ Ездрилонской долинѣ просохла и нечего бояться, что лошадь можетъ поскользнуться во время скачки.

Саяновъ взглянулъ на розы, на мальчика—ея брата съ такими же глазами, на розовую струйку свѣта, которая скользила по щели новой деревянной ставни, пахнувшей клеемъ, и, весело зѣвнувъ, былъ черезъ нѣсколько минутъ совсѣмъ готовъ.

Онъ выпилъ чашечку кофе, какъ настоящій арабъ, съѣлъ немного свѣжаго лебена съ сѣрымъ хлѣбомъ и, посадивъ мальчика, осѣдлавшаго ему лошадь, сзади на сѣдло, выѣхалъ изъ деревни.

Въ степи, кромѣ Халиля и хозяевъ, собралась цѣлая толпа любопытныхъ, среди которыхъ былъ и дурачекъ. Бадера пришла также, но на этотъ разъ въ европейскомъ платьѣ, и опять показалась Саянову болѣе тусклой, нежели вчера. Но онъ любилъ ее и чувствовалъ это сейчасъ еще глубже, чѣмъ раньше.

Здороваясь съ ней, онъ взглядомъ поцѣловалъ ея губы и по ея взгляду видѣлъ, что она поняла его, и глаза ея загорѣлись счастьемъ.

Амедъ спрыгнулъ съ сѣдла и, съ благодарностью потрепавъ шею лошади, побѣжалъ къ Халилю.

Саяновъ, привѣтствуя Халиля, ревниво залюбовался имъ. Бедуинъ на лошади былъ еще красивѣе. Да и лошадь стоила его: тонконогая, поджарая, шелковистой рыжей масти, она была украшена великолѣпнымъ сѣдломъ, съ узорными накидками, съ разноцвѣтными кистями и бисерными украшеніями.

Лошадь хорошо знала своего хозяина и все же нервничала: нетерпѣливо покручивала короткой узкой головой, кусала удила и выгибалась всѣмъ своимъ легкимъ тѣломъ.

Лошадь Саянова была куда бѣднѣе, но пожалуй на большое разстояніе они могли еще поспорить. Онъ видѣлъ, что она

нынче въ духѣ, но слишкомъ спокойна, и чтобы немного возбудить ее, подъѣхалъ къ бедуину.

— Твой конь и ты, — сказалъ онъ ему съ искреннимъ восхищеніемъ, — заслуживаете золотой рамы.

Бедуинъ не совсѣмъ понялъ его любезности слишкомъ европейскаго тона, но все же съ насильственной улыбкой кивнулъ ему головой, и не удержался, чтобы не хвастнуть:

— На твоей лошади я обгоню и лучшаго скакуна.

Отъ близости другой, лошадь Халиля пришла въ еще большее возбужденіе: она затанцовала, готовая вотъ-вотъ взвиться на дыбы, точно ее напоили виномъ. И лошадь Саянова, также почувствовавъ соперницу, заволновалась и стала тревожно поводить напряженно вздрагивающими ушами.

Халиль условился съ Саяновымъ:

— Мы доскачемъ до того холма и обратно. Идетъ?

Разстояніе въ общемъ было не болѣе пяти верстъ, холмъ виднѣлся тамъ, гдѣ дорога выскальзывала изъ золотистыхъ хлѣбовъ на пары.

— Идетъ, — согласился Саяновъ.

При общемъ молчаніи, они сравняли лошадей, и по знаку Амеда, взявшаго на себя роль ихъ стартера, ринулись впередъ.

Бедуинъ сразу далеко обошелъ его, но неистовые крики арабовъ и пронзительная горловая трель арабскихъ женщинъ точно хлестнули лошадь Саянова, и она сразу подвинулась впередъ.

Но онъ еще былъ шагахъ въ двадцати отъ бедуина, когда тотъ уже обходилъ холмъ и, повернувшись прямо передъ лицомъ соперника, побѣдоносно крикнулъ и устремился обратно.

Саянову бросилась въ глаза вытянутая голова лошади съ раздувающимися ноздрями и на мгновеніе жадно скосившимися въ его сторону глазами; совершенно такое же выраженіе онъ замѣтилъ въ лицѣ и глазахъ Халиля.

«Еще не все потеряно! Еще не все потеряно!» — лихорадочно билось въ головѣ Саянова. Онъ также сдѣлалъ поворотъ и, когда снова выскочилъ на дорогу, ему показалось, что разстояніе не увеличилось. Онъ гикнулъ такъ же возбужденно и дико, можетъ быть невольно повторивъ крикъ Халиля; но тотъ услышалъ этотъ крикъ, издалъ вопль еще пронзительнѣй и сразу ушелъ отъ него.

«Ну, что жъ», — съ непріятнымъ чувствомъ думалъ Саяновъ, подлетая къ цѣли послѣ бедуина. «Я же и раньше думалъ, что его лошадь лучше и говорилъ ему это».

Однако, сердце непріятно сосало сознаніе пораженія, и онъ не рѣшался взглянуть въ ту сторону, гдѣ стояла Бадера.

Арабы старательно хвалили и его лошадь, но это мало его утѣшало. Онъ смотрѣлъ на красовавшагося бедуина, который пытался успокоить своего коня, и ужъ не восхищался имъ, а съ неодолимымъ чувствомъ зависти и досады представлялъ свой жалкій видъ рядомъ съ этимъ побѣдителемъ.

«Кто знаетъ, можетъ быть, и Бадера, сравнивъ меня съ нимъ, уже готова каяться въ своемъ скороспѣломъ чувствѣ».

Подавивъ неловкость, онъ вслухъ повторилъ о лошади Халиля и о своей то, что думалъ.

Тогда Халиль хвастливо и громко, чтобы всѣ слышали, сказалъ:

— Да, моя лошадь лучше, но если ты сядешь на моего коня, а я на твоего, все же я перегоню тебя.

Это ужъ былъ вызовъ соперника, гордаго своей побѣдой и силой.

Если бы здѣсь не было Бадеры, онъ съ насмѣшкой отказался бы отъ этого вызова, такъ какъ совсѣмъ не претендовалъ на первенство наѣздника. Да, пожалуй, теперь его лошадь и могла не уступить. Въ первый разъ при маленькой дистанціи она не успѣла еще разойтись. Но при Бадерѣ онъ не могъ отказаться. И наконецъ, когда бедуинъ предлагаетъ другому сѣсть на своего коня, онъ этимъ оказываетъ такую честь и выражаетъ такое довѣріе, что нельзя отказаться, не оскорбивъ его.

Саяновъ украдкой взглянулъ на Бадеру и увидѣлъ, какъ она съ глазами, полными ужаса, шептала что-то своему отцу, бросая умоляющіе взгляды въ сторону Саянова.

По его лицу она увидѣла, что онъ сейчасъ скажетъ—да. Бадера не выдержала и крикнула ему по-русски:

— Не садись на его лошадь, она тебя убьетъ.

Но эти слова только хлестнули его, какъ униженіе. Жалкимъ же ничтожествомъ и трусомъ онъ долженъ былъ показаться ей, если она разсчитывала, что послѣ ея крика онъ побоится сѣсть на лошадь бедуина.

Обернулся къ Халилю. Тотъ хотя и не зналъ ни звука по-русски, но не могъ не угадать ея словъ и глядѣлъ на него съ злой усмѣшкой.

— Идетъ!—сорвалось у Саянова, и онъ спрыгнулъ съ своей лошади и передалъ ея поводъ Амеду.

XXII.

Бедуинъ также соскочилъ со своего коня и самъ держалъ его за уздечку.

Но лишь только чужой сталъ приближаться, конь съ глазами полными испуга, напомнившими ему врѣзавшіеся въ память глаза Бадеры, сталъ бокомъ отступать отъ него, косясь въ сторону своего хозяина, не понимая, какъ можетъ тотъ подвергать своего коня такому униженію.

Движеніемъ руки остановивъ на мгновеніе соперника, бедуинъ сталъ успокаивать лошадь, нѣжно дуя въ эти прекрасные огненные глаза, бормоча ей слова ласки и кротости.

И когда лошадь повѣрила ему и только на немъ остановила свой взглядъ, онъ сдѣлалъ знакъ Саянову. Тотъ осторожно приблизился и, положивъ одну руку на луку, занесъ ногу въ стремя. Быстрымъ движеніемъ бедуинъ перекинулъ ему уздечку, какъ разъ въ тотъ мигъ, когда всадникъ былъ уже въ сѣдлѣ.

Лошадь сразу поняла, что ее коварно обманули, и, бѣшено закрутивъ головой, сдѣлала бокомъ нѣсколько порывистыхъ движеній, какъ бы взвѣшивая крѣпость и силу своей ноши.

Всадникъ зналъ, что она сейчасъ взовьется на дыбы, и всѣмъ корпусомъ наклонившись къ шеѣ на вытянутыхъ стременахъ, крикнулъ въ толпу:

— Берегись!

Но уже всѣ и безъ того далеко отодвинулись въ сторону. Бедуинъ, сидя на его лошади, съ подобранными наготовѣ поводьями, скаля зубы, жадными глазами слѣдилъ за своимъ конемъ.

Конь, какъ на пружинахъ, поднялся на заднія ноги, пробуя сбросить непривычную обузу. Но тотъ почти стоя на стременахъ, крѣпко держался въ сѣдлѣ.

Тогда конь, дрожа, выпрямился на заднихъ ногахъ, закрутился во всѣ стороны, вотъ-вотъ готовый опрокинуться самъ и придавить своей тяжестью всадника.

Тотъ отпустилъ поводья и лошадь, почувствовавъ обманчивую свободу, съ размаха гулко стукнула передними копытами о землю и рванулась впередъ.

Но поводья снова натянулись и, сдѣлавъ кругъ на ней, онъ крикнулъ бедуину.

— Иди!

Они помчались.

Лошадь сначала несла его съ бѣшеной быстротой, но ужъ близъ холма онъ почувствовалъ, что она ослабѣваетъ: ее утомила безплодная, напряженная борьба передъ этимъ и первая скачка.

Однако соперникъ отсталъ на порядочное разстояніе, и, когда онъ сдѣлалъ поворотъ, лошади оказались въ томъ же положеніи, какъ и при первой скачкѣ.

Теперь оба мчались обратно. И по мѣрѣ того, какъ уменьшалось разстояніе до цѣли. Саяновъ все яснѣе чувствовалъ приближающійся стукъ копытъ. «Неужели догонитъ!» подумалъ онъ съ тревогой, и ударилъ лошадь. Она сдѣлала сбой и, хотя затѣмъ сразу взяла сильнѣе, порыва ея хватило только на полминуты.

Опять приближался стукъ копытъ, ровный и отчетливый, какъ отбиванье такта въ музыкѣ.

«Обгонитъ!»—уже со стыдомъ и злостью подумалъ Саяновъ. Въ эту минуту онъ услышалъ сзади повелительный крикъ бедуина:

— Ударь ее между ушей!

Онъ машинально повиновался, и уже черезъ нѣсколько мгновеній стукъ копытъ сзади сталъ ослабѣвать. Онъ мчался, почти не ощущая подъ собой сѣдла, весь отдавшись этому упоительному чувству восторга, которое сразу охватило его при сознаніи торжества, хотя оно досталось ему совершенно неожиданно. Это чувство увеличивалось еще удовольствіемъ отъ обузданія лошади, которая теперь повиновалась ему, какъ хозяину.

Бедуинъ сказался: онъ не могъ перенести пораженія, ожидающаго его коня, крикъ вырвался у него помимо его воли, но онъ тутъ же застоналъ отъ раскаянія и злости, когда увидѣлъ, что теперь все потеряно, ему не нагнать противника, и жалокъ и смѣшонъ окажется онъ передъ всѣми и передъ Бадерой со своимъ хвастовствомъ. Въ этомъ отчаяніи потонула досада, что не оправдалась его надежда, что конь его сброситъ и искалѣчитъ врага.

Дружный, дикій, полный самыхъ нечеловѣческихъ звуковъ шумъ привѣтствій встрѣтилъ побѣдителя. Но Саяновъ не могъ сразу остановить коня и проскакалъ далеко впередъ. Когда онъ уже поворачивалъ обратно, бедуинъ поровнялся съ нимъ.

Его лицо было искажено отъ стыда и униженія.

— Халиль!—съ снисходительностью счастливца крикнулъ Саяновъ противнику.—Этой побѣдой я обязанъ тебѣ. Я не хочу пользоваться твоимъ великодушіемъ.

Но бедуинъ въ тоскѣ закачалъ головой.

— Ты скакалъ на моемъ конѣ, значитъ, ты и побѣдилъ. Я же оказался жалкимъ хвастуномъ. Но я готовъ отдать тебѣ всѣ побѣды, кромѣ одной... Кромѣ одной!..—съ мукой повторилъ онъ.— Эсма! Задержи лошадь и выслушай меня.

Саяновъ съ неохотой повиновался, чувствуя, что предстоитъ тяжелое объясненіе. Знакомыми своему коню словами и голосомъ бедуинъ заставилъ его идти шагомъ бокъ о бокъ съ собой.

Арабъ наклонился къ Саянову и, впиваясь въ него глазами, продолжалъ:—Слушай, русскій, ты понимаешь, о чемъ говорю я. Никогда и ни передъ кѣмъ Халиль не унижался до мольбы, а тебя я молю: оставь мнѣ Бадеру.

Саяновъ взглянулъ въ лицо бедуина и ничего не отвѣтилъ ему.

— Она уже почти согласилась быть моей женою, но явился ты, и она не хочетъ даже смотрѣть на меня.

— Не въ нашей власти, Халиль, заставить любить не только другихъ, но и себя.

— Любовь можно заслужить любовью. Холодность дѣвушки превращается часто въ страсть къ тому, кто разбудитъ ее на своемъ ложѣ женщиной. Но бываетъ и такъ, что любовь дѣвушки послѣ первой же брачной ночи переходитъ въ отвращеніе къ мужу.

— Ты не напугаешь меня, Халиль, такими рѣчами.

Бедуинъ закачался въ сѣдлѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, конечно, эти рѣчи—безумныя рѣчи. Ты умнѣе меня и ты больше меня знаешь. Я простой дикарь, бедуинъ. Я буду говорить съ тобой иначе. Оставь мнѣ Бадеру. Поѣзжай и не возвращайся, и она забудетъ тебя и выйдетъ за меня замужъ. Зачѣмъ тебѣ бѣдная арабская дѣвушка? Ты пришелецъ у насъ. Развѣ мало у тебя красавицъ на родинѣ? Ты самъ красивъ, и ученъ, и смѣлъ, ты выберешь себѣ любую по сердцу, и она полюбитъ тебя.

— Нѣтъ, Халиль, сердце само выбираетъ, не спрашивая насъ ни о родѣ и племени, ни о цвѣтѣ кожи, ни о богатствѣ.

Арабъ стиснулъ зубы и откинулся въ сѣдлѣ.

— Эта дѣвушка мнѣ дороже моей жизни,—вырвалось у него тономъ, въ которомъ зазвучала страсть и угроза.—У меня нѣтъ никого, кромѣ Бадеры и моего коня. Я подарю тебѣ коня моего, и навсегда ты станешь мнѣ дороже брата. Если у тебя будетъ здѣсь смертельный врагъ, ты только назови его Халилю.

— Если у меня будетъ врагъ,—отвѣтилъ Саяновъ на по-

слѣднія слова,—я никогда не прибѣгну къ чужой рукѣ, чтобы избавиться отъ него.

Точно укушенный этими словами, Халиль выпрямился въ сѣдлѣ и, не скрывая загорѣвшейся въ глазахъ ненависти, взглянулъ на унизившаго его соперника.

Зачѣмъ онъ не убилъ его тогда, въ глухой пустынѣ Мертваго моря! Никто бы не узналъ этого, и теперь бѣлый песокъ обмывалъ бы впадины его голубыхъ глазъ, съ такимъ холодомъ взирающихъ на мученія Халиля.

Бедуинъ едва удержалъ на своихъ губахъ смертельную угрозу. Въ изступленіи онъ поднялъ руки къ небу и простоналъ:

— О, Алла! Алла!

И остановивъ коня, спрыгнулъ съ сѣдла на песокъ.

Каждый пересѣлъ на свою лошадь.

Не глядя на врага, бедуинъ наклонилъ голову.

— Прощай,—сказалъ онъ.—Передай имъ, что Халилю стыдно было вернуться съ такимъ позоромъ.

И, ни разу не обернувшись, онъ шагомъ поѣхалъ въ сторону.

Изъ толпы отдѣлился юродивый и быстро побѣжалъ къ Халилю, потѣшая арабовъ, какъ дѣтей, своими неуклюжими скачками и торопливостью.

XXIII.

— Ночью лишь всѣ уснутъ, я приду къ тебѣ, милый.

Такъ сказала ему Бадера, когда онъ едва выбралъ минуту, чтобы высказать ей желаніе переговорить наединѣ.

Это была рискованная затѣя, но разъ онъ уѣзжалъ завтра, надо было рѣшиться. Отецъ и мать, видимо, стали подозрѣвать что-то и почти не спускали съ нихъ глазъ. Нечего было и думать увидѣться гдѣ-нибудь внѣ дома. Съ другой стороны, если бы ихъ свиданіе и было открыто, это только ускорило бы развязку, которую онъ считалъ неизбѣжной. Да еще, можетъ быть, онъ и не уѣдетъ отъ Бадеры.

Съ томительно бившимися сердцами сошлись они послѣ ужина. Ея послѣдній взглядъ сказалъ ему:—Жди.

Вскорѣ послѣ того, какъ онъ пришелъ къ себѣ, юродивый хмуро отворилъ дверь и, косясь на гостя, на четверинкахъ по-звѣриному полѣзъ подъ диванъ, вытащилъ оттуда жестянку съ керосиномъ и, убѣдившись, что она осталась, какъ была, почти полной, снова засунулъ ее туда и ушелъ спать.

Саяновъ былъ доволенъ: по крайней мѣрѣ хоть этотъ не прилѣзетъ больше ночью.

На всякій случай, онъ сложилъ всѣ свои вещи въ мѣшокъ, съ умысломъ затягивая это минутное дѣло, чтобы занять время. Но время тянулось убійственно медленно. Часы тикали въ тишинѣ съ какой-то старческой вялостью и, казалось, растягивали минуты.

«Вотъ еще будетъ удовольствіе, если часы, какъ тогда, поднимутъ свою дурацкую музыку», вспомнилъ онъ. И ужъ хотѣлъ какъ-нибудь избавиться отъ нихъ на эту ночь. Но часы вдругъ сами, точно угадавъ его желаніе, остановились: Амедъ, увлеченный состязаніемъ, забылъ ихъ завести.

«Сегодня у меня положительно день удачъ»—подумалъ Саяновъ съ удовольствіемъ и пошелъ осмотрѣть снаружи ставни. чтобы сама ночь не могла въ щелочку видѣть ихъ вдвоемъ.

Ночь была темная и безлунная. Серпъ мѣсяца поникъ за холмомъ еще раньше, когда они сидѣли на крышѣ за послѣдней бесѣдой съ отцомъ Бадеры.

Саяновъ не разъ намекалъ ему на близость своего возвращенія и на свои намѣренія, но священникъ или никакъ не могъ даже предположить, что такой важный гость, европеецъ, пожелаетъ жениться на его дочери, или не вѣрилъ въ такую возможность. Ничѣмъ не отозвался онъ на его намеки и, въ концѣ-концовъ, началъ даже позѣвывать отъ утомленія.

Больше часа прошло, когда наконецъ онъ услышалъ легкое движеніе у двери, и съ сильно бьющимся сердцемъ пріотворилъ ее.

Бадера никакъ не ожидала, что у него горитъ огонь. Проскользнувъ въ дверь и притворивъ ее за собою, остановилась на порогѣ, страшно смущенная, не рѣшаясь поднять глаза.

Она была босая, въ одной камесѣ, какъ легла въ постель. Закрывая руками грудь, въ которой сердце билось, какъ вѣтка прибрежнаго дерева въ потокѣ, она взглядомъ, наконецъ, указала на лампу, и онъ поспѣшилъ погасить ее.

Темнота охватила ихъ.

Въ ту же минуту они очутились въ объятіяхъ другъ друга, и онъ чувствовалъ въ своихъ рукахъ все ея тонкое, гибкое тѣло, прикрытое тканью, полудѣтскую грудь и голыя руки, обнимавшія его шею.

— Бадера!.. Бадера!..—повторялъ онъ безсмысленно ея

имя, точно въ этихъ шести буквахъ заключалось все, что онъ могъ сказать ей.

Она ничего не говорила. Она только прижималась къ нему, изнемогая отъ его поцѣлуевъ, чувствуя, какъ изъ-подъ ногъ убѣгаетъ земля и инстинктивно ища опоры въ немъ одномъ.

Они натолкнулись на что-то. Что-то упало. Оба замерли. Тишина. Вѣрно упалъ стулъ.

Земля продолжала уплывать изъ-подъ ногъ.

Она уже не въ силахъ была стоять, и онъ почти на рукахъ держалъ все тѣло дѣвушки, которое тянулось къ нему, пьянило и распаляло его.

Но едва сѣла она на постель, сознаніе такъ ясно освѣтило желаніе, съ которымъ она пришла, и его поразилъ ея голосъ, почти спокойный и полный блаженнаго восторга:

— Возьми меня... Всю возьми меня... Никогда и никому я не буду принадлежать, кромѣ тебя. Всю возьми меня, а тамъ пусть я умру!

И она вдругъ заплакала отъ переполнявшей ее страсти.

Онъ не слышалъ ея рыданій, не видѣлъ ея лица, но на своемъ лицѣ ощущалъ ея слезы, цѣлый дождь слезъ, брызнувшихъ изъ ея глазъ.

— Ты не умрешь, Бадера... Ты не умрешь... Я увезу тебя съ собою. Тебя... мою жену. Бадера. Завтра... завтра.

Онъ уже не владѣлъ собою. Онъ изступленно сжималъ ея тѣло и повторялъ все тѣ же слова:

— Мою жену... Бадера!

Она тихо вскрикнула отъ счастья и блаженства. И ей представилось, что она плыветъ на волнѣ огненно-алаго потока.

Черезъ часъ она ушла отъ него, и онъ заснулъ счастливый, что завтра увидитъ ее снова и уже больше не разстанется съ ней никогда.

Снится Саянову, что жестянка выползаетъ изъ-подъ кровати. И его нисколько не удивляетъ, что она большая, мохнатая, ползетъ на четырехъ лапахъ и тяжело и удушливо дышетъ. Вотъ тянется къ нему, какъ будто проводитъ по его одѣялу мягкими жидко-текучими лапами, и охватываетъ смраднымъ чадомъ, отъ котораго становится все тяжелѣе дышать.

Онъ не можетъ шевельнуться. И вдругъ она бросается на его тѣло и больно кусаетъ его.

Въ страхѣ очнулся онъ отъ этого безобразнаго кошмара и не сразу понялъ, что происходитъ. Можетъ быть, онъ все еще спитъ? Поднялъ голову, и тутъ же все понялъ и отчаянно дико вскрикнулъ отъ боли.

Все облито керосиномъ, все пылаетъ, и онъ самъ горитъ въ своей постели.

Въ безконечномъ ужасѣ онъ метнулся къ двери. Но и дверь горѣла. Онъ все же ударился въ нее руками. Дверь была заперта.

Онъ рванулъ ставни, и осколки стекла врѣзались ему въ руки, и кровь закапала, треща и шипя на огнѣ.

Тогда онъ заметался, забился, вопя отъ нестерпимой боли, срывая съ себя огненные клочья, въ безпамятствѣ катаясь по полу...

Дверь слетѣла съ петель. Кто-то склонился надъ нимъ. Кто-то смѣялся тихимъ, безумнымъ смѣхомъ. Можетъ быть Бадера? Теперь это ему было все равно. Что-то бѣлое, легкое, прохладное, какъ снѣгъ падало на него и засыпало глаза... ротъ... грудь... все тѣло.

А. Ѳедоровъ.

ЛИТВА.

Въ зноѣ шелъ слѣпецъ Литвою —
Пламя пѣсенъ на челѣ,
Посохъ, мальчикъ подъ рукою,
Да гармонія въ чехлѣ.

Подъ колосьями томилась
Супесчаная земля,
Изъ послѣднихъ силъ дѣлилась,
О покоѣ не моля.

Звонко Вилія вскипала
На упорныхъ валунахъ,
Будто воля не пропала
На вилейскихъ берегахъ.

Избы мшистыя чернѣли
То подъ небомъ, то у водъ.
Сосны ржавыя да ели
Въ рѣдкій жались хороводъ.

Вѣтеръ бѣгалъ, злой и жадный,
Въ желтомъ облакѣ песка.
Зорко ястребъ безпощадный
Мѣтилъ жертву свысока.

Спотыкался по дорогѣ
Пьяный, пьяное твердя.
Цвѣтикъ желтенькій, убогій,
Въ пыльномъ полѣ ждалъ дождя.

Долго шелъ слѣпецъ Литвою,
Да не вѣдалъ, не видалъ,
Что пустыней, чуть живою,
Темный путь его лежалъ.

Съ дѣтскихъ дней въ глуби темницы
Сохранялъ померкшій взглядъ
Море ярое пшеницы,
Рѣку, пасѣку и садъ,

Бѣлыхъ аистовъ на крышѣ,
Стадо сытое и мать,
Припадающую къ нишѣ
Плащъ Маріи лобызать.

— Не видать ли гдѣ деревни? —
Онъ спросилъ поводыря.
Подымалась силой древней
Въ немъ пѣвучая заря.

И, махнувъ рукою строго,
Чтобъ къ обочинѣ подвелъ,
Сѣлъ онъ тутъ же, надъ дорогой,
Снялъ съ гармоніи чехолъ,

Наложилъ персты, какъ надо,
Растянулъ, взыгравъ, мѣхи,
И запѣлъ съ тоской-усладой
Лучезарные стихи.

Подъ созвучія густыя
Голосъ ладно пѣсню велъ
Про годины золотыя,
Про народъ, народовъ стволъ;

Про Перуна володыку,
Про Адамовъ тѣсный рай,
Про князей Литвы великой,
Про походы въ лютый край;

Про гремящихъ за Холмами
Златокосыхъ поляницъ

И про рыцарей съ конями
Быстролетнѣй дикихъ птицъ.

И звучало жутко въ полѣ,
Будто сквозь кадильный дымъ
Дряхлый ангелъ пѣлъ въ костелѣ
За органомъ вѣковымъ.

А въ сухой травѣ мальченка,
Озираючись вокругъ,
То смѣялся звонко, звонко,
То заслушивался вдругъ.

Сергѣй Городецкій.

ИЗЪ ДАЛЬНИХЪ ЛѢТЪ[1].

I.

Въ 1879-80 гг., вскорѣ послѣ покушеній Соловьева и Халтурина и участившихся террористическихъ актовъ, стали выползать изъ разныхъ щелей всевозможные «ловцы момента», всячески примащивавшіеся къ разыгравшейся реакціи. Уже и тогда всевозможные «добровольцы» (и въ ихъ числѣ немало городскихъ и сельскихъ «батюшекъ»), хотя еще не въ такомъ масштабѣ, какъ впослѣдствіи, принялись науськивать темную массу на «интеллигенцію» вообще и на «политическихъ» въ особенности, распространяя разными путями, прямо и косвенно, при помощи слуховъ и намековъ, всевозможныя небылицы о враждѣ ихъ къ «народу», къ «крестьянству». «Политическіе»— инсинуировали они,—враждебно выступаютъ противъ императора Александра II, мстя ему за освобожденіе крестьянъ, которыхъ они, «политическіе», не прочь бы вновь закабалить и т. п.

То враждебное отношеніе, которое было проявлено ко мнѣ и моимъ ялуторовскимъ товарищамъ по ссылкѣ корнемъ своимъ имѣло проповѣдь, произнесенную въ ялуторовскомъ соборѣ старикомъ протоіереемъ по поводу спасенія Александра II отъ поку-

---

[1]) Воспоминанія г. С. Чудновскаго, подъ общимъ заглавіемъ: «*Изъ дальнихъ лѣтъ*» печатались въ журналахъ: «Былое», «Историческій Сборникъ», «Минувшіе Годы». Отдѣльные очерки, на которые подраздѣлены эти воспоминанія, представляютъ каждый почти законченное цѣлое.—Въ предыдущихъ очеркахъ изображены студенческіе «безпорядки» 1869 г., въ которыхъ участвовалъ авторъ, его арестъ, заключеніе въ тюрьмѣ и крѣпости, судъ и ссылка въ Сибирь, пребываніе въ Ялуторовскѣ, новый арестъ и распоряженіе генералъ-губернатора Зап. Сибири о переводѣ Чудновскаго въ Курганскую тюрьму.

Ред.

шенія Соловьева. Въ этой проповѣди весьма прозрачно и тонко дѣлались намеки на то, что ко всѣмъ подобнаго рода дѣламъ не въ малой мѣрѣ причастны всякаго рода «политическіе» вообще.

И сельскіе батюшки, въ свою очередь, признавали своимъ долгомъ прибѣгать къ подобнаго рода инсинуаціямъ, не остававшимся безъ послѣдствій. При переѣздѣ моемъ изъ Ялуторовска въ Курганъ на многихъ почтовыхъ станціяхъ толпами собирались крестьяне глазѣть на «господина въ кандалахъ», сопровождаемаго двумя жандармами въ полной формѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне эти демонстративно проявляли свое враждебное ко мнѣ отношеніе, а на одной станціи толпа выказала особую ко мнѣ враждебность. Мои жандармы нашли нужнымъ, грозно заявить, что никому до меня никакого дѣла нѣтъ, никто не имѣетъ права оскорблять меня и называть меня «поджигателемъ» (изъ среды толпы раздавался и такой зловѣщій возгласъ!), и для всякой расправы установлены опредѣленныя власти, самоуправствовать же воспрещается, за меня они отвѣчаютъ и т. д.

Въ общемъ, впрочемъ, переѣздъ мой изъ Ялуторовска въ Курганъ былъ скорѣе благопріятный. Жандармы были вѣжливы, заботились о моихъ удобствахъ, старались пріобрѣтать для меня хорошую и доброкачественную провизію и т. п. Далекіе отъ центра активной борьбы съ «крамолой», провожатые мои относились ко мнѣ довольно доброжелательно, съ нѣкоторымъ даже уваженіемъ. Немало я хохоталъ, когда эти простоватые тюменскіе жандармы наивно и серьезно убѣждали меня, что—по всѣмъ видимостямъ—приближается время пришествія Антихриста, при чемъ однимъ изъ сильнѣйшихъ и наиболѣе вѣскихъ аргументовъ съ ихъ стороны въ пользу этого утвержденія являлась ссылка на... насъ же, «политическихъ»!—Вы, «политическіе», живете совсѣмъ не какъ обыкновенные люди; у васъ все—*общее*, вы другъ съ другомъ всѣмъ *дѣлитесь*; *чужіе* вы вѣдь другъ другу, нѣтъ между вами ни родства, ни свойства, а любите другъ друга, *какъ братья*! Все это, не спроста́! Все это знаменуетъ близкое пришествіе царствія Антихриста...

Такъ какъ «старшо́го» не было, то мы не особенно торопились. Жандармы не видѣли никакой надобности въ томъ, чтобы отказывать себѣ и мнѣ въ нужномъ отдыхѣ. Мы частенько на большихъ станціяхъ останавливались, съ прохладцемъ распивали чай съ «шаньгами», закусывали и преспокойно высыпались. Погода стояла чудная, лошадей намъ давали («по казенной

надобности») отмѣнно хорошихъ, дорога была прекрасная, — и мы, несмотря на частыя остановки, скоро (кажется на 3-тьи сутки) прибыли въ Курганъ.

II.

Такъ какъ курганская тюрьма не лежала на трактѣ и не была «пересыльной» по существу, то она оказалась далеко не такъ переполненной, какъ Ялуторовская, а въ санитарно-гигіеническомъ отношеніи обставлена была значительно лучше.

Какъ только я «принятъ» былъ отъ жандармовъ смотрителемъ тюрьмы, въ послѣднюю немедленно явился исправникъ— маленькій человѣкъ кроткаго вида и приличной наружности. Онъ приказалъ безотлагательно расковать меня и предоставить мнѣ одну изъ лучшихъ камеръ—большую, чистую и довольно свѣтлую, съ окномъ во дворъ. Въ мою камеру поставили кровать, столикъ, табуретъ и даже нѣчто въ родѣ комодика. Словомъ, устроили меня довольно «комфортабельно», — «соотвѣтственно званію», какъ выразился стряпчій, посѣтившій меня на другой день.

Исправникъ распорядился, чтобы я могъ свободно гулять подъ наблюденіемъ надзирателя, чтобы меня держали на улучшенной больничной пищѣ и не стѣсняли меня насчетъ «переписки», т. е. по первому моему требованію выпускали въ тюремную контору письма писать и самыя письма направляли безъ замедленія дальше, черезъ стряпчаго.

Однако, въ хорошо налаженный порядокъ вмѣшался жандармскій маіоръ С., второй помощникъ начальника тобольскаго губернскаго жандармскаго управленія имѣвшій постоянное мѣстопребываніе въ Курганѣ, какъ крупномъ торгово-промышленномъ пунктѣ губерніи. Это былъ тупой, ограниченный, невѣжественный и вмѣстѣ съ тѣмъ крайне чванливый и тщеславный субъектъ, выискивавшій всяческіе поводы, чтобы проявить свою власть и демонстрировать себя какъ «первое лицо» въ округѣ, какъ «представителя Ш-го Отдѣленія», на которомъ «держится» все Россійское государство,—о чемъ маіоръ любилъ пространно распространяться въ курганскихъ чиновно-купеческихъ сферахъ.

Мнѣ пришлось столкнуться съ этимъ чрезвычайно непріятнымъ самодуромъ на другой же день по прибытіи моемъ въ курганскую тюрьму.

Дѣло въ томъ, что маіоръ, пившій горькую и трезвымъ бывавшій только во снѣ, какъ только узналъ, что въ тюрьму везутъ «политическаго», заявилъ исправнику, величественно покручивая длиннѣйшіе свои усы, что всѣ права на мою особу, прикосновенную къ «политическому» дѣлу, принадлежатъ ему, что мнѣ, безъ его вѣдома и разрѣшенія, не должны выдаваться ни книги, ни письма и вообще что бы то ни было. Равнымъ образомъ и стряпчій не въ правѣ письма мои направлять своею властью по адресу, а долженъ обязательно передавать ихъ на его предварительный просмотръ.

Между очень немногими книгами, которыя я привезъ съ собою изъ Ялуторовска, имѣлась на англійскомъ языкѣ исторія Маколея, которую мнѣ хотѣлось проштудировать въ подлинникѣ, со словаремъ въ рукахъ, ради изученія англійскаго языка. Но когда мнѣ доставили изъ тюремной конторы мои книги, то въ ихъ числѣ не оказалось именно исторіи Маколея, и смотритель объяснилъ мнѣ, что ее задержалъ маіоръ, категорически запретившій дать ее мнѣ въ камеру. Я предъявилъ протестъ противъ этого запрещенія и просилъ смотрителя передать отъ меня маіору, что я требую отъ него разъясненія причинъ задержанія Маколея.

На другой день меня вызываютъ въ контору. Тамъ находились маіоръ и тюремный врачъ.

На мой вопросъ, почему онъ, маіоръ, запрещаетъ выдать мнѣ исторію Маколея,—тотъ, обращаясь не столько ко мнѣ, сколько къ врачу (очень ему не хотѣлось упустить столь удобный случай для рекламированія своей персоны!), съ полнымъ сознаніемъ своего достоинства отвѣтилъ мнѣ: Согласитесь сами—вѣдь васъ сослали въ Сибирь за то, что вы занимались «*революціей*» и хотѣли устроить ее у насъ въ Россіи,—какъ же можно давать вамъ книги, въ которыхъ пишется именно о революціи?—Помилуйте, ахнулъ я, что вы говорите! Во 1-хъ, за «революцію», какъ вы опредѣляете, я *уже* осужденъ и наказанъ—и теперь, стало быть, уже поздно принимать мѣры къ тому, чтобы я ея не изучалъ и не совращался; во 2-хъ, въ исторіи Маколея говорится не о русской, а объ *англійской* революціи,—и притомъ революціи 1688-го года,—какое же это можетъ имѣть отношеніе къ нашей Россіи и нашему времени? Въ 3-хъ, нельзя найти ни одного учебника по всеобщей исторіи, въ которомъ не повѣствовалось бы о гораздо позднѣйшей французской революціи конца XVIII-го столѣтія; стало быть, придерживаясь вашей точки зрѣнія, всѣ

эти учебники слѣдовало бы обязательно уничтожить. Въ 4-хъ, книги, которыя я привезъ съ собой, находились при мнѣ въ ялуторовской тюрьмѣ, и въ этомъ никто не усматривалъ ничего предосудительнаго. Наконецъ, въ 5-хъ, надо же принимать во вниманіе, *что* и *какъ* въ той или другой книгѣ говорится о революціи. Вѣдь, одного голаго факта, что въ данной книгѣ говорится о революціи, еще слишкомъ недостаточно для того, чтобы книгу эту признать вредной.

Высокомѣрно смѣривъ меня своимъ нагло-презрительнымъ взглядомъ, маіоръ отвѣтилъ мнѣ:—Вы, пожалуйста, меня не учите! Я достаточно ученъ, я окончилъ Константиновское училище и, слава Богу, человѣкъ не безъ образованія,—за это вполнѣ ручается носимый мною мундиръ; вѣдь вы же не можете не знать, что по вѣдомству Ш-го отдѣленія люди безъ достаточнаго образовательнаго ценза не служатъ. Маколея вашего я, правда, не читалъ, такъ какъ я по-англійски не понимаю, но все-таки разобрался въ его оглавленіи и понялъ, что тамъ повѣствуется о революціи. А этого въ моихъ глазахъ слишкомъ достаточно для того, чтобы книги этой вамъ не выдать... Не такъ ли?—присовокупилъ маіоръ, оборачиваясь къ доктору, который продолжалъ хранить недоумѣвающее молчаніе.

Для меня было вполнѣ ясно, что никакіе аргументы и никакіе доводы для подобнаго субъекта не существуютъ. Но все же я рѣшилъ прибѣгнуть къ послѣднему, совершенно уже въ моихъ глазахъ неоспоримому, аргументу.

— Скажите, пожалуйста,—обратился я къ маіору самымъ спокойнымъ и почти безстрастнымъ тономъ:—извѣстно ли вамъ, что казематъ петропавловской крѣпости находится подъ наблюденіемъ *вашего* Ш-го отдѣленія, и что существующая въ немъ библіотека для заключенныхъ комплектуется съ вѣдома и по указаніямъ довѣренныхъ чиновъ этого отдѣленія?

— Я не понимаю вашего вопроса,—обидчиво отвѣтилъ маіоръ.—Какъ чиновникъ этого Ш отдѣленія, я не могу, конечно, не знать этого лучше вашего!

— И, какъ чиновникъ этого Ш-го отдѣленія, вы, разумѣется, считаете его вполнѣ благонамѣреннымъ и благонадежнымъ?

Чуя въ моемъ вопросѣ коварно замышляемый ударъ его чванливому самолюбію, къ тому же ударъ, который собираются нанести въ присутствіи члена того «общества», въ которомъ онъ старается играть роль первой скрипки, маіоръ грозно воскликнулъ:—прошу безъ дерзостей; не забывайте, съ кѣмъ вы говорите! Будьте осторожны.

— Извините,—возразилъ я опять-таки самымъ спокойнымъ тономъ:—ни о какихъ «дерзостяхъ» я не помышляю. Я хотѣлъ только обратить ваше вниманіе на то, что эта самая исторія Маколея, которую—по вашему мнѣнію—нельзя давать *уже осужденнымъ*, имѣется въ библіотекѣ каземата петропавловской крѣпости и въ подлинникѣ, и въ переводѣ на русскомъ языкѣ, и я читалъ ее тамъ въ крѣпости, еще до суда, до признанія меня «революціонеромъ», въ русскомъ переводѣ.

Весь побагровѣвъ отъ злости, но силясь сохранить свою важность, маіоръ поднялся и надменно-нахальнымъ тономъ отвѣтилъ мнѣ, адресуясь какъ бы не ко мнѣ, а къ доктору: У всякаго свой взглядъ, у III-го Отдѣленія свой, а у меня свой,— и сочиненія Маколея я вамъ, пока вы въ тюрьмѣ, не выдамъ...

Съ этого же самаго дня маіоръ принялся систематически мстить мнѣ.

«Хозяиномъ» тюрьмы, къ огорченію маіора, считалъ себя исправникъ; поэтому месть маіора не могла простираться ни на мое содержаніе, ни на прогулки. Но, признавъ себя (безъ возраженій со стороны исправника) властелиномъ моей переписки, онъ угнеталъ меня въ самомъ чувствительномъ для заключеннаго пунктѣ: подъ разными предлогами не пропускалъ получавшихся на мое имя писемъ, которыя больше всего поддерживаютъ бодрость духа запертыхъ за рѣшеткой, и не отправлялъ по назначенію моихъ писемъ, направляя ихъ подъ разными предлогами въ тобольское губернское жандармское управленіе. Маколея онъ мнѣ не выдавалъ, не разрѣшивъ и проживавшимъ въ Курганѣ ссыльнымъ доставлять мнѣ книги.

Все это сильно меня волновало и отвратительно отзывалось на моихъ и безъ того достаточно разстроенныхъ нервахъ. Опасаясь сумасшествія, я спасалъ себя тѣмъ, что форточку камеры круглыя сутки держалъ открытой, не взирая на сибирскіе морозы, да каждое утро, передъ чаепитіемъ, обливалъ себя тутъ же въ самой камерѣ (съ разрѣшенія смотрителя) ушатомъ холодной, ледяной воды. Обстоятельство это очень интриговало и исправника, и стряпчаго; они почти каждый день являлись ко мнѣ для удостовѣренія въ такомъ непонятномъ для нихъ фактѣ, высказывая при этомъ удивленіе моей силѣ воли и крѣпости моего организма, который не только не страдаетъ отъ такой радикальной операціи, а какъ бы еще укрѣпляется, повышая мою бодрость и энергію... Укрѣпленіе это было, разумѣется, одною лишь «видимостью»; въ дѣйствительности моя нервная система порядкомъ - таки поистрепалась. Я шагалъ

иногда по камерѣ безъ перерыва по цѣлымъ часамъ, волнуясь и дрожа отъ негодованія, вздрагивая при малѣйшемъ шорохѣ и скрипѣ. Выпадали страшныя минуты, когда я опасался дойти до изступленія...

И тогда-то я рѣшилъ прибѣгнуть къ экстраординарной мѣрѣ.

Я пригласилъ къ себѣ исправника и, въ присутствіи смотрителя, заявилъ ему, что дикій произволъ маіора С. становится для меня невыносимымъ, что я не въ силахъ, не могу допустить продолженія подобнаго издѣвательства надъ моей личностью, и, такъ какъ ни онъ, исправникъ, ни стряпчій не имѣютъ возможности оградить меня отъ этого произвола, то мнѣ остается лишь прибѣгнуть къ единственно-возможному въ моемъ положеніи протесту: мнѣ приходится отказаться отъ пищи и умереть голодной смертью. Сильно взволнованный исправникъ принялся горячо убѣждать меня отказаться отъ моего рѣшенія, выставляя на видъ, что вѣдь дѣло мое не вѣчно же будетъ тянуться, что въ концѣ концовъ освободятъ же меня, и для меня настанетъ лучшее будущее.

Послѣ долгихъ переговоровъ мы остановились на слѣдующемъ компромиссѣ. Я откладываю приведеніе въ исполненіе моего рѣшенія на 5—6 дней; исправникъ по телеграфу доводитъ обо всемъ до свѣдѣнія тобольскаго губернатора. Пока онъ предоставляетъ мнѣ свободно заняться въ тюремной конторѣ составленіемъ докладной записки объ этомъ инцидентѣ, на имя назначеннаго уже тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ гр. Лорисъ-Меликова.

На третій день исправникъ сообщилъ мнѣ, что полученной отъ губернатора телеграммой поручается ему мнѣ объявить, что онъ, губернаторъ, снесся съ начальникомъ тобольскаго губернскаго жандармскаго управленія и съ генералъ-губернаторомъ Зап. Сибири, и что возбужденный мною вопросъ разрѣшится въ теченіе нѣсколькихъ дней.

Тѣмъ временемъ я усердно работалъ надъ составленіемъ докладной записки на имя гр. Лорисъ-Меликова, въ которой я, извѣщая о своемъ рѣшеніи покончить съ собою путемъ «голодовки», изложилъ всѣ злобныя и мелочно-мстительныя придирки маіора С., доводящія меня до самоубійства. Для приложенія къ этой запискѣ, въ виду оффиціальнаго моего требованія, мнѣ выданы были тюремнымъ смотрителемъ справки о сданныхъ мною черезъ контору письмахъ, а также о письмахъ, полученныхъ въ конторѣ на мое имя. Я просилъ, чтобы гр. Лорисъ-Меликовъ приказалъ произвести строгое по этому дѣлу разслѣ-

дованіе, которое явилось бы нѣкоторымъ удовлетвореніемъ для меня хотя послѣ смерти и избавило бы впослѣдствіи другихъ отъ возмутительнаго произвола.

Къ счастью, мнѣ не пришлось отправить по назначенію эту докладную записку, и она чуть ли не единственный сохранившійся у меня *письменный* документъ за время моихъ скитаній по тюрьмамъ и ссылкѣ...

Дѣло закончилось предписаніемъ отправить меня въ тобольскую тюрьму, что совпадало и съ моимъ ходатайствомъ, и съ моимъ заявленіемъ, что для избавленія отъ С. готовъ помириться даже съ каторжной тюрьмой...

III.

И вотъ я опять мчусь на лихой сибирской «тройкѣ» въ сопровожденіи жандармовъ (но уже безъ кандаловъ) и получаю возможность испытать на своей шкурѣ прелести новаго (счетомъ уже *десятаго*) мѣста заключенія.

Въ обширной тобольской центральной тюрьмѣ меня совершенно и почти абсолютно изолировали отъ всѣхъ заключенныхъ. Помѣстили меня въ какомъ-то совсѣмъ отдѣльномъ домикѣ-камерѣ, выпускали гулять въ отдѣльный дворикъ, гдѣ никогда никого кромѣ своего надзирателя я не встрѣчалъ. Кормили меня здѣсь недурно. Обращеніе весьма деликатное, и никакихъ ограниченій, кромѣ... идеальной изолированности отъ всего и всѣхъ. Тутъ уже было буквально «одиночное» заключеніе, такое «одиночное», какого я не испытывалъ ни въ «предварилкѣ», ни даже въ «петропавловкѣ».

Посѣтившій меня на другой день по прибытіи моемъ тобольскій губернскій прокуроръ Т—ко произвелъ на меня очень хорошее впечатлѣніе. Это былъ типъ строгого «законника», но вполнѣ корректнаго и нелицепріятнаго. Въ бесѣдѣ со мною онъ очень сурово отнесся къ тѣмъ придиркамъ, которыя чинилъ мнѣ въ курганской тюрьмѣ маіоръ С., и отдалъ при мнѣ смотрителю строжайшій приказъ по первому моему требованію водить меня въ «контору» и не препятствовать ни въ чемъ моей корреспонденціи, пообѣщавъ письма мои, къ кому бы они ни были адресованы, не задерживать ни на одинъ день. Обѣщаніе свое онъ вполнѣ сдержалъ, и я совершенно свободно переписывался съ родными и товарищами.

Посѣтилъ меня въ первые же дни по прибытіи въ То-

больскъ полицеймейстеръ, который разспрашивалъ меня отъ имени губернатора о состояніи моего здоровья, приказавъ при мнѣ смотрителю, по порученію губернатора, предложить тюремному врачу посѣщать меня почаще и всемѣрно заботиться о моемъ здоровьѣ, предоставляя мнѣ при надобности всѣ доступныя врачебныя средства, а также улучшенную пищу.

Словомъ, недоставало мнѣ лишь... свободы и общенія съ людьми! Никакихъ дальнѣйшихъ допросовъ относительно «прикосновенности» моей и моихъ ялуторовскихъ товарищей къ «дѣлу» Цыплова мнѣ не дѣлали. Вновь я дни за днями и недѣли за недѣлями томился за крѣпкими засовами и прочной рѣшеткой и... ждалъ. Прокуроръ ничего не могъ сообщить мнѣ о положеніи дѣла, такъ какъ оно было внѣ его вѣдомства; все, что я узналъ отъ него, это то, что оно отъ «дѣла» Цыплова отдѣлено и направлено въ административномъ порядкѣ, завися всецѣло отъ усмотрѣнія высшихъ петербургскихъ властей...

Ждалъ я, ждалъ, и терпѣніе мое, наконецъ, истощилось. Прошло около полутора года и ни откуда ни слуху, ни духу. И вотъ я, съ разрѣшенія прокурора, обратился съ телеграфнымъ ходатайствомъ къ гр. Лорисъ-Меликову, который тогда былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ (это было въ концѣ 1880-го года),— или о прекращеніи дѣла и о полномъ моемъ освобожденіи, такъ какъ противъ меня никакихъ рѣшительно уликъ не имѣлось, или о замѣнѣ, по крайней мѣрѣ, тюремнаго заключенія какой-либо другой, болѣе мягкой мѣрой предупрежденія и пресѣченія...

Къ немалому удивленію не только моему, но и всѣхъ мѣстныхъ властей, я на третій или на четвертый день послѣ отправки телеграммы освобожденъ былъ по телеграфному же распоряженію гр. Лорисъ-Меликова, съ отдачей меня впредь до окончанія дѣла подъ гласный надзоръ полиціи въ Тобольскѣ же!

Выходило, что для меня новое «дѣло» создало какъ бы даже нѣкоторую льготу. Подъ надзоромъ полиціи я состоялъ и безъ того, какъ «поднадзорный ссыльный», но *до* «дѣла» я въ этомъ состояніи долженъ былъ проживать въ захолустномъ Ялуторовскѣ, безъ права отлучки «за черту строеній»; теперь же я очутился въ Тобольскѣ, хотя и не важномъ, но все же какъ-никакъ *губернскомъ* городѣ (нѣкогда «царствующемъ градѣ Тобольскѣ») въ которомъ имѣлись и мужская, и женская гимназіи, и семинарія духовная, и театръ, и публичная библіотека, и училище военнаго вѣдомства, баталіонная казачья школа, почтовое училище и др.

Не успѣлъ я на другой день по освобожденіи напиться

чаю, какъ явился ко мнѣ тобольскій полицеймейстеръ В—въ и сообщилъ мнѣ, что губернаторъ Л—ій, зная мою матеріальную необезпеченность, поручилъ ему непремѣнно пріискать для меня какое-нибудь подходящее «занятіе». И вотъ, если я согласенъ, онъ готовъ отправиться со мною на другой же день на винокуренный заводъ С—ва, находящійся въ одной-двухъ верстахъ отъ города.

Губернаторъ Л—ій, изъ конфиденціальныхъ донесеній ялуторовскаго исправника, зналъ, что, по убѣжденію послѣдняго, я корреспондировалъ изъ Ялуторовска (въ бытность мою тамъ) въ столичныя газеты и корреспонденціями своими раздражалъ ялуторовское «общество» и ялуторовскихъ «чиновниковъ». Л—ій имѣлъ весьма достаточно основаній къ тому, чтобы (если возможно) «задобрить» и даже «расположить» въ свою пользу человѣка, прикосновеннаго (хотя бы и по догадкамъ) къ корреспонденческому дѣлу и этимъ путемъ сдѣлать его по меньшей мѣрѣ, безвреднымъ. Съ другой стороны у тобольскаго полицеймейстера рыльце было въ достаточной мѣрѣ въ пушку, почему и онъ считалъ, повидимому, полезнымъ обязать меня до нѣкоторой степени услугой. А такъ какъ я въ то же время состоялъ подъ его «надзоромъ», и онъ являлся, вслѣдствіе этого, отвѣтственнымъ за побѣгъ мой, если бы таковой случился, то онъ пришелъ къ заключенію, что «опредѣленный родъ занятій», въ особенности при солидномъ вознагражденіи, долженъ привязать меня къ мѣсту водворенія и парализовать поползновенія съ моей стороны къ такому побѣгу. Я, разумѣется, лишь этими соображеніями и могъ объяснить себѣ заботливость о моей персонѣ со стороны и губернатора, и полицеймейстера...

Въ тотъ же день, когда меня удостоилъ своимъ посѣщеніемъ полицеймейстеръ, я познакомился кое съ кѣмъ изъ тобольчанъ и узналъ отъ нихъ, что намѣчаемый для меня патронъ С—въ ведетъ образъ жизни настоящаго турецкаго паши, содержитъ при своей заводской конторѣ цѣлый гаремъ изъ 10—15 молодыхъ дѣвушекъ и въ то же время сильно (по-сибирски) эксплоатируетъ своихъ заводскихъ рабочихъ. Поэтому я усомнился, можетъ ли ему улыбаться перспектива имѣть меня въ числѣ своихъ служащихъ...

На другой день рано утромъ заѣхалъ за мной В—въ, и мы отправились съ нимъ на винокуренный заводъ С—ва.

Я очутился въ цѣломъ маленькомъ городкѣ. Громадный огороженный дворъ съ цѣлымъ рядомъ построекъ и большой бар-

скій домъ, въ которомъ жилъ самъ С—въ, всевозможныя службы, масса амбаровъ, кладовыхъ и пр.

По мѣрѣ того, какъ мы углублялись въ это загородное царство и приближались къ дому, намъ стали попадаться навстрѣчу молодыя, кокетливо одѣтыя (въ чистенькія, изящно сшитыя, простенькія платьица съ бѣлыми передничками), очень миловидныя дѣвушки, которыя при встрѣчѣ съ нами робко опускали красивые глазки. Это и были, какъ объяснилъ мнѣ В—въ, одалиски его степенства С—ва...

Не было еще и 8 часовъ. С—въ провелъ наканунѣ ночь въ широкомъ разгулѣ, и теперь только-что вставалъ. Намъ указали большую комнату, въ которой насъ просили подождать.

Во всю длину этой довольно обширной комнаты стоялъ длинный накрытый столъ, весь установленный всевозможными напитками и закусками. Замѣтивъ на моемъ лицѣ изумленіе, полицеймейстеръ объяснилъ мнѣ, что у С—ва, какъ и у большинства крезовъ-тобольчанъ, существуетъ прочно установившійся обычай—съ 7 часовъ утра (ежедневно) накрывать столъ и заготовлять обильнѣйшія закуски и питія, при чемъ каждый являющійся къ нимъ по тому или другому поводу забирается безъ всякихъ приглашеній въ эту «столовую» и истребляетъ тамъ сколько угодно закусокъ и напитковъ: таковъ уже здѣсь освященный практикой обычай гостепрімства. Мы съ В—вымъ не преминули «пропустить» по двѣ-три рюмки отличнѣйшихъ наливокъ и закусить прелестной зернистой икрой и семгой.

Минутъ черезъ десять ввалился въ комнату чрезвычайно плотный и упитанный мужчина лѣтъ 45—50-ти, вполнѣ «европейскаго» облика—въ прекрасной крахмальной рубахѣ, въ хорошо сшитой черной парѣ; грудь его была увѣшана массой солидныхъ медалей и орденовъ. Это и былъ самъ «именитый» купецъ 1-й гильдіи С—въ, крупнѣйшій въ то время тобольскій крезъ, «жертвователь», членъ разныхъ «пріютовъ», директоръ тюремнаго комитета и т. д., и т. д., — словомъ, крупная денежная персона, добродѣтели которой то и дѣло вознаграждались «медалями».

Полицеймеcтеръ В—въ представилъ меня его степенству С—ву и объяснилъ ему цѣль нашего визита.

С—въ разразился гомерическимъ хохотомъ, хватаясь за бока. Затѣмъ громкимъ басомъ, не переставая хохотать, заводчикъ, покачивая головой, отчеканилъ: «И шутникъ же его превосходительство, право! Живетъ промежъ насъ, а нашего купецкаго дѣла все никакъ понять не можетъ»! Затѣмъ, быстро обернувшись

ко мнѣ, С—въ выпалилъ: «Скажите, вы воровать умѣете?» Я остолбенѣлъ отъ такого совершенно неожиданнаго вопроса; полицеймейстеръ В—въ, какъ ужаленный, вскочилъ и весь побагровѣлъ. Но С—въ, ни чуточку не смутившись, вновь обратившись ко мнѣ, самымъ добродушнымъ и спокойнымъ голосомъ продолжалъ: «Вы, молодой человѣкъ, на меня не обижайтесь. Я вѣдь совсѣмъ не намѣренъ и не хочу сказать вамъ что-либо оскорбительное. Я также и не для шутки васъ спрашивалъ. Намъ, купцамъ, лестны вовсе не честные служащіе, они намъ ни къ чему! Намъ нужны такіе служащіе, которые бы завѣдомо у насъ воровали. Вы человѣкъ умный и сами можете понять, что ежели мой служащій своруетъ у меня, скажемъ, 1000 рублей, то онъ же зато у другихъ своруетъ для меня 4—5000 р., а я стало быть буду не въ накладѣ, а въ чистомъ выигрышѣ. Ну, а про вашего брата-политическаго намъ достаточно хорошо извѣстно, что вы по части воровства не мастера. Значитъ, вы намъ по нашей коммерческой части народъ неподходящій... Такъ вы», прибавилъ С—въ, обращаясь къ В—ву, «такъ и передайте его превосходительству». На этомъ «дѣловая» часть бесѣды была покончена, и заводчикъ принялся усиленно угощать насъ, и уже провожая насъ до воротъ, благожелательно мнѣ говорилъ: «Вотъ бы для васъ подходящее дѣло было—позаняться съ моимъ сынкомъ разными науками; пусть бы учился, сколько угодно,—да вотъ бѣда, что онъ у меня балбесъ и совсѣмъ учиться не хочетъ!..»

Сдѣлалъ было я еще одну попытку — пріобрѣсти занятія у другого тобольскаго первостатейнаго купца К—ва, крупнаго рыбопромышленника, но и отъ послѣдняго я получилъ почти такой же отвѣтъ, какъ отъ С—ва, и махнулъ рукой!..

IV.

Пребываніе мое въ Тобольскѣ совпало со святками, и я рѣшилъ, послѣ двадцатимѣсячнаго одиночнаго заключенія, посѣтить балъ-маскарадъ въ «Благородномъ Собраніи», чтобы немного себя развлечь и посмотрѣть тобольскій бо-мондъ.

Одинъ изъ мѣстныхъ юнцевъ, Г—въ (сынъ тогдашняго секретаря губернскаго статистическаго комитета), успѣвшій уже, несмотря на свой 16-лѣтній возрастъ, погостить въ тюрьмѣ нѣсколько мѣсяцевъ по павшему на него подозрѣнію въ какомъ-то политическомъ преступленіи и поспѣшившій свести со мною знакомство на другой же день послѣ моего освобожденія изъ тюрьмы,—обра-

тилъ въ «Собраніи» вниманіе мое на одну маску, съ именемъ которой связана была цѣлая романическая исторія. И Г—въ, и другіе разсказывали, что къ одному «дѣлу» съ Г—вымъ привлекался братъ этой дѣвушки, только-что окончившій тогда гимназію: онъ былъ арестованъ, и сестра усердно за него хлопотала. Она очень приглянулась ловеласу, полицеймейстеру В—ву, по стараніямъ котораго ее также арестовали и заключили въ камеру при «ввѣренномъ» ему полицейскомъ управленіи. В—въ такъ напугалъ ее перспективой страшной участи, предстоящей не только ея брату, но ей самой, что она — молоденькая, неопытная и совершенно этически неустойчивая—согласилась «добровольно» отдаться этому «блюстителю устоевъ», въ виду торжественнаго обѣщанія его добиться освобожденія и для нея, и для ея брата. И дѣйствительно, въ самомъ скоромъ времени она выпущена была на свободу, а вслѣдъ за ней освобожденъ былъ и ея братъ, такъ какъ въ сущности никакого «дѣла» и никакихъ «уликъ» не было. Дѣвушка сдѣлалась формальной «любовницей» В—ва и поступила на полное его «содержаніе», хотя онъ былъ человѣкъ семейный, имѣлъ дѣтей и красавицу-жену, которая, впрочемъ, съ своей стороны состояла въ интимныхъ отношеніяхъ къ другому лицу.

Эту пикантную исторію въ Тобольскѣ разсказывали довольно громко чуть ли не на всѣхъ перекресткахъ. Я имѣлъ возможность вскорѣ лично убѣдиться въ томъ, что на квартирѣ, въ которой проживала эта дѣвушка съ своей матерью, В—въ бывалъ ежедневно, проводилъ по нѣскольку часовъ, и тамъ могли его находить во всякое время по «экстреннымъ» дѣламъ. Юнецъ Г—въ, который раньше былъ довольно близокъ съ этой дѣвушкой, возмущаясь до глубины души ея «паденіемъ», наговорилъ ей въ «Собраніи» не мало «дерзостей», и полиція — по ея жалобѣ—удалила его оттуда. Я свелъ знакомство съ этой маской, которая (очевидно, со словъ В—ва) знала кое-что обо мнѣ [1]). Многія другія «маски» старались, въ свою очередь, всячески меня «интриговать», обнаруживая кое-какое знакомство съ моей біографіей. Ясно, что «провинція» себя оправдала: «новое лицо» не ускользнуло изъ сфэры ея вниманія и подобающихъ толковъ и пересудовъ...

---

[1]) Заинтересованный романической исторіей и судьбой этой дѣвушки, я хотѣлъ было съ ней поближе познакомиться. На другой день я сдѣлалъ ей визитъ, но на посланную мною карточку вышла мать и внушительно замѣтила мнѣ, что ея дочь, какъ «дѣвушка», не можетъ принять меня, незнакомаго съ ея семьей... Въ тотъ же день вечеромъ встрѣтился со мной В—въ, который, улыбаясь, замѣтилъ, проницательно смотря на меня: «А вы сегодня были у такой-то»!..

Въ тотъ самый день, когда я собрался въ маскарадъ, изъ «губерніи» вернулся губернаторъ Л—ій и, такъ какъ «балъ» устраивался съ «благотворительной» цѣлью, явился въ «Собраніе» со всей своей семьей.

Вдругъ сквозь густую толпу протискивается ко мнѣ В—въ и заявляетъ, что его превосходительство очень желаетъ со мной познакомиться и просилъ его, В—ва, представить меня ему.

И вотъ направились мы съ полицеймейстеромъ въ «гостиную», въ которой находился Л—ій. Оставивъ семью, онъ двинулся навстрѣчу къ намъ, крѣпко пожалъ мнѣ руку, наговорилъ мнѣ кучу комплиментовъ, подхватилъ меня подъ руку и демонстративно съ полчаса прохаживался со мною по залѣ. Л—ій разсказывалъ мнѣ о проживающихъ въ «его» губерніи «политическихъ», о добромъ и внимательномъ отношеніи его къ нимъ, о «благородствѣ» всѣхъ этихъ «политическихъ» и о пользѣ ихъ для края, останавливаясь при этомъ съ особенной симпатіей на Н. Ѳ. Анненскомъ, который тогда проживалъ, кажется, въ окружномъ городѣ Тарѣ. Слушая Л—го, можно было подумать, что имѣешь дѣло съ администраторомъ чрезвычайно расположеннымъ къ «политическимъ» и всячески заботящимся объ облегченіи ихъ участи, насколько это въ его власти. Съ большимъ паѳосомъ Л—ій разсказывалъ мнѣ о недавней аудіенціи своей въ Петербургѣ у графа Лорисъ-Меликова, который привелъ его въ совершенный восторгъ своей гуманностью, своими широкими «государственными планами». «Вотъ отъ кого можно ждать настоящаго свѣта и широкаго просвѣщенія, всякихъ великихъ благъ для нашего отечества!», — неоднократно патетически восклицалъ этотъ завзятый бюрократъ, продѣлавшій долгую чиновничью карьеру, произведя настоящую сенсацію въ тобольскомъ бо-мондѣ открыто проявленной имъ небывалой интимностью съ «политическимъ», да еще съ такимъ, который только-что (какъ уже извѣстно было всѣмъ бывшимъ въ «Собраніи») выпущенъ изъ тюрьмы...

Л—ій чуточку ошибся въ разсчетѣ! Онъ, повидимому, совсѣмъ выбитъ былъ изъ колеи послѣдними событіями и полагалъ, что *тогда* цѣлесообразнѣе было именно *такое*, а не иное поведеніе. Въ бытность его въ Петербургѣ тамъ, очевидно, много толковали въ «сферахъ» о близкомъ наступленіи «конституціи»,— а разъ дѣло дойдетъ до «конституціи», то, чего добраго, и «политическіе» могутъ, пожалуй, пригодиться въ дѣлѣ служебной карьеры...

Этотъ за-уральскій помпадуръ не предчувствовалъ бли-

зости катастрофы 1-го марта и послѣдовавшаго за ней полнаго переворота въ нашей внутренней политикѣ. Я увѣренъ, что, припоминая черезъ мѣсяцъ-другой объ этой (вѣроятно, *единственной* въ его жизни!) прогулкѣ подъ руку на виду у всѣхъ съ «политическимъ», Л-ій не разъ и не два горько упрекалъ себя за непростительную «неосторожность»...

V.

Въ ожиданіи рѣшенія по «дѣлу» Цыплова, я рѣшилъ было осѣсть въ Тобольскѣ. Нанялъ себѣ небольшую комнату и свелъ знакомство кое съ кѣмъ изъ мѣстныхъ семинаристовъ, собираясь пустить вообще корни въ наиболѣе древнемъ и историческомъ сибирскомъ городѣ—Тобольскѣ.

Какъ ни плохъ безотносительно этотъ городъ, въ гигіенически-санитарномъ отношеніи, вслѣдствіе положенія его подъ 58° 12′ с. ш. и 85° 44′ в. д., холоднаго и сырого лѣта, болотистаго грунта и ежегодныхъ весеннихъ наводненій р. Иртыша, но все же его и сравнивать нельзя по культурно-историческому значенію съ другими сибирскими городами (за исключеніемъ развѣ Омска, Томска и Иркутска). Какъ ни какъ, а все же онъ вѣдь бывшій нѣкогда «царствующій градъ Сибири»; здѣсь въ «воеводахъ» съ «товарищи» перебывали представители знатнѣйшихъ русскихъ родовъ—князья Кольцовъ-Мосальскій, Лобановъ-Ростовскій, Щербатовъ, Волконскій, Пронскій, Гагаринъ, Голицынъ, Прозоровскій, Рѣпнинъ и мн. др. Уже около двухъ столѣтій (съ перерывами), съ 1708 г., это—видный русскій «губернскій» городъ; въ промежутки здѣсь была резиденція «тобольскаго намѣстничества».

Верхній посадъ этого города (лучшій въ гигіеническомъ отношеніи) довольно эффектенъ (въ особенности ночью). Здѣсь красуется громаднѣйшая «губернская тюрьма», нѣкогда славившаяся по всей Россіи,—обширнѣйшее зданіе, занимающее обширную площадь и сосредоточивающее въ себя всѣ губернскія учрежденія. Старинные, богато отдѣланные соборы Св. Софіи и Успенскій (построенные въ концѣ XVII вѣка), старинныя архіерейскія палаты навѣваютъ не мало воспоминаній. Не безъ нѣкотораго волненія созерцаешь здѣсь воздвигнутый въ 1839 г. памятникъ покорителю Сибири, Ермаку Тимофеевичу—обелискъ изъ сѣраго уральскаго мрамора, обнесенный чугунной рѣшеткой и поставленный на крутизнѣ верхняго подъема, гдѣ

разведенъ обширный садъ, привлекающій въ хорошую погоду не мало гуляющей публики. Не безъ душевнаго волненія и смущенія созерцаешь здѣсь и другой весьма поучительный историрическій памятникъ: «*ссыльный Угличскій колоколъ*». Если на гимназической скамьѣ учитель исторіи поражалъ наше отроческое воображеніе преданіемъ о персидскомъ вождѣ Ксерксѣ, который приказалъ наказать цѣпями море за его бурное волненіе, поглотившее персидскіе корабли, то вѣдь тутъ передъ нами, такъ сказать—въ конкретной формѣ, нѣчто вполнѣ аналогичное. Борисъ Годуновъ въ великомъ своемъ гнѣвѣ подвергъ карѣ этотъ бездушный колоколъ: въ 1593 г. онъ былъ перевезенъ, по приказанію правителя, въ Тобольскъ, за то что 15-го мая 1591 г., когда былъ убитъ царевичъ Дмитрій Іоанновичъ, его звуками были созваны граждане Углича, перебившіе убійцъ. Свирѣпый временщикъ не удовольствовался казнью 200 угличскихъ гражданъ, гибелью множества народа отъ пытокъ и ужасныхъ московскихъ темницъ и ссылкою въ Пелымъ почти всѣхъ угличанъ: онъ простеръ свой всевластный гнѣвъ и на этотъ колоколъ: по народному преданію, колоколъ былъ «битъ кнутомъ—съ вырываніемъ уха», и сосланъ въ Тобольскъ! Сначала этотъ «карноухій колоколъ» повѣсили на Спасской колокольнѣ, потомъ перемѣстили на Соборную, вырѣзавъ на немъ слѣдующую надпись: «*сей колоколъ, въ который били въ набатъ при убіеніи благовѣрнаго царевича Дмитрія, въ 1593 году присланъ изъ города Углича въ Сибирь въ ссылку, въ городъ Тобольскъ, къ церкви Всемилостивѣйшаго Спаса, что на торгу, а потомъ на Софійской колокольнѣ былъ часобитный*». Съ 1837 г. этого преступника повѣсили подлѣ архіерейскаго дома, подъ небольшимъ деревяннымъ навѣсомъ, гдѣ я его созерцалъ, въ товариществѣ съ другими четырьмя колоколами, подобранными ему подъ тонъ...

Въ «царствующемъ градѣ Тобольскѣ» перебывало немало сосланныхъ по многоразличнымъ политическимъ причинамъ. Въ началѣ XVIII ст. находились здѣсь плѣнные шведы изъ войскъ Карла XII; въ концѣ этого столѣтія прожилъ тамъ семь мѣсяцевъ, пользуясь всеобщимъ сочувствіемъ тобольчанъ и особеннымъ вниманіемъ губернатора Алябьева, А. Н. Радищевъ, сосланный Екатериной II въ Илимскій острогъ за знаменитую его книгу. Въ первой половинѣ прошлаго столѣтія въ Тобольскѣ жили декабристы Александръ Муравьевъ и Вильгельмъ Кюхельбекеръ, тутъ же умершій отъ чахотки. Въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ Тобольскъ и его губернію пригнали

массу поляковъ за участіе въ послѣднемъ возстаніи. Когда я былъ въ Тобольскѣ (въ 1880—1881 г.) здѣсь еще хорошо помнили о томъ тепломъ участіи, какое принималъ въ судьбѣ польскихъ изгнанниковъ и понынѣ памятный въ Сибири тобольскій губернаторъ Деспотъ-Зеновичъ. По его иниціативѣ въ Тобольскѣ устроены были (съ 1864 по 1867 г.) для оставленныхъ тамъ на жительство 220-ти поляковъ всевозможныя мастерскія: прачешная, сапожная, слесарная, швейная, булочная, кузницы, мелочныя лавки, пивоваренный заводъ; устроена была даже общая столовая для стариковъ и хворыхъ, на 140 человѣкъ...

Во время моего пребыванія въ Тобольскѣ, тамъ уже «политическихъ ссыльныхъ» вовсе не было, хотя по своей волѣ оставались еще тамъ нѣкоторые изъ «поляковъ» и ихъ потомковъ...

VI.

Въ Тобольскѣ я познакомился, между прочимъ, съ однимъ изъ «профессоровъ» духовной семинаріи, — молодымъ человѣкомъ, незадолго передъ тѣмъ окончившимъ кіевскую духовную академію. Усерднѣйше просилъ онъ и убѣдилъ меня поселиться на его квартирѣ, говоря, что считаетъ себя моимъ единомышленникомъ и нисколько не скрываетъ ни передъ кѣмъ ни своего образа мыслей, ни своихъ симпатій къ «политическимъ», «профессурой» же своей нисколько не дорожитъ и распрощается съ нею при первой же возможности. Приглашеніе его было настолько сердечное и настойчивое, мотивы настолько уважительные, что я не устоялъ и переселился къ нему—къ немалому смущенію мѣстной духовной и свѣтской администраціи.

Въ самый день переѣзда моего на квартиру «профессора», нагрянулъ ко мнѣ въ дребезги пьяный учитель словесности мѣстной гимназіи. Заплетающимся языкомъ и со слезами на глазахъ онъ посвятилъ меня въ свою крайне-печальную біографію. Свою преподавательскую дѣятельность онъ началъ въ Петербургѣ. Приступилъ онъ къ дѣлу съ глубокой вѣрой и самыми свѣтлыми упованіями; но, увы! очень скоро его, за сближеніе съ учащимися и за посвященіе послѣднихъ въ міръ идей Чернышевскаго, Бѣлинскаго, Добролюбова, удалили изъ столицы, гдѣ вѣчно «шумятъ» и «гремятъ витіи». Его стали учащенно переводить изъ одной провинціальной гимназіи въ другую, все дальше и дальше отъ центра, пока онъ не очутился, наконецъ, въ Тобольскѣ. «Тишина», царящая «въ глу-

бинѣ Россіи», и безпрерывныя преслѣдованія подѣйствовали на него крайне-гнетуще, онъ сталъ «пить» и въ Тобольскѣ окончательно спился... Этотъ несчастный произвелъ на меня крайне-тяжелое впечатлѣніе. Самъ сознавая, что онъ, бывшій ярый поклонникъ Добролюбова и Чернышевскаго, уже человѣкъ окончательно отпѣтый, этотъ гонимый человѣкъ объяснилъ мнѣ, что онъ больше ко мнѣ являться не будетъ и меня къ себѣ приглашать не станетъ; онъ не могъ только отказать себѣ въ потребности хоть разъ побывать у меня, чтобы излить свою изстрадавшуюся душу, когда онъ узналъ, кто я и за что сюда сосланъ... И, Боже мой! Сколько въ то время существовало на Руси подобныхъ несчастныхъ жертвъ толстовскаго режима!....

Тобольская учащаяся молодежь очень заинтересовалась появившимся въ городѣ «политическимъ». Я, конечно, хорошо понималъ, что въ моемъ положеніи чрезвычайно важна и крайне необходима сугубая осторожность, и не столько въ интересахъ лично моихъ, сколько въ интересахъ юношей, въ глазахъ которыхъ званіе «политическаго» въ то время окружено было особымъ ореоломъ. При всемъ томъ, однако, совершенно устраниться отъ встрѣчъ и знакомствъ съ молодежью я не могъ. Мѣстное жандармское управленіе, далеко не обремененное работой, весьма зорко «слѣдило» за каждымъ моимъ шагомъ. До меня очень скоро стали доходить слухи, что начальство тобольскаго духовнаго училища дѣлало предостереженія какъ учителямъ, такъ и ученикамъ, противъ сближенія и знакомства со мною, предупреждая, что это должно повлечь за собою непріятныя для нихъ послѣдствія, и что даже кое-кто не побрезгалъ уже войти, куда слѣдуетъ, съ какимъ-то «донесеніемъ». Доходили до меня слухи и о томъ, что Л-ій собирается—подъ давленіемъ начальника губернскаго жандармскаго управленія—войти съ представленіемъ о переводѣ меня изъ Тобольска въ какой-либо окружной городъ, чтобы этимъ путемъ устранить «зловредное» вліяніе мое на семинаристовъ и гимназистовъ. Я почуялъ, что собирается надъ моей головой новая гроза, и понималъ, что если бы Л-ій даже и не возбудилъ теперь подобнаго ходатайства, то какъ только переписка по «прикосновенности» моей и моихъ ялуторовскихъ товарищей къ «дѣлу» Цыплова окончится, меня—при самомъ благопріятномъ даже ея исходѣ—въ Тобольскѣ не оставятъ. И вотъ, я рѣшилъ предупредить событія, чтобы избавить себя отъ удовольствія попасть въ какую-либо отчаянную трущобу въ родѣ Березова или Обдорска. Послѣ мѣсячнаго пребыванія въ Тобольскѣ, я въ

одинъ прекрасный день отправился къ Л-му, который еще такъ недавно столь интимно бесѣдовалъ со мною въ «Благородномъ Собраніи».

Л-ій на этотъ разъ принялъ меня очень сухо. Я объяснилъ ему, что жизнь въ Тобольскѣ мнѣ надоѣла, въ виду своей неопредѣленности, что скверный климатъ Тобольска вреденъ для моего здоровья, что на пріисканіе занятій здѣсь трудно расчитывать и т. д.,—и въ виду всего этого просилъ его перевести меня на жительство въ г. Курганъ.

Л-ій не могъ скрыть, что очень обрадовался моему ходатайству, такъ какъ послѣднее шло навстрѣчу самому сокровенному его желанію: не улыбалась ему перспектива имѣть подъ бокомъ въ самой его резиденціи завѣдомаго для него «корреспондента». Совершенно другимъ тономъ, пріятно улыбаясь, онъ объявилъ мнѣ, что такъ какъ меня перевели въ тобольскую тюрьму по распоряженію генералъ-губернатора Западной Сибири, а затѣмъ я былъ освобожденъ и оставленъ подъ надзоромъ полиціи въ Тобольскѣ по телеграфному распоряженію гр. Лорисъ-Меликова, то онъ удовлетворить мое ходатайство собственной властью не можетъ, но безотлагательно снесется съ генералъ-губернаторомъ и почти увѣренъ въ томъ, что никакихъ препятствій къ переселенію меня въ г. Курганъ не встрѣтится.

Считая вопросъ этотъ рѣшеннымъ, я отправился къ начальнику губернскаго жандармскаго управленія и просилъ его, въ виду предстоящаго отъѣзда моего въ Курганъ, принять мѣры къ огражденію меня по возможности отъ деспотической мстительности его курганскаго помощника—маіора С. Начальникъ жандармскаго управленія заявилъ мнѣ, что онъ посвященъ во всѣ детали моего конфликта съ маіоромъ, и хотя и не находитъ, чтобы тотъ былъ во всемъ такъ виноватъ, какъ я думаю, но тѣмъ не менѣе онъ ему напишетъ и поставитъ ему «на видъ», что проявленное имъ по отношенію ко мнѣ «излишнее усердіе» такъ же вредно и нежелательно, какъ и «недостаточное усердіе».

Генералъ-губернаторъ Казнаковъ не заставилъ долго ждать отвѣта. Черезъ нѣсколько дней явился ко мнѣ полицеймейстеръ В-въ и предложилъ собраться въ путь. Прибыла во дворъ моей квартиры тройка почтовыхъ лошадей; я распростился съ своимъ гостепріимнымъ хозяиномъ и, въ сопровожденіи двухъ жандармовъ, отправился опять обратно въ Курганъ.

VII.

Въ послѣднихъ числахъ января или въ самыхъ первыхъ числахъ февраля 1881 г. я очутился, такимъ образомъ, въ новомъ для меня юго-западномъ сибирскомъ городѣ—Курганѣ. Говорю: «новомъ», такъ какъ въ первое пребываніе мое здѣсь я вѣдь города, собственно, не видѣлъ: я находился тогда тамъ за тюремной рѣшеткой.

Въ климатическомъ и санитарно-гигіеническомъ отношеніи Курганъ и его округъ причисляются къ наиболѣе благопріятнымъ уголкамъ Сибири. По плодородію своему Курганскій округъ—одинъ изъ лучшихъ; онъ по справедливости считается житницей Тобольской губерніи. Здѣсь богатое хлѣбопашество и столь же богатое скотоводство. Трудно найти мѣстность съ такимъ обиліемъ ржи, пшеницы, сала, масла, кожъ, мяса, щетины, меду, воску, всевозможныхъ крупъ, рыбы красной и простой, превосходной поваренной соли. Въ обширныхъ размѣрахъ разводятся здѣсь лошади, рогатый скотъ, овцы, даже свиньи.

Не только по богатству, но и по числу жителей Курганскій округъ считался вторымъ во всей Сибири. Занимая площадь въ 20.420 кв. в., Курганскій округъ насчитывалъ тогда въ своихъ 27-ми волостяхъ 178.261 душу об. пола, между тѣмъ какъ Тобольскій округъ, при площади въ $4^1/_2$ раза большей (93.534 кв. в.), имѣлъ почти вдвое меньшее населеніе—97.258 д. об. п.

Значительно развиты здѣсь не только земледѣльческая промышленность и скотоводство. Курганъ, какъ и его округъ, славится (славился, по крайней мѣрѣ, въ описываемое время) производствами салотопеннымъ, свѣчнымъ, мыловареннымъ, картофельно-паточнымъ и крупчатнымъ. Крупчатная паровая мельница Смолина снабжала своей превосходной крупчаткой всю Сибирь и даже Пермскую губернію.

По размѣрамъ своимъ и населенію Курганъ оказался далеко не крупнымъ городомъ, но все же онъ значительно превышалъ Ялуторовскъ, насчитывая 664 дома и 3.552 ж. об. п., между тѣмъ какъ въ Тобольскѣ считалось 2.428 домовъ съ 17.056 ж. о. п., а въ Ялуторовскѣ было всего 557 домовъ, съ 2.240 жит. По торгово-промышленному значенію своему Курганъ имѣлъ преимущество и передъ Тобольскомъ, въ которомъ торгово-промышленная жизнь находилась въ полномъ упадкѣ: тамъ насчитывалось только 24 фабрикъ и заводовъ (въ сред-

немъ—1 на 710 жит.), а въ Курганѣ было 17 фабрикъ и заводовъ, т. е., въ среднемъ, 1 на 209 жителей.

Первое поселеніе на мѣстѣ нынѣшняго Кургана появилось, еще въ началѣ XVII ст.: въ 1613 г. здѣсь была основана слобода «Царево Городище». Въ 1782 г., когда открыто было тобольское намѣстничество, «слобода» эта стала городомъ, которому присвоено было наименованіе *Курганъ*, потому что близъ него находилось множество кургановъ, которые и теперь еще можно было видѣть по направленію къ юго-западу отъ города.

Общимъ своимъ видомъ Курганъ выгодно отличался отъ Ялуторовска: улицы прямыя, расположенныя вдоль нагорнаго берега р. Тобола; дома почти всѣ деревянные—просторные и хорошей постройки. Къ сожалѣнію крупчатный заводъ, будучи, весьма важнымъ въ торгово-промышленномъ отношеніи, неблагопріятно отражался на гигіеническомъ состояніи города: онъ закрывалъ судоходство по Тоболу, и рѣка застаивалась: лѣтомъ она цвѣла и плесневѣла, и рыболовство въ ней было совершенно убито. Затѣмъ въ Курганѣ не было никакихъ признаковъ мостовыхъ и тротуаровъ, не было также почти вовсе уличныхъ фонарей (а если и были, то безъ лампъ), и въ дождливое время, когда стояла грязь по колѣно, было довольно рискованно выходить ночью на улицу.

Хотя Курганъ и не лежалъ на историческомъ ссыльномъ трактѣ и стоялъ, въ сторонѣ отъ «Владимірки», но въ немъ все-таки водворялось на жительство не мало поселенцевъ. Въ 40-хъ и 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія жили здѣсь декабристы *Фонъ-Бригенъ*, *Лихаревъ*, *Лореръ*, *Назимовъ*, *Нарышкинъ*, *Розенъ* и *Фогтъ*. Имъ, на общемъ основаніи, предоставили по 15-ти десятинъ земли, и они занимались хлѣбопашествомъ. Собственно говоря, настоящее хозяйство завели лишь Нарышкинъ, который выписалъ изъ Москвы дорогихъ и крѣпкихъ лошадей, и Розенъ. Послѣднему всѣ, кромѣ Нарышкина, передали свои участки, и онъ завелъ образцовое хозяйство: удобрялъ неплодородную землю золой, которую курганскія мыловарни отпускали ему безплатно, и этимъ путемъ научилъ туземцевъ прибѣгать къ удобренію ради увеличенія плодородности земли.

VIII.

Ко времени моего прибытія въ Курганъ, колонія «политическихъ» состояла здѣсь изъ четы *Аверкіевыхъ*, *Бѣляевскаго*, *Долгополова*, *Кржеминскаго*, *Сидорацкаго* и г-жи *Шуръ*.

Самого Аверкіева я «зналъ» по «бесѣдамъ» (т. е. перестукиванію) въ петропавловкѣ, въ которой онъ занялъ номеръ, когда и я тамъ былъ, хотя привлекался онъ не по дѣлу 193-хъ, а по отдѣльному—собственному дѣлу. Жена его, Елена Ивановна, судилась по одному со мною дѣлу, (какъ участница, кажется, самарскаго кружка Мышкина). Она привлекалась по обвиненію въ покушеніи на распространеніе книгъ запрещеннаго содержанія и приговорена была къ 4 годамъ каторжныхъ работъ на заводахъ. Это наказаніе по Высочайшему повелѣнію (вслѣдствіе ходатайства суда) замѣнено было ссылкой на житье въ Тобольскую губернію. Мнѣ не пришлось познакомиться съ нею на судѣ.

Остановился я въ ихъ квартирѣ и принятъ былъ ими тепло и радушно, чисто по-товарищески, съ тою сердечностью, какая вообще въ то время царила въ Сибири въ средѣ колоній политическихъ ссыльныхъ, члены которыхъ—въ силу одинаковости положенія и общности интересовъ по отношенію къ окружающимъ—считали цѣлесообразнымъ игнорировать различные оттѣнки своего политически-соціальнаго міросозерцанія и во взаимной братской поддержкѣ имѣть источникъ для сохраненія своей бодрости и отстаиванія элементарныхъ правъ своего человѣческаго достоинства.

Не располагая никакими матеріальными средствами, Аверкіевъ совмѣстно съ Бѣляевскимъ устроили собственную кузницу, въ которой они обычнымъ тяжелымъ кузнечнымъ ремесломъ добывали средства для своего весьма скромнаго существованія, допуская услуги одного лишь наемнаго молотобойца, къ которому они, впрочемъ, относились отнюдь не «по-хозяйски», а почти по-товарищески. Въ теченіе цѣлой недѣли эти «бывшіе студенты» работали, не покладая рукъ, съ ранняго утра до поздняго вечера на своей кузницѣ, находившейся хотя и за городомъ, но по близости отъ маленькой ихъ квартирки; они подковывали лошадей, телѣги и возки, приготовляли для продажи гвозди и нѣкоторые простые инструменты и т. п. Кромѣ того Аверкіевъ принималъ въ починку швейныя машины, что составляло для него, какъ почти единственнаго спеціалиста по этой части, хорошій подсобный промыселъ. Населеніе относилось къ этимъ интеллигентнымъ труженикамъ, добывавшимъ хлѣбъ «въ потѣ лица своего», съ большимъ уваженіемъ и довѣріемъ, и недостатка въ кліентахъ у нихъ не было.

Жена Аверкіева сама исполняла всѣ работы по дому: пекла хлѣбъ, варила обѣдъ, ставила самовары, стирала бѣлье, убирала комнаты, мыла полы, кормила и прекрасно няньчила пре-

лестнаго первенца—дѣвочку, незадолго передъ этимъ родившуюся у нихъ тамъ же въ Курганѣ.

Въ этой семьѣ прекрасныхъ, честныхъ и идейныхъ людей чувствовалось тепло, уютно и хорошо. Безъ ропота носили здѣсь свой крестъ, съ достоинствомъ, съ вѣрой и надеждой на близкое наступленіе лучшихъ временъ. Хотя у этихъ милыхъ людей цѣлый день проходилъ въ неустанныхъ физическихъ трудахъ, но все же у нихъ находилось время почитать одну-другую газету, нѣкоторые журналы и кое-какія новѣйшія книжки, которыми друзья изъ Россіи не забывали снабжать своихъ ссыльныхъ товарищей.

Нифонтъ Ивановичъ Долгополовъ (впослѣдствіи, черезъ четверть вѣка, членъ 2-й Госуд. Думы) былъ студентъ 5-го курса медицинскаго факультета Харьковскаго университета. Его арестовали передъ самыми выпускными экзаменами, и онъ попалъ, въ административномъ порядкѣ, въ Курганъ за 6—7 мѣсяцевъ до меня. Къ медицинѣ онъ относился не только какъ къ профессіи, онъ просто *любилъ* ее; особенную слабость питалъ онъ къ хирургіи, которая была его спеціальностью и которую онъ очень серьезно изучалъ.

Допущенный, по прибытіи въ Курганъ, къ практическимъ занятіямъ въ городской больницѣ, Долгополовъ здѣсь очень скоро и весьма замѣтно выдвинулся нѣсколькими чрезвычайно искусными операціями. Его сердечное отношеніе ко всѣмъ страждущимъ и немощнымъ, безъ различія положенія и имущественнаго состоянія, преимущество, которое онъ даже оказывалъ бѣднымъ и несчастнымъ больнымъ, завоевали ему быстро очень широкую популярность. Чуткое населеніе признало въ немъ сразу опытнаго врача-хирурга и хлынуло къ нему изъ многихъ селеній не только Курганскаго округа, но и другихъ сосѣднихъ округовъ. Громаднѣйшее большинство больныхъ Н. И. лечилъ безвозмездно, снабжая даже нѣкоторыхъ лѣкарствами. Въ базарные дни (по субботамъ) его небольшая квартирка и даже весь дворъ (а иногда и прилегающая улица) переполнялись недужнымъ народомъ, стекавшимся къ нему съ глубокой вѣрой въ его искусство и съ глубокой любовью къ его человѣчности. Постепенно (и довольно сильно) возрасталъ притокъ больныхъ и въ другіе дни. Во время моего пребыванія въ Курганѣ уже въ рѣдкій день у Н. И. бывало менѣе 30 — 40 больныхъ. Быстро растущая популярность его вызвала зависть въ практиковавшемъ въ Курганѣ (по спеціальному разрѣшенію) врачу изъ уголовныхъ ссыльныхъ, до прибытія Долгополова успѣшно конкуррировавшему съ

единственнымъ на весь городъ (и даже округъ) городовымъ врачемъ. Зависть эта росла crescendo, такъ какъ кліентура Н. И. состояла не изъ однихъ неимущихъ крестьянъ и мѣщанъ, ничего привлекательнаго для этого вольно-практикующаго врача не представлявшихъ, но и изъ лицъ мѣстнаго купечества и чиновничества, оплачивавшихъ свое леченіе тѣми рублями, которые раньше переходили въ карманы этого врача.

На Долгополова посыпались доносы «въ губернію». Врачебное управленіе принялось за «запросы», и, въ концѣ концовъ, Н. И. формально воспрещена была медицинская практика— съ одной стороны какъ бездипломному врачу («студенту»), не окончившему университета, а съ другой стороны—какъ ссыльному (хотя и въ административномъ порядкѣ). И вотъ, въ одинъ прекрасный день исправникъ счелъ себя вынужденнымъ, въ огражденіе себя отъ личной отвѣтственности, наложить на Долгополова административную кару—заключить его подъ арестъ при полицейскомъ управленіи на 7 сутокъ, при чемъ составлено было любопытное постановленіе, гласившее, что вотъ дескать такой-то Долгополовъ, «движимый человѣколюбіемъ», позволяетъ себѣ оказывать медицинскую помощь страждущимъ больнымъ, а такъ какъ онъ на медицинскую практику надлежащаго разрѣшенія не имѣетъ, то... и т. д. [1]).

Н. И. Долгополовъ производилъ на меня чарующее впечатлѣніе своей искренностью, сердечностью, цѣльностью натуры и истинно-гуманнымъ отношеніемъ ко всѣмъ окружающимъ. Числясь «политическимъ», онъ откровенно (хотя и не совсѣмъ вѣрно) говорилъ, что его политика, собственно, мало интересуетъ, такъ какъ любовь и влеченіе къ медицинѣ всецѣло его поглощаютъ.

Н. И. былъ заядлый «хохолъ» и чистокровный «украинофилъ». Его самымъ любимымъ поэтомъ былъ Шевченко, портретъ и сочиненія котораго занимали самое почетное мѣсто въ его кабинетѣ. За недѣлю до поминокъ (26 февраля) Шевченко, онъ сталъ просить меня приготовить «рѣчь» о жизни и дѣятельности этого любимаго «батьки», суля мнѣ за это угощеніе

---

1) Не знаю, придется ли мнѣ еще въ своихъ отрывочныхъ воспоминаніяхъ вернуться къ Долгополову. Замѣчу, поэтому, здѣсь, что за медицинскую помощь, которую онъ все-таки, «движимый человѣколюбіемъ», продолжалъ неизмѣнно оказывать страждущимъ и немощнымъ, ему впослѣдствіи пришлось еще не мало выстрадать. Его выслали въ болѣе сѣверный округъ и заставили ѣхать на почтовыхъ, безъ теплой одежды, во время тифа. Лишь телеграфная жалоба его жены, вызвавшая телеграфное распоряженіе тобольскаго губернатора, пріостановила (кажется, въ Ишимѣ) дальнѣйшее передвиженіе его, до выздоровленія.

«настоящими» малороссійскими варениками. Я исполнилъ его просьбу. Когда я пришелъ къ нему вечеромъ 26 февраля, я почти не узналъ его: онъ низко-пренизко подстригся, выдѣливъ замѣтно «чубъ», нарядился въ широчайшіе, какъ Днѣпръ, хохлацкіе шаровары, сшитые изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ и артистически вышитую «малороссійскую» рубаху. Я добросовѣстно исполнилъ заданную мнѣ имъ задачу,—своими словами подробно изложилъ біографію Шевченко, отмѣтивъ главнѣйшія его произведенія (къ сожалѣнію, по-великорусски, за незнаніемъ малороссійскаго языка). Нифонтъ Ивановичъ, съ своей стороны, угостилъ меня «горілкой» и отмѣннѣйшими, громаднѣйшихъ размѣровъ «варениками» собственнаго изготовленія: онъ былъ знатокъ по кулинарной части и въ свободное время баловалъ товарищей прекрасными обѣдами собственнаго приготовленія...

Александра Шуръ, попавшая въ Курганъ тоже незадолго до моего прибытія (чуть ли не одновременно съ Долгополовымъ), очень близко сошлась съ Н. И. Она много помогала ему въ качествѣ фельдшерицы и впослѣдствіи стала его женой.

Удивительно оригинальнаго субъекта я нашелъ въ лицѣ Сидорацкаго. Бывшій офицеръ, онъ еще въ Михайловскомъ училищѣ, кажется, примкнулъ къ кружку «чайковцевъ» вмѣстѣ съ товарищами своими Рогачевымъ и Шишко, «ходилъ въ народъ», сошелся близко съ одной изъ основательницъ кружка, Александрой Ободовской, на которой впослѣдствіи и женился.— Послѣ самаго кратковременнаго пребыванія «въ народѣ» онъ былъ арестованъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими «чайковцами», и заключенъ въ домъ предварительнаго заключенія. Его привлекли было къ «Большому процессу», но такъ какъ никакихъ уликъ противъ него не нашли, то предпочли расправиться съ нимъ административнымъ порядкомъ, и онъ очутился въ Курганѣ совершенно также, какъ мы съ Аверкіевыми очутились здѣсь въ судебномъ порядкѣ.

Продолжительное одиночное тюремное заключеніе наложило на Сидорацкаго свой осязательный отпечатокъ, и «странности» его обращали невольно на себя всеобщее вниманіе.

Первая встрѣча моя съ нимъ въ Курганѣ произошла при слѣдующей курьезной обстановкѣ.

По прибытіи въ Курганъ, я на другой день съ утра пошелъ знакомиться съ мѣстными «политическими». Посѣтивъ Долгополова и Шуръ, я направился къ проживавшему въ одномъ съ ними домѣ Сидорацкому: послѣдній нанималъ комнату въ квартирѣ домовладѣлицы — курганской мѣщанки Хворостовой,

которая очень благоволила къ «политическимъ» вообще. Когда я попросилъ ее провести меня къ Сидорацкому, она таинственнымъ шепотомъ заявила мнѣ, что онъ никого не принимаетъ, дверь въ его комнату всегда заперта на ключъ, и онъ никому не позволяетъ входить въ его комнату безъ спеціальнаго зова. На мой вопросъ, не могу ли я повидаться съ Сидорацкимъ во время обѣда, Хворостова отвѣтила, что онъ столуется тутъ же у нея, но обѣдъ подаютъ ему въ его комнату черезъ спеціально для этого вырѣзанную имъ въ двери форточку, которая отворяется и затворяется извнутри...

Я невольно расхохотался. Стало быть,—рѣшилъ я,—почтеннѣйшій Сидорацкій настолько свыкся съ режимомъ «предварилки», что режимъ этотъ перенесъ съ собой даже сюда въ ссылку!

Такъ какъ приближалось время обѣда, то я рѣшилъ подождать. Какъ только пробило два часа, извнутри комнаты Сидорацкаго открылась форточка; подошла служанка и поставила на форточку приборъ, хлѣбъ и миску съ супомъ: точная копія блаженной памяти «предварилки»!

Я разразился гомерическимъ хохотомъ, и тутъ же представился озадаченному неожиданностью Сидорацкому, внутренно—признаюсь—опасаясь какой-либо нежелательной выходки съ его стороны.

Опасенія мои оказались, однако, совершенно напрасными. Какъ «чайковецъ», Сидорацкій хорошо зналъ мое имя, зналъ мои близкія отношенія къ его бывшему кружку. Онъ даже какъ бы обрадовался появленію моему въ Курганѣ. Весьма охотно онъ отперъ свою завѣтную дверь, пригласилъ меня къ себѣ, отнесся ко мнѣ вполнѣ по-товарищески и выразилъ надежду, что мы близко съ нимъ сойдемся.

Наконецъ, послѣдній членъ курганской колоніи «политическихъ», съ которымъ я познакомился въ тотъ же день, былъ студентъ Кржеманскій. Занималъ онъ какой-то своеобразный особнячекъ (по-истинѣ «на курьихъ ножкахъ»), состоявшій изъ одной крошечной комнатки, все убранство и вся обстановка которой сводились къ плохенькой кровати, столику и парѣ самодѣльныхъ табуретокъ. Кржеминскій оказался юношей крайне-угрюмымъ и весьма мрачнаго вида. Ясно было, что онъ жестоко тосковалъ въ Курганѣ и дичился людей, держась въ сторонѣ не только отъ обывателей, но даже и отъ товарищей по ссылкѣ. Между нами оказалась точка соприкосновенія: его братъ женатъ былъ на моей хорошей знакомой (А. М. Г-нъ),

отъ которой ему пришлось кое-что обо мнѣ слышать. Это способствовало нѣкоторому сближенію между нами.

Денька черезъ два-три я пріискалъ и для себя небольшую комнату, такъ какъ мнѣ не хотѣлось злоупотребить товарищескимъ гостепріимствомъ Аверкіевыхъ, ютившихся въ довольно тѣсной квартиркѣ.

IX.

Самый городъ Курганъ произвелъ куда лучшее впечатлѣніе, чѣмъ Ялуторовскъ. Здѣсь были и болѣе изящныя зданія, и болѣе живая торгово-промышленная жизнь, и болѣе культурный внѣшній обликъ населенія.

У меня явилась надежда найти здѣсь какое-нибудь подходящее занятіе въ конторѣ мѣстнаго крупнаго коммерсанта Смолина, владѣльца одной изъ лучшихъ сибирскихъ крупчатныхъ мельницъ.

Я побывалъ у Смолина и получилъ кое-какія обѣщанія, заручился также содѣйствіемъ исправника. Но я вмѣстѣ съ тѣмъ узналъ, что жандармскій маіоръ С., съ перваго же дня моего пребыванія въ Курганѣ, принялся сильно интриговать противъ меня: и въ «собраніи», и въ гостяхъ у мѣстныхъ купцовъ онъ изображалъ меня какъ «отчаяннаго» и «весьма опаснаго государственнаго преступника», для котораго «и каторги мало» и съ которымъ всякое общеніе опасно. При этомъ онъ увѣрялъ всѣхъ и каждаго, что не сегодня-завтра меня изъ Кургана уберутъ, такъ какъ онъ въ одномъ городѣ со мною жить не желаетъ.

Но я не терялъ надежды какъ-нибудь «устроиться» въ Курганѣ, а пока-что, рѣшилъ взяться за свой прежній «криминалъ» — корреспондированіе въ газеты. Съ этой цѣлью я приступилъ къ изученію города и его нравовъ и обычаевъ, предполагая составить прежде всего статистико-экономическій очеркъ Кургана. «Чудакъ» Сидорацкій предложилъ мнѣ свои услуги въ качествѣ собирателя матеріаловъ и данныхъ, всячески убѣждая меня не отказываться отъ этихъ услугъ, такъ какъ для него такая работа явится спасеніемъ отъ гложущей его тоски.

Съ благодарностью и весьма охотно принялъ я дружеское предложеніе Сидорацкаго,—тѣмъ болѣе, что одна перспектива какой бы то ни было «работы» значительно, повидимому, его оживила. И Сидорацкій оказался прекраснымъ сотрудникомъ! Каждый день онъ снабжалъ меня новыми и новыми матеріалами,

которые онъ кропотливо усердно и добросовѣстно собиралъ со всевозможныхъ сторонъ.

Мало-по-малу (и довольно скоро) я, при полезномъ содѣйствіи Сидорацкаго, настолько ознакомился съ Курганомъ, что могъ приступить къ составленію краткаго очерка, который, къ концу мѣсячнаго пребыванія моего здѣсь, приведенъ былъ уже почти къ концу. Однако, отправить его по назначенію мнѣ удалось лишь значительно позже и изъ гораздо болѣе восточнаго сибирскаго города.

Дѣло въ томъ, что пока я собирался осѣсть въ Курганѣ, въ Петербургѣ особое совѣщаніе министровъ рѣшило участь мою и товарищей моихъ по Ялуторовску—С. Жебунева и Чернявскихъ.

1-го марта 1881 г. рано утромъ на квартиру мою явились два мѣстныхъ нижнихъ жандармскихъ чина при полной формѣ и съ роковымъ «пакетомъ» въ рукахъ и заявили мнѣ, что они командированы маіоромъ С. для препровожденія меня, согласно предписанію министра внутреннихъ дѣлъ, въ Восточную Сибирь. Жандармы предложили мнѣ немедленно заняться сборами въ дорогу, такъ какъ скоро прибудетъ заказанная уже для меня почтовая тройка. Я потребовалъ, чтобы мнѣ дали нѣсколько часовъ на сборы, такъ какъ все бѣлье мое находилось въ стиркѣ у прачки, у меня не было ни копѣйки денегъ, да и распрощаться съ товарищами мнѣ хотѣлось. Но протесты и настоянія мои оказались совершенно тщетными. Жандармы объяснили, что маіоръ категорически и строжайше запретилъ имъ допускать ко мнѣ кого бы то ни было, а тѣмъ болѣе выпускать меня изъ квартиры.

Волей-неволей пришлось подчиниться и собираться въ путь. Имущество мое было настолько необильно, что на это потребовалось далеко немного времени. Когда во дворъ моей квартиры прибыла почтовая тройка, я недолго задержалъ ее, и мы направились въ путь-дорогу.

Тѣмъ временемъ вѣсть о моей внезапной отправкѣ быстро разнеслась по городу. Не успѣла еще тройка моя выѣхать за околицу города, какъ на извозчикѣ нагнали меня Н. И. Долгополовъ съ Шуръ. Такъ какъ я находился уже за чертой городскихъ строеній и всецѣло во власти и распоряженіи жандармовъ, то послѣдніе, считая нежелательнымъ раздражать меня и хорошо зная Долгополова, какъ «доктора», согласились на нѣсколько минутъ остановить тройку. Мы сердечно распрощались съ Н. И. и Шуръ, которые братски вручили мнѣ что-то около десяти рублей, мелочью. Деньги эти пришлись весьма кстати, такъ какъ у меня не оказалось буквально ни копѣйки своихъ денегъ.

X.

И вотъ, мчусь я опять на лихой сибирской тройкѣ. Путь мой лежитъ по ровной, скучной, тоску наводящей безбрежной «Барабинской степи», съ ея прославленнымъ тучнымъ черноземомъ, богатыми лугами и обильной самосадочной солью. Эта «Бараба» славится въ особенности своей бѣшеной почтовой ѣздой. Дорога здѣсь ровная и гладкая, кони могучіе и быстрые, ямщики (въ особенности татары) бойкіе и лихіе. Ѣзда по этому тракту настолько быстрая, что—по временамъ—дыханіе отъ нея захватываетъ, и подозрительные жандармы грозно даже задерживаютъ ее, опасаясь какого-нибудь «подвоха». Подъ вліяніемъ строгихъ инструкцій маіора С. и его суроваго предупрежденія насчетъ «опасности» моей особы, жандармы держатъ себя крайне осторожно и по-начальнически; остановки допускаются ими самыя короткія, ради одной лишь перепряжки лошадей, которая отнимаетъ очень мало времени, такъ какъ станціонное начальство уже опытомъ научено, что когда «жандары» ѣдутъ «по казенной надобности», да еще «съ будущимъ», то тутъ надо держать ухо востро и быть проворнымъ.

Мелькаютъ деревни одна за другой, деревни плотно населенныя и длинныя, тянущіяся иногда на двѣ-три версты, деревни зажиточныя, съ солидными, прочно-построенными домами и съ основательнымъ хозяйственнымъ обзаведеніемъ.

Со второго или третьяго дня нашего путешествія бросилась мнѣ въ глаза какая-то перемѣна въ моихъ жандармахъ. На станціяхъ они осторожно между собой перешептывались; когда я дремалъ въ кибиткѣ, они о чемъ-то таинственно между собой шушукались.

Миновавъ Каинскъ, мы на пятый или шестой день прибыли въ Томскъ, гдѣ все объяснилось.

Подвезли меня къ полицейскому управленію, и такъ какъ время было позднее—дѣло шло къ вечеру,—то никого изъ чиновъ тамъ не оказалось. Жандармы оставили меня подъ присмотромъ служителя, а сами съ «пакетомъ» отправились разыскивать полицеймейстера.

Кружась по пріемной полицейскаго управленія, я на одной изъ стѣнъ замѣтилъ большое объявленіе. Подхожу—читаю, и глазамъ своимъ не вѣрю: это было подробное телеграфное сообщеніе министра внутр. дѣлъ гр. Лорисъ-Меликова о катастрофѣ 1-го марта. Жандармы выѣхали со мною изъ Кургана утромъ

2-го марта, и тамъ еще тогда это трагическое событіе имъ, какъ и мнѣ, не было извѣстно; узнали они о немъ, очевидно, лишь на другой или третій день, въ дорогѣ. Столь крупный фактъ не могъ, конечно, не повергнуть ихъ въ большое недоумѣніе и въ неопредѣленное ожиданіе всевозможныхъ послѣдствій. Сообщить мнѣ о столь важномъ и серьезномъ государственномъ дѣлѣ они считали себя, очевидно, не въ правѣ, не имѣя на этотъ спеціальный «случай» никакой «инструкціи», а вмѣстѣ съ тѣмъ фактъ этотъ ихъ слишкомъ поглотилъ своей необычайной важностью, и имъ трудно было удерживаться отъ таинственнаго перешептыванія по его поводу.

Въ Томскѣ (т. е. въ томскомъ полицейскомъ управленіи) я только переночевалъ, и на другой день, въ сопровожденіи уже другихъ, мѣстныхъ жандармовъ, отправился дальше, вступивъ скоро въ новый районъ Сибири—ея восточную полосу, болѣе гористую и менѣе удобную для почтовой гоньбы.

На третій день я прибылъ въ первый губернскій городъ Восточной Сибири, Красноярскъ, откуда меня должны были отправить въ мѣсто моего новаго «назначенія»—г. Енисейскъ.

При обыкновенныхъ, нормальныхъ условіяхъ мнѣ пришлось бы оставаться въ Красноярскѣ не больше недѣли, до отправки въ Енисейскъ очередной «партіи». Но какъ разъ черезъ нѣсколько дней послѣ прибытія моего въ Красноярскѣ разразился громадный пожаръ, истребившій значительную часть города. Въ теченіе нѣсколькихъ дней здѣсь бушевала страшная огненная стихія, которую намъ пришлось созерцать изъ-за тюремныхъ рѣшетокъ. Во время этого пожара въ экспедиціи о ссыльныхъ сгорѣли и «статейные списки» пересылаемыхъ, и волей-неволей пришлось задержать послѣднихъ на долгое время, пока не будутъ возобновлены всѣ нужныя данныя.

Это совершенно непредвидѣнное обстоятельство задержало меня въ красноярской тюрьмѣ почти на два мѣсяца, и мнѣ пришлось встрѣтиться тамъ съ нѣкоторыми, шедшими изъ Россіи «партіями» политическихъ, слѣдовавшихъ въ Восточную Сибирь. Я засталъ, между прочимъ, въ красноярской тюрьмѣ *И. Н. Цыплова*, присужденнаго тобольскимъ военнымъ судомъ къ смертной казни, которая генералъ-губернаторомъ Казнаковымъ замѣнена была восьмилѣтней каторгой. При мнѣ же въ красноярскую тюрьму прибылъ изъ Туринска милѣйшій С. Жебуневъ, слѣдовавшій по общей со мной резолюціи въ г. Балаганскъ (иркутской губерніи).

Столь продолжительная остановка «по пути», въ тюрьмѣ, была далеко не пріятна. Къ счастію, для политическихъ заклю-

ченныхъ въ красноярской тюрьмѣ режимъ въ то время былъ не изъ особенно суровыхъ. Смотрителемъ тюрьмы былъ полякъ Островскій, который, въ силу семейныхъ традицій, относился къ «политическимъ» не по-бурбонски и по-возможности облегчалъ ихъ положеніе. Губернская администрація (губернаторомъ былъ, кажется, генералъ Педашенко) относилась съ уваженіемъ къ политическимъ ссыльнымъ, проживавшимъ въ самомъ Красноярскѣ, и безпрепятственно разрѣшала имъ свиданія съ товарищами, временно пребывавшими въ тюрьмѣ.

Въ числѣ политическихъ ссыльныхъ, проживавшихъ тогда въ Красноярскѣ, находились впослѣдствіи хорошо извѣстные соціологъ *Сергѣй Николаевичъ Южаковъ*, писатель *Иванъ Петровичъ Бѣлоконскій* и его жена (урожденная В. Н. Левандовская), *Грузевскіе*, *Потолицына* и др. — Эти товарищи насъ посѣщали, снабжали насъ книгами и всѣмъ необходимымъ и значительно смягчали скуку неожиданно затянувшагося пребыванія въ тюрьмѣ.

Какъ разъ въ красноярской тюрьмѣ мнѣ пришлось изъ газетъ узнать о процессѣ участниковъ въ катастрофѣ 1-го марта и о приведенномъ надъ ними въ исполненіе приговорѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ я находился въ состояніи, близкомъ къ сумасшествію. Передъ моими глазами безпрерывно стояли висѣлицы съ качавшимися на нихъ тѣлами Желябова и Перовской, съ которыми я еще такъ сравнительно недавно бесѣдовалъ на судѣ по процессу 193-хъ и которые, привлеченные къ этому суду по обвиненію «въ распространеніи преступной пропаганды въ Имперіи», по недоказанности обвиненія, были судомъ оправданы. Въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ я ни на минуту не могъ сомкнуть глаза, ибо стоило мнѣ только на одну минуту ихъ закрыть, какъ передо мною начиналось ужасное раскачиваніе труповъ. Это были мучительные дни...

Наконецъ, возстановлены были всѣ нужныя свѣдѣнія о пересыльныхъ, и можно было приступить къ составленію «партіи» для дальнѣйшаго нашего передвиженія.

Въ одинъ прекрасный день препроводили всѣхъ политическихъ ссыльныхъ въ одну изъ красноярскихъ фотографій Кепеля, въ которой обязательно снимали за счетъ экспедиціи о ссыльныхъ всѣхъ слѣдовавшихъ въ Восточную Сибирь. Хотя Кепелю запрещалось продавать постороннимъ лицамъ фотографическіе снимки «политическихъ», но онъ кажется съ этимъ запрещеніемъ не особенно строго считался. По крайней мѣрѣ одинъ изъ его помощниковъ конфиденціально завелъ меня въ дру-

гую комнату и показалъ мнѣ здѣсь огромный альбомъ съ карточками всевозможныхъ «политическихъ», въ теченіе послѣднихъ досятилѣтій слѣдовавшихъ черезъ Красноярскъ по Владиміркѣ въ Восточную Сибирь, а самъ Кепель (родомъ, кажется, швейцарецъ), войдя въ эту комнату, сказалъ мнѣ на ломаномъ русскомъ языкѣ: «Вотъ здѣсь у меня громадное состояніе! Когда въ Россіи будетъ конституція, я разбогатѣю, такъ какъ у меня обширная коллекція портретовъ всѣхъ замѣчательныхъ людей, которые работали для конституціи. Я за эти карточки получу большія деньги». Сомнѣваюсь, чтобы самъ почтенный Кепель воспользовался, дѣйствительно, этимъ «богатствомъ», такъ какъ онъ былъ уже довольно пожилой человѣкъ, а до «конституціи», которая уже тогда (въ 1881 г.) смутно намѣчалась въ перспективѣ, пришлось прождать еще цѣлую четверть вѣка, да и то до какой, съ позволенія сказать, «конституціи»?!..

XI.

«Партія» на Енисейскъ была сформирована.

«Партія» состояла изъ нѣсколькихъ десятковъ уголовныхъ и одного лишь «политическаго», въ моемъ лицѣ. Совѣтникъ енисейской экспедиціи о ссыльныхъ и тюремный врачъ освидѣтельствовали всѣхъ, подлежавшихъ отправкѣ, при чемъ больнымъ, старикамъ и бабамъ предоставлены были подводы, остальные должны были слѣдовать пѣшкомъ, складывая лишь вещи свои на подводы.

До этого времени я странствовалъ на привилегированномъ положеніи, въ сопровожденіи жандармовъ и не иначе, какъ въ пассажирскихъ вагонахъ или на почтовыхъ тройкахъ. Теперь я очутился впервые на *общемъ* положеніи, мнѣ впервые пришлось слѣдовать *этапнымъ* порядкомъ. Хотѣли было предоставить мнѣ право воспользоваться подводой, но я уклонился отъ врачебнаго освидѣтельствованія, желая быть хоть разъ на *общемъ* положеніи.

Сравнительно незначительное разстояніе до Енисейска (кажется, около 330 верстъ) на почтовыхъ я отмахалъ бы въ двое сутокъ; по положенію же объ этапномъ шествіи въ день могли проходить не болѣе 35—40 верстъ, при чемъ черезъ каждые два дня полагалась «дневка», когда «партія» отдыхала полныя сутки (не считая остатка дня прибытія на этапъ). Такимъ образомъ,

незначительный путь до Енисейска отнималъ не больше не меньше, какъ одиннадцать—двѣнадцать сутокъ!

Тогда стояла великолѣпная, настоящая майская погода! Растительность была въ полномъ цвѣту. «Партія» поднималась съ ночевки съ зарей, наскоро собиралась и часовъ въ 5 отправлялась въ путь, оглашая чудный, тихій весенній воздухъ всевозможными пѣснями и веселыми бесѣдами. Начальникъ конвойной команды отправлялся впередъ на своей бричкѣ; солдаты шли почти отдѣльно впереди, вполнѣ увѣренные, что пересылаемые столь близко не найдутъ цѣлесообразнымъ подвергать себя риску и бѣжать съ дороги.

Часовъ въ 8 дѣлался, обыкновенно, «перевалъ» на полчаса. Разводили огонь, кипятили въ котелкахъ чай и слегка закусывали. Часовъ въ 11 - 12 дѣлался вторичный, болѣе продолжительный «перевалъ» для закуски и короткаго отдыха. Къ 4—5 часамъ «партія» добиралась, обыкновенно, до этапа, гдѣ ее ожидали бабы со всевозможной снѣдью—оладьями, шаньгами, молокомъ, творогомъ, хлѣбомъ, жаренымъ мясомъ, печенками и т. п. Арестанты, какъ волки, набрасывались на торговокъ, норовя захватить болѣе лакомые куски. Затѣмъ, послѣ переклички, взапуски бросались въ этапныя помѣщенія, чтобы занять получше нары для ночлега. Снявъ съ себя котомки, разоблачившись и кое-какъ омывшись, принимались обѣдать, истребляя съ аппетитомъ все, что Богъ послалъ, при чемъ особенно лакомымъ (и дешевымъ) блюдомъ между пересыльными считалась черемша, вкусомъ напоминавшая нашъ лукъ и находившаяся въ этомъ районѣ въ большомъ обиліи. Послѣ обѣда кипятили походные котелки, заваривали чай, которымъ «баловались» (или совсѣмъ безъ сахара, или при самой малой его дозѣ—«въ оглядку») до позднихъ сумерекъ, когда почти всѣ заваливались спать.

Благодаря дневному пѣшему переходу, страдавшихъ «безсонницей» на этапахъ не оказывалось. Отчаянный храпъ раздавался всю ночь со всѣхъ наръ. Очень немногіе забирались подъ нары и усаживались тамъ за карты, которыя они умудрялись проносить на этапъ, несмотря на самые строгіе обыски. Временами, въ особенности во время «дневокъ», появлялась и водочка, такъ какъ солдаты этапной команды по части надзора особенной строгостью не отличались и не прочь бывали принимать участіе въ выпивкѣ.

Во время одной изъ «дневокъ» зашелъ я съ конвойнымъ въ деревнѣ въ одну хату, чтобы раздобыть какую-либо лакомую пищу.—Разговорились мы съ молодой дѣвушкой («работники»

были всѣ «въ полѣ»). Та стала жаловаться на плохія времена, отсутствіе заработковъ и пр. Во время нашей бесѣды слѣзаетъ съ «полатей» ветхій старикъ: кряхтя, вмѣшивается онъ въ разговоръ: «Вотъ фарта нѣтъ, другимъ какъ везетъ!» И сталъ разсказывать, какъ такіе-то и такіе-то изъ ихъ деревни и ближайшихъ селеній во время недавняго пожара въ Красноярскѣ отправились туда съ подводами и вывезли полныя подводы всякаго добра, пользуясь содѣйствіемъ казаковъ, съ которыми они дѣлились награбленнымъ добромъ... «А намъ-то не фартитъ!»— со вздохомъ закончилъ «дѣдъ», укоряя своихъ «мужиковъ» въ неумѣніи пользоваться моментомъ.

Эти наивныя жалобы на несправедливость судьбы подтвердили тѣ многочисленные слухи о происходившихъ во время пожара грабежахъ,—слухи, доходившіе и до насъ въ тюрьму и попавшіе отчасти въ печать...

Хотя значительная часть нашей «партіи» состояла изъ отборной «шпанки», искусной и опытной по части «присвоенія чужого имущества», однако, на нашихъ этапахъ кражъ не было, такъ какъ «воровать» у своихъ считается въ партіяхъ большимъ преступленіемъ, за которое учиняется жестокій самосудъ.

На 11-й или 12-й день я прибылъ въ мѣсто новаго своего жительства въ полосѣ „Восточной Сибири",—въ г. *Енисейскъ*.

С. Чудновскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАГОВОРЪ.

Зашуршалъ въ осокѣ влажный вѣтеръ,
Зашумѣлъ въ травѣ росистой тихо,
И качнулъ, нагнулъ поближе къ травамъ
Дикой мяты сонныя головки...
За рѣкой въ лѣсу смѣется кто-то...
Жутко мнѣ одной здѣсь на полянѣ...
Серебрятся отъ росинокъ косы,
На бѣгу платокъ я потеряла,—
Онъ повисъ, бѣлѣя, межъ вѣтвями,—
Но вернуться страшно—кто-то смотритъ...
Не забыть мнѣ только бъ словъ завѣтныхъ!
Полнолунье новое не скоро,—
Только нынче мнѣ подвластенъ вѣтеръ—
Завтра поздно, слишкомъ поздно будетъ...
На лугу, луною озаренномъ,
Сторонясь, пугаясь четкой тѣни,
До утра сбирать я буду травы,—
Мнѣ на нихъ укажетъ мудрый вѣтеръ...
А когда, предъ утренней зарею,
Запоетъ въ селѣ пѣтухъ протяжно
Пронесу домой я ихъ тихонько...
Можетъ быть, моимъ ты будешь снова...

Ада Чумаченко.

ВЕСНОЮ.

Полюбить далекаго—рѣдкое свиданьице...
Рѣдкое свиданьице—горько разставаньице.
(Народная пѣсня).

Солнечные зайчики свѣтятъ на завалинкѣ...
Въ полѣ за околицей темныя проталинки.
Надъ деревней дымною, надъ землей чернѣющей
Влаженъ по весеннему теплый вѣтеръ вѣющій...
Ужъ прошли къ угодникамъ странники съ котомками,—
Съ тихими молитвами, съ пѣснями негромкими,
Съ дивными сказаньями про края чудесные,
Про знамѐнья Божіи, - про пути небесные.
Провожать ходила ихъ. За селомъ прощалися,
Принести мнѣ осенью крестикъ обѣщалися,—
Крестикъ кипарисовый прямо отъ святителя,—
Иль на лентѣ красненькой образокъ Спасителя.
Долго вслѣдъ смотрѣла имъ я, пока не скрылися...
Помню, какъ у младшаго кудри золотилися...
Черную скуфеечку помню, кружку мѣдную,
Да улыбку нѣжную, свѣтлую, привѣтную...
И ушли съ молитвами, тихіе и чинные...
Эхъ, весною радостны всѣ дороги длинныя,
Всѣ ручьи разливные и всѣ вѣтви влажныя,
Всѣ глаза влюбленные, всѣ сердца отважныя!
И домой вернулася я отъ солнца пьяная...
Въ сердцѣ отдавалася чья-то пѣсня странная,—
Да любить прохожаго—рѣдкое свиданьице,
Рѣдкое свиданьице, горько разставаньице...

Ада Чумаченко.

ПЕТЕРБУРГСКОЕ СТУДЕНЧЕСТВО

И

ВЛАД. СЕРГ. СОЛОВЬЕВЪ.

Со времени кончины Вл. Серг. Соловьева, послѣдовавшей 31 іюля 1900 г., мнѣ не приводилось встрѣчать въ печати воспоминаній о немъ, какъ лекторѣ философіи въ с.-петербургскомъ университетѣ. Между тѣмъ, не освѣтить этого періода жизни знаменитаго философа и богослова, бывшаго въ то же время публицистомъ, поэтомъ и критикомъ, значитъ оставить въ тѣни одну изъ самыхъ характерныхъ сторонъ его возвышенной личности и обаятельнаго таланта. Бывшіе слушатели Соловьева теперь уже «дѣдушки»; съ ихъ смертью сойдетъ въ могилу и память о Владимірѣ Сергѣевичѣ, какъ профессорѣ. А эта память можетъ быть поучительной во многихъ отношеніяхъ.

Вл. С. Соловьевъ началъ читать лекціи въ с.-петербургскомъ университетѣ, если не измѣняетъ мнѣ память, въ 1880-мъ году. Въ то время въ обществѣ и среди учащейся молодежи еще не улеглось увлеченіе естественными науками, вспыхнувшее такъ бурно въ 60-хъ годахъ. Естественное отдѣленіе физико-математическаго факультета было въ петербургскомъ университетѣ самое многолюдное и сосредоточивало въ себѣ самыхъ выдающихся профессоровъ того времени: тутъ были Менделѣевъ, Сѣченовъ, Вагнеръ, Меншуткинъ, Бутлеровъ, Иностранцевъ, Фаминцынъ, А. Бекетовъ (ректоръ университета). Господствуя и по коли-

честву студентовъ, и по числу профессоровъ съ европейской извѣстностью, естественное отдѣленіе сообщало свой духъ и тонъ всему университету. Въ полномъ соотвѣтствіи съ общественными симпатіями къ «реальнымъ знаніямъ» и со всеобщимъ отвращеніемъ къ затхлому классицизму, бывшему тогда въ полномъ разгарѣ, подавляющее большинство студентовъ считало настоящими науками только естественныя, а всѣ остальныя—лишь «терпимымъ художествомъ». Впрочемъ, на юридическій факультетъ студенчество, въ общемъ, смотрѣло еще болѣе или менѣе снисходительно: тамъ читалась политическая экономія, трактовавшая, между прочимъ, о соціализмѣ. Безусловное, не терпящее возраженій презрѣніе внушали науки историко-филологическаго факультета. На этотъ злосчастный факультетъ переносилась массой студенчества вся та ненависть, которая возникала въ гимназіяхъ къ древнимъ языкамъ. Въ средѣ естественниковъ слово «филологъ» было почти браннымъ. Съ этимъ словомъ у огромнаго большинства петербургскаго студенчества соединялось представленіе объ ограниченномъ, тупомъ зубрилѣ и будущемъ учителѣ-Молчалинѣ. Всѣ филологи, по мнѣнію господствующаго большинства, непремѣнно должны были быть «бонапартистами». Не лучшаго мнѣнія о филологическихъ наукахъ были и профессора физико-математическаго факультета. Такъ, когда къ одному изъ нихъ обратился за совѣтомъ первокурсникъ филологъ, колебавшійся между филологическими и естественными науками, то профессоръ окинулъ его презрительнымъ взглядомъ и, повидимому даже обидѣвшись сопоставленіемъ филологическаго факультета съ физико-математическимъ, брезгливо произнесъ: «У каждаго, милостивый государь, свои вкусы: одного влечетъ къ точнымъ знаніямъ, а другой предпочитаетъ копаться *въ кучѣ навоза*». Даже юридическія науки одинъ изъ профессоровъ-естественниковъ называлъ «кляузническими».

Но если въ презрѣніи были филологическія науки, то философія—или метафизика—въ глазахъ подавляющаго большинства студентовъ являлась прямо однимъ изъ видовъ умственнаго разврата. Сказать: «занимаюсь философіей», значило почти то же самое, что сознаться въ занятіи, напр., порнографіей.

Презрительный взглядъ на филологовъ и ихъ науки переносился изъ научной области и на различныя выступленія на политической или академической почвѣ. «Мыслящими реалистами», по убѣжденію студенческаго большинства, могли быть только естественники. Поэтому и всякаго рода «активные протесты» являлись какъ бы ихъ спеціальной привиллегіей, и посягательство

филологовъ на участіе въ предполагаемомъ «выступленіи» принималось непріязненно, какъ узурпація не принадлежащихъ имъ правъ.

— Филологъ, а тоже на сходку лѣзетъ!

Однако, было бы ошибкой предположить, что командующее большинство петербургскаго студенчества ничего, кромѣ естественныхъ наукъ, не признавало. Студенты того времени смотрѣли на лекціи только какъ на руководящій матеріалъ. Считалось, напр., почти неблаговиднымъ готовиться къ экзамену только по лекціямъ или учебникамъ: надо было «прихватить» хоть немного «литературы предмета». Главнымъ дѣломъ считалось самообразованіе, являвшееся какъ бы однимъ изъ элементарныхъ требованій студенческой порядочности. Поэтому, говоря вообще, студенчество читало много; кружки самообразованія были очень распространены, почти въ каждомъ изъ нихъ были свои кружковые «философы» и «мыслители», иногда даже изъ бывшихъ студентовъ, изъ тѣхъ, кто уже побывалъ «въ народѣ». Все это чтеніе и самообразованіе не выходило изъ рамокъ извѣстнаго политическаго направленія, которое могло быть опредѣлено однимъ словомъ: *народъ*, при чемъ подъ народомъ понималось исключительно крестьянство. Только въ самомъ концѣ семидесятыхъ годовъ въ понятіе «народъ» были введены иные элементы. Увлеченіе «народомъ» иногда доходило до смѣшного. Стоило, напр., на сходкѣ или просто среди собравшейся толпы студентовъ крикнуть: господа, *народъ*! И тотчасъ раздавались бурные возгласы:

— Да здравствуетъ народъ!..

Господствомъ такого направленія обусловливалась и программа самообразованія, не чуждая, впрочемъ, принципіальныхъ противорѣчій. Такъ напр., заниматься философіей считалось дѣломъ постыднымъ, но изученіе Огюста Конта не только разрѣшалось, но и поощрялось,—очевидно потому, что этотъ философъ отрицалъ метафизику и, по его теоріи, изслѣдованіе идей, чувствъ и воли человѣка являлось частью физіологіи, составляющей, въ свою очередь, только одинъ изъ отдѣловъ біологіи. Слѣдовательно, Контъ былъ не «метафизикомъ», а «естественникомъ». Поэтому всѣ философы-позитивисты были въ большомъ почетѣ у студенчества.

Не являлись запретными и философы утилитаріанской школы, съ Бентамомъ во главѣ, такъ какъ Бентамъ ввелъ въ область морали простой «разсчетъ» и допускалъ исчисленіе наслажденій съ помощью «нравственной ариѳметики», т. е. не только былъ эмпирикомъ, но и строилъ всю мораль на «точномъ», ариѳметическомъ основаніи.

Другого рода критеріи примѣнялись программой чтенія къ беллетристикѣ и стихотвореніямъ.

Чтеніе романовъ, повѣстей, стихотвореній и т. п. трактовалось студенческой традиціей какъ бездѣлье, но, напр., Некрасовъ былъ любимымъ поэтомъ и на каждой студенческой вечеринкѣ, послѣ обязательной «Дубинушки» («Много пѣсенъ слыхалъ я»...), распѣвалось и некрасовское «Укажи мнѣ такую обитель» (изъ «Параднаго подъѣзда»). Такой же излюбленной пѣсней было и стихотвореніе Навроцкаго «Утесъ».

Съ другой стороны, романъ Чернышевскаго «Что дѣлать» долженъ былъ прочесть каждый порядочный студентъ, и въ извѣстную студенческую пѣсню: «Проведемте, друзья, эту ночь веселѣй» обязательно вставлялся такой куплетъ:

Выпьемъ мы за того,
Кто «Что дѣлать» писалъ,
За героевъ его,
За его идеалъ...

Объясняются эти кажущіяся противорѣчія, конечно, тѣмъ, что Некрасовъ былъ «печальникомъ горя *народнаго*», Навроцкій въ своемъ стихотвореніи поэтизировалъ Стеньку Разина, а въ романѣ «Что дѣлать» изображались, въ хвалебномъ тонѣ, «мыслящіе реалисты». Но и всякое другое беллетристическое произведеніе могло смѣло разсчитывать на успѣхъ среди студенчества, если оно удовлетворяло слѣдующимъ требованіямъ: всѣ мужики, кромѣ кулаковъ, должны быть изображены вмѣстилищемъ добродѣтелей, особенно патріархально-общинныхъ; по наружности они непремѣнно исхудалые, съ землистыми лицами, оборванные; «кулаки», наоборотъ, всѣ «краснорожіе», толстомордые, съ выпятившимся брюхомъ» и—условіе sine qua non — воплощенные изверги естества, состоящіе въ союзѣ съ начальствомъ.

При изображеніи городской жизни и среды долженъ былъ употребляться такой трафаретъ: всѣ студенты и «мыслящіе реалисты» блистаютъ добродѣтелями и въ этомъ отношеніи чище солнца, такъ какъ на немъ все же усматриваются пятна; разумѣется, они проникнуты сверхчеловѣческой любовью къ народу и готовностью положить за него душу по первому требованію. Всѣ остальные, кромѣ студентовъ и мыслящихъ реалистовъ, должны быть изображены невѣждами, врагами народа погрязшими во всевозможныхъ порокахъ. Словомъ, искусство признавалось только приспособленное къ требованіямъ революціоннаго народничества, а принципъ «искусство для искусства» считался

столь же ненавистнымъ, какъ и «метафизика». Нетерпимость къ самостоятельнымъ мнѣніямъ, отступавшимъ отъ установившихся традицій, была поразительная, прямо сектантская. Цензура мнѣній была весьма строгая, и провинившійся передъ нею изнывалъ подъ гнетомъ общаго презрѣнія. Въ видѣ иллюстраціи разскажу хотя одинъ эпизодъ.

Если не ошибаюсь, въ 1880 году студентъ юридическаго факультета Г. помѣстилъ въ издававшейся въ то время Баталинымъ газетѣ «Минута» коротенькую замѣтку, въ которой довольно непочтительно отозвался о послѣдней сходкѣ въ университетѣ. Среди студенчества поднялась цѣлая буря. Тотчасъ же собравшаяся сходка постановила учредить надъ дерзкимъ протестантомъ судъ, предъявивъ ему два обвиненія: 1) отрицательное отношеніе къ сходкамъ и 2) сотрудничество въ ретроградной газетѣ. И такъ какъ судьи-студенты могли высказаться за исключеніе виновнаго изъ университета, то выборные отъ сходки делегаты отправились къ ректору А. Н. Бекетову съ требованіемъ, чтобы предстоящее постановленіе студенческаго суда было приведено въ исполненіе университетской властью. Ректоръ попробовалъ было повліять на студентовъ въ примирительномъ духѣ, но встрѣтилъ такой отпоръ, что оказался вынужденнымъ созвать совѣтъ. Въ открывшихся затѣмъ переговорахъ между совѣтомъ и студенческими делегатами состоялось соглашеніе, по которому судъ надъ Г. былъ учрежденъ, но въ составъ судей вошли, въ качествѣ представителей университетскаго совѣта, три профессора; со стороны же студентовъ были выбраны представители всѣхъ курсовъ и факультетовъ (по одному отъ каждаго курса).

Въ такомъ составѣ, подъ предсѣдательствомъ проф. Фаминцына, и состоялся судъ надъ нарушителемъ студенческихъ традицій. Въ происшедшемъ послѣ «допроса обвиняемаго» совѣщаніи судей почти всѣ студенты-судьи (авторъ этихъ строкъ былъ въ числѣ судей) настаивали на удаленіи виновнаго изъ университета, а профессора-судьи являлись скорѣе адвокатами подсудимаго. Въ результатѣ былъ постановленъ приговоръ: объявить виновному отъ имени университета *порицаніе*.

Все сказанное выше относится къ массѣ студенчества, дававшей тонъ университетской жизни, именно тотъ тонъ, который дѣлаетъ музыку. Въ сторонѣ отъ главнаго теченія стояли не только отдѣльные студенты, но и цѣлыя группы, отличавшіяся самыми различными міросозерцаніями. Воинствующій духъ господствовавшаго теченія отражался, однако, и на пси-

хологіи особняческихъ группъ, удалявшихся отъ студенческаго форума. Среди этихъ группъ наблюдался, напр., любопытный, нынѣ совершенно исчезнувшій типъ «вѣчнаго студента», не имѣющій, кромѣ названія, ничего общаго съ современнымъ типомъ такой же клички. «Вѣчные студенты» описываемаго періода проходили университетъ по установленной Контомъ классификаціи наукъ, т. е. начинали съ математическаго факультета, кончивъ который, переходили на естественный, а затѣмъ иногда и на юридическій. Но при прохожденіи каждаго факультета они еще болѣе, чѣмъ другіе студенты, считали необходимымъ «работать самостоятельно», изучая литературу предмета. Двухъ такихъ студентовъ зналъ я лично. Это были почтенные бородачи. Одинъ пробылъ въ университетѣ уже 15 лѣтъ, другой — 12. На мой вопросъ старшему, когда онъ думаетъ покончить съ университетомъ, бородачъ не безъ изумленія отвѣтилъ: — А зачѣмъ мнѣ съ нимъ кончать? Такъ и умру въ университетѣ. Это простой разсчетъ наслажденій.—Очевидно, это былъ не только контистъ, но и бентамистъ. Отъ того же патріарха студенчества я, между прочимъ, услышалъ любопытный отзывъ о тургеневскомъ Базаровѣ.—Когда я поступилъ въ университетъ,— разсказывалъ онъ,—этихъ самыхъ Базаровыхъ было сколько угодно. Тургеневу надо было просто позвать къ себѣ одного изъ нихъ и предложить ему, шельмѣ, исповѣдаться. Мерзецы они были...

— Почему?

— Мужика презирали.

Я напомнилъ, что эта черта была отмѣчена Тургеневымъ въ Базаровѣ.

— Слабо отмѣчено,—отвѣтилъ мой собесѣдникъ.—Тургеневу слѣдовало бы при этомъ хорошенько ругнуть такую бестію...

«Вѣчные студенты» являлись живой лѣтописью университетскихъ преданій и традицій; ни въ какихъ студенческихъ движеніяхъ они не участвовали, хотя относились къ нимъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ благосклонно.

Скажемъ два слова и о внѣшнемъ обликѣ студенчества того времени. Излюбленнымъ костюмомъ типичнаго студента была красная рубаха, подпоясанная какимъ-либо пояскомъ или ремнемъ. Темныя блузы были широко распространены. Брюки зачастую носились въ сапоги. Если при этомъ были длинные до плечъ волосы, а отъ блузы пахло сѣроводородомъ или на ней виднѣлись пятна отъ различныхъ реактивовъ, — признаки усердныхъ занятій въ химической лабораторіи,—то для настоящаго студента

это была самая почетная внѣшность. Въ зимнее время неизмѣнной принадлежностью большинства студентовъ былъ пледъ, накинутый поверхъ лѣтняго или осенняго пальто. Въ этомъ костюмѣ, постельныхъ принадлежностяхъ и грудѣ лекцій очень часто состояло все движимое имущество студента, презиравшаго земныя блага и считавшаго позоромъ заботиться объ изяществѣ костюма.

Спустится, бывало, такой пламенный, но не въ мѣру разсѣянный вершитель міровыхъ судебъ съ четвертаго и пятаго этажа со связкой лекцій въ рукахъ, да съ подушкой, увязанной въ одѣяло—и, спохватившись, закричитъ на верхъ:

— Хозяюшка! Сбросьте-ка мнѣ пледъ, я на другую квартиру переѣзжаю.

Уже изъ того, что выше сказано объ идеологіи большинства студенчества, ясно, что профессоръ философіи могъ въ петербургскомъ университетѣ разсчитывать на успѣхъ развѣ среди крайне немногочисленной группы филологовъ. Повидимому, еще менѣе шансовъ представлялось такому «мистику-аскету», какимъ считался въ то время Вл. С. Соловьевъ. Ко времени появленія его въ университетѣ идеологія студенчества приняла, притомъ, формы еще болѣе враждебныя мирнымъ занятіямъ философіей. Это была эпоха страстнаго идеализма и фанатическаго народолюбія, эпоха горячихъ споровъ между чернопередѣльцами и народовольцами. П. Ф. Якубовичъ, бывшій именно въ это время студентомъ петербургскаго университета, великолѣпно отразилъ въ своихъ первыхъ стихотвореніяхъ психику тогдашняго студенчества, эти муки разрѣшенія роковыхъ для молодой жизни вопросовъ.

Ахъ, безъ жизни проносится жизнь вся моя!
Увлекаемый мутною тиною,
Я борюсь день и ночь, самъ себѣ—и судья,
И тюрьма, и палачъ съ гильотиною...

И не было тогда ни одного студенческаго кружка, въ которомъ не кипѣли бы вокругъ все тѣхъ же проклятыхъ, выдвинутыхъ жизнью вопросовъ ожесточенные, иногда осложнявшіеся печальными эпизодами, споры, тяжелую картину которыхъ съ замѣчательной правдивостью тогда же воспроизводилъ тотъ же поэтъ.

Угрозы и клики носились кругомъ
Въ потокахъ табачнаго чада,—
И сами, случалось, не видѣли мы
Въ рѣчахъ нашихъ смысла и склада.
Изъ лишняго слова рождалась гора,

Враги межъ друзей находились
И съ пѣной у рта—не на жизнь, а на смерть—
Словами, какъ шпагами, бились.
Обидныя клички бросались въ лицо
Съ какимъ-то злораднымъ стараньемъ...
И часто кончался безумный раздоръ
Внезапнымъ и страшнымъ рыданьемъ...

Такъ вотъ въ какую сторону были въ то время отвлечены мысли и чувства подавляющаго большинства студенчества, для котораго цѣлесообразность занятій даже излюбленными естественными науками неожиданно попала подъ знакъ вопроса. Что ужъ было говорить послѣ этого о всегда презираемой «метафизикѣ»!..

Въ эту именно пору въ университетѣ появилось объявленіе ректора, гласившее, что въ такой-то день докторъ философіи Вл. С. Соловьевъ прочтетъ вступительную лекцію. Естественники, считавшіе себя призванными стоять на стражѣ достоинства и чести университета, насторожились. Пошли справки: что за Соловьевъ? Оказалось, что это «тотъ самый», который печатно выступалъ «противъ позитивистовъ». Этого было довольно. Въ приглашеніи *такого* профессора естественники увидѣли вызовъ всему ихъ факультету. Противъ позитивистовъ — это значитъ противъ естественныхъ наукъ! Въ университетъ высланъ комиссаръ для того, чтобы бороться противъ спасительныхъ точныхъ знаній и «одурманивать мозги метафизикой»!

Рѣшено было выслушать эту вступительную лекцію и послѣ нея такъ «проучить» новоявленнаго «апостола мракобѣсія», чтобы не только ему, но и другимъ врагамъ позитивизма впредь не повадно было выступать въ петербургскомъ университетѣ.

И вотъ, назначенный для лекціи день насталъ. Университетское начальство, ничего не подозрѣвая и зная, что, кромѣ филологовъ, лекціей философа никто не заинтересуется, отвело для нея одну изъ филологическихъ аудиторій, какъ всѣ онѣ въ то время маленькую и тѣсную. Но въ эту аудиторію неожиданно повалили густыя толпы естественниковъ. Начальство, недоумѣвая, откуда явился неожиданный интересъ къ «метафизикѣ», распорядилось отвести самую большую аудиторію въ университетѣ, въ которой обыкновенно читалъ составлявшій гордость университета Д. И. Менделѣевъ.

Тотчасъ началась стремительная перескочевка студентовъ въ «менделѣевскую» аудиторію. Въ числѣ другихъ я увидѣлъ направляющимся въ нее и одного изъ «вѣчныхъ студентовъ».

— И ты идешь?—спросилъ я, зная, что «вѣчные студенты» никакого участія въ «протестахъ» не принимаютъ (говорить между студентами «на вы» считалось признакомъ «барства».)

— Ну, не скудоумный ли?—воскликнулъ «вѣчный студентъ» вмѣсто отвѣта, очевидно, имѣя въ виду новаго лектора.—«Противъ по-зи-ти-вистовъ идетъ»!.. Да послѣ этого что же у него есть святого?!.. Много ли васъ тутъ, естественниковъ-то?

— Со всѣхъ курсовъ понемножку. Человѣкъ 400 наберется.

— Эва! Не много ли чести для метафизика! Человѣкъ бы 50 довольно было.

— Да говорятъ, всѣ филологи будутъ за него,—отвѣтилъ я.

— О, чортъ! Я и забылъ про этихъ метафизическихъ поросятъ...

Обширная, устроенная амфитеатромъ аудиторія была переполнена; все волновалось и кипѣло. Опытный глазъ тотчасъ замѣтилъ бы, что тутъ затѣвается что-то особенное.

Но все разомъ смолкло. Сотни глазъ устремились на вошедшаго въ аудиторію и направлявшагося къ каѳедрѣ еще молодого человѣка въ скромномъ пиджакѣ. Бросилось въ глаза его прекрасное, одухотворенное лицо, продолговатое, блѣдное, съ немного впавшими щеками, съ небольшой раздвоенной бородой и въ рамѣ густыхъ черныхъ волосъ, падавшихъ кольцами на воротникъ. Большіе темно-голубые глаза, съ густыми, широкими черными бровями и длинными рѣсницами, были какъ бы застланы мистическимъ туманомъ. Это былъ Соловьевъ.

Студенты имѣли обыкновеніе встрѣчать каждаго новаго профессора апплодисментами, которые и на этотъ разъ раздались было со стороны филологовъ, но тотчасъ, какъ въ морѣ, потонули въ яростномъ шиканьѣ естественниковъ.

Соловьевъ, какъ будто ничего не замѣчая, обвелъ волнующуюся аудиторію лучистымъ взглядомъ и началъ свою вступительную лекцію тихимъ, но твердымъ голосомъ. И чѣмъ далѣе, тѣмъ голосъ его крѣпчалъ болѣе и болѣе, становился звучнымъ, вдохновеннымъ, властнымъ...

...Въ мірѣ есть одно, для чего стоитъ жить и для чего надо жить. Это идея высшей правды, это таинственныя, но непреодолимыя порыванія человѣческаго духа къ родному ему, вѣчному началу... Удовлетворимъ же тайную жажду безсмертнаго духа: передъ нами, какъ путеводный маякъ, свѣтозарная цѣль—обожествленіе человѣчества черезъ приближеніе къ Христу. И въ виду этихъ Богочеловѣческихъ задачъ—что значатъ мутныя жизненныя тревоги!..

Въ неслыханныхъ еще выраженіяхъ, какъ пламенный пророкъ, возвѣщалъ новый лекторъ христіанскіе идеалы, непобѣдимость любви, покоряющей Смерть и Время, презрѣніе къ міру, лежащему во злѣ... Онъ рисовалъ жизнь, какъ подвигъ, цѣль котораго—въ возможной для смертнаго степени приблизиться къ полнотѣ совершенства, явленной Богочеловѣкомъ и обѣщающей обожествленіе человѣчества, царство міровой любви и вселенскаго единенія...

Невозможно даже приблизительно передать ту силу воодушевленія, то обаяніе высшаго краснорѣчія, съ которымъ все это говорилось. Именно *такъ* и на такія темы въ университетѣ еще никто не говорилъ.

Вдохновенный голосъ умолкъ. Нѣсколько мгновеній тишины и вдругъ—громъ рукоплесканій!.. Апплодировала вся аудиторія—и естественники, и юристы, и филологи. Это были ликующіе, восторженные апплодисменты.

Я оглянулся и—вѣрить ли глазамъ! Столбъ преданій и традицій, позитивнѣйшій «вѣчный студентъ», потрясая длинной бородой, неистово рукоплещетъ «метафизику»!

Соловьевъ поднялъ руку—и все утихло: очевидно, онъ уже овладѣлъ этой, за часъ передъ тѣмъ бурной, аудиторіей.

— Я прошу, господа,—сказалъ онъ,—чтобы на будущихъ моихъ лекціяхъ несогласные въ чемъ-либо со мной возражали мнѣ...

И, провожаемый бурными рукоплесканіями, лекторъ удалился. Только тогда естественники, какъ бы опомнившись, начали конфузливо поглядывать другъ на друга, недоумѣвая, какими волшебными чарами они были околдованы до такой степени, что вмѣсто хорошо подготовленной демонстраціи противъ Соловьева ему была сдѣлана шумная овація.

Но совершилось еще большее чудо. Успѣхъ и популярность новаго лектора возрастали съ каждой лекціей. Дѣло доходило иногда до того, что для лекціи Соловьева открывали актовый залъ университета, такъ какъ самая обширная аудиторія уже не могла вмѣстить всѣхъ его слушателей.

Въ полной мѣрѣ оцѣнить этотъ успѣхъ возможно только припомнивъ все, что сказано выше объ идеологіи и революціонномъ настроеніи студенчества, о презрѣніи къ философіи и метафизикѣ и, наконецъ, о возникшемъ сначала предубѣжденіи противъ самой личности Соловьева, возстававшаго противъ излюбленныхъ большинствомъ студенчества позитивистовъ. Къ этому еще надо добавить, что Соловьевъ въ своихъ лекціяхъ не только не поддѣлывался подъ господствовавшее въ то время настроеніе,

но всѣ высказываемые имъ взгляды почти ни въ чемъ не совпадали съ общепринятымъ кодексомъ политическихъ и соціальныхъ доктринъ. Возьмемъ, напримѣръ, кардинальный пунктъ этого кодекса. Въ литературѣ 60-хъ и 70-хъ годовъ было признано аксіомой, что каждая личность представляетъ собою въ нравственномъ смыслѣ только „продуктъ" данныхъ соціальныхъ условій, и потому вопросъ о пріоритетѣ начала личнаго самосовершенствованія или общественно-политическихъ формъ разрѣшался безусловно въ пользу послѣднихъ. Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ основной членъ студенческаго символа вѣры гласилъ, что надо бороться за измѣненіе *условій*, игнорируя внутреннюю работу надъ собой, которая презрительно именовалась «гнуснымъ ковыряньемъ въ собственной душонкѣ». Противъ такого взгляда Соловьевъ ратовалъ всѣми силами. Исходя изъ евангельскаго тезиса: «царствіе Божіе внутри васъ», онъ во главу угла полагалъ именно личное самосовершенствованіе, съ энтузіазмомъ доказывая, что «все остальное приложится», что съ усовершенствованіемъ личности сами собой создадутся и вожделѣнныя «условія».

Такъ было почти во всемъ—и, тѣмъ не менѣе, популярность Соловьева росла съ каждымъ днемъ.

Не поучительно ли, въ самомъ дѣлѣ, это явленіе не только для профессоровъ и педагоговъ, но и для всѣхъ тѣхъ, кто не считаетъ возможнымъ идти «противъ теченія»?

Въ чемъ же, наконецъ, заключалась тайна успѣха Соловьева въ Петербургскомъ университетѣ? Прежде всего, что онъ читалъ?

Сконфузившіеся на вступительной лекціи естественники, оправдываясь другъ передъ другомъ, утверждали, что Соловьевъ прочелъ лекцію совсѣмъ не по «метафизикѣ». Они были правы въ томъ отношеніи, что какъ вступительная, такъ и всѣ послѣдующія лекціи новаго профессора, дѣйствительно, были очень далеки отъ «метафизики». Это была философія *нравственная*, въ основѣ которой лежало ученіе Христа.

Многое изъ того, что составляло содержаніе лекцій Соловьева, вошло впослѣдствіи, конечно—въ болѣе обработанномъ и развитомъ видѣ, въ изданныя имъ книги: «Оправданіе Добра» и «Духовныя основы жизни».

Новизна темъ, разумѣется, могла привлечь немало слушателей; однако, дѣло было не въ этомъ. Неслыханнымъ новшествомъ въ университетской жизни явилось также предоставленное Соловьевымъ всѣмъ студентамъ право диспутировать съ нимъ по окончаніи каждой лекціи. Онъ явился новаторомъ не только по

существу читанныхъ имъ лекцій, но и по методу преподаванія. Это нововведеніе заинтересовало многихъ: одни студенты, изъ непримиримыхъ, шли на лекцію Соловьева единственно съ тѣмъ, чтобы, пользуясь правомъ диспутированія, «разбить метафизика въ пухъ и прахъ» и тѣмъ спасти товарищей отъ его, по ихъ мнѣнію, вреднаго вліянія. Другимъ было любопытно послушать эти небывалые диспуты между профессоромъ и студентами. Наконецъ, третьи, пользуясь тѣмъ же правомъ, задавались цѣлью выяснить волновавшіе ихъ религіозно-философскіе вопросы и болѣе основательно уяснить себѣ самое содержаніе выслушанной лекціи.

Было бы однако, совершенно ошибочно предположить, что новый «методъ преподаванія» былъ введенъ Владиміромъ Сергѣевичемъ, какъ приманка для студентовъ. Нѣтъ, тутъ было совсѣмъ другое. Впослѣдствіи, изъ частныхъ бесѣдъ съ нимъ, я узналъ, что онъ былъ очень хорошо освѣдомленъ объ идеологіи большинства студенчества и о господствовавшемъ въ его средѣ настроеніи. Онъ взглянулъ на свои лекціи какъ на актъ миссіонерства. Подобно Сократу, онъ вѣрилъ, что «истина возникаетъ въ каждой душѣ» и проповѣдывалъ въ поэтической формѣ, что

Въ незримой глубинѣ сознанья мірового
Источникъ истины живетъ не заглушенъ.

Для Соловьева истина была въ одномъ: въ ученіи Христа. Вмѣстѣ съ Паскалемъ, онъ былъ убѣжденъ, что «каждая душа по природѣ христіанка». Онъ полагалъ, что научить христіанству— значитъ вызвать изъ дремотнаго состоянія природныя свойства «души-христіанки» и, пропустивъ ихъ чрезъ поле сознанія, сдѣлать достояніемъ практическаго разума. Онъ понесъ свою истину на студенческій форумъ. И какъ Сократъ велъ побѣдоносную борьбу съ софистами путемъ *діалога* индуктивнаго характера и создалъ школу послѣдователей, такъ и Соловьевъ, войдя въ среду молодежи, враждебно настроенной по отношенію къ его міровоззрѣнію, въ формѣ бесѣдъ и преній со студентами, примѣнялъ, въ сущности, тотъ же сократовскій методъ діалектики, мечтая о пріобрѣтеніи даровитыхъ учениковъ и стойкихъ послѣдователей его философіи.

Главнѣйшей притягательной силой лекцій Соловьева оказалась сама его личность.

Мыслитель, вдумчивый пѣвецъ,
Благой искатель правды Божьей

— такъ характеризовалъ его А. М. Жемчужниковъ. Чуткая, идеалистически настроенная университетская молодежь сразу признала въ немъ что-то «не отъ міра сего».

Пусть онъ былъ не одного съ нею стана, но онъ былъ такъ же, какъ и большинство студенчества, «окрыленъ святымъ восторгомъ» передъ тѣмъ высшимъ міромъ, который своими отзвуками наполнялъ его душу. Студенчество пламенѣло жаждой подвига и «мученичества за идею»; но и Соловьевъ училъ, говоря его же стихами, что

Жизнь только подвигъ, и правда живая
Свѣтитъ безсмертьемъ въ истлѣвшихъ гробахъ.

Студенчество ставило себѣ задачей разсѣять мракъ заблужденій, висѣвшій, по его мнѣнію, надъ обществомъ, и водворить на землѣ царство братства и правды. И Соловьевъ патетически восклицалъ:

Стоитъ ли жить въ этой тьмѣ заблужденій,
Стоитъ ли жить, если правда мертва!

И никто вдохновеннѣе Соловьева не призывалъ людей къ міровому братству и вселенскому единенію.

Такимъ образомъ созвучныя струны звенѣли въ душѣ новаго лектора и его слушателей. Не смотря на всѣ разногласія, не взирая на мистицизмъ Соловьева, студенты чувствовали въ немъ родную по высшимъ стремленіямъ душу; въ каждомъ словѣ его чуялось то пламенное убѣжденіе, та высшая сила, которыя «не знаютъ оковъ». На каѳедрѣ Соловьевъ не читалъ лекціи, но властно училъ, какъ вдохновенный пророкъ. И уже одно это производило огромное впечатлѣніе.

Обаятельная личность Вл. С. Соловьева наиболѣе ярко обрисовывалась для студентовъ при частныхъ съ нимъ сношеніяхъ. Для охарактеризованія Соловьева въ этомъ отношеніи мнѣ и придется разсказать исторію моего знакомства съ нимъ, какъ студента.

Во время пребыванія въ университетѣ я чувствовалъ склонность къ философіи и почитывалъ кое-что въ этой области, но по основамъ своего міровоззрѣнія принадлежалъ совсѣмъ не къ лагерю Соловьева и потому, пользуясь правомъ диспутированія, вступалъ съ Владиміромъ Сергѣевичемъ въ пренія едва ли не послѣ каждой его лекціи. Однажды Соловьевъ, выслушавъ меня, сказалъ съ своей милой улыбкой:

— Я замѣчаю, что вы постоянный мой оппонентъ, и нѣ-

которыя возраженія ваши, дѣйствительно, проникаютъ въ самую сущность вопроса. Къ сожалѣнію, въ нашемъ распоряженіи такъ мало времени, что ни по одному вопросу мы не можемъ договориться до конца. Поэтому, не пожелаете ли вы въ свободное время зайти ко мнѣ: можетъ быть, мы съ вами и столкуемся кое въ чемъ?

Разумѣется, я принялъ приглашеніе и со студенческой самонадѣянностью объяснилъ его, какъ предложенный мнѣ Соловьевымъ диспутъ. Понимая дѣло именно такъ, я предварительно отправился въ публичную библіотеку «подготовиться по вопросу». А вопросъ былъ о «вселенской церкви». Въ сдѣланномъ передъ аудиторіей возраженіи я, между прочимъ, указалъ на то, что вопросъ о вселенской теократіи поднимался еще Чаадаевымъ, и выразилъ мысль, что какъ за Чаадаевымъ не пошла по этому пути интеллигенція 30-хъ и 40-хъ годовъ, такъ теперь и за Соловьевымъ не пойдетъ ни интеллигенція, ни студенчество, передъ которымъ стоятъ реальныя общественныя задачи, а не «мистическіе идеалы» отдаленнаго будущаго; поэтому напрасно пытается Соловьевъ отвлечь студенчество отъ «прямого и правильно избраннаго имъ пути въ туманныя дебри усыпляющей мистики».

Такъ витійствовалъ я въ аудиторіи.

О, молодость, молодость! Подготовляясь къ «диспуту», я мечталъ даже, что судьба возлагаетъ на меня миссію обратить этого крайне симпатичнаго, но заблуждающагося философа на путь истинный. Вѣдь всѣ мы вѣрили тогда, что «идеи управляютъ міромъ» и что не только Соловьевъ, но и вся Россія только потому не признаетъ нашихъ студенческихъ идеаловъ, что не усвоила себѣ вотъ такой-то идеи и не прочла вотъ такихъ-то хорошихъ книжекъ. Всецѣло раздѣляя такой взглядъ, я и для Соловьева составилъ длинный списокъ книгъ въ духѣ господствовавшаго тогда студенческаго міровоззрѣнія.

Вооруженный такимъ образомъ съ головы до ногъ, я приблизительно черезъ недѣлю позвонилъ въ квартиру Соловьева. Жилъ онъ тогда на Каменноостровскомъ проспектѣ. Дверь открылъ самъ хозяинъ квартиры. Узнавъ меня, онъ съ привѣтливой улыбкой воскликнулъ:

— А, мой непримиримый супостатъ!

Такая встрѣча сразу давала тонъ всему послѣдующему. Я оглядѣлся. Квартира профессора состояла изъ двухъ комнатъ, скромно обставленныхъ. На столѣ передъ диваномъ стоялъ самоваръ и стаканы.

— Ну, что же? Чай будемъ пить?—спросилъ Владиміръ Сергѣевичъ и, оглядѣвъ столъ, прибавилъ: — только вотъ сахару нѣтъ...

Услышавъ столь знакомую мнѣ въ студенческомъ быту фразу—«сахару нѣтъ»,—я совершенно рефлективно, по привычной ассоціаціи впечатлѣній, полѣзъ въ карманъ за деньгами, но, сообразивъ, что передо мной не студентъ, а профессоръ, остановился. Однако, Соловьевъ замѣтилъ мое движеніе и, улыбаясь, все въ томъ же шутливомъ тонѣ пояснилъ:

— Сахаръ есть, но вопросъ момента заключается въ одномъ словѣ: ubi (гдѣ)?

Оказалось, что служанка забыла подать сахаръ и сама скрылась.

И вотъ, докторъ философіи и знаменитый авторъ «Критики отвлеченныхъ началъ» принялся за розыски сахара, а я, прибывшій съ столь серьезной «миссіей», началъ помогать ему, но, такъ сказать, теоретически: не подъ бумагами ли? не сунула ли въ письменный столъ? и т. п.

Наконецъ, искомое было найдено, и мы приступили къ чаепитію.

Чтобы покончить съ «хозяйственными» вопросами, я долженъ прибавить, что Владиміръ Сергѣевичъ, какъ оказалось при послѣдующемъ съ нимъ знакомствѣ, во всякаго рода практическихъ дѣлахъ былъ существомъ въ полномъ смыслѣ слова «не отъ міра сего» и даже на меня, въ то время довольно беззаботнаго студента, производилъ впечатлѣніе человѣка органически неспособнаго оріентироваться въ какихъ-либо матеріальныхъ соображеніяхъ. Можетъ быть, именно поэтому онъ велъ большею частью кочевую жизнь, останавливаясь въ гостиницахъ или у знакомыхъ и никогда не имѣя «своего угла».

За стаканомъ чая я, не теряя времени, приступилъ къ выполненію своей «миссіи». Сначала я сдѣлалъ общій абрисъ исповѣдуемаго мною «реальнаго міропониманія» и потомъ предложилъ моему собесѣднику тотъ списокъ книгъ, о которомъ я говорилъ выше. Соловьевъ выслушалъ меня, а затѣмъ серьезно и внимательно просмотрѣлъ и самый списокъ. Покончивъ со спискомъ, онъ заявилъ мнѣ, къ величайшему моему удивленію, что всѣ эти авторы ему извѣстны, что сочиненія ихъ недурны, но бо̀льшая ихъ часть представляетъ собою или неполные, по цензурнымъ условіямъ, переводы или компиляціи. Поэтому лучше всего ознакомиться съ первоисточниками и подлинниками. И тутъ же, не отходя отъ стола, на томъ же листѣ, который я

ему подалъ, онъ на память написалъ не менѣе длинный списокъ французскихъ и нѣмецкихъ авторовъ, трактовавшихъ о тѣхъ же вопросахъ, прибавивъ и нѣсколько русскихъ, на тотъ случай, если я плохо владѣю иностранными языками.

Такой неожиданный оборотъ дѣла совершенно сбилъ меня съ толку. Не говоря уже о томъ, что всѣ «мои авторы» оказались Соловьеву извѣстными, я могъ предполагать, что онъ, если истина на его сторонѣ, критически разсмотритъ ихъ взгляды по существу, наконецъ, разобьетъ ихъ «въ пухъ и прахъ»—и вдругъ, вмѣсто всего этого, онъ еще увеличиваетъ ихъ списокъ и этимъ даетъ мнѣ, своему «непримиримому супостату», новыя, болѣе могущественныя орудія противъ себя самого...

Въ этомъ смыслѣ я и высказался.

— Истина не боится свѣта,—отвѣтилъ Соловьевъ:—для меня также важно познать истину, какъ и для васъ, и все дѣло не во мнѣ и не въ комъ-либо другомъ, а именно въ истинѣ. Важно только то, чтобы люди стремились къ познанію истины, а пути къ ней могутъ быть разные. Если ваша индивидуальность склоняетъ васъ къ тому направленію, которымъ идете вы, работайте на этомъ пути, и я способствую вамъ, какъ могу (онъ указалъ на написанный имъ списокъ книгъ). Затѣмъ, на сколько позволяетъ мнѣ судить мой личный опытъ, необходимо исчерпать намѣченное направленіе мысли по возможности до конца. То направленіе, которое избрали вы, я, какъ мнѣ кажется, уже прошелъ, и когда прошелъ, то почувствовалъ, что самые существенные запросы духа остаются неудовлетворенными. Мнѣ оставалось идти дальше. Теперь мнѣ кажется, что туманъ разсѣялся, передо мною просвѣтъ... Но всегда ли я останусь при этомъ убѣжденіи? Почувствовавъ неудовлетворенность, можетъ быть, я пойду далѣе [1]...

---

[1]) Какъ я узналъ незабвеннаго Владиміра Сергѣевича въ его стихотвореніи, написанномъ гораздо позже, въ 1884-мъ году:

„Въ туманѣ утреннемъ *невѣрными шагами*
Я шелъ къ таинственнымъ и чуднымъ берегамъ...
. . . . . .
Въ холодный бѣлый день дорогой одинокой,
Какъ прежде, я *иду въ невѣдомой странѣ*...
. . . . . .
И до полуночи неробкими шагами
Все *буду я идти* къ желаннымъ берегамъ...

Вѣдь это все тѣ же мысли, которыя были высказаны тамъ, на Каменноостровскомъ проспектѣ!..

Какъ не похожъ былъ этотъ отвѣтъ, полный истинно философскаго достоинства и въ то же время нелицемѣрной скромности, на студенческую нетерпимость къ чужимъ мнѣніямъ! Въ то время я не оцѣнилъ возвышенности этого отвѣта и понялъ только то, что составленный мною для Соловьева спикокъ книгъ потерпѣлъ полную неудачу, почему въ спорѣ съ нимъ приходилось разсчитывать исключительно на самого себя. И только тутъ, въ свободномъ спорѣ, я почувствовалъ, что мой оппонентъ, при его огромной эрудиціи и необыкновенной способности къ философскому анализу, наконецъ, при его дарѣ слова, является Голіаѳомъ по сравненію со мной. Не то, чтобы Соловьевъ изрекалъ какія-либо неслыханныя истины; напротивъ, онъ говорилъ о всѣмъ извѣстныхъ вещахъ, но дѣло въ томъ, *какъ* онъ освѣщалъ всѣ вопросы и *какъ* говорилъ о нихъ. Напр., вы поднимали рѣчь объ аграрномъ или рабочемъ вопросѣ. Соловьевъ признавалъ законность всѣхъ этихъ вопросовъ, но, когда онъ начиналъ говорить о нихъ, то казалось, что онъ усаживаетъ васъ въ аэростатъ и поднимаетъ высоко надъ землею и съ этой, еще неизвѣстной вамъ высоты всѣ злободневные вопросы неожиданно блѣднѣютъ передъ чѣмъ-то высшимъ, лучезарнымъ и великимъ. Земля съ ея треволненіями постепенно скрывалась изъ вида, и вы чувствовали близость необъятнаго и величественнаго неба. Не правда земли, а правда Божья увлекала его, и онъ обладалъ поразительнымъ даромъ поднимать человѣка надъ землей и сообщать ему высшіе порывы духа. Прекрасно сказалъ о немъ А. М. Жемчужниковъ:

Тотъ высшій міръ манилъ его,
Гдѣ вѣчность заслонила время...

Бесѣда наша съ Владиміромъ Сергѣевичемъ затянулась до поздней ночи.

Я вышелъ отъ него глубоко взволнованнымъ, въ какомъ-то туманѣ, и цѣлый хаосъ самыхъ противорѣчивыхъ мыслей вихремъ проносился предо мной. Не то, чтобы Соловьевъ заставилъ меня отречься отъ моего міровоззрѣнія,—онъ, повидимому, и не старался объ этомъ: онъ просто раскрывалъ предо мною новый міръ идей и стремленій, *свой* міръ... И уже гораздо позже я понялъ, что во мнѣ началась борьба двухъ, противоположныхъ началъ. Однако, и въ то время я не могъ не сознавать, что всѣ тѣ вопросы, которые въ моихъ глазахъ и въ глазахъ моихъ товарищей казались разрѣшенными чуть не съ математической

точностью, на самомъ дѣлѣ сохраняютъ прежнюю остроту мучительныхъ загадокъ.

Была ночь, сіяла луна. Длинный шпицъ Петропавловской крѣпости высился вдали, какъ гигантскій грозящій палецъ: quos ego!.. А далѣе, по мѣрѣ того, какъ я въ волненіи шелъ, самъ не зная куда, выросла громада Исаакіевскаго собора... И грозящій палецъ, и эта громада являлись мнѣ въ иномъ свѣтѣ. Все заволоклось туманомъ, и сквозь его гущу началъ вырисовываться блѣдными, неясными очертаніями образъ смиреннаго Галилеянина...

Наступила слѣдующая лекція Соловьева, послѣ которой ему, по обыкновенію, «возражали». Одинъ студентъ, волнуясь, между прочимъ, сказалъ:

— Никто не знаетъ истины. Въ чемъ она? Идите къ Менделѣеву или Сѣченову, и они отвѣтятъ: вотъ въ чемъ. Разверните Конта или Канта и тамъ прочтете другое. Самъ Христосъ на вопросъ Пилата: что [illegible] истина? — отвѣтилъ молчаніемъ.

Владиміръ Сергѣевичъ возразилъ:

— Христосъ, дѣйствительно, не отвѣтилъ на вопросъ объ истинѣ, но не отвѣтилъ *Пилату*. Ученикамъ же своимъ Онъ сказалъ: *Я* есмь путь и *истина*, и жизнь. Указавъ, что истина въ Немъ, Онъ также сказалъ:—познайте истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными.

Нѣкоторые студенты въ своихъ возраженіяхъ оказывались несдержанными и позволяли себѣ колкости. Такихъ, впрочемъ, сейчасъ же останавливали другіе криками: довольно!

Послѣ лекціи, когда Соловьевъ уже выходилъ изъ университета, я спросилъ его: какъ онъ относится къ несдержаннымъ студентамъ? Владиміръ Сергѣевичъ съ видомъ глубокаго убѣжденія отвѣтилъ:

— Это будутъ если не лучшіе мои ученики, то, во всякомъ случаѣ, прекрасные общественные дѣятели.

Я попросилъ объясненія.

— Усвоенію каждой истины,—продолжалъ профессоръ,—предшествуетъ періодъ болѣе или менѣе страстнаго отрицанія ея. И чѣмъ упорнѣе отрицаніе, тѣмъ пламеннѣе вѣра. Для того, чтобы быть апостоломъ Павломъ, нужно пройти черезъ «дышавшаго угрозами и убійствомъ» Савла. Дѣло не въ томъ, что они говорятъ колкости и волнуются, а въ томъ, что они не остаются *равнодушными* къ исканію истины. Горе не тому, кто «горячъ»,

а тому, кто «не горячъ»; про такихъ сказано: «извергну тебя изъ устъ Моихъ».

Такъ вездѣ и во всемъ для Владиміра Сергѣевича стояла на первомъ планѣ не его личность, а истина и ищущіе ея.

Время шло, а мой душевный кризисъ, вызванный проповѣдями Соловьева, становился все мучительнѣе. Сидя въ его квартирѣ и слушая его вдохновенныя рѣчи, я временами готовъ былъ воскликнуть: да, учитель, ты правъ! Но мрачная дѣйствительность того времени совсѣмъ не располагала къ пути «самосовершенствованія» и «вселенской любви», на который звалъ своихъ слушателей Соловьевъ. Возмутительные факты грубаго административнаго произвола и насилія способны были озлобить даже самыхъ смиренныхъ. Въ самомъ университетѣ безпрестанно повторялись аресты и потомъ высылки совершенно неповинныхъ ни въ какой политической агитаціи студентовъ. Казалось, сама администрація дѣлала все отъ нея зависящее, чтобы ненависть къ существовавшему режиму разросталась и въ ширь, и въ глубь. И не даромъ революціонеры говорили тогда, что наилучшимъ ихъ союзникомъ въ пропагандѣ является правительство. И вотъ, послѣ одного изъ «актовъ» администраціи, особенно возмутившаго всѣхъ, мнѣ показалось, что переживаемымъ мною мучительнымъ колебаніямъ наступилъ конецъ. Я явился къ Соловьеву и разсказалъ ему такъ сильно взволновавшія меня событія послѣднихъ дней.

— Да, тяжелые факты, ужасные факты!—печально произнесъ Владиміръ Сергѣевичъ.

— Вы видите,—взволнованно продолжалъ я,—развѣ возможно въ такія времена эгоистическое «самосовершенствованіе»? Нѣтъ, остается одно: на насиліе отвѣчать насиліемъ, примѣнять не законъ Христа, а законъ Моисея: око за око, зубъ за зубъ... Война, такъ война, и надо идти въ бой, а не услаждаться проповѣдью «любви»...

И чтобы показать «учителю», что я отрекаюсь отъ всей его философіи, я вынулъ изъ кармана книжку, въ которую вписывалъ свои стихи, и прочелъ стихотвореніе, написанное наканунѣ. Оно заканчивалось словами:

...Боецъ ли, нѣтъ ли, но съ бойцами
Одной душой я жить клянусь,
И передъ *вашими* богами
Я никогда не преклонюсь!..

Въ волненіи я бросилъ свою тетрадку на столъ и, отойдя къ окну, началъ смотрѣть на улицу.

Наступило молчаніе.

Владиміръ Сергѣевичъ сидѣлъ въ своей обычной позѣ, охвативъ руками приподнятое колѣно и съ склоненной головой. Спустя нѣкоторое время, онъ тихо, какъ бы раздумчиво заговорилъ:

— Во всѣхъ случаяхъ жизни, а тѣмъ болѣе въ важнѣйшихъ изъ нихъ, необходимо провѣрить свое рѣшеніе, свою совѣсть образомъ Христа. Надо спросить себя: одобрилъ ли бы Онъ предполагаемый поступокъ? Въ данномъ случаѣ, когда идетъ рѣчь о насиліи, мы имѣемъ Его прямое указаніе: взявшій мечъ мечемъ погибнетъ... Однако, идемъ далѣе. Положимъ, вы готовы погибнуть во имя того, что для васъ представляется общественнымъ благомъ. Слѣдовательно, вы вѣрите, что это есть дѣйствительно *благо, добро*... Но примѣненіе насилія для цѣлей добра было бы признаніемъ, что само по себѣ добро не имѣетъ силы. Однако, такъ ли это? Если мы обратимся къ историческимъ фактамъ, то общеизвѣстенъ гигантскій, длившійся вѣка поединокъ между Добромъ и Зломъ, между любовью и насиліемъ. Представителями добра и любви явились христіане первыхъ вѣковъ, а воплощеніемъ насилія, направленнаго противъ христіанъ, выступилъ грозный, несокрушимый Римъ. Кто же побѣдилъ? На каждой церкви вы увидите крестъ, символъ любви и побѣды надъ насиліемъ; но гдѣ желѣзный Римъ временъ Нерона? Вы хотите дѣйствовать во имя добра, слѣдовательно, намѣрены создавать, а не разрушать. Но творческой силой является только любовь; насиліе можетъ только разрушать. И посмотрите, какъ созидалъ Христосъ. Онъ принялъ образъ самаго смиреннаго изъ людей — сына бѣднѣйшаго плотника, и при томъ изъ Назарета т. е. деревушки, которая была въ презрѣніи даже у современныхъ Христу іудеевъ. Къ этому смиренію онъ присоединилъ «превосходящую всякое разумѣніе» любовь къ людямъ и создалъ Свою Церковь не насиліемъ, не мечомъ, не противленіемъ Кесарю, но только любовью.

— Пускай все это такъ,—сказалъ я,—но, по моему, не препятствовать тому, что совершается, значитъ не имѣть въ груди сердца.

— Совершается вокругъ зло и насиліе, но, возмущаясь насиліемъ, вы хотите прибавить насиліе и отъ себя? Вы стремитесь, можетъ быть, къ подвигу; но при данныхъ условіяхъ подвигъ въ томъ и заключается, чтобы, видя вокругъ ликованіе зла и насилія, могучимъ внутреннимъ движеніемъ побороть въ самомъ себѣ соблазнъ къ насилію и вѣрить единственно въ могущество Добра самого по себѣ... Вы страдаете, но Христосъ предвидѣлъ,

что алчущіе и жаждущіе правды въ томъ мірѣ, который «во злѣ лежитъ,» будутъ страдать, и потому сказалъ: въ мірѣ будете имѣть скорбь, но *мужайтесь*; Я побѣдилъ міръ.

Вечеръ кончился тихой и сердечной бесѣдой. Въ концѣ ея Соловьевъ взялъ въ руки брошенную мною на столъ тетрадку со стихами и сказалъ:—я напишу вамъ на память стихотвореніе.

Эта тетрадка, въ которую тридцать лѣтъ назадъ Владиміръ Сергѣевичъ вписалъ свое стихотвореніе, лежитъ сейчасъ предо мною. Стихотвореніе же это слѣдующее:

О, какъ въ тебѣ, лазури чистой, много
И черныхъ, черныхъ тучъ!
Какъ ясно надъ тобой сіяетъ отблескъ Бога,
Какъ злой огонь въ тебѣ томителенъ и жгучъ!

И какъ въ твоей душѣ съ невидимой враждою
Двѣ силы вѣчныя таинственно сошлись,
И тѣни двухъ міровъ, нестройною толпою
Тѣснясь къ тебѣ, *кругомъ переплелись*,

Въ невѣдомой чредѣ другъ другу уступая
Иль споря межъ собой безъ мысли и слѣда,
И вся твоя душа — ихъ двойственность слѣпая,
Нѣмой безплодный міръ, ненужная вражда...

Но вѣрится: пройдетъ сверкающій громами
Средь этой мглы божественный глаголъ,
И туча черная могучими струями
Прольется вся въ опустошенный долъ,

И свѣтлою росой она его омоетъ,
И утаится пылъ враждебнаго огня,
И весь свой блескъ небесный сводъ откроетъ,
И ярко расцвѣтетъ веселая земля [1]).

Уходя въ этотъ вечеръ отъ Владиміра Сергѣевича и уже надѣвая пальто, я сказалъ:

— А все-таки она вертится...

Соловьевъ понялъ ходъ моихъ мыслей, задумчиво посмотрѣлъ на меня и въ тонъ мнѣ отвѣтилъ:

---

1) Въ печати (сличаю по 3-му изданію стихотвореній Влад. Соловьева, Спб. 1900) это стихотвореніе появилось въ нѣсколько иномъ видѣ: вмѣсто „кругомъ переплелись“ поставлено—„причудливо сплелись“. Слѣдующее за этими словами, подчеркнутое мною, четверостишіе совсѣмъ выпущено. Наконецъ, послѣднее четверостишіе передѣлано такимъ образомъ:

...И свѣтлою росой она его омоетъ,
Огонь стихій враждебныхъ утолитъ,
И весь свой блескъ небесный сводъ откроетъ
И всю красу земли недвижно озаритъ.

— А, можетъ быть, вамъ и придется пройти черезъ Савла... На прощанье мы въ первый разъ облобызались.

Владиміръ Сергѣевичъ охотно знакомился со студентами и какъ будто даже искалъ сближенія съ ними внѣ стѣнъ университета. Кромѣ меня, онъ бывалъ еще у нѣсколькихъ студентовъ, при чемъ совершенно не стѣснялся той обстановкой, въ которой они жили. Напр., послѣ роскошной квартиры князя Э. Э. Ухтомскаго, бывшаго въ то время студентомъ петербургскаго университета, я засталъ его въ жалкой конуркѣ бѣднѣйшаго изъ студентовъ Бояринова, обитавшаго въ одной изъ глухихъ улицъ Петербургской стороны.

Студентовъ такого типа, какъ Бояриновъ (живъ ли онъ и гдѣ онъ теперь, мой милый товарищъ?), въ наше время не встрѣчается и потому, воскрешая тѣни минувшаго, надо сказать о немъ нѣсколько словъ.

Бояриновъ былъ юристомъ, жилъ на 15 рублей въ мѣсяцъ, получаемыхъ имъ съ урока, а въ дѣйствительности на еще меньшую сумму, такъ какъ, получивъ деньги за урокъ, иной разъ давалъ встрѣтившемуся нищему полтинникъ. Комнатка его была пространствомъ въ 15 квадратныхъ аршинъ; въ ней находились кровать, небольшой некрашеный столъ и два стула. Питался онъ хлѣбомъ съ водою и овощами, иногда, какъ роскошь, позволяя себѣ пообѣдать въ кухмистерской.

Главное, что составляло его оригинальность, заключалось въ томъ, что жилъ онъ такимъ образомъ *по принципу*. На это у него была своя теорія, которую онъ при случаѣ излагалъ товарищамъ такъ:

— Всѣ вы стремитесь къ свободѣ и независимости, но вы рабы и готовитесь въ рабы, хотя проповѣдуете свободу. Дѣйствительная независимость пріобрѣтается только способностью питаться хлѣбомъ съ водою и находить высшее наслажденіе въ мышленіи и въ спокойствіи духа. Заботиться о хлѣбѣ насущномъ постыдно. Если я достигъ этого, то я вполнѣ независимъ и смѣло могу говорить кому угодно то, что думаю. Чѣмъ могутъ испугать меня? Куда бы меня ни заточили, куда бы ни сослали,— хлѣбъ съ водою и комната въ 15 квад. аршинъ вездѣ у меня будетъ, а наслажденія мыслить у меня никто не можетъ отнять. Я вѣрю въ безсмертіе души и потому даже на смерть смотрю какъ любознательный путникъ, засидѣвшійся на одномъ мѣстѣ и жаждущій повидать новыя земли...

Однако, относительно вѣры въ безсмертіе онъ, повидимому, былъ не особенно твердъ и постоянно обсуждалъ этотъ вопросъ. Онъ производилъ по этому поводу даже своего рода анкету, опрашивая по вопросу о безсмертіи всѣхъ студентовъ, съ которыми вновь знакомился, чѣмъ, между прочимъ, и пріобрѣлъ прозвище «чудака».

Въ тотъ день, когда я засталъ у него Соловьева, онъ какъ разъ свелъ новое знакомство со студентомъ естественникомъ, затащилъ его къ себѣ и по обыкновенію допросилъ по вопросу о безсмертіи.

Естественникъ не задумался ни на минуту и, увидѣвъ на столѣ бумагу, тотчасъ сѣлъ и написалъ:

Друзья! Матерія, вѣдь, вѣчна,
А мы—матерія, конечно...
Итакъ, въ амины и амиды,
Въ сульфокислоты, альдегиды
И въ множество соединеній,
По точной схемѣ разложеній,
Мой трупъ безсмертный превратится
И въ газахъ, въ почвѣ растворится...
И вспыхну я въ огнѣ заката,
Польюсь волною аромата
И лягу розой полевой
На грудь красотки молодой... [1])

Бояриновъ, прочтя этотъ «символъ вѣры», возмутился и воскликнулъ:

— Ты все о плоти, о матеріи! А душа?

— Душа?! Ну, о такомъ элементѣ химической наукѣ ничего не извѣстно.

Соловьевъ, которому Бояриновъ прочелъ стихотвореніе естественника, много смѣялся тѣмъ особымъ смѣхомъ, которымъ смѣялся только онъ. Вл. Серг. самъ любилъ шутку и по поводу «стишины» естественника разсказалъ такой анекдотъ: одного ученаго математика, смотрѣвшаго на весь міръ сквозь призму математическихъ доказательствъ, упросили послушать музыканта. Математикъ, внимательно прослушавъ сонату, дивно исполненную вдохновеннымъ артистомъ, въ недоумѣніи спросилъ окружающихъ:

— Что же онъ этимъ хотѣлъ доказать?

---

[1]) Это стихотвореніе впослѣдствіи было мнѣ прислано Бояриновымъ при такомъ письмѣ: «храни сію стишину одного изъ твоихъ единомышленниковъ, до того дня, когда отъ вашего паскуднаго механическаго міропониманія не останется въ наукѣ и праха. Въ тотъ скорый и радостный день разверни сію стишину и вопроси себя, безумецъ, кто изъ насъ былъ правъ»?

Когда шутки кончились, Владиміръ Сергѣевичъ задушевнымъ тономъ началъ развивать столь желанную для Бояринова тему о безсмертіи:

— Желаніе безсмертія,—говорилъ онъ,—и вѣра въ него это то единственное, что поднимаетъ человѣка надъ всею остальной природою. Если не вѣрить въ безсмертіе, то не стоитъ и жить. И вотъ почему. «Міръ во злѣ лежитъ». Это зло повсюду: зло и обманъ въ томъ, что, всемѣрно стремясь къ жизни, мы въ то же время знаемъ, что смерть—удѣлъ всего существующаго, и сами кончаемъ смертью. Зло и въ томъ, что все бытіе вселенной наполнено безпощадною борьбою за существованіе, братоубійственной борьбой... Злоба и вражда наполняютъ нашу жизнь, а любовь въ ней призрачна. Такая жизнь, насыщенная злобой и враждою, стремленіемъ каждой особи противопоставить себя всему остальному и отстоять свое я за счетъ страданій или гибели другихъ, и кончающаяся все же собственной гибелью—безсмыслица и нравственное преступленіе. Примириться съ такою безсмысленною и нравственно преступною жизнью, значитъ примириться съ царствомъ смерти и сознательно участвовать въ міровомъ злѣ и обманѣ. Слѣдовательно, жизнь только въ такомъ случаѣ пріобрѣтаетъ смыслъ и нравственное достоинство, когда она является непрерывнымъ стремленіемъ къ нравственному совершенству, стремленіемъ къ побѣдѣ духа надъ матеріальною природой, влекущей человѣка ко злу и гибели. Жизнь должна быть подвигомъ, т. е. сознательнымъ и постепеннымъ претвореніемъ плотской жизни въ жизнь духовную, одухотвореніемъ матеріи, созиданіемъ богочеловѣческаго тѣла. И вѣнцомъ такого подвига является, какъ показалъ Христосъ, полная и совершенная побѣда духа надъ матеріей, жизни надъ смертью, воскресеніе изъ мертвыхъ или истинное безсмертіе.

Бояриновъ слушалъ Владиміра Сергѣевича съ упоеніемъ. Онъ готовъ былъ броситься ему на шею и съ этого дня прекратилъ допросы товарищей о безсмертіи. Онъ былъ удовлетворенъ въ своемъ исканіи.

Популярность Соловьева среди студентовъ быстро возростала. Онъ пріобрѣталъ уже тотъ авторитетъ, безъ котораго немыслимо учительство и сколько-нибудь серьезное вліяніе на слушателей. И не подлежитъ сомнѣнію, что если бы Соловьевъ удержался въ университетѣ достаточно продолжительное время, то въ значительной степени видоизмѣнилъ бы идеологію большинства студенчества. Но все это оборвалось разомъ и совер-

ценно неожиданно. Такого рода неожиданностями вообще было богато описываемое время.

Вотъ какъ произошло то печальное событіе, которое лишило С.-Петербургскій университетъ такого выдающагося лектора, какъ В. С. Соловьевъ.

Спустя нѣсколько времени послѣ цареубійства 1-го марта 1881 г., когда судъ надъ участниками этого преступленія еще не состоялся, Владиміръ Сергѣевичъ рѣшилъ прочесть публичную лекцію. Эта лекція произвела въ то время огромную сенсацію и разошлась въ массѣ гектографированныхъ, но нерѣдко искаженныхъ списковъ по всей Россіи.

За два дня до этой лекціи я зашелъ къ Соловьеву. Между прочимъ, онъ спросилъ меня: собираются ли студенты на его лекцію. Я отвѣтилъ, что многіе желали бы быть на лекціи, но не всѣмъ по карману входная плата.

Владиміръ Сергѣевичъ тотчасъ вынулъ изъ письменнаго стола большую пачку билетовъ для входа на лекцію и просилъ меня раздать ихъ въ университетѣ безплатно.

Насталъ день этой знаменитой лекціи. Я не помню, гдѣ именно она была прочитана, но помню, что залъ былъ переполненъ. Когда Соловьевъ появился на эстрадѣ, студенты встрѣтили его рукоплесканіями. Начало лекціи было совершенно въ мистическомъ духѣ, но видно было, что лекторъ къ чему-то подходитъ, что-то заранѣе стремится обосновать. Но что именно? Самый проницательный слушатель не могъ бы предугадать конечнаго вывода. Чтобы понять то потрясающее впечатлѣніе, которое произвелъ на публику конецъ лекціи, необходимо припомнить, какіе дни переживалъ тогда Петербургъ. Какъ сказано, это было вскорѣ послѣ ужаснаго событія 1-го марта. Это были дни страха и ужаса, когда «хватали праваго и виноватаго», когда всѣ мѣста заключенія были переполнены и о цареубійцахъ робкіе люди даже дома говорили шепотомъ, боясь, что «стѣны услышатъ»...

И вотъ, въ такіе-то дни, среди многолюднаго собранія, Владиміръ Сергѣевичъ не только заговорилъ о цареубійцахъ, но сказалъ о нихъ то, что не рѣшился бы сказать публично ни одинъ лекторъ во всей Россіи.

Это было безстрашное, полное великаго мужества, исповѣданіе вѣры. Въ тѣ минуты казалось, что дѣйствительно воскресъ одинъ изъ громоносныхъ ветхозавѣтныхъ пророковъ и огненнымъ словомъ безтрепетно указалъ толпѣ, плясавшей вокругъ Ваала, на забытаго Бога.

Разумѣется, я даже приблизительно не въ состояніи передать пламенное краснорѣчіе конца «лекціи», такъ потрясшаго всю публику. Я могу передать только мысль.

Владиміръ Сергѣевичъ подошелъ къ вопросу о сущности государства. Въ нѣсколькихъ замѣчательно сильныхъ выраженіяхъ онъ охарактеризовалъ существующія государства вообще и русское, въ частности, какъ совершенно *нехристіанскія*, какъ чуждыя основныхъ началъ истиннаго христіанства.

Христіанское государство,—возглашалъ вдохновенный лекторъ,—должно имѣть цѣль не въ себѣ самомъ; оно должно находить свой смыслъ единственно въ постепенномъ приближеніи къ царству Божію, къ осуществленію въ государственномъ союзѣ воли Отца небеснаго, одинаковой какъ на землѣ, такъ и на небесахъ. Внѣ служенія этой цѣли каждое государство теряетъ право на названіе христіанскаго и становится, подобно языческому, безцѣльнымъ и безсмысленнымъ. «Я есмь путь и истина и жизнь». Государственная организація имѣетъ цѣнность постольку, поскольку она является путемъ къ возвѣщенной Богочеловѣкомъ истинѣ, приводящей къ жизни вѣчной. Поэтому, законъ въ государствѣ не можетъ служить признаніемъ случайно образовавшагося «соотношенія реальныхъ силъ»: онъ долженъ обновляться въ духѣ истины и исправляться по идеямъ правды Божіей. И каждый нарушитель закона, каждый преступникъ долженъ разсматриваться какъ одинъ изъ тѣхъ, которые «куплены дорогою цѣною». Съ христіанской точки зрѣнія это—несчастный, уклонившійся отъ пути правды Божіей; но въ немъ еще жива душа, способная къ возрожденію... Приблизить эту заблудшую душу ко Христу можетъ только носительница его завѣтовъ—Церковь, а не полицейскіе чиновники. Верховная власть въ христіанскомъ государствѣ не должна являть собою воплощеніе произвола; она должна понимать свое назначеніе, какъ преимущественное передъ всѣми служеніе завѣтамъ Христа. Въ особенности слѣдуетъ это сказать о русскомъ государствѣ. Если нашъ царь именуется помазанникомъ Божіимъ, то такое священное званіе обязываетъ его съ наивысшей ревностью относиться къ волѣ Бога, къ дѣлу Божію на землѣ. Онъ долженъ всенародно явить доказательства своего званія, какъ истиннаго «помазанника Божія».

Въ настоящее время совершилось цареубійство,—продолжалъ Соловьевъ. И вдругъ наступила жуткая, страшная тишина. Казалось, залъ окаменѣлъ... Всѣ затаили дыханіе, всѣ сердца усиленно бились: неужели *онъ* рѣшится?.. И среди этой под-

линно гробовой тишины гремѣлъ вдохновенный голосъ «пророка»:

— Совершилось злое, безсмысленное, ужасное дѣло: убитъ царь. Преступники схвачены, ихъ имена извѣстны, и по существующему закону ихъ ожидаетъ смерть, какъ возмездіе, какъ исполненіе языческаго велѣнія: око за око, смерть за смерть. Но какъ долженъ бы поступить истинный «помазанникъ Божій», высшій между нами носитель обязанностей христіанскаго общества по отношенію ко впавшимъ въ тяжкій грѣхъ? Онъ долженъ всенародно дать примѣръ. Онъ долженъ отречься отъ языческаго начала возмездія и устрашенія смертью и проникнуться христіанскимъ началомъ *жалости* къ безумному злодѣю. «Помазанникъ Божій», не оправдывая преступленія, долженъ удалить цареубійцъ изъ общества, какъ жестокихъ и вредныхъ его членовъ, но удалить не уничтоживъ ихъ, а вспомнивъ о душѣ преступниковъ и передавъ ихъ въ вѣдѣніе церкви, единственно способной нравственно исцѣлить ихъ...

Соловьевъ кончилъ. Но еще съ минуту стояла все та же леденящая душу тишина. И вдругъ, словно дикій, неистовый ураганъ ворвался въ залъ. Раздались не крики, а прямо вопли остервенѣнія, безумной ярости:—Измѣнникъ! Негодяй! Террористъ! Вонъ его! Растерзать его!

Публика первыхъ рядовъ бросилась къ эстрадѣ, размахивая руками, стуча стульями и неистово крича въ слѣдъ уходящему лектору. Какъ сейчасъ вижу одного генерала, бросившагося за Соловьевымъ и бѣшено потрясавшаго багровымъ кулакомъ.

Въ то же время раздавались неистовые апплодисменты и крики «браво» среди студентовъ.

Вдругъ сотенная толпа ихъ колыхнулась...

— Они убьютъ его. Выручать!..

И студенческая масса, точно вырвавшійся на волю потокъ, ринулась къ Соловьеву.

Публика мигомъ была оттѣснена; ворвались въ ту, сосѣднюю съ заломъ, комнату, гдѣ стоялъ профессоръ. Но онъ сдѣлалъ движеніе рукою и снова появился на эстрадѣ.

При его появленіи снова всѣ смолкли, ожидая, что онъ скажетъ.

— Я вижу,—разстроенно началъ Владиміръ Сергѣевичъ,—меня совершенно не поняли: я не оправдывалъ цареубійства...

Но снова бѣшеные крики съ одной стороны и тотчасъ послѣдовавшіе за ними бурные апплодисменты съ другой пре-

рвали его. Одни стремились къ Соловьеву, что-то крича и размахивая руками, другіе пытались удержать ихъ; готова была начаться свалка...

— Не выдавать!—раздалось опять среди студентовъ:—цѣпь, цѣпь кругомъ! На рукахъ нести!...

Одни студенты мигомъ схватились за руки и образовали кругомъ Соловьева живую цѣпь; другіе подхватили его на руки и всѣ вмѣстѣ, съ криками «ура! Да здравствуетъ Соловьевъ»,—торжественно понесли его къ выходу среди бѣснующейся вокругъ публики. Пронесли съ тріумфомъ черезъ весь залъ, спустились по лѣстницѣ и опустили на ноги только у вѣшалки съ платьемъ. Нашли и подали ему шинель, потомъ наняли карету, усадили и проводили криками «ура».

А по Петербургу уже полетѣло сенсаціоннѣйшее для тѣхъ дней извѣстіе, что проф. Соловьевъ въ публичной лекціи, при огромномъ стеченіи публики, доказывалъ будто бы необходимость полнаго «помилованія» цареубійцъ...

На другой же день, часовъ въ 12, я былъ у Соловьева. При взглядѣ на него я невольно отшатнулся,—до такой степени было страдальческимъ выраженіе его лица. Особенно поразила меня небольшая прядка сѣдыхъ волосъ спереди. Она явилась въ одну ночь.

Убитый видъ Соловьева и грустный тонъ послѣдующихъ рѣчей его составляли рѣзкій контрастъ съ цѣлой грудой прелестныхъ букетовъ изъ живыхъ благоухающихъ цвѣтовъ, которыми былъ заваленъ одинъ изъ столовъ. Какъ оказалось, всѣ эти букеты были поднесены Владиміру Сергѣевичу сегодня же утромъ неизвѣстными слушателями и слушательницами вчерашней лекціи.

Только одинъ и, кажется, самый роскошный букетъ былъ доставленъ не анонимно: его вручили «высокоуважаемому профессору» депутатки Бестужевскихъ курсовъ.

Когда я вошелъ, Владиміръ Сергѣевичъ стоялъ посреди комнаты съ перомъ въ рукѣ и грустно смотрѣлъ на эти чудные цвѣты.

Соловьевъ встрѣтилъ меня такъ, будто мы не разставались: вмѣсто обычнаго привѣтствія, онъ схватился за голову и мученическимъ голосомъ воскликнулъ:

— *Они* не поняли меня, совершенно не поняли!..

Очевидно, подъ *они* подразумѣвалась публика вчерашней лекціи. Какъ я ни былъ далекъ отъ его настроенія, но живо почувствовалъ глубокую трагичность этого восклицанія. Человѣкъ

вложилъ всю душу въ свою лекцію, можетъ быть не безъ мучительныхъ колебаній рѣшилъ высказать въ такіе ужасные дни одно изъ своихъ священнѣйшихъ вѣрованій и... оно было истолковано въ совершенно обратномъ смыслѣ!

— Меня вызываютъ въ третье отдѣленіе, — возбужденно продолжалъ Вл. Серг.,—это пусть, но я только хочу, чтобы меня поняли. Съ этой цѣлью я пишу письмо Государю...

При этихъ словахъ Вл. Серг. указалъ на пачку исписанныхъ по-французски листовъ, лежавшихъ на столѣ.

— Я излагаю въ этомъ письмѣ всѣ существенныя мѣста моей лекціи и почти цѣликомъ все то, что я сказалъ о цареубійцахъ. Я увѣренъ, Государь пойметъ, что съ христіанской точки зрѣнія я правъ. Во всякомъ случаѣ, я не раскаиваюсь въ томъ, что говорилъ, и отказаться отъ сказаннаго мною я не въ состояніи, что бы со мной ни сдѣлали. Если же и послѣ этого письма мнѣ придется пострадать, то для меня будетъ большимъ утѣшеніемъ сознаніе, что я пострадалъ не по недоразумѣнію, а именно за то, что я сказалъ...

Я постарался, какъ могъ, разсѣять мрачныя мысли Владиміра Сергѣевича и, не желая мѣшать ему оканчивать письмо Государю, удалился, сказавъ, что забѣгу завтра утромъ.

Могъ ли я ожидать, что это мое свиданіе съ Соловьевымъ было въ Петербургѣ послѣднимъ!

Случилось такъ, что я могъ пойти къ Соловьеву только черезъ нѣсколько дней. Квартиру его я нашелъ запертой. На мой звонокъ въ противоположную дверь вышла какая-то женщина и на вопросъ о Соловьевѣ замахала руками и, поспѣшно проговоривъ: выѣхалъ, выѣхалъ—захлопнула дверь.

Я направился къ дворнику.

Въ то время петербургскіе дворники по отношенію къ студентамъ были могущественными особами, такъ какъ являлись, въ сущности, агентами все того же грознаго «третьяго отдѣленія», и участь не одной сотни студентовъ была рѣшена тѣмъ или инымъ отзывомъ домоваго дворника.

Господинъ старшій дворникъ, къ которому я теперь шелъ, стоялъ у дворницкой.

— Могу я узнать, куда выѣхалъ Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ?

Дворникъ вмѣсто отвѣта строго посмотрѣлъ на мой студенческій пледъ, потомъ медленно приподнялъ фартукъ, расправилъ его уголъ на растопыренныхъ пальцахъ и такъ же неторопливо, по гоголевскому выраженію, «обошелся съ носомъ».

Засимъ онъ тѣмъ же фартукомъ старательно вытеръ усы и бороду и, когда вся эта операція была закончена, снова взглянулъ на мой злосчастный пледъ и удостоилъ такого отвѣта:

— А вотъ что я вамъ скажу: идите-ка отсюда по-добру — по-здорову, да поскорѣе: по настоящему-то васъ, какъ пріятеля Соловьева, надо бы въ участокъ предоставить...

Съ этими словами онъ, не торопясь, вошелъ въ свою дворницкую и хлопнулъ дверью.

Комментаріевъ для студента того времени не требовалось: Соловьева въ Петербургѣ уже не было. Для университета погасла одна изъ самыхъ яркихъ его звѣздъ, и многіе студенты почувствовали себя осиротѣвшими.

Заканчивая свои воспоминанія объ одномъ изъ замѣчательныхъ научно-литературныхъ дѣятелей XIX вѣка, я могу прибавить только нѣсколько словъ.

По моему глубокому убѣжденію, описанный періодъ жизни не могъ остаться безъ сильнаго вліянія на образъ мыслей Вл. С. Соловьева.

Размышленіе надъ причинами собственной житейской катастрофы должно было внести нѣкоторыя поправки въ его взгляды на условія возможности общественнаго прогресса. Эволюція въ этомъ направленіи, конечно, могла продолжаться подъ воздѣйствіемъ всей совокупности обстоятельствъ его времени, но первый толчокъ въ эту сторону едва ли не былъ данъ впечатлѣніями описаннаго момента.

Въ моей памяти самымъ драгоцѣннымъ и обаятельнымъ является воспоминаніе о В. С. Соловьевѣ.

Н. Никифоровъ.

КЪ ПСИХОЛОГІИ ДОБРОЛЮБОВА.

I.

Если имѣть въ виду только сочиненія Добролюбова и не знать его дневниковъ и писемъ, то получается впечатлѣніе большого, но холоднаго ума, по преимуществу діалектическаго и аналитическаго. Передъ нами—не пламенный трибунъ, не пылкій проповѣдникъ, не восторженный адептъ новыхъ идей: передъ нами—уравновѣшенный, сдержанный человѣкъ, разсудительный и разсуждающій...

Совсѣмъ другое впечатлѣніе выносимъ мы изъ дневниковъ и писемъ Добролюбова; передъ нами натура глубоко-страстная, мятущаяся и тревожная.

Можно предположить, что спокойный тонъ сочиненій Добролюбова и холодная ясность его мысли явились какъ симптомъ и результатъ достигнутаго успокоенія, умиротворенія души, покончившей со всѣми обуревавшими ее противорѣчіями и тревогами. Это предположеніе окажется правильнымъ лишь отчасти, и, во всякомъ случаѣ, оно требуетъ оговорокъ.

Дѣйствительно, къ началу литературной дѣятельности Добролюбова извѣстная доля душевной тяготы, извѣстныя противорѣчія были устранены; сомнѣнія казались разрѣшенными... Но въ его сложной душѣ, богатой противоположными влеченіями, оставалось еще много горючаго матеріала, и развитіе его душевныхъ силъ далеко еще не было закончено, когда онъ умеръ. А умеръ онъ (не будемъ забывать этого) на 26-мъ году жизни.

Въ его письмахъ мы находимъ частью прямыя, частью косвенныя указанія на то, что броженіе и тревога души продолжались до конца. Но, какъ и въ первыхъ, такъ и въ послѣднихъ статьяхъ своихъ, онъ — все тотъ же: спокойный, сдержанный, уравновѣшенный или кажущійся таковымъ...

Принимая въ соображеніе все это и также имѣя въ виду показанія его современниковъ, мы приходимъ къ заключенію, что *совмѣщеніе внутренней тревоги съ внѣшнимъ спокойствіемъ было коренною чертою его натуры.*

Въ ряду психологическихъ контрастовъ или, скажемъ, антиномій Добролюбова этой чертѣ принадлежитъ первое мѣсто. Присмотримся къ ней ближе.

II.

По свидѣтельству Чернышевскаго, были люди, которые называли Добролюбова «человѣкомъ безъ души и сердца». Вѣроятно (судя по рѣзкой отповѣди Чернышевскаго), въ такомъ отзывѣ скрывалась умышленная клевета. Но есть основанія думать, что вообще—не только на людей малознакомыхъ и постороннихъ, но и на близкихъ—Добролюбовъ обычно производилъ впечатлѣніе человѣка *холоднаго*. По его собственному признанію, это было ходячее мнѣніе о немъ. Въ дневникѣ 1852 года (ему было тогда лѣтъ 16) онъ говоритъ, описывая свои «бѣшеные порывы»: «И еще меня считаютъ за человѣка малокровнаго, чуть не флегматика! Тогда какъ самыя пламенныя чувства, самыя неистовыя страсти скрываются подъ этой духовной оболочкой всегдашняго равнодушія...»—Что же это за «самыя пламенныя чувства» и «самыя неистовыя страсти»? А это просто—юношескія мечты о будущемъ, объ университетѣ, жажда знанія, смутное влеченіе къ невѣдомому, заманчивому поприщу будущей дѣятельности, уколы юнаго самолюбія, наконецъ, трогательное обожаніе любимаго учителя [1]). Все это Добролюбовъ переживалъ не такъ, какъ обычно переживаются аналогичныя чувства и мечты. Онъ переживалъ ихъ съ исключительною силою и страстью, и притомъ такъ, что все это въ немъ горѣло и перегорало безъ проявленія наружу, безъ раздѣленія; онъ робѣлъ въ обществѣ и стыдился признаній, которыхъ, однако, жаждалъ. Невыраженныя чувства становились еще интенсивнѣе; онъ довѣрялъ ихъ только дневнику, т. е. самому же себѣ. Въ высокой

[1]) И. М. Сладкопѣвцева.

степени любопытна попытка раскрыть свою душу въ письмѣ къ любимому учителю (Сладкопѣвцеву). Это письмо осталось не посланнымъ и, стало быть, сыграло роль все того же дневника. Наивной восторженностью, пылкостью признаній оно, какъ и нѣкоторыя изъ позднѣйшихъ писемъ, *фактически* опровергаетъ легенду о холодности Добролюбова.

Еще болѣе краснорѣчивымъ опроверженіемъ этой легенды являются его трогательныя письма къ матери и, послѣ ея смерти, письма къ отцу. Читая ихъ, мы убѣждаемся въ томъ, что Добролюбовъ принадлежалъ къ числу тѣхъ натуръ, которымъ очень трудно жить на свѣтѣ: слишкомъ серьезно, можно сказать—слишкомъ трагически относятся онѣ къ своимъ интимнымъ переживаніямъ. Любовь къ матери, къ отцу, къ близкимъ, дружба, возникновеніе новой привязанности, утрата прежней, наконецъ перемѣна воззрѣній, ростъ идей—все это переживается имъ полностью, всѣми силами души, требуя огромной затраты ихъ. Но эта затрата — не расточительство душевнаго капитала, не мотовство души. Напротивъ, это очень производительная трата, ведущая къ обогащенію души, къ подъему душевнаго тона, къ сосредоточенію силъ, къ великому самообладанію. Психологически-необходимымъ противовѣсомъ этому внутреннему кипѣнію являлось внѣшнее спокойствіе, сдержанность выраженія, строгая простота рѣчи и, наконецъ, та любопытная особенность, что человѣкъ, столь глубоко чувствующій и столь интенсивно и эмоціонально переживающій свои внутреннія состоянія, отдаетъ—въ своихъ отношеніяхъ къ внѣшнему міру—рѣшительное предпочтеніе языку разума передъ языкомъ чувства.

Эта психическая антиномія, встрѣчающаяся нерѣдко, но у Добролюбова получившая исключительное развитіе, составляла у него, такъ сказать, душевную базу, на которой обосновались другіе контрасты или противорѣчія его натуры.

III.

Дневники и письма Добролюбова убѣждаютъ насъ въ томъ, что онъ былъ натурою *глубоко-моральною*. Уже въ дневникѣ 1853-го года онъ записалъ (послѣ причащенія): «Не знаю, будетъ ли у меня силъ давать себѣ каждый день отчетъ въ своихъ прегрѣшеніяхъ, но, по крайней мѣрѣ, прошу Бога моего, чтобы онъ далъ мнѣ положить хотя начало благое...» Характерно за-

главіе этого юношескаго дневника: «Психаторіумъ», т. е. «углубленіе въ душу».

Такое—моральное—«углубленіе въ душу» и эта потребность «давать отчетъ себѣ въ своихъ прегрѣшеніяхъ» ярко сказались и въ болѣе позднемъ дневникѣ, 1857-го года, и во многихъ мѣстахъ писемъ.

Въ «Психаторіумѣ» моральныя стремленія 16-тилѣтняго юноши даны въ наивныхъ, почти дѣтскихъ формахъ и въ предѣлахъ традиціонной морали среды и семьи. Глубоко-религіозный и простодушно вѣрующій мальчикъ обнаруживаетъ рѣдкій въ его возрастѣ нравственный страхъ— нарушить то или иное предписаніе, упрекаетъ себя въ недостаточной сосредоточенности во время богослуженія и т. д. Тутъ, попутно, явственно обозначаются и присущія натурѣ Добролюбова аскетическія стремленія. Другое дѣло—дневникъ 1857 г. Въ эту эпоху, послѣ остраго душевнаго кризиса, традиціонная мораль на религіозной основѣ пошатнулась и готова была рухнуть. Тѣмъ сильнѣе заявили о себѣ моральныя стремленія Добролюбова: нужно было выработать себѣ новую мораль, на новыхъ началахъ. И любопытно слѣдить, какъ все, что становилось на мѣсто разрушенныхъ старыхъ понятій, проявлялось въ его сознаніи прежде всего своею моральною стороною. Онъ склонялся къ мысли, что если новое не въ состояніи нравственно оздоровить человѣка, закалить для высшей моральной жизни, то лучше пусть человѣкъ остается при старыхъ понятіяхъ. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ по адресу одного институтскаго товарища: «...Мнѣ все кажется, что онъ до сихъ поръ ни о чемъ серіозно не думалъ и не умѣетъ разсуждать о предметахъ высшей важности. Если онъ останется навсегда съ этой умственной лѣнью, то я желаю ему (несмотря на природный его умъ) лучше остаться подъ опекой религіозности и даже церковности, нежели жить собственной головой... Подвигъ самопередѣлыванія будетъ для него труденъ, если не невозможенъ... А все эта проклятая лѣнь, это увлеченіе разными животными порывами и невѣдѣніе о высшихъ цѣляхъ человѣчества!»

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что подъ «подвигомъ самопередѣлыванія» здѣсь подразумѣвается не только перемѣна міросозерцанія, но и моральное развитіе: новыя идеи, понятіе и радѣніе о высшихъ цѣляхъ человѣчества требуютъ и нравственнаго перевоспитанія,—иначе «лѣнивый» и легкомысленный адептъ новыхъ идей, освободившись отъ ферулы религіозности и церковности, рискуетъ потерять моральные устои, сдѣлаться

просто пошлякомъ, «добрымъ малымъ» (какъ выражается тутъ же Добролюбовъ), человѣкомъ нравственно-беззаботнымъ. Люди этого рода всегда были глубоко-антипатичны ему...

Но изъ того же дневника, изъ тѣхъ же писемъ, а равно и изъ самыхъ сочиненій Добролюбова съ полною очевидностью вытекаетъ заключеніе, что Добролюбовъ, натура по преимуществу и глубоко моральная, *отнюдь не былъ моралистомъ*.

Настоящіе моралисты—это тѣ, которые стремятся къ выработкѣ кодекса морали и, разъ онъ выработанъ, на этомъ и успокаиваются. «Подвигъ самопередѣлыванія» смѣняется у нихъ проповѣдью новой моральной догмы. Настоящіе моралисты—всегда догматики. Вотъ именно этой-то черты мы и не находимъ у Добролюбова. Взамѣнъ того, уже въ ранней юности у него обнаруживается стремленіе къ моральной автономіи, и вскорѣ онъ становится на ту самую точку зрѣнія, которую въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка защищалъ геніальный Гюйо въ знаменитомъ трактатѣ: «Morale sans sanction ni obligation». Это явственно сказалось, напр., въ слѣдующихъ строкахъ дневника 1857-го года: «Дѣлать то, что мнѣ противно, я не люблю. Если даже разумъ убѣдитъ меня, что то, къ чему я имѣю отвращеніе, благородно и нужно,—и тогда я сначала стараюсь пріучить себя къ мысли объ этомъ, придать болѣе интереса для себя къ этому дѣлу, словомъ развить себя до того, чтобы поступки мои, будучи согласны съ абсолютною справедливостью, не были противны и моему личному чувству. Иначе—если я примусь за дѣло, для котораго я еще не довольно развитъ и слѣдов. не гожусь, то, во-первыхъ, выйдетъ изъ него—«не дѣло, только мука», а во-вторыхъ никогда не найдешь въ своемъ отвлеченномъ разсудкѣ столько силъ, чтобы до конца выдержать пожертвованіе собственной личности отвлеченному понятію, за которое бьешься...»

Въ этихъ любопытныхъ строкахъ нетрудно уловить выраженіе подлиннаго моральнаго процесса, совершавшагося въ душѣ юноши (ему было тогда 21 годъ): нравственное чувство заявляло свои права на автономность, моральныя вериги отпадали, юноша хотѣлъ быть нравственнымъ и чувствовалъ, что можетъ быть нравственнымъ не по принужденію, а по собственному своему произволенію, по непреложному требованію совѣсти, по непосредственному и категорическому внушенію нравственнаго чувства. Это привело къ убѣжденію, что, по существу дѣла, нельзя *заставить* человѣка быть нравственнымъ, честнымъ, безкорыстнымъ, добрымъ, правдивымъ, но можно и должно *воспитывать* себя и другихъ въ духѣ этихъ моральныхъ требованій.

Вотъ что—позже—писалъ онъ объ этомъ своему другу Шемановскому (6 авг. 1859 г.): «Никто,—понимаешь ли ты,—никто въ свѣтѣ не въ правѣ приказать тебѣ быть честнымъ, не красть, не пить и пр. Но вѣдь ты ничего подобнаго не сдѣлаешь просто потому, что тебѣ самому это противно, что ты этого выдержать не можешь...»—Надо воспитывать себя морально, все повышая уровень моральныхъ требованій: «...теперь наша дѣятельность и должна состоять въ внутренней работѣ надъ собою, которая довела бы насъ до того состоянія, чтобы всякое зло—не по повелѣнію свыше, не по принципу—было нами отвергаемо, а чтобы сдѣлалось противнымъ, невыносимымъ для нашей натуры... Тогда нечего будетъ хлопотать о созданіи честной дѣятельности: она сама собою создастся, потому что мы не въ состояніи будемъ дѣйствовать иначе, какъ только честно...»

Это воззрѣніе и легло въ основу статей Добролюбова о воспитаніи: нужно поставить ребенка въ такія условія, при которыхъ его моральное чувство и сознаніе имѣли бы возможность правильно, органически расти, развиваться самобытно, самочинно, а не подъ страхомъ наказанія, не подъ гнетомъ моральныхъ запугиваній. Въ извѣстной статьѣ: «О значеніи авторитета въ воспитаніи» Добролюбовъ возстаетъ противъ системы «безусловнаго повиновенія» и «безусловныхъ приказаній». Указывая на пагубное вліяніе *безусловныхъ* приказаній на *совѣсть* ребенка, онъ говоритъ: «Привыкая дѣлать все безъ разсужденій, безъ убѣжденія въ истинѣ и добрѣ, а только по приказу, человѣкъ становится безразличнымъ къ добру и злу и безъ зазрѣнія совѣсти совершаетъ поступки, противные нравственному чувству, оправдываясь тѣмъ, что *такъ приказано*».—Приведу еще одно мѣсто изъ той же статьи: «...главное, что долженъ имѣть въ виду воспитатель, это—уваженіе къ человѣческой природѣ въ дитяти, предоставленіе ему свободнаго, нормальнаго развитія, стараніе внушить ему прежде всего правильныя понятія о вещахъ, живыя и твердыя убѣжденія, заставить его дѣйствовать сознательно, по уваженію къ добру и правдѣ, а не изъ страха и не изъ корыстныхъ видовъ похвалы и награды».

Не человѣкъ для морали, а мораль для человѣка—такъ можно, перифразируя евангельское изреченіе, формулировать идею Добролюбова. Моралисты склонны думать иначе: они охотно приносятъ человѣка въ жертву «Джагернауту» отвлеченной морали. И мы приходимъ къ заключенію, что Добролюбовъ, натура моральная по преимуществу, отнюдь не былъ моралистомъ.

Въ гармоніи съ моральнымъ укладомъ натуры, у Добролю-

бова проявлялись черты, которыя условно можно назвать «аскетическими»; но, какъ извѣстно, изъ него не вышелъ аскетъ, умерщвляющій грѣховную плоть и отказывающійся отъ элементарныхъ удобствъ и всѣхъ радостей жизни. Такъ называемый «аскетизмъ» Добролюбова сводился къ нѣкоторому ограниченію потребностей и вкусовъ, къ самообладанію — въ виду воспитанія себя въ духѣ «высшихъ цѣлей человѣчества». Этотъ родъ «аскетизма» служитъ не цѣлью, а средствомъ; онъ только—школа, которая предназначена укрѣплять и оздоровлять личность человѣческую. Настоящіе аскеты — тѣ, которые, превращая средство въ цѣль, обрѣтаютъ въ аскетическихъ упражненіяхъ разрѣшеніе смысла своей жизни и на этомъ успокаиваются.— Въ противуположность этому Добролюбовъ писалъ (въ статьѣ о Станкевичѣ): «Пора намъ убѣдиться въ томъ, что искать страданій и лишеній дѣло неестественное для человѣка... Романтическія фразы объ отреченіи отъ себя, о трудѣ для самого труда или для такой цѣли, которая съ нашею личностью ничего общаго не имѣетъ,—къ лицу были средневѣковому рыцарю печальнаго образа; но они очень забавны въ устахъ образованнаго человѣка нашего времени».

IV.

Въ дѣтствѣ и юности (кажется, до 1855-го года) Добролюбовъ былъ чрезвычайно религіозенъ. Онъ вѣровалъ глубоко и пламенно, онъ исполнялъ всѣ обряды съ необычнымъ рвеніемъ, позволявшимъ думать, что служеніе религіи—его настоящее призваніе. Но, какъ извѣстно, такая мысль не приходила ему въ голову: еще семинаристомъ онъ мечталъ объ университетѣ, о наукѣ, о литературной дѣятельности. Какъ моральныя стремленія не сдѣлали его моралистомъ, а аскетическія наклонности—аскетомъ, такъ и его глубокая религіозность и его приверженность къ православному вѣроисповѣданію не могли превратить его въ религіознаго фанатика, въ проповѣдника, въ служителя церкви по призванію. Онъ сознательно уклонился отъ этого пути еще въ ту пору, когда его религіозныя вѣрованія оставались нерушимыми, когда самая мысль о возможности для него отойти отъ религіи, порвать съ нею показалась бы ему чудовищною.

И самый разрывъ съ религіей произошелъ у него такъ какъ происходитъ это именно у натуръ религіозныхъ: главнымъ и рѣшительнымъ толчкомъ, приведшимъ къ разрыву, послужилъ *религіозный ропотъ*, впервые зародившійся въ немъ почти без-

сознательно послѣ смерти матери, но тотчасъ же заглушенный, а нѣсколько позже, послѣ смерти отца, возродившійся съ несказанной силой, въ формѣ могучаго аффекта, настоящей психической бури, которую уже нельзя было, при всемъ желаніи, заглушить и подавить, и которая могла только, отбушевавъ, разрѣшиться спокойствіемъ отрицанія и невѣрія.

Процессъ былъ долгій и мучительный. Слѣдующія выдержки изъ писемъ 1854-го года дадутъ понятіе объ этомъ кризисѣ.

Получивъ извѣстіе о болѣзни матери (послѣ родовъ), онъ пишетъ, подозрѣвая возможность рокового исхода: «...я все не вѣрю, я не могу подумать, чтобы могло совершиться это ужасное несчастье... Боже мой! Въ прахѣ и смиреніи повергаюсь предъ Твоею святою волею!.. я надѣюсь, я вѣрую, Господи! Помоги моему невѣрію, подкрѣпи меня... Я могу только молиться, я могу обращаться только къ Господу Богу съ моею глубокою горестью... Но я вѣрю, что сильно это орудіе, я твердо вѣрую, Господи, что слышишь вопли моего сердца... Вѣрую, вѣрую, вѣрую—твердо и крѣпко, съ любовью и молитвой...»

Письмо, откуда я взялъ эту выдержку, было написано 17-го марта 1854 г., а уже 8-го марта мать Добролюбова умерла. Отъ сына скрывали печальную истину, опасаясь, что онъ не перенесетъ удара. И онъ пишетъ длинныя письма, адресованныя отцу и матери, уже мертвой... Въ томъ же письмѣ 17-го марта онъ обращается къ матери: «Мамашенька, Мамашенька! ...слышите ли еще вы? Благословите меня, успокойте меня, *утвердите во мнѣ вѣру въ Провидѣніе, спасите меня и на этомъ пути...* [1])—И дальше—обращеніе къ отцу: «...если это письмо будетъ Вами получено еще тогда, когда не будетъ все кончено, оно послужитъ Вамъ залогомъ радостной перемѣны; оно должно успокоить Васъ и оправдать надежду мою... Это испытаніе, посланное отъ Бога... *Кто знаетъ,—можетъ быть это устроено для утвержденія меня въ вѣрѣ*... Вѣдь и одна душа много значитъ у Бога!..»—Въ слѣдующемъ письмѣ (отъ 25 марта) онъ выражаетъ надежду, почти увѣренность, что опасность миновала: «Господь милосердный услышалъ, вѣрно, сердечные вопли дѣтей, чистыя молитвы Ваши, Папаша, и внялъ слезнымъ прошеніямъ и обѣтамъ любящаго сына...»—Одновременно посылаетъ онъ письмо одному родственнику, гдѣ говоритъ: «...Я страшно тоскую... Я ничего не знаю... Писать ли къ двоимъ, или ужъ къ одному? Говорить ли о живыхъ или плакать о мертвыхъ? Гдѣ она, моя Мамаша?..»—И въ тотъ

---

[1]) Курсивъ мой.

же день, отправивъ эти письма, онъ получилъ отъ отца печальное извѣстіе и немедленно отвѣчаетъ длиннымъ письмомъ, гдѣ особливо замѣчательны слѣдующія строки: «...На этихъ дняхъ читалъ я Жуковскаго: онъ много утѣшилъ меня. Вотъ что нашелъ я у него:

Лучшій другъ намъ въ жизни сей—
Вѣра въ Провидѣнье.
Благъ Зиждителя законъ:
Здѣсь несчастье—лживый сонъ,
Счастье—пробужденье.

И мы, будетъ время, пробудимся отъ этого несчастья и, осѣненные благодѣтельнымъ геніемъ нашей доброй Хранительницы-Мамашеньки, узнаемъ радость... Мамашѣ теперь ужъ ничего не нужно: нужны ей только святыя молитвы церкви, и я надѣюсь, что наши молитвы и особенно Ваши предъ престоломъ Божьимъ, при страшной жертвѣ Господней, дойдутъ до Всевышняго, и Онъ успокоитъ земную страдалицу въ ангельскихъ селеніяхъ...»

Тутъ проходитъ вся гамма религіозныхъ чувствъ, какія, въ подобныхъ случаяхъ, звучатъ въ наивно-вѣрующей душѣ: ропотъ, заглушенный дѣйствіемъ религіозной эмоціи,—надежда на милосердіе Божье, умиленіе передъ неисповѣдимыми путями Провидѣнія, помыслы о загробномъ блаженствѣ...

Прочтемъ еще: «Вы ее не видите теперь, но Вы увидите ее, и послѣ пережитаго нами дня... всѣ мы дойдемъ до тихаго вечера, за которымъ настанетъ радостное утро,—и въ свѣтломъ, невещественномъ блескѣ, въ неземной красотѣ, въ славѣ нетлѣнной предстанетъ намъ образъ нѣжно любимой нашей Мамаши... И, сбросивъ земныя, житейскія думы, заботы и горести, сольемся мы съ ея душой въ чудной гармоніи, едиными устами прославляя Всевышняго. О, какъ высоки, какъ недосягаемо высоки обѣтованія святой вѣры нашей!..» (5 апр. 1854, письмо къ отцу).

Десять дней спустя (15 апр.), въ письмѣ къ теткѣ и ея сыну, онъ говоритъ о своей любви къ матери. «...во всю мою жизнь, сколько я себя помню, я жилъ, учился, работалъ, мечталъ всегда съ думой о счастьѣ матери... Всегда она была на первомъ планѣ; при всякомъ успѣхѣ, при всякомъ счастливомъ оборотѣ дѣла, я думалъ только о томъ, какъ это обрадуетъ маменьку... И вдругъ всего этого лишиться, такъ рано, такъ неожиданно, такъ жестоко!.. По крайней мѣрѣ молитесь о ней, чтобы хоть въ небесахъ она была блаженна; молитесь жарко и часто... *Я рѣдко могу молиться, я слишкомъ ожесточенъ...* [1])

[1]) Курсивъ мой.

Религіозныя эмоціи уже не могли заглушить и утопить въ слезахъ умиленія скрытую, но настойчивую работу религіознаго ропота. Состояніе, которое можно назвать религіознымъ размягченіемъ души, явно смѣнялось религіознымъ ожесточеніемъ.

Оно достигло крайнихъ предѣловъ, когда, черезъ полгода послѣ смерти матери, умеръ отецъ. Добролюбовъ былъ въ Нижнемъ, и вотъ что писалъ онъ институтскому товарищу (Щеглову): «Тяжело мнѣ... Судьба жестоко испытываетъ меня и ожесточаетъ противъ всего, лишая меня того, что мнѣ было особенно дорого въ мірѣ. 6 августа мой отецъ умеръ отъ холеры. Семеро маленькихъ дѣтей остались на моихъ рукахъ... Ты читалъ не повѣсть, а трагедію... Папеньку всѣ въ городѣ такъ любили, что принимаютъ теперь въ насъ живѣйшее участіе. Подличаетъ съ нами одно только духовенство и архіерей. *Вчера на похоронахъ я былъ страшно золъ. Не выронилъ ни одной слезы, но разругалъ моего бывшаго профессора, который сказалъ пренелѣпую рѣчь, увѣряя въ ней, что Богъ знаетъ, что дѣлаетъ, что Онъ любитъ сиротъ и проч.* [1]... Я страшно разстроенъ... Къ счастью еще, я деревянный, иначе я бы непремѣнно разбился...»

Это ожесточенное состояніе духа, приведшее къ крушенію положительной религіозности Добролюбова, осложнялось еще присущими ему, такъ сказать, «мефистофельскими» чертами,—ѣдко-саркастическимъ отношеніемъ ко всему, въ чемъ онъ разочаровывался, что вызывало въ немъ протестъ и осужденіе. Въ этомъ смыслѣ любопытно свидѣтельство Радонежскаго. Добролюбовъ, на вопросъ его: «что новаго?»,—отвѣтилъ лаконически: «отецъ умеръ».—«Въ холодномъ тонѣ отвѣта, сказаннаго Добролюбовымъ съ язвительною улыбкою, мнѣ послышалось»—сообщаетъ Радонежскій—«проклятіе, посланное судьбѣ... Да, онъ смѣялся, сообщая мнѣ эту грустную новость, но такъ смѣялся, что меня покоробило».

Религіозному кризису, приведшему къ крушенію вѣры, Добролюбовъ посвятилъ впослѣдствіи (1858 г.) извѣстное стихотвореніе «Памяти отца»:

Благословенъ тотъ часъ печальный,
Когда ошибокъ дѣтскихъ мгла
Вслѣдъ колесницы погребальной
Съ души озлобленной сошла!
Съ тѣхъ поръ я въ мертвомъ упованьи

[1]) Курсивъ мой.

Отрады жалкой не искалъ,
И безполезному роптанью
Себя на жертву не давалъ.
Не уловлялъ мечты туманной,
Но безъ надеждъ и утѣшеній,
Я гордо снесъ мою печаль...

V.

У натуръ религіозныхъ часто наблюдается слѣдующее: утрата вѣрованій не уничтожаетъ у нихъ религіознаго чувства и настроенія, привычки относиться *религіозно* ко всему, что является предметомъ ихъ преимущественнаго душевнаго интереса. Человѣкъ уже не вѣруетъ въ Бога, но потребность и способность вѣровать во что-нибудь осталась,—и онъ переноситъ свою вѣру напр. на идеалъ, который онъ лелѣетъ, на будущность своего отечества или всего человѣчества и т. д. Къ предмету своей «вѣры» онъ относится умиленно, молитвенно, благоговѣйно. Изъ него онъ творитъ себѣ святыню, а то и просто кумиръ, передъ которымъ онъ падаетъ ницъ, или какого-нибудь Джагернаута, подъ колесницей котораго онъ съ наслажденіемъ умираетъ... Въ большинствѣ случаевъ люди этого закала, атеистически вѣрующіе, являются *фанатиками* идеи, не допускающими никакой критики, никакихъ сомнѣній. Такой укладъ души образуетъ то, что по праву можно назвать «*психологическою религіозностью*».

Отличительной особенностью натуръ этого рода служитъ ихъ склонность навязывать свои идеи другимъ, страсть проповѣдывать, привычка думать, будто судьба міра зависитъ отъ идей и идеаловъ, усвоенныхъ людьми: перемѣнить идеи—значитъ измѣнить міръ... Оттуда — ихъ идейная и идеологическая нетерпимость.

Вотъ и спросимъ: осталась ли у Добролюбова, послѣ крушенія его религіи, такая психологическая религіозность?

Добролюбовъ былъ человѣкъ глубокихъ и стойкихъ убѣжденій, строго послѣдовательный, не способный на уступки и компромиссы. Но это было у него только слѣдствіемъ или признакомъ душевной честности: черта моральная, а не религіозная. Въ отношеніяхъ Добролюбова къ его идеямъ, убѣжденіямъ, идеаламъ не видно ничего *религіознаго* въ вышеуказанномъ смыслѣ. Его убѣжденія были ему дороги, но онъ не превращалъ ихъ ни въ святыню, ни въ кумиръ. У Добролюбова нѣтъ и тѣни фа-

натизма и нетерпимости. Его убѣжденность и преданность идеѣ были функціею *не вѣры, а разума*,—основаніемъ же ихъ служилъ *моральный и идеалистическій укладъ его натуры*. Свои завѣтныя идеи онъ не превращалъ ни въ абсолютную истину, ни въ утопію.

Мало того: онъ даже не былъ пропагандистомъ или проповѣдникомъ. Онъ былъ прежде всего и по преимуществу—*критикъ*, въ обширномъ смыслѣ слова; онъ дѣйствовалъ анализомъ, разсужденіемъ, силлогизмомъ и сарказмомъ, обращаясь главнымъ образомъ къ уму, къ здравому смыслу читателей.

У него не было ни паѳоса, ни подъема, ни иллюзій, свойственныхъ натурамъ психологически-религіознымъ и умамъ догматически-мыслящимъ. Тщетно будемъ мы искать у него той фразеологіи и той декламаціи, какими зачастую они характеризуются. Суровая правда дороже ему всѣхъ обольщеній мысли, всѣхъ иллюзій. Идеалистъ по настроенію, онъ былъ трезвый реалистъ по способу мышленія.

Все это можно было бы подтвердить многочисленными цитатами изъ его сочиненій. Я ограничусь одной только выдержкой изъ статьи о Петрѣ Великомъ. Здѣсь онъ даетъ характеристику историческихъ дѣятелей и утверждаетъ, что они вовсе не заглядываютъ далеко въ будущее, а преслѣдуютъ только ближайшія цѣли, и что на этомъ-то и основаны ихъ успѣхъ и все ихъ значеніе. Прочтемъ: «... какъ бы человѣкъ ни былъ уменъ и геніаленъ, онъ можетъ производить свои соображенія только на основаніи данныхъ, имѣющихся у него подъ руками. Поэтому, всѣ великіе планы, высокія идеи, сложные замыслы ограничиваются обыкновенно достиженіемъ *ближайшихъ цѣлей*...»—Добролюбовъ не вѣритъ въ силу геніальной прозорливости историческихъ лицъ (въ родѣ Петра), будто бы предвосхищающихъ отдаленное будущее: «заоблачное вдохновеніе, внезапное наитіе, предсказаніе, ясновидѣніе—относятся, какъ извѣстно, къ области фокусовъ», говоритъ онъ (тамъ же). Прочтемъ еще: «... чѣмъ далѣе въ будущее простирается замыселъ, чѣмъ болѣе долженъ онъ опираться на событіяхъ, еще не совершившихся, а только задуманныхъ, тѣмъ глубже уходитъ онъ изъ міра дѣйствительности въ область фантазіи. Всякій историческій дѣятель хорошо чувствуетъ это, и всякій естественно старается остерегаться отъ этихъ воздушныхъ замковъ».

Невольно вспоминается восторженный отзывъ Добролюбова о способѣ изложенія исторіи великой французской революціи у Шлоссера. Въ одномъ письмѣ онъ восхваляетъ спокойный тонъ

Шлоссера, его умѣренность и сдержанность, отсутствіе фразъ и декламаціи, противупоставляя и предпочитая это манерѣ Луи Блана и даже Прудона...

Итакъ, у Добролюбова не видать признаковъ «психологической религіозности» въ вышеуказанномъ смыслѣ. Слѣдуетъ ли изъ этого, что ея совсѣмъ и не было? Я этого не думаю. Уже a priori невѣроятно, чтобы религіозность столь интенсивная и яркая, какою была до 1855-го года религіозность Добролюбова, вдругъ исчезла безъ остатка. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что она была наслѣдственной. Я думаю, что исчезнуть она не могла, а только перешла въ скрытое состояніе, стала инертною, потенціальною. У иныхъ религіозныхъ натуръ, послѣ утраты вѣрованій, психологическая религіозность зачастую не только сохраняется, но еще и обостряется. И тутъ нерѣдко приходится наблюдать случаи *гипертрофіи* религіознаго чувства и настроенія, ищущихъ все новыхъ объектовъ для упражненія. У Добролюбова, напротивъ, послѣ кризиса, послѣдовала *атрофія* психологической религіозности. И въ результатѣ вышло, что Добролюбовъ, натура безспорно религіозная, оказался, послѣ пережитаго имъ религіознаго кризиса, человѣкомъ психологически *не религіознымъ*.

Мнѣ кажется, главную причину этого слѣдуетъ видѣть во вліяніи его *ума, по преимуществу критическаго и, кромѣ того, отмѣченнаго склонностью къ скептицизму и отрицанію*,—ума *базаровскаго типа*.

VI.

«Базаровскія» черты въ складѣ ума Добролюбова бросаются въ глаза.

Его литературная дѣятельность протекала въ эпоху второй половины 50-хъ годовъ, когда все образованное общество было преисполнено надеждъ и нетерпѣливыхъ ожиданій. Добролюбовъ неизмѣнно сохранялъ спокойствіе и трезвость мысли. Восторги, увлеченія, иллюзіи того времени не проявились ни въ дневникѣ, ни въ письмахъ, ни въ сочиненіяхъ Добролюбова. Его трезвый умъ стоялъ насторожѣ, предостерегая его отъ самообольщеній и преждевременныхъ ожиданій. А вѣдь ему самому шелъ тотъ возрастъ, когда обычно головы, воспріимчивыя къ идеямъ, кружатся даже среди повальнаго застоя и спячки.

Иллюзіи и увлеченія эпохи Добролюбовъ высмѣивалъ и въ

прозѣ, и въ стихахъ,—въ серьезныхъ статьяхъ и въ «Свисткѣ». Онъ даже пріобрѣлъ—въ глазахъ нѣкоторыхъ лицъ, какъ справа, такъ и слѣва,—репутацію злобнаго разрушителя всѣхъ «насъ возвышающихъ обмановъ», чуть ли не отрицателя-циника, который отрицаетъ ради удовольствія отрицать.

Добролюбовъ могъ бы отвѣтить на эти обвиненія словами Базарова: «въ настоящее время полезнѣе всего—отрицаніе, и потому мы отрицаемъ».

Излишне доказывать, что отрицаніе, скептицизмъ и пессимизмъ Добролюбова отнюдь не были искусствомъ для искусства. Слишкомъ сильно была выражена у него идеалистическая и моральная сторона натуры, чтобы онъ могъ предаваться сомнѣнію ради удовольствія сомнѣваться. Его скептицизмъ былъ не цѣлью, а средствомъ,—своего рода *методомъ* отношенія къ вещамъ, и походилъ на здоровый скептицизмъ осторожнаго и свѣдущаго врача у постели больного. Отсутствіе *такого* скептицизма, въ глазахъ Добролюбова, было равносильно легкомыслію и легковѣрію.

VII.

Подводя итоги, мы скажемъ такъ.

Натура Добролюбова, которой никто не откажетъ въ силѣ, цѣльности, законченности, психической сплоченности, была сложна и богата контрастами, и ея гармонія была построена на диссонансахъ:

Страстность переживаній и спокойствіе выраженія.

Натура моральная, но самъ онъ—не моралистъ.

Натура религіозная—и отсутствіе не только религіознаго призванія, но и видимыхъ слѣдовъ психологической религіозности (послѣ кризиса).

Скептическій умъ, но самъ онъ—не скептикъ.

Идеализмъ натуры и реализмъ мышленія.

Можно присоединить еще указаніе на несомнѣнныя у Добролюбова *эстетическія* наклонности (тонкое пониманіе искусства, чутье красоты, воспріимчивость къ эстетической сторонѣ въ любви къ женщинѣ и т. д.). Однако, изъ Добролюбова не вышелъ, да и не могъ выйти *эстетъ*.

Наконецъ, увѣнчивающій этотъ рядъ душевныхъ антитезъ контрастъ между богатствомъ и сложностью натуры съ одной стороны—и простотою и несложностью міросозерцанія съ другой.

Этотъ укладъ души, какъ въ зеркалѣ, отразился въ стилѣ

въ писательской манерѣ Добролюбова: въ строгой простотѣ языка, въ ясности, въ доказательности изложенія, въ отсутствіи фразеологіи и декламаціи. Читая, чувствуешь, что имѣешь дѣло съ человѣкомъ серьезнымъ, убѣжденнымъ и хорошо знающимъ, что онъ хочетъ сказать. И невольно довѣряешь ему...

Психическіе контрасты Добролюбова разрѣшались душевной гармоніей и были симптомомъ не дезорганизаціи или болѣзни духа, а, напротивъ, его силы и здоровья.

Это именно та сила духа и то здоровье мысли, которыя создаютъ не идеолога-мечтателя, не утописта, а трезваго критика-публициста, общественнаго и политическаго дѣятеля, «дѣлающаго благое дѣло среди царюющаго зла» и добивающагося осязательныхъ и прочныхъ результатовъ своей дѣятельности.

Д. Овсянико-Куликовскій.

СОЦІАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ТРЕТЬЯГО ПРИЗЫВА.

Для народнаго представительства, созданнаго закономъ 3 іюня, скоро настанетъ судъ исторіи. Землевладѣльческая дума отживаетъ свои послѣдніе мѣсяцы: работа въ ней идетъ ускореннымъ шагомъ и несовершенные проекты правительства, съ легкими поправками, не всегда согласованными съ текстомъ, поступаютъ въ верхнюю палату, вызывая въ ней необходимость также лихорадочной дѣятельности. Въ два, три засѣданія, проходятъ въ комиссіяхъ и общихъ собраніяхъ реформы и контръреформы, затрогивающія интересы милліоновъ русскихъ гражданъ: крестьянъ, рабочихъ, дворянъ, русскихъ и инородцевъ. При этомъ голосующимъ не всегда извѣстно точное топографическое положеніе тѣхъ мѣстностей, для которыхъ они законодательствуютъ; не всегда они располагаютъ даже приблизительными статистическими данными о числѣ лицъ и владѣній, такъ или иначе задѣваемыхъ ихъ «творчествомъ». Недавно общій смѣхъ въ одной изъ комиссій вызвало то обстоятельство, что «представитель вѣдомства» ошибочно указалъ мѣстонахожденіе селенія Армавиръ, забывъ о томъ, что оно лежитъ на Кубани. Членамъ комиссіи только тогда удалось познакомиться съ этимъ послѣднимъ фактомъ, когда вытребованъ былъ ими планъ; но они все же остались въ неизвѣстности, каково дѣйствительное число жителей въ селеніи, ходатайствовавшемъ о возведеніи его въ число городовъ — менѣе ли оно 30 тысячъ или болѣе 50.

Законодательствовали недавно и по вопросу о томъ, какъ обезпечить интересы тѣхъ, кто снялъ на короткій срокъ подго-

родныя земли для застройки, въ виду даннаго имъ собственниками обѣщанія, что, по окончаніи срока, договоръ будетъ продолженъ на прежнихъ условіяхъ. По справедливому замѣчанію П. Н. Дурново, правительство не озаботилось снабдить законодателей свѣдѣніями о томъ, въ чьихъ рукахъ сосредоточено большинство сдаваемыхъ такимъ образомъ участковъ: въ рукахъ ли помѣщиковъ, горожанъ или крестьянъ. Это позволило однимъ утверждать, что, защищая интересы теперешнихъ застройщиковъ, жертвуютъ выгодами крестьянства, а другимъ—думать, что въ нежеланіи признать права застройщиковъ на вознагражденіе за возведенныя ими зданія наглядно сказывается защита помѣщичьихъ интересовъ.

Законодательствуемъ мы теперь и по вопросу о родовыхъ имуществахъ, и по вопросу о рабочемъ днѣ прикащиковъ, и по вопросу о страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, опять-таки съ недостаточнымъ статистическимъ матеріаломъ и съ неполными справками на счетъ законодательства, дѣйствующаго въ другихъ странахъ. Все это, разумѣется, должно невыгодно отразиться и на нашей работѣ.

Государственную Думу 3-го призыва, какъ я полагаю, справедливо будутъ упрекать въ томъ, что она ничего не сдѣлала для усиленія тѣхъ гарантій, въ какихъ нуждается личная свобода, неприкосновенность жилища и достоинство періодической печати. То, съ чего начинали наши предшественники по освободительному движенію—англичане, американцы, французы, нѣмцы и итальянцы,—что было поставлено на первую очередь депутатами, засѣдавшими въ Таврическомъ Дворцѣ въ 1906 г., то отнесено нынѣ въ дальній ящикъ представителями русскаго землевладѣнія; они, разумѣется, всего менѣе страдаютъ и отъ административныхъ высылокъ, и отъ тѣхъ путъ, какія наложены на печать, и отъ того катастрофическаго характера, какой, при условіяхъ не одной чрезвычайной, но и усиленной охраны, имѣетъ неосторожное пользованіе словомъ и даже простое храненіе въ числѣ своихъ книгъ сочиненій, цензурою недозволенныхъ или изъятыхъ ею изъ обращенія. Но если Государственная Дума 3-го призыва ничего не сдѣлала для упроченія большинства тѣхъ правъ, которыя на западѣ слывутъ подъ прозвищемъ «необходимыхъ вольностей»—за однимъ, впрочемъ, исключеніемъ: свободой совѣсти,—то было бы несправедливо сказать, что Дума распространила свое равнодушіе и на соціальные вопросы. За закономъ 9 ноября, обездолившимъ крестьянъ-общинниковъ и упразднившимъ самое понятіе семейной собствен-

ности, послѣдовалъ законъ о землеустройствѣ, давшій въ руки правительства возможность осуществить на дѣлѣ всѣ эти «благотворныя (?) реформы». При помощи, на этотъ разъ, Государственнаго Совѣта, обездолены, какъ мы покажемъ сейчасъ, и тѣ предпріимчивые, хозяйственные мужики и мѣщане, которые взялись за созданіе цѣлыхъ поселковъ на чужой землѣ, не боясь того, что законъ не даетъ достаточной защиты ихъ интересамъ, такъ какъ не допускаетъ долгосрочныхъ арендъ, способныхъ окупить затраты на постройки. Нельзя, разумѣется, винить въ такомъ исходѣ народныхъ представителей; запруда вѣдь произведена была не въ Думѣ, а въ Совѣтѣ, отклонившемъ всѣ тѣ мѣры, какія были предложены для урегулированія отношеній собственниковъ и съемщиковъ—отношеній, возникшихъ во все еще продолжающуюся переходную эпоху. Сдѣлано это было на томъ основаніи, что законъ не имѣетъ обратной силы и что собственность священна.

Соціальное законодательство должно увеличиться вскорѣ нормами, уравнивающими женщинъ съ мужчинами въ отношеніи къ наслѣдованію; но и на этотъ разъ дѣло обойдется не безъ запруды. Тогда какъ Дума готова пожертвовать родовыми имуществами, въ Совѣтѣ сказываются теченія, благопріятныя сохраненію въ нашемъ законодательствѣ этого пережитка служилаго землевладѣнія, повидимому—въ томъ предположеніи, что оно составляетъ серьезное препятствіе къ обезземеленію дворянскаго сословія.

Желаніе удержать возможно больше архаизмовъ въ нашемъ законодательствѣ сказалось весьма наглядно со стороны верхней палаты и въ отношеніи къ рабочему законодательству. Уголовные законы противъ стачекъ, какъ извѣстно, отмѣнены; но уцѣлѣла въ Уставѣ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, статья, карающая оставленіе отдѣльнымъ рабочимъ службы до срока. Комиссія Государственнаго Совѣта, наперекоръ Думѣ, высказалась за сохраненіе этой статьи, такъ что на практикѣ не разъ можетъ проявиться слѣдующая несообразность: если произвольное число рабочихъ совмѣстно прекратятъ работу, то они не будутъ нести за то никакихъ уголовныхъ послѣдствій; но если каждый изъ нихъ въ отдѣльности сдѣлаетъ соотвѣтствующее заявленіе хозяину, сопровождаемое уходомъ, то имъ грозитъ временное лишеніе свободы. Пока вопросъ еще не рѣшенъ окончательно; будемъ надѣяться, что общее собраніе Государственнаго Совѣта въ большей степени, чѣмъ его комиссія, сочтетъ нужнымъ считаться съ законами логики.

На очереди стоитъ теперь вопросъ объ обезпеченіи не-

обходимаго отдыха прикащикамъ торговыхъ заведеній. Казалось бы, что самая цѣль, преслѣдуемая законопроектомъ, устраняетъ мысль о регулированіи личнаго труда хозяина, не держащаго у себя служащихъ. Число такихъ хозяевъ весьма значительно, прежде всего, разумѣется, въ селахъ, гдѣ они торгуютъ только въ часы, свободные отъ работъ въ полѣ, садѣ и огородѣ. Но селами не ограничивается районъ распространенія такого домашняго торга, столь же трудно регулируемаго властями, какъ и домашняя промышленность. Оказывается, тѣмъ не менѣе, слѣдующее: предложить, чтобы законъ нормировалъ продолжительность торговаго дня только въ заведеніяхъ, гдѣ работаютъ прикащики — равносильно остановкѣ всего хода законодательнаго творчества. Дѣло въ томъ, что и правительство, и Дума, одинаково остановились на мысли, что нѣтъ иного контроля по отношенію къ соблюденію торговцами правила о 12-ти часовой работѣ ихъ прикащиковъ, помимо закрытія торговыхъ заведеній въ теченіе остающихся 12-ти часовъ. Не создавая никакой торговой инспекціи, изъ страха увеличить издержки казны, законопроектъ возлагаетъ всѣ свои надежды на то, что полиція зорко будетъ слѣдить за закрытіемъ магазиновъ и лавокъ въ урочные часы и тѣмъ предупредитъ эксплуатацію труда прикащиковъ ихъ хозяевами. Но полиціи трудно-молъ разбираться въ томъ, какія заведенія обходятся безъ прикащиковъ и потому могутъ считаться свободными отъ правительственнаго контроля. Отсюда то послѣдствіе, что и торгующій лично, самое большее—при содѣйствіи жены и дѣтей, также призванъ давать отчетъ предъ полиціей въ употребленіи своего времени. Идя логически тѣмъ же путемъ, мы дойдемъ до того, что полиція станетъ слѣдить и за работой, производимый, скажемъ, съ помощью пишущей машины или приводимаго электричествомъ въ движеніе парлографа, такъ, что литератору, журналисту и ученому, придется давать ей отчетъ въ своей трудовой жизни. Вѣдь существовалъ же еще въ XVI вѣкѣ законъ, приказывавшій, напримѣръ во Франціи, тушить огни въ положенный часъ. Почему не оживить такихъ порядковъ и въ XX вѣкѣ?! Увидимъ, пожалуй, тогда повтореніе на улицахъ Петербурга той же сцены, которая теперь разыгрывается только на театральныхъ подмосткахъ, когда даютъ оперу Гугеноты. Сопровождаемый пикетомъ солдатъ съ галебардами, полицейскій чиновникъ будетъ выкрикивать, обходя городъ, приказъ жителямъ войти въ свои жилища, тушить огни и ложиться спать.

Въ дѣйствительности эта отдача торгующихъ семей и

одинокихъ хозяевъ на расправу полиціи грозитъ новыми поборами еврейскимъ семьямъ въ Западномъ Краѣ, и безъ того поставленнымъ въ необходимость откупаться отъ начальства. Не оставятъ ихъ теперь въ покоѣ и при малѣйшемъ отступленіи отъ соблюденія воскреснаго отдыха.

Провести демаркаціонную линію между крупною промышленностью и мелкою, остающеюся безъ правительственнаго контроля, не менѣе трудно, чѣмъ выдѣлить изъ торговыхъ лавокъ и заведеній тѣ, въ которыхъ обмѣнъ производится исключительно самимъ хозяиномъ и его домочадцами. Такъ гласитъ, по крайней мѣрѣ, правительственная версія. На дѣлѣ же вопросъ представляется несомнѣнно болѣе простымъ. За границами правительственной инспекціи должны, очевидно, остаться только отправляемыя тѣсной семьей предпріятія, какъ торговаго, такъ и промышленнаго характера. То же можетъ быть сказано и по вопросу о страхованіи рабочихъ и служащихъ отъ несчастныхъ случаевъ. Есть основаніе думать, что семья не оставитъ на произволъ судьбы одного изъ своихъ членовъ въ случаѣ причиненія ему на работѣ увѣчья. Отсюда возможность не включать въ число страхуемыхъ отъ несчастныхъ случаевъ участниковъ въ домашней промышленности. Ее нельзя отождествлять ни съ кустарной, нерѣдко орудующей поступающимъ къ ней со стороны торговымъ капиталомъ и питающей своими продуктами какъ близкіе, такъ и отдаленные рынки. Нѣтъ также причинъ не распространять страхованія на ремесленныя заведенія, которыя, къ тому же, не легко отличить отъ промышленныхъ, особенно въ томъ случаѣ, когда они дѣйствуютъ съ помощью машинъ и механическихъ двигателей. Совершенно искусственной является также попытка ограничить районъ дѣйствія обязательнаго страхованія только такими промышленными заведеніями, въ которыхъ участвуютъ по меньшей мѣрѣ 30 рабочихъ — при отсутствіи машинъ и механическихъ двигателей, и 20—при ихъ наличности. Въ такихъ условіяхъ предпринимателю, не желающему войти въ тотъ союзъ круговой поруки, какой предполагаетъ созданіе страховыхъ товариществъ, остается только уменьшить на одного человѣка число своихъ рабочихъ помощниковъ, чтобы перевести свое заведеніе въ категорію свободныхъ отъ страхованія предпріятій. А между тѣмъ на этой, чисто формальной точкѣ зрѣнія остановился поступившій изъ Думы законопроектъ. Въ немъ не было сказано ни слова о ремесленныхъ заведеніяхъ; но въ верхней палатѣ поднятъ вопросъ о томъ, распространяется ли и на нихъ дѣйствіе системы обязательнаго страхованія; мини-

стерству торговли предложено было сдѣлать примѣчаніе къ ст. 1, гласящее: «дѣйствію сего положенія (т. е. положенія о страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ) подчиняются тѣ ремесленныя заведенія, на которыя распространены правила о фабричной инспекціи и въ которыхъ число рабочихъ не меньше 20, т. е. то же, что и въ фабрично-заводскихъ.

Проектъ о страхованіи рабочихъ, въ общемъ, составленъ несравненно лучше проекта о трудѣ служащихъ въ торговыхъ заведеніяхъ. Работа надъ нимъ началась еще въ годъ освободительнаго движенія; тогдашній министръ торговли приложилъ много труда къ тому, чтобы приспособить нѣмецкую систему страхованія рабочихъ къ русскимъ условіямъ. Съѣздъ представителей промышленности и торговли, созванный нѣсколько лѣтъ спустя, внесъ въ законопроектъ требованіе о распространеніи страхованія и на тѣ фабрично-заводскія предпріятія, въ которыхъ имѣются не одни механическіе, но и животные двигатели. Тотъ же съѣздъ указалъ на невозможность изъять отъ дѣйствія закона казенныя управленія, общества желѣзныхъ дорогъ общаго пользованія, а также предпріятія, принадлежащія земствамъ и городамъ. Дума приняла далеко не всѣ эти предложенія съѣзда въ поступившемъ изъ нея въ Совѣтъ проектѣ, съ которымъ правительство объявляетъ себя вполнѣ солидарнымъ, говорится только о подчиненіи закону о страхованіи и фабрично-заводскихъ заведеній, устраиваемыхъ земствами и городами. Съѣздъ представителей промышленности и торговли призналъ также желательнымъ распространеніе обязательнаго страхованія на всѣ виды труда, разъ съ отправленіемъ ихъ связанъ извѣстный рискъ, а не на одни лишь перечисленные въ законопроектѣ рабочіе и служащіе на фабрикахъ и заводахъ, на горныхъ и горно-заводскихъ промыслахъ на желѣзныхъ дорогахъ, пароходахъ и трамваяхъ; онъ считалъ своевременнымъ и цѣлесообразнымъ предоставить страховымъ товариществамъ факультативное право учреждать у себя страхованіе и такихъ формъ труда, которыя не сдѣлались пока предметомъ законодательной защиты. Тѣмъ самымъ предоставлено было бы владѣльцамъ фабрикъ, заводовъ и всякаго рода промышленныхъ и торговыхъ заведеній, возможность страховать и тѣхъ рабочихъ, о которыхъ пока не заходило рѣчи. Изъ этихъ пожеланій въ комиссіи по рабочему вопросу принято только «послѣдовательное, въ ближайшее время, расширеніе круга лицъ (изъ числа живущихъ отдачей труда въ наемъ), подлежащихъ дѣйствію проектируемаго закона, и, въ частности, представленіе въ

ближайшее время на одобреніе законодательныхъ учрежденій законопроекта о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ рабочихъ и служащихъ въ желѣзнодорожныхъ предпріятіяхъ (желѣзныя дороги общаго пользованія)».

Ни въ правительственномъ проектѣ, ни въ сдѣланныхъ къ нему Думою поправкахъ, не сказано ни слова по поводу справедливаго заявленія, сдѣланнаго съѣздомъ представителей промышленности на счетъ необходимости привлечь, на ряду съ предпринимателями, къ страхованію рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ и лицъ, берущихъ подряды на исполненіе фабрично-заводскихъ работъ, работъ по горнымъ и нефтяному промысламъ, по желѣзнодорожнымъ, трамвайнымъ и судоходнымъ предпріятіямъ. Подрядчикъ—значится въ постановленіяхъ съѣзда—очень часто является спеціалистомъ по производству извѣстныхъ работъ, къ которому поэтому и прибѣгаетъ предприниматель, считая себя лично недостаточно компетентнымъ. Если отвѣтственность по страхованію за нанятыхъ подрядчикомъ рабочихъ оставлена будетъ за предпринимателемъ, вѣроятно наступленіе такихъ порядковъ, при которыхъ владѣлецъ предпріятія поставленъ будетъ въ невозможность вести правильный учетъ числу рабочихъ, нанимаемыхъ подрядчикомъ; онъ не будетъ даже въ состояніи ознакомиться съ дѣйствительнымъ размѣромъ ихъ заработной платы, такъ какъ въ договорахъ о подрядныхъ работахъ рѣчь идетъ только о платѣ, производимой предпринимателемъ самому подрядчику. Такимъ образомъ при возложеніи обязанности страхованія рабочихъ подрядчика на владѣльца предпріятія, послѣдній вынужденъ былъ бы прибѣгать чуть не къ сыску для полученія нужныхъ свѣдѣній о дѣйствительномъ числѣ занятыхъ подрядчикомъ рабочихъ и о размѣрѣ платимаго имъ вознагражденія, такъ какъ имъ долженъ опредѣляться и размѣръ страховой преміи. При такомъ положеніи дѣла едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что владѣльцы предпріятій поставлены будутъ въ необходимость не прибѣгать къ помощи подрядчиковъ-спеціалистовъ. Возложеніе обязанности страхованія рабочихъ подрядчика на владѣльцевъ предпріятій способно, такимъ образомъ, только тормозить естественное раздѣленіе труда, его спеціализацію, а это не въ интересахъ ни промышленности, ни всего народнаго хозяйства.

Къ числу положительныхъ сторонъ законопроекта о страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ надо отнесть распространеніе имъ страхованія на всѣ виды несчастныхъ случаевъ, за исключеніемъ тѣхъ, какіе вызваны злымъ умысломъ рабочихъ. Прежде допускалось изъятіе и для поврежденій, вызванныхъ

явной неосторожностью, что давало поводъ широкому произволу при обсужденіи причинъ наступленія несчастнаго случая; въ настоящее время это изъятіе отпало, какъ отпало оно въ другихъ законодательствахъ прогрессивнаго типа, въ томъ числѣ германскомъ и австрійскомъ.

Къ недостаткамъ новаго законопроекта надо отнесть и заимствованное имъ изъ германскаго законодательства правило о 13 недѣльномъ срокѣ, слѣдующемъ за причиненіемъ увѣчья, понижающаго работоспособность—срока, въ теченіе котораго какъ лѣченіе такъ и содержаніе потерпѣвшаго падаетъ на больничныя кассы. Эти издержки покрываются не одними предпринимателями, какъ издержки страхованія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, но въ значительной части и исполнителями труда.

При опредѣленіи размѣра слѣдующаго потерпѣвшимъ вознагражденія, другими словами—страховой пенсіи, въ основаніе расчета положено число 260 дней, значительно меньшее противъ того, какое принято въ Германіи и Австріи и не отвѣчающее тому, какое мы находимъ въ дѣйствительности. По вѣрному замѣчанію д-ра Вигдорчика, автора недавней книги «О соціальномъ страхованіи», однимъ изъ главныхъ упущеній, сдѣланныхъ русскимъ законодателемъ, надо считать отсутствіе у насъ серьезной экспертизы въ случаяхъ понесенныхъ рабочими увѣчій. Многіе изъ тѣхъ врачей, на которыхъ возлагается обязанность безвозмездно давать свои заключенія насчетъ размѣра потерянной рабочимъ трудоспособности, служатъ въ промышленныхъ и страховыхъ предпріятіяхъ, а это обстоятельство мѣшаетъ, разумѣется, потерпѣвшему относиться къ ихъ заключенію съ достаточнымъ довѣріемъ. Отсутствіе въ законѣ опредѣленныхъ указаній относительно организаціи экспертизы повело къ тому, что на практикѣ въ этой области воцарился полный хаосъ: и рабочіе, и предприниматели, и страховыя общества, и фабричные инспектора, и врачи, всѣ въ одинъ голосъ вопіютъ о необходимости планомѣрной организаціи экспертизы; но ея въ разбираемомъ нами проектѣ все еще нѣтъ.

Въ бѣгломъ очеркѣ, каковъ настоящій, мы не коснулись и сотой части вопросовъ, связанныхъ съ правильной постановкой страхованія. Верхняя палата только приступила къ разбору поступившаго къ ней изъ Думы проекта. Болѣе обстоятельную оцѣнку ея дѣятельности въ отношеніи къ страхованію надо отложить до того момента, когда законопроектъ выйдетъ восполненнымъ или, быть можетъ, урѣзаннымъ изъ общихъ засѣданій Государственнаго Совѣта.

Проектъ реформы наслѣдственнаго права, въ смыслѣ ура-

вненія обоихъ половъ, едва ли, насколько дѣло касается благопріобрѣтенныхъ имуществъ, встрѣтитъ большія препятствія при своемъ прохожденіи въ верхней палатѣ; но того же нельзя сказать относительно той части его, которая задѣваетъ судьбу родовыхъ имуществъ. Въ нашемъ привилегированномъ сословіи все еще держится представленіе, что родовыя имущества являются серьезной защитой противъ обезземеленія дворянства. Быстрый ростъ крестьянскаго землевладѣнія въ ущербъ дворянскому, сказавшійся въ грандіозной цифрѣ 20,000,000 десятинъ, пріобрѣтенныхъ крестьянами въ частную собственность, переходъ старыхъ помѣщичьихъ гнѣздъ съ барскими усадьбами въ руки Колупаевыхъ и Разуваевыхъ, могъ бы повидимому, породить сомнѣніе въ томъ, чтобы, при свободѣ продажи родовыхъ имѣній, ихъ мнимая неотчуждаемость другимъ лицамъ, помимо родственниковъ продавца, служила серьезнымъ препятствіемъ къ сокращенію размѣровъ дворянскаго землевладѣнія. Мнѣ извѣстны случаи, въ которыхъ желавшіе распорядиться на случай смерти своими родовыми имуществами въ пользу благотворительныхъ или общеполезныхъ учрежденій, продавали землю людямъ, заслужившимъ ихъ довѣріе, покупали ее потомъ у нихъ на правахъ благопріобрѣтеннаго имущества и въ концѣ концовъ дарили и завѣщали ее кому имъ было желательно. Ни для кого не тайна, что возможность выкупа родственниками проданнаго родового имущества понижаетъ его цѣну на рынкѣ и тѣмъ вредитъ интересамъ дворянъ-землевладѣльцевъ. Не менѣе извѣстны частые обходы закона продавцами и покупателями, соглашающимися указать въ купчей цѣну значительно больше той, за которую послѣдовала сдѣлка. Дѣлается это съ тѣмъ, чтобы отнять у родственниковъ охоту выкупить разъ проданное имущество. А сколько случаевъ можно привести обремененія наслѣдства долгами въ пользу женскихъ членовъ семьи, вслѣдствіе чего мужчина-наслѣдникъ получаетъ голую землю безъ необходимаго для ея утилизаціи капитала. Чтобы разсчитаться съ сонаслѣдниками по векселямъ, новый собственникъ поставленъ бываетъ въ необходимость продать имѣніе нерѣдко даже по низкой цѣнѣ. Съ точки зрѣнія интересовъ народнаго хозяйства можно только привѣтствовать всякія мѣры, направленныя къ тому, чтобы земля сосредоточивалась въ рукахъ людей или лично ее воздѣлывающихъ, или способныхъ повысить ея доходность, влагая въ нее капиталъ и тѣмъ повышая ея производительность. Ни къ той, ни къ другой категоріи, нельзя отнести мужчинъ-наслѣдниковъ родового имущества, сестрамъ которыхъ умершій, съ цѣлью ихъ уравненія

съ братьями, передалъ всѣ свои сбереженія. А между тѣмъ, при невозможности сдѣлать ихъ наслѣдницами въ родовомъ имуществѣ иначе, какъ въ допускаемыхъ закономъ крайне скромныхъ доляхъ, отцу, любящему равной любовью всѣхъ своихъ дѣтей, остается только одно: передать въ руки сыновей имѣніе, часто безъ необходимаго инвентаря, а въ руки дочерей—всю движимость. Я не надѣюсь на то, чтобы эти соображенія убѣдили тѣхъ дворянскихъ избранниковъ, которые видятъ въ существованіи родовыхъ имуществъ «нѣчто отвѣчающее природному чувству» и, повидимому, смѣшиваютъ вполнѣ понятную заботливость родителя о будущемъ его семьи съ не отвѣчающей современнымъ условіямъ необходимостью обезпечивать благосостояніе разсѣянныхъ по всей имперіи и часто неизвѣстныхъ наслѣдодателю отдаленнѣйшихъ родственниковъ. Семейное чувство подсказало, однако, еще современникамъ Петра враждебное отношеніе къ началу единонаслѣдія, которое, разумѣется, въ гораздо большей степени, чѣмъ родовыя имущества, могло сдѣлаться препятствіемъ къ обезземеленію служилаго сословія. Мнѣ понятенъ тотъ политическій расчетъ, который подсказалъ царю-реформатору мысль о введеніи у насъ подобія западно-европейскихъ маіоратовъ: необходимо было обезпечить непрерывное и неукоснительное несеніе дворянствомъ государевой службы. Но Петръ III освободилъ дворянъ отъ ихъ служебной повинности; помѣстная система обветшала, а съ нею исчезло и ближайшее основаніе къ сохраненію въ нашемъ законодательствѣ того архаизма, того пережитка иной эпохи, какимъ въ наши дни являются родовыя имущества.

Мы обозрѣли, можно сказать съ птичьяго полета, тѣ вопросы, которые подлежатъ въ настоящее время обсужденію нашей верхней палаты. Мы, можетъ быть, вернемся къ нимъ, когда ею вынесены будутъ окончательныя рѣшенія и согласительнымъ комиссіямъ обѣихъ камеръ удастся или не удастся внести въ эти рѣшенія существенныя перемѣны. Теперь мы имѣемъ въ виду остановить на болѣе продолжительное время вниманіе читателя на вопросѣ, на половину погребенномъ — на вопросѣ о правѣ застройки. Я говорю, что этотъ вопросъ погребенъ на половину, такъ какъ мнѣ трудно допустить, чтобы Дума согласилась принять возвращающійся къ ней искалѣченный проектъ. Еслибы дѣло отъ меня зависѣло, я бы приложилъ разумѣется все стараніе къ тому, чтобы убѣдить ее въ необходимости сколько-нибудь регулировать вызванныя жизнью отношенія, хотя бы въ формѣ несовершеннаго закона, усѣченнаго Совѣтомъ и оставляющаго на произволъ судьбы, или, точнѣе, земельныхъ собственни-

ковъ, всю массу теперешнихъ фактическихъ застройщиковъ. Это было бы не только въ интересахъ тѣхъ, кто снимаетъ землю для возведенія на ней зданій и жилищъ, но также въ интересахъ мало обезпеченныхъ людей, которые ищутъ дешевыхъ квартиръ, хотя бы въ отдаленныхъ кварталахъ и предмѣстьяхъ. Не только въ Западномъ Краѣ, въ какомъ-нибудь Бердичевѣ или Витебскѣ, но и въ центрѣ государства, въ Москвѣ, на югѣ Россіи и въ отдаленной Сибири, на протяженіи желѣзно-дорожныхъ путей или въ окрестностяхъ торговыхъ центровъ, возникаютъ цѣлыя поселенія или отстраиваются новые посады и пригороды на земляхъ, принадлежащихъ, въ большинствѣ случаевъ, помѣщикамъ, а иногда и зажиточнымъ крестьянамъ. Въ Витебскѣ, гдѣ вслѣдствіе искусственнаго скучиванія въ чертѣ еврейской осѣдлости послѣдователей Моисеева закона исключительно въ городахъ и мѣстечкахъ, пришлое населеніе, составленное по преимуществу изъ русскихъ крестьянъ и мѣщанъ, частью старообрядцевъ, частью православныхъ, нашло возможность устроиться на постоянное жительство только благодаря тому, что на подгородныхъ земляхъ ему позволено было воздвигнуть дома и устроить жилища на снятыхъ въ аренду участкахъ. Русскими заключены были краткосрочныя сдѣлки въ увѣренности, что контракты будутъ возобновлены на прежнихъ условіяхъ. Но едва распространилась вѣсть о томъ, что законодательныя палаты заняты вопросомъ о созданіи у насъ долгосрочныхъ арендъ по образцу тѣхъ, какія существуютъ на Западѣ, во многихъ государствахъ Германіи, въ Бельгіи и Англіи, и имѣютъ задачей обратить пустыри въ застроенные городскіе кварталы, какъ собственники, при возобновленіи договоровъ, стали предъявлять требованія о повышеніи ренты и о поступленіи къ нимъ въ концѣ срока безвозмездно воздвигнутыхъ застройщиками зданій. Въ моихъ рукахъ имѣется рядъ договоровъ подобнаго рода, подписанныхъ сравнительно недавно и рѣзко отличающихся по своему содержанію отъ тѣхъ, какіе на тѣ же земли заключены были двѣнадцатью годами ранѣе. Государственный Совѣтъ не счелъ возможнымъ примѣнить къ этимъ сложившимся въ обходъ закона долгосрочнымъ или, точнѣе, обязательно-возобновляемымъ сдѣлкамъ нормы выработаннаго имъ закона о застройкѣ и тѣмъ самымъ отступилъ отъ издавна установившейся практики, по которой, при проведеніи той или иной реформы, законодатель всегда считался съ необходимостью нормировать условія переходной эпохи отъ старыхъ порядковъ къ новымъ. Для примѣра напомню хотя бы постановленія, принятыя закономъ

19 февраля 1861 г. по отношенію къ крестьянамъ, не перешедшимъ сразу на выкупъ. Мнѣ трудно понять причины, по которымъ установленіе такихъ новыхъ порядковъ, создаваемыхъ вводимымъ у насъ правомъ застройки, можетъ обойтись безъ временныхъ правилъ; въ нихъ законодатель призналъ бы юридическія отношенія, сложившіяся ранѣе путемъ обычая, независимо и въ виду отсутствія регулирующаго ихъ закона. Никто не оспариваетъ того, что, въ виду невозможности на основаніи дѣйствующаго права заключать договоры о наймѣ недвижимаго имущества на срокъ болѣе 12 лѣтъ, стороны не разъ входили между собою, при заключеніи арендныхъ контрактовъ, въ соглашеніе на счетъ ихъ немедленнаго возобновленія на такой же срокъ, или на рядъ такихъ же сроковъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ фактически невозможнымъ сдѣлалось бы осуществленіе самой задачи, какую преслѣдуетъ договоръ о съемѣ незастроенной земли подъ цѣнную постройку. Воздвигнуть домъ въ расчетѣ на использованіе его въ теченіе всего на всего 12 лѣтъ такъ, чтобы вернуть весь затраченный капиталъ и, сверхъ того, получить достаточную прибыль, фактически невозможно; для этого необходимо, чтобы снимающій былъ обезпеченъ въ болѣе продолжительномъ, чѣмъ 12 лѣтъ наймѣ имущества, поступающаго подъ застройку. Какъ указала практика, сплошь и рядомъ въ окрестностяхъ лежащихъ на желѣзнодорожномъ пути губернскихъ и промышленныхъ центровъ возникали и возникаютъ такого рода соглашенія. Такъ въ ближайшей округѣ города Витебска, въ виду законодательнаго запрета долгосрочныхъ, заключались сплошь и рядомъ краткосрочные контракты. Съемщики земли надѣялись на то, что ихъ не обидятъ при возобновленіи договора, и имѣли въ виду установленіе отношеній несравненно болѣе длительныхъ, чѣмъ указанныя въ самомъ договорѣ. Членъ Государственнаго Совѣта отъ Витебской губерніи Офросимовъ упоминаетъ о договорахъ, возобновляемыхъ въ теченіе многихъ лѣтъ, такъ что отецъ и дѣдъ нынѣшняго пользователя снимали уже тѣ же участки, возводили на нихъ зданія, затрачивали новыя суммы на перестройку послѣднихъ и, слѣдовательно, находились въ условіяхъ долгосрочныхъ арендаторовъ. «Огромный процентъ застройщиковъ—пишетъ г. Офросимовъ въ своемъ особомъ мнѣніи,—держатъ земли въ Витебской губерніи въ преемствѣ отъ дѣдовъ и отцовъ». Мы имѣемъ, такимъ образомъ, передъ собою характерный примѣръ тѣхъ отношеній, о которыхъ кассаціонный сенатъ не разъ имѣлъ случай высказываться, обозначая ихъ выраженіемъ «при-

творныя сдѣлки» и опредѣляя ихъ природу словами: «сдѣлки, прикрывающія собою другое, дѣйствительно состоявшееся между сторонами договорное соглашеніе». Такія сдѣлки кассаціонный сенатъ, какъ видно изъ нѣкоторыхъ его рѣшеній, принятыхъ и въ 1891-мъ году (№ 62), и въ 1906-мъ (№ 45), не признаетъ чѣмъ-то неподлежащимъ исполненію. При заключеніи притворныхъ договоровъ—читаемъ мы въ одномъ изъ выше мною упомянутыхъ кассаціонныхъ рѣшеній,—стороны обнаруживаютъ дѣйствительное намѣреніе вступить въ сдѣлку иного характера, чѣмъ та, которая формально отвѣчаетъ заглавію подписаннаго ими контракта. Разъ на судѣ будетъ установлено содержаніе этого дѣйствительно состоявшагося между сторонами соглашенія, то имъ и замѣняется «притворная сдѣлка», выраженная въ письменномъ актѣ. Это въ дѣйствительности послѣдовавшее соглашеніе не считается ничтожнымъ потому только, что стороны прикрыли его другой сдѣлкой. Такими «притворными договорами» являются и тѣ, которые заключаемы были по отношенію къ съему недвижимаго имущества подъ выстройку, на короткіе сроки, но съ подразумѣваемымъ или явно выраженнымъ обязательствомъ возобновить ихъ въ будущемъ. Не имѣй съемщики увѣренности на этотъ счетъ, они не могли бы взяться за возведеніе зданій и жилищъ, которыя не въ состояніи окупить затратъ, на нихъ сдѣланныхъ, въ короткій срокъ. Если законъ о застройкѣ не будетъ заключать въ себѣ правилъ, регулирующихъ только что указанныя отношенія, хотя бы въ томъ направленіи, въ какомъ они регулировались обычаемъ во Франціи Стараго Порядка, гдѣ—при возможности для собственника во всякое время вернуть въ свои руки сданную подъ выстройку землю (отсюда и названіе сдаваемаго участка domaine congéable), — признавалось право застройщика получить вознагражденіе полностью за возведенныя имъ зданія, то можно опасаться, что новый законъ сдѣлается источникомъ разоренія весьма значительнаго числа малосостоятельныхъ людей, въ томъ числѣ поселенцевъ-русскихъ. Въ самомъ дѣлѣ, возможность сдать въ настоящее время болѣе выгодно чѣмъ прежде, земли, на которыхъ возвышаются поставленныя застройщиками зданія, побудитъ собственниковъ не возобновлять сдѣлки со своими прежними арендаторами. По полученнымъ мною свѣдѣніямъ, одного слуха о томъ, что вторая часть законопроекта о правѣ застройки можетъ быть отвергнута Государственнымъ Совѣтомъ, было достаточно для того, чтобы вызвать въ Витебскихъ домовладѣльцахъ арендаторахъ опасеніе, не грозитъ ли имъ «окончательное ра-

зореніе, массовое обнищаніе, въ виду неизбѣжнаго выселенія ихъ по приговору судебной власти семьями на улицу и на морозы». Они справедливо боятся того, что новый законъ, при непринятіи его второй части Государственнымъ Совѣтомъ, только ухудшитъ ихъ положеніе. Такія мысли приходятъ на умъ не однимъ частнымъ лицамъ, но и уполномоченнымъ отъ десятковъ, а можетъ быть и сотни тысячъ домовладѣльцевъ-арендаторовъ, большинство которыхъ принадлежитъ къ православнымъ или старообрядцамъ. Я не могу сказать, чтобы высказываемыя ими опасенія казались мнѣ фантастичными, или чтобы законодатель имѣлъ нравственное право не считаться съ ними.

Всѣ только что высказанныя соображенія были высказаны мною при обсужденіи законопроекта въ общемъ засѣданіи Государственнаго Совѣта. Несмотря на то, что правительство, въ лицѣ товарища министра внутреннихъ дѣлъ, Лыкошина, рѣшительно выступило въ защиту правъ теперешнихъ застройщиковъ, опровергая всѣ направленные противъ нихъ юридическіе доводы, несмотря на то, что такой авторитетный юристъ, какъ Д. Д. Гриммъ, въ свою очередь опровергъ съ трибуны тѣ положенія, какія приводимы были противъ проекта лицами, видѣвшими въ немъ посягательство на право собственности и попытку дать законопроекту обратную силу, двѣ трети членовъ верхней палаты отказались перейти къ постатейному обсужденію второй части законопроекта.

Такое рѣшеніе не могло, разумѣется, не вызвать горячаго протеста со стороны теперешнихъ застройщиковъ, особенно тамъ, гдѣ, какъ въ Москвѣ, они организованы въ общество домовладѣльцевъ-арендаторовъ. 27-го ноября, какъ сообщаетъ «Русское Слово«, созвано было чрезвычайное собраніе ихъ. Открывшій его А. К. Андреевъ въ длинной рѣчи подробно, шагъ за шагомъ, прослѣдилъ всю судьбу законопроекта. Еще въ періодъ первой Думы московскіе застройщики обратились къ бывшему тогда во главѣ правительства И. Л. Горемыкину съ ходатайствомъ выработать законопроектъ въ защиту ихъ интересовъ. Одновременно о томъ же просили они и московскихъ депутатовъ первой Думы — покойнаго предсѣдателя ея С. А. Муромцева и Ѳ. Ѳ. Кокошкина. Но г. Горемыкинъ положилъ ихъ прошеніе «подъ сукно», а Государственная Дума была распущена.

Сочувственно отнесся къ застройщикамъ покойный П. А. Столыпинъ. Но тутъ встрѣтилось новое препятствіе. На запросъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ московскую городскую думу о положеніи застройщиковъ и о желательности изданія въ ихъ

пользу особаго закона, московскіе «отцы города» отвѣтили черезъ годъ и два мѣсяца. Годъ правительство вырабатывало законопроектъ и наконецъ внесло его, въ 1908-мъ году, въ Государственную Думу. Здѣсь опять два года «работала» надъ нимъ думская комиссія и обсуждала Дума. Наконецъ, законопроектъ поступилъ въ Государственный Совѣтъ и ровно черезъ годъ вышелъ изъ него въ исковерканномъ и урѣзанномъ видѣ.

Образно нарисовалъ А. К. Андреевъ картину своихъ мытарствъ и хожденій по министерствамъ, депутатамъ Думы и членамъ Совѣта для «ускоренія» тернистаго пути своего дѣтища, какъ назвалъ ораторъ законопроектъ о правѣ застройки. П. Н. Дурново сказалъ въ совѣтѣ, что, если принять законопроектъ, то пострадаютъ интересы крестьянъ, которые въ большинствѣ случаевъ являются собственниками сдаваемой подъ постройку земли. Я вамъ перечислю,—иронизируетъ А. К. Андреевъ,—какіе крестьяне сдаютъ землю въ Москвѣ и ея окрестностяхъ. Это, прежде всего, городская дума—50 милліоновъ сажень, затѣмъ дворцовое и удѣльное вѣдомства, церкви и монастыри, графъ Шереметевъ, Пыховъ, Громовъ, Трындинъ и другіе. Вотъ они, эти «крестьяне», которыхъ будутъ обижать застройщики!

Члены общества весьма критически относятся и къ первой части законопроекта, справедливо указывая, напримѣръ, на то, что право застройки не распространено имъ на земли дворцовыя, удѣльныя и даже казенныя, а это обездоливаетъ массу московскихъ арендаторовъ. Мы бы могли въ свою очередь указать на рядъ другихъ несовершенствъ новаго закона. Отмѣтимъ хотя бы произвольное распространеніе на арендные договоры той исключительной нормы, какая была принята нашимъ правительствомъ по отношенію къ польскому землевладѣнію въ Западномъ Краѣ. Извѣстно, что полякамъ не дозволена покупка имѣній, принадлежащихъ русскимъ; но изъ этого не слѣдуетъ, что надо ограничивать право русскихъ землевладѣльцевъ въ отношеніи къ сдачѣ ихъ недвижимостей въ долгосрочную аренду полякамъ. Этотъ совершенно невѣроятный выводъ сдѣланъ былъ, однако, составителями законопроекта: они вздумали ограничить размѣръ участковъ, поступающихъ на основаніи его къ полякамъ-арендаторамъ, тремя десятинами. Государственный Совѣтъ пошелъ еще далѣе и прямо отнялъ у русскихъ возможность сдавать свои земли полякамъ подъ постройку.

И все же я не могъ бы подать голоса за то, чтобы вся законодательная работа по праву застройки пошла на смарку.

Какъ ни несовершененъ законъ, но все же имъ вводится въ

русскую жизнь новый и необходимый для нея институтъ долгосрочной, на 99 лѣтъ, аренды. За съемщикомъ признается право, не спрашивая собственника, обезпечивать кредитныя сдѣлки снятымъ у него имуществомъ и проводится принципъ вознагражденія арендаторовъ за возведенныя ими зданія; а этого одного достаточно, чтобы смотрѣть на новый законъ, какъ на серьезное восполненіе существующаго законодательства о наймѣ недвижимыхъ имуществъ.

Максимъ Ковалевскій.

НА СНѢЖНОЙ ВЕРШИНѢ.

(Der Wetterwart).

Романъ І. Ц. Геера.

Переводъ съ нѣмецкаго З. Журавской.

I.

Торжественный вечерній свѣтъ стоитъ надъ горами. Огненнымъ колесомъ опускается солнце за далекія западныя вершины. Матовымъ серебромъ отливаетъ гладь озера на равнинѣ, которую сумерки постепенно окутываютъ голубоватымъ покровомъ. На берегахъ этого озера сегодня весело праздновали первый день сбора винограда. Я долго смотрѣлъ въ свою подзорную трубу на веселый муравейникъ внизу, на крохотныя фигурки сборщиковъ и сборщицъ винограда, копошившихся въ долинѣ. Теперь всѣ они разошлись по своимъ домамъ и лачугамъ. Тамъ и сямъ блестятъ огоньки; гдѣ огоньковъ много, тамъ ютятся деревушки; гдѣ огоньки слились въ большое свѣтлое пятно, тамъ лежитъ на краю озера большой городъ, Санктъ-Якобъ.

Колокола въ долинѣ съ церковныхъ башенъ призываютъ теперь засыпающій міръ къ молитвѣ. Но въ мое уединеніе на высотѣ не проникаетъ ни единый звукъ. На моемъ утесѣ великая, безпредѣльная тишина.

Я завѣдую Фейерштейнской метеорологической обсерваторіей и не живу жизнью низинъ. Будь я однимъ изъ тѣхъ жалкихъ существъ, которымъ скучно безъ людей, я не поселился бы на горѣ. Но къ человѣческой породѣ и къ жизни людей я при-

глядѣлся внимательнѣй, чѣмъ другіе, и теперь меня уже не тянетъ въ людской муравейникъ. Тѣ, кому я служу, могутъ быть увѣрены въ томъ, что ихъ метеорологъ не сбѣжитъ съ Фейерштейна. Меня приковали къ высотамъ и взятыя на себя обязанности, которыя мнѣ пришлись по душѣ, и моя хромая нога, которую я ненавижу.

Вотъ ужъ семь лѣтъ, какъ я съ больной ногой, тогда еще не совсѣмъ залѣченной, перебрался сюда, въ изгнаніе, въ обсерваторію. День былъ не изъ легкихъ, и начало моей отшельнической жизни далось мнѣ съ трудомъ. Иной разъ я готовъ былъ ревѣть, какъ быкъ, отъ тоски по людямъ и свѣту. Дьяволъ искушалъ меня: «Бросься внизъ съ этой вершины,—шепталъ онъ,—и я снесу тебя въ залитыя свѣтомъ столицы, гдѣ кипитъ жизнь и любовь. Одно слово—и ты будешь гулять по Via Toledo, упиваясь чарами неаполитанскихъ ночей; одно только слово—и ты окунешься съ головою въ парижскій легкій флиртъ или снова въ Каирѣ будешь вращаться въ кругу пашей и беевъ, окруженный женской благосклонностью. «Орелъ!» будутъ онѣ говорить, улыбаясь тебѣ,—и на мигъ забывать о добродѣтели, безсильныя устоять передъ твоей улыбкой.

— Ты лжешь, Сатана!—восклицаю я, весь дрожа.—Развѣ въ твоей власти вернуть мнѣ мою Абигаиль, мою жену, прелестнѣйшее созданіе, краше и нѣжнѣе котораго не видала земля».—«Хуже котораго она не видала»,—издѣвается дьяволъ, корча веселую рожу. Я пристально смотрю въ его полные злорадства глаза. Онъ продолжаетъ гримасничать:—«Пусть она себѣ покоится подъ кипарисами, тамъ, у синяго моря, вмѣстѣ съ своимъ грѣхомъ». И, прикованный къ мѣсту моимъ взглядомъ, вздрагиваетъ и смолкаетъ... Я взглядываю на свою хромую ногу.—Нѣтъ, я не хочу, чтобъ тѣ, кто видѣлъ меня счастливымъ и гордымъ, въ полномъ расцвѣтѣ моей мужской силы, жалѣли меня теперь, когда я сталъ калѣкой. Я не подниму кубка, который я, пресытившись, самъ отшвырнулъ отъ себя. Мятежное сердце смирилось; мнѣ больше не нужно земныхъ наслажденій.

Но вотъ, лучъ осенняго солнца позолотилъ вершины горъ, и вновь безпокойна, снова въ тревогѣ моя душа. За всѣмъ этимъ сіяньемъ и блескомъ, за яснымъ покоемъ, за радостно просвѣтленнымъ, величаво торжественнымъ вечеромъ года, она чуетъ близость зимы, бѣлой альпійской зимы, суровой, безжалостной, чуетъ притаившееся непостижимо-глубокое молчаніе, изсушающее, какъ ядъ, соки жизни. И передъ этимъ надвигающимся великимъ и долгимъ безмолвіемъ робѣетъ трусливое сердце.

Какъ я справлюсь съ этимъ убійственнымъ одиночествомъ, которое тянется отъ осени до весны? Какъ одолѣть это молчанье снѣговъ, чтобъ оно не задушило меня? Вотъ вопросъ.

Мнѣ уже не въ первый разъ приходится зимовать на горахъ; раньше я внимательно слѣдилъ за погодой, составлялъ замѣтки, дѣлалъ довольно цѣнные вклады въ метеорологію. Всякій разъ я передавалъ свои замѣтки метеорологическому обществу въ Санктъ-Якобѣ, всякій разъ ихъ печатали, двое-трое спеціалистовъ отзывались о нихъ съ похвалой; затѣмъ ихъ хоронили въ бездонныхъ шкафахъ библіотекъ. Теперь я уже не въ состояніи заниматься метеорологіей. Приручать мышей—болѣе благодарное занятіе. Но для надвигающейся зимы у меня уже выработанъ планъ, дьявольски соблазнительный, который, чѣмъ дальше, тѣмъ больше улыбается мнѣ. Чтобы не сойти съ ума и не погибнуть на огромномъ зимнемъ кладбищѣ моей вершины, я хочу написать исторію моей жизни, ретроспективный обзоръ того пути, тѣхъ злыхъ и добрыхъ силъ, порывовъ и внѣшнихъ давленій, которые изъ тихаго и робкаго юноши, любившаго всѣмъ сердцемъ свою родину, сдѣлали авантюриста, безпокойнаго бродягу, и, въ концѣ концовъ, чуждающагося людей отшельника горной обсерваторіи.

Да развѣ мнѣ подъ силу будетъ написать такую книгу? Почему же нѣтъ? У меня есть, что сказать—это главное. Кому? Да самому себѣ. Хочу дать отчетъ лишь самому себѣ, но не вамъ, люди глубинъ. Крестьяне и горцы, живущіе вокругъ Фейерштейна, зовутъ меня попросту «мексиканцемъ». И все же, подъ внѣшней полировкой, подъ тѣмъ налетомъ свѣтскости, который наложили на меня годы моихъ скитаній, они чуютъ во мнѣ своего земляка, свою кровь. И на этомъ строютъ легенды, которыя сами изобрѣтаютъ. Каждому, кто только захочетъ ихъ слушать, они разсказываютъ, будто я, полный раскаянія, искупаю, на своемъ одинокомъ посту надъ міромъ и надъ облаками, злое дѣло, свершенное въ гнѣвѣ и оставшееся безнаказаннымъ, ибо руки земнаго правосудія оказались для него слишкомъ короткими. По ихъ словамъ, я тотъ самый злополучный горецъ, что въ юныхъ годахъ, на деревенской вечеринкѣ, изъ-за дѣвушки зарѣзалъ ножемъ цвѣтущаго юношу, сосѣдскаго сына, а потомъ, убоявшись суда, бѣжалъ за море, и много лѣтъ спустя, подъ чужимъ именемъ, снова вернулся на родину.

Вся эта исторія не про меня; вѣрно лишь то, что я въ самомъ дѣлѣ здѣшній уроженецъ, и мое теперешнее имя: *Лео Квифортъ*, привезено мной изъ-за моря. Но я не стремлюсь

разрушить кровавую легенду, которою окутала меня народная молва: она оберегаетъ дѣйствительную тайну моей жизни, которую я, быть можетъ, унесу съ собой въ могилу.

И если нѣтъ крови на рукахъ моихъ, то все же, въ ночныхъ сновидѣніяхъ, снова горятъ мои зажившія и незажившія раны. Я пилъ изъ полныхъ до края чашъ юности и жизни, и изъ высокихъ и таинственныхъ загадокъ бытія ни одна не держала меня въ оковахъ такъ долго и такъ крѣпко, какъ чудеснѣйшее изъ чудесъ: женская любовь. Въ мужчинахъ я всегда разбирался быстро; въ женщинахъ—никогда. Я страдалъ и заблуждался, иначе я не былъ бы буревѣстникомъ, авантюристомъ, утратившимъ все, даже честное имя своихъ отцовъ. Больше всего страдали изъ-за меня тѣ, кто любилъ меня—Дуглора и Абигаиль. Боюсь, что рука моя дрогнетъ, когда лѣтопись дойдетъ до темныхъ страницъ моей жизни. А вѣдь глава о любви еще не доведена до конца.

Ради моей послѣдней и самой чистой любви я добровольно обрекъ себя на изгнаніе и поселился отшельникомъ на высокой горѣ, въ качествѣ завѣдующаго метеорологической обсерваторіей. Когда я думаю о тебѣ, Готлоба, я чувствую, что я, несмотря на сѣдѣющіе усы, еще далеко не одряхлѣлъ, что сердце мое полно огня и еще можетъ пылать любовью, какъ въ юности. И не годы, а впечатлѣнія пережитаго сдѣлали то, что иной разъ въ мою душу закрадывается ощущеніе старости.

Съ хрипѣньемъ въ груди, съ раздробленной ногой, подобрали меня въ горахъ здѣшніе жители, семь лѣтъ тому назадъ. И долго-долго корчился я на одрѣ страданій въ домѣ крестьянина Мельхи Хангштейнера въ Зельматѣ, внутренне бѣснуясь и отъ физической боли, и отъ мысли, что теперь я калѣка и останусь навѣкъ инвалидомъ. И тутъ моей подругой стала Готлоба, дитя горъ, милая, застѣнчивая тринадцатилѣтняя дѣвочка. Со взглядомъ, хватавшимъ за сердце, съ смущенной улыбкой положила она мнѣ на постель горныя дикія розы, алыя, какъ только что расцвѣтшая любовь. Я удержалъ въ своихъ рукахъ робкую смуглую дѣтскую ручку, которую она нерѣшительно протянула мнѣ, и всей своей жадной душой впился въ ея темные глазки и тонкое личико, пытаясь прочесть въ нихъ. «Да, да—это она», прозвучалъ священный голосъ въ душѣ моей и слезы хлынули изъ глазъ. Она испугалась, но вскорѣ робость передъ чужимъ, тяжко больнымъ человѣкомъ исчезла, и въ тепломъ взорѣ Готлобы проснулось довѣріе ко мнѣ, распустившееся какъ цвѣтокъ подъ лучами утренняго лѣтняго солнца. И подъ яснымъ

взоромъ дѣвочки затихла жестокая боль; растерзанная душа моя стала тиха, какъ улыбка ребенка.

Теперь я ничего уже больше не прошу у жизни, какъ только счастья моей Готлобы.

Разумѣется, тутъ сыграло роль и утомленіе жизнью, но главнымъ образомъ изъ переполнившаго мою душу чувства благодарности небу, пославшему мнѣ эту послѣднюю любовь, я рѣшилъ занять мѣсто завѣдующаго метеорологической обсерваторіей на Фейерштейнѣ. Мой предшественникъ былъ убитъ молніей во время грозы. Отъ времени до времени Готлоба отправляется въ горы, навѣстить своего стараго друга. Только два лѣта я не видалъ ея, когда Хангштейнеръ, по моему настоянію, переселилъ ее изъ родныхъ сосновыхъ лѣсовъ въ городъ Якобъ, чтобы суровое дитя горъ хоть немного узнало жизнь и людей. Она вернулась свѣжей и прелестной, какъ горный цвѣтокъ генціана. Теперь ей двадцать лѣтъ. Изъ лучистыхъ темныхъ глазъ подъ длинными рѣсницами свѣтится чуткая и благородная душа. Въ ней совершенно нѣтъ грубоватости Хангштейнера, но зато безконечно много материнскаго, перешедшаго къ ней отъ красавицы Дуглоры.

Готлоба, дитя, какъ хотѣлось бы мнѣ видѣть тебя! Я увѣренъ, ты готовишь мнѣ радость—въ одинъ изъ послѣднихъ дней осени ты придешь ко мнѣ, поднимешься въ мою обсерваторію своей легкой походкой, словно плывущей по воздуху. Въ хижинѣ отшельника зазвучатъ твой смѣхъ и звонкая пѣснь твоей молодости. Мы снова будемъ болтать, какъ прежде. И, когда ты уйдешь, я ужъ не стану бояться зимы: я стойко буду бороться съ злыми духами одиночества и спокойно ждать, пока весна съ цвѣтами и птичьими пѣснями снова вскарабкается на зубцы моихъ вершинъ, а до того писать исторію моей жизни.

Готлобу проводитъ ко мнѣ молодой учитель изъ Зельмата, Гансъ Штюнци. Онъ тоже чудеснѣйшій малый.

Тоскуя по этимъ двумъ милымъ людямъ, я вышелъ изъ своей хижины, прилѣпившейся къ стѣнѣ утеса, и поднялся по подземной лѣстницѣ, ведущей въ домикъ на самой вершинѣ, гдѣ помѣщается вѣтромѣръ. Подобно голосу ѳиванскихъ статуй, звучала желѣзная пирамида тригонометрическаго сигнала на шпицѣ подъ напоромъ ночного вѣтра. Отвернувшись отъ широкаго, вольнаго міра холмовъ, озеръ, деревень, виноградниковъ и фруктовыхъ садовъ, который днемъ тянется на огромное пространство вплоть

до послѣдней голубой полоски на сѣверѣ, ночью же блеститъ, какъ коверъ изъ электрическихъ огоньковъ, я съ высоты Фейерштейна смотрѣлъ въ долину, въ мрачное ущелье, зажатое между горами. Три-четыре группы огоньковъ на темномъ фонѣ. Это— Зельматъ.

Въ хорошую погоду и для здоровыхъ ногъ достаточно трехъ часовъ, чтобы спуститься въ это ущелье. Что это мнѣ вдругъ пришло въ голову? Не хочу я спускаться: я живу и умру на горѣ; а тамъ, снесутъ ли меня окрестные жители внизъ и похоронятъ, какъ всѣхъ, на кладбищѣ, или же выдолбятъ мнѣ могилу въ скалахъ Фейерштейна—это мнѣ безразлично. Въ тѣ далекія времена, когда народъ еще зажигалъ жертвенные огни передъ алтарями своихъ боговъ, моя вершина была священной горой, на которой жрецы зажигали молитвенные костры. Оттого и зовется она Фейерштейномъ—Огненнымъ камнемъ. За тысячу лѣтъ не настолько же она утратила свою святость, чтобы нельзя было меня похоронить на этой горѣ.

Изъ Зельмата люди привычные, вродѣ моей Готлобы и молодого учителя, въ теченіе четырехъ часовъ легко поднимаются до самой вершины.

Гансъ Штюнци дѣйствительно толковый молодой человѣкъ, съ размахомъ, широкая натура. У него множество проектовъ, и плановъ, и только бѣдность и скромность его положенія связываютъ ему крылья и мѣшаютъ занять видное мѣсто за большимъ станкомъ жизни. Помимо своего учительства, онъ завѣдуетъ почтой и телеграфомъ въ Зельматѣ; онъ же ведетъ наблюденія надъ погодой въ долинѣ, по порученію горной метеорологической обсерваторіи, и снабжаетъ меня провизіей; кромѣ Готлобы, это единственный человѣкъ, который глубоко мнѣ преданъ и заботится обо мнѣ искренне и сердечно. Два года тому назадъ, зимою, когда лавиной повредило проволоки, соединяющія меня съ Зельматомъ, и я оказался отрѣзаннымъ отъ міра, кто черезъ два дня, съ опасностью жизни и нечеловѣческими усиліями, добрался до забытаго Богомъ и людьми, не убоявшись свирѣпости бурь? Онъ, мой юный герой, мой Гансъ Штюнци. Онъ принесъ мнѣ новогодній привѣтъ отъ Готлобы и вѣсти изъ живого міра, газеты и письма. Какая это была нежданная радость! Этого я ему никогда не забуду.

Презабавный онъ—Гансъ Штюнци. Въ его выразительныхъ глазахъ я читаю вопросъ: «Что вы за необыкновенный такой человѣкъ, что къ вамъ приходятъ вѣсти изъ самыхъ дальнихъ странъ и на невѣдомыхъ языкахъ?» Но выговорить этотъ во-

просъ онъ не рѣшается. Его скромность такъ же велика, какъ его мужество; кромѣ того, изъ разсказовъ Готлобы я знаю, что онъ всегда старается защитить меня отъ подозрѣній, созданныхъ народной фантазіей, силящейся разгадать тайну моего прошлаго. Загадочность, окружающая меня, дѣйствуетъ и на его воображеніе, и я убѣжденъ, что онъ пытается разгадать, кто я такой и откуда, но добросовѣстно и безъ подозрительнаго отношенія ко мнѣ. И несмотря на то, что я заставляю его ломать голову надъ моей загадочностью, онъ въ каждый данный моментъ готовъ для меня пройти сквозь огонь и лавины. Лео Квифортъ! Онъ даже имени моего не можетъ выговорить безъ того, чтобы лицо его не озарилось радостью.

Милый мой любопытный Гансъ Штюнци! Тебѣ стоило бы только перейти изъ школы въ тотъ домъ, гдѣ живетъ Готлоба, и Мельхіоръ Хангштейнеръ, отецъ ея, могъ бы разсказать тебѣ, кто я и что я. Но этотъ сильный своей простотой человѣкъ молчаливъ, какъ здѣшнія скалы: онъ скорѣе дастъ крышѣ обрушиться и задавить его, чѣмъ выдастъ то, что охраняетъ покой его жизни.

И я долженъ молчать изъ-за Мельхи Хангштейнера. Я не люблю его, я его ненавижу; но его покойной женѣ, такъ много выстрадавшей матери Готлобы, я поклялся всѣмъ, для меня святымъ, что я не внесу смятенія въ домъ его и не сдѣлаю его несчастнымъ. Только въ двухъ случаяхъ листы моей исповѣди могутъ попасть въ руки къ тебѣ, Гансъ Штюнци, разрѣшивъ, наконецъ, загадку, окружающую для тебя мою личность. Если Мельхи Хангштейнеръ умретъ раньше меня, я въ правѣ буду говорить свободно; но было бы безбожно изъ-за этого желать, чтобъ онъ умеръ раньше меня. Другая возможность—та, что я, запечатавъ въ конвертъ эту рукопись, передамъ ее на храненіе въ судъ, распорядившись, чтобы ее передали тебѣ, послѣ того какъ оба мы, Хангштейнеръ и я, уйдемъ изъ этого міра. Тебѣ мнѣ хотѣлось бы разсказать свою жизнь.

Нѣтъ, теперь еще рано распоряжаться судьбой этихъ листковъ: сначала надо, чтобъ исповѣдь была закончена. Писать, писать—это единственное, къ чему меня тянетъ. Но полночь легкими стопами уже восходитъ на горы; надъ ними уже расцвѣли дивными цвѣтами звѣзды на затихшемъ небѣ, и мнѣ не хотѣлось бы теперь вызывать мертвецовъ изъ могилъ. Я не стану будить ни тебя, матушка, ни тебя, отецъ, ни бѣдную Дуглёрле, ни прекрасную Абигаиль, сказку моей жизни, которая покоится теперь подъ пиніями на морскомъ берегу. Спите, усопшіе, спите и вы, живые!

Всему, что живетъ и дышетъ, и прежде всѣхъ моей дорогой Готлобѣ желаетъ пріятныхъ сновъ метеорологъ Іостъ Вильди.

II.

Я родился въ маѣ и впервые увидалъ утесы Фейерштейна алѣющими въ свѣтѣ занимающагося дня. Маленькимъ мальчикомъ я часто нетерпѣливо желалъ, чтобы солнце скорѣе спустилось съ горныхъ вершинъ въ долину и согрѣло бы мои ноги, мокрыя отъ холодной росы луговъ.

Моя родина—вотъ половина моей тайны уже и раскрыта—Зельматъ; я родился въ той деревушкѣ, что пріютилась въ глубокомъ ущельѣ.

Правда, тѣ дома, изъ оконъ которыхъ теперь по вечерамъ тянутся ниточки свѣта наверхъ къ Фейерштейну, не видали моего дѣтства и юности.

Болѣе обширный старый Зельматъ, въ которомъ я выросъ, погибъ страшной смертью. Иначе я не былъ бы ни авантюристомъ, ни метеорологомъ, и не сталъ бы до того всѣмъ чужимъ на родинѣ, что только одинъ человѣкъ, Мельхи Хангштейнеръ, знаетъ, кто я на самомъ дѣлѣ.

Итакъ, я не Лео Квифортъ. Это—мексиканское имя; я—Іостъ Вильди, сынъ крестьянина и торговца шиферомъ, Клауса Вильди, и его законной жены, Отиліи Рейнбергеръ изъ Зельмата.

Хотя Зельматская долина отдѣлена лишь утесами и крутизнами отъ плодородныхъ и густо населенныхъ холмовъ и равнинъ, все же это глухое и дикое мѣстечко, затерянное въ горахъ. Цѣлыхъ полдня пути уходитъ только на то, чтобы пройти ущелье, извивающееся вокругъ отроговъ Фейерштейна; а дальше идетъ крутой и неровный подъемъ, вдоль Зелаха, шумнаго горнаго потока. И вотъ тутъ-то, гдѣ привѣтствуютъ другъ друга молочно-бѣлые ручьи, сбѣгающіе съ горъ, лежала среди сочныхъ зеленыхъ луговъ деревня Зельматъ, и надъ ея широкими, тесовыми крышами, отягченными камнями и потемнѣвшими отъ солнца и вѣтра, высился бѣлый и стройный силуэтъ церковной колокольни съ краснымъ куполомъ.

Мой отцовскій домъ, выходившій всѣми окнами на солнце, на большую площадь, на церковь, на обвитый плющемъ домъ пастора и темнѣющій позади его, сосновый лѣсъ, былъ однимъ изъ самыхъ старыхъ и красивыхъ домовъ въ этой долинѣ. На балкѣ, подпиравшей фронтонъ, уже лѣтъ двѣсти красовалась надпись:

Dieses Haus gehört jetzt mein,
Bald wird es einem andern sein,
Meine Wohnung ist dann der Totensarg,
Drum sei mit deiner Liebe nicht karg [1]).

Очевидно, среди моихъ предковъ былъ человѣкъ вдумчивый, съ серьезнымъ взглядомъ на жизнь. Древнѣйшія воспоминанія нашего рода были связаны съ живописнымъ, могучимъ кленомъ, на-половину зеленымъ, на-половину уже засохшимъ, который росъ передъ нашимъ домомъ на площади и, по народному преданью, существовалъ уже болѣе тысячи лѣтъ.

«Въ тѣ далекія времена, когда и мужчины носили женскія юбки»—разсказывалъ Каспаръ Имоберштегъ, почтенный школьный учитель нашей деревни,—«и когда христіанская вѣра еще не была очищена святой реформаціей, на горныхъ плато и въ пещерахъ Фейерштейна еще водились дикіе люди, запальчивые, необузданные, но красивые и ловкіе люди. Мужчины—рослые и сильные, женщины — хорошенькія, маленькія и нѣжныя, ростомъ не больше ребенка, и притомъ такія пугливыя, что изъ обыкновенныхъ людей рѣдко кому удавалось ихъ видѣть. Дикіе люди были закоренѣлыми язычниками и наканунѣ Иванова дня устраивали праздники и зажигали костры на Фейерштейнѣ въ честь своихъ боговъ. Подъ конецъ праздника они спускались, мужчины—въ красныхъ, женщины—въ бѣлыхъ юбкахъ, которыхъ въ другое время они не носили, съ горъ въ долину, подъ звуки волынокъ, дудокъ и барабановъ, и плясали отъ солнечнаго заката до солнечнаго восхода подъ большимъ кленомъ, что растетъ посреди площади въ Зельматѣ. Въ Иванову ночь въ Зельматѣ вовсе не звонили въ колокола—на это и на пляску вокругъ клена дикіе люди выговорили себѣ право во время эпидеміи моровой язвы, когда каждый день умирало множество людей, въ награду за услугу, которую они оказали жителямъ долинъ, сообщивъ имъ, что бобровая трава помогаетъ отъ черной смерти. Но своими языческими праздниками они только гнѣвили Бога, и Онъ ихъ наказывалъ тѣмъ, что въ сравненіи съ мужчинами женщинъ у нихъ было слишкомъ мало. Былъ среди нихъ одинъ молодой и красивый юноша, по имени Вильдивельди, и не нашлось для него пары для пляски подъ кленомъ. Огорченный и грустный шелъ онъ въ концѣ процессіи, поднимавшейся на разсвѣтѣ изъ деревни обратно въ

[1]) Домъ этотъ сейчасъ принадлежитъ мнѣ,—завтра онъ будетъ принадлежать другому,—моимъ жилищемъ тогда будетъ могила,—поэтому не скупись своей любовью.

горы. «Вильдивельди!—окликнула его въ окно одна зельматская дѣвушка, вставшая въ этотъ день до свѣту раньше другихъ.—Хочешь быть моимъ, Вильдивельди? я буду танцовать съ тобою цѣлыми днями». И Вильдивельди, оставивъ своихъ, пошелъ къ дѣвушкѣ и, такъ какъ она была хоть и не дикая женщина, но милая и красивая, онъ совсѣмъ остался жить въ деревнѣ. И дѣвушка эта уже почтенной старушкой всегда увѣряла, что въ цѣломъ мірѣ нѣтъ ничего милѣй ея Вильдивельди. Отъ него и повелся родъ Вильди.»

Такъ разсказывалъ мнѣ Каспаръ Имоберштегъ, школьный учитель. А то, чего онъ мнѣ не разсказывалъ, мнѣ и самому было извѣстно,—а именно, что всѣ потомки дикихъ людей слыли среди горцевъ особенно вспыльчивыми, способными и живыми людьми и любимцами женщинъ. Сколько помню я себя, всегда втайнѣ гордился, что я—одинъ изъ потомковъ Вильдивельди.

Но въ жилахъ моего отца кровь нашего рода какъ будто остыла и текла уже медленнѣе. Когда я узналъ его—мнѣ шелъ тогда, если не ошибаюсь, третій годъ,—онъ изъ перваго танцора въ горахъ успѣлъ уже превратиться въ угрюмаго и, по отношенію ко мнѣ, почти слишкомъ строгаго человѣка, поглощеннаго своими безрадостными мыслями и заботой о деньгахъ, рѣдко заглушаемой добрымъ порывомъ. И потому я радовался, когда онъ, въ качествѣ странствующаго торговца, уходилъ на всю зиму отъ меня и отъ матери.

Аспидныя доски и грифеля изъ зельматскаго шифера славились тогда по всему міру. Отецъ долго и обстоятельно готовился къ своимъ зимнимъ скитаніямъ. За нѣсколько дней до отъѣзда суровость его смягчалась: онъ становился добрѣе со мною и матерью, и такъ безконечно отрадно было услыхать иногда изъ этихъ суровыхъ устъ слово ласки.

Снаряжаясь въ путь, онъ всякій разъ одѣвался въ платье изъ плотнаго грубаго темно-коричневаго сукна, которое ткутъ въ горахъ, въ круглую войлочную шляпу съ длиннымъ, гладкимъ, блестящимъ волосомъ; красный шейный платокъ и высокіе сапоги, подбитые большими гвоздями, дополняли его нарядъ. Къ этому присоединялись еще узловатая палка съ желѣзнымъ наконечникомъ и ранецъ, обтянутый кожей сурка, пристегивавшійся къ поясу на ремняхъ. Шелъ онъ какъ будто и не спѣшнымъ, размѣреннымъ шагомъ, но такъ быстро, что мнѣ все время приходилось бѣжать въ припрыжку, чтобъ поспѣвать за нимъ, когда онъ позволялъ мнѣ проводить его до Цвейбрюкена. Это случилось въ теченіе моего дѣтства раза два, не больше.

О дѣлахъ своихъ отецъ со мною не разговаривалъ. Ему вовсе не хотѣлось, чтобы меня потянуло въ далекій міръ. Наоборотъ, онъ часто говаривалъ: «Твоя участь будетъ завиднѣй моей. Ты сможешь всю жизнь прожить земледѣльцемъ Зельматской долины».

Лишь только кончится уборка золотого, невысокаго жита, растущаго на горныхъ нивахъ, лишь только его обмолотятъ и свезутъ въ закрома, какъ закипаетъ жизнь въ шиферныхъ копяхъ. Уже заготовленныя аспидныя доски и грифеля цѣлыми тюками везутъ въ Цвейбрюкенъ, стоящій въ концѣ Зельматской долины, тамъ, гдѣ Зелахъ впадаетъ въ болѣе широкій горный потокъ Бальгенахъ. Въ Цвейбрюкенѣ былъ сборный пунктъ всѣхъ разносчиковъ. Еще до свѣту, при звѣздахъ, мы съ отцемъ шли въ Бальгенахъ, гдѣ зельматскіе шиферные товары грузили на длинныя узкія лодки, почти цѣликомъ уходившія подъ тяжестью ихъ въ кипящую бѣлую пѣну. Лодки всегда были новыя, такъ какъ, разъ спущенныя съ горъ въ долины, онѣ уже не возвращались назадъ: послѣ выгрузки въ Кельнѣ или въ какомъ-либо иномъ городѣ, ихъ продавали рыбакамъ.

На прощанье отецъ такъ крѣпко сжималъ своей костлявой рукой мою руку, что, еслибъ не стыдно, я бы вскрикнулъ отъ боли. «Іостъ, Іостъ! не забывай молиться. Кланяйся матери и слушайся ея. Веди себя хорошенько, а не то, когда я къ Пасхѣ вернусь домой»... Наставительная рѣчь прерывалась выразительнымъ угрожающимъ жестомъ. «Ну, будь здоровъ, Іостъ».

Изъ-подъ загнутыхъ впередъ рѣсницъ глаза его стискивали меня точно клещами. Послѣ этого, болѣе внушительнаго, чѣмъ нѣжнаго прощанія, онъ вскакивалъ въ одну изъ лодокъ, и она, отдѣлившись отъ берега, уплывала внизъ по теченію. Словно въ безмолвной молитвѣ прощаясь съ родиной, отецъ стоялъ на кормѣ безъ шляпы, обративъ смуглое лицо къ Зельматскимъ горамъ. Высоко вдали сверкали въ лучахъ разсвѣта ледники и снѣговыя поля. Я смотрѣлъ вслѣдъ отъѣзжающимъ, и мнѣ было грустно, почти до слезъ.

Съ какою радостью я пошелъ бы странствовать вмѣстѣ съ отцемъ!

Но онъ никогда не позволялъ проводить его даже до Гагенбурга, небольшого городка въ двухъ часахъ ѣзды отъ Цвейбрюкена. Да и самъ я не рѣшился бы просить его объ этомъ.

Съ моей матерью, Оттиліей Рейнбергеръ, отецъ познакомился въ далекой Рейнской области. Она была дочерью зажиточныхъ крестьянъ, у которыхъ онъ обыкновенно останавливался.

Но въ крѣпколобыхъ крестьянскихъ головахъ его родителей крѣпко засѣло убѣжденіе, что уроженецъ Зельмата можетъ найти счастье въ бракѣ только со своей односельчанкой, и они слышать не хотѣли о невѣстѣ изъ чужихъ дальнихъ краевъ. Вспыльчивый и крутой нравомъ юноша пришелъ отъ упорства родителей въ такую ярость, что хотѣлъ застрѣлиться; школьный учитель Каспаръ насильно вырвалъ у него изъ рукъ ружье. Онъ разссорился съ родителями и, обвѣнчавшись безъ ихъ согласія, привезъ въ Зельматъ молодую жену.

Мать моя была хорошенькая, привлекательная, милая женщина, но у насъ въ деревнѣ ея рейнскаго говора не понималъ никто кромѣ отца; сама она такъ никогда и не выучилась говорить на горномъ нарѣчіи, и ея веселый, звонкій смѣхъ, сначала покорявшій сердца, въ горахъ скоро утратилъ свой серебристый звукъ. Разлука съ родиной и близкими, смерть родителей, которыхъ она такъ больше и не видала, опечалили юную ея душу. Она радостно и съ полнымъ довѣріемъ послѣдовала за любимымъ человѣкомъ въ его родныя горы, но эти высокія горы, упирающіяся чуть не въ самое небо, грозный шумъ горныхъ потоковъ, угрюмость и неуклюжесть нашихъ крестьянъ — все это пришлось ей не по сердцу. Она не могла почувствовать себя дома въ Зельматѣ, а на деревнѣ если и не относились къ ней враждебно, то не понимали ея, и для зельматцевъ она навсегда осталась чужой. «Что бы я ни дѣлала, зельматцамъ мнѣ все равно не угодить», — улыбаясь, жаловалась моя мать, но при этомъ слезы выступали у нея на глазахъ.

Больше всего страдала она зимой, когда въ горныя долины почти не заглядываетъ солнце, безсильное подняться надъ горнымъ хребтомъ. Когда ему, наконецъ, удавалось это сдѣлать—обыкновенно это бывало въ одиннадцать часовъ утра,—лучи его черезъ «Срѣтенское Кольцо», большое, естественное отверстіе въ одной изъ горныхъ вершинъ, падали прямо на куполъ и колокольню Зельматской церкви. И, какъ только, бывало, засверкаетъ въ лучахъ его мѣдный шарикъ на шпицѣ колокольни, мы, мальчишки, бѣжимъ по деревнѣ и кричимъ во все горло: «Солнце, солнце!» И обрадованныя хозяйки охотно награждали насъ за эту добрую вѣсть пригоршнями сушеныхъ плодовъ.

Но ни одна женщина не радовалась такъ, какъ моя мать. Съ изумленной улыбкой она говорила: «Такъ значитъ и вправду, Божье солнышко свѣтитъ иногда и въ эту долину. Благодареніе Богу!» Она вставала изъ-за прялки—невысокая, но сильная,

съ красиво округленной фигурой—подходила къ низкимъ окнамъ, чтобы самой убѣдиться въ радостномъ чудѣ,—и, когда солнце заглядывало и въ наши окна, она простирала руки къ трепетному золотому лучу, словно хотѣла согрѣться. А я не сводилъ глазъ съ ея милаго лица, въ которомъ яркія краски такъ трогательно оттѣнялись морщинками затаеннаго горя.

Это затаенное горе мать, всегда тихая и замкнутая, умѣла скрывать ото всѣхъ; но меня она иной разъ молила: «Іостъ, да поговори же ты со мной хоть немного на нашемъ рейнскомъ нарѣчіи. Ребенкомъ ты такъ хорошо говорилъ на немъ». А я изъ глупаго мальчишескаго упорства, не хотѣлъ доставить ей этой маленькой радости, и не трогался ея огорченнымъ, разочарованнымъ взглядомъ.

Но когда она, сидя за прялкой, съ сіяющими глазами разсказывала мнѣ про свою родину, я, сидя на скамеечкѣ у ея ногъ, готовъ былъ часами слушать ее.

«На скалѣ надъ Рейномъ, возлѣ церкви, подъ липами, стоитъ домъ съ высокимъ фронтономъ, въ которомъ жили мои родители. На крышѣ его аистъ построилъ гнѣздо. Длинноногій, съ лягушкою въ клювѣ прилетаетъ онъ съ другого берега покормить своихъ птенцовъ. А передъ домомъ бесѣдка, которая осенью вся увѣшана золотистыми кистями винограда. Въ этой бесѣдкѣ мы съ сестрами больше всего любили сидѣть; оттуда открывается такой красивый видъ на рѣку. По Рейну плывутъ корабли, изукрашенные веселыми, пестрыми флагами, большія суда и маленькіе челноки, похожіе на лебедей. По праздничному разодѣтые люди машутъ платками, посылаютъ привѣты и перекликаются съ берега на берегъ, и надъ всею рѣкою звенятъ людской говоръ и пѣсни». Такъ говорила мнѣ мать.

И изъ ея разсказовъ вставали яркія картины далекаго міра, который умышленно пряталъ отъ меня отецъ. Перекрещиваясь съ его планами, онѣ наполняли голову юноши, котораго онъ предназначалъ къ жизни пахаря-горца, непонятнымъ томленіемъ и странной тоской по далекому.

Но мать не могла прижиться въ Зельматѣ; она не жаловалась, но ея жизнерадостная веселость скоро смѣнилась кроткой покорностью; она стала худѣть и блѣднѣть, ея густые свѣтло-каштановые волосы порѣдѣли, румяное лицо стало унылымъ и печальнымъ. Огорченный и разсерженный тѣмъ, что суровая дѣйствительность какъ бы оправдывала опасенія его родителей относительно выбора невѣсты, отецъ и самъ ожесточился, замкнулся въ себѣ и нерѣдко бывалъ несправедливъ со мною и съ матерью.

Онъ не умѣлъ разогнать ея тоску добротой и любовью; только разъ въ году удавалось ему доставить ей радость—на Пасхѣ, когда онъ, возвращаясь въ Зельматъ, приносилъ ей привѣты отъ далекаго Рейна, отъ братьевъ и сестеръ, и цвѣточныя сѣмена ей въ подарокъ. И все короткое горное лѣто у насъ на подконникахъ и въ нашемъ палисадникѣ роскошно цвѣли левкои и розы, гвоздики и примулы, хоть отчасти прикрывая своей пышной красою сердечный трауръ «чужой», жившей подъ нашимъ кровомъ.

Но радость свиданія была кратковременной: отецъ снова становился угрюмъ и ворчливъ. Прежде чѣмъ взяться за земледѣльческія работы, онъ разузнавалъ по деревнѣ, не освободился ли гдѣ кусокъ пашни, луга или лѣса, который можно было бы пріобрѣсти за сходную цѣну. И каждый разъ, какъ представлялся подобный случай, отецъ тратилъ всѣ свои сбереженія на покупку пахатной или садовой земли, которой въ Зельматской долинѣ было не очень-то много.

Удачную покупку обыкновенно шли вспрыскивать въ «Сернѣ», единственномъ въ Зельматѣ трактирѣ, а, такъ какъ трактирщикъ былъ одновременно и деревенскимъ пекаремъ, у котораго всѣ покупали хлѣбъ, когда своего не хватало, то въ эти дни нерѣдко заглядывалъ въ кабачекъ и я съ Дуглёрли, дочкой сосѣда, школьнаго учителя. Развеселившійся отецъ приглашалъ и насъ, дѣтей, закусить, и мы съ Дуглёрли присаживались къ столу, за которымъ сидѣли зельматскіе крестьяне въ черныхъ островерхнихъ шапкахъ и съ трубками въ зубахъ, за стаканомъ дарового вина, которымъ, по обычаю, угощалъ покупатель, обстоятельно обсуждая разныя деревенскія дѣла.

— Слушай-ка, Клаусъ,—говорилъ, завистливо косясь на отца, нашъ родственникъ, старый крестьянинъ,—съ чего это ты гоняешься такъ за землей, какъ нечистый за человѣчьими душами. И кто другой, можетъ быть, охотно бы прикупилъ кусочекъ, да гдѣ ужъ тутъ: не успѣешь собраться, какъ, глядишь, ты уже наложилъ свою лапу.

Отецъ высокомѣрно сверкнулъ глазами и отвѣчалъ, насмѣшливо и хитро улыбаясь:—Года два назадъ, братецъ, я бы тебѣ этого не сказалъ, но теперь, когда у меня скоро будетъ достаточно для моихъ плановъ и пашни, и лѣса, пожалуй, можно и раскрыть мои карты и тебѣ, и другимъ. Наша зельматская торговля аспидными досками и грифелями идетъ на убыль; теперь и въ другихъ странахъ стали добывать шиферъ, и чужеземные торговцы поставляютъ за ту же цѣну лучшій то-

варъ, чѣмъ у насъ. Я правду тебѣ говорю. Старые покупатели, многолѣтніе, и тѣ отпадаютъ отъ насъ. Въ Мюнстерѣ, въ Вестфаліи, у меня лежитъ до двухъ тысячъ непроданныхъ досокъ. Ежели бы удалось напасть въ горахъ на новый богатый слой шифера, какимъ мы раньше владѣли,—ну, еще можно было бы кой-какъ конкурировать съ иноземными торговцами; но сейчасъ у насъ въ Зельматѣ хорошаго шифера нѣтъ, и торговля наша стала самая нищенская. Вотъ тебѣ, братецъ, и разгадка, почему я вотъ уже нѣсколько лѣтъ все прикупаю земли. Надо же намъ съ мальчишкой чѣмъ-нибудь заняться, когда на доскахъ и грифеляхъ ничего уже нельзя будетъ больше заработать.

Ошеломленные крестьяне, жадно слушавшіе его, притихли и нѣкоторое время сидѣли молча, съ раскрытыми ртами. Правда, отецъ Дуглёрли, школьный учитель, пытался ихъ подбодрить, увѣряя, будто отецъ рисуетъ все въ мрачныхъ краскахъ и что, пока свѣтъ стоитъ, люди будутъ покупать зельматскіе аспидныя доски и грифеля. Но увѣренности въ словахъ его не было, и растерявшіеся зельматцы, сами знали, что въ словахъ отца относительно упадка ихъ промысла много правды.

Старый Веттерманъ почесалъ у себя за ухомъ и положилъ трубку на столъ.—Чортъ возьми! — выговорилъ онъ,—да вѣдь это въ родѣ какъ смертный приговоръ для нашей деревни. Насъ тутъ въ Зельматѣ 214 душъ, а земледѣліемъ не прокормиться и пятидесяти. Если станется такъ, какъ говоритъ Клаусъ, намъ будетъ крышка. Но только мнѣ не вѣрится этому.

— Думайте, какъ хотите, — сухо возразилъ мой отецъ. Тутъ вмѣшались въ разговоръ и другіе крестьяне, высказывая каждый свои опасенія. Былъ тамъ одинъ задорный парень, сидѣвшій не вмѣстѣ со всѣми, а за отдѣльнымъ столомъ, разложивъ локти на столѣ, передъ стаканомъ водки. Онъ, непрошенный, вмѣшался въ разговоръ, громко и рѣзко воскликнувъ: «Эй вы, зельматцы! Что вы тамъ хлопочете о пашняхъ? Вотъ когда-нибудь обрушится шиферная гора на ваши головы — тогда на васъ на всѣхъ земли хватитъ». И послѣ такихъ безбожныхъ словъ заржалъ отъ смѣха.—«Что ты такое говоришь?»—загудѣли крестьяне, грозя ему кулаками. Парень допилъ свой стаканъ и ушелъ.—«Да вѣдь это кто говоритъ-то! Ежели бы путный человѣкъ, а то бродяга, негодяй»,—заговорили нѣкоторые. Но лица крестьянъ, словно изъ камня высѣченныя, были блѣдны, какъ мѣлъ, отъ пережитаго испуга, и въ горницѣ стало такъ тихо, что можно было слышать, какъ пролетитъ муха. Когда всѣ немного поуспокоились, нашъ деревенскій писарь замѣтилъ: «Поло-

жимъ, человѣкъ это, дѣйствительно, непутевый, но все же старшинамъ не мѣшало бы обсудить вопросъ, не грозитъ ли и вправду шиферная гора опасностью нашей деревнѣ. Объ этомъ слухъ теперь идетъ по всей округѣ; только прямо сказать никто не рѣшается». Нашъ родственникъ набожно возвелъ очи горѣ и вздохнулъ:—«А я такъ думаю, что надо бы намъ всѣмъ почаще ходить въ церковь. Никто, какъ Богъ. Въ бѣдѣ и въ опасности, Онъ будетъ заступникомъ намъ, зельматцамъ».

— Да ужъ ладно,—задумчиво замѣтилъ мой отецъ.—Богъ—само собой, а хорошія подпоры тоже не повредятъ. И зоркіе глаза тоже, чтобы видѣть, какъ обстоитъ дѣло съ ручьями и подземными водами въ шахтахъ». Двое-трое крестьянъ кивнули головами, но хозяинъ «Серны», стоявшій возлѣ гостей, въ удобной позѣ, широко разставивъ ноги, принужденно засмѣялся: «Вотъ такъ славныя дѣла! Значитъ, годика черезъ два, у насъ будетъ такой рудникъ, отъ котораго пользы населенію ни на грошъ, а подпоры въ него между прочимъ ставь и ставь, не то, чего добраго, гора завалится на деревню.

Крестьяне говорили и говорили безъ конца на эту тему; я весь превратился въ зрѣніе и слухъ. Тутъ только отецъ замѣтилъ, что я все еще сижу возлѣ Дуглёрли и прогналъ меня домой. Я убѣжалъ, а за мной и моя маленькая подруга.—Боже мой, какъ я боюсь!—прошептала дѣвочка и вздохнула такъ потѣшно, словно большая. И, не простившись со мной, побѣжала къ матери.

Я же никакъ не могъ отдѣлаться отъ мысли о слышанномъ. Теперь я зналъ, почему отецъ не хочетъ, чтобъ я торговалъ аспидными досками, а желаетъ сдѣлать изъ меня земледѣльца, и видѣлъ, что отецъ — малый не промахъ; но все это отступало на задній планъ передъ чудовищной мыслью, что наша шиферная гора грозитъ ежечасной опасностью Зельмату. Это внесло въ мою жизнь что-то новое, чуждое, большое и тягостное.

Это было, пожалуй, самое значительное событіе моего дѣтства... Нѣтъ: еще сильнѣй поразила меня, два года спустя, смерть моей матери. Если душа ея живетъ гдѣ-нибудь на свѣтлой далекой звѣздѣ, пусть эта ночь снесетъ ей мой привѣтъ.

«Мама! милая мама! какъ охотно теперь твой мальчикъ говорилъ бы съ тобою на рейнскомъ нарѣчіи! И твой родной домъ на берегу Рейна, милая мама, я видѣлъ своими глазами».

Я растворилъ окно. Ночной вѣтерокъ шевелитъ мои волосы, и я убаюкиваю себя сладкою мыслью, что это ласковая рука гладитъ меня по головѣ—рука моей матери.

III.

За шумнымъ Зелахомъ, съ его зелеными и бѣлыми брызгами пѣны, съ закрытымъ мостомъ, переброшеннымъ черезъ него, круто, почти отвѣсно высится Столовая или Шиферная гора—преддверіе еще болѣе величественнаго Фейерштейна. Сѣрая и угрюмая, какъ развалины гигантскаго замка, поднимается она надъ полями жита, льна и картофеля, покрывающими солнечный склонъ Зельматской долины. Корявыя, приземистыя, однобокія сосны и ели пріютились въ расщелинахъ скалъ. На половинѣ высоты Фейерштейна Столовая гора образуетъ небольшое плато, съ котораго, точно съ высокаго балкона, весело и привѣтливо смотрятъ въ долину темные шалаши и плетни и давно уже нѣжатся въ солнечномъ свѣтѣ, въ то время какъ деревня еще тонетъ въ синей, прохладной тѣни. Это горная пажить Боденъ,лучшая въ Зельматской общинѣ,—длинный, почти ровный выступъ, на которомъ все лѣто пасутся стада.

За Столовой горой возноситъ свою гордую вершину Фейерштейнъ; красноватые, теплые тона камня отчетливо выдѣляются на фонѣ небесной синевы. Это природная метеорологическая обсерваторія, которая встрѣчаетъ первый солнечный лучъ и еще горитъ въ лучахъ заката, когда на прочихъ горахъ свѣтъ ужъ погасъ; это пріютъ сказки, въ глазахъ народа что-то таинственное и священное. Уже и въ то время, лѣтомъ, нерѣдко бывало, что туристы приходили въ Зельматъ, останавливались на ночь въ «Сернѣ» и до свѣту совершали восхожденіе на гору. Тогда еще не было метеорологической станціи на вершинѣ Фейерштейна, но горные жители и тогда, по разнымъ примѣтамъ, предугадывали по немъ погоду и не начинали ничего, не взглянувъ предварительно на вершину Фейерштейна. Я и ребенкомъ зналъ, что дымокъ, какъ будто курившійся раннимъ утромъ на его вершинѣ и разсѣявшійся послѣ восхода солнца, потомъ вернется и превратится въ грозовую тучу, которая будетъ метать молніи вверхъ и внизъ, въ долину, озаряя всю гору неестественнымъ призрачнымъ свѣтомъ. А когда Фейерштейнъ закутывалъ свою голову чернымъ скользящимъ плащемъ, я зналъ, что скоро въ горахъ загрохочетъ громъ трубнымъ звукомъ, какъ на Страшномъ Судѣ.

Я любилъ Фейерштейнъ, потому что мой предокъ, Виллиельди, спустился съ высотъ его, и охотно вскарабкался бы на вершину его; но въ Зельматѣ считали полусумасшедшими тѣхъ,

кто поднимался на гору безъ особой нужды, если это не были охотники за сернами, и отецъ мой не потерпѣлъ бы подобнаго вольнодумства.

Тамъ, на высотахъ, жила красота, въ глубинѣ долинъ—безобразіе. На берегахъ Зелаха, у подножья Столовой горы, были навалены груды аспидныхъ плитъ, цѣлые бугры щебня и мусора, который бросали въ Зелахъ во время весенняго половодья, и сложенный горкой запасъ подпоръ—ободранныхъ, бѣлыхъ стволовъ, сплавленныхъ сверху по теченію горныхъ ручьевъ. А вокругъ пышно разросся, несмотря на голубовато-сѣрую аспидную пыль, альпійскій подковообразный латукъ, и аконитъ высоко возносилъ свои пышные голубоватые зонтики, отливающіе сталью. А на заднемъ планѣ зіяла пара огромныхъ, неровно прорубленныхъ въ стѣнѣ утеса воротъ, побольше и поменьше; они вели въ подземныя каменоломни.

Неужто же вправду Столовая гора когда-нибудь обрушится на деревню Зельматъ? И что же съ нами, бѣдными, тогда будетъ?—Мысль объ этомъ не покидала меня. Иной разъ, мнѣ даже хотѣлось, чтобы это случилось. Это желаніе казалось мнѣ ужаснымъ и грѣховнымъ. Несчетное число разъ я переживалъ эту катастрофу во снѣ, какъ страшный кошмаръ, и на утро благодарилъ Бога за то, что это былъ только сонъ.

Желаніе, чтобы гора обрушилась и задавила всѣхъ зельматцевъ, приходило мнѣ обыкновенно послѣ жестокихъ наказаній, которымъ иной разъ безъ всякаго повода подвергалъ меня отецъ. Чаще всего это бывало при осмотрѣ купленныхъ имъ новыхъ земель и пограничныхъ камней.—«Это, чтобы ты всю жизнь помнилъ, гдѣ граница нашей земли»,—приговаривалъ онъ, но порою лупилъ меня и не для того, чтобы помочь моей памяти.

— Въ человѣкѣ отъ рожденія сидятъ злыя мысли,—говорилъ отецъ, и удары сыпались, нежданные, какъ гроза, налетѣвшая съ горъ.—Не сердись на меня за это, Іостъ. Мы происходимъ отъ дикихъ людей. Въ насъ сарацинская кровь, которую надо очень и очень смирять и обуздывать.—Онъ какъ будто чуялъ какую-то опасность въ томъ, что я росъ прямой и стройный, какъ горная сосенка, и безсознательно выработалъ себѣ умѣнье жить со всѣми въ ладу. Достаточно было кому-нибудь сказать: «А славный вашъ Іостъ. Какой онъ у васъ красивый, и проворный, и ловкій!»—какъ въ отвѣтъ на это на ни въ чемъ не повиннаго Іоста сыпались жестокіе, безсмысленные удары.

А я былъ гордъ и обидчивъ: отцовскіе пинки и побои приводили меня въ ярость, и однажды я, безумно обиженный, крик-

нулъ: «Отецъ, хоть бы Столовая гора обрушилась и задавила и тебя, и меня!» Глаза его загорѣлись: «Видишь, какая ты дрянь. Ты хочешь, чтобъ погибли и чудесныя пашни, которыя я своимъ горбомъ наживалъ для тебя же, негодный!» Подъ тяжелыми, подбитыми гвоздями подошвами я лишился чувствъ. Очнувшись, я почувствовалъ, что мать мажетъ мнѣ какою-то мазью мои шишки и раны. Когда я открылъ глаза, она стала ласкать и цѣловать меня. Жадно, какъ человѣкъ, который хочетъ набраться новыхъ силъ для жизни, я пилъ ея поцѣлуи и, наконецъ, разрыдался отъ горя. Обнявшись, мы долго плакали вмѣстѣ. «Мама, ты добрая, мамочка, ты милая!» бормоталъ я, и обнималъ ее руками за шею, и пряталъ голову въ ея густыхъ волосахъ, и въ ея рыдающей любви находилъ облегченіе себѣ и утѣшеніе. Я думаю, этотъ день былъ причиной тому, что я впослѣдствіи всегда искалъ духовной опоры и утѣшенія больше у женщинъ, чѣмъ у мужчинъ.

Отцу было немного стыдно, что на деревнѣ жалѣютъ меня, хоть и не смѣютъ это сказать, и онъ постепенно пересталъ наказывать меня такъ, безъ разбора, тѣмъ болѣе, что онъ и самъ не могъ не видѣть, что я для своихъ лѣтъ очень толковый и дѣльный мальчишка. Но что же удивительнаго, что я никогда особенно не былъ съ нимъ близокъ, не любилъ его по настоящему и втайнѣ радовался, когда онъ уходилъ изъ дому.

Мы, мальчишки, часто бѣгали въ каменоломни за акульими зубами и прочими окаменѣлостями, которыя сбывали потомъ за гроши странствующимъ торговцамъ. Въ подземныхъ сводахъ и залахъ мелькали огоньки—лампочки рабочихъ, скрипѣли и грохотали тачки съ шиферомъ; по влажнымъ стѣнамъ, пахнувшимъ гарью, ползали липкія, въ золотистыхъ пятнахъ саламандры; лѣтомъ тамъ, подъ землею, было прохладно, зимой—тепло и сыро. Но я не любилъ оставаться подолгу въ этихъ узкихъ коридорахъ, подпертыхъ столбами, гдѣ такъ уныло капала со стѣнъ и съ потолка вода. Я никакъ не могъ отдѣлаться отъ представленія, будто это тихонько плачутъ плѣненные духи горы, и, когда изъ какого-нибудь глухого угла каменоломни доносился таинственный звукъ, словно вздохъ камня, мнѣ начинало мерещиться, будто гора—только преддверіе глубже подъ землею лежащаго ада. Скорѣй наверхъ, наружу, на Божій свѣтъ. Я не понималъ, какъ это можно цѣлыми днями работать въ каменоломняхъ, и въ головѣ у меня вертѣлось: «Какіе глупые наши зельматцы! они сами роютъ себѣ могилу». Но на деревнѣ, словно по безмолвному уговору, совсѣмъ перестали говорить о томъ, что Зельмату грозитъ бѣда.

Зато, если люди молчали, порой говорила гора, подавали предупрежденія духи. Силы, превратившія илистое дно доисторическаго моря, вмѣстѣ съ его рыбами и раковинами, въ твердый, плотный шиферъ, еще жили и дѣйствовали. Въ тѣхъ шахтахъ, гдѣ, по безпечности прежнихъ рабочихъ, подпоры были поставлены недостаточно крѣпкія, иной разъ обнаруживались ключи, ручейки и даже большіе ручьи. Каждый день по нѣсколько человѣкъ были заняты отведеніемъ ихъ водъ въ другое русло. Но что могла сдѣлать кучка человѣкъ противъ силъ горной природы. Духи невидимы и неутомимы. Они не спятъ по ночамъ, не празднуютъ воскресенья. Ихъ работа вѣчна, и что они порѣшатъ, то въ свое время, въ свой часъ, и случится, — хочетъ, или не хочетъ этого маленькій глупенькій мальчикъ.

А впрочемъ, что мнѣ за дѣло было до каменоломенъ?— Философскими размышленіями я тогда еще не занимался; милѣе шиферной горы мнѣ была игра солнечныхъ лучей и свѣта на Фейерштейнѣ. И притомъ я уже тогда почти безсознательно носилъ въ своемъ сердцѣ молодую любовь къ Дуглорѣ, дочкѣ школьнаго учителя.

Она была тогда немного угловатая, но легкая, и воздушная, и цвѣтущая. Вокругъ ея личика вились рыжевато-каштановые, какъ шелкъ мягкіе волосы; на щекахъ ея, точно брызги краски сидѣли двѣ-три веснушки, но какъ будто затѣмъ лишь, чтобъ подчеркнуть, какъ изященъ былъ овалъ и какъ нѣжна кожа лица. Глаза у нея были такіе огромные, что иной разъ на этомъ узенькомъ личикѣ только и видны были задумчивые, мечтательные глаза изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ.

У молодости своеобразный способъ объясняться въ любви. «О, какая ты некрасивая! — крикнулъ я однажды Дуглорѣ.— Глаза у тебя коровьи, и, вдобавокъ, ты еще рыжая». Она заплакала и затопала ножками. Тогда я сталъ просить прощенія: «Глёрли, не сердись на меня. Ты не рыжая, какъ лисица, а чуточку только рыжеватенькая, для отмѣтинки». Мы все время были съ ней неразлучны.

Съ нею, въ уютномъ домикѣ ея родителей, я провелъ самые лучшіе, самые чистые дни своей юности и, если въ натурѣ моей, какъ увѣрялъ отецъ, были опасныя наклонности, которыя слѣдовало всячески выколачивать и вытравлять, то, во всякомъ случаѣ, я не вносилъ ихъ съ собой въ комнату моего добраго учителя и его милой дочери. Вся семья—отецъ, мать и дѣти, были тихіе, искренніе и удивительно славные люди, не

способные ни па какую злую или гадкую мысль. И наша молодая любовь была чиста и красива, какъ расцвѣтъ горныхъ цвѣтовъ, пробившихся изъ-подъ снѣга.

О моей милой Дуглёрли я и хочу разсказать теперь.

Три вечера подрядъ я ничего не писалъ.

У меня были гости: Гансъ Штюнци, мой юный другъ изъ Зельмата, и докторъ Вильгельмъ Гутлейбъ, ассистентъ метеорологической станціи въ Санктъ-Якобѣ. Они производили ревизію и провѣрку инвентаря моей вышки. За немногими недочетами, которые легко пополнить, самая хижина, инструменты и многочисленные приборы съ часовымъ механизмомъ, автоматически записывающіе наблюденія, въ полной исправности и годны для своей зимней службы. Начинаютъ меня снабжать и провизіей. Восемь носильщиковъ, въ двѣ смѣны, работаютъ цѣлыми днями, перетаскивая ящики и тюки изъ Зельмата въ обсерваторію. Милый Гансъ Штюнци позаботился обо всемъ, даже о маленькихъ удобствахъ, безъ которыхъ я не умѣю обходиться зимою.

А вотъ съ д-ромъ Гутлейбомъ мы поспорили. Я до сихъ поръ не могу добиться, чтобъ меня соединили съ Зельматомъ подземнымъ кабелемъ. Попробовали бы сами господа метеорологи, каково тутъ сидѣть одному зимой, отрѣзанному отъ всего остального міра, словно арестанту въ бѣлой снѣжной клѣткѣ... Я вспылилъ и напугалъ бѣлобрысаго, румянаго доктора. Протирая шелковымъ носовымъ платкомъ очки, на которыхъ и раньше не было ни пылинки, онъ смущенно началъ объяснять мнѣ, что зельматскій метеорологическій наблюдательный пунктъ давно уже собираются перенести изъ Зельмата въ Туффвальдъ, съ гористой стороны Фейерштейна на ровную, что тамъ лучше дорога и удобнѣе для туристовъ. Когда вопросъ этотъ будетъ окончательно рѣшенъ, тогда, разумѣется, первымъ дѣломъ позаботятся о томъ, чтобъ имѣть всегда надежное сообщеніе съ обсерваторіей. А пока...

Я возразилъ, что подъемъ, идущій по солнечной сторонѣ горы, хотя и труднѣе, но зато тремя недѣлями раньше освобождается отъ снѣга, и что въ зельматскомъ учителѣ они имѣютъ такого наблюдателя, который и знаетъ дѣло, и усерденъ, и надеженъ, какъ золото. А вопросъ о перенесеніи станціи отъ нечего дѣлать выдумала бюрократія...

Вошедшій Гансъ Штюнци услыхалъ похвалу себѣ и весь вспыхнулъ отъ радости.

На другой день бѣло-розовый ассистентъ, изнѣженный ка-

бинетный ученый, со своими очками, безукоризненно сшитымъ пальто и кожаными гамашами, убрался обратно въ Туффвальдъ, доложить главному завѣдующему обсерваторіей, что г. Лео Квифортъ—весьма колючій господинъ.

Гансъ Штюнци остался еще на день и до самаго вечера. Онъ бѣлокурый, какъ и докторъ. Но какая разница! Тотъ—какой-то бѣлобрысый недоносокъ, а въ этомъ—избытокъ первородной силы, порожденной близостью къ землѣ. Какъ смѣла и красива линія лба! Какой отважный, искрящійся взоръ! Въ немъ свѣтится творческій духъ. Я охотно вѣрю, что крохотная школка въ Зельматѣ, съ метеорологическими наблюденіями въ придачу, не удовлятворяетъ его жаждѣ дѣятельности.

— Г. Квифортъ,—признался онъ мнѣ,—еслибъ я могъ устроить свою жизнь, какъ я хочу, я сейчасъ даромъ, что мнѣ 24 года, поступилъ бы на первый курсъ политехнической школы: я чувствую, что мое призваніе—быть инженеромъ, прокладывать дороги въ горахъ, предотвращать обвалы, обуздывать бурные потоки, превращать живую силу нашихъ рѣкъ въ электрическую энергію, снабжать свѣтомъ и тепломъ наши деревни. Мнѣ хотѣлось бы такъ много сдѣлать для родины. Но что пользы сжимать кулакомъ, когда нѣтъ пальцевъ. Моя мать—мелочная торговка въ крохотномъ городкѣ Гауенбургѣ; она и то тянулась изо всѣхъ силъ, чтобы дать мнѣ возможность кончить курсъ въ учительской семинаріи.

Онъ захватилъ меня своею вѣрой, своими замыслами, своимъ молодымъ честолюбіемъ. Но отвѣчалъ я скупо и, пожалуй, разочаровалъ его. Какъ всегда, когда я встрѣчаюсь съ Гансомъ Штюнци, я думалъ о Готлобѣ. Они стоятъ другъ друга. Какая бы изъ нихъ вышла чудная пара. Для Готлобы трудно и желать болѣе надежнаго защитника. Да и кого другого могла бы она избрать себѣ спутникомъ жизни въ этомъ медвѣжьемъ углу, Зельматѣ?

Я снова свелъ рѣчь на Готлобу. И въ разговорѣ замѣтилъ, что мой собесѣдникъ какъ-то особенно испытующе вглядывается въ черты моего лица. Увидѣвъ себя пойманнымъ на мѣстѣ преступленія, онъ сконфузился и покраснѣлъ. Я засмѣялся.

— Что вы, голубчикъ? Можетъ быть, у меня муха сидитъ на носу? Или, можетъ быть, вы ищите въ моей физіономіи слѣды тѣхъ преступленій, которыя мнѣ приписываютъ?

Онъ понялъ, что дать отвѣтъ необходимо, и, смутившись, но искренно отвѣтилъ: «Дѣло въ томъ, что я увидѣлъ въ вашемъ лицѣ большое сходство съ Готлобой. Она похожа на васъ больше, чѣмъ на отца и чѣмъ на братьевъ и сестеръ».

Если я не свалился со стула при этихъ словахъ, то лишь потому, что за свою долгую жизнь постигъ искусство быть неуязвимымъ для неожиданностей. Въ данный моментъ это было большое счастье. Я лукаво разсмѣялся и обратилъ его оружіе противъ него же. «Это физіогномическое открытіе дѣлаетъ большую честь силѣ вашей фантазіи, но, милый мой г. Штюнци, у васъ черезъ два слова въ третье—Готлоба; вы находите ея черты вездѣ, даже въ моемъ обвѣтренномъ лицѣ. Позвольте тогда и мнѣ подѣлиться съ вами своимъ открытіемъ: вы безъ памяти влюблены въ эту дѣвушку».

Тутъ онъ ужъ окончательно смутился.—«Эта любовь безнадежна,—выговорилъ онъ угрюмо,—еще болѣе безнадежна, чѣмъ мечта быть инженеромъ. Я готовъ помириться и съ учительствомъ въ Зельматѣ, еслибъ хоть это удалось мнѣ. Готлоба бы, пожалуй, и не прочь, но ея отецъ, Хангштейнеръ, ненавидитъ меня, какъ какое-нибудь зловредное насѣкомое, опустошающее его садъ. Прежде онъ мнѣ разрѣшалъ хоть разъ въ недѣлю проводить у нихъ вечера и пѣть дуэты съ его дочерью. Теперь — ни за что. Онъ мнѣ запретилъ бывать у нихъ. «Почему?» «А потому!»—объявилъ онъ мнѣ, пожимая плечами,—когда я освѣдомился, чѣмъ я заслужилъ это. И нынѣшней осенью онъ, вотъ увидите, не отпуститъ Готлобу со мною въ гости къ вамъ, на Фейерштейнъ».

Глаза его, въ самомъ дѣлѣ, смотрѣли безнадежно-уныло.

— Успокойтесь. Готлоба все-таки придетъ съ вами сюда, ко мнѣ,—возразилъ я.—Я дамъ вамъ письмецо къ Хангштейнеру, напомню ему объ одномъ старинномъ обѣщаніи.—Юный учитель былъ очень удивленъ... Достаточно; теперь я знаю, что онъ любитъ ее, и, если она тоже его любитъ, тогда...

По уходѣ Штюнци я весь вечеръ строилъ планы относительно будущности ихъ обоихъ. Не будь я Іостъ Вильди изъ Зельмата, если я не сосватаю ихъ. Гансъ Штюнци будетъ инженеромъ, а Готлоба—его женой. Я съумѣю подвести мину и подъ гранитное крестьянское упорство Хангштейнера...

У тебя опасные, слишкомъ зоркіе глаза, мой милый Штюнци, но можешь, сколько тебѣ угодно, изучать и комбинировать: связующей нити ты, все-таки, не найдешь—слишкомъ пестрый узоръ выводитъ она, слишкомъ много перепуталось въ этомъ узорѣ человѣческихъ судебъ. Ловлю эту нить и продолжаю разсказъ о твоемъ предшественникѣ, Каспарѣ Имоберштегѣ, и его дочкѣ, Дуглорѣ.

IV.

Каспаръ Имоберштегъ, школьный учитель стараго Зельмата, не былъ честолюбцемъ, какъ его преемникъ, Штюнци. Онъ не мечталъ о томъ, чтобы преграждать путь лавинамъ и укрощать горные потоки; онъ былъ простосердечный, набожный и добрый человѣкъ, внѣдрявшій въ головы юнаго поколѣнія своей родной деревни, безъ особой строгости и безъ наказаній, понятія о нравственности, чести и приличіи, и кое-какія научныя знанія. Онъ былъ непомѣрно высокъ ростомъ и потому волей-неволей носилъ голову выше другихъ—небольшую, узкую, умную голову, съ парой дѣтски ласковыхъ карихъ глазъ, точно такихъ, какъ у Дуглоры. Немножко раздражало въ немъ только то, что онъ все время размахивалъ руками и болталъ ногами, также непомѣрно длинными; иные говорили, что Каспару не учителемъ бы быть, а портнымъ. У этого долговязаго человѣка была маленькая кругленькая жена, умѣвшая хозяйничать такъ неслышно, что въ многодѣтной семьѣ больше чувствовалось ея доброе вліяніе, чѣмъ замѣчалось ея присутствіе. Дѣти у нихъ вышли ни въ мать, ни въ отца, обыкновеннаго средняго роста, и милѣй ихъ всѣхъ была старшая, Дуглора, любимица отца и моя.

— Дуглора, что за странное имя!—сказалъ я однажды учителю.—Его нѣтъ въ календарѣ.—Онъ усмѣхнулся и объяснилъ, что это имя дано внучкѣ дѣдомъ, солдатомъ наполеоновской службы, и что оно означаетъ: славная передъ Богомъ. Тогда это имя стало нравиться и мнѣ.

У насъ дома было всегда такъ уныло, что, накормивъ и напоивъ коровъ и подоивъ ихъ, я, съ разрѣшенія матери, каждый вечеръ отправлялся къ учителю; сама она, болѣзненная и вѣчно кашляющая, ложилась рано. Когда же весеннимъ утромъ, вскорѣ послѣ возвращенія отца, мать моя угасла, какъ лампада, въ которой выгорѣло масло, по зимамъ домъ учителя сталъ для меня совсѣмъ роднымъ. Мнѣ было тогда четырнадцать лѣтъ.

Зельматъ весь утонулъ въ снѣгу; на крышахъ словно бѣлыя пуховыя подушки. А мнѣ—только перебѣжать дорогу, при свѣтѣ звѣздъ, и я ужъ въ свѣтлой и теплой верхней горницѣ учительскаго дома. Родители и дѣти, всѣ семеро, сидятъ за столомъ изъ большой аспидной доски, вставленной въ деревянную раму, и ужинаютъ. При входѣ моемъ Глёрли звонко смѣется и своей розовой ручкой, прозрачной на свѣту, протягиваетъ мнѣ очищенную горячую картофелину:—«Іостъ, это тебѣ».—Я запиваю картофе-

лину сипеватымъ снятымъ молокомъ и чувствую себя въ этомъ веселомъ семейномъ кругу, какъ птица въ гнѣздѣ.

Перекусивъ, чѣмъ Богъ послалъ, учитель Каспаръ—онъ же органистъ въ воскресные дни и умѣлый столяръ въ будничные,—садится за свой верстакъ, стоящій у одной изъ стѣнъ просторной горницы. Свиститъ пила, двигается рубанокъ, летятъ щепки изъ-подъ долота. Мы съ Дуглёрли помогаемъ учителю въ работѣ: склеиваемъ пазы, или же забиваемъ гвоздики въ углы досокъ, которыя онъ съ необычайной быстротой вставляетъ въ рамки. А онъ разсказываетъ и говоритъ безъ умолку, перелетая изъ одного царства природы въ другое.

Особенно любилъ онъ всякія сказки про дикихъ людей съ Фейерштейна.

«Женщины,—разсказывалъ онъ,—у нихъ были такъ робки и пугливы, что иному охотнику и до старости не удавалось изловить ни одной. А когда дикая женщина, убѣгая отъ охотника, выбивалась изъ силъ и уже не могла больше бѣжать, она вся закутывалась въ свои волосы, черные, какъ ночь, доходившіе ей до лодыжекъ, словно въ плащъ, и сворачивалась клубочкомъ, какъ ежикъ. Но, если пастухъ или охотникъ бралъ на руки этотъ черный клубочекъ, чтобы снести его домой, изъ клубочка выглядывало прелестное личико, огневые глаза, свѣтящіеся, какъ у дикой кошки; алый ротикъ съ бѣлоснѣжными зубками улыбался, и пойманная дикарка начинала просить и молить, чтобъ ей дали немного погрѣться на солнышкѣ. Но это все были только хитрости и притворство. Стоило человѣку выпустить ее, какъ она, легче серны, убѣгала въ горы. Когда же улыбка не дѣйствовала, она смѣнялась горькимъ плачемъ, противъ котораго трудно было устоять; если же и это не помогало, и дикаркѣ не удавалось освободиться, она начинала царапаться и кусаться, лѣзть на стѣну, и на третій день умирала въ припадкѣ бѣшенства. Такъ ужъ велось у дикихъ людей: ихъ крохотныя женщины были еще болѣе дики, чѣмъ высокіе, рослые мужчины».

Дуглёрли слушала съ пылающими глазами и съ восторгомъ въ лицѣ.—Я бы тоже такъ дѣлала, какъ дикая женщина, еслибъ кто вздумалъ унести меня изъ Зельмата: вырывалась бы, и кусалась, и царапалась бы.—И она дѣлала сердитое лицо и выгибала пальцы, какъ бы собираясь вцѣпиться въ врага, и старалась придать себѣ грозный видъ, что ей не вполнѣ удавалось, но выходило очень забавно.

Папаша Каспаръ сочувственно улыбался и добродушно кивалъ головой. И, снова берясь за рубанокъ, говорилъ:—Конечно,

Дуглёрли, мы съ тобой—люди надежные, мы не убѣжимъ изъ Зельмата, какъ мой добрый пріятель, знаменитый негоціантъ, Гансъ Конрадъ Бальмеръ въ Гамбургѣ, который, вѣдь, тоже выросъ въ здѣшней деревнѣ.

Теперь наступала моя очередь настораживать уши. Но Каспаръ, не замѣчая этого, или же просто занятый своими мыслями, продолжалъ:—Правда, и меня однажды обуяло легкомысленное стремленіе увидѣть свѣтъ. Въ то время я еще былъ юнъ и холостъ; отъ покойнаго отца мнѣ достался въ наслѣдство небольшой капиталецъ, а дѣло было какъ разъ въ началѣ вакацій. Я взялъ свой дорожный посохъ и рѣшилъ отправиться въ Базель, посмотрѣть этотъ большой и красивый городъ на Рейнѣ. Но, до Гауенбурга, зашелъ навѣстить достойную женщину, почтенную старушку, у которой я жилъ въ теченіе двухъ лѣтъ, когда учился въ семинаріи. Когда я вышелъ отъ нея, мирно настроенный воспоминаніями, былъ уже вечеръ. Въ одной изъ стѣнныхъ нишъ я замѣтилъ ларь съ держаными книгами, котораго раньше не было; цѣны на корешкахъ показались мнѣ дешевыми. Я взобрался наверхъ, въ замокъ Гауенбургъ. Зельматскія горы такъ и пылали въ лучахъ заката. И внутренній голосъ сталъ нашептывалъ мнѣ: «Зачѣмъ тебѣ уходить такъ далеко отъ Зельмата? Вѣдь и отсюда видны равнины. О, Каспаръ! про все это, вѣдь, можно отлично и въ книгахъ прочесть. И старыя, держаныя книги иной разъ цѣннѣе новыхъ и дорогихъ. Чѣмъ идти въ Базель, купилъ бы ты себѣ лучше книгъ». Я вернулся къ старушкѣ и переночевалъ въ той самой комнаткѣ, гдѣ раньше жилъ. А утромъ пошелъ къ ларю и отобралъ для себя книги, которыя, какъ мнѣ казалось, могли пригодиться школьному учителю въ горахъ: исторію нашего края, всемірную исторію, книгу про растенія и про животныхъ—все это съ чудесными рисунками. И дьяволъ-соблазнитель отступилъ отъ меня. Послѣ того я еще только одинъ разъ былъ въ Гауенбургѣ—когда открылось движеніе по желѣзной дорогѣ въ Санктъ-Якобъ. И увидалъ то, что хотѣлъ видѣть—локомотивъ, который, пыхтя и дымя, тащитъ поѣздъ, и естественно-историческій музей, основанный при великодушномъ содѣйствіи моего друга, Ганса Конрада Бальмера.

Я сталъ просить Каспара разсказать мнѣ подробнѣе объ этомъ своемъ другѣ; онъ удивился, что я ничего не знаю о немъ.—«Вѣдь твой отецъ бываетъ у него каждую зиму, когда ему случается попасть на сѣверное побережье».—«Отецъ мнѣ никогда ничего не разсказываетъ о чужихъ краяхъ»,—уныло

замѣтилъ я.—«Ну, о другѣ юности онъ могъ бы разсказать тебѣ». И въ тонѣ Каспара звучала какъ бы нотка осужденія отцу... Я ждалъ, что онъ начнетъ разсказывать, но въ это время часы съ кукушкой на стѣнѣ пробили десять: въ домикѣ учителя это былъ сигналъ къ прекращенію работъ. Каспаръ положилъ рубанокъ, похвалилъ насъ за усердіе и воскликнулъ:—«Ну, теперь возславимъ Господа!» Такъ бывало каждый вечеръ.

Онъ поднялъ крышку фисъ-гармоніи, протянулъ руки къ клавишамъ, а длинныя ноги къ мѣхамъ, и заигралъ прелюдію къ трогательной церковной пѣснѣ, стоявшей девятымъ нумеромъ въ нашей книгѣ псалмовъ:

Lobt den Herrn! Das Sterngefilde
Predigt laut von Gottes Macht
Und von Seiner Huld und Milde
Spricht des Frühlings Blumenpracht.
Lobt den Herrn! Lobt den Herrn!

Всѣ еще не спавшіе члены семьи группировались вокругъ Каспара. Лучше всѣхъ пѣла Дуглёрли; ярко выдѣлялся среди всѣхъ прочихъ голосовъ ея нѣжный, серебристый сопрано, и вся она, съ ея стройной, воздушной фигуркой, казалась ангеломъ, слетѣвшимъ съ небесъ. Сама того не замѣчая, она протянутымъ впередъ указательнымъ пальчикомъ тихонько отбивала тактъ, и покачивала головкой, какъ птичка во время пѣнія.

И глаза ея сіяли горячею дѣтскою вѣрой.

На слѣдующій вечеръ учитель разсказалъ мнѣ о Бальмерѣ.

— Да, этотъ таки изъ другой глины вылѣпленъ, чѣмъ мы всѣ,—началъ онъ съ искренней скромностью.—Хоть онъ и родился въ Зельматѣ, но задатки у него съ самаго начала были для болѣе широкой жизни, чѣмъ наша. Въ гауенбургской семинаріи мы съ нимъ сидѣли на одной скамьѣ; но, въ то время какъ намъ всѣмъ нужно было очень и очень напрягать мозги, чтобы слѣдить за тѣмъ, что говорилъ учитель, онъ учился шутя, и рѣшить самую трудную задачу для него было плевое дѣло. «И откуда это у него берется?»—дивились мы бывало. Но, хоть онъ и больше нашего зналъ и могъ, хотя и былъ умнѣй насъ и разсчетливѣе, и зрѣлѣй умомъ, тѣмъ не менѣе, онъ былъ милымъ и услужливымъ товарищемъ, и, когда ему чего-нибудь отъ насъ нужно было, онъ умѣлъ такъ говорить и улыбаться такою покоряющей улыбкой, что каждый изъ насъ съ радостью самъ предлагалъ свои услуги. Всѣ мы добровольно покорялись ему. Но, незадолго до экзаменовъ, вышла скверная исторія.

Конрадъ Бальмеръ, оказывается, нравился не только намъ, своимъ товарищамъ, но и одной дѣвушкѣ въ Гауенбургѣ, Бертѣ Вегенштейнъ. И вотъ изъ-за этой-то любви пришлось ему проститься и съ семинаріей, и съ учительской карьерой. Упрямый, смѣлый, сильный юноша ушелъ въ далекій міръ, и лѣтъ десять никто изъ насъ не слыхалъ о Конрадѣ Бальмерѣ.

— А Берту Вегенштейнъ онъ такъ-таки и не вспоминалъ всѣ эти десять лѣтъ?—вскричала Дуглёрли съ пылающими щечками.—Это было очень-очень гадко съ его стороны!»—Она такъ увлеклась разсказомъ отца, что даже забыла клеить рамки. А добрый Каспаръ, какъ на зло, усерднѣйшимъ образомъ стругалъ рубанкомъ и молчалъ, какъ будто забылъ продолженіе этой исторіи, или же просто нашелъ ее неподходящей для нашихъ ушей. Однако, внявъ нашимъ просьбамъ, продолжалъ разсказывать.

— Удивительно все это вышло. Итакъ, послѣ его исчезновенія, мы долго не имѣли о немъ извѣстій. Однако, когда мать его смертельно заболѣла, онъ пріѣхалъ въ Зельматъ, уже взрослымъ мужчиной. Сразу видно было, что ему посчастливилось, что онъ пробилъ себѣ дорогу, сталъ богатъ и знатенъ. Оказалось, онъ поступилъ ученикомъ въ одинъ торговый домъ въ Санктъ-Якобѣ, потомъ конторщикомъ къ одному негоціанту въ Гамбургѣ. Три года проработалъ въ Индіи. А, когда вернулся въ Гамбургъ, то понравился хозяйской дочкѣ, какъ нравился всѣмъ намъ. Она объявила, что ни за кого не выйдетъ, кромѣ Конрада Бальмера. И по смерти тестя онъ самъ сталъ крупнымъ негоціантомъ, владѣющимъ нѣсколькими кораблями.

— Вотъ этотъ человѣкъ мнѣ нравится!—съ живостью воскликнулъ я. — И вы говорите, отецъ знакомъ съ нимъ и бываетъ у него?

— Конечно. Гансъ Конрадъ и въ счастіи не сталъ высокомѣрнымъ. — Въ голосѣ учителя звучала радостная гордость. Дуглора подняла головку; глаза у нея были сердитые.—Отецъ, какъ ты можешь такъ хвалить человѣка, который бросилъ и забылъ дѣвушку изъ Гауенбурга? Вѣдь она же раньше любила его.

— Да ты послушай дальше, — успокоивалъ ее отецъ. — Богъ все устроилъ къ лучшему. Я самъ былъ свидѣтелемъ. Когда Гансъ Конрадъ, уже богатымъ человѣкомъ, пріѣхалъ въ Зельматъ, онъ пришелъ ко мнѣ, возобновилъ старую дружбу и довѣрилъ мнѣ многое, что было у него на сердцѣ.—«Представь себѣ, Каспаръ,—говорилъ онъ,—я только что изъ Гауенбурга; я посѣтилъ свою первую любовь, Берту Вегенштейнъ. Это было очень тяжело, но я заставилъ себя сдѣлать это. И, пред-

ставь себѣ: хотя она черезъ меня сдѣлалась несчастной, она мнѣ простила.» И, когда, черезъ два года, умерла его жена, принесшая ему въ приданое богатство, онъ, выждавъ годъ траура— теперь слушай, Дуглёрли, — снова пріѣхалъ сюда и спросилъ свою первую возлюбленную, не хочетъ ли она стать матерью его единственнаго ребенка. И она вышла за него замужъ. Что ты на это скажешь, Дуглёрли?—И Каспаръ отъ души засмѣялся.

— Все равно, я бы послѣ этого не взяла его,—отвѣчала дѣвочка съ необычнымъ въ ней упорствомъ. Кроткая Дуглёрли была очаровательна, когда сердилась, и мы съ учителемъ не могли не смѣяться надъ ея милымъ негодованіемъ. Но Каспаръ, не довольствуясь сказаннымъ, поспѣшилъ присоединить еще красивое заключеніе:—Теперь оба они живутъ въ Гамбургѣ, въ почетѣ и роскоши, но и на чужбинѣ не забываютъ родины. Конрадъ пожертвовалъ въ нашу приходскую церковь чудеснѣйшій органъ. Вы знаете Дитриха Хангштейнера изъ Зелаха, который во время сплава лѣса такъ неудачно упалъ, что уже нѣсколько лѣтъ лежитъ въ постели и не можетъ пошевельнуться? Гансъ Конрадъ Бальмеръ ежегодно къ Рождеству присылаетъ ему что-нибудь. Вообще онъ слѣдитъ за всѣмъ, что происходитъ въ нашей деревушкѣ, и когда можно сдѣлать что-нибудь доброе и полезное для насъ, помогаетъ щедрой рукой. Когда друзья природы въ Гауенбургѣ устроили музей и собрали въ немъ камни и кристаллы, которые находятъ въ Альпахъ, и красивыя окаменѣлости — летучихъ рыбъ и рыбъ-мечей, и дельфиновъ, которыхъ находятъ въ шиферныхъ копяхъ, а также экземпляры нашей горной серны, медвѣдя и каменнаго орла, Конрадъ захотѣлъ внести и свою долю. И черезъ своихъ агентовъ въ Египтѣ, Индіи и Америкѣ добылъ для насъ четвероногихъ, птицъ, крокодиловъ, змѣй и рыбъ, которые водятся въ другихъ странахъ, и преподнесъ ихъ въ даръ музею — четвероногихъ въ красивыхъ ящикахъ, змѣй, очковыхъ и другихъ, въ прозрачныхъ стеклянныхъ. Да, таковъ-то мой другъ, Гансъ Конрадъ Бальмеръ!

— «Мой другъ!»—Эти слова звучали какъ радостный призывъ. Каспаръ не зналъ, что и придумать, чтобъ окружить ореоломъ гуманности и доброты голову своего друга.

Онъ заразилъ и меня своимъ энтузіазмомъ.—«Вотъ такой человѣкъ мнѣ по душѣ. Такіе мнѣ нравятся!» — горячо воскликнулъ я, мысленно припоминая, какъ мальчикъ изъ Зельмата постепенно пробилъ себѣ дорогу въ жизни. Дуглора замѣтила это и надулась:—«Ну вотъ, теперь у тебя такіе глаза, Іостъ, какъ будто и ты задумалъ бѣжать въ дальнія страны.»

Ну, до этого, положимъ, было еще далеко—отецъ не бралъ меня даже и въ Гауенбургъ. А мнѣ такъ хотѣлось бы посмотрѣть чудесный музей.

Такъ, за разсказами и разговорами, прошла и долгая зима, весна смѣнилась лѣтомъ, и мы съ Дуглёрли снова пасли отцовскихъ коровъ на Боденской горѣ, что повыше Столовой.

Однажды я, никому не сказавшись, ночью тихонько вышелъ изъ дому, благо ночь была лунная, и, просто таки изъ непреодолимой потребности увидѣть свѣтъ, поднялся на Фейерштейнъ. Обвѣваемый легкимъ утреннимъ вѣтеркомъ, переполненный блаженствомъ и скорбью юности, я попиралъ ногами вольныя высоты и смотрѣлъ на необозримый міръ, раскинувшійся передо мною въ лучахъ восходящаго солнца, смотрѣлъ, какъ онъ постепенно сбрасывалъ съ себя сумрачный, сѣрый покровъ, расцвѣчался огнями, красками и радостью, и душа моя искала и жаждала иной, болѣе богатой содержаніемъ жизни, чѣмъ та, какую мы вели въ Зельматѣ.

И, словно самъ я былъ дитя солнца и свѣта, съ этого часа я жадною любовью полюбилъ жизнь и сталъ стремиться къ созерцанію, какъ къ чему-то возвышающему. И одновременно съ этимъ мнѣ стали казаться пустыми и небывшими дни, когда я не видалъ темныхъ глазъ и рыжевато-каштановыхъ косъ Дуглоры. А она за это лѣто расцвѣла, сформировалась; дѣтская угловатость ея исчезла, смѣнившись нѣжной дѣвичьей мягкостью движеній, жестовъ, поступи. Но я тогда и самъ не зналъ, какою несказанно счастливой была моя жизнь въ родной альпійской хижинѣ, и цѣнилъ лишь исключительное, вродѣ моего тайнаго восхожденія на Фейерштейнъ.

И потому, когда далекій міръ прислалъ мнѣ вѣсточку о себѣ, напугавъ насъ съ Дуглёрли во время нашей мирной бесѣды на цвѣтущемъ лугу, я цѣлый годъ потомъ думалъ и мечталъ объ этомъ.

V.

Лѣтомъ, какъ я уже говорилъ, мы съ Дуглорой пасли коровъ на Боденской пажити, по недѣлямъ не возвращаясь домой; жили мы съ ней очень дружно, но все время поддразнивали другъ друга, и въ играхъ, шалостяхъ, поддразниваньи незамѣтно проходили блаженные дни. Но, случалось, мы и не разговаривали вовсе: мнѣ бы только знать, что Дуглора около меня—я уже и тѣмъ былъ доволенъ, и часами способенъ былъ

лежать, подперши голову локтемъ, въ травѣ и цвѣтахъ, и смотрѣть мимо нея на причудливыя формы утесовъ Фейерштейна. Словно бѣлыя облачка, плыли въ вышинѣ стада зельматскихъ овецъ, или же карабкались по крутизнамъ охотники за сернами, бѣднѣйшіе изъ жителей Зельмата, перебрасывая свои ягдташи съ одного выступа скалы на другой и перескакивая вслѣдъ за ними. А, когда не видно было людей, на неприступныхъ скалахъ, какъ легкія темныя тѣни, виднѣлись стада козъ и сёрнъ, и хищныя птицы съ крикомъ описывали круги въ воздухѣ. Зрѣніе мое къ этому времени такъ обострилось, что отъ меня не ускользало ничто, происходившее на Фейерштейнѣ, даже сурокъ, ставшій на заднія лапки гдѣ-нибудь на утесѣ.

— Какъ съ тобой скучно! — воскликнула Дуглёрли.—Ты все молчишь.—Мы сидѣли съ нею подъ кустомъ альпійскихъ розъ, и проворные пальчики ея плели вѣнокъ изъ свѣтло-золотистыхъ горныхъ примулъ.—Нравится тебѣ?—спросила она, показывая мнѣ вѣнокъ.

Я посмотрѣлъ, но не отвѣтилъ и не тронулся съ мѣста.

Разсердившись, она гнѣвнымъ движеніемъ бросила прочь отъ себя вѣнокъ и вскричала:—Іостъ, что у тебя за мысли въ головѣ? Вѣчно ты о чемъ-то думаешь. Это ужасно! Такъ поступали только древніе язычники, эти дикіе люди, забытые Богомъ. — Я невольно разсмѣялся и, оживившись, покосился на нее. — Вотъ теперь ты смотришь совсѣмъ язычникомъ,—пошутила она; и, словно защищаясь отъ моего взгляда, заслонила загорѣлою ручкой лицо, на которомъ нѣжный бархатистый румянецъ сливался съ здоровымъ загаромъ. — Смотри-ка! — тотчасъ же воскликнула она,—вотъ идетъ Мельхи, спускаясь съ горы. Теперь будетъ шалить, надо вести себя прилично, Іостъ.— Изящная и легкая, какъ козочка, она вскочила на ноги и привѣтствовала подходившаго съ вязанкой сѣна крестьянскаго парня *іодлемъ*[1]), который въ ея устахъ звучалъ, какъ церковная пѣснь.

Самъ я такъ же мало любилъ Мельхи Хангштейнера въ молодости, какъ теперь люблю его въ старости; но и тогда, какъ теперь, онъ былъ достоинъ уваженія, и Дуглёрли, поэтому, относилась къ нему дружественно. Сынъ бѣднаго сплавщика плотовъ по Зелаху—того самаго, который послѣ неудачнаго паденія, сталъ паралитикомъ и принужденъ былъ не вставать съ постели,—Мельхи работалъ какъ мало кто изъ взрослыхъ въ Зельматѣ, чтобы прокормить многочисленную семью и не уронить ее въ глазахъ сосѣдей попрошайничествомъ. За старательность и трудолюбіе всѣ у насъ

[1]) Протяжное, со многими переливами, ауканье альпійскихъ горцевъ.

хорошо относились къ нему, въ томъ числѣ и я; но скрытая взаимная антипатія между нами, обнаружившаяся еще въ дѣтствѣ, съ годами не уменьшалась. Я былъ убѣжденъ, что Мельхи втайнѣ любитъ Дуглору не меньше меня. Только онъ пряталъ свою любовь подъ скромностью и робостью, ибо ему и въ голову не приходило конкурировать съ гордымъ Іостомъ Вильди.

День былъ жаркій; плотный, неуклюжій парень, который былъ всего годомъ старше меня и двумя годами старше Дуглоры, кряхтѣлъ и обливался потомъ подъ тяжелой ношей. Добравшись, наконецъ, до насъ, онъ сбросилъ съ плечъ тяжелую вязанку сѣна, сдвинулъ на затылокъ холщевый картузъ, прикрывавшій его бѣлую, какъ ленъ, голову, локтемъ сбросилъ съ лица сѣнную труху и, все еще тяжело дыша, присѣлъ отдохнуть подлѣ насъ.—Вамъ небось хорошо,—прохрипѣлъ онъ.—Только и работы за цѣлый день, что присмотрѣть, за коровами. Живете, какъ помѣщики.

— А ты, Мельхи, слишкомъ ужъ много работаешь. Невозможно же наваливать на себя такія вязанки, въ два центнера вѣсомъ. — Это не было лукавствомъ или кокетствомъ со стороны Дуглоры, какъ раньше ея пѣніе и іодль, но словомъ искренняго участія. При этой похвалѣ радостная улыбка озарила веснушчатое, некрасивое лицо парня, который и теперь уже выглядѣлъ старше своихъ лѣтъ. Эта улыбка, умная и живая, была единственнымъ, что красило его лицо. Мы поболтали о томъ, о семъ — о видахъ на урожай, о стадѣ, которое отъ времени до времени давало знать о себѣ мирнымъ позвякиваньемъ жестяныхъ колокольцовъ. Дуглора, тактичная, какъ взрослая дѣвица, старалась втянуть въ разговоръ и Мельхи, чтобы не дать ему замѣтить, что она интересуется мной больше, чѣмъ имъ.

— Глядите!—воскликнула она,—Какое тамъ облако!—точно вздыбившійся бѣлый конь, а на немъ всадникъ въ развѣвающемся черномъ плащѣ.

И тоненькой ручкой она указала на серебристыя облака, лѣниво скользившія надъ остроконечными вершинами утесовъ.

Мы оба посмотрѣли въ ту сторону; но я тотчасъ забылъ объ облакѣ, заинтересованный болѣе необычнымъ явленіемъ. И Дуглора замѣтила его и воскликнула:—Глядите! Чудо, чудо!

Чудомъ былъ слабо свѣтящійся золотистый шаръ, величиной съ луну, паривший надъ Срѣтенскимъ кольцомъ. Медленно, торжественно опускаясь, шаръ исчезъ за облакомъ, пронизаннымъ лучами заката, но скоро снова показался у нижняго края этого облака, выплылъ на открытое свѣтлое небо и продолжалъ спускаться, все ниже и ниже.

— Я ничего не вижу, — уныло жаловался Мельхи, не понимая, чему мы такъ дивимся. Наконецъ, мнѣ удалось направить и его взоръ въ ту сторону, гдѣ шаръ слегка алѣлъ въ лучахъ заката. Увидавъ его, Мельхи вскочилъ, раскинулъ руки и крикнулъ: «Помолиться бы лучше! Луна падаетъ съ неба. Это — начало кончины міра».

При этихъ словахъ Дуглора испуганно взглянула на меня. — Іостъ, Іостъ! мнѣ тоже какъ-то жутко, — вздохнула она. — Боже мой, что же это будетъ, если мѣсяцъ перестанетъ свѣтить по ночамъ? Я бы хотѣла знать, что объ этомъ скажетъ отецъ...— Какъ испуганный звѣрекъ, который вотъ-вотъ сорвется и убѣжитъ, она по-дѣтски безпомощно взглядывала на меня.

Да, интересно, что объ этомъ скажетъ Каспаръ. Какъ зачарованный, смотрѣлъ я на свѣтлый шаръ, плывшій по синему, предзакатному небу. Луна это, или не луна? Къ золотому диску какъ будто было подвѣшено что-то вродѣ мѣсячнаго серпа, но даже мои зоркіе глаза не различали явственно, что именно это было. А золотой шаръ становился меньше и меньше, вотъ ужъ величиною съ голову, а тамъ и всего-то съ кулакъ, задержался на мгновеніе на далекой, позлащенной солнцемъ вершинѣ скалы и тотчасъ же соскользнулъ съ нея, какъ падучая звѣзда. Напрасно я напрягалъ зрѣніе, вглядываясь въ серебряныя облака и голубую лазурь—небо снова было пусто, какъ прежде.

Дуглора и Мельхи вздохнули свободнѣе.—Ну, слава Богу, луна не лопнула, какъ я опасался, — съ облегченіемъ выговорилъ Мельхи. — Пока мы еще живы и цѣлы, но о пережитомъ страхѣ слѣдуетъ помнить. — Съ этими словами парень снова взвалилъ себѣ на плечи свою ношу, и совершенно скрывшись подъ нею, сталъ спускаться въ долину.

Появленіе свѣтящагося шара, замѣченнаго и съ другихъ горныхъ плато, окружающихъ Зельматскую долину, вызвало много толковъ между суевѣрными горцами; но у учителя Каспара было на этотъ счетъ свое особое мнѣніе. — Іостъ, — говорилъ онъ, съ важностью поднимая свой длинный указательный палецъ, — эта дьявольская штука навѣрное залетѣла изъ Франціи. Французы—безпокойный народъ; имъ непремѣнно надо выдумать что-нибудь особенное. Оттого они и изобрѣли монгольфьеры, или воздушные корабли. То, что вы видѣли, былъ, несомнѣнно, воздушный корабль—огромный круглый мѣшокъ изъ шелковой матеріи, наполненный какимъ-нибудь газомъ, съ подвѣшенною къ нему лодочкой, въ которой горитъ огонь. Этакій дьявольскій корабль можетъ залетѣть далеко-далеко, и ежели кто не

боится согрѣшить передъ Богомъ и передъ самимъ собой, тотъ можетъ усѣсться въ лодочку и летать надъ разными странами. Но это дѣлаютъ только самые дурные, отпѣтые люди. На большой высотѣ они легко сходятъ съ ума и тогда либо поджигаютъ монгольфьеръ, либо, подъ вліяніемъ головокруженія, выскакиваютъ изъ лодочки и убиваются на смерть.

Я пробовалъ было возражать. — Мы не видали ни огня, ни людей; видѣли только подъ шаромъ что-то вродѣ серпа— можетъ быть, это и была лодочка.—Тогда Каспаръ, въ слѣдующій разъ, какъ онъ пришелъ навѣстить насъ на горную пажить, притащилъ туда одинъ изъ своихъ фоліантовъ и указалъ мнѣ въ концѣ книги изображеніе шара съ подписью: «28-го октября 1783 года, возлѣ замка Мюэтъ, вблизи Парижа, поднимутся на воздухъ на монгольфьерѣ Пилатръ де-Розье и маркизъ д'Арландъ».

Я съ жадностью накинулся на картинку и на описаніе ея и съ убѣжденіемъ сказалъ учителю. — Теперь я самъ вижу, что шаръ, видѣнный нами, былъ, по всей вѣроятности, воздушный корабль. Мнѣ бы только хотѣлось знать, были ли въ лодочкѣ люди и гдѣ они опустились на землю.

Каспаръ отвѣчалъ, съ искренней радостью въ честныхъ глазахъ:

— Вотъ видишь, какъ я тогда хорошо сдѣлалъ, что, вмѣсто утомительнаго и дорогого путешествія въ Базель, накупилъ въ Гауенбургѣ книгъ, въ которыхъ написано столько полезнаго и поучительнаго.

Въ разговорѣ приняла участіе и Дуглёрли.

— «О, Іостъ, — сказала она, съ милой озабоченностью грозя мнѣ пальчикомъ,—что ты такъ безпокоишься объ этомъ? Мало ли что творится въ мірѣ: какое тебѣ дѣло до этого? И на что намъ знать, куда летѣлъ этотъ монгольфьеръ? Онъ и безъ насъ нашелъ свою цѣль и дорогу.

Учитель сочувственно кивнулъ головою; я же, смѣясь, возразилъ:

— Какъ какое дѣло? Вѣдь это же должно быть хорошо, какъ въ раю, летѣть на воздушномъ кораблѣ, надъ морями, деревнями и горами. Мнѣ бы очень хотѣлось когда-нибудь испытать это, украдкой и тайно отъ всѣхъ, какъ зрѣлище восхода солнца на вершинѣ Фейерштейна въ то утро, когда ты, Дуглёрли, нашла моихъ коровъ безъ пастуха.

Самъ того не замѣчая, я проговорился. Школьный учитель

и дочь его были ошеломлены. Если бы у меня внезапно выросли за плечами крылья и я, подобно орлу, ввился бы надъ горами, отецъ и дочь не могли бы больше изумиться и испугаться.

— Іостъ, Іостъ — вскричалъ пораженный Каспаръ. — Какія однако у тебя опасныя мысли! Кажется, не мало тебя колотилъ отецъ, а все-таки не смогъ выбить у тебя изъ головы эту дурь.

Дуглёрли разрыдалась. И я почувствовалъ, что изъ-за одного неосторожнаго слова я вдругъ сталъ чужимъ и непонятнымъ тѣмъ самымъ людямъ, которыхъ я больше всего любилъ.

Этотъ безмолвный раздоръ съ ними былъ мнѣ чрезвычайно тягостенъ. Я положительно не могъ жить не въ ладу съ ними и въ теченіе всего лѣта старался смиреніемъ и кротостью вернуть довѣріе Дуглёрли и ея отца. Наступила, однако, зима, послѣдняя прекрасная, родная зима, которую мы провели въ Зельматѣ, прежде чѣмъ смѣлое слово, вырвавшееся подъ вліяніемъ мятежной крови и юношеской жажды жизни, было забыто, и между Каспаромъ, Дуглорой и мною снова возстановилось то духовное единеніе, которое такъ грѣетъ душу.

Однажды вечеромъ, когда я пришелъ къ учителю помогать вправлять доски, Дуглора встрѣтила меня смѣхомъ.—Ну, теперь мы знаемъ, куда направлялся шаръ и гдѣ онъ нашелъ свой конецъ. Угадай-ка!—Откуда же мнѣ знать?—возразилъ я, съ виду равнодушно, но внутренно очень заинтересованный судьбой воздушнаго шара... Тогда она положила передо мною очень распространенный въ горныхъ мѣстностяхъ народный календарь. И мы оба стали читать. Въ календарѣ было разсказано, что шаръ, такъ напугавшій жителей горныхъ районовъ и вызвавшій столько толковъ, принадлежалъ одной изъ французскихъ воздухоплавательныхъ командъ: онъ сорвался съ привязи и людей на немъ не было. На одномъ изъ рисунковъ было изображено, какъ охотники въ глубинѣ одного изъ альпійскихъ ущелій подбираютъ жалкіе остатки грознаго метеора, зацѣпившагося за вѣтку засохшей сосны.

Я былъ разочарованъ, и мнѣ уже не хотѣлось больше разговаривать о воздушныхъ корабляхъ. А Дуглора съ отцомъ улыбались про себя, видя, какъ мой энтузіазмъ сразу погасъ подъ этимъ холоднымъ душемъ.

Въ томъ же календарѣ были помѣщены портреты и біографіи выдающихся людей родины. Въ числѣ ихъ былъ и портретъ Ганса Конрада Бальмера. Школьный учитель не могъ налюбоваться портретомъ своего друга и показывалъ намъ его,

весь сіяя радостью. Я же, сколько ни вглядывался, не находилъ въ чертахъ портрета той доброты и гуманности, которыя такъ восхвалялъ Каспаръ. Наоборотъ, въ этомъ лицѣ съ проницательными глазами и сѣдыми бакенбардами въ видѣ котлетъ, мнѣ мерещился совершенно иной типъ человѣка, бросающаго вызовъ міру: «Это я. Вотъ я каковъ. Я все могу. Кто устоитъ противъ меня?» Но—странное дѣло: побѣдоносное выраженіе его лица, говорившее о сознаніи своей значительности и объ отсутствіи щепетильности, гораздо сильнѣе приковывало мое вниманіе, чѣмъ если бъ это лицо было ангельски добрымъ. Я часто думалъ: «Вотъ это такъ. Вотъ это славно было бы. Сдѣлаться такимъ человѣкомъ, какъ Гансъ Конрадъ Бальмеръ!..» Между тѣмъ школьный учитель какъ разъ тогда получилъ коротенькое, но милое письмецо отъ Бальмера, и счастье и восторгъ этого простодушнаго человѣка не знали границъ. Цѣлыхъ два вечера подрядъ онъ не дотрогивался до рубанка: все писалъ отвѣтъ своему другу молодости.

— Іостъ, тутъ и про тебя написано,—усмѣхнулся онъ, торжественно запечатывая письмо сургучемъ, который онъ грѣлъ на свѣчѣ. — Надо же васъ познакомить.—Изъ двухъ календарей онъ вырѣзалъ портреты своего друга, наклеилъ ихъ на плотный бѣлый картонъ, прикрылъ стекломъ отъ пыли и вставилъ въ рамку, съ нарисованными альпійскими цвѣтами; болѣе затѣйливыхъ рамокъ ему за всю свою жизнь не удавалось еще изготовить. Однимъ изъ этихъ портретовъ онъ украсилъ свою комнату, другой подарилъ мнѣ и обрадовался, когда я сказалъ ему, что я повѣсилъ его у себя на стѣнѣ.

Въ дружныхъ, уютныхъ бесѣдахъ зима прошла незамѣтно. Каспаръ все время сіялъ, сначала отъ того, что получилъ письмо отъ Бальмера, потомъ—отъ радости по случаю полученія крупнаго заказа на рамки.

За выполненіе этого заказа онъ и принялся теперь чрезвычайно усердно. Насвистывая какой-нибудь гимнъ, онъ, словно художникъ, накладывалъ кучу различныхъ красокъ на зеленую полосатую рамку и изъ этой кучки выростали цвѣты, которыми покрыты наши горы: звѣздочки, изъ золотистой серединки которыхъ во всѣ стороны разбѣгаются какъ лучи узенькіе бѣлые листики, колокольчики съ нѣжными бахромчатыми подвѣсками, альпійская мать-мачеха, съ круглымъ личикомъ и желтовато-красными пятнышками, въ которыхъ при желаніи можно было разглядѣть глаза, ротъ и носъ. Когда рамку нужно было сдѣлать особенно красивой и роскошной, онъ придѣлывалъ къ цвѣтамъ

еще усики и завитки, дѣлалъ бордюръ изъ виноградныхъ листьевъ и сажалъ на нихъ птичекъ, вродѣ горной пѣночки, которая клювомъ приглаживаетъ себѣ перья; или же не такъ щедро сыпалъ цвѣты, но зато на борту доски надписывалъ изреченіе:

Кто порядокъ соблюдаетъ,
Трудъ и время сберегаетъ.

И, добросовѣстно выводя буквы, былъ увѣренъ, что это правило житейской мудрости облегчитъ какому-нибудь юношѣ или дѣвушкѣ трудный путь земного странствія,—насколько вообще такія добрыя правила и наставленія помогаютъ намъ, людямъ, обходить камни преткновенія на житейской дорогѣ.

И все же лучшей жемчужиной въ семьѣ учителя была Дуглёрли, и чѣмъ дальше, тѣмъ сердечнѣе я привязывался къ ней. Отъ ея милаго, овальнаго личика, отъ ея темныхъ глазъ и темно-золотистыхъ волосъ, казалось, исходило сіяніе, чистое и радостное, какъ солнечный лучъ, и это сіяніе грѣло весь домъ. Хотя и хрупкая, какъ бѣлый альпійскій колокольчикъ, она дѣятельно помогала матери въ хлопотахъ по хозяйству, сама заботилась, какъ маленькая мама, ласково и терпѣливо, о младшихъ братьяхъ и сестрахъ, цѣлыми днями пристававшихъ къ ней, и все, за что она ни бралась, дѣлала легко и неслышно, будто шутя. Но, какъ прежде, всего очаровательнѣй она казалась мнѣ за вечерней молитвой, когда серебристый голосокъ ея звучалъ такъ красиво и благоговѣйно, какъ будто она благодарила Бога за свое великое счастье.

Я и не зналъ, когда она брала уроки и брала ли, но она какъ-то совершенно незамѣтно выучилась чудесно играть на органѣ. Нерѣдко она въ церкви замѣняла отца и во время проповѣди сидѣла за своимъ органомъ, неподвижная, какъ прелестное изваяніе, среди всѣхъ этихъ суровыхъ, словно изъ камня выточенныхъ крестьянскихъ головъ. И прихожане говорили про нее: «Въ ея игрѣ больше святости, чѣмъ у учителя. Подъ ея пальцами какъ будто оживаютъ органныя трубы и сами изъ глубины души хвалятъ Бога». И больше всѣхъ былъ счастливъ этими похвалами Каспаръ.

— Да,—говорилъ онъ,—если бы Дуглора жила въ городѣ, изъ нея, быть можетъ, вышла бы знаменитая пѣвица, игра и пѣніе которой доставляли бы возвышающее наслажденіе многимъ; но и то уже заслуга съ ея стороны, что она будитъ своей игрой сердца и совѣсть нашихъ тупоголовыхъ зельматцевъ, заставляя ихъ чувствовать близость Бога.—Я было совершенно согласенъ съ нимъ; меня только обижало, что мой сосѣдъ по церковной

скамьѣ, Мельхи Хангштейнеръ, въ продолженіе всей обѣдни сидитъ какъ очарованный, уставившись своими водянисто-голубыми глазами изъ-подъ свѣтло-желтыхъ бровей и рѣсницъ на Дуглору, которая сидѣла на хорахъ, у всѣхъ на виду, и всякій могъ смотрѣть на нее, сколько хотѣлъ.

Однажды, въ воскресенье, въ самомъ началѣ весны, я такъ разсердился на Мельхи за его нескрываемое восхищеніе Дуглорой, что два-три дня не могъ преодолѣть въ себѣ злобнаго чувства противъ него.—«Неужто,—ворчалъ я—и онъ воображаетъ себѣ, что вишни въ саду школьнаго учителя зрѣютъ для него?»

И вдругъ, въ эту минуту я увидѣлъ на лужайкѣ, возлѣ кладбища, всю облитую солнечнымъ свѣтомъ золотисто-каштановую головку и стройную фигурку въ свѣтломъ платьѣ, которое развѣвалъ вѣтеръ. Она вѣшала бѣлье на веревку и, завидя меня на улицѣ, крикнула:—Іостъ, поди-ка сюда! помоги мнѣ натянуть потуже веревку между деревьями.—Я побѣжалъ къ ней и—самъ не знаю, что такое на меня вдругъ нашло, но только, когда Дуглора приподнялась на цыпочки и вытянула руки, чтобы прикрѣпить колышкомъ къ веревкѣ вымытую и подсиненную простыню, я схватилъ эту стройную дѣвичью фигуру въ свои объятія. — Что ты, Іостъ?—испуганно взмолилась она,—пасторъ увидитъ, и мертвые такъ близко отъ насъ. — Ну и пусть, — возразилъ я съ возрастающей страстью,—а я буду тебя цѣловать и ласкать!—Она противилась и вырывалась, но сопротивленіе только разгорячило меня. Съ пылкостью, которая была новой для меня самого, но отъ которой мнѣ было и жутко, и сладко, я заставилъ ее покориться и крѣпко прижалъ ее къ своей груди. Она, не отвѣчая, только гнѣвно скрипѣла зубами и сердито мотала головой; волосы ея распустились, золотисто-каштановыя волны упали мнѣ на лицо, опьяняя меня тонкимъ своимъ ароматомъ. Я все крѣпче прижималъ ее къ себѣ, осыпая ея лицо, шею безумными поцѣлуями. Почувствовавъ, что она еле держится на ногахъ я, наконецъ, отпустилъ ее, самъ дивясь своему безумію.

Дуглора не плакала, не говорила ни слова. Какъ сломанная, какъ оглушенная, она прислонилась къ забору и судорожно вздрагивавшими пальцами застегивала кофточку у ворота. Ея смертельно блѣдное лицо подъ разсыпавшимися волнами волосъ казалось лицомъ безумной; широко раскрытые, словно отъ испуга, глаза были полны жгучей, смертельной тоски. Во мнѣ еще не остыло блаженное чувство своей молодой бурной силы, прорвавшейся наружу, но мнѣ уже было совѣстно и страшно за дѣвушку. Надо было что-нибудь дѣлать, говорить. Съ нѣжностью и мяг-

костью, которыхъ самъ я раньше не подозрѣвалъ въ себѣ, я приподнялъ рукой ея поникшую головку; дѣвушка, словно во снѣ, поддавалась моей мягкой настойчивости; она прислонилась ко мнѣ и, полузакрывъ глаза, казалось, отдыхала.

— Дуглёрли,—шепнулъ я, отводя рукой ея волосы отъ блѣднаго личика, — вѣдь, я тебя сердечно люблю, Дуглёрли. Когда я женюсь, я не возьму въ жены другой дѣвушки, кромѣ тебя.—Она словно проснулась, вскинула на меня темные глаза, улыбнулась дрожащими губками и вдругъ, сознавъ происшедшее, безсильно припала ко мнѣ на грудь, заплакала, зарыдала.—«О, Іостъ, какъ хорошо ты это сказалъ! Еслибъ ты не сказалъ этого, я не могла бы жить,—такъ мнѣ стыдно, такъ стыдно; я бы утопилась въ Зелахѣ. Что это ты за глупости выдумалъ?»—И, плача и смѣясь, она сама лепетала милыя глупости.—«Ахъ, ты дикій человѣкъ. Я вѣдь давно знала, что ты сумасшедшій. Это я тогда уже знала, когда ты пришелъ въ восторгъ отъ этого сатанинскаго воздушнаго корабля. Да и всегда, всегда. Но, разъ ты говоришь, что любишь меня, такъ вѣдь и я тебя тоже люблю. И всегда любила, и теперь еще больше буду любить. Люблю тебя вѣчно».—Теперь она уже не думала о томъ, что пасторъ можетъ увидѣть и что мертвые близко: она была покорна мнѣ, какъ рабыня.

Этотъ цвѣтущій весенній день былъ какъ бы днемъ нашей тайной помолвки. Дуглора, въ своей юной любви, гордо несла голову, словно самъ Богъ увѣнчалъ ее вѣнкомъ избранницы, и еще горячѣе молилась во время вечерняго пѣнія гимна. Когда она садилась за органъ, въ звукахъ ликовала ея душа. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ ней было столько неподдѣльнаго женскаго достоинства и чистоты, что это смиряло даже мою мятежную и пылкую кровь и принуждало меня держаться съ нею почтительно. А я въ своей любви похоронилъ всю свою тоску по далекому міру. Теперь и я хотѣлъ, какъ того желалъ мой отецъ, остаться навседа мирнымъ замледѣльцемъ въ Зельматской долинѣ, и не думалъ о томъ, что воздушный корабль, промелькнувшій въ вышинѣ, можетъ опрокинуть человѣческую судьбу.

VI.

Долго не приходила Готлоба. Гансъ Штюнци телеграфировалъ мнѣ, что старикъ Хангштейнеръ не совсѣмъ здоровъ, но черезъ нѣсколько дней, по всей вѣроятности, поправится. Только бы погода не испортилась. Въ воздухѣ разлитъ блаженный покой позд-

ней осени, бабьяго лѣта. Если по ночамъ на моей вершинѣ уже начинаются заморозки и въ тишину моей обсерваторіи врывается крикъ птичьихъ стай, улетающихъ на зиму, то все же дни стоятъ дивные. Темносинее небо безоблачно, отъ Монблана и Гросглокнера до Монте-Визо и Вогезовъ; прозрачный, какъ вода, стеклянный шаръ моего солнцемѣра за день выжигаетъ на подложенной подъ него бумагѣ необычно четкую для этой поры года линію; барометръ не падаетъ и четыре вытянутыя руки анемометра, поставленнаго на вершинѣ, своими металлическими чашами, словно руками, ловящія вѣтеръ, едва замѣтно колышутся подъ легкимъ давленіемъ воздуха, идущимъ съ востока. Хорошая погода установилась прочно. Значитъ, Готлоба придетъ.

Какъ только смеркнется, меня уже тянетъ неудержимо къ моей начатой исповѣди, и стоитъ мнѣ углубиться въ нее, какъ оторваться уже трудно. Нерѣдко я пишу до утра и самъ дивлюсь, какъ живо и свѣжо встаютъ передо мной картины юности въ зеркалѣ воспоминанія. Словно дивная старая пѣсня, хватаютъ онѣ меня за сердце.

Не всѣмъ, однако, нравится мое бумагомаранье. Прежде всего, оно не нравится «Снѣжку», моему милому товарищу, моему бѣлому шпицу. Я купилъ его у словака-торговца мышеловками, случайно попавшаго въ наши горы, когда лежалъ съ раздробленной ногой въ домѣ Мельхи Хапгштейнера. Потомъ взялъ его съ собой на гору, и вотъ мы уже семь лѣтъ дѣлимъ съ нимъ горе и радость. Намъ не разъ случалось вмѣстѣ съ нимъ голодать, къ веснѣ, когда наши запасы приходили къ концу; случалось сидѣть въ темнотѣ, когда выходили всѣ свѣчи; Снѣжокъ отлично все понимаетъ, въ трудные дни, когда не дѣйствуетъ телеграфъ, онъ—единственное мое утѣшеніе; многое онъ уже испыталъ, живя со мной, но никогда еще не случалось, чтобъ я забывалъ о немъ. А теперь, когда я засяду за свою исповѣдь—ни единаго слова, ни единой ласки. Вчера вечеромъ онъ положилъ лапы ко мнѣ на колѣни, потомъ на мою пишущую руку и, шаля, пытался вырвать зубами перо изъ моихъ пальцевъ. «Ложись, Снѣжокъ!» Онъ повиновался, но съ жалобнымъ видомъ, и жалобный взглядъ его, устремленный на меня, ясно говорилъ: «О, господинъ, какія у тебя бываютъ странныя причуды!» Потому что Снѣжокъ уменъ, какъ человѣкъ—только говорить не умѣетъ.

Вмѣстѣ съ Снѣжкомъ сокрушаются о своемъ господинѣ, углубленномъ въ воспоминанія прошлаго, «Пюкъ»—галка съ сломаннымъ крыломъ, которую я полѣномъ отбилъ у коршуна,

взвившагося съ нею надъ вершиной, и «Ми»,—горная мышь, которая сама пришла ко мнѣ; когда я начинаю насвистывать она садится ко мнѣ на руку и беретъ у меня изъ пальцевъ очищенные орѣшки.

Ничего не подѣлаешь, милый мой огорченный трилистникъ друзей. Картины юности встаютъ передо мной, и моя Дуглёрли своимъ кроткимъ, серебристымъ голоскомъ зоветъ меня: «Іостъ!»

Отецъ изъ своихъ странствій вернулся въ превосходномо настроеніи и даже не былъ угрюмъ, какъ всегда. Въ честь его возвращенія мы пошли въ воскресенье въ церковь, посѣтили могилу матери, всю утопавшую въ цвѣтахъ, выпили стаканчикъ въ «Сернѣ», а обѣдать вернулись домой; обѣдъ намъ готовила сосѣдка. Въ ожиданіи обѣда, отецъ обошелъ весь домъ, всѣ закоулки, чтобъ осмотрѣть, все ли въ порядкѣ. Увидавъ въ моей спальнѣ висѣвшій на стѣнѣ портретъ, Ганса Конрада Бальмера, онъ разсердился—я сразу замѣтилъ это по его лицу. Отъ портрета въ затѣйливой красивой рамочкѣ, работы Каспара, онъ перевелъ на меня взглядъ, сверкавшій недовѣріемъ. И сердито прохрипѣлъ:—Это что же такое?

— Мнѣ симпатиченъ этотъ человѣкъ,—отвѣчалъ я съ апломбомъ юноши, недавно только почувствовавшаго себя взрослымъ.—Ты, правда, ничего мнѣ не разсказывалъ о немъ, но я много слышалъ о немъ отъ учителя Каспара.

Отецъ отмахнулся отъ меня, какъ бы давая мнѣ понять, что онъ не хочетъ слушать.—Тутъ, очевидно, какія-то интриги плетутся за моей спиной,—проворчалъ онъ сердито.—Тебѣ симпатиченъ Бальмеръ,—да, да—и ты ему симпатиченъ...—На этомъ оборвался и разговоръ, и осмотръ комнатъ. Разстроенные, мы вернулись въ столовую; но это натянутое молчаніе было для меня нестерпимо. Я положилъ ложку на столъ, рядомъ съ моею цинковой тарелкой, и молвилъ:—Отецъ, я сытъ по горло такой совмѣстной жизнью. Тебѣ незачѣмъ душить свою досаду, а я достаточно взрослый, чтобы ты могъ говорить со мною откровенно.

— Какъ ты хватаешься за поводъ, чтобы только разорвать со мной!—крикнулъ онъ и поднялся изъ-за стола.—Ну что-жъ, по мнѣ, ступай хоть завтра въ Гамбургъ, если ты думаешь, что проклятіе отца поможетъ тебѣ составить свое счастье. Разумѣется, это учитель по твоей просьбѣ написалъ туда и расхвалилъ тебя, дрянь ты этакая!

— Отецъ, я не знаю, что писалъ учитель Каспаръ, и, во всякомъ случаѣ, я его ни о чемъ не просилъ, — возразилъ я, блѣднѣя отъ гнѣва и тоже вскакивая съ мѣста.

Отецъ озадаченный, откашлялся и проворчалъ:—Да я-то знаю.

— Такъ говори, отецъ, въ чемъ же дѣло,—настаивалъ я.

Немного поуспокоившись, онъ началъ: — Я умышленно не сообщалъ тебѣ о томъ, что я, всякій разъ, какъ мнѣ приходится бывать на побережьѣ, увѣдомляю Бальмера о своемъ прибытіи. Тогда онъ пріѣзжаетъ ко мнѣ на часокъ въ гостиницу, и я ему разсказываю все подробно о Зельматѣ и объ учителѣ Каспарѣ. Это я дѣлаю ради учителя и, отчасти, ради Бальмера. Вѣдь мы всѣ трое—школьные товарищи, учились вмѣстѣ. Ну такъ вотъ: мѣсяца два тому назадъ является ко мнѣ Бальмеръ и съ мѣста въ карьеръ спрашиваетъ: «Правда ли, Клаусъ, что твой сынишка, Іостъ—такая свѣтлая головка! И разсказываетъ мнѣ, какъ ему расхваливалъ тебя учитель... И говоритъ: «Отдай мнѣ мальчика въ ученье. И жена моя этого хочетъ. Привези мнѣ сюда Іоста». Вотъ я и хочу знать, Іостъ, ты ли самъ это устроилъ, или нѣтъ. Его портретъ, висящій въ твоей комнатѣ, навелъ меня на эту мысль.—Онъ поглядѣлъ на меня недовѣрчиво и продолжалъ: —Іостъ, я всю жизнь готовилъ тебя къ жизни крестьянина-земледѣльца. Неужто же ты хочешь бросить меня и уѣхать къ Бальмеру?—И пытливый взглядъ его, какъ буравъ, впился въ мои глаза.

Я былъ такъ пораженъ этимъ планомъ Бальмера выписать меня въ Гамбургъ, что въ первую минуту растерялся и ничего не могъ отвѣтить.—«Міръ, широкій міръ!»—звенѣлъ у меня въ душѣ ликующій голосъ. Но тотчасъ же передо мною всплыли кроткіе глаза Дуглоры, и я протянулъ руку отцу, который, чувствуя себя глубоко оскорбленнымъ, уже готовъ былъ отвернуться отъ меня.

— Какъ передъ Богомъ, клянусь и обѣщаю тебѣ, отецъ, что я до самой смерти останусь жить и воздѣлывать землю въ Зельматѣ.

Мы молча пожали другъ другу руки, долго и пристально смотрѣли другъ другу въ глаза. Отецъ первый заговорилъ:

— Іостъ, въ дѣтствѣ тебѣ жилось не легко—изъ-за меня; но за то это помогло. Твоя кровь теперь уже не бунтуетъ, и ты способенъ разсуждать разумно.

— Не побои твои причиной моего благоразумія,—хотѣлось мнѣ отвѣтить,—а то, что въ сердцѣ у меня живетъ молодая любовь.—Но я видѣлъ, что у него отъ волненія и радости

даже слезы выступили на глазахъ и не хотѣлъ огорчать его. Въ любовномъ и дружномъ согласіи, какого никогда не бывало еще между нами, покончили мы прерванный ссорой обѣдъ. Совладавъ со своимъ волненіемъ, отецъ мягко сказалъ мнѣ:—Я думаю, Іостъ, что мы еще много лѣтъ проживемъ съ тобой вмѣстѣ, и хорошо проживемъ, но торговать въ разносъ я уже больше не пойду: послѣднія десять лѣтъ торговля становится чѣмъ дальше, тѣмъ хуже: скоро и совсѣмъ сойдетъ на нѣтъ.—И, видимо подбодряя себя, онъ завелъ разговоръ на тему, которая въ послѣднее время стала его любимой: о моей будущей женитьбѣ.

— Нѣтъ, черезъ главное ты еще не перешагнулъ, Іостъ. Теперь еще начнется возня съ бабами. Это многихъ втягивало туда, куда вовсе не слѣдовало. А все-таки вѣрно и то, что домъ безъ хозяйки — все равно, что коптильня, въ которой не виситъ ни единаго окорока.—И онъ осторожно, обиняками, повелъ рѣчь о томъ, что со временемъ мнѣ придется взять жену, которую онъ выберетъ для меня среди дѣвушекъ нашей страны. Я вдругъ, набравшись храбрости, спросилъ:

— Отецъ, а что бы ты сказалъ, если бы мнѣ понравилась учительская дочка Дуглора?

— Дуглора, Дуглора?—повторилъ онъ, задумчиво покачивая головой.—Ишь ты какая шельма, Іостъ! Дѣвушка-то хороша, да только — онъ сдѣлалъ видъ, будто считаетъ деньги, — насчетъ этого не густо. Я ничего не имѣю ни противъ учителя, ни противъ его дочки; мнѣ и самому понравилось, какъ она нынче играла на органѣ. Но ты все-таки погоди, Іостъ, годика два или три; осмотрись, приглядись къ другимъ здѣшнимъ дѣвицамъ—можетъ, найдешь такую, что и тебѣ понравится, и приданаго у нея будетъ побольше, чѣмъ у Дуглоры. Но если ты и послѣ того будешь настаивать, чтобъ непремѣнно взять Глёрли, я противиться не стану. Дѣвушка очень хорошая, и Каспаръ мнѣ всегда былъ добрымъ сосѣдомъ.

Я отъ радости и благодарности готовъ былъ броситься на шею отцу. Для него деньги и богатство играли большую роль, и я сильно побаивался, какъ бы между нами не вышло стычки, когда я заговорю о Дуглорѣ. А онъ не только не разсердился, но почти далъ согласіе, и, когда мы послѣ обѣда отправились въ дальнюю прогулку обозрѣвать наши пашни, его обыкновенно немного угрюмое лицо выражало тихое довольство.

Тихо и мирно прожили мы весну и начало лѣта; отецъ слѣдилъ за полевыми работами, я съ Дуглорой пасъ наше стадо на Боденской пажити, откуда мы не возвращались домой по-

цѣлымъ недѣлямъ. Отъ времени до времени, при случаѣ, отецъ навѣщалъ меня, чтобъ посмотрѣть на коровъ и быковъ, и, если ему попадалась навстрѣчу Дуглора, у него всегда находилось для нея ласковое или шутливое слово. Никто на деревнѣ и не повѣрилъ бы, что онъ умѣетъ быть такимъ ласковымъ. Дуглёрли ходила съ сіяющими глазами, порою позволяла мнѣ украдкой цѣловать себя и шептала радостно:—«О, Іостъ, о мой милый Іостъ!» И самъ я думалъ, что намъ предстоитъ долгая счастливая жизнь—мнѣ, отцу и Дуглорѣ.

Начало и середина лѣта прошли весело и радостно; небо было безоблачно, солнце свѣтило ярко; среди цвѣтовъ надъ горными пажитями и цвѣтущими лугами съ утра до вечера звенѣлъ крикъ пастуховъ; сама Дуглёрли заливалась іодлемъ, какъ пѣвчая птичка. И не было между нами несчастныхъ, кромѣ Мельхи Хангштейнера, который чувствовалъ, что ему волей-неволей придется уступить мнѣ дѣвушку, и смотрѣлъ на меня завистливыми, укоризненными глазами. Въ началѣ августа погода перемѣнилась: пошли ненастья, грозы съ яркими молніями и оглушительными ударами грома; словно хляби небесныя разверзлись, и дождь лилъ цѣлыми днями.

Горная пажить, превратившаяся въ болото, вся заволоклась сырымъ, холоднымъ туманомъ. Когда покрывало тумана разрывалось, видны были сбѣгавшіе съ утесовъ Фейерштейна потоки, такіе же обильные, какъ въ періодъ таянія снѣговъ. На нѣсколько дней дожди прекратились, потомъ опять пошли, проливные; коровы ревѣли и, задравъ хвосты, карабкались на горы, или же, сбившись въ кучу, прятались отъ дождя подъ развѣсистыми соснами, съ вѣтвей которыхъ, какъ съ зонтиковъ, стекала вода. Порой намъ только съ трудомъ удавалось собрать напуганное молніей стадо.

— Іостъ, еслибъ не ты, я бы совсѣмъ погибла на этой горѣ!—грустно шутила Дуглора и почти съ завистью смотрѣла на меня, когда я нагружался сырами, чтобы снести ихъ въ Зельматъ. Въ деревнѣ у всѣхъ были тревожныя лица, и отецъ мой угрюмо ворчалъ:—Ну братъ, наша торговля сошла на нѣтъ, а теперь, кажется, и рудникъ погибаетъ. Въ шахтахъ идетъ такой стонъ, и гулъ, и трескъ, что ни одинъ человѣкъ не отваживается спуститься туда. Скажи спасибо, Іостъ, что у тебя разумный отецъ, который во время припасъ для тебя землицы. Теперь у кого изъ здѣшнихъ жителей есть земля, у того большой козырь на рукахъ въ сравненіи съ торговцами.—Но, возвращаясь обратно на горную ниву, съ хлѣбами вмѣсто сыровъ, я увидѣлъ Дуглору,

бѣжавшую ко мнѣ навстрѣчу подъ проливнымъ дождемъ, въ чьей-то мужской войлочной шляпѣ и въ старой солдатской шинели, накинутой на плечи.—Тебя требуютъ наверхъ, Іостъ,—кричала она взволнованно.—Всѣхъ мужчинъ съ пастбищъ созвали туда. Тамъ сзади, за Фейерштейномъ, образовалась трещина; съ горъ въ нее бѣжитъ вода и надо загородить ей путь; будутъ строить плотину.

Вмѣстѣ съ двумя-тремя десятками зельматцевъ я проработалъ всю ночь, при свѣтѣ фонарей и сосновыхъ лучинъ. Но и всего населенія деревни было бы мало, чтобы построить искусственный деревянный каналъ и отвести въ него воду потоковъ, сбѣгавшихъ съ Фейерштейна. Эти потоки все-таки шли въ трещину, и она все больше разросталась и въ ширь и въ длину. Несмотря на всѣ наши усилія, черезъ нѣсколько дней нужно было уже не менѣе четверти часа, чтобы пройти вдоль всего провала. Края его все раздвигались и задній конецъ, казалось, поднимался кверху. Или вѣрнѣе сказать, передній конецъ опускался и съ нимъ Боденское плато и Столовая гора, служившая ему основаніемъ; только люди и скотъ не замѣчали этого медленнаго опусканія, которое, однако, давало о себѣ знать разными внѣшними примѣтами.

Когда сквозь тучи пробился солнечный лучъ, ко мнѣ прибѣжала перепуганная Дуглора.—Представь себѣ, Іостъ,—кричала она,—въ дверь нашей хижины можно видѣть теперь верхушку зельматской колокольни, которой раньше нельзя было видѣть. Поди самъ, погляди. Мнѣ до смерти страшно.—Открытіе Дуглоры подтвердилось. — Не будь же такимъ хладнокровнымъ, Іостъ,—жаловалась она.—Можетъ быть, мы бы лучше вмѣстѣ со стадомъ спустились вмѣстѣ въ Зельматъ? — Развѣ это поможетъ? — возразилъ я. — Если Столовая гора и вправду рушится, опасность въ деревнѣ не менѣе велика, чѣмъ на горѣ. Вонъ идутъ люди изъ Зельмата; послушаемъ лучше, что они скажутъ.

Но гонцы, карабкавшіеся на гору, могли разсказать только о новыхъ ужасахъ. Каменная глыба, огромная, величиной съ большой сундукъ для платья, свалилась на церковь, пробила крышу и лежитъ теперь, на-половину уйдя въ землю, рядомъ съ купелью, въ которой крестятъ ребятъ. Камень этотъ, повидимому, сорвался со Столовой горы. Когда онъ пролеталъ мимо колокольни, отъ движенія воздуха начали звонить всѣ колокола,—сначала маленькіе, быстро и рѣзко, а затѣмъ и большой колоколъ сталъ отбивать тяжелые удары. И то, что колокола зазво-

нили сами-собой, нагнало такого страху на деревню, что многіе зельматцы стали укладывать, что поцѣннѣе, и собираются, бѣжать въ Цвейбрюкенъ; два семейства даже ужъ перебрались туда. Но остальныхъ общинный совѣтъ настойчиво убѣждаетъ оставаться въ деревнѣ, пока не пріѣдутъ депутаты ландрата и вызванные въ Зельматъ горные инженеры. Пусть, молъ, они осмотрятъ трещину — надо же посовѣтоваться съ знающими людьми: если они скажутъ, что Зельмату на самомъ дѣлѣ грозитъ серьезная опасность, волей-неволей придется очистить деревню и плато, но нельзя же, чтобы какъ разъ въ годину опасности всѣ разбѣжались въ разныя стороны.

Прибыли наконецъ и депутаты и техники. Надъ грозной трещиной натянули бумажные мостики, которые черезъ нѣсколько часовъ натянулись туго и начали рваться. Очевидно, гора продолжала сползать—какъ говорили знающіе люди, по наклонной плоскости одного ихъ шиферныхъ пластовъ Фейерштейна, къ которому прислонена Столовая гора. И совѣщаніямъ не было конца.

Какъ разъ во время этихъ разслѣдованій и развѣдокъ, произошло нѣчто, успокоившее какъ инженеровъ, такъ и простыхъ обывателей. Тучи раздвинулись и показалась заново посеребренная первымъ снѣгомъ, выпавшимъ во время грозъ, вершина Фейерштейна. Это всегда было признакомъ перемѣны вѣтра и перемѣны погоды къ лучшему. Перепуганные обыватели вздохнули съ облегченіемъ. А за ночь восточный вѣтеръ и совсѣмъ согналъ дождевыя тучи съ горы, и надъ мокрыми утесами засіяло солнце. — Слава Богу, пока опасность миновала! — говорили на деревнѣ.—Вотъ установится хорошая погода — дастъ Богъ, и оползень не пойдетъ дальше. Слава Богу, мы можемъ наконецъ въ мирѣ отпраздновать Святой праздникъ—день Благодаренія, покаянія и молитвы.—Наступалъ торжественный и тихій праздникъ, особенно чтимый благочестивымъ населеніемъ горъ.

Наканунѣ этого дня, депутаты и техники вернулись домой, встрѣчать праздникъ, пообѣщавъ черезъ день вернуться; на горѣ и въ деревнѣ поставлены были сторожевые посты, и учитель Каспаръ принесъ намъ инструкцію по поводу того, какъ быть со стадомъ во время праздника.—Іостъ, завтра утромъ ты пойдешь въ церковь съ твоимъ отцомъ; а ты—обратился онъ къ Дуглорѣ,—останешься здѣсь до полудня; нельзя же вамъ обоимъ бросить стадо. Потомъ Іостъ вернется сюда, а ты спустишься въ долину.

— А на органѣ-то кто же будетъ играть? — спросила огорченная дѣвушка.—За обѣдней я, за вечерней службой ты,— отвѣтилъ учитель.

И, хотя Дуглора многое имѣла возразить противъ этого, мы сдѣлали такъ, какъ рѣшили отцы. Утро было яркое, солнечное; она пошла проводить меня и никакъ не могла рѣшиться разстаться со мной.—Мнѣ все кажется, что мнѣ еще что-то надо сказать тебѣ, Іостъ,—тихонько говорила она,—не хочется мнѣ оставаться безъ тебя одной на горѣ, въ такое опасное время.— И она отерла при этомъ слезу. — Не будь же такой глупенькой, дѣтка, — возразилъ я. — Чего ты боишься? Смотри, какое спокойное и тихое утро. — Я буду пѣть гимны по книгѣ псалмовъ—утѣшала она сама себя и, наконецъ, простилась со мною. Но долго еще стояла на склонѣ горы и смотрѣла мнѣ вслѣдъ, кивая головкой.

— Тяжелыя времена настали для насъ: кажется, я въ этомъ году не пойду торговать,—сказалъ мнѣ за завтракомъ отецъ. — Впрочемъ, теперь уже всѣ успокоились насчетъ судьбы деревни. Даже тѣ два семейства, что сбѣжали въ Цвейбрюкенъ, вернулись.

Въ это время раздался праздничный звонъ; по всѣмъ дорогамъ и тропинкамъ изъ деревни и съ окрестныхъ горъ люди, одѣтые въ темное, спѣшили въ церковь: суровые горцы и зельматскіе пахари, ни передъ чѣмъ не преклонявшіеся, какъ только передъ законами своей страны и тайной вѣры, женщины и дѣвушки, изъ которыхъ каждая несла въ рукахъ молитвенникъ и какую-нибудь душистую травку. Подъ кленомъ, озареннымъ отблескомъ залитой солнцемъ вершины, собралась толпа, постепенно вплывавшая въ раскрытыя настежь церковныя двери. Въ толпѣ были и мы съ отцомъ, одѣтые по праздничному. На колокольнѣ, надъ головами нашими, звонили колокола.

Это былъ похоронный звонъ для Зельмата.

VII.

Я только что думалъ о томъ, какими словами описать страшный часъ гибели моей родной деревни, когда звонокъ телеграфа оторвалъ меня отъ работы. Это Гансъ Штюпци радостно сообщалъ мнѣ, что завтра утромъ онъ приведетъ ко мнѣ Готлобу. Радостное ожиданіе такъ взволновало меня, что я не могъ больше писать. Да мнѣ и слѣдовало отдохнуть. Моя исповѣдь

слишкомъ захватываетъ меня, и мнѣ приходится слѣдить за собой, чтобы не исполнять своихъ обязанностей метеоролога совершенно машинально, какъ автоматически записывающіе приборы. Съ утра до вечера я только и думаю о томъ, какъ бы скорѣй покончить дневную работу и засѣсть за исторію моей жизни. Я цѣликомъ ушелъ въ эту поставленную мной самимъ задачу. Это помогло мнѣ благополучно пережить трудные дни напряженнаго и напраснаго ожиданія моей ненаглядной Готлобы, которую удерживало дома затянувшееся нездоровье Хангштейнера.

Но вотъ, наконецъ, моя любимица придетъ ко мнѣ съ Гансомъ Штюнци на цѣлыхъ два дня.

Утро было прохладное, но солнечное. Я пошелъ на самую вершину посмотрѣть вѣтромѣръ и еще задолго до срока высматривалъ, не увижу ли поднимающуюся изъ долины юную пару. Около десяти часовъ мой шпицъ, Снѣжокъ, принялся радостно лаять. Его чуткій слухъ, быть можетъ, уже уловилъ ликующій призывъ Ганса Штюнци. Наконецъ, обогнувъ уголъ скалы, показались мои гости, которыхъ я ждалъ съ такимъ нетерпѣніемъ. Готлоба въ своемъ коротенькомъ сѣро-синемъ шерстяномъ платьѣ была такая веселая, свѣженькая; врядъ ли еще какая-нибудь женщина способна съ такой легкостью взобраться на Фейерштейнъ. Какъ она ходитъ, какъ держится, какъ легко перепрыгиваетъ со скалы на скалу, какъ красиво обрисовывается линія юнаго бюста, подъ тяжестью дорожнаго мѣшка за плечами! Вся она очарованіе и красота.

Завидѣвъ меня, она легко опередила своего спутника и помчалась ко мнѣ съ ликующимъ крикомъ, выдававшимъ ея горячую кровь, протягивая мнѣ обѣ руки. И когда я, какъ старый галантный кавалеръ, прежде всего поспѣшилъ освободить ее отъ мѣшка, она разсмѣялась такимъ очаровательнымъ звонкимъ смѣхомъ: — Нѣтъ, право, я не заслуживаю, чтобъ вы были со мной такъ любезны. Про себя вы навѣрное думаете: скверная дѣвчонка, зачѣмъ она такъ долго не приходила! — И, уже серьезнѣе, она продолжала: — Раньше, право, невозможно было придти; отецъ совсѣмъ расхворался. Но зато теперь, какъ я рада! Я прямо таки стосковалась по васъ. На этотъ разъ разрѣшеніе далось нелегко. Отецъ вообще что-то заупрямился въ послѣднее время; онъ все ворчалъ и хмурился надъ вашимъ письмомъ. Но что можетъ подѣлать отецъ, когда дикой козѣ захочется въ горы? — Она вся ликовала, вся была полна молодого задора. И если я тутъ же не прижалъ ее къ своей груди

и не расцѣловалъ, то только потому, что къ намъ уже подходилъ, снимая шляпу, Гансъ Штюнци.

Въ обсерваторіи я уже давно приготовилъ завтракъ для моихъ юныхъ, проголодавшихся въ дорогѣ гостей. Оба уплетали поданное съ такимъ аппетитомъ, что я радовался отъ души, глядя на нихъ. Когда я вернулся изъ кладовой, куда ходилъ наполнить снова опустѣвшую тарелку съ вяленымъ мясомъ, которое я нарѣзалъ прозрачными кусочками, на столѣ моемъ за это время расцвѣлъ дивный букетъ осеннихъ цвѣтовъ, вынырнувшій на свѣтъ изъ дорожнаго мѣшка моей дѣвочки. Тутъ были темные бархатные медвѣжьи ушки, астры, резеда и огненно-красныя большія гвоздики, точь-въ-точь такія, какъ когда-то цвѣли на подоконникѣ у моей матери.

А окна мои были украшены фестонами изъ осеннихъ плодовъ лѣсовъ и полей: пучки барбариса алѣли между вѣтокъ душистаго терна съ голубовато-стальными ягодами, а среди сосновыхъ вѣтокъ, съ уже созрѣвшими шишками, свѣтился мягкимъ серебристымъ блескомъ татарникъ. На моемъ голомъ утесѣ не пускаютъ корней никакія сѣмена, но теперь меня окружали благословенные дары природы.

— Но вѣдь сегодня совсѣмъ не день моего рожденія, дѣти!—воскликнулъ я, любуясь всѣмъ этимъ великолѣпіемъ. Счастливый смѣхъ былъ мнѣ отвѣтомъ.—Къ сожалѣнію это прощальный праздникъ,—замѣтилъ Гансъ Штюнци.—Позвольте вамъ пожелать, чтобы зима прошла для васъ хорошо и благополучно. Если будетъ хоть какая-нибудь возможность, если гора не совсѣмъ обледенѣетъ, я проберусь къ вамъ сюда, встрѣчать съ вами Новый годъ.—А я уже теперь поздравляю васъ съ Новымъ годомъ, — шутливо, но съ большой сердечностью выговорила Готлоба:—Всего добраго, всего радостнаго, всего, что можетъ только порадовать ваше сердце, желаю я вамъ, нашъ милый метеорологъ, въ Новомъ году. И еще желаю всегда съ пріятнымъ чувствомъ вспоминать о насъ,—какъ мы думаемъ и помнимъ о васъ ежечасно.

Перекусивъ, гости мои пошли осматривать обсерваторію, состоящую изъ низенькихъ трехъ этажей, пріютившихся подъ защитой скалы. Въ метеорологическомъ бюро Гансъ Штюнци объяснялъ своей спутницѣ все хитроумное устройство графическихъ приборовъ съ часовымъ механизмомъ, автоматически записывающихъ своими штифтами на валикахъ, или экранахъ температуру, количество влаги въ воздухѣ, степень воздушнаго давленія, направленіе и силу вѣтровъ въ каждый часъ и каж-

дую минуту въ году. Готлоба оказалась удивительно понятливой, но еще больше автоматическихъ приборовъ заинтересовала ее моя гостиная въ первомъ этажѣ, гдѣ собрано столько воспоминаній моего прошлаго, въ видѣ рисунковъ, картинъ, иноземной утвари и маленькой библіотеки.—И всѣ эти удивительные ландшафты вы видѣли своими глазами, и жили среди народовъ изображенныхъ на этихъ картинахъ? Среди людей съ такими необыкновенными лицами и въ такихъ яркихъ, пестрыхъ одеждахъ?—спрашивала она, сверкая глазами. Когда же я растворилъ дверь смежной съ этой комнатою моей спальни, гдѣ поставлена кровать и для Ганса, она сразу притихла передъ простенькимъ портретомъ ея собственной матери, въ юности. И лишь послѣ долгаго раздумья выговорила тепло и задушевно:—Мама тоже очень полюбила васъ, г. Квифортъ, за то время, какъ вы лежали у у насъ больнымъ. — Затѣмъ, взглядъ ея съ изумленіемъ остановился на картинѣ, писанной масляными красками.—Это женское лицо—навѣрное, только мечта художника?—выговорила она въ раздумьѣ.—Не можетъ быть, чтобы въ одномъ и томъ же лицѣ соединилось столько красоты и доброты.—И однако, это портретъ, Готлоба,—усмѣхнулся я, взволнованный воспоминаніями,—и даже очень удачный портретъ. Эту даму звали Абигаиль, и мы съ ней были большіе друзья.

Гости мои оба, видимо, были изумлены, но я поспѣшилъ увести ихъ изъ спальни во-второй этажъ.—Здѣсь, въ этой комнатѣ нѣтъ ничего интереснаго; тутъ только складъ ящиковъ и всякаго стараго хлама, но рядомъ съ ней, Готлоба, приготовлено гнѣздышко и для тебя. — И какое хорошенькое гнѣздышко! А на этой картинѣ что изображено? Зельматъ до обвала горы?—Я кивнулъ головой. Гансъ принялся обстоятельно разбирать детали рисунка.

— Самое замѣчательное въ вашемъ домѣ,—воскликнула Готлоба, очень довольная этимъ обходомъ, — это то, что здѣсь совершенно не чувствуется отсутствія женской руки. Все въ порядкѣ, все на своемъ мѣстѣ.

— На то я и старый холостякъ,—пошутилъ я.

Изъ обсерваторіи мы, весело болтая, отправились на вершину любоваться широко раскинувшимся передъ нами Божьимъ міромъ. Гансъ съ Готлобой усѣлись на лужайкѣ и начали пѣть. Послѣ обѣда молодой учитель выказалъ большой тактъ и сердечность, за которые я былъ ему очень признателенъ: подъ предлогомъ хорошей погоды и необходимости провѣрить нѣсколько интересующихъ его наблюденій, онъ отправился бродить по вер-

шинамъ и зубцамъ Фейерштейна, оставивъ насъ съ Готлобой вдвоемъ. Наконецъ-то мы могли поговорить по душѣ.—Можетъ быть, ей пріятнѣе было бы пойти съ Гансомъ?—Нѣтъ, она рада и остаться со мной. Ушедшій самъ помогъ намъ навести разговоръ на интересующую меня тему. Издали донесся, отчетливо слышный среди торжественнаго безмолвія горъ, его красивый звучный теноръ:

Очи прекрасныя, звѣздочки ясныя,
Какъ вы близки мнѣ и какъ далеки!

Готлоба задумчиво прислушивалась. Въ эти минуты она напомнила мнѣ свою мать, подругу и невѣсту моей юности; только волосы у нея были не рыжевато-, а темно-каштановые, и въ чертахъ ея лица, хоть и смягченные юностью и женственностью, были слѣды крови дикихъ людей. Въ глазахъ ея былъ огонь жизни, въ лицѣ жаркій румянецъ; все выраженіе лица говорило о сильной и стойкой душѣ, въ каждомъ движеніи сквозилъ огневой темпераментъ. Хотѣлось бы мнѣ взглянуть на эту молодую красавицу, когда душа ея запылаетъ любовью! Да, да, Гансъ Штюнци, кто сумѣетъ разбудить эту еще дремлющую душу, кто будетъ любимъ Готлобой—тотъ, безспорно, счастливецъ.

Замѣтивъ, какъ я пристально смотрю на нее, она вдругъ вся зардѣлась румянцемъ.—Не правда ли, пѣсня о прекрасныхъ очахъ и о звѣздахъ, которую пѣлъ Гансъ, предназначалась тебѣ?—замѣтилъ я и тѣмъ еще больше смутилъ ее; но это смущеніе было прелестно.

— Не на радость это ни ему, ни мнѣ,—промолвила она, поникнувъ головкой.—Мнѣ жалко Ганса Штюнци. Не весело ему живется въ Зельматѣ; онъ такъ страдаетъ отъ жесткости и высокомѣрія нашихъ крестьянъ. Ваша дружба, г. Квифортъ—единственный солнечный лучъ въ его жизни.—Голосъ ея слегка дрогнулъ.—Но вѣдь отецъ твой, Хангштейнеръ, къ нему хорошо относится? — не безъ лицемѣрія освѣдомился я. — Отецъ? Да онъ больше всѣхъ настроенъ противъ учителя, зоветъ его голодранцемъ. Онъ даже не хотѣлъ пускать меня съ Гансомъ сюда, на Фейерштейнъ. Еле-еле я умолила его; и то онъ заставилъ меня поклясться и небомъ, и адомъ, что я буду разговаривать съ нимъ только о пустякахъ. — И что же, сдержала ты слово?—спросилъ я. Она кивнула головой, улыбнулась и пролепетала:—Не могу же я сама...—Она не докончила фразы, и губы ея какъ-то странно дрогнули; но это не было ни улыбкой, ни судорожной гримаскою плача.

— Не можешь же ты сама сказать Гансу Штюнци, что ты его любишь?—договорилъ я за нее.—Ты это хотѣла сказать, дитя? Развѣ ты и вправду такъ его любишь?—Она покраснѣла и молча, серьезно наклонила голову. И тотчасъ же глаза ея загорѣлись.—Давно уже!—воскликнула она.—Ужъ сколько времени я не могу ни о комъ и ни о чемъ другомъ думать. Я изъ-за этого и пришла къ вамъ, г. Квифортъ. Мать на смертномъ одрѣ взяла съ меня обѣщаніе, что я не предприму ни одного рѣшительнаго шага въ жизни и ни съ кѣмъ не обручусь, не посовѣтовавшись предварительно съ вами. Мать моя очень любила васъ и высоко цѣнила вашъ опытъ и знаніе жизни; а объ отцѣ она знала, что онъ иной разъ бываетъ упрямъ и близорукъ въ своихъ взглядахъ. Но помочь и вы мнѣ не можете. Это я и сама хорошо знаю.

Огонь въ темныхъ глазахъ погасъ, его смѣнило выраженіе мучительной безнадежности. Я не въ состояніи былъ ничего ей отвѣтить, такъ меня потрясло воспоминаніе объ ея матери. — Вотъ теперь этотъ молодой торговецъ скотомъ изъ Цвейбрюкена, Бенингеръ, зачастилъ къ намъ,—продолжала дѣвушка изливать свою душу.—Отецъ только и говоритъ, что о немъ, не нахвалится имъ. Они все время сидятъ и шепчутся о томъ, какъ бы это было хорошо и прекрасно, еслибъ этотъ парень сталъ моимъ мужемъ и, въ качествѣ зятя, взялъ бы на себя всѣ хлопоты по хозяйству, а отецъ бы оставилъ за собой только верховный надзоръ. А я терпѣть не могу этого Бенингера. Онъ, можетъ быть, и хорошій, и дѣльный, но, какъ онъ ни старается усахарить меня, я на каждомъ шагу чувствую въ немъ грубаго скототорговца. Чѣмъ выходить за него, я лучше уйду изъ дому и поступлю куда-нибудь въ услуженіе, и буду ждать Ганса Штюнци. Богъ милостивъ; найдетъ же онъ себѣ когда-нибудь лучшее мѣсто, чѣмъ въ Зельматѣ. Школьный учитель въ нашей деревушкѣ! Съ этимъ можно не умереть съ голоду, но жениться нельзя.

Она уныло смолкла и поникла головкой, силясь удержать набѣгавшія слезы.

Я взялъ ее за руку и серьезно сказалъ:—Нѣтъ, дитя, было бы смертнымъ грѣхомъ изъ малодушія, или въ угоду отцу, выйти за человѣка, котораго ты не любишь. И этого грѣха ты не должна совершать. Не дай себя похоронить заживо. Ради твоей матери ты не смѣешь это сдѣлать. — Она сквозь слезы посмотрѣла на меня такъ ласково и задушевно.—Я думаю о томъ, Готлоба,—продолжалъ я:—какъ ты тогда помогла мнѣ пе-

режить тѣ мучительные дни, когда я лежалъ у васъ въ домѣ съ перебитой ногой, захожій, чужой человѣкъ. Я думаю о томъ, какъ ты своей невинной дѣтской болтовней и звонкимъ смѣхомъ заставила меня вновь полюбить жизнь, которую я уже готовъ былъ отшвырнуть отъ себя, какъ ненужное бремя. За это мнѣ бы хотѣлось теперь отблагодарить тебя, сгладивъ путь для твоей любви къ Гансу Штюнци. Потерпи только до весны, дитя.

Изумленіе и горячая радость засвѣтились въ темныхъ глазахъ; грудь молодой дѣвушки высоко вздымалась, но говорить она не могла.

А я продолжалъ:—Вѣдь и Ганса Штюнци я люблю, какъ сына, и не могу допустить, чтобъ онъ закисъ и погибъ въ вашей глуши. Я знаю, какая это даровитая натура: онъ долженъ найти себѣ такое занятіе, которое соотвѣтствовало бы его наклонностямъ и высокому полету его духа. Пусть онъ станетъ инженеромъ и служитъ своей родинѣ. На что мнѣ мое состояніе? у меня на свѣтѣ нѣтъ никого близкаго, кромѣ васъ двоихъ. Я раскрою дорогу передъ Гансомъ, дамъ ему капиталъ, съ которымъ онъ можетъ развернуть свои силы.

И вѣря, и не вѣря, Готлоба слушала меня, какъ ребенокъ, которому разсказываютъ красивую сказку. И опять загорѣлись, засіяли ея глаза. Дрожа отъ радости, она схватила мою руку и осыпала ее горячими поцѣлуями.—За что вы такъ добры къ намъ, г. Квифортъ?—лепетала она.—За то, что я обязанъ твоей доброй матери несказанной благодарностью, — воскликнулъ я и, отъ полноты души разсказалъ бы ей въ эту минуту еще многое, еслибъ это не было нарушеніемъ клятвы. Но все же я не удержался и поцѣловалъ ее и въ уста, и въ чело, какъ отецъ цѣлуетъ свое дитя. И долго еще я сидѣлъ возлѣ нея, держа въ своихъ рукахъ ея горячую ручку, и передъ лицомъ бѣлыхъ горъ мы говорили о многомъ, слишкомъ святомъ для записи на этихъ страницахъ.

А затѣмъ и Гансъ Штюнци вернулся изъ своей далекой прогулки. Онъ сразу почувствовалъ, что произошло что-то особенное; и смотрѣлъ то на меня, то на Готлобу, которая не въ состояніи была скрыть свою бурную радость. Мы провели прелестный вечеръ. Съ обоими моими молодыми друзьями я выпилъ на «ты»; но это «ты» вначалѣ не шло у нихъ съ языка. Завтра подъ вечеръ, когда они снова будутъ спускаться въ долину, я увѣренъ, что имъ между собой это будетъ гораздо легче. Не можетъ же быть, чтобъ Гансъ и Готлоба, оба такіе молодые, красивые, сильные, не договорились до признанія. Оставшись наединѣ

съ Гансомъ, я даже намекнулъ ему на это. — Ну, ужъ на обратномъ пути,—сказалъ я,—у васъ съ Готлобой, навѣрное, не обойдется безъ поцѣлуя. Это само собой разумѣется.—Онъ заметался, какъ щука въ сѣтяхъ.—«Мефистофель»! — воскликнулъ онъ.— Мефистофель, соблазняющій человѣка именно тѣмъ, что ему всего больнѣй, недоступное ему!—Тогда я и съ нимъ заговорилъ о деньгахъ, которыя у меня лежатъ даромъ и совершенно меня не радуютъ, и которыя я охотно отдамъ ему весною, чтобы онъ могъ устроить свою жизнь такъ, какъ ему хочется.

Разумѣется, онъ ушелъ отъ меня, очарованный и опьянѣвшій отъ радости.

Теперь-то ужъ они, навѣрное, объяснятся: любовь и надежда опрокинутъ ограду сдержанности, которою добровольно окружилъ себя мой юный другъ. И вокругъ меня теперь цвѣтутъ цвѣты и радуютъ взоръ мой плоды; и домъ мой полонъ воспоминаній о милой юной четѣ, которую я люблю всѣмъ сердцемъ. Теперь мнѣ не страшна зима, и рука моя не дрогнетъ на мрачныхъ страницахъ, которыя мнѣ предстоитъ написать. Добрые духи охраняютъ и берегутъ человѣка, сумѣвшаго озарить чарами радости души этой юной четы.

Сегодня день поминовенія всѣхъ усопшихъ. Въ молодости я не слыхалъ объ этомъ праздникѣ, полномъ глубокаго значенія, но въ чужихъ краяхъ научился чтить его. Сегодня я отпразднуюъ его тѣмъ, что опишу гибель моей родной деревни, и твой предсмертный часъ, о отецъ мой, и помяну многихъ усопшихъ, которыхъ я въ своей юности зналъ живыми.

VIII.

Итакъ, Зельматъ праздновалъ праздникъ покаянія, благодаренія и молитвы. Въ темныхъ одеждахъ, съ трогательно-серьезными лицами, прихожане заполнили всѣ мѣста на церковныхъ скамьяхъ. На столѣ стояли, по шести въ рядъ, блестящія оловянныя причастныя кружки и старинныя деревянныя чаши, выложенныя серебромъ; передъ ними, на цинковыхъ тарелкахъ, лежалъ предназначенный для причастія хлѣбъ. Рядомъ съ купелью, наполовину врѣзавшись въ полъ, зловѣщей угрозой высился камень, упавшій съ Столовой горы,—такой огромный, что убрать его изъ церкви нечего было и думать. Кое-какъ заложенное досками мѣсто на потолкѣ указывало, откуда онъ свалился. Пасторъ, самъ мужиковатый на видъ, только что окончилъ про-

повѣдь; вѣрующіе уже направились къ причастному столу, и подъ звуки органа, на которомъ игралъ учитель Каспаръ, запѣли съ глубокою вѣрой утѣшительный гимнъ:

Довѣрь свои пути
И то, что сердце ранитъ,
Тому, Кто въ небесахъ
Ведетъ и не обманетъ.

Во время пѣнія церковные старосты разносили причастныя чаши. И каждый, когда очередь доходила до него, прервавъ пѣніе, бралъ чашу и трижды отпивалъ изъ нея. Помнится, что я только взялъ одинъ изъ кубковъ, когда въ отворенную дверь церкви ворвалась женщина, которая ждала ребенка и потому не могла присутствовать на богослуженіи, и громко вскрикнула:—Люди добрые, что же это? Изъ-за Столовой горы такъ и валятъ дымъ и пыль. Падаютъ камни и глыбы.—Пѣніе оборвалось: взволнованные, но въ чинномъ порядкѣ, благословляемые пасторомъ, выходили зельматцы изъ церкви; женщины, безпокоившіяся о своихъ дѣтяхъ, плакали и кричали. Но надъ кладбищемъ и надъ деревенской площадью, на которой стоялъ старый кленъ, уже въ осеннемъ уборѣ, ярко свѣтило солнце. И горы, вплоть до красноватой вершины Фейерштейна, выдѣлялись на синемъ небѣ яснымъ и четкимъ рисункомъ. Казалось, ничто не грозило опасностью.

А между тѣмъ со стѣнъ Столовой горы катились мелкіе и падали болѣе крупные камни; по временамъ раздавались какъ будто ружейные выстрѣлы перемежаемые глухими стонами; когда на Столовой стихало, откликалось горное эхо за церковью, словно буря бушевала въ лѣсу на вершинахъ. На площади уже стояла кучка людей.—Всѣ въ лѣсъ за церковью!—крикнулъ кто-то. Отдѣльныя фигуры уже мчались по круто поднимавшемуся въ гору лугу, примыкавшему къ опушкѣ сосноваго лѣса. Снова какъ будто громъ загрохоталъ, и посыпался каменный градъ, но еще ни одинъ камень не перелетѣлъ черезъ Зелахъ въ деревню.

Изъ лѣсу съ крикомъ вылетали вороны и темною стаей кружились надъ деревней, какъ передъ бурей, то взвиваясь въ поднебесье, то летая низко надъ крышами, то перелетая со скалы на скалу и, видимо, не рѣшаясь присѣсть. Вслѣдъ за птицами переполошились и всѣ животныя: собаки отчаянно выли, немногія коровы, остававшіяся въ деревнѣ, издавали протяжный, жалобный ревъ; невѣдомо откуда взявшаяся коза, дрожа отъ страха, жалась къ людямъ.—Глядите, глядите!—вскричалъ мой

отецъ.—Коровы бѣгутъ съ Боденской пажити внизъ, въ деревню, отъ испуга перескакивая одна черезъ другую. И при видѣ испуга животныхъ, и у людей стыла кровь въ жилахъ отъ страха.

— Дуглора, Дуглора! — вырвалось душу раздирающимъ крикомъ изъ перекошенныхъ страхомъ устъ учителя Каспара. —Я иду къ Дуглорѣ,—рѣшительно заявилъ я; но отецъ приказалъ мнѣ: — Іостъ, ты останешься возлѣ меня. Или нѣтъ — лучше бѣги въ лѣсъ, туда на гору. Слышишь, Іостъ?—Самъ онъ кинулся въ домъ — навѣрное, чтобъ захватить свои деньги. Каспаръ, ломая руки, убѣжалъ отъ насъ. — «Дуглора! Дуглора!»—донесся до меня еще разъ его голосъ. Я не зналъ, что мнѣ дѣлать—бѣжать ли къ Дуглорѣ, или ждать отца, или же слѣдовать за бѣглецами, которые черезъ лугъ мчались на гору въ лѣсъ, еще не успѣвъ снять съ себя строгихъ темныхъ одеждъ. И въ этой борьбѣ противорѣчивыхъ стремленій я стоялъ, растерянный, на площади, между отцовскимъ домомъ и старымъ кленомъ, совершенно одинъ. Я видѣлъ, какъ все сильнѣй и стремительнѣй сыпался каменный градъ съ Столовой горы, отчетливо видѣлъ, какъ шаталась самая гора и, словно огромная подломившаяся стѣна сперва медленно, потомъ все быстрѣй валилась на деревню. «Гора, гора валится!»—пронесся отчаянный вопль бѣглецовъ. На колокольнѣ зельматской церкви пробило одиннадцать, но я разслышалъ только шесть ударовъ. «Іостъ, Іостъ!»—донесся изъ дверей голосъ отца. И затѣмъ, мнѣ показалось, какъ будто что-то разрываетъ меня пополамъ. Я упалъ; но, падая, еще видѣлъ, какъ надъ рухнувшей горой взвились сѣрыя тучи дыму и пыли, какъ налетѣвшій вихрь сломилъ могучій стволъ клена и закружилъ его въ воздухѣ. Дерево упало, прикрывъ меня своей развѣсистой вершиной. Я чувствовалъ, какъ вѣтки и сучья хлещутъ меня, точно розгами, какъ сквозь вѣтки въ носъ и въ ротъ ко мнѣ набивается удушающая пыль. какъ потомъ что-то—должно быть, крыша нашего дома—навалилась на дерево, а тамъ посыпались одинъ за другимъ толчки и удары.

Столько было предостереженій, а вся катастрофа была дѣломъ одной лишь минуты...

Должно быть, я потерялъ сознаніе. Помню только, что мнѣ вдругъ стало странно—отчего это такъ тихо вокругъ меня? Лицо мое ныло, изсѣченное вѣтвями; я отстранилъ рукой вѣтки и началъ раздвигать мягкіе листья. Чьи-то вздохи и стоны ворвались въ тишину.—Отецъ, отецъ!—крикнулъ я.—Іостъ, бѣд-

ный мальчикъ, тебѣ очень больно? — прохрипѣлъ онъ. По звуку голоса чувствовалось, что онъ недалеко. — Нѣтъ,—отвѣтилъ я,—а тебѣ?—Какой-то сукъ, или балка навалилась мнѣ на грудь и давитъ, и двигать я могу только ногами. Я думаю: всѣмъ намъ погибель пришла—и людямъ, и скоту, и деревнѣ. Если даже ты и спасешься, я ужъ ничѣмъ не могу помочь тебѣ. Все-таки, пожалуй, лучше всего тебѣ поѣхать къ Бальмеру. А мнѣ ужъ смерть приходитъ. О, Боже! О, Боже!—Запинающійся, хриплый голосъ отца перешелъ въ молитвенное сиплое бормотанье, потомъ въ предсмертный хрипъ. Раздвигая вѣтки и сучья, насколько это было возможно, я поползъ на звукъ его голоса и сквозь листья, ощупью дотянулся до его руки. Онъ слабо сжалъ мою руку, но говорить уже не могъ. Минуту спустя онъ вздохнулъ въ послѣдній разъ и выпустилъ мою руку. Вокругъ меня царила теперь зловѣщая тишина.—Отецъ, отецъ!—крикнулъ я. Отвѣта нѣтъ. Онъ умеръ.

Среди безмолвія смерти нежданно раздался какой-то странный звукъ,—сначала я даже не могъ опредѣлить, что это такое. Какое-то бульканье, хлюпанье... Все ближе, ближе. Страхъ охватилъ меня. Я сообразилъ, что, падая, гора завалила Зелахъ, и заставила потокъ выйти изъ береговъ. Утонуть... Захлебнуться водой... Какой ужасъ! Я поползъ прочь отъ мертвеца, толкаясь то руками, то головой о сучья дерева и нащупывая свободное мѣсто. И, наконецъ, нашелъ такое, гдѣ можно было приподняться. Я выпрямился, схватился за сукъ и полѣзъ по немъ кверху; но вскорѣ наткнулся на что-то твердое—должно быть, балку, или стропило крыши—и, наконецъ, неуурно устроился въ вилкообразномъ углубленіи, образованномъ двумя толстыми сучьями погибшаго клена. И такъ сидѣлъ, держась обѣими руками за сучья. Отъ времени до времени меня пугало таинственное бульканье воды, которая все поднималась и теперь уже доходила мнѣ до подошвъ. Сердце мое сжималось мучительнымъ страхомъ: надо мною вздыхала земля, словно она вотъ-вотъ уступитъ давленію и опустится еще ниже, и завалитъ могилу, гдѣ я сидѣлъ, живой. Постепенно, однако, бульканье прекратилось; вода больше не поднималась; было такъ тихо, что я слышалъ, какъ тикали часы у меня въ карманѣ. Я сталъ искать спичку, чтобы посмотрѣть, который часъ, и не нашелъ; я не зналъ, много или мало времени прошло съ момента обвала, свѣтило ли еще солнце надъ поверхностью земли, или уже наступила звѣздная ночь.

При мысли объ этомъ во мнѣ бурно всколыхнулась вся

моя молодая воля къ жизни.—«Свѣта! Свѣта! Свѣта!» Мой крикъ глухо раздался въ темной могилѣ; отъ воды тянуло холодной сыростью, но свѣта не было—были только красные, синіе, зеленые и желтые круги, которые мерещились мнѣ въ темнотѣ. Я разрыдался, самъ не зная, о чемъ я плачу: о собственномъ ли безнадежномъ положеніи, о смерти ли отца, о Дуглорѣ ли, которая, навѣрное, тоже лежитъ гдѣ-нибудь мертвая, подъ утесомъ, или же о страшной гибели родной деревни. Зачѣмъ и я не умеръ, какъ отецъ, послѣ недолгихъ страданій? Какъ я теперь буду жить?..

Я началъ повторять всѣ молитвы и псалмы, какіе только зналъ наизусть; я думалъ обо всѣхъ, кто былъ мнѣ милъ и дорогъ, и съ наибольшей сердечностью—о Дуглорѣ. Когда же цѣпь мыслей моихъ оборвалась, я нащупалъ листья клена, навалившагося на меня какъ будто для того, чтобы спасти меня отъ смерти, растиралъ ихъ между пальцами, жевалъ ихъ, и горькій вкусъ ихъ освѣжалъ меня. Немного погодя, я впалъ въ какое-то тупое раздумье и даже вздремнулъ, прижавшись къ одному изъ сучьевъ. По крайней мѣрѣ, такъ я думаю, ибо все, пережитое мной въ эти мучительные часы, осталось у меня въ памяти только въ видѣ обрывковъ и, какъ сонъ, грезится мнѣ въ часы воспоминаній.

Пробудившись, я приложилъ къ уху часы. Они уже не тикали. Значитъ, вчерашній день уже прошелъ и наступилъ другой. Я снова завелъ ихъ—все же въ ихъ тиканьи было что-то живое, и, такъ какъ у меня нестерпимо ныло все тѣло отъ неудобнаго сидѣнья вытянулъ ногу,—попробовать, высоко ли стоитъ вода. Но воды уже не было Зелахъ, должно быть, вернулся въ берега. Голодъ и жажда терзали меня; я облизывалъ языкомъ влажные листья и шарилъ въ карманахъ—не найдется ли тамъ завалявшагося ломтика хлѣба. Случайно я нащупалъ въ карманѣ ножъ. Самъ не зная хорошенько, почему, я обрадовался этой находкѣ. Чтобы расправить немного движеніемъ окоченѣвшіе члены, согрѣться и разогнать какъ-нибудь тяжелыя мысли, я началъ отрѣзывать ножикомъ мелкіе вѣтки отъ сучьевъ и разрѣзывать ихъ въ темнотѣ на мелкіе кусочки. Такъ прошло, должно быть, нѣсколько часовъ. Потомъ я, забавы ради, началъ отрѣзывать пуговицы отъ своего параднаго камзола. Не развлекайся я этой игрой, я, кажется, сошелъ бы съ ума. Затѣмъ я началъ раскапывать остріемъ ножа сырую землю, ибо неподалеку отъ того мѣста, гдѣ я находился, черезъ глину шелъ водоотводный желобъ, выложенный каменными плитами. У меня

вдругъ мелькнула безумная мысль, что этотъ водостокъ можетъ быть моимъ спасеніемъ. Но лезвіе ножа очень скоро сломалось о камень, встрѣтившійся ему на пути.

Въ тупомъ отчаяніи я снова заплакалъ и ужъ не сдерживалъ слезъ. Но вотъ—какой-то звукъ, какой-то шумъ, донесся сверху, словно тамъ рубили дрова. Я отчетливо слышалъ звонкіе металлическіе удары... Это люди! Меня словно варомъ обдало. Весь дрожа отъ внезапной надежды, я поползъ на звукъ, который то смолкалъ, то возобновлялся, и нащупалъ рукой что-то круглое, желѣзное: трубу, заканчивавшуюся сбоку остроконечной, массивной ножкой. Дрожащей рукой я съ силой застучалъ рукояткой ножа по трубѣ. Отвѣтомъ были сверху два звонкихъ удара. И, словно откуда-то издалека, въ мою могилу донесся человѣческій голосъ.—Кто вы?—Іостъ Вильди.—Кто?—Іостъ Вильди.—Вы въ церкви?—Нѣтъ, подъ кленомъ.—Вы одни?—Возлѣ меня лежитъ мертвый отецъ.—Есть въ церкви еще люди?—Ни души.—Человѣческіе голоса! Что за дивная музыка!

— Потерпите еще нѣсколько часовъ,—донесся до меня точно шепотъ.—Мы васъ откопаемъ. Подставьте руки подъ трубу, мы нальемъ вамъ водки въ горсть.—Еще разъ подставьте.—Такъ продолжался нѣкоторое время нашъ разговоръ. Я узналъ, что изъ зельматцевъ спасено всего 23 человѣка, въ томъ числѣ Дуглора; остальные погибли или не разысканы, какъ и вся семья учителя Каспара. — Ну, теперь потерпите, — крикнулъ мнѣ кто-то.—Мы сейчасъ вытащимъ трубу обратно. Надо будетъ позондировать почву еще въ другихъ мѣстахъ.

«Они меня откопаютъ! они меня откопаютъ!» Слова эти звенѣли ликующей пѣснью въ моей душѣ. Съ глубокой благодарностью думалъ я о кузнецѣ изъ Цвейбрюкена, который, уже полвѣка назадъ, выковалъ эту трубу и преподнесъ ее въ даръ нашей общинѣ, когда его братъ погибъ, засыпанный лавиной. Труба предназначалась для разыскиванія заваленныхъ обваломъ. Быть можетъ, она такъ ни разу и не примѣнялась для своего назначенія. Но вотъ, теперь она спасла меня. И Дуглора жива!

О, какъ томительно медленно ползли часы! Мнѣ становилось уже нестерпимымъ пребываніе въ этой могилѣ; въ лихорадочномъ бреду мнѣ мерещился золотой воздушный корабль, плывущій надъ Срѣтенскимъ Кольцомъ потомъ отвѣсный утесъ, съ утеса съ жалобнымъ крикомъ падала въ бездну, вся окровавленная, Дуглора... Моментами я говорилъ себѣ: «Ты съ ума сходишь, Іостъ: все это призраки твоего воображенія. Никакихъ тамъ людей нѣтъ наверху. Никто не станетъ откапывать тебя.

Ты забыть.»—И снова воспоминанія и лихорадочныя видѣнія путались въ моемъ разгоряченномъ мозгу.

И вдругъ, я отчетливо услыхалъ надъ собою стукъ лопатъ и заступовъ. Крыша дома, навалившаяся на вершину клена, раздалась подъ ударами топоровъ. Свѣтъ! Болѣе мертвый, чѣмъ живой, я выползъ на свѣтъ и не сразу замѣтилъ, что это былъ не солнечный свѣтъ, а мягкій, лунный. Я даже не замѣчалъ протянутыхъ ко мнѣ рукъ, не видѣлъ счастливыхъ лицъ людей, которымъ я былъ обязанъ своимъ спасеніемъ. Ничто не шевельнулось во мнѣ, когда передо мной пронесли выкопанный изъ-подъ земли трупъ моего отца. На вопросы я не отвѣчалъ; я самъ себѣ казался дурачкомъ, который не знаетъ, плакать ли ему, или смѣяться. И другіе люди казались мнѣ юродивыми; мнѣ было непонятно, чего они такъ галдятъ и жестикулируютъ.

Такъ велико было мое душевное потрясеніе. Должно быть, я безсознательно искалъ Дуглору. Я нашелъ ее въ Цвейбрюкенѣ, но было ли это въ ту же ночь, или на утро третьяго дня послѣ обвала, одинъ ли я пришелъ туда или меня привели—это изгладилось изъ моей памяти. Лишь нѣсколько дней спустя ко мнѣ вернулась способность испытывать горе и радость, но мнѣ казалось, что я никогда уже не научусь смѣяться, и вѣчно буду трепетать въ ожиданіи новыхъ ударовъ судьбы.

Возлѣ меня стояла въ темной одеждѣ, измученная горемъ, сама блѣдная и призрачная, какъ мертвецъ, Дуглора. Ея тоненькіе пальчики цѣплялись за мою руку; печальные глаза, полные слезъ, смотрѣли на меня; уже не звучнымъ, какъ прежде, а разбитымъ, упавшимъ голосомъ, она шептала мнѣ:—Іостъ, всѣ умерли: отецъ, мать, братья, сестры. У меня нѣтъ больше никого на свѣтѣ, кромѣ тебя, Іостъ.—Эти слова впервые привели меня въ себя, и я созналъ все происшедшее. Нѣжно обнявъ плачущую дѣвушку, я говорилъ ей:—Да, Глёрли, теперь намъ надо крѣпко любить и крѣпко держаться другъ друга».

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

КРИКИ СОВЫ.

Слышатся ночью осенней
Крики совы за окномъ,
Кажется мракъ сокровенный,
Тѣни подвижнѣй кругомъ.

Мышь у стѣны шелохнется,
Вновь замолчитъ тишина.
Черная бабочка бьется
Въ черныя рамы окна.

Сны одиночества дики...
Тихо сижу я, не сплю
Слышу совиные крики:
«У-лю-лю, у-лю-лю-лю!»

Хочется ласки, привѣта...
Тише, сова, замолчи!
Скоро ли брызнутъ разсвѣта,
Новаго свѣта лучи?!

Николай Морозовъ.

СТАЧКИ ТРАНСПОРТНЫХЪ РАБОЧИХЪ ВЪ АНГЛІИ.

Стачечная волна, захлестнувшая въ іюнѣ-августѣ 1911 г. англійскій транспортъ, представляетъ собой совершенно новое во многихъ отношеніяхъ явленіе въ исторіи англійскаго рабочаго движенія. Никогда еще въ Англіи рабочая масса не прибѣгала къ стачечной борьбѣ съ такой солидарностью и такимъ одушевленіемъ, какъ въ эти мѣсяцы. Зародившись изъ стачки матросовъ торговаго флота и пароходныхъ кочегаровъ, стачечное движеніе быстро, словно снѣжный комъ, катящійся съ горы, наростало, захватывая одну за другой всѣ отрасли транспорта. Никогда еще рядовые трэдъ-юніонисты не объявляли стачекъ черезъ головы своихъ вождей, въ такой мѣрѣ не считаясь съ ихъ совѣтами и, напротивъ, побуждая ихъ своимъ единодушіемъ къ рѣшительному шагу. И, наконецъ, никогда еще въ Англіи такъ ярко, такъ демонстративно не проявлялась противоположность классовыхъ интересовъ борющихся сторонъ, какъ во время іюльскихъ-августовскихъ стачекъ и вызванныхъ послѣдними преній въ палатѣ общинъ.

Мало того. И теорія и практика трэдъ-юніонизма, слагавшіяся въ теченіе послѣдней четверти XIX столѣтія, были серьезно видоизмѣнены этой стачечной волной. Стачки послѣдняго времени дали въ руки лѣваго крыла трэдъ-юніонизма мощное оружіе противъ старой школы, исповѣдующей credo коллективнаго договора и мирныхъ переговоровъ. Онѣ показали, что стачечная борьба отнюдь не исчерпала себя въ ходѣ историческаго развитія рабочаго движенія; напротивъ, если до сихъ поръ она не приносила требуемыхъ плодовъ, то только въ силу разобщенности рабочихъ организацій и изолированности ихъ выступленій. Какъ въ 1889-мъ году стачка неорганизованныхъ, лишенныхъ сколько-нибудь прочной финансовой

помощи докеровъ и работницъ спичечныхъ мануфактуръ разбили аристократизмъ трэдъ-юніонистскаго движенія, разбили вѣру въ то, что въ стачечной борьбѣ обезпеченность побѣды прямо пропорціональна финансовой силѣ данной организаціи — такъ стачки послѣдняго времени подорвали ученіе о безплодности стачечной борьбы и о всесиліи мирныхъ переговоровъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, нынѣшняя стачечная волна и фактически ослабила разобщенность отдѣльныхъ профессіональныхъ союзовъ, разобщенность, порой доходившую до того, что на одной и той же фабрикѣ, въ одной и той же мастерской рабочіе различныхъ категорій разбивались по разнымъ, враждовавшимъ между собой трэдъ-юніонамъ. Въ Англіи, согласно популярному афоризму, всегда было «too many Unions and not enough Unity» (слишкомъ много союзовъ и недостаточно единства). Когда въ 1907-мъ году англійская желѣзнодорожная промышленность переживала канунъ всеобщей стачки, предотвращенной соглашеніемъ о примирительныхъ камерахъ (Conciliation Boards Agreement), главный желѣзнодорожный трэдъ-юніонъ (Amalgamated Society of Railway Servants), подготовлявшій тогда забастовку, встрѣчалъ самый ожесточенный отпоръ со стороны второй по силѣ организаціи желѣзнодорожниковъ — союза машинистовъ и кочегаровъ (Enginemen and Firemen Union). Совершенно иначе обстояло дѣло во время послѣднихъ стачекъ. Всеобщая стачка желѣзнодорожниковъ проводилась единодушно секретаріатомъ всѣхъ семи желѣзнодорожныхъ трэдъ-юніоновъ. Стачки докеровъ, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль поставившія англійскіе порты лицомъ къ лицу съ призракомъ голода, начались первоначально именно какъ «стачки солидарности», съ цѣлью поддержать бастовавшихъ тогда матросовъ торговаго флота и пароходныхъ кочегаровъ. Лишь по окончаніи стачки послѣднихъ, стачки докеровъ приняли наступательный характеръ. Докеровъ, въ свою очередь, поддержали другіе портовые рабочіе; они также присоединились исключительно изъ чувства солидарности и лишь потомъ выдвинули свои специфическія требованія. Ни одна изъ участвовавшихъ въ этихъ стачкахъ группъ рабочихъ не соглашалась стать на работу, несмотря на удовлетвореніе ея групповыхъ требованій, до тѣхъ поръ, пока требованія всѣхъ не были выполнены. Когда началась всеобщая стачка желѣзнодорожниковъ, другіе транспортные рабочіе готовы были въ случаѣ надобности вновь кинуть работу, хотя къ тому времени ихъ стачки почти повсюду закончились. Такимъ образомъ, мѣсто наблюдавшейся ранѣе отчужденности, группового патріотизма, во всѣхъ этихъ случаяхъ заняла солидарность, сознаніе классоваго единства.

Эти факты выдвигаютъ стачки послѣдняго времени, какъ со-

бытія крупнаго историческаго значенія—событія, чреватыя чрезвычайно серіозными послѣдствіями. Естественно, поэтому, спросить себя, какія причины вызвали такую рѣзкую и коренную ломку навыковъ трэдъ-юніонистскаго движенія, въ силу какихъ условій и ради какихъ непосредственныхъ задачъ недовольство рабочихъ вылилось въ такую рѣшительную форму, какъ всеобщая стачка. Какіе горизонты открываетъ передъ рабочимъ движеніемъ Англіи только что пережитый имъ періодъ борьбы?

Основной причиной пережитыхъ Англіей въ іюнѣ-августѣ рабочихъ волненій было, несомнѣнно, значительное пониженіе реальной заработной платы.

Англія съ 1906-го года переживаетъ періодъ давно не наблюдавшагося промышленнаго благополучія. Въ теченіе пяти лѣтъ, закончившихся декабремъ 1910 г., сумма британскаго экспорта поднялась съ 460.677.818 ф. стерлинговъ до 534.145.817, т. е. возросла на 73.467.999 ф. ст. За восемь мѣсяцевъ 1911-го года (съ января по августъ включительно) приростъ экспорта выразился цифрой въ 12.700.000 ф. ст. Сумма импорта за это время увеличилась на 70.368.524 ф. ст.

Одно это обстоятельство, не говоря уже объ увеличеніи міровой выработки золота, содѣйствовавшей росту цѣнъ на предметы потребленія, указываетъ на вздорожаніе условій существованія рабочаго класса. Усиленная производительная дѣятельность всегда обусловливается и сопровождается ростомъ цѣнъ на предметы потребленія. Между тѣмъ, въ силу отсутствія въ капиталистическомъ производствѣ механизма, необходимаго для своевременнаго урегулированія заработной платы соотвѣтственно измѣнившимся условіямъ существованія рабочихъ, заработокъ послѣднихъ находился все это время почти что въ стаціонарномъ положеніи. Такимъ образомъ покупательная его способность или, иначе, реальная заработная плата сильно понизилась. По даннымъ англійскаго министерства торговли (Board of Trade) пониженіе это для главныхъ отраслей народнаго хозяйства составляетъ за первое десятилѣтіе XX вѣка 10,2% [1]).

Если, однако, основная причина, вызвавшая стачечное движеніе послѣднихъ мѣсяцевъ, носитъ такой общій характеръ, то почему это движеніе охватило собой почти исключительно транспортъ, не затронувъ добывающей или обрабатывающей промышленности?

---

[1]) Номинальная заработная плата уменьшилась съ 1900 по 1909 г. всего только на 0,3%, но цѣны на предметы потребленія рабочей семьи возрасли на 9,9%.

Два обстоятельства даютъ отвѣтъ на этотъ вопросъ: транспортные рабочіе получаютъ заработную плату въ размѣрѣ значительно ниже нормальнаго для Англіи, и степень ихъ организованности сравнительно низка.

Изъ транспортныхъ рабочихъ всего лучше, въ общемъ, оплачивается трудъ желѣзнодорожниковъ. Средняя заработная плата ихъ равна въ недѣлю 25 ш. 9 пенсамъ, тогда какъ матросы получаютъ отъ 13 ш. 4 п. до 20 ш., не включая, правда, пищи, выдаваемой во время плаванія. Остальные рабочіе — особенно докеры и рабочіе верфей, трудъ которыхъ носитъ, за рѣдкими исключеніями, случайный характеръ—вырабатываютъ очень неопредѣленную сумму, по исчисленію нѣкоторыхъ авторовъ не превышающую въ среднемъ 15 ш. въ недѣлю. Тѣмъ не менѣе заработокъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ значительно ниже заработка, наблюдаемаго въ главнѣйшихъ группахъ обрабатывающей промышленности. Такъ, въ 1906-мъ году, по даннымъ спеціальной анкеты Board of Trade, получали номинальную заработную плату въ размѣрѣ

	Желѣзнодорожники.	Рабочіе по металлу и машиностр. рабоч.	Рабочіе по дереву и строительн. рабоч.	Рабочіе по производству одежды.
20 ш. и менѣе въ недѣлю .	38,8%	7,6%	5,7%	7,2%
отъ 21 ш. до 30 ш. » .	49,8 »	33,4 »	37,1 »	47,2 »
» 31 ш. и выше » .	11,4 »	59,0 »	57,2 »	45,6 »
При среднемъ размѣрѣ заработка въ	25 ш. 9 п.	33 ш. 11 п.	32 ш. 0 п.	30 ш. 2 п.

Отсюда ясно, что желѣзнодорожники находятся въ гораздо болѣе неудовлетворительномъ положеніи, чѣмъ другіе англійскіе рабочіе. Вполнѣ понятно, поэтому, что они, совмѣстно съ другими транспортными рабочими, первыми реагировали на повышеніе стоимости существованія.

Съ другой стороны забастовка для транспортныхъ рабочихъ была единственнымъ средствомъ добиться улучшенія условій труда. Эти рабочіе принадлежатъ къ разряду сравнительно слабо организованныхъ. По даннымъ 1910-го года въ Англіи было организовано 2,426,592 человѣка, что составляетъ около 27.4% всего числа рабочихъ. Степень организованности желѣзнодорожниковъ значительно ниже этой нормы: на 608,750 душъ, занятыхъ въ желѣзнодорожномъ транспортѣ, приходится только 116,214 организованныхъ, что состав-

ляетъ всего лишь 19,0%. Организованные матросы торговаго флота, докеры, ломовики и другіе рабочіе воднаго и сухопутнаго транспорта даютъ цифру организованныхъ въ 114,327 на 800 съ лишнимъ тысячъ всего числа рабочихъ. А между тѣмъ, какъ на это указываютъ С. и Б. Веббы, въ Англіи наличность сильной профессіональной организаціи является своего рода гарантіей отъ стачекъ [1]). Профессіональная организація почти всегда обезпечиваетъ рабочимъ даннаго предпріятія повышеніе, по мѣрѣ надобности, всѣхъ расцѣнокъ, въ большей или меньшей степени соотвѣтствующее росту цѣнъ на предметы потребленія. Переговоры секретаріата подобной организаціи съ представителями администраціи предпріятія почти всегда обезпечиваютъ возстановленіе нарушеннаго равновѣсія между реальной и номинальной заработной платой, не говоря уже объ уничтоженіи всякихъ треній, обычныхъ между хозяевами и рабочими. Отсутствіе спеціальнаго механизма для регулированія расцѣнокъ примѣнительно къ измѣнившимся условіямъ существованія рабочихъ вполнѣ компенсируется наличностью сильнаго тредъ-юніона. Совершенно иначе обстоитъ дѣло, когда въ томъ или иномъ производствѣ отсутствуетъ подобная организація. Предприниматели имѣютъ дѣло съ отдѣльными, разобщенными единицами. въ лучшемъ случаѣ,—со сложившимися ad hoc небольшими и недолговѣчными группами рабочихъ, и обычно не обращаютъ вниманія на ихъ заявленія и требованія до тѣхъ поръ, пока послѣднія не подкрѣпляются забастовкой. Стачечная борьба диктуется неорганизованнымъ рабочимъ самой ихъ неорганизованностью.

Факты вполнѣ подтверждаютъ эти соображенія. Возьмемъ, напримѣръ, для сравненія, колебанія реальной и номинальной заработной платы одной изъ наиболѣе организованныхъ секцій англійскаго рабочаго класса—ткачей хлопчатобумажныхъ фабрикъ—и соотвѣтствующія колебанія заработка желѣзнодорожниковъ. За 11 лѣтъ они выразятся въ слѣдующихъ цифрахъ [2]).

Индексъ заработной платы

Годъ.	ткачей		желѣзнодорожниковъ	
	реальная зар. пл.	номинальная зар. пл.	реальная зар. пл.	номинальная зар. пл.
1900	100,00	100,00	100,00	100,00
1901	98,10	100,00	95,90	97,80
1902	98,40	100,00	95,80	97,40

[1]) См. ихъ «The Industrial Democracy», Лондонъ, 1902.

[2]) Ср. Fourteenth Abstract of Labour Statistics, Cd. 5458, 1911 г., стр. 68 и 136.

Индексъ заработной платы

Годъ.	ткачей		желѣзнодорожниковъ	
	реальная зар. пл.	номинальная зар. пл.	реальная зар. пл.	номинальная зар. пл.
1903	96,80	100,00	94,00	97,20
1904	95,70	100,00	93,20	97,50
1905	98,97	102,67	95,10	98,80
1906	103,02	106,22	96,20	99,40
1907	103,09	108,89	95,10	100,90
1908	100,49	108,89	89,30	97,70
1909	98.91	107,11	90,90	99,10
1910	97,21	107,11	90,70	100,60
За 11 лѣтъ	—2,79%	+7,11%	—9,30%	+0,6%

Въ переводѣ на житейскій языкъ эти цифры означаютъ, что денежная заработная плата обѣихъ группъ повысилась за данное время, но повышеніе это далеко не равномѣрно у обѣихъ группъ. Ткачи вмѣсто 27 ш. $7^1/_2$ пенсовъ, составлявшихъ еженедѣльный заработокъ въ 1900-мъ году, получаютъ теперь 29 ш. 7 пенсовъ, а желѣзнодорожники, вмѣсто 25 ш. 7 п.—всего только 25 ш. 9 п. Соотвѣтственно, и реальная заработная плата ихъ измѣнялась неодинаково. Покупательная способность заработка ткачей уменьшилась всего на $2,_{79}$%, а заработка желѣзнодорожниковъ—на $9,_{30}$%. Это равносильно тому, что ткачи получаютъ теперь, примѣнительно къ условіямъ 1900 г., 26 ш. $9^1/_2$ пенсовъ (или на $9^1/_2$ п. менѣе), тогда какъ покупательная способность заработной платы желѣзнодорожниковъ, по сравненію съ 1900 г., составляетъ всего 23 ш. $2^1/_2$ пенса (или на цѣлыхъ 2 ш. $4^1/_2$ пенса менѣе).

Таковы были причины, вызвавшія іюньскія - августовскія рабочія волненія. Ограничились эти волненія стачками транспортныхъ рабочихъ, во первыхъ, въ силу того, что заработная плата послѣднихъ значительно ниже заработной платы другихъ англійскихъ рабочихъ и, во вторыхъ, вслѣдствіе ихъ слабой организованности. Эти же обстоятельства и продиктовали рабочимъ ихъ требованія. Въ спискѣ послѣднихъ главное мѣсто занимали, какъ правило, требованія повышенія заработной платы и признанія предпринимателями профессіональной организаціи.

Стачечное движеніе послѣднихъ мѣсяцевъ носило, однако, очень сложный характеръ, и причины, обусловившія его колоссальные размѣры, не ограничиваются вышеизложеннымъ. Напряженность повы-

шенія была создана, помимо обычныхъ мѣстныхъ условій, самими предпринимателями и, отчасти, кабинетомъ Асквита, до сихъ поръ избѣгавшимъ, большею частью, прибѣгать къ давленію со стороны государственнаго аппарата на рабочій классъ.

Рѣшающую роль въ конфликтѣ сыграло полное нежеланіе предпринимателей считаться съ рабочими организаціями и ихъ тенденція исключать трэдъ-юніонистовъ изъ числа своихъ рабочихъ.

Судовладѣльцы, напримѣръ, объединенные въ самый мощный въ Англіи союзъ предпринимателей, считали возможнымъ требовать отъ своихъ матросовъ и кочегаровъ предъявленія особой «федеральной» карточки, выдаваемой союзомъ судовладѣльцевъ, какъ свидѣтельство «благонадежности» подателя. Пароходныя компаніи, владѣющія доками и верфями, точно также стремились подбирать свой персоналъ исключительно изъ неорганизованныхъ рабочихъ. Съ этой цѣлью ими были основаны «конторы по найму труда», черезъ которыя долженъ былъ пройти каждый рабочій прежде чѣмъ быть принятымъ на работу; отъ отвѣта на вопросъ о его принадлежности къ профессіональной организаціи зависѣла его судьба. Надо знать психологію англійскаго рабочаго, выросшаго въ атмосферѣ уваженія къ его личности, чтобы понять, какъ нестерпимы были для рабочихъ эти ограниченія. Вмѣстѣ съ тѣмъ судовладѣльцы и администрація доковъ и верфей не считали для себя возможнымъ входить въ какія-либо сношенія съ «нелегально существовавшими» трэдъ-юніонами ихъ рабочихъ.

Аналогичную позицію по отношенію къ профессіональнымъ союзамъ занимали и желѣзнодорожныя компаніи. Нежеланіе ихъ встрѣтиться лицомъ къ лицу съ делегатами отъ рабочихъ было всегда такъ велико, что даже въ 1907-мъ году, когда отъ подобной встрѣчи зависѣло—будетъ ли имѣть мѣсто забастовка или не будетъ, директора компаній отвѣчали категорическимъ отказомъ. Понадобилось вмѣшательство обезпокоеннаго волненіями либеральнаго министерства, чтобы они сошли съ Олимпа и согласились на переговоры... черезъ посредника. Стѣны Whitehall'a, гдѣ помѣщается министерство торговли, были тогда свидѣтелями трагикомическихъ событій. Директора желѣзнодорожныхъ компаній собрались въ одной изъ комнатъ, делегаты желѣзнодорожныхъ трэдъ - юніоновъ — въ другой, а Ллойдъ Джорджъ, тогда президентъ Board of trade, переходилъ изъ одной комнаты въ другую, уговаривая однихъ, совѣтуясь съ другими и сообщая обѣимъ сторонамъ результаты «совѣщанія».

И въ нынѣшнемъ конфликтѣ сами директора повинны въ доведеніи дѣла до всеобщей стачки. Въ теченіе послѣдняго года они рѣшительно отказывались начать переговоры съ секретаріатомъ же-

лѣзнодорожныхъ трэдъ-юніоновъ по вопросу объ измѣненіи договора 1907 г. о примирительныхъ камерахъ, функціонированіе котораго только ухудшило положеніе рабочихъ. Въ концѣ концовъ выведенные изъ терпѣнія рабочіе поставили компаніямъ ультиматумъ: или, въ теченіе 24 часовъ, назначить совмѣстное засѣданіе, или ждать всеобщей забастовки. Директора компаній сочли, повидимому, угрозу рабочихъ неисполнимой и попрежнему категорически отказались встрѣтиться съ ихъ лидерами. Правительство на этотъ разъ не приняло никакихъ мѣръ къ тому, чтобы побудить компаніи взять обратно свой отказъ. Напротивъ, оно сдѣлало все, чтобы раздуть искру въ пожаръ. Обычно очень осторожный и тактичный, премьеръ-министръ допустилъ непростительную тактическую ошибку. Явившись лично къ секретаріату желѣзнодорожныхъ союзовъ, ожидавшему отвѣта правительства на его заявленія въ зданіи Board of trade, онъ передалъ ему записку съ извѣщеніемъ, что кабинетъ предлагаетъ желѣзнодорожникамъ, если они не прибѣгнутъ къ забастовкѣ, назначить парламентскую комиссію для разслѣдованія ихъ заявленій. Предложеніе это—какъ разсказываетъ членъ парламента Джоветтъ,—«было прочтено премьеромъ по бумажкѣ, но къ писанному заявленію имъ было добавлено предупрежденіе, что если рабочіе не согласятся на это предложеніе, то на нихъ падетъ отвѣтственность за все могущее произойти... Послѣдствія, о которыхъ предупреждалъ премьеръ и отвѣтственность за которыя онъ возлагалъ на плечи рабочихъ, включали употребленіе военной силы, неизбѣжное въ виду предоставленія желѣзнодорожнымъ компаніямъ солдатъ, вооруженныхъ штыками и боевыми патронами» [1]). Такимъ образомъ благодаря этому создался тупикъ, единственный выходъ изъ котораго лежалъ черезъ всеобщую стачку.

Какъ безразсудна была на этотъ разъ тактика компаній—видно изъ послѣдующей исторіи событій. Стачка вспыхнула одновременно на всѣхъ желѣзнодорожныхъ линіяхъ немедленно по полученіи на мѣстахъ телеграммы секретаріата о неудачномъ исходѣ переговоровъ. Принятыми со стороны трэдъ-юніоновъ мѣрами движеніе поѣздовъ

---

1) «Правительство пошло такъ далеко, сообщала либеральная газета «Daily News» (21 августа), — что дало компаніямъ, не подождавъ переговоровъ, письменную carte blanche относительно употребленія войскъ. Именно этотъ замѣчательный и не имѣющій прецедентовъ документъ далъ компаніямъ возможность возвѣстить, будто въ ихъ рукахъ имѣется гарантія, обезпечивающая достаточное, хотя бы и сокращенное, движеніе поѣздовъ. Вѣсть о томъ, что войска съ боевыми патронами и навинченными штыками будутъ фактически подчинены инструкціямъ компаній тамъ, гдѣ пикетированіе оказалось бы дѣйствительнымъ—сразу же создало ни съ чѣмъ несравнимое положеніе.

было совершенно дезорганизовано. Какъ и ожидалось, между рабочими пикетами, уговаривавшими, въ общемъ удачно, штрейкбрехеровъ кинуть работу, и солдатами, дѣйствовавшими по приказу компаній, произошелъ рядъ стычекъ, превратившійся въ уэльскомъ мѣстечкѣ Лланелли въ настоящую бойню безоружныхъ рабочихъ. Раздраженіе рабочихъ, все возростало. Федерація другихъ транспортныхъ рабочихъ, только что побѣдоносно закончившая стачки докеровъ, ломовиковъ и др., выпустила манифестъ о своей готовности присоединиться къ желѣзнодорожникамъ. Одновременно исполнительный комитетъ трэдъ-юніонистскихъ конгрессовъ обсуждалъ вопросъ о національной стачкѣ всѣхъ рабочихъ. Это означало, что англійскіе города будутъ испытывать страшный недостатокъ во всемъ и прежде всего—въ пищѣ, такъ какъ запасы всякаго рода были уже истощены предшествовавшими стачками, и транспортъ не успѣлъ еще наладиться. Вмѣстѣ съ тѣмъ первая кровь, пролитая солдатами ради желѣзнодорожныхъ компаній, отрезвила либераловъ. Въ палатѣ общинъ протесты противъ употребленія войскъ во время стачекъ стали раздаваться и съ либеральныхъ скамей. Либеральная «Daily News» отмѣчала, что рѣчамъ Черчилля о поддержаніи порядка и охранѣ собственности апплодируютъ только консерваторы. И когда рабочая партія заявила о своемъ намѣреніи внести формальный запросъ о дѣйствіяхъ войскъ и о позиціи правительства—надъ послѣднимъ собрались тучи. «Политика Бріана», къ которой оно прибѣгло, могла оказаться, какъ предсказывалъ парламентскій корреспондентъ «Daily News», фатальной и для кабинета Асквита.

Кабинетъ уступилъ. Обратившись къ рабочей партіи съ просьбой не вносить запросъ, Ллойдъ Джорджъ объяснилъ все происшедшее «недоразумѣніемъ». Рабочіе «не поняли» предложенія правительства: парламентская комиссія, о которой говорилъ Асквитъ, предложена была не съ цѣлью отложить обсужденіе требованій рабочихъ ad calendas graekas, а напротивъ, для скорѣйшаго разрѣшенія конфликта. Работы ея будутъ непрерывны, составъ—вполнѣ соотвѣтствующій желаніямъ рабочихъ. Всѣ пожеланія комиссіи правительство проведетъ въ жизнь, хотя бы для этого пришлось прибѣгнуть къ давленію на желѣзнодорожныя компаніи.

Такое предложеніе рабочая партія и секретаріатъ желѣзнодорожныхъ трэдъ-юніоновъ сочли пріемлемымъ. Вновь были открыты переговоры, при чемъ стачка продолжалась. На этотъ разъ, однако, правительство дѣйствительно оказало давленіе на директоровъ компаній, и они «сочли возможнымъ» засѣдать за однимъ столомъ съ делегатами отъ трэдъ-юніоновъ. Обѣ стороны быстро пришли къ соглашенію обо-

ждать, на условіи безнаказанности бастовавшихъ, рѣшенія парламентской комиссіи и обязались подчиниться ея заключеніямъ.

Послѣ этого стачка прекратилась.

Непосредственныя задачи рабочихъ волненій послѣднихъ мѣсяцевъ—повышеніе заработной платы, признаніе предпринимателями профессіональныхъ организацій и уничтоженіе всякаго рода «фильтровки» при наймѣ рабочихъ—были, болѣе или менѣе удовлетворительно разрѣшены. Но событія послѣднихъ мѣсяцевъ имѣютъ крупное общественное значеніе, далеко не пропорціонально удѣльному вѣсу этихъ задачъ. Англійское профессіональное движеніе оказалось лицомъ къ лицу съ новыми теоретическими и тактическими проблемами, съ совершенно новой перегруппировкой движущихъ силъ трэдъ-юніонизма.

Начиная съ 90-хъ годовъ англійская рабочая масса, подъ впечатлѣніемъ стачекъ 1889-го года, указавшихъ, какое огромное вліяніе оказываетъ общественное мнѣніе на исходъ индустріальныхъ конфликтовъ, стала добиваться отдѣльнаго представительства въ палатѣ общинъ. Неудачныя въ началѣ, ея усилія закончились блестящей побѣдой рабочихъ кандидатовъ на выборахъ 1906 г. Свыше 40 членовъ рабочей партіи, въ томъ числѣ наиболѣе видные и энергичные дѣятели соціалистическаго и профессіональнаго движенія, представляли собой силу, не считаться съ которой не могъ ставшій тогда у власти либеральный кабинетъ. Первые же шаги этой сплоченной группы дали крупные результаты. Постановленіе суда о стачкѣ въ Таффской долинѣ, лишившее трэдъ-юніоны права «снимать» во время стачки колеблющихся рабочихъ, было сведено на нѣтъ биллемъ о стачкахъ, выработаннымъ рабочей партіей и принятымъ палатой общинъ. Поправки рабочихъ депутатовъ, значительно улучшившія билль о вознагражденіи увѣчныхъ рабочихъ (Workmen's Compensation Act, 1907), точно также были приняты. Подъ давленіемъ рабочихъ депутатовъ былъ выработанъ и проведенъ, съ поправками послѣднихъ, и законъ о пенсіяхъ старости. Таковы были главнѣйшія концессіи, полученныя рабочей партіей за первые годы ея дѣятельности въ палатѣ общинъ. Все это содѣйствовало перемѣщенію центра тяжести англійскаго рабочаго движенія на парламентскую дѣятельность. Къ тому же стачечная борьба изо дня въ день становилась все безплоднѣе, а тактика мирныхъ переговоровъ могла играть и фактически играла только роль охранителя старыхъ позицій, не обезпечивая рабочимъ сколько-нибудь значительныхъ перемѣнъ къ лучшему. Самые видные и энергичные трэдъ-юніо-

нисты, заваленные парламентской работой, перестали оказывать замѣтное вліяніе на повседневную дѣятельность трэдъ-юніоновъ. Во главѣ движенія оказались трэдъ-юніонисты «второго призыва», посредственности, неспособныя играть руководящую роль. Вся ихъ дѣятельность свелась къ охраненію трэдъ-юніонистскихъ кошельковъ и завѣщанныхъ прошлымъ традицій. Профессіональное движеніе, вслѣдствіе этого, почти замерло. Рабочіе потеряли вѣру въ своихъ непосредственныхъ вождей и возложили всѣ свои надежды на рабочихъ депутатовъ. Дѣло доходило даже до того, что—какъ разсказываетъ лидеръ рабочей партіи, Рамзей Мак-Дональдъ—къ послѣднимъ обращались за разрѣшеніемъ такихъ мелочныхъ конфликтовъ, для улаживанія которыхъ было бы достаточно секретарю трэдъ-юніона написать нѣсколько словъ предпринимателю. Одно время въ текущей рабочей прессѣ серьезно дебатировался вопросъ о необходимости отказаться—частью или цѣликомъ — отъ парламентской дѣятельности, для оживленія профессіональнаго движенія.

Между тѣмъ, въ рабочей массѣ происходилъ почти не находившій себѣ выраженія въ существующихъ формахъ процессъ ломки привычныхъ взглядовъ и навыковъ. Ограниченный кругозоръ старыхъ трэдъ-юніонистовъ, сводившихъ все теоретическое обоснованіе профессіональнаго и политическаго движенія къ обезпеченію отдѣльнымъ слоямъ рабочаго класса минимума сносныхъ условій существованія, уже не удовлетворялъ широкія массы. Но послѣднія искали выхода изъ теоретическаго тупика въ потемкахъ, ощупью. Правда, началось сближеніе отдѣльныхъ федерацій трэдъ-юніоновъ, сближеніе профессіональнаго и кооперативнаго движенія. Дѣлались, наконецъ, попытки подчеркнуть независимость и обособленность рабочихъ депутатовъ въ палатѣ общинъ. Эти первые шаги англійскихъ рабочихъ массъ къ сознанію своего классоваго единства были робки и незначительны. По прежнему въ профессіональномъ движеніи наблюдалось отсутствіе сплоченности, по прежнему существовало нѣсколько изолированныхъ центральныхъ учрежденій (конгрессъ трэдъ-юніоновъ, генеральная федерація трэдъ-юніоновъ, исполнительный комитетъ рабочей партіи, парламентскій комитетъ трэдъ-юніонистскихъ конгрессовъ), съ крайне неопредѣленной въ теоріи и почти тожественной на практикѣ сферой дѣятельности. Наконецъ, началось даже организаціонное расхожденіе между парламентской рабочей партіей и трэдъ-юніонами. Ихъ съѣзды созывались независимо другъ отъ друга и въ разное время, хотя, по существу, рабочая партія является въ парламентѣ только выразительницей взглядовъ трэдъ-юніонистскихъ конгрессовъ. Словомъ—какъ теорія, такъ и практика

англійскаго трэдъ-юніонизма переживали за послѣдніе годы стадію броженія, притомъ броженія крайне неоформленнаго.

Стачки іюня-августа явились какъ разъ той долго жданной грозой, которая разрядила накопившееся въ воздухѣ электричество, уничтожила неопредѣленность положенія. Онѣ совершенно ясно поставили передъ широкими массами трэдъ-юніонистовъ вопросъ объ измѣненіи тактики и, что особенно важно, вопросъ организаціонный.

Въ этомъ отношеніи крайне показательны работы послѣдняго конгресса англійскихъ профессіональныхъ организацій, засѣданія котораго происходили въ Ньюкэстлѣ съ 4-го по 11-ое сентября (нов. ст.). Въ настроеніи делегатовъ и въ направленіи ихъ дѣятельности, подъ вліяніемъ событій послѣднихъ мѣсяцевъ, произошла коренная перемѣна. Въ рѣчахъ по самымъ незначительнымъ резолюціямъ проявлялись тенденціи, которыя были бы осуждены конгрессомъ еще годъ тому назадъ, но которыя теперь вызывали подъемъ настроенія у всѣхъ безъ исключенія делегатовъ. Самыя рѣшительныя резолюціи проходили безъ возраженій. Такъ единодушно была проведена резолюція о «стачкахъ солидарности», представляющая собой подведеніе итоговъ іюньскимъ-августовскимъ событіямъ. Послѣдній параграфъ этого замѣчательнаго документа звучитъ совершенно необычно для англійскихъ трэдъ-юніоновъ: «Конгрессъ постановляетъ, что всѣ силы организованнаго труда должны быть направлены къ возбужденію и поддержанію недовольства среди плохо-оплачиваемыхъ категорій труда и къ укрѣпленію ихъ рѣшеній добиваться всѣми возможными средствами соотвѣтствующей заработной платы». Весь рабочій классъ приглашается не только выразить платоническую солидарность съ отдѣльными бастующими секціями рабочихъ, но и фактически помогать имъ въ борьбѣ съ предпринимателями. «Стачки будущаго»,— какъ говорилъ Гозлингъ, одинъ изъ умѣренныхъ делегатовъ,—будутъ теперь «въ рукахъ національныхъ федерацій, а не отдѣльныхъ трэдъ-юніоновъ».

Это существеннѣйшее измѣненіе тактики трэдъ-юніонизма конгрессъ дополнилъ протестомъ противъ билля о стачкахъ, приготовленнаго и внесеннаго въ палату общинъ рабочимъ депутатомъ В. Круксомъ. В. Круксъ предлагаетъ примѣнить къ англійскимъ условіямъ канадское законодательство о стачкахъ, т. е. включить въ законъ о стачкахъ положеніе, что стачки считаются незаконными, если онѣ объявляются безъ предварительнаго, за мѣсяцъ, предупрежденія противной стороны и правительства, подъ угрозой тяжелыхъ штрафовъ за нарушеніе этого предписанія. Цѣль билля—замѣнить стачечную борьбу полуобязательнымъ третейскимъ разбирательствомъ Подобный билль, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, не могъ расчиты-

вать на популярность въ такой моментъ, когда, по словамъ делегатовъ конгресса, «рабочіе только что начали сознавать всю мощь стачки, какъ средства борьбы». По общему признанію, новыя тенденціи конгресса были прекрасно выражены однимъ делегатомъ, продекламировавшимъ перифразъ изъ Шекспира:

«Let those now strike who never struck before,
«And those who always struck now strike the more»... [1])

Еще большее значеніе имѣютъ для англійскаго рабочаго движенія выработанныя конгрессомъ организаціонныя реформы. Онѣ также обусловлены стачечнымъ движеніемъ послѣднихъ мѣсяцевъ, показавшимъ, въ какой мѣрѣ задерживаютъ нормальное развитіе трэдъ-юніонизма изолированность отдѣльныхъ трэдъ-юніоновъ и распыляющая единство движенія организація рабочихъ не по производствамъ, а по узкимъ спеціальностямъ.

Конгрессъ единодушно принялъ резолюцію, поручающую парламентскому комитету конгресса созвать въ ближайшемъ будущемъ конференціи трэдъ-юніоновъ по производствамъ, для проведенія организаціоннаго сліянія ихъ въ общенаціональныя федераціи. Та же тенденція къ консолидаціи силъ проявилась и во время обсужденія вопроса объ объединеніи ежегодной конференціи рабочей партіи съ конгрессомъ трэдъ-юніоновъ. Парламентскому комитету почти единогласно поручено войти въ переговоры по этому вопросу съ исполнительнымъ комитетомъ рабочей партіи. Такимъ образомъ изъ послѣднихъ событій англійское профессіональное движеніе вышло гораздо прочнѣе и цѣлесообразнѣе организованнымъ, чѣмъ оно было всего годъ тому назадъ.

Въ трэдъ-юніонистскомъ движеніи выдвинулись за послѣдніе мѣсяцы и болѣе одаренные вожди. Предсѣдателемъ парламентскаго комитета избранъ одинъ изъ представителей «новаго трэдъ-юніонизма»—членъ парламента Виль Торнъ, и составъ этого комитетъ пополнился новыми силами.

А. Чекинъ.

---

[1]) Пускай вступаютъ въ стачки тѣ, кто никогда раньше этого не дѣлалъ, а тѣ, которые всегда прибѣгали къ стачкамъ, пускай прибѣгаютъ къ нимъ еще больше прежняго.

СТАЧКИ И УСЛОВІЯ ТРУДА РУССКИХЪ РАБОЧИХЪ ВЪ 1910-мъ ГОДУ.

Достигшее своего кульминаціоннаго пункта въ 1905 г., рабочее движеніе быстро пошло на убыль. Въ періодъ 1906—1909 гг. стачки, даже оборонительныя, несмотря на значительное ухудшеніе условій труда и жизни рабочихъ, стали рѣдкимъ явленіемъ. Профессіональные союзы, распустившіеся пышнымъ цвѣтомъ въ краткіе дни свободы, стали хирѣть и давно уже, за рѣдкими исключеніями, превратились въ «пустынное поле, усѣянное мертвыми костями». Рабочія организаціи распадались такъ же быстро, какъ и появлялись. «Союзы»,— говоритъ «Нашъ Путь», профессіональный органъ союза петербурскихъ рабочихъ по обработкѣ металловъ,—гибли не только отъ ударовъ реакціи, но и отъ внутренняго распада. Сохранившіеся кое-гдѣ, благодаря неимовѣрнымъ стараніямъ небольшихъ группъ передовыхъ рабочихъ, союзы почти безуспѣшно боролись съ упадкомъ общественности и дисциплины въ массахъ».

1910-ый годъ, несмотря на значительный промышленный подъемъ, не представляетъ замѣтнаго улучшенія. Рабочее движеніе стоитъ почти на той же мертвой точкѣ; тотъ же упадокъ «общественности и дисциплины въ массахъ» можно констатировать и въ этомъ году. Стачечное движеніе не только не идетъ на прибыль, но въ извѣстной мѣрѣ понижается даже въ сравненіи съ 1909-мъ годомъ, особенно неблагопріятнымъ для рабочаго движенія.

Нѣкоторое понятіе о стачечномъ движеніи рабочихъ въ 1910 г. даетъ недавно выпущенный отдѣломъ промышленности министерства торговли и промышленности сводъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ за 1910-ый годъ; къ нему мы и обращаемся [1]).

Въ 1910 г. подъ надзоромъ чиновъ фабричной инспекціи состояло 15.721 промышленное заведеніе, съ числомъ рабочихъ въ 1.951.955 чел. Въ этихъ заведеніяхъ имѣли мѣсто 222 стачки, въ которыхъ принимали участіе 46.623 рабочихъ.

---

[1]) Данныя свода относятся къ стачкамъ рабочихъ, занятыхъ въ предпріятіяхъ, подчиненныхъ надзору фабричной инспекціи. Въ нихъ нѣтъ свѣдѣній о забастовкахъ рабочихъ въ ремеслѣ, горныхъ промыслахъ, строительной промышленности и т. д. Число этихъ забастовокъ, по даннымъ профессіональной печати, значительно измѣняетъ общую картину забастовокъ.

Такимъ образомъ, по отношенію къ общему числу фабрикъ и заводовъ, находившихся подъ надзоромъ инспекціи, число охваченныхъ стачками заведеній составляло 1,4%; по отношенію къ числу обслуживающихъ названныя фабрики рабочихъ процентъ бастовавшихъ выражается въ 2,4%. Въ 1909-мъ году число бастовавшихъ заведеній составляло 2,3%, процентъ забастовщиковъ—3,5%. Стачки 1910-го года по своему количеству приближаются къ стачкамъ конца девяностыхъ годовъ [1]), когда рабочіе были совершенно лишены права стачекъ, союзовъ и собраній. Эти права отчасти были даны рабочимъ въ 1905—1906 гг. Но чуть только спала волна рабочаго движенія, дарованныя права стали урѣзываться и постепенно сводиться на нѣтъ. Черезъ весь періодъ 1906—1910 гг. длинной вереницей идутъ закрытія и пріостановки рабочихъ союзовъ, отказы въ открытіи новыхъ союзовъ. Союзы закрываются «гуртомъ и въ розницу, и за бездѣйствіе и за чрезмѣрную дѣятельность...» Закрываются рабочія организаціи, «безмятежно существовавшія въ самыя мрачныя времена Плеве», а дѣятельность чудомъ уцѣлѣвшихъ организацій всячески тормозится и суживается.

«Чтобы существовать,—говоритъ цитированный нами «Нашъ Путь»—союзамъ приходится лавировать среди подводныхъ камней, всячески урѣзывать свою дѣятельность, дрожать буквально за каждый шагъ, терпѣть вмѣшательство администраціи во всѣ дѣла союзовъ, отказываться даже, изъ опасенія закрытія, отъ своего законнаго права обжалованія явно незаконныхъ дѣйствій властей...» Правила 4 марта 1906 г. о союзахъ и собраніяхъ остаются незыблемыми лишь на бумагѣ. А указъ 2 декабря 1905 г. о ненаказуемости экономическихъ забастовокъ? На это даютъ краснорѣчивый отвѣтъ думскіе запросы о преслѣдованіи рабочихъ во время мирныхъ забастовокъ у Гаккенталя въ Москвѣ, трамвайныхъ служащихъ въ Варшавѣ, текстильщиковъ въ Тейковѣ, Владим. губ., и многіе другіе факты изъ повседневной хроники стачечнаго движенія рабочихъ.

Изъ зарегистрированныхъ 222 стачекъ 214, съ числомъ забастовщиковъ въ 42.846 человѣкъ, возникли по чисто экономическимъ причинамъ одна стачка, съ 22 участниками—по причинамъ случайнымъ. Слѣдовательно, политическихъ стачекъ въ 1910 г. было всего 7 (3,2%) съ 3,755 участниками (8,1%). Въ сравненіи съ данными за 1909 г. число политическихъ стачекъ упало съ 50 до 7, а число забастовщиковъ этого рода съ 8.363 до 3.755, т. е. сократилось

[1]) Въ 1895 г. зарегистровано 168 стачекъ; въ 1896 г.—118; въ 1897 г.—145; въ 1898 г.—215; въ 1889 г.—189; въ 1900 г.—125.

болѣе, чѣмъ въ $2^1/_2$ раза. Экономическихъ стачекъ въ 1909 г. было 290, т. е. на 76 болѣе противъ 1910-го года, а число забастовщиковъ составляло 35.803 человѣка, на 13 тысячъ болѣе противъ послѣдняго отчетнаго года. Изъ 214 экономическихъ стачекъ наибольшее число возникло изъ-за заработной платы. Стачки по этой причинѣ составляютъ 73%, а число забастовщиковъ 58% всѣхъ бастовавшихъ рабочихъ.

Большая часть стачекъ возникла на почвѣ требованій со стороны рабочихъ объ увеличеніи заработной платы, т. е. относится къ стачкамъ наступательнымъ. Такихъ стачекъ въ 1910 г. было 126, съ 15.404 участниками, тогда какъ стачекъ оборонительныхъ, вслѣдствіе уменьшенія хозяевами заработной платы, было всего 19, съ 6.364 участниками. Въ 1909 г. въ стачкахъ перваго рода принимало участіе около 9 тысячъ, въ стачкахъ второго рода—около 21,5 тысячъ рабочихъ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что чисто оборонительный характеръ стачекъ 1909-го года въ 1910 г. уступаетъ мѣсто наступательному. Здѣсь, безъ сомнѣнія, отразилось оживленіе въ области нашей промышленности. Рабочіе, повидимому, учли измѣнившееся положеніе промышленнаго рынка и попытались использовать его въ своихъ интересахъ.

Стачекъ, возникшихъ изъ-за продолжительности рабочаго времени или его распредѣленія, а также въ видѣ протеста противъ уменьшенія или увеличенія числа часовъ работы, въ 1910 г. было 19, съ числомъ участниковъ до 5 тысячъ. Стачекъ, вызванныхъ недовольствомъ рабочихъ порядками въ заведеніи, дѣйствіями заводоуправленія, неудовлетворительнымъ устройствомъ рабочихъ помѣщеній и т. п., было 33, изъ которыхъ 25 возникло вслѣдствіе неудовольствій на персоналъ заводоуправленія и его дѣйствія. То же самое имѣло мѣсто и въ 1909 г., когда изъ 44 стачекъ этого рода 31 была вызвана также распоряженіями заводской администраціи.

Стачки съ требованіемъ увеличеніи заработной платы чаще всего возникали въ предпріятіяхъ по обработкѣ металловъ (25 случаевъ, съ 3455 участниками). Наибольшее число стачекъ, возникшихъ вслѣдствіе недовольства рабочихъ распоряженіями заводской администраціи, имѣло мѣсто тоже въ предпріятіяхъ по обработкѣ металловъ: изъ 33 забастовокъ на долю металлистовъ приходится 13, т. е. 39,3%. Наибольшій процентъ политическихъ стачекъ (62,5%) падаетъ также на предпріятія по обработкѣ металловъ.

Вообще по числу стачекъ всѣхъ категорій первое мѣсто занимаютъ производства по обработкѣ металловъ и машиностроенію—25% общаго числа стачекъ; второе и третье мѣсто занимаютъ про-

изводства по обработкѣ шерсти и хлопка, послѣднее мѣсто нефтяная промышленность. Здѣсь отмѣчено всего 8 стачекъ, въ которыхъ приняло участіе 935 человѣкъ, тогда какъ въ 1908-мъ году въ этой отрасли промышленности было зарегистрировано 12 тысячъ, въ 1909 г.—свыше 4 тысячъ стачечниковъ. Такое рѣзкое паденіе объясняется застоемъ дѣлъ въ нефтяной промышленности усилившимся въ 1910 г. Свидѣтельствуя «объ общемъ весьма благопріятномъ положеніи нашей фабрично-заводской промышленности» въ 1910 г., «Сводъ» дѣлаетъ исключеніе для предпріятій по буренію нефтяныхъ скважинъ и переработкѣ нефти. Вслѣдствіе паденія цѣнъ на сырую нефть и сокращенія переработки нефти, число рабочихъ сократилось мѣстами до 40%, а фирмы, «для сохраненія своего существованія», понизили плату рабочимъ на 20—25%. Съ этимъ, повидимому, и нужно поставить въ связь пониженіе стачечнаго движенія среди бакинскихъ рабочихъ, которые «до послѣдняго времени обнаруживали особую чувствительность въ защитѣ своихъ экономическихъ и бытовыхъ интересовъ и не останавливались передъ объявленіемъ забастовокъ даже по мелкимъ поводамъ».

Наибольшей продолжительностью отличались стачки, возникшія на почвѣ требованія рабочими перемѣнъ въ порядкѣ и условіяхъ расплаты: среднее число рабочихъ дней на стачки этого рода составляетъ 3262. Почти такой же интенсивностью отличались стачки, возникшія вслѣдствіе уменьшенія заработной платы, требованій перемѣны въ распредѣленіи рабочаго времени, протестовъ со стороны рабочихъ на штрафы и вычеты.

Стачки изъ-за требованія увеличить заработную плату въ отдѣльныхъ случаяхъ отличались особымъ упорствомъ, продолжаясь свыше 30 дней. Среднее число рабочихъ дней на стачки этого рода—873. Эта цифра меньше дѣйствительной, что признаетъ, между прочимъ, и отчетъ: имъ не принимались почему-то во вниманіе кратковременныя забастовки.

Что касается исхода стачекъ, то вполнѣ благопріятныхъ для рабочихъ оказалось всего 46, или 20,7%. Пораженіемъ рабочихъ закончилось 112 стачекъ, (50,4%), въ которыхъ число участниковъ также составляетъ половину всего числа забастовщиковъ. Компромиссомъ закончилось около 26% всѣхъ стачекъ, съ 33% общаго числа забастовщиковъ.

По сравненію съ данными за 1909 г. стачки рабочихъ въ 1910 г. были для нихъ нѣсколько болѣе благопріятны. Въ 1909 г. стачки, при которыхъ требованія рабочихъ были вполнѣ или отчасти удовлетворены, составляли 39%, съ числомъ участниковъ около 42%; въ 1910 г. число стачекъ въ пользу рабочихъ и компромисс-

ныхъ (съ частичнымъ удовлетвореніемъ) составляло 47% съ числомъ, участниковъ, какъ и въ 1909 г., 42% всѣхъ забастовщиковъ.

Таковы цифры стачекъ по оффиціальнымъ даннымъ. Въ Западной Европѣ рабочее движеніе находится въ тѣсной связи съ фазисами промышленнаго развитія; застой въ промышленности понижаетъ чило стачекъ, и, наоборотъ, съ каждымъ промышленнымъ подъемомъ оно усиливается. У насъ, наоборотъ, стачки рабочихъ, несмотря на улучшеніе положенія промышленности, стоятъ на той же мертвой точкѣ. Недаромъ, значитъ, говорятъ, что Россія—страна самобытная. Эта «самобытность», повидимому, наложила свой отпечатокъ и на условія труда рабочихъ.

Къ сожалѣнію, сводъ отчетовъ мало говоритъ объ условіяхъ труда рабочихъ, но косвеннымъ путемъ можно судить о нихъ по жалобамъ рабочихъ, приводимымъ фабричными инспекторами въ своихъ отчетахъ. Эти жалобы были вызваны, главнымъ образомъ, низкой заработной платой, задержаніемъ и неправильнымъ ея исчисленіемъ и т. п., при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ въ отчетномъ году чаще встрѣчаются, чѣмъ въ предыдущемъ. Такъ, жалобы на неправильное исчисленіе и пониженіе заработка въ 1909-мъ году имѣли мѣсто въ 8.844 случаяхъ, въ 1910 г.—въ 11.139; въ 1909 г. эти жалобы составляли 8% общаго числа жалобъ, въ 1910 г.—9,5%. Жалобы на незаконные вычеты тоже значительно увеличились въ 1910 г.: 1.998 случаевъ (1,7%), противъ 871 (0,8%) въ 1909-мъ году.

По мнѣнію окружнаго фабричнаго инспектора московскаго округа, пониженіе заработка объясняется «въ извѣстной мѣрѣ, кромѣ корыстныхъ соображеній владѣльцевъ, расчетомъ на безнаказанность, вслѣдствіе удаленности органовъ надзора, а иногда и плохою освѣдомленностью мало интеллигентныхъ завѣдующихъ съ постановленіемъ закона».

Что владѣльцы подчасъ обсчитываютъ рабочихъ и понижаютъ имъ заработную плату именно въ расчетѣ, — кстати сказать, не безосновательномъ—на свою безнаказанность, противъ этого никто спорить не станетъ; но чтобы фабриканты нарушали условія найма только потому, что плохо разбираются въ законахъ—этому вѣрится съ трудомъ. Въ 1905 — 906 г.г. освѣдомленность фабрикантовъ въ области законовъ, думаемъ, была такая же, какъ и въ 1910 г. — и тѣмъ не менѣе заработная плата не понижалась, условія труда рабочихъ не ухудшались. Напротивъ: благодаря сильному стачечному движенію, рабочими въ области экономическаго быта были достигнуты громадные успѣхи. Но лишь только отхлынула волна рабочаго

движенія, у рабочихъ стали постепенно отнимать все добытое ими въ 1905—1906 г.г. Вотъ что пишетъ, напр., старшій фабричный инспекторъ Московской губерніи: «Вслѣдствіе повальныхъ волненій рабочихъ въ 1905—1907 г.г. продолжительность рабочаго времени, вопреки желанію предпринимателей, была въ большей части заведеній сокращена. Естественно, что теперь, съ наступленіемъ успокоенія, явилось стремленіе, съ цѣлью поднять размѣры производства, удлинить продолжительность работы».

Подъ вліяніемъ «успокоенія» повсемѣстно понижается заработная плата, удлиняется рабочій день и т. п. Сплошь и рядомъ увольняются рабочіе безъ требуемаго закономъ предупрежденія за двѣ недѣли. Чтобы сдѣлать возможнымъ такое беззаконіе, предприниматели все чаще практикуютъ пріемъ найма рабочихъ на самый короткій срокъ. Рабочіе увольняются не только за свои собственные проступки, но и за чужіе. Фабричными инспекторами Эстляндской и Ярославской губерній сообщается о жалобахъ рабочихъ, увольняемыхъ съ фабрикъ за проступки родственниковъ. Въ отчетѣ по Владимірской губ. отмѣчена коллективная просьба рабочихъ о замѣнѣ мужчинами женщинъ и подростковъ, переносящихъ основы вѣсомъ въ 3—6 пудовъ. Старшій фабричный инспекторъ Кіевской губерніи сообщаетъ о трехъ коллективныхъ жалобахъ на увеличеніе рабочаго времени, съ одновременнымъ пониженіемъ заработной платы; по Владимірской губерніи отмѣчены жалобы на неуплату за происшедшій простой станковъ. Одинъ изъ инспекторовъ Московскаго округа указываетъ на рядъ жалобъ отъ рабочихъ, потерпѣвшихъ отъ несчастныхъ случаевъ на фабрикахъ и непринятыхъ обратно на работу, вслѣдствіе частичной потери ими трудоспособности хотя бы только на 15%. Сильно возросло число жалобъ на «дурное обращеніе» и побои. Въ 1909-мъ году жалобы на побои встрѣчались въ 2.700 случаяхъ, въ 1910-мъ году ихъ зарегистрировано 8.167, т. е. 6,9% общаго числа жалобъ противъ 2,4% въ 1909 г. А сколько случаевъ побоевъ совсѣмъ не дошло до свѣдѣнія чиновъ фабричной инспекціи!

Не менѣе внушительна цифра штрафовъ. Изъ 16.305 промышленныхъ заведеній, подчиненныхъ надзору фабричной инспекціи, къ штрафованію рабочихъ прибѣгали 3.614 предпріятій, т. е. 22,2% общаго числа подвѣдомственныхъ фабричной инспекціи заведеній.

Что въ «подтягиваніи» рабочихъ имѣетъ значеніе не «неосвѣдомленность предпринимателей съ постановленіями закона», а совершенно иныя причины, объ этомъ свидѣтельствуетъ сумма денежныхъ взысканій съ рабочихъ. Въ первые годы XX-го вѣка на каждые

100 рублей заработка взысканій приходилось 22,5 коп., а на каждаго рабочаго въ годъ—45,4 коп. Въ 1907 г. эти цифры сократились до 9,6 коп. на каждые 100 рублей заработка и до 22 коп. въ годъ на каждаго рабочаго. Съ 1907-го года штрафы вновь увеличиваются и достигаютъ въ 1909 г. 14,8 коп. на 100 рублей заработка и 35,2 коп. въ годъ на каждаго рабочаго. Въ 1910-мъ году наблюдается еще большее увеличеніе: сумма взысканій на каждые 100 рублей заработной платы достигаетъ 16,3 коп., а на каждаго рабочаго—39,6 коп.

Если сопоставить эти цифры съ данными о стачкахъ за тѣ же годы, то мы увидимъ, что онѣ обратно пропорціональны; чѣмъ стачечное движеніе интенсивнѣе, тѣмъ штрафованіе рабочихъ меньше, и наоборотъ, съ ослабленіемъ движенія «натискъ» на рабочихъ усиливается.

Ослабленные и разобщенные рабочіе не могли использовать «весьма благопріятное въ 1910 г. положеніе нашей фабрично-заводской промышленности»: съ нимъ какъ разъ совпадаютъ пониженіе стачечнаго движенія и ухудшеніе условій труда рабочихъ. Что это—явленіе преходящаго характера, о томъ свидѣтельствуетъ исторія рабочаго движенія на Западѣ, а также не прекращающіеся у насъ съ мая 1911-го года стачки рабочихъ въ цѣломъ рядѣ отраслей промышленности и въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Эти стачки, имѣющія въ большинствѣ случаевъ характеръ наступательный, показываютъ, что сдвигъ рабочихъ съ мертвой точки уже начался.

А. Малинъ.

КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ.

Второй томъ посмертныхъ художественныхъ произведеній Льва Николаевича Толстого вышелъ очень пестрымъ въ разныхъ отношеніяхъ: рядомъ съ работами послѣднихъ лѣтъ жизни писателя сюда попали и работы девятидесятыхъ годовъ и даже перваго десятилѣтія дѣятельности Толстого, рядомъ съ законченными повѣстями—первоначальные наброски и записи, рядомъ съ произведеніями огромной художественной цѣнности—художественно-слабыя назидательныя иллюстраціи теоретическихъ взглядовъ Толстого.

Въ эпоху до 1862 г. написаны варіанты повѣсти о «Ти-

хонѣ и Маланьѣ» («Идиллія»), цѣнной съ разныхъ точекъ зрѣнія. Въ ту пору Толстой неоднократно брался за изображеніе народной жизни, но въ такихъ повѣстяхъ, какъ «Казаки» или «Утро помѣщика», у него въ центрѣ стоитъ все-таки фигура барина, отрѣзаннаго отъ народа, его психика и его исканія, и писателя главнымъ образомъ интересуютъ процессы, происходящіе въ душѣ героя подъ вліяніемъ столкновенія съ народнымъ бытомъ и тѣми или другими лицами изъ народа. Въ данномъ случаѣ барскій элементъ совершенно отсутствуетъ, ни черезъ какую призму народная жизнь не преломляется; не извнѣ смотритъ писатель на эту среду, а какъ бы перемѣщаетъ себя самого въ ея нѣдра и ведетъ разсказъ такъ, какъ если бы онъ самъ былъ односельчаниномъ Маланьи. Стиль выдержанъ превосходно: такого чистаго, сочнаго народнаго языка, безъ малѣйшаго намека на интеллигентскую примѣсь ни въ лексикѣ, ни въ синтаксисѣ, мы въ другихъ произведеніяхъ Толстого не встрѣтимъ въ ту эпоху: этотъ языкъ вернется къ нему гораздо позже, во «Власти тьмы», «Кавказскомъ плѣнникѣ» и т. п. Съ такимъ же совершенствомъ выдержанъ и психологическій стиль: міровоззрѣніе, интересы, тембръ чувства—все подлинно крестьянское. Любопытно, что и для этой повѣсти сюжетомъ послужилъ все тотъ же столь характерный для Толстого вопросъ о бракѣ и супружеской вѣрности. Но какая бездна отдѣляетъ «Идиллію» отъ «Крейцеровой сонаты», написанной четверть вѣка спустя! Тутъ все залито солнечнымъ свѣтомъ, все дышетъ буйной радостью тѣла, нѣтъ и тѣни мрачнаго Познышевскаго трагизма. Властная, вѣчно-творящая стихія, благодатный инстинктъ материнства играетъ въ Маланьѣ и неожиданно, мимовольно толкаетъ ее въ объятія гуртовщика. Она совершила «грѣхъ», она «виновата» передъ любимымъ мужемъ, и въ этомъ для нея настоящее «горе». Но съ чувствомъ горя невольно переплетается чувство опьяняющей радости и какого-то торжества, какъ будто Маланья, нарушивъ одинъ непреложный законъ, выполнила другой, столь же непреложный, одержимая Ярилинымъ хмелемъ. «Въ брюхѣ-то что сидитъ, не выбьешь»,—радостно думаетъ она, когда мужъ «учитъ» ее въ чуланѣ черезсѣдельникомъ. Да и самъ мужъ глядитъ на происшедшее просто, безъ ригористической непримиримости. Поучить жену, конечно, надо, но она ему по прежнему мила, ничего непоправимаго въ ихъ союзѣ не случилось.

— Не будешь?

— Не поминай!

И полное, радостное, исчерпывающее примиреніе. Весенняя

буря пронеслась, наступаетъ цвѣтущее лѣто—дружная, крѣпкая, довольная семья, а тамъ и ясная, спокойная осень—тихая, благолѣпная старость «бабушки Маланьи». Во всемъ этомъ чувствуется скрытая закономѣрность гармонично, объемлющая, какъ необходимый и прекрасный элементъ, и потрясеніе, пережитое Маланьиной семьей передъ рожденіемъ первенца. Какъ это неизмѣримо далеко отъ позднѣйшаго суроваго толстовскаго аскетизма—и какъ жизненно, правдиво и мудро по сравненію съ нимъ.

Во всѣхъ отношеніяхъ самое значительное изъ произведеній, вошедшихъ во второй томъ—повѣсть «Отецъ Сергій». Въ смыслѣ художественной архитектуры, языка и вообще стиля эта повѣсть отличается всѣми тѣми изумительными достоинствами, о которыхъ я говорилъ при разборѣ перваго тома. Въ смыслѣ же психологическаго содержанія—это необычайно глубокій и неумолимый анализъ аскетическаго подвижничества. Князь Касатскій, сперва блестящій гвардейскій офицеръ, затѣмъ монахъ-отшельникъ отецъ Сергій, обладаетъ прежде всего горячимъ темпераментомъ, способнымъ даже на бѣшеные взрывы, т. е. является натурой, физіологически богато одаренной. Дана ему также сильная воля, недюжинный умъ и большая степень самосознанія; но онъ, повидимому, абсолютно лишенъ доброты и способности любовно отнестись къ чему бы то ни было. Онъ не только не добръ, но прямо даже враждебенъ и къ людямъ, и къ себѣ самому. У него нѣтъ чутья на доброе ни въ себѣ, ни въ другихъ—и, наоборотъ, есть чудовищно гипертрофированное чутье на все злое и низменное. Ничего радостнаго, свѣтлаго, желаннаго въ собственной душѣ онъ не знаетъ, ничего такого, къ чему тянуло бы органически, по внутреннему властному призыву. Поэтому всѣ свои богатыя силы онъ прилагаетъ къ внѣшне и произвольно ставимымъ цѣлямъ, и, овладѣвая ими безъ особаго труда, испытываетъ холодное, самолюбивое удовлетвореніе спортсмэна, увеличиваемое похвалами и удивленіемъ людей. Но сами по себѣ всѣ эти цѣли никакой цѣнности для него не составляютъ: важно достичь, а затѣмъ уже нечего дѣлать съ достигнутымъ, и приходится, во избѣжаніе томительной скуки бездѣйствія, грызущаго ощущенія пустоты и холода, занять силы и вниманіе новой какой-нибудь цѣлью, столь же внѣшней и по существу ненужной. «Стремленіе отличиться и для того, чтобы отличиться, достигнуть поставленной цѣли, наполняло его жизнь». Этотъ же импульсъ толкнулъ его и въ монастырь: «онъ сталъ монахомъ, чтобы стать выше тѣхъ, которые хотѣли показать ему, что они стоятъ выше его»; а затѣмъ, «какъ и во всѣхъ дѣлахъ, которыя онъ дѣлалъ, и въ монастырѣ онъ находилъ радость въ достиженіи наибольшаго, какъ внѣшняго, такъ и внутренняго совершен-

ства». Его задачей стало—сдѣлаться такимъ же выдающимся подвижникомъ, какимъ онъ былъ выдающимся офицеромъ, т. е. и въ стѣны обители онъ пришелъ съ спортсмэнскимъ импульсомъ. Когда ему показалось, что и на этомъ поприщѣ «онъ достигъ всего, чего надо было достигнуть, и больше дѣлать нечего», ему стало «скучно»: духовное совершенство, какъ онъ его себѣ рисовалъ, разъ достигнутое, оказалось столь же мало радостнымъ, желаннымъ и нужнымъ, какъ и всѣ другія внѣшнія цѣли, которыя онъ себѣ ставилъ въ міру.

Неизвѣстно, къ чему привелъ бы Сергія этотъ припадокъ скуки, если бы обстоятельства не доказали ему, что онъ очень далекъ отъ того совершенства, къ которому стремился. Вмѣсто истиннаго «смиренія и кротости», въ его душѣ при первыхъ же «соблазнахъ» оказалось рѣзко отрицательное, презрительное отношеніе къ людямъ, разъ онъ замѣчалъ въ нихъ элементы низменности и пошлости; вмѣсто «чистоты не только на дѣлѣ, но и въ мысляхъ»—«соблазнъ женскій поднялся въ немъ съ страшной силой». По объясненію старца руководившаго его совѣстью, онъ впалъ въ грѣхъ по той главной причинѣ, что «онъ смирился не ради Бога, а ради своей гордости, что вотъ, молъ, я какой, ни въ чемъ не нуждаюсь»,—и послалъ Сергія, чтобы «смирить гордыню», въ уединенный затворъ. Здѣсь, отрѣзанный отъ «соблазновъ міра», Сергій заглянулъ въ свою душу такъ глубоко, какъ до тѣхъ поръ ему не случалось еще заглядывать. Уже и прежде у него бывали минуты, «когда вдругъ все, чѣмъ онъ жилъ, тускнѣло передъ нимъ; онъ переставалъ не то что вѣрить въ то, чѣмъ жилъ, но переставалъ видѣть это, не могъ вызвать въ себѣ того, чѣмъ жилъ, а воспоминаніе и—ужасно сказать—раскаяніе въ своемъ обращеніи охватывало его». Но тогда это довольно скоро проходило, не оставляя особенно глубокихъ слѣдовъ въ душѣ. Лишь теперь эти прежде раздробленныя и смутныя переживанія обнаружили свою истинную силу и сущность и скристаллизовались у Сергія въ центральный вопросъ: «Зачѣмъ весь міръ, вся прелесть его, если онъ грѣховенъ и надо отречься отъ него? Зачѣмъ Ты сдѣлалъ этотъ соблазнъ? Соблазнъ? Но не соблазнъ ли то, что я хочу уйти отъ радостей міра, и что-то готовлю тамъ, гдѣ ничего нѣтъ, можетъ быть»? Переведите это съ традиціонно-монашескаго языка на языкъ, болѣе близкій современному міропониманію—и получится приблизительно слѣдующее. Существующій міръ, съ его свѣтомъ и радостью, и присущая намъ мечта о царствѣ правды и красоты — суть двѣ вещи, взаимно другъ друга исключающія. Одно изъ двухъ: либо права мечта, и тогда привязанность къ міру есть лживый инстинктъ, тормозящій наше совершенствованіе, и весь міръ насквозь есть дьявольская ловушка; либо неложна наша жажда «радостей міра»,

но тогда—«тамъ ничего нѣтъ», т. е. лжива наша тоска по невѣдомомъ свѣтѣ, нѣтъ передъ нами никакой возвышенной цѣли, намъ остается только размѣняться на вихрь наслажденій или бореній, мимолетныхъ и случайныхъ, никакой высшей необходимостью не освящаемыхъ. Итакъ, передъ нами все тотъ же типичный для Толстого-теоретика расколъ между духомъ и плотью, добромъ и зломъ, Богомъ и Дьяволомъ, чаемымъ и сущимъ, все то же стремленіе заковать жизнь въ неподвижныя, упрощенныя рамки. Совершенно исключается третья точка зрѣнія, по которой чаемыя нами правда и красота должны органически вырасти изъ существующаго міра путемъ свободнаго боренія тѣхъ силъ, которыя въ немъ есть. Но эта послѣдняя точка зрѣнія предполагаетъ съ психологической неизбѣжностью вѣру въ жизнь и въ людей, а вѣра, въ свою очередь, неразрывно связана съ любовнымъ созерцаніемъ міра явленій, раскрывающимъ не только косность и враждебность этого міра, но и благостное движущее начало, въ немъ безпрестанно обнаруживающееся, какъ красота и безпредѣльное творчество и природы, и людей.

Но отцу Сергію какъ разъ чужда способность такого созерцанія. Для него «соловьи, жуки, природа»—не красота, которая ведетъ Касьяна съ Красивой Мечи или Лукерью изъ «Живыхъ Мощей» прямо къ Богу. Для него это—«замокъ двери», наглухо отдѣляющей его отъ Бога. Такой же «замокъ» для него и люди, потому что «ему пріятна, нужна любовь отъ нихъ, но къ нимъ любви онъ не чувствовалъ». Такой же «замокъ» для него, очевидно, и женская любовь, ибо, повидимому, и тутъ «ему пріятна, нужна любовь отъ нихъ, но къ нимъ любви онъ не чувствовалъ». Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, только разъ въ жизни ему показалось, что онъ любитъ по настоящему,—когда онъ хотѣлъ жениться на фрейлинѣ, но и тогда онъ любилъ не живого человѣка, а какую-то свою фикцію, и едва только невѣста обнаружила передъ нимъ свое настоящее существо и съ настоящей любовью, съ мольбою и мукой всей душою потянулась къ нему, онъ отшвырнулъ ее въ бѣшенствѣ оскорбленнаго самолюбія. Такъ ли поступилъ бы онъ, такъ ли былъ бы глухъ къ ея душѣ, если бы истинно любилъ ее?

Для Сергія, такимъ образомъ чужды настоящія радости міра, которыя выростаютъ изъ интимнаго общенія съ природой, съ людьми, съ любимой женщиной. Что же остается тогда изъ радостей міра? Только первичное сладострастіе тѣла, въ видѣ ѣды, плотскаго общенія и т. п., да первичное сладострастіе духа, въ видѣ жажды превосходства и владычества надъ другими. Остановившись на этой стадіи развитія, дѣйствительно, нельзя проникнуть въ царство высшихъ, по-

истинѣ желанныхъ цѣнностей, дающихъ постоянную, непреходящую радостность; невозможно даже и настоящее знаніе о природѣ этихъ цѣнностей. Мало того: невозможна и искренняя увѣренность въ ихъ существованіи; возможно только упрямое, всегда готовое рухнуть, самовнушеніе, на основаніи чужихъ словъ и свидѣтельствъ. Эту сторону дѣла Толстой изображаетъ въ «отцѣ Сергіи» съ необычайной точностью и яркостью. Сергій находитъ свою мнимую вѣру въ Бога только тогда, когда искусственными пріемами монашеской техники отрывается отъ своей настоящей природы и отъ всякой реальности вообще и какъ бы навинчиваетъ себя на нѣкоторую извнѣ данную роль. Когда онъ искрененъ съ самимъ собою, онъ ясно ощущаетъ, что «плотская похоть» есть привлекательная реальность, а о томъ, что «тамъ», онъ по внутреннему опыту ровно ничего не знаетъ. Но вынести своей искренности Сергій не можетъ, ибо не вѣритъ въ благородную основу души человѣческой, въ томъ числѣ и своей, не вѣритъ, чтобы могъ человѣкъ, оставаясь свободнымъ и правдивымъ, постигнуть, хотя бы и черезъ муку отрицанія, свѣтъ истины. Вмѣсто того, чтобы безстрашно принять свое сомнѣніе и изслѣдовать его до конца, онъ «ужаснулся, омерзился на самого себя» и поспѣшилъ убѣжать отъ себя въ искусственную атмосферу, предоставивъ своему настоящему я, подъ покровомъ этого самогипноза, оставаться въ прежнемъ состояніи неизжитаго отрицанія, непросвѣтленной тѣлесности. «Какъ устанавливаютъ предметъ неустойчиваго равновѣсія, онъ установилъ опять свою вѣру на колеблющейся ножкѣ и осторожно отступилъ отъ нея, чтобы не толкнуть и не завалить ея. Шоры выдвинулись опять, и онъ успокоился». Такими искусственными мѣрами, къ числу которыхъ относится, конечно, и палецъ, отрубленный для усмиренія взбунтовавшейся плоти, Сергій довольно долго прячется отъ врага, предоставляя ему тѣмъ временемъ производить въ его душѣ страшныя опустошенія и тѣмъ самымъ обезпечивать за собою конечную побѣду. «Дьяволъ подмѣнилъ всю его дѣятельность для Бога дѣятельностью для людей», или, точнѣе, подмѣнилъ томленіе по высшимъ возможностямъ служеніемъ тѣмъ самымъ первичнымъ инстинктамъ, отъ которыхъ Сергій бѣжалъ съ ужасомъ и омерзеніемъ.

Если бы Сергій остался самимъ собой, отдался бы зовамъ тѣла и жажды успѣха и славы,—какъ знать, во что претворилось бы у него все это, подъ вліяніемъ внутренняго голоса, зовущаго къ мірамъ инымъ и свидѣтельствующаго о недостаточности для человѣка всего, имъ достигаемаго. Не родились ли бы изъ постоянной и неутолимой муки его сердца такія пламенныя молніи, которыя ярко озарили бы и передъ нимъ самимъ, и передъ всѣми людьми пути

правды и неправды, и выжили бы изъ жизни много лжи и мерзости, бременящихъ ее. Но Сергій презрѣлъ свой путь, шоры предпочелъ искренности—и ползучимъ лишаемъ заросла его душа. Онъ видѣлъ и сознавалъ, какъ его служеніе Богу подмѣняется служеніемъ собственному тщеславію, какъ вмѣсто смиренія выростаетъ въ немъ жалкое умиленіе передъ собственной святостью, какъ его подвижничество и чудотвореніе превращаются въ недостойную комедію, бьющую на низменные либо темные инстинкты массы,—видѣлъ все это, но уже не «ужасался» и не «омерзялся». Нѣтъ муки въ его сердцѣ, нѣтъ и благодатныхъ грозъ. Въ лукавомъ компромиссѣ перемѣшались, смялись, стерлись трагическіе полюсы духа человѣческаго, исчезло различеніе добра и зла, и воцарились ложь и пошлость. Теперь уже нужно грубое, примитивное, матеріальное противорѣчіе съ исповѣдуемымъ устами идеаломъ, чтобы уснувшая энергія души проснулась, чтобы перемѣшавшіеся полюсы вновь разъединились, засверкали бы молніи, и трагизмъ, зовущій къ исканію и боренію, всталъ бы съ новой остротой.

Такимъ воскрешающимъ ударомъ является для Сергія «грѣхъ» съ слабоумной и чувственной дѣвушкой, приведенной къ нему для исцѣленія, и затѣмъ, вѣроятно, убійство этой дѣвушки, которое Толстой вычеркнулъ при переработкѣ конца повѣсти, но оно все же осталось у него въ мысли какъ необходимое звено драмы, ибо и въ позднѣйшемъ варіантѣ Сергій именуетъ себя не только блудникомъ, но и убійцей. Подъ ударомъ случившагося душа Сергія выпрямляется. Первая его мысль—«нѣтъ Бога!» И это неизбѣжно, при принципіальномъ противоположеніи міра и Бога: если «міръ» и его соблазнъ взяли верхъ, значитъ Богъ побѣжденъ, значитъ Его нѣтъ. Но тутъ-то и обличается ложность этого привычнаго для Сергія противуположенія. Какой-то смутный инстинктъ не удовлетворенъ кажущейся неизбѣжной логичностью его вывода. Споръ не рѣшенъ. Есть еще какая-то невѣдомая возможность, которой, однако, Сергій въ своей душѣ не найдетъ, а долженъ за поисками ея отправиться къ человѣку совсѣмъ иного склада, живущаго совсѣмъ другими инстинктами. Это—Пашенька, жалкая, робкая, глупая, но живое воплощеніе того, чего не хватаетъ Сергію: доброты. «Она не могла физически почти переносить недобрыя отношенія между людьми». Это ея свойство Толстой пробуетъ раціонализировать на ладъ утилитарныхъ теорій: «Ей такъ ясно было, что отъ этого ничего не можетъ быть лучше, а все будетъ хуже». Но сейчасъ же и спохватывается, какъ бы понимая, что вопросъ рѣшается только на почвѣ органической доброты, а не на утилитарномъ расчетѣ: «Да этого даже она не думала; она просто страдала отъ вида злобы, какъ отъ дурного запаха, рѣзкаго шума

ударовъ по тѣлу». Руководимая этимъ инстинктомъ, Пашенька не разсуждаетъ ни о Богѣ, ни о дьяволѣ, ни о гордынѣ, ни о похоти,— она просто только видитъ вокругъ себя мучающихся людей и изъ силъ выбивается, чтобы хоть чѣмъ-нибудь облегчить имъ жизнь.

Жизнь Пашеньки поражаетъ и даже какъ бы вразумляетъ Сергія. «Пашенька—именно то, что я долженъ былъ быть и чѣмъ я не былъ. Я жилъ для людей подъ предлогомъ Бога, она живетъ для Бога, воображая, что она живетъ для людей». Сергій не можетъ разсуждать о Пашенькѣ иначе, но изъ того, что разсказалъ намъ о ней Толстой, мы ясно видимъ, что Сергій не понялъ самаго существа Пашеньки. Она вовсе не воображаетъ, что живетъ для людей: она дѣйствительно живетъ для людей. И притомъ Сергій думаетъ, что тутъ все дѣло въ какой-то ошибкѣ въ его программѣ, а у Пашеньки программа вѣрная. Но въ томъ-то и суть, что у Пашеньки нѣтъ никакой программы, никакого догмата. Она просто живетъ такъ, какъ подсказываетъ ей ея истинная природа, и такъ какъ природа у нея добрая, любящая, то и жизнь ея исполнена доброты и красоты. И себя Сергій опять-таки не понимаетъ: его бѣда вовсе не въ томъ, что онъ жилъ для людей. Онъ для нихъ не жилъ, ибо жить можно только для того, кого любишь, а для Сергія люди были только орудіемъ самоуслажденія. Живи онъ дѣйствительно для людей и среди людей, его жизнь была бы также полна, какъ Пашенькина; но онъ жилъ исключительно для себя, болѣлъ одной только болью—вопросомъ, святъ ли онъ или не святъ, достоинъ или недостоинъ. Корни его существа не раскинулись по окружающему міру и по людямъ, и оттого скудна и вѣчно ненасытимо голодна была душа его. Въ одномъ только смыслѣ онъ жилъ для людей, но совсѣмъ не въ томъ, какъ Пашенька: онъ искалъ среди нихъ успѣха и славы, жилъ людямъ на показъ. «Да,—размышляетъ онъ,—нѣтъ Бога для того, кто жилъ, какъ я, для славы людской». Это, конечно, вѣрно, но укрыться отъ славы людской—далеко еще не все, что нужно Сергію. Ему нужно научиться прозрѣвать въ себѣ и вокругъ себя сквозь покровъ ненавистнаго ту красоту, которую Пашенька умѣетъ чуять во всякомъ человѣкѣ, какъ бы ни были явны недостатки и пороки этого человѣка. Нужно Сергію научиться радость передъ этой красотой дѣлать центральнымъ, опредѣляющимъ моментомъ въ своемъ отношеніи къ міру и къ жизни, нужно снять то проклятіе, то презрѣніе ко всему творенію Божію, въ томъ числѣ и къ себѣ самому, которыя до сихъ поръ опредѣляли все міроощущеніе Сергія. Дано ли ему пережить это истинное воскресеніе, мы не знаемъ: послѣдняя страница повѣсти оставляетъ его все тѣмъ же борцомъ съ «гордыней», знающимъ только одну ра-

дость—смиренное принятіе униженій. Но это ли та радость, которая ведетъ къ Богу? Вѣдь по своему психологическому корню она врядъ ли разнится отъ прежнихъ путей Сергія.

Другія произведенія, вошедшія во второй томъ, носятъ автобіографическій характеръ и имѣютъ основнымъ содержаніемъ ту мучительную трагедію, которую Толстой переживалъ въ послѣднія десятилѣтія и которая только теперь развертывается передъ нами во всемъ своемъ ужасѣ, длительномъ, безысходномъ, гнетущемъ. Въ неоконченной и необработанной драмѣ: «И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ» Толстой, не щадя ни себя, ни своихъ близкихъ, раскрываетъ тяжкую трагедію своихъ семейныхъ отношеній въ тотъ моментъ, когда онъ, понявъ по своему евангеліе, захотѣлъ на практикѣ осуществить требованія новаго своего міропониманія. Семья рѣшительно возстала противъ него, и онъ, отступая шагъ за шагомъ, въ концѣ концовъ дошелъ до такого положенія, въ которомъ ясно видѣлъ униженіе для себя лично и упраздненіе дѣйственной силы всей его проповѣди. «Не только мучаю себя, но гублю то, что я дѣлаю. Мнѣ всякій имѣетъ право сказать и говоритъ, что я обманщикъ, что я говорю, но не дѣлаю, что я проповѣдую евангельскую бѣдность, а самъ живу въ роскоши, подъ предлогомъ, что я отдалъ все женѣ... Я гублю дѣло Божіе»... Онъ ясно видитъ, что внѣшнее опрощеніе, столярничанье, подаваніе руки лакеямъ, всѣ эти мелочи, въ которыхъ пробуетъ проявить свои убѣжденія Николай Ивановичъ Сарынцовъ,—нарочиты и ничтожны, разъ въ главномъ все остается по старому. Онъ рвется вонъ изъ «развращенной среды», но и въ этомъ пунктѣ его воля сгибается въ концѣ концовъ передъ горячей энергіей жены, и онъ остается, утѣшая себя такими размышленіями: «Видно не хочешь Ты, чтобы я былъ Твоимъ работникомъ въ этомъ Твоемъ дѣлѣ; хочешь, чтобы я былъ униженъ, чтобы всѣ могли на меня пальцемъ указывать: говоритъ, но не дѣлаетъ. Ну, пускай. Ты лучше знаешь, что Тебѣ нужно. *Смиреніе, юродство*. Да, если бы только *возвыситься до него*». Но Николай Ивановичъ еще очень далекъ отъ истиннаго смиренія, ибо черезъ минуту имъ овладѣваетъ слѣдующая, совсѣмъ не смиренная, аскетически горделивая мысль: «Если Ты посылаешь испытаніе, то потому, что считаешь меня способнымъ выдержать его, что оно по силамъ мнѣ».

Нѣсколько лѣтъ спустя, въ предисловіи къ второму варіанту повѣсти «Нѣтъ въ мірѣ виноватыхъ», Толстой опять заговоритъ о «странной, удивительной своей судьбѣ», на этотъ разъ уже прямо отъ своего имени, а не отъ имени литературнаго героя. «Едва ли есть какой бы то ни было забитый, страдающій бѣднякъ, который бы

въ сотой долѣ чувствовалъ, какъ я чувствую теперь, всю ту несправедливость, жестокость, весь ужасъ подавленности, униженности, бѣдственности положенія большинства людей... Мучительно чувствую все это и, несмотря на то, живу въ этой развращенной преступной средѣ и не могу, не умѣю, не имѣю силъ уйти изъ нея, не умѣю измѣнить свою жизнь... Сложныя условія прошедшаго, семья и ея требованія не выпускали меня изъ своихъ тисковъ, или, скорѣе, я не умѣлъ и не имѣлъ силъ отъ нихъ освободиться. Теперь же, на девятомъ десяткѣ, ослабѣвшій тѣлесными силами, я уже и не пытаюсь освободиться, и странное дѣло, по мѣрѣ ослабленія тѣлесныхъ силъ, все сильнѣе и сильнѣе сознавая преступность своего положенія, я все болѣе и болѣе страдаю отъ этого положенія».

Я не могу сейчасъ углубляться въ анализъ этой потрясающей исповѣди Толстого передъ лицомъ всего міра. Это дѣло будущаго біографа, который соберетъ весь матеріалъ и посвятитъ достаточно времени и проникновенной любовности для того, чтобы въ полной мѣрѣ овладѣть подвижническими бореніями и муками великой натуры, искренно искавшей и жаждавшей Бога любви и правды, но не всегда знавшей, *какъ* и *гдѣ* надо искать Его. Но тотъ матеріалъ, которой мы получаемъ теперь, колоссально важенъ: благодаря ему, изъ-за суроваго лика прямолинейнаго, самоутвержденнаго проповѣдника и обличителя выступаетъ на первый планъ истинно-религіозный, человѣческій и человѣчный ликъ, скорбная, смятенная душа, именно потому болѣе раскрытая для уразумѣнія тѣхъ отсвѣтовъ правды, которые вообще доступны сердцу человѣческому.

С. Адріановъ.

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Саратовская секта «душителей».—Неосновательность газетныхъ сообщеній.—Легкомысліе, сѣющее сѣмена опасныхъ легендъ.—Удручающая картина голодовки.—Голодъ растетъ, а помощь слабосильна.—Повсемѣстная неудача съ общественными работами.—Запретъ на право «кормить голодныхъ».—Пора возстановить это «право или эту обязанность».

Недавно газеты сообщали о новой, изувѣрской сектѣ «душителей». Подробности приводились мрачныя, удручающія. «Душители», по словамъ газетъ, пришли, на основаніи какихъ-то темныхъ, ложно-религіозныхъ соображеній къ выводу, что старикамъ не слѣ-

дуетъ жить дальше извѣстнаго возраста (60 лѣтъ). Поэтому стариковъ убивали. Дѣти убивали отцовъ и матерей, внуки—дѣдушекъ и бабушекъ. Нѣкоторыя газеты рисовали даже картину удушенія несчастныхъ стариковъ: ихъ укладывали на землю, сверхъ нихъ клали доски, а на доскахъ садились ихъ дѣти, внуки, родственники и духовные братья по сектѣ. Сверху пѣли гимны, молитвы, а внизу, задыхаясь, въ мученьяхъ умирали раздавленные старики. Потомъ ихъ тайно хоронили въ подземельяхъ.

Такія сообщенія невозможно читать равнодушно. И стыдъ, и гнѣвъ, и злобу возбуждаютъ они въ читателяхъ. А когда газеты прямо указывали, что секта «душителей» открыта на дняхъ въ Саратовѣ, то всѣ эти неспокойныя чувства направлялись туда, на опредѣленныхъ людей, отмѣченныхъ газетами. Не всякій читатель и не сразу сообразитъ: «А позвольте, откуда же газеты взяли такія подробныя и точныя свѣдѣнія о «душителяхъ»? Имѣются у нихъ опредѣленные, доказанные факты?» Увы,—какъ нѣкоторыя газеты спѣшатъ пустить въ оборотъ сенсаціонное сообщеніе, мало заботясь о его фактической провѣркѣ, такъ и многіе читатели прежде всего приходятъ въ гнѣвъ и возбужденіе и только долго спустя—да и далеко не всѣ—начинаютъ раздумывать, соображать, сомнѣваться, требовать доказательствъ. Такъ вышло и съ саратовскими «душителями». Газеты съ привычнымъ паѳосомъ и шумомъ оповѣстили по всей Россіи о возмутительной сектѣ, читатели понегодовали—и все смолкло. Газеты перешли къ другимъ сенсаціямъ. Однако, дѣло не такъ просто, не такъ невинно по своимъ послѣдствіямъ. Слухъ о новой, изувѣрской сектѣ остается зерномъ, которое запало въ общественную память. Оно ложится рядомъ съ подобными же зернами, упавшими сюда ранѣе. И постепенно изъ этихъ зеренъ создаются мрачныя легенды о народной изуродованной душѣ.

Между тѣмъ, о саратовскихъ «душителяхъ» вотъ что пишетъ сотрудникъ «Саратовскаго Листка», г. Мизякинъ, много лѣтъ близко наблюдавшій мѣстное сектантство и пріобрѣвшій въ своихъ наблюденіяхъ необходимую вдумчивость и осторожность. «Въ крестовоздвиженскомъ приходѣ полиція напала на слѣды тайной секты въ семьѣ Кабанкиныхъ. Кабанкинъ былъ извозчикъ; при случаѣ любилъ поспорить на биржѣ съ другими извозчиками о вѣрѣ; отъ нихъ полиція и получила первыя свѣдѣнія. Въ нѣкоторыхъ газетахъ секта, къ которой принадлежитъ семья Кабанкиныхъ, названа «зловредной сектой», сектой «душителей». «Саратовскій Вѣстникъ» высказался на этотъ счетъ совершенно утвердительно, повторивъ терминъ «душители» и въ послѣдующей замѣткѣ. Подобныя тяжкія обвиненія являются неосторожными и, во всякомъ случаѣ, преждевременными:

ритуальныя особенности секты и прочія особенности далеко не выяснены. Что собственно установлено? Что семья Кабанкиныхъ похоронила умершаго старика у себя во дворѣ, по своему обряду. Вдова и сынъ покойнаго категорически отрицаютъ насильственныя дѣйствія: умеръ, говорятъ, «Божьей волей». При вскрытіи трупа старика Кабанкина, по сообщенію «Саратовскаго Вѣстника», «никакихъ признаковъ насильственной смерти не обнаружено». Далѣе о Кабанкиныхъ извѣстно: жили скрытно, молились по своему. Въ молельню сходились старики, старухи, въ числѣ 15—20 человѣкъ, которые (будто бы) клялись передъ распятіемъ держать въ секретѣ свою вѣру и подземные ходы, куда, какъ предполагаютъ, зарывали умершихъ сектантовъ. Нашли еще книги, иконы. Въ чемъ же можно видѣть основаніе для категорическаго утвержденія, что это «зловредные» люди, семья «душителей»? Данныхъ нѣтъ, а обвиненіе уже пущено. Такая поспѣшность, если она разсчитана не на одну только сенсацію, слишкомъ рискована. Вотъ что извѣстно о сектѣ подпольниковъ (иначе они называются «бѣгунами», «скрытниками», «странниками», мѣстами «лучинковцами»). Появленіе этой секты относится ко второй половинѣ 18-го вѣка. Вездѣ и во всемъ этой сектѣ чудится власть антихриста, съ которымъ нужно бороться. Бороться открыто нельзя: остается одинъ путь—таиться, бѣгать, скрываться, молиться въ подпольяхъ при свѣтѣ лучины. Въ мірѣ правитъ «Апокалиптическій звѣрь»; желающій спасти душу свою долженъ порвать всѣ сношенія съ обществомъ, съ семьей, уклониться отъ гражданскихъ повинностей, избѣгать записи въ ревизіи и иныя какія-либо книги, уклоняться отъ военной службы, податей, присяги и проч. Спасительно странствовать, нужно принять новое крещеніе. Полиція всегда и вездѣ преслѣдовала странниковъ «за безписьменность», а принимающихъ ихъ—за «притонодержательство», что ихъ и заставляло скрываться въ тайникахъ и подпольяхъ. Кромѣ «отрицанія властей», на странниковъ духовнымъ начальствомъ взводится тяжкое обвиненіе: по сообщенію прот. Шишева, странники неизвѣстно куда скрываютъ дѣтей не только своихъ, но и чужихъ. Молва народная говоритъ, что странники рѣжутъ дѣтей и причащаются человѣческой кровью. Другой миссіонеръ г. Луканинъ, пользующійся репутаціей знатока раскола, пишетъ по этому поводу: «Много было говорено и писано про лучинкину вѣру. И фантазія фельетонистовъ постаралась приписать послѣдователямъ этой вѣры ужасное людоѣдство, дѣтоубійство и кровопійство. Но ближайшее знакомство съ этой сектой и съ коренными ея догматами убѣждаетъ, что всѣ измышленныя обвиненія этихъ сектантовъ въ звѣрствѣ и варварствѣ отнюдь не подтверждаются. Тѣ, которые утверждаютъ, навѣрное не

приведутъ въ подтвержденіе такого грубаго нареканія ни одного факта или доказательства». Что касается синенскихъ подпольниковъ, то, по свѣдѣніямъ, секта эта существуетъ издавна. Не разъ возникали судебныя дѣла, писались доносы, производились разслѣдованія. Однако, факты придушенія умирающихъ не были установлены. Духовныя лица, служившія въ этомъ приходѣ и участвовавшія при слѣдствіяхъ, не могутъ подтвердить этого: «говорятъ»—вотъ все, на чемъ основаны подобныя обвиненія. Изъ с. Синенькихъ ли или изъ иныхъ мѣстъ занесена въ Саратовъ секта подпольниковъ,—прослѣдить трудно. Но факты укрывательства «странниковъ» и погребенія въ подпольяхъ и на дворахъ умершихъ бывали обнаруживаемы здѣсь и раньше. И ни въ одномъ случаѣ «удушеніе» констатировано не было».

Уже вся Россія оповѣщена о саратовскихъ «душителяхъ». О нихъ уже знаютъ, что они раздавливали подъ досками стариковъ. А фактически, оказывается, доказано пока только то, что тайно схороненъ одинъ старикъ, и вскрытіе не подтвердило насильственной его смерти. Такъ, на нашихъ глазахъ, на глазахъ всей нынѣшней Россіи возникаютъ легенды, выростаетъ легкомысленная клевета, съ которой трудно, почти невозможно бороться и которая ведетъ къ тяжелымъ послѣдствіямъ. Вѣдь негодующій шумъ общества и газетъ уже заставилъ, какъ сообщаютъ газеты, заключить семью Кабанкиныхъ въ тюрьму. Можетъ быть, туда же попадутъ и тѣ 15—20 сектантовъ, которые собирались вмѣстѣ съ ними на молитву въ подземельѣ, надѣясь найти здѣсь миръ и тишину. Вѣроятно, судъ ихъ потомъ оправдаетъ, но для чего это тюремное томленье, эта обида, эта ненужная жестокость?.. И это еще не все. «Подпольниковъ», оказывается, и раньше обвиняли, притомъ не только въ «удушеніи» стариковъ, но и въ убіеніи младенцевъ. Фактовъ ни разу добыто не было. Но легкомысленная молва вьетъ и вьетъ вокругъ нихъ тяжелыя обвиненья. А на этой почвѣ тлѣетъ раздраженіе, злоба противъ сектантовъ. И временами то здѣсь, то тамъ возникаютъ столкновенія, побоища. Всѣ почти секты привыкли таить свое существованіе въ тишинѣ и тайнѣ. Несомнѣнно, встрѣчаются въ нѣкоторыхъ изъ нихъ и примѣси невѣжественнаго изувѣрства; но въ очень многихъ сектахъ зрѣетъ истинно-религіозная мысль, которая ведетъ ищущихъ правды на землѣ, обходными и запутанными тропами, къ свѣтлой цѣли. Между тѣмъ населеніе, раздраженное слухами объ изувѣрствѣ сектантовъ, смѣшиваетъ ихъ всѣхъ въ одну ненавистную кучу и нерѣдко преслѣдуетъ или подвергаетъ избіенію такихъ людей, которые, въ сущности, по духовной зрѣлости значительно выше обычнаго уровня.

Насколько не шуточны по своимъ послѣдствіямъ измышленныя легенды о религіозныхъ преступленіяхъ, можно судить хотя бы по легендѣ о ритуальныхъ убійствахъ, въ которыхъ обвиняютъ евреевъ. Какъ разъ на дняхъ съ новой силой возникла объ этомъ полемика въ газетахъ и журналахъ. Снова и снова нужно идти на эту легенду во всеоружіи науки, историческихъ справокъ, во имя справедливости, человѣколюбія. А живучая легенда все ползетъ и ползетъ, высовываетъ жало. Уже нѣсколько вѣковъ жизни насчитываетъ она,—и все стараются ее умертвить, а она жива. Откуда вышла она, чѣмъ питается сейчасъ? Не уловишь, не опредѣлишь съ точностью—а цѣлая нація, запуганная погромами и преслѣдованіями, не можетъ сбросить съ себя ея тяжесть. Обвилась, какъ ліана...

Не поучительно ли, однако, то обстоятельство, что въ тѣхъ самыхъ газетахъ, которыя энергично опровергаютъ легенду о еврейскихъ ритуальныхъ убійствахъ, тутъ же рядомъ сообщается непровѣренная легенда о саратовскихъ «душителяхъ»? И вотъ, внезапно освѣщается одна изъ тѣхъ рукъ, которыя сѣютъ сѣмена такихъ опасныхъ легендъ. Рука эта—человѣческое легкомысліе. Многое говорится и пишется въ легкомысленномъ невѣдѣніи вѣтвистыхъ послѣдствій. И если въ отдѣльныхъ людяхъ это легкомысліе до нѣкоторой степени извинительно, то труднѣе простить его газетамъ, какъ руководителямъ общественнаго мнѣнія.

Голодъ растетъ. Газеты наполнены телеграммами и печальными корреспонденціями изъ пострадавшихъ мѣстъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше этихъ мрачныхъ сообщеній. Недоѣданье, желудочныя заболѣванія, тифъ, цынга—такъ начинается нынѣшняя зима для огромной части Европейской Россіи и Сибири. Тяжелая, исключительная по размѣрамъ народнаго горя предстоитъ зима. Обычно голодовки протекаютъ такимъ образомъ, что съ осени несчастье не особенно тяжело чувствуется; значительно усиливается оно къ серединѣ зимы, а съ особенной силой разражается при наступленіи весны, когда всѣ запасы до послѣдней крошки уничтожены, скотъ распроданъ или погибъ отъ безкормицы, а организмъ голодающихъ доведенъ до крайней степени истощенія. И если теперь, при началѣ зимы, голодная бѣда развернулась уже въ такихъ широкихъ, угрожающихъ размѣрахъ, то ближайшіе зимніе и весенніе мѣсяцы принесутъ горе въ удвоенномъ, въ утроенномъ видѣ. А извѣстія изъ голодныхъ мѣстъ и въ настоящее время удручаютъ своей безпросвѣтной мрачностью и многочисленностью. Священникъ Кедровъ, организовавшій при «Русскомъ Словѣ» сборъ въ пользу голодающихъ,

приводитъ въ названной газетѣ слѣдующія, напримѣръ, полученныя имъ сообщенія изъ пострадавшихъ мѣстъ. Изъ Тетюшскаго уѣзда, Казанской губерніи, пишутъ: «Голодъ нынѣшняго года—голодъ страшный. Если вы въ 1907-мъ году видѣли у насъ хлѣбъ съ желудями, то нынѣшній годъ не то: все чисто; ни хлѣба, ни желудей, ни лебеды». Изъ Чистопольскаго уѣзда сообщаютъ: «Крестьяне, чтобы сберечь хлѣбъ, по утрамъ ѣдятъ желуди, а потомъ уже хлѣбъ, но многіе его совершенно не имѣютъ. Отъ губернатора пришло объявленіе, что казеннаго пайка не будетъ». Изъ Мамадышскаго уѣзда: «Дѣти изъ школы обѣдать домой не ходятъ, дома хлѣба нѣтъ, а ѣдятъ одинъ печеный въ золѣ картофель; нерѣдко во время занятій ребята заливаются горькими слезами: «Ѣсть хочу, дома хлѣба не было».

Изъ Оренбургской губерніи: «Съ приближеніемъ зимы населеніе начинаетъ испытывать острую нужду; есть много семей, которыя питаются однимъ картофелемъ. Общественныя работы прекратились».

Изъ Самарской губерніи: «Въ селѣ Миролюбовкѣ одной женщинѣ съ семьей, три дня не ѣвшей, дали пудъ муки. Она такъ обрадовалась, что нѣкоторое время не сознавала, что съ ней,—была какъ безумная». Изъ Погромнинской волости предсѣдатель самаровскаго волостного попечительства, священникъ, пишетъ: «Съ утра моя квартира оглашается плачемъ и стономъ голодныхъ. Общественныя работы были всего только двѣ недѣли; деньги до сихъ поръ не получены».

Въ той же газетѣ ежедневно печатаются изъ разныхъ мѣстъ провинціи такого рода телеграммы: «Земскій врачъ Вольскаго уѣзда доноситъ, что въ селѣ Мансуровкѣ почти все населеніе поголовно страдаетъ желудочными заболѣваніями вслѣдствіе «недоѣданія». Въ сосѣднихъ селеніяхъ, по словамъ того же врача, положеніе населенія, можетъ быть, немногимъ только лучше, нежели въ Мансуровкѣ. Необходима экстренная помощь.

Изъ Самары: «Въ селѣ Зерыклѣ, Бугурусланскаго уѣзда, зарегистровано 20 цынготныхъ и 30 подозрительныхъ по цынгѣ больныхъ».

Изъ Сызрани: «Въ селѣ Новой Рачейкѣ не внесенные въ списки голодающіе мѣшаютъ работать допущеннымъ на общественныя работы, крича: «Мы голодные. Давайте прежде ихъ намъ работу!»

Изъ Вятки: Въ селѣ Мушакъ, Елабужскаго уѣзда, пострадавшіе отъ неурожая крестьяне продаютъ скотъ. Никакой помощи они не получаютъ.

Изъ Ташкента: «Въ Амударьинскомъ отдѣлѣ наступилъ голодъ. Голодаетъ населеніе 5,000 кибитокъ. За неимѣніемъ хлѣба, люди питаются лебедой, ягодами джиды и, въ лучшемъ случаѣ, рыбой. Хлѣба они не видятъ уже около мѣсяца».

Изъ Екатеринбурга: «Острый неурожай констатированъ въ Шадринскомъ и Камышловскомъ уѣздахъ. Крестьяне распродаютъ послѣдній скотъ и имущество. Хлѣба нѣтъ. Помощь необходима немедленно. Наблюдаются трагическія картины въ селѣ Ильинскомъ, Камышловскаго уѣзда, гдѣ есть семьи, буквально голодающія. Былъ случай, когда крестьянинъ, проблуждавъ два дня въ поискахъ хлѣба, пришелъ домой и сошелъ съ ума. Дома семья его, состоявшая изъ шести душъ, нѣсколько дней абсолютно ничего не ѣла».

Изъ Троицка: «Вашъ корреспондентъ посѣтилъ нѣкоторые поселки въ Тургайской волости. Все, что писалось о голодѣ,—ничто въ сравненіи съ дѣйствительностью. У крестьянъ нѣтъ хлѣба, скота, одежды и топлива. Взрослые и дѣти живутъ въ промерзшихъ землянкахъ. Помощь оказывается туго. Деньги за общественныя работы уже два мѣсяца не выдаются. Чиновники объясняютъ задержку разсчета тѣмъ, что, молъ, «нѣтъ ассигновки». Открытыхъ столовыхъ недостаточно. Необходима помощь частныхъ лицъ».

И такъ далѣе, и такъ далѣе. Въ каждой газетѣ, въ каждомъ номерѣ читаешь траурныя извѣстія о голодѣ. Бѣда уже доросла до такого размѣра, что стучится во всѣ окна и двери, кричитъ о помощи всяческими голосами. Изъ Сибири, напримѣръ, мольба о помощи идетъ, между прочимъ, черезъ членовъ Госуд. Думы. «Сибирскіе депутаты,—какъ сообщаетъ «Вечернее Время», получаютъ ежедневно телеграммы объ ужасномъ положеніи населенія, пострадавшаго отъ неурожая. Тобольскій депутатъ Дзюбинскій получилъ изъ Тюкалинска, отъ крестьянъ поселка Поповка, слѣдующую телеграмму: «Голодаемъ. Скотъ распроданъ за безцѣнокъ. Помощи нѣтъ. Два мѣсяца назадъ подавали губернатору прошеніе, но никакого отвѣта не получили до сихъ поръ». Изъ Кургана Дзюбинскій получилъ телеграмму отъ управляющаго мѣстнымъ отдѣленіемъ Сибирскаго банка: «Пріюты и столовыя переполнены. Отказываемъ въ вопіющей нуждѣ. Желающіе работать безвозмездно въ столовой есть, но нѣтъ средствъ, помогите».

Изъ той же Сибири идутъ сообщенія, предсказывающія широкія опустошенія въ сельскомъ хозяйствѣ, если помощь запоздаетъ. По словамъ «Сиб. Мысли», члены переселенческаго управленія Степнаго края и Западной Сибири утверждаютъ, что, если голодающимъ не будетъ оказана широкая помощь, голодъ уничтожитъ работу вѣдомства за послѣднія пять лѣтъ: не только вновь образо-

ванные, но и сравнительно старые поселки будутъ въ конецъ разорены. Такъ, въ десятитысячной Павлоградкѣ, гдѣ имѣются больница, кредитное товарищество и даже подобіе клуба, крестьяне почти распродали за безцѣнокъ пріѣзжимъ барышникамъ лошадей, рогатый скотъ, а теперь уже несутъ и домашній скарбъ. Въ больницѣ нѣтъ мѣстъ, а больные каждый день приходятъ сотнями, жалуясь на желудокъ, тошноту, истощенные и голодные. Что творится въ новыхъ селахъ, населенныхъ всего два—три года, трудно передать.

Такой же грустью вѣетъ отъ сообщеній поволжскихъ газетъ. Врачъ Муромцевъ сообщилъ, по словамъ «Голоса Самары», самарской уѣздной земской управѣ, что татары-поселенцы на земляхъ Крестьянскаго банка, въ поселкахъ Черноключевскомъ и Рязановскомъ, испытываютъ сильную нужду. Ни въ одномъ домѣ нѣтъ своего хлѣба. Земскій врачъ 6-го медицинскаго участка Бугурусланскаго уѣзда сообщилъ, по словамъ той же газеты, самарской губернской земской управѣ, что въ с. Вериклѣ зарегистрировано 20 случаевъ цынги и 30 случаевъ подозрительныхъ по цынгѣ.

Изъ Аткарскаго уѣзда «Саратовскому Вѣстнику» пишутъ, что, по сообщенію врача Таловскаго участка, въ Кленовыхъ Вершинахъ въ школѣ изъ 80-ти человѣкъ около 40 дѣтей страдаютъ малокровіемъ, головной болью и цынгой. Въ этомъ селеніи у 40 семействъ хлѣба уже нѣтъ, и они въ настоящее время проѣдаютъ деньги, вырученныя отъ продажи скота и заработанныя на общественныхъ работахъ. Но есть и такія семьи, гдѣ нѣтъ ни хлѣба, ни денегъ, ни скота. Въ селѣ Терсѣ, того же уѣзда—какъ доноситъ приставъ третьяго стана,—эпидемическимъ персоналомъ установлены случаи заболѣванія цынгой исключительно на почвѣ голода. Больныхъ насчитывается до 10-ти человѣкъ.

Въ трехъ селеніяхъ Сѣдельниковской волости Чистопольскаго уѣзда нужда у большинства крестьянъ, по словамъ «Камско-Волжской Рѣчи», достигла крайней степени. Запасы продовольствія имѣются лишь у зажиточныхъ, всѣ же средніе крестьяне, а особенно однодушники, не имѣютъ никакого хлѣба и питаются давно уже одной картошкой. Въ Кутушинской волости положеніе еще болѣе тяжелое: тамъ почти во всѣхъ селеніяхъ поголовная нужда. Въ селеніяхъ Кіязлы, Кереметь, Новыя Кутуши и Старыя Кутуши поѣдаютъ гороховую муку и послѣднюю скотину. Въ сел. Кіязлы вслѣдствіе дурнаго питанія (гнилой картошкой) умерло трое дѣтей-татаръ. Причина смерти,—говоритъ «Камско-Волжская Рѣчь»,—удостовѣрена вскрытіемъ.

Нѣтъ никакой возможности привести здѣсь всѣ вопли о помощи, которые ежедневно перекатываются изъ газеты въ газету.

Между тѣмъ только громадное количество этихъ газетныхъ сообщеній даетъ постепенно, когда читаешь ихъ одно за другимъ, въ безконечной, непрерывной, надрывающей душу вереницѣ, понятіе о громадной бѣдѣ, постигшей Россію. Всѣ извѣстія похожи одно на другое: вездѣ недоѣданіе, начинающаяся цынга, тифъ, плачъ дѣтей. Но, когда прочитаешь одно или два извѣстія, то сначала тянетъ успокоительно подумать: «Ничего, тамъ около найдутся добрые люди, они помогутъ». И только когда поймешь, что такихъ голодныхъ мѣстъ тысячи, когда представишь себѣ, что десятки, сотни тысячъ людей отброшены отъ всякой почти помощи, что для нихъ каждый день отсрочки въ помощи несетъ чуть ли не смертный приговоръ, а помощь далека, малосильна, нетороплива, то дѣлается жутко, совѣстно и тоскливо. И еще тоскливѣе дѣлается, когда видишь, что правительство и общество все еще спорятъ о правѣ кормить голодныхъ, что благотворительнымъ обществамъ отказано правительствомъ въ элементарномъ довѣріи. Нужно спѣшить, усиленно спѣшить со всякой помощью: казенной, земской, общественной, благотворительной, частной. А тутъ снова выдвигается наша странная, мрачная, запуганная и озлобленная «политика», которой всюду мерещится агитація и пропаганда. Петербургская администрація связала общимъ узломъ добрую иниціативу во всей Россіи, а администрація на мѣстахъ даже и въ мелочахъ ставитъ неосмысленныя препятствія естественному дѣлу помощи голоднымъ. Изъ Рязани сообщаютъ, что «Рязанскому Вѣстнику» администраціей воспрещено печатать какія-либо свѣдѣнія о голодающихъ. Въ Курскѣ полицеймейстеръ не разрѣшилъ общественному клубу устроить вечеръ въ пользу голодающихъ. Въ Вильнѣ губернаторъ не разрѣшилъ демонстрировать въ кинематографѣ голодъ.

Между тѣмъ, казенная помощь голодному населенію, къ несчастію, продолжаетъ хромать на оба колѣна. Совсѣмъ неблагополучно съ общественными работами, которыя вначалѣ были поставлены правительствомъ во главѣ общаго плана организованной помощи пострадавшимъ отъ неурожая губерніямъ. «Русскимъ Вѣдомостямъ» пишутъ изъ Сердобскаго уѣзда, Саратовской губерніи: «Въ теченіе осенняго періода ($2^1/_2$ мѣсяца) на общественныя работы комитетомъ было затрачено 125 т. руб. Всего голодающихъ въ уѣздѣ около 100 тысячъ. Такимъ образомъ, на каждаго ѣдока въ среднемъ пришлось 50 коп. въ мѣсяцъ. Правда, такой ничтожный заработокъ объясняется плохимъ ходомъ работъ въ началѣ осени. За послѣднее же время работы пошли гораздо успѣшнѣе. Но тутъ снова неудача. На требованіе уѣзднаго комитета по общественнымъ работамъ выслать ему 100 т. руб. для разсчета рабочихъ губернскій комитетъ отвѣтилъ,

что сумму эту, за неимѣніемъ денегъ, выслать не можетъ. «Что будемъ дѣлать?»—думали сердобскіе дѣятели по борьбѣ съ голодомъ. «Работы производятся, нужно болѣе 100 т. руб., а денегъ не даютъ»... Вдругъ какъ съ неба свалилась другая телеграмма, въ которой г. губернаторъ приказывалъ немедленно прекратить въ уѣздѣ всѣ общественныя работы. За этой телеграммой была получена третья, гдѣ указывалось, что прекращеніе общественныхъ работъ на Сердобскій уѣздъ не распространяется, а запрещается лишь открывать новыя работы. Послѣ этого на собраніи комитета была составлена смѣта на окончаніе всѣхъ работъ, открытыхъ въ уѣздѣ. Смѣта выразилась въ 220 т. руб., которую и затребовали изъ губернскаго комитета Но вмѣсто нея изъ комитета выслали только 40 тыс., а больше, говорятъ, денегъ нѣтъ. На этомъ же собраніи комитета были разсмотрѣны прошенія десяти обществъ Сердобскаго уѣзда объ открытіи у нихъ общественныхъ работъ, ибо крестьяне сильно нуждаются въ заработкѣ. Принимая во вниманіе телеграмму губернатора о запрещеніи новыхъ работъ, комитетъ огуломъ отклонилъ ходатайства этихъ обществъ, оставивъ ихъ безъ всякаго заработка. Итакъ, надежды, возлагаемыя на общественныя работы, окончательно рушатся. Тамъ, гдѣ крестьяне хотятъ работать, имъ работы не даютъ, а въ мѣстахъ, гдѣ работы уже открыты, крестьяне зачастую отказываются отъ нихъ сами. Отказываются не только въ одиночку, но и цѣлыми обществами. О такихъ отказахъ мы уже сообщали. Сердобскимъ комитетомъ полученъ приговоръ никольскаго общества, которое, убѣдившись, что открытыя общественныя работы для населенія невыгодны, отказалось отъ нихъ. При открытіи общественныхъ работъ губернскимъ комитетомъ было постановлено, что владѣльцы, на землѣ которыхъ возводятся какія-либо общественныя сооруженія, обязаны слѣдить за ихъ цѣлостью и производить соотвѣтствующіе ремонты. Въ с. Никольскомъ для общественныхъ работъ было назначено укрѣпленіе оврага, принадлежащаго никольскому обществу. Требовалось отчужденіе вдоль оврага полосы земли, шириною въ 10 саженъ, а всего болѣе 2-хъ десятинъ. Подумали крестьяне, оцѣнили землю, подсчитали заработокъ и текущій ремонтъ укрѣпленнаго оврага—и нашли работу невыгодной, а потому и отказались. Приговоръ объ ихъ отказѣ утвердилъ земскій начальникъ.

«Русскія Вѣдомости» сдѣлали краткій обзоръ общественнымъ работамъ по разнымъ уѣздамъ и губерніямъ, и результатъ повсюду получился печальный.

Въ Чистопольскомъ уѣздѣ, по свѣдѣніямъ «Казанскаго Телеграфа», съ начала работъ и по 23-е октября средній заработокъ одного человѣка составлялъ около 85-ти коп., при чемъ изъ этой цифры часть заработка должна быть отнесена на лошадь (въ среднемъ на 2-хъ человѣкъ приходилась одна лошадь). Въ Лаишевскомъ уѣздѣ этотъ заработокъ равняется 63—64 коп., въ Мамадышскомъ уѣздѣ—77 к., въ Чебоксарскомъ уѣздѣ—25 к., въ Цивильскомъ уѣздѣ—24 к., въ Свіяжскомъ—61 коп. Эти цифры,—говоритъ газета,—не могутъ считаться не только высокими, но и нормальными, а потому казанская губернская земская управа уже распорядилась, чтобы техническій персоналъ, ведущій на мѣстахъ работы, повышалъ расцѣнки.

Въ Аткарскомъ у. средній заработокъ за октябрь одного человѣка былъ 50 к., въ Саратовскомъ у.—30 к. Въ Егоркинской волости Чистопольскаго у. за такой тяжелый трудъ, какъ вывозка земли, поденный заработокъ на человѣка равняется 12 к., изъ которыхъ часть должна быть отнесена на счетъ работы лошади. Въ Старо-Максимкинской волости того же уѣзда платятъ по 2 руб. за вырытую кубическую сажень земли. Эту работу дѣлаютъ 10 землекоповъ, которымъ приходится имѣть 5 подводъ съ лошадьми для отвозки земли. Такимъ образомъ — пишетъ «Камско-Волжская Рѣчь»,—на человѣка приходится въ среднемъ 20—25 к. въ сутки. Работа трудна, такъ какъ рыть приходится глину, и притомъ роютъ ее въ дожливую погоду.—Одна маята, а не работа,—говорятъ максимкинскіе крестьяне.

Въ Царицынскомъ уѣздѣ, по распоряженію губернатора, прекращены общественныя работы. Изъ 34-хъ тысячъ крестьянъ, попавшихъ въ списки нуждающихся, имѣли работу 17.100 человѣкъ. Всѣхъ работъ было открыто на сумму около 280 тыс. руб.

По словамъ «Камско-Волжской Рѣчи», въ Чистопольскомъ уѣздѣ самый характеръ общественныхъ работъ таковъ, что польза ихъ для населенія часто очень сомнительна, тѣмъ болѣе, что результаты прежнихъ работъ имѣютъ въ настоящее время весьма плачевный видъ. Посмотрите,—говоритъ газета,—что сталось со всѣми этими сооруженіями! Водоемы обсохли, колодцы безъ воды, дамбы разрушились, овраги осыпались и т. д., и т. д. Къ тому же всѣ эти работы оказываются доступными не для наиболѣе нуждающихся, а лишь для того, у кого есть лошадь, упряжь и инвентарь. Крестьяне, не имѣющіе лошадей, не могущіе пріобрѣсти желѣзныхъ лопатъ, всѣ тѣ, про кого говорится, что у нихъ на семь дворовъ одинъ топоръ, — такіе крестьяне въ общественныхъ работахъ не принимаютъ участія. Въ Егоркинской волости того же Чистопольскаго уѣзда работы происходятъ при невозможныхъ условіяхъ. Въ сы-

рую и теплую осень всюду грязь, лошади вязнутъ и падаютъ, рабочіе все время работаютъ по колѣни въ холодной грязи. Надумали было крестьяне дер. Большой Аксумлы отказаться отъ работъ въ самомъ началѣ, но получили отъ земскаго начальника предупрежденіе, что если они не будутъ работать, то не получатъ ни кормовыхъ, ни сѣменныхъ.

Итакъ, съ одной стороны, нужда растетъ не по днямъ, а по часамъ; съ другой стороны, правительственная помощь въ значительной степени оказалась неудачной, малосильной, кратковременной. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ общественныя работы совершенно прекратились по недостатку казенныхъ ассигновокъ. Очень скупо стало выдавать деньги правительство земствамъ и вообще на всякаго рода помощь населенію: на открытіе столовыхъ, на прокормъ скота, на школьные завтраки и т. п. И очень можетъ быть, что какъ разъ въ концѣ зимы, когда нужда особенно обострится, казенная помощь совсѣмъ ослабнетъ. Тѣмъ менѣе, казалось бы, цѣлесообразно связывать общественные порывы въ этомъ большомъ, печальномъ дѣлѣ. По газетнымъ отчетамъ видно, что, несмотря на всяческія охлажденія со стороны правительства, частныя пожертвованія въ пользу голодающихъ быстро возрастаютъ въ числѣ. И такъ какъ, видимо, казнѣ непосильно, какъ по денежнымъ средствамъ, такъ и по количеству требующихся для дѣла отдѣльныхъ лицъ, справиться съ народнымъ бѣдствіемъ, то было бы разумно развязать, наконецъ, иниціативу общества и частныхъ лицъ. Обществу необходимо добиваться этого права (нѣсколько страннаго права—«кормить голодныхъ») со всей энергіей и возможной поспѣшностью.

И. Жилкинъ.

ПО ПОВОДУ ОДНОЙ КНИГИ.

(Письмо изъ Лондона).

I.

Когда я закончилъ толстую книгу о русскомъ народѣ, которую г. Морисъ Барингъ только что выпустилъ здѣсь [1]), книгу, которая то огорчала, то приводила меня въ негодованіе, — мнѣ припомнилась сцена изъ разсказа Чехова *Налимъ*.

— «Который тутъ налимъ? — торопко спрашиваетъ Василій.—

[1]) «The Russian». By Maurice Baring.

Я его сейчасъ за зебры!» И Василій тоже лѣзетъ въ воду, чтобы запустить руку подъ жабры несчастному налиму, котораго уже и безъ того приперли къ кокорѣ и крѣпко держатъ четыре человѣка. Шелъ путемъ дорогою г. Морисъ Барингъ и видитъ, что съ русскою интеллигенціей расправляются.

— Которая тутъ интеллигенція?—торопко спрашиваетъ англичанинъ и спѣшитъ запустить ей руку «подъ зебры». Онъ присоединяется, съ одной стороны, къ *Новому Времени*, а съ другой—къ *Вѣхамъ*. «Русская интеллигенція повинна въ безчисленныхъ грѣхахъ, — говоритъ г. Морисъ Барингъ. — Если освободительное движеніе не удалось, то это объясняется только психологіей, особенностью воспитанія, привычками, обычаями и міровоззрѣніемъ русской интеллигенціи въ послѣднія сорокъ лѣтъ». И для характеристики *всей* русской интеллигенціи за полвѣка г. Морисъ Барингъ приводитъ слова Трофимова изъ *Вишневаго сада*: «Громадное большинство той интеллигенціи, какую я знаю, ничего не ищетъ, ничего не дѣлаетъ и къ труду пока не способно; называютъ себя интеллигенціей, а прислугѣ говорятъ «ты», съ мужиками обращаются, какъ съ животными, учатся плохо, серьезно ничего не читаютъ, ровно ничего не дѣлаютъ, о наукахъ только говорятъ, въ искусствѣ понимаютъ мало. Всѣ серьезны, у всѣхъ строгія лица, всѣ говорятъ только о важномъ, философствуютъ, а между тѣмъ громадное большинство изъ насъ, девяносто девять изъ ста, живутъ, какъ дикари, чуть что—сейчасъ зуботычина.» Въ передачѣ г. Мориса Баринга послѣдняя фраза читается такъ: they come to blows almost immediately» (т. е. «они—интеллигентные люди—сейчасъ же начинаютъ драться между собою»). Авторъ ссылается, дальше, на г. Струве, котораго аттестуетъ такъ: «Соціалистъ, членъ второй думы и одинъ изъ самыхъ энергичныхъ дѣятелей освободительнаго движенія». Сколько воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ П. Б. Струве былъ соціалистомъ! Талантливый авторъ книги «Russian People», который такъ хорошо знаетъ русскую литературу, долженъ былъ бы вспомнить одно удивительное мѣсто у Тургенева, прежде чѣмъ цитировать г. Гершензона или г. Струве, обличающихъ невѣріе русской интеллигенціи. «Все дымъ и паръ... Другой вѣтеръ подулъ— и бросилось все въ противоположную сторону, и тамъ опять та же безустанная, тревожная и ненужная игра... Въ Гейдельбергѣ теперь болѣе сотни русскихъ студентовъ, всѣ учатся химіи, физикѣ, физіологіи—ни о чемъ другомъ и слышать не хотятъ... а пройдетъ пять-шесть лѣтъ, и пятнадцати человѣкъ на курсахъ не будетъ, у тѣхъ же знаменитыхъ профессоровъ... Вѣтеръ перемѣнится, дымъ хлынетъ въ другую сторону... дымъ... дымъ... дымъ!» И поразительнѣе всего

то, что именно мчащіеся вмѣстѣ съ дымомъ попрекаютъ всегда другихъ.

Спѣшу оговориться. Книга г. Мориса Баринга крайне выгодно отличается отъ цѣлой серіи другихъ работъ, трактующихъ о Россіи. Прежде всего авторъ хорошо знаетъ нашъ языкъ, литературу и жилъ въ Россіи (онъ былъ корреспондентомъ Morning Post). Онъ поставилъ себѣ крайне похвальную цѣль: дать англичанамъ, ничего не знающимъ про Россію, такую книгу, въ которой говорилось бы объ исторіи, литературѣ и идеалахъ нашего народа. Мы имѣемъ, поэтому, главы о климатѣ Россіи, о характерѣ русскаго народа о началѣ русской исторіи, о Смутномъ времени, о Петрѣ Великомъ, о Пушкинѣ, о религіозныхъ исканіяхъ, о революціонномъ движеніи и т. д. Всѣ эти главы свидѣтельствуютъ о знаніяхъ автора. Затѣмъ г. Морисъ Барингъ талантливъ. *Russian People*— не первая книга его. Ему принадлежатъ труды: «A year in Russia», «Russian Essays» и «Landmarks in Russian Literature». Издавая «Russian People», авторъ имѣлъ цѣлью дать книгу для начинающихъ знакомиться съ нашей родиной. «До послѣдняго времени въ Англіи было очень мало людей, знакомыхъ съ русскими дѣлами,—говоритъ авторъ. — Эти люди, говоря о Россіи, обращались уже къ знающимъ что-нибудь о ней, а не къ большой публикѣ. Средній же читатель вынужденъ былъ заполнять пробѣлы въ своемъ знаніи Россіи чтеніемъ популярныхъ книгъ. А послѣднія имѣютъ тотъ недостатокъ, что или написаны людьми, не знающими предмета, или, что еще хуже, пристрастными авторами, ослѣпленными политическими или расовыми симпатіями и антипатіями. Затѣмъ многія книги написаны просто ловцами сенсацій, для которыхъ далекая и малоизвѣстная Россія служитъ богатымъ полемъ для эксплуатаціи. Въ результатѣ—то, что въ Англіи не только мало знаютъ Россію, но о ней распространено также много ложныхъ и нелѣпыхъ легендъ... Моей цѣлью является дать среднему читателю вступленіе къ русскимъ дѣламъ [1])... Я желаю намѣтить главныя вѣхи въ исторіи русскаго народа». Что говорить! Вздора о Россіи въ Англіи наговорено очень много. Взять хотя бы книги недавно скончавшагося Карла Жубера, который самъ рекомендовалъ себя великолѣпнымъ знатокомъ Россіи, ея народа, языка и литературы. Изъ этихъ книгъ мы узнаемъ, что «съ цензурнымъ гнетомъ въ Россіи боролись Ломоносовъ, Херас-

---

[1]) «Вступленіе къ русскимъ дѣламъ», написано до Баринга. Я имѣю въ виду превосходную книгу П. Н. Милюкова «Russia and its crisis», представляющую три лекціи, прочитанныя авторомъ въ Чикагскомъ университетѣ.

ковъ, Костровъ, Богдановичъ, Державинъ и Александръ Пушкинъ. Все это, — сообщаетъ Карлъ Жуберъ, — люди талантливые, а иные изъ нихъ — геніальные. Они обладали мощнымъ воображеніемъ... Всѣ они не смѣли писать всю правду». Изъ современныхъ писателей Жуберъ упоминаетъ Максима Горькаго. «Я его лично знаю. Это—человѣкъ безъ всякаго образованія, языкъ котораго состоитъ не больше, чѣмъ изъ двухсотъ словъ» [1]). Карлъ Жуберъ знаетъ, что «въ 21 годъ каждый русскій обязанъ явиться въ *Воинскую повинность* (he must come to the Voinskaia Povinost), чтобы стать солдатомъ; что въ Россіи врачамъ выдаютъ паспорта въ мѣщанской управѣ. По словамъ автора, онъ самъ досталъ себѣ такой «докторскій паспортъ», прежде чѣмъ поѣхалъ въ Сибирь для освобожденія пріятеля, котораго звали «Колька», что по толкованію Жубера, есть уменьшительное отъ «Александръ». Въ мѣщанской управѣ, по словамъ Жубера, выдается еще другой документъ, абсолютно необходимый въ Россіи и называющійся нѣсколько странно—«хорошо повиденія» (Chorosho Povidenia). «Я купилъ въ мѣщанской управѣ четыре паспорта и четыре *хорошо повиденія*, за 275 руб.,—говоритъ Жуберъ.—Въ моемъ паспортѣ значилось: «Альбертъ Деимановичъ, 32 лѣтъ. Волосы черные. Подбородокъ выдающійся. Глаза каріе. Занятіе: докторъ медицины и спеціалистъ, изъ Литовской губерніи (from the Lithuanian government). Въ моемъ *хорошо повиденія* говорилось, что я—очень искусный врачъ и что на литовской границѣ, гдѣ занимался практикой, я чуть ли не поднималъ моимъ знаніемъ мертвыхъ изъ гроба. Все это скрѣплялось подписями и казенными печатями». (ib., стр. 158). По словамъ автора, старшій врачъ въ Россіи называется «galova». Помощникъ присяжнаго повѣреннаго, бесѣдуя съ авторомъ, величаетъ его «barin». Чтобы показать, на сколько ограничены въ Россіи поляки въ своихъ правахъ, авторъ говоритъ: «Поляки въ русской арміи могутъ дослужиться только до чина «jounker». Въ скобкахъ поясняется, что это означаетъ «lieutenant» (поручикъ).

На англійскомъ языкѣ есть также книги о Россіи, написанныя людьми съ рѣзко выраженными политическими симпатіями (with a strong political or racial bias). За исключеніемъ трудовъ, появившихся во время крымской войны и проникнутыхъ крайнимъ руссофобствомъ [1]), книги подобнаго рода относятся въ высшей степени сочувственно къ русскому на-

[1]) „Russia as it really is.“ P. 81.

[2]) Напр. «The Life of Nicholas I, Emperor of Russia; with an Account of Russia and Russians», by F. Mayne (Лондонъ 1855).

роду. Осуждая авторовъ, пишущихъ о Россіи подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія, Морисъ Барингъ уподобляется вольтеровскому Мемнону, который утромъ рѣшилъ быть совершенно мудрымъ. Г. Морисъ Барингъ, осуждая другихъ за пристрастность, самъ раздѣлываетъ всю русскую интеллигенцію подъ орѣхъ, а П. А. Столыпина изображаетъ титаномъ, мудрецомъ и проникновеннымъ государственнымъ дѣятелемъ, котораго потомство поставитъ чуть ли не рядомъ съ Петромъ Великимъ. Авторъ не находитъ словъ для осужденія конституціоналистовъ-демократовъ за то, что они не поняли этого великаго реформатора. И тутъ же мы видимъ одно изъ тѣхъ противорѣчій, которыми объемистая книга г. Баринга переполнена. Авторъ сообщаетъ, что теперь (т. е. при П. А. Столыпинѣ) отъ манифеста 17 октября почти ничего не осталось. Вотъ, напр., неприкосновенность личности, обѣщанная манифестомъ. «Законопроектъ по этому поводу былъ внесенъ правительствомъ, но отвергнутъ третьей думой, такъ какъ не разрѣшалъ вопросъ. Законы, гарантирующіе извѣстную форму Habeas Corpus, еще существуютъ, но въ любой моментъ ихъ дѣйствіе можетъ быть сведено къ нулю вслѣдствіе существованія усиленной охраны, представляющей собою военное положеніе въ болѣе мягкой степени. Тамъ, гдѣ существуетъ чрезвычайная охрана, губернаторъ или градоначальникъ могутъ арестовывать гражданъ и высылать ихъ безъ суда. Неприкосновенность личности въ Россіи покуда еще только въ области мечтаній». Авторъ дальше показываетъ, что осталось отъ обѣщанія дать свободу совѣсти, свободу собраній и союзовъ. «Право основывать союзы находится подъ строгимъ правительственнымъ контролемъ,—продолжаетъ г. Барингъ.—Фактически разрѣшаются только консервативныя организаціи. Конституціоналисты-демократы до сихъ поръ не имѣютъ своего клуба». «И вотъ передъ вами вся проблема народнаго представительства въ Россіи,—говоритъ Морисъ Барингъ.—Если выборы будутъ произведены безъ давленія, т. е. если депутаты явятся дѣйствительными представителями народа, то въ думу явятся только крайніе радикалы и соціалисты, такъ какъ большинство русскихъ всегда противъ правительства». Съ другой стороны, ограничивая выборы и обезпечивая преобладаніе консерваторовъ вы создаете только безжизненный придатокъ къ бюрократической машинѣ» (стр. 322). Все это такъ; но какъ же согласовать это съ любимымъ тезисомъ г. Баринга, что П. А. Столыпинъ преуспѣлъ потому, что оперся на общественное мнѣніе, а интеллигенція обанкротилась потому, что возстановила противъ себя это общественное мнѣніе?

Авторъ крайне неодобрительно отзывается о своихъ предшественникахъ, писавшихъ о Россіи «with strong political bias», но въ то

же время самъ крайне пристрастенъ. Онъ совершенно правъ, когда говоритъ объ ошибкахъ, встрѣчающихся у предшественниковъ, хотя трудъ г. Баринга, свидѣтельствующій о бо̀льшихъ знаніяхъ, далеко не чуждъ безчисленныхъ промаховъ. Приведу нѣсколько примѣровъ. Лѣтописецъ говоритъ про «волховъ», вытѣснившихъ славянъ съ Дуная («Волхомъ бо нашедшимъ на Словѣни на Дунайскія, сѣдшемъ въ нихъ и насилящемъ ихъ», и т. д.). С. М. Соловьевъ, приведя слова лѣтописца, говоритъ: «Мы не станемъ входить въ изслѣдованіе вопроса о томъ, кто былъ этотъ могущественный врагъ». Но Морисъ Барингъ знаетъ все. Во первыхъ, «волхи» у него превращаются въ «волковъ», а затѣмъ является утвержденіе, что эти «волки»— не кто иные, какъ римляне. Василій Темный превращается у автора въ Василія Мрачнаго (Gloomy). Г. Морисъ Барингъ дѣлаетъ другое открытіе, которое очень заинтересуетъ словесниковъ: «Многія *былины* искренно оплакиваютъ смертъ Ивана Грознаго». Авторъ считаетъ Ивана IV великимъ государственнымъ дѣятелемъ, опиравшимся на общественное мнѣніе. «Онъ фактически создалъ самодержавіе, придалъ ему демократическій характеръ, первый постигъ, что цѣлью государственной политики является благо народа, а не интересы династіи», — говоритъ Морисъ Барингъ. Въ Иванѣ IV, какъ въ П. А. Столыпинѣ, онъ усмотрѣлъ героя, «a man with a backbone», «a man of genius». «По дѣлу Петрашевскаго» въ Сибирь были сосланы Достоевскій и Данилевскій (?!). Достоевскій *былъ въ то время армейскимъ офицеромъ* [1]), такъ что его осудили за государственную измѣну. Оба возвратились потомъ убѣжденными консерваторами, и революціонеры клеймили ихъ, какъ реакціонеровъ» (стр. 261). «Чернышевскій, который *никогда* не былъ заграницей», «напечаталъ переводъ и критическій разборъ философіи Джона Стюарта Милля, а въ сущности—защиту соціализма. Въ 1863-мъ году онъ анонимно напечаталъ романъ *Что дѣлать?* »(стр. 263) Если судить по этимъ строкамъ, то надо было бы придти къ заключенію, что Морисъ Барингъ не только никогда не видалъ сочиненій Чернышевскаго, но имѣетъ также нѣсколько смутное представленіе о томъ, что писалъ Милль. Романъ *Что дѣлать?* появился въ «Современникѣ» за полной подписью автора.

Г. Морисъ Барингъ намѣчаетъ свою схему исторіи русской литературы, не слишкомъ церемонясь съ фактами. Толстой, Достоевскій и Тургеневъ по этой схемѣ должны явиться результатомъ «эпохи великихъ реформъ». Ей было предопредѣлено—говоритъ авторъ—принести плоды, важные не только для политическаго счастья Рос-

---

[1]) Ѳ. М. Достоевскій былъ уже много лѣтъ отставнымъ инженеръ-поручикомъ, когда его арестовали.

сіи, но также для умственной и нравственной жизни Европы. Эпоха великихъ реформъ «нанесла смертельный ударъ русской душѣ (stabbed the Russian soul); изъ раны вылился литературный потокъ, обогатившій литературу всего міра» (стр. 272). Эпоха великихъ реформъ началась въ 1861 году освобожденіемъ крестьянъ. Въ это время Л. Н. Толстой былъ уже авторомъ «Дѣтства и отрочества», «Севастопольскихъ разсказовъ», «Казаковъ», «Метели», «Двухъ гусаровъ», «Семейнаго счастья» и «Поликушки». Тургеневъ и Достоевскій создали себѣ литературное имя, какъ всѣмъ извѣстно, задолго до освобожденія крестьянъ. По мнѣнію Мориса Баринга, «Дворянское гнѣздо» имѣетъ колоссальную цѣнность съ исторической точки зрѣнія, такъ какъ даетъ картину шестидесятыхъ годовъ». Чтобы подогнать повѣсть подъ свою схему, г. Морисъ Барингъ не обращаетъ вниманія на точную дату самого Тургенева («дѣло происходило въ 1842 году»). По мнѣнію г. Баринга (это ему тоже понадобилось для схемы) Тургеневу не удались типы Цирцей, «фальшивыхъ до мозга костей, хмурыхъ, коварныхъ, обольстительныхъ и роковыхъ». Всѣ женщины подобнаго рода у Тургенева—увѣряетъ Барингъ,—по одному образцу и взяты скорѣе изъ книгъ, чѣмъ изъ жизни (стр. 276). Русскій читатель, помнящій Полозову (*Вешнія Воды*), (Ирину) (*Дымъ*), Одинцову и Валентину Михайловну Сипягину (*Новь*), позволитъ себѣ не согласиться съ англійскимъ писателемъ... Г. Морису Барингу принадлежатъ открытія не только въ области русской литературы. Знаете ли, почему былъ назначенъ премьеромъ П. А. Столыпинъ? Хотѣли поручить Муромцеву составить кабинетъ, «но предсѣдателя первой думы не могли нигдѣ найти, такъ какъ онъ уѣхалъ съ другими кадетами въ Выборгъ» (стр. 309). «И не остроумно», какъ говоритъ Артемій Филипповичъ въ «Ревизорѣ». Но все это мелочи, которыя я отмѣчаю только потому, что самъ г. Морисъ Барингъ такъ суровъ и безпощаденъ къ другимъ. Гораздо важнѣе—стремленіе англійскаго автора быть «научнымъ». И тутъ онъ дѣлаетъ рядъ грубыхъ ошибокъ, какъ и всѣ тѣ, методу которыхъ г. Барингъ слѣдуетъ. Профессоръ высшей математики, котораго мнѣ пришлось слышать въ лондонскомъ университетѣ въ 1896-мъ году, открывая курсъ, объяснилъ студентамъ всю важность точнаго опредѣленія исходнаго пункта. «Если это не будетъ сдѣлано, — продолжалъ профессоръ, — то мы, оставаясь вполнѣ логичными, договоримся до квадратнаго круга». Эти слова припоминаются постоянно, когда мнѣ приходится читать или слышать про борьбу расъ и про національный вопросъ. Въ частности это относится къ книгѣ г. Баринга. Онъ возводитъ цѣлую грандіозную постройку на неопредѣленномъ терминѣ, принятомъ за доказанное, а именно на этнографическомъ, не политическомъ пониманіи слова

«раса». Барингъ дѣлаетъ отсюда смѣлыя заключенія и въ концѣ главы приходитъ къ выводу, противорѣчащему тезису, выставленному въ началѣ главы. Морисъ Барингъ желаетъ доказать, что русскіе—не только такіе же арійцы, какъ западно-европейскіе народы, но еще болѣе чистые. Еще Максъ Мюллеръ доказывалъ (см. Biographies of Words and the Home of the Aryas), что терминъ «арійцы» можно употреблять *только* въ филологическомъ, а не въ антропологическомъ смыслѣ. «Арійцы—тѣ, которые говорятъ на языкѣ арійскаго корня, каковы бы не были цвѣтъ кожи или кровь народа»,—говоритъ знаменитый ученый. «Этнологъ, говорящій объ арійской расѣ, арійскихъ глазахъ и волосахъ—такой же великій грѣшникъ, какъ лингвистъ, который разсуждалъ бы о долихоцефалическомъ словарѣ или о брахицефалической грамматикѣ». Антропологія, не знающая вообще чистыхъ расъ, не знаетъ также «арійцевъ». «Будь человѣческія расы чисты,—говоритъ Топинаръ въ своей *Антропологіи*,—достаточно было бы собрать всѣ общія и отличительныя признаки ихъ, прослѣдить патологическія отклоненія, а затѣмъ приступить къ группировкѣ. Въ дѣйствительности ничего подобнаго сдѣлать нельзя, такъ какъ антропологически чистыхъ расъ нѣтъ. Расы раздѣлились, разсѣялись, смѣшались и скрестились въ всевозможныхъ пропорціяхъ. И процессъ этотъ шелъ въ теченіе многихъ десятковъ тысячелѣтій. Побѣжденныя расы теряли свой языкъ, замѣяя его языкомъ побѣдителей, потомъ опять мѣняли языкъ. Иныя расы продѣлывали это раза четыре. Передъ нами теперь не расы, а племена, которыхъ происхожденіе надлежитъ прослѣдить. Когда дѣло идетъ о группировкѣ племенъ, живущихъ совершенно оторванно и обособленно, какъ, напр., эскимосы въ Гренландіи, тогда классификація еще понятна. Но теперь говорятъ о расѣ съ этнографической точки зрѣнія. И при этомъ мы видимъ самыя грубыя и несчастныя ошибки. Намъ говорятъ о расахъ латинской, германской, англійской, славянской, хотя эти термины совершенно не научны. Передъ нами только чисто политическія понятія, которыми хотятъ опредѣлить случайный агломератъ, получившійся изъ различныхъ антропологическихъ источниковъ» (*Topinard*, «Eléments d'Anthropologie générale» стр. 119). Морисъ Барингъ признаетъ другую науку: онъ беретъ исходнымъ пунктомъ расу, какъ этнографическое начало, и дѣлаетъ характеристику русскаго народа. Въ началѣ главы (What the Russians are) г. Морисъ Барингъ оспариваетъ мнѣніе Киплинга, что русскіе—не самый восточный изъ европейскихъ народовъ, а самый западный изъ азіатскихъ. «Здравый смыслъ подскажетъ намъ, что русскіе—чистые арійцы,—говоритъ г. Барингъ,—если возьмемъ двѣнадцать великихъ представителей народа, двѣнадцать солдатъ, двѣнадцать матросовъ, двѣнадцать полицей-

скихъ, двѣнадцать желѣзнодорожныхъ носильщиковъ, двѣнадцать извозчиковъ, двѣнадцать крестьянъ. Возьмите фотографіи двѣнадцати знаменитыхъ современниковъ, въ жилахъ которыхъ не течетъ инородческая кровь. Вгляните на портреты Толстого, генерала Куропаткина, Шаляпина, адмирала Дубасова, Хомякова, министра иностранныхъ дѣлъ Сазонова, проф. Ковалевскаго или любого члена государственной думы. Съ перваго же взгляда.... бросится въ глаза арійско-славянскій типъ. То же самое мы замѣтимъ въ портретахъ Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Соловьева, Суворова, Тургенева, кн. Хилкова и др.» («Russian People, стр. 36). Лицо Лермонтова можно назвать столь же славянскимъ, сколько и монгольскимъ. Пушкинъ—правнукъ негра. Слѣдуя пріему г. Баринга, можно взять двѣнадцать фотографій бушмэновъ, двѣнадцать фотографій команчей, двѣнадцать снимковъ съ женскихъ греческихъ статуй—и утверждать, что между ними нѣтъ никакой разницы. «Смотрите, вѣдь это тѣ же глаза, тѣ же губы, тѣ же скулы и то же общее выраженіе лица». Но не въ томъ дѣло. Неожиданно вывелъ Барингъ: «Разница между русскимъ и западно-европейцемъ болѣе значительна, чѣмъ между русскимъ и азіатомъ» (стр. 37). Вотъ логика писателя, строящаго зданіе на антропологическомъ понятіи «раса»!

Характеръ народа—результатъ не расы, а скорѣе комплекса географическихъ, политическихъ и соціальныхъ условій. Чуждое племя, попадая въ новую обстановку, мѣняетъ, не только языкъ, но и характеръ. Надо вспомнить только разноплеменныхъ эмигрантовъ, прибывающихъ въ Соединенные Штаты. Сибирскіе или кавказскіе евреи не похожи на своихъ соплеменниковъ въ «чертѣ». Второе поколѣніе переселенцевъ изъ Россіи въ Уайтчепелѣ, прошедшее англійскую школу, совершенно энглизируется. Языкъ, идеалы, симпатіи и антипатіи у нихъ англійскіе. Одинаковыя соціальныя условія вырабатываютъ одни и тѣ же идеалы у народовъ разнаго происхожденія, живущихъ на противоположныхъ концахъ Европы. Въ статьѣ «Молодая Республика», помѣщенной въ сентябрьской книжкѣ *Вѣстника Европы* я привелъ нѣсколько фактовъ, на которые съ изумленіемъ натолкнулся при изученіи португальской литературы. Португальскіе беллетристы-народники съ умиленіемъ, напр., говорятъ о томъ, что Zè Tovinho (крестьяне)—народъ страстотерпецъ (sofredor); что онъ великъ «смиреніемъ»; что есть только одинъ народъ—богоносецъ: лузитане и т. д. «Fados», т. е. народныя пѣсни португальцевъ, какъ и русскія, подобны стону; въ нихъ постоянно проклинаются доля и «горе злосчастье».

Морисъ Барингъ, выяснивъ арійское происхожденіе и арійскіе идеалы русскаго народа, дѣлаетъ его характеристику. Авторъ

старается держаться «научнаго метода» при объясненіи явленій русской исторіи. Это не мѣшаетъ ему искать символовъ. «Символомъ всей русской литературы отъ самыхъ раннихъ эпическихъ пѣсенъ до разсказовъ Максима Горькаго является сказка про Ивана-дурака», — говоритъ Барингъ. Эта же сказка представляетъ собой символъ всей русской исторіи (стр. XII) «Русскій народъ—младшій сынъ въ славянской семьѣ,—говоритъ авторъ.—Надо прибавить еще, что этотъ сынъ былъ самый слабый и наименѣе удачливый. Какъ только онъ сталъ на ноги, пришли азіаты, увели его съ собой и много лѣтъ держали въ темницѣ. Но мало-по-малу плѣнникъ вошелъ въ силу, бѣжалъ изъ тюрьмы, а потомъ напалъ на тюремщиковъ. Первое время рядъ несчастій обрушился на младшаго сына,—продолжаетъ авторъ.—Враги опустошили его землю и сожгли риги и овины. Потомъ пришелъ старшій братъ, забралъ избу и сказалъ Ивану-дураку: «Ты глупенькій и не умѣешь хозяйствовать; давай, я все сдѣлаю за тебя». Но что-то зашевелилось въ груди Ивана-дурака. Онъ прогналъ старшаго брата и съ односельчанами установилъ порядокъ въ своей деревнѣ». И т. д. Выводъ Мориса Баринга такой: «Младшій и самый слабый побѣдилъ». Въ данномъ случаѣ талантливый авторъ находится, какъ и въ своей книгѣ: «Landmarks in Russian Literature», подъ сильнымъ вліяніемъ Достоевскаго.

Исходя изъ положеній, высказанныхъ уже выше, я сомнѣваюсь, чтобы можно было легко сдѣлать общую характеристику, обнимающую цѣлый народъ, живущій при разныхъ условіяхъ. Въ Англіи всѣ авторы, пишущіе о Россіи, каково бы ни было ихъ отношеніе къ ней, пытаются, однако, найти такую всеобъемлющую формулу. Вотъ, напр., предисловіе къ переводу посмертныхъ произведеній Л. Н. Толстого [1]). Написано оно докторомъ Хагбергъ-Райтомъ, человѣкомъ очень умнымъ, талантливымъ и большой эрудиціи. Г. Хагбергъ-Райтъ очень хорошо знаетъ русскій языкъ и русскую литературу. Въ Россіи онъ бывалъ не разъ, и къ русскимъ относится тепло. Вотъ какую общую формулу г. Хагбегъ-Райтъ даетъ для всѣхъ русскихъ. «О среднемъ русскомъ можно сказать, что, въ обмѣнъ за скороспѣлое дѣтство, онъ сохраняетъ на всю жизнь въ значительной степени дѣтскую легкость сердца, перемежающуюся припадками болѣзненной подавленности. Онъ очень легко поддается женскимъ чарамъ и является пылкимъ, но непостояннымъ поклонникомъ. Страсть его также мимолетна, какъ горяча. Русскому до-

---

[1]) Къ слову сказать: въ сборникѣ нѣтъ великолѣпнаго разсказа *Дьяволъ*. Издатель испугался Mrs Grundy и не рѣшился включить переводъ его.

ставляютъ громадное наслажденіе «сочинительство» (story-telling) и безконечные споры, потому что онъ болтливъ (garrulous) и склоненъ къ умствованію. Въ денежныхъ вопросахъ русскій беззаботенъ и склоненъ къ расточительности, а въ дѣлахъ вообще—мѣшкотенъ и продаженъ (venal). Русскіе, а крестьяне въ особенности, любятъ пѣнье, танцы и бражничанье. Ихъ безразсудное веселье и пренебреженіе послѣдствіями уравновѣшено фаталистическимъ мужествомъ и выносливостью передъ лицомъ опасности и страданія. Русскому свойственны идеалистическіе порывы, рѣдко проявляющіеся однако, въ дѣйствіи, вслѣдствіе свойственной славянамъ неспособности сконцентрировать усилія» [1]).

Морисъ Барингъ не только ищетъ такую же формулу для всего русскаго народа, но даже составляетъ для него своеобразный психологическій балансъ, съ «активомъ, и пассивомъ». Въ активъ вошли положительныя качества, а въ пассивъ отрицательныя. Затѣмъ, какъ въ хорошихъ торговыхъ домахъ, подведенъ итогъ. «Гроссбухъ» русскаго народа тогда принимаетъ такой видъ:

Положительныя качества.	Отрицательныя.
1. *Зиждительная способность* (Plasticity), имѣющая послѣдствіемъ: a) гуманность, в) ассимиляцію, c) гибкость ума, d) отсутствіе лицемѣрія, e) свободу мыслей и нравовъ.	Потворство страстямъ и распущенность.
2. *Отсутствіе связей и перегородокъ*, съ вытекающими отсюда: a) судорожной энергіей и в) смѣлостью мысли.	Отсутствіе оригинальности. Поверхностность. Отсутствіе настойчивости. Отсутствіе индивидуальной дисциплины, послѣдствіемъ чего является отсутствіе политической свободы.
3. *Положительность. Реализмъ и здравый смыслъ.*	Сумасбродство въ поступкахъ и отсутствіе представленія о пропорціи и равновѣсіи. Робость въ поведеніи. Внезапные переходы отъ энергіи къ лѣни, отъ оптимизма къ пессимизму и отъ протеста къ смиренію. Страхъ передъ послѣдствіями. Отсутствіе индивидуальности, независимости и гражданскаго мужества [2]).

[1]) «The Forged Coupon» and other Stories», Introduction стр. 19.
[2]) «Russian People», стр. 54—55.

Отсутствіе «гражданскаго мужества», повидимому, г. Барингъ усматриваетъ въ боязни русскихъ послѣдовать за П. А. Столыпинымъ. Когда англійскій писатель подводитъ итогъ активу и пассиву, то получается слѣдующее: «Въ каждомъ англичанинѣ сидятъ Генрихъ VIII, Джонъ Мильтонъ и мистеръ Пиквикъ. Въ каждомъ русскомъ есть нѣчто отъ Петра Великаго, князя Мышкина и Хлестакова». (стр. 56). «Русскіе—чистые арійцы. Русскіе—слабовольны». Но русскій народъ создалъ громадное государство. Горсть русскихъ удальцовъ завоевала громадный континентъ, вышла въ самодѣльныхъ карбасахъ, шитыхъ вицей, въ Ледовитый океанъ, обогнула Чукотскій носъ, сдѣлала великія географическія открытія, не подозрѣвая ихъ (казакъ Дежневъ), переправилась на тѣхъ же карбасахъ («посудинахъ», какъ говорятъ на сѣверѣ) на другой континентъ и захватила западное побережье его почти до Калифорніи (казакъ Гвоздевъ). Это, во всякомъ случаѣ, свидѣтельствуетъ и о настойчивости, и объ иниціативѣ, когда она не заколачивается. Для объясненія явленія Морисъ Барингъ, выставлявшій тезисъ, что русскіе—чистые арійцы, говоритъ о «лигатурѣ финской крови», придавшей русскому народу стойкость.

Когда мы хорошо изучили психологическій балансъ русскаго народа, подведенный Морисомъ Барингомъ, мы узнаемъ вдругъ, что требуется еще отдѣльный гроссбухъ для русской интеллигенціи, представляющей, по изображенію автора, какой-то посторонній наростъ. Интеллигенція противоположна народу. На народъ Морисъ Барингъ смотритъ сквозь очки Достоевскаго или, точнѣе, сквозь очки г. Мережковскаго. «Когда умеръ Толстой, русскій народъ чувствовалъ, что потерялъ великаго человѣка и національную гордость,—говоритъ Барингъ. — Но когда умеръ Достоевскій, то всѣ, до послѣдняго человѣка (to the man in the street), сознавали, что потеряли друга и брата». Г. Барингъ приводитъ мнѣніе какой-то базарной бабы, что «Толстому мѣсто въ аду». «Надъ могилой Достоевскаго никто такого мнѣнія не высказывалъ». Только совершенно пристрастный человѣкъ, желающій подогнать во что бы то ни стало дѣйствительность подъ свою схему, можетъ утверждать, какъ это дѣлаетъ Морисъ Барингъ, что смерть Толстого произвела меньшее впечатлѣніе и меньше была оплакана, чѣмъ кончина Достоевскаго... Посмотримъ теперь на ту аттестацію, которую даетъ бѣдной русской интеллигенціи Морисъ Барингъ. «Интеллигенціи никогда даже не приходило въ голову—обличаетъ онъ,—что у нея и у народа не одна

душа. Интеллигенція забыла совершенно, что у народа есть душа. А между тѣмъ на это обстоятельство много разъ указывали геніальные писатели, Гоголь упомянулъ про то, что у народа есть душа. Упомянулъ про фактъ также Толстой. Достоевскій все время говорилъ про это» (стр. 304). Итакъ, интеллигенція виновна въ томъ, что презрѣла народъ. Но за двѣ страницы до этого Морисъ Барингъ обличаетъ интеллигенцію за то, что она себѣ сотворила кумиръ изъ народа. «Передъ нами въ высшей степени воспріимчивый, чрезмѣрно образованный средній классъ, впитавшій всякаго рода теоріи западно-европейской философіи,—говоритъ авторъ,—классъ, лишенный самоконтроля, не знающій ни дисциплины, ни индивидуальнаго чувства долга; классъ этотъ деспотиченъ по характеру, догматиченъ въ томъ, какъ онъ принимаетъ за истину ввезенный атеизмъ, начиненъ теоріями, оторванъ отъ всякой дѣйствительности, экстравагантенъ въ своихъ спорадическихъ эксцессахъ и спорадическомъ аскетизмѣ; онъ носится безъ руля и бѣзъ вѣтрилъ, отрекаясь отъ своего ближайшаго долга, но за то всецѣло посвящаетъ себя служенію идолу, созданному собственнымъ воображеніемъ,—идолу, которому имя—народъ» (стр. 303). Нѣтъ, кажется, грѣха, въ которомъ неповинна русская интеллигенція. Она безвольна, преисполнена гордыни, развратна и безбожна; народъ ненавидитъ интеллигенцію за ея безнравственность, и главнымъ образомъ, за то, что она пренебрежительно относится къ одному изъ трехъ китовъ, на которыхъ держится Россія... Что касается «безнравственности» русской интеллигенціи, то врядъ ли она (безнравственность) сильнѣе, чѣмъ въ любой другой странѣ. Разница только въ томъ, что въ однѣхъ странахъ все дѣлается открыто, а въ другихъ прячется. Во всякомъ случаѣ, «безнравственность» интеллигенціи слѣдуетъ противопоставлять «чистотѣ» (сексуальной) народа. «Народъ нашъ преданъ мраку и разврату»,—говоритъ величайшій авторитетъ Мориса Баринга, Достоевскій («Дневникъ писателя», январь 1876-го года). Но, быть можетъ, это только прискорбный результатъ тревожнаго вліянія интеллигенціи? «Въ семейной жизни въ XVII вѣкѣ господствовалъ грубый развратъ,—говоритъ историкъ.—Браковъ вообще не любили и вездѣ старались избѣгать вѣнчанія: въ XVII вѣкѣ въ этомъ отношеніи дѣлалось то же, что и въ XII, когда «правило митрополита Іоанна» громило неуваженіе русскаго народа къ таинству брака. Этого мало: на половыя отношенія русскіе смотрѣли съ совершенно животной точки зрѣнія, и потому нерѣдки были кровосмѣшенія свекровъ съ невѣстками, братьевъ съ сестрами, даже родителей съ дѣтьми. Картину великорусскихъ нравовъ ярко начертилъ намъ патріархъ Филаретъ въ грамотѣ своей 1622 года: «Многіе русскіе люди—гово-

рится въ ней—поимаютъ за себя сестры свои родныя и двоюродныя,... а иные-де на матери свои посягаютъ блудомъ и женятся на дщеряхъ и сестрахъ» [1]). «И что, сударь за этими замками разврату темнаго, да пьянства!—говоритъ у Островскаго Кулигинъ о благочестивыхъ семьяхъ.—И все шито да крыто!» (*Гроза*, дѣйствіе III, явл. I). Интеллигенція русская не сѣяла разврата. Въ такой же степени невѣрно то, что *она* подорвала уваженіе къ одному изъ «китовъ». Уваженіе было подорвано много вѣковъ тому назадъ, и не интеллигенціей, а служителями культа. Обратимся къ компетентному источнику. «Примѣры отдѣльнаго благочестія, подвигопаломничества аскетовъ, множество монастырей, воздвигаемыхъ въ непроходимыхъ мѣстахъ, не могутъ служить достаточнымъ свидѣтельствомъ общаго народнаго благочестія,—говоритъ историкъ.—Во-первыхъ, кто безпристрастно и критически относился къ нашимъ житіямъ, тотъ не можетъ усомниться, что краснорѣчивыя похвалы въ этихъ біографіяхъ часто слѣдуетъ принимать менѣе за историческую правду, чѣмъ за избитую риторику, даже не самостоятельную по содержанію, а рутинно повторяющую древніе византійскіе пріемы; во-вторыхъ, эти же самыя повѣствованія, говоря о свѣтлой сторонѣ русскаго благочестія въ лицѣ святыхъ подвижниковъ, подчасъ проговариваются и о черныхъ сторонахъ, указывающихъ на нравы того общества, изъ котораго являются эти подвижники». «Вообще, при чтеніи нашихъ умилительныхъ повѣствованій о разныхъ явленіяхъ подвигопаломничества и благочестивой жизни, не слѣдуетъ забывать русской пословицы: «не всякое лыко въ строку»,—говоритъ въ другомъ мѣстѣ тотъ же историкъ. Въ Стоглавѣ, напримѣръ, намъ показывается обратная сторона явленій, описываемыхъ риторами въ свѣтлыхъ чертахъ: «старецъ на лѣсу келію поставитъ, или церковь срубитъ, да пойдетъ по міру съ иконою просить на сооруженіе, и земли, и руги просить, а что собравъ, то пропьетъ». Въ тѣхъ же церквахъ, гдѣ совершалось богослуженіе, господствовало полное отсутствіе благочестія: «попы и церковные причетники—говоритъ Стоглавъ,—въ церкви всегда пьяны и безъ страха стоятъ и бранятся, и всякія рѣчи неподобныя всегда исходятъ изъ устъ ихъ, попы же въ церквахъ бьются и дерутся промежъ себя». «Принимая во вниманіе множество монастырей и довѣряя многимъ умильнымъ описаніямъ святой жизни ихъ обитателей, можно было бы надѣяться, что монастырское благочестіе выкупало безпорядокъ, происходившій въ приходскихъ церквахъ. Но Стоглавъ и въ этомъ отношеніи насъ разочаровываетъ. Изъ него видно, что во многихъ монастыряхъ архимандриты и игу-

---

1) *Н. И. Костомаровъ*, «Собраніе сочиненій». Книга V, стр. 217.

мены жили въ свое удовольствіе на счетъ монастырскихъ имѣній, угощали пріятелей, монахи подражали имъ и жили беззазорно; въ келіи къ нимъ ходили женщины и дѣвицы; другіе же держали у себя мальчиковъ, и содомскій грѣхъ было самое обычное дѣло въ монастыряхъ; нерѣдко чернецы и черницы жили вмѣстѣ въ одномъ монастырѣ. Пьянство было вездѣ безмѣрное» [1]). Въ 1646 г. окружной патріаршій наказъ указываетъ, что въ московскихъ церквахъ во время богослуженія бываетъ «драка и лая смрадная». Такимъ образомъ, русская интеллигенція ни въ коемъ случаѣ не повинна въ подрываніи религіозности въ народѣ, т. е. въ томъ грѣхѣ, который Морисъ Барингъ «сильнѣе всего осуждаетъ». Интеллигенцію нельзя противопоставлять народу. Во всякомъ случаѣ, русская интеллигенція не представляетъ какого-нибудь исключенія. Неужели Морисъ Барингъ сталъ бы утверждать, что идеалы культурныхъ англичанъ изъ выше-средняго круга—тѣ же, что и идеалы, скажемъ, девонширскихъ сельскихъ работниковъ? Такъ какъ, говоря объ интеллигенціи, Морисъ Барингъ оперируетъ надъ крайне неопредѣленнымъ терминомъ, то онъ по своему обыкновенію, впадаетъ въ курьезное противорѣчіе и договаривается до удивительныхъ вещей. На страницѣ 313-ой, напр., мы узнаемъ, что интеллигенція, собственно говоря, это—всѣ, которые умѣютъ читать и писать въ Россіи». Черезъ одну страницу авторъ заявляетъ: «Интеллигенція не дала ни одного великаго человѣка. Величайшіе люди въ Россіи вышли или изъ дворянства, или изъ народа. Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Толстой, Тургеневъ, Алексѣй Толстой принадлежали къ дворянству. Достоевскій вышелъ изъ мелкаго дворянства, а Кольцовъ и Горькій—изъ народа. Въ области искусства интеллигенція не дала ничего сколько-нибудь замѣчательнаго. Она проявила себя нѣсколько въ историческихъ изысканіяхъ, въ наукѣ, медицинѣ и философіи. Она дала нѣсколько второстепенныхъ беллетристовъ и драматурговъ. Даже пророки революціи Герценъ и Бакунинъ были аристократы, а Крапоткинъ—князь». Такъ какъ самъ авторъ говоритъ, что интеллигенція—это всѣ грамотные въ Россіи, то надо предположить одно изъ двухъ: или Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Толстой и Тургеневъ были неграмотны, или «интеллигенція» — особое племя въ Россіи, вродѣ тѣхъ «волковъ», которыхъ открылъ Морисъ Барингъ. Что касается до того мѣста, гдѣ авторъ съ снисходительнымъ одобреніемъ говоритъ о литературныхъ и научныхъ трудахъ интеллигенціи, то оно тоже вызываетъ недоумѣніе. «Интеллигенція выдви-

[1]) *Н. И. Костомаровъ*, «Исторія раскола у раскольниковъ».

нула историковъ, естествоиспытателей, медиковъ и публицистовъ». Но вѣдь и они вышли или изъ дворянскаго класса (Михайловскій, Мечниковъ, Сѣченовъ, Милюковъ и др.) или изъ разночинцевъ. Гдѣ же граница, гдѣ кончается «дворянинъ» и начинается тотъ «интеллигентъ», которому г. Морисъ Барингъ все норовитъ запустить пальцы «подъ зебры».

Въ Европѣ бывали революціи, за которыми слѣдовали мрачныя реакціи. Стоитъ вспомнить періодъ отъ 1815 до 1830 года во Франціи, «El Terror de 1824» въ Испаніи, четыре неудачныя революціи въ Неаполѣ и реакцію послѣ 1848-го года въ Германіи; но безпристрастные историки не обвиняли во всемъ только тѣхъ, которые сильнѣе всего пострадали отъ реакціи. Въ 90-хъ годахъ XVIII-го вѣка нагоняли ужасъ на населеніе Франціи шайки «шоферовъ», которые называли себя тоже террористами и революціонерами; однако никто изъ историковъ не пытался доказать, что не только республиканская, но и либеральныя партіи разгромлены только потому что во Франціи смѣлые разбойники изъ шаекъ «шоферовъ» называли себя революціонерами. До революціи тѣ же «шоферы», вѣроятно, участвовали бы въ шайкѣ Картуша. Исключеніе дѣлается почему-то для Россіи. Морисъ Барингъ, слѣдуя за публицистами изъ *Вѣхъ* и *Новаго Времени*, валитъ все на интеллигенцію. У англійскаго писателя это выходитъ еще болѣе топорно и неуклюже. «Когда въ Англіи кто-нибудь говоритъ про русскую революцію, то онъ намѣчаетъ такую схему,—пишетъ г. Морисъ Барингъ:—Населеніе, послѣ вѣковъ угнетенія, воспользовалось неудачной войной и предъявило правительству рядъ требованій. Власть вынуждена была сдѣлать уступки. Дано было подобіе представительнаго учрежденія и обѣщаны реформы... Но какъ только паника, произведенная аграрными безпорядками и военными бунтами прошла, правительство взяло обратно все, что дало, и грубой силой раздавило всѣ протесты. Единственными осязаемыми результатами всего движенія остались военные суды, казни и подобранный изъ правительственныхъ сторонниковъ парламентъ, безсильный сдѣлать что-нибудь, если бы даже захотѣлъ. Такова схема, набрасываемая въ Англіи». («Russian People», 290). Хотя самъ же Морисъ Барингъ въ другомъ мѣстѣ констатируетъ, что отъ манифеста 17 октября ничего не осталось и что Государственная Дума ни въ коемъ случаѣ не представляетъ взглядовъ всей Россіи, онъ смѣло отрицаетъ эту схему. «Каждый здравомыслящій русскій,—утверждаетъ г. Барингъ,—сочтетъ ребячествомъ объясненіе реакціи тѣмъ, что правительство, воспользовавшись затишьемъ, взяло назадъ сдѣланныя улучшенія». Во всемъ виновата интеллигенція, потерявшая по своей винѣ поддержку общественнаго мнѣнія. Освободи-

тельное движеніе сначала шло успѣшно, такъ какъ за него было общественное мнѣніе; но потомъ между интеллигенціей и народомъ образовалась глубокая пропасть. Народъ былъ возмущенъ пренебрежительнымъ отношеніемъ интеллигенціи къ его идеаламъ, главнымъ образомъ, религіознымъ. Народъ крѣпко держится за вѣру, тогда какъ интеллигенція атеистична. Замѣтивъ образовавшуюся пропасть, правительство выступило впередъ и сдѣлало, что хотѣло. «Если оно не могло разсчитывать на всеобщую поддержку, оно могло, по крайней мѣрѣ, учесть всеобщую апатію»,—говоритъ г. Барингъ. Вообще въ Россіи общественное мнѣніе играетъ и всегда играло громадную роль,—утверждаетъ англійскій писатель. «Съ тѣхъ поръ какъ Россія существуетъ, каждый правитель ея долженъ имѣть въ извѣстной степени на своей сторонѣ общественное мнѣніе; иначе онъ не можетъ удержаться у власти. Иванъ IV опирался на народъ и на духовенство, когда разрушалъ власть дворянства (nobility). Петръ Великій демократизировалъ государственную службу, которая раньше была аристократической. Низложеніе Петра III является поразительнымъ доказательствомъ проявленія общественнаго мнѣнія въ Россіи. Трудно сдѣлать бо́льшую ошибку, чѣмъ отрицать существованіе общественнаго мнѣнія въ Россіи только потому, что оно проявляется иначе, чѣмъ въ другихъ странахъ, — продолжаетъ г. Барингъ. — Петръ III не боялся русскаго общественнаго мнѣнія — и погибъ. Онъ потѣшался надъ всѣмъ русскимъ, глумился надъ языкомъ и молитвами. Народъ (?!) низложилъ его. Такимъ образомъ въ безкровной революціи выразилось настроеніе всѣхъ классовъ общества (NB. Черезъ девять лѣтъ Пугачевъ, назвавшійся Петромъ III, глубоко потрясъ Россію. Чѣмъ же это объяснить, если низложеніе Петра III явилось выраженіемъ желанія «every class of society»?). Екатерина II опиралась на общественное мнѣніе. Александръ I и Николай I не освободили крестьянъ только потому, что общественное мнѣніе не было еще подготовлено. При помощи общественнаго мнѣнія Александръ II осуществилъ реформу 1861-го года. Общественное мнѣніе, напуганное трагедіей 1-го марта 1881-го года, измѣнилось, и реакція царствованія Александра III стала необходимостью». Во время русско-японской войны общественное мнѣніе въ Россіи выросло. За реформы высказалось тогда все населеніе, и правительство пошло ему на встрѣчу. Но тутъ интеллигенція проявила всю свою надменность, безбожность и доктринерство, и общественное мнѣніе поддерживавшее сперва интеллигенцію, представленную конституціоналистами-демократами, отвернулось отъ нихъ. Со всѣхъ сторонъ посыпалась брань на «ка-де-товъ», потерявшихъ всякій кредитъ въ глазахъ общества. Теперь *Новое Время* называетъ ихъ

почти ежедневно польско-еврейской партіей» (стр. 292—308). Тогда на арену выступилъ «a man of genius», П. А. Столыпинъ.

Мы видимъ, что къ неопредѣленнымъ терминамъ «раса» и «интеллигенція», Морисъ Барингъ прибавляетъ новый терминъ, еще болѣе неопредѣленный: «общественное мнѣніе». Неясность термина увеличивается еще тѣмъ, что, по словамъ Баринга, общественное мнѣніе въ Россіи проявляется какъ-то иначе, чѣмъ всюду, во всѣхъ странахъ. Какъ же узнать про него? Не путемъ митинговъ, потому что, какъ говоритъ авторъ, собранія въ Россіи дозволены только правымъ. Не путемъ выборовъ, такъ какъ, по признанію автора, выборы безъ давленія дадутъ радикальную и революціонную думу. Не путемъ печати, конечно. Барингъ знаетъ, что, кромѣ *Новаго Времени*, въ Россіи ни одна реакціонная газета не можетъ существовать безъ субсидіи, а вся независимая печать высказывается совершенно опредѣленно не въ духѣ газеты г. Суворина. Морисъ Барингъ оказывается совершенно безпомощнымъ, когда пробуетъ философствовать. Онъ знаетъ факты (хотя и тутъ дѣлаетъ рядъ ошибокъ), но такъ какъ за указаніями на причинную связь между ними обращается къ лицамъ, гоняющимся за оригинальностью, или къ такимъ источникамъ, какъ *Новое Время*, — то безпрерывно впадаетъ въ самыя изумительныя противорѣчія. Нападки на интеллигенцію очень сердиты, но, въ концѣ концовъ, она можетъ обратиться къ сердитому обличителю съ украинской поговоркой, которую я слышалъ въ дѣтствѣ: «Кусь мене, вовче, хочь зубівъ не маешь!»

Несмотря на всѣ перечисленные недостатки, книга Мориса Баринга интересна. Англичане прочтутъ съ пользою очерки: «Общій видъ», «Нѣкоторые обычаи и нравы», главы, содержащія историческій очеркъ, (VI—IX, XI, XIII—XVI) и нѣкоторыя страницы въ другихъ главахъ.

Лондонъ, 9 декабря. Діонео.

ПАРИЖЪ и ПАРИЖАНЕ.

(Письмо изъ Парижа).

Жизнь для жизни намъ дана.

Французы съ гордостью называютъ свой Парижъ — la ville lumière, городъ - свѣточъ. Набожныя старушки обоихъ половъ зовутъ его современнымъ Вавилономъ. Со всѣхъ концовъ Евро-

пы, чтобы не сказать міра, съѣзжаются сюда дѣловые люди, чтобы занимать деньги; веселящіеся — чтобы веселиться; молодежь—чтобы учиться, учиться всему, наукамъ, искусствамъ, вплоть до авіаціи. Городъ модъ и кафэ-шантановъ, городъ искусствъ и науки, городъ великихъ революцій, городъ безумной роскоши и тонкаго вкуса, цитадель интернаціональной плутократіи и оплотъ революціоннаго синдикализма, центръ труда усерднаго и труда бунтующаго, гнѣздо разврата и гнѣздо мѣщанскихъ добродѣтелей,—Парижъ, какъ многогранный алмазъ, играетъ всѣми цвѣтами радуги. Естественно, поэтому, что иностранцевъ онъ привлекаетъ, что французы глядятъ на него влюбленными глазами, а ихъ художники и романисты такъ охотно рисуютъ «великій городъ». Вспомните хотя бы Зола. Для него Парижъ былъ какъ бы живымъ существомъ, къ могучему дыханію котораго писатель прислушивался съ восторженнымъ благоговѣніемъ.

Но можно быть и не французомъ, мало интересоваться модами и не посѣщать кафе-шантановъ, можно не заниматься искусствомъ и уважать науки только платонически, можно не дѣлать революцій, не заключать займовъ, не принадлежать къ синдикатамъ, быть достаточно цѣломудреннымъ и не слишкомъ добродѣтельнымъ,—и тѣмъ не менѣе не избѣгнуть очарованія этого «змія», чешуя котораго «блеститъ всѣми добродѣтелями», а кстати и всѣми пороками. Быть можетъ въ этомъ сочетаніи всѣхъ добродѣтелей и всѣхъ пороковъ и заключается соціологическій и художественный интересъ Парижа, въ которомъ, какъ въ микрокосмѣ, сконцентрировано все чѣмъ отличается наша эпоха, все что въ ней есть характернаго. Охватить однимъ взглядомъ Парижъ—значитъ заглянуть въ душу нашей цивилизаціи. Это соблазнительно, не правда ли? Изъ снисхожденія къ соблазненному, вы мнѣ простите, если мой очеркъ Парижа окажется блѣднымъ.

Чтобы охватить Парижъ однимъ взоромъ, взбираются на тріумфальную арку или на Эйфелеву башню. На мой взглядъ его надо смотрѣть съ вершины Монмартрскаго холма, съ террасы Sacré-Coeur. Оттуда онъ виденъ весь, въ котловинѣ, у ногъ зрителя, ограниченный съ юга грядой холмовъ, съ востока и запада—лѣсами. И сразу бросается въ глаза отличительная и характерная особенность Парижа—его компактность, сплоченность, то единство, которымъ проникнутъ громадный городъ. Потомъ, по мѣрѣ того, какъ узнаешь Парижъ, это впечатлѣніе все укрѣпляется и углубляется. Онъ, такой разнообразный, шумный, подвижный, онъ тѣмъ не менѣе единъ, и у него есть свое, ему присущее лицо. Онъ старый, почти древній

городъ, и въ тоже время самый современный. Онъ состоитъ изъ множества колоній, изъ множества кварталовъ, съ особой физіономіей,—и тѣмъ не менѣе куда бы вы ни зашли, въ нарядныя ли Елисейскія поля, въ переполненный дѣтьми Люксембургскій садъ, въ тѣсные рабочіе кварталы Бельвиля или Butte-Chaumont, или въ шумящій и разнузданный Монмартръ, вы все время чувствуете, что вы въ Парижѣ. Сначала думаешь, что это потому, что всюду одинъ и тотъ же воздухъ, однѣ и тѣ же мягкія краски на влажномъ и нѣжномъ небѣ, на сѣро-желтоватыхъ съ черными крышами домахъ,—и только потомъ начинаешь понимать, что это единство впечатлѣнія плодъ не столько матеріальныхъ, сколько духовныхъ элементовъ, плодъ особой всеобъемлющей культуры, въ одно и то же время старой и современной, прочной и лихорадочно-подвижной. Всегда и всюду я чувствую въ Парижѣ напряженно-спѣшащую, творчески-юную, бьющую черезъ край жизнь—и рядомъ глубокій консерватизмъ, связь съ прошлымъ, мощные корни, уходящіе въ глубь вѣковъ, какъ въ свою историческую почву. Современная европейская культура не нигилистична. Она впитала и ассимилировала множество элементовъ былой жизни, долгихъ усилій ума и воли былыхъ поколѣній, когда-то цвѣтущихъ, теперь отцвѣтшихъ формъ жизни. Оттого и несется она впередъ такъ быстро и увѣренно, точно паровозъ, въ котлѣ котораго горитъ каменный уголь—носитель сконцентрированной и консервированной энергіи лучей, согрѣвавшихъ землю милліоны лѣтъ тому назадъ.

Я думаю объ этомъ всегда, когда прохожу по садамъ Парижа. Почти всѣ они когда-то принадлежали дворцамъ. Теперь они принадлежатъ дѣтямъ. Въ Клюни, гдѣ рядомъ съ остатками римскихъ бань и съ дворцомъ Капетинговъ разбитъ небольшой скверъ, въ Люксембургскомъ саду гдѣ прежде гуляли принцессы крови, въ Тюльери, въ Сенъ-Клу, въ Версали и Тріанонѣ—всюду теперь владычествуютъ дѣти, играютъ, бѣгаютъ и дышатъ подъ надзоромъ чинно вяжущихъ чулки и салфеточки матерей. Какъ въ былыя времена, среди цвѣточныхъ клумбъ и по-старому подстриженныхъ деревьевъ, или англійскихъ парковъ стоятъ статуи королевъ въ высокихъ средневѣковыхъ воротникахъ строгихъ „робъ“, красуются нагія и жеманныя богини, бьютъ фонтаны. Но смотрятъ на нихъ, но любуются цвѣтами и отдыхаютъ въ тѣни деревьевъ не императоры, не короли, не ихъ изысканные придворные,—а дѣти французской демократіи, республиканцы отъ пеленокъ. Потомъ, когда они выростутъ и станутъ гражданами, они такъ же заботливо, какъ ихъ теперешніе отцы, будутъ сохранять для своихъ дѣтей весь королевскій aspect бывшихъ королевскихъ садовъ и цвѣтниковъ.

Другая характерная черта Парижа — единство культуры *всего* его населенія. Въ Москвѣ, въ Петербургѣ, въ русскомъ городѣ, вы ясно видите и чувствуете тѣ перегородки, которыя дѣлятъ народъ на мало сообщающіеся между собой, чуждые другъ другу слои. И это будутъ прежде всего «господа» и «простонародье». Между ними непроходимая пропасть. Внѣшній видъ, одежда, языкъ, нравы—все несходно. Передъ вами не то различные народы, не то различныя культуры, не то различныя историческія эпохи. Глубокое разобщеніе. И наблюдаете вы его не только между этими, вышеуказанными двумя группами, но и внутри ихъ. Русскій купецъ, священникъ, чиновникъ, помѣщикъ—это какъ будто разные зоологическіе виды; крестьянинъ, мастеровой, мелкій лавочникъ—точно такъ же.

Въ Парижѣ, восходя съ низовъ общественной лѣстницы до ея верховъ, вы, конечно, тоже наблюдаете извѣстныя различія. Одни богаты, другіе бѣдны; у однихъ руки бѣлы, у другихъ загрубѣли отъ работы; одни изящны, другіе грубы,—но за всѣми этими количественными различіями вы видите глубокое качественное сходство, символизируемое словами mesieurs, mesdames, съ которыми вы обращаетесь рѣшительно ко всѣмъ обитателямъ Парижа. Monsieur, madame—это не только знакъ демократическаго равенства, это знакъ поголовно высокаго культурнаго уровня, это общая скобка, объемлющая различныя количественно, но однородныя соціальныя слагаемыя, сумма которыхъ—единая нація. Единая нація, плодъ долгой культурной жизни. И ея признакомъ является единый языкъ. Во Франціи нѣтъ «народной литературы»—этой отвратительной литературы для существъ низшей расы, гдѣ упрощенности рѣчи соотвѣтствуетъ упрощеніе и уплощеніе понятій. Во Франціи нѣтъ и писателей-филантроповъ и писателей-аферистовъ, фальсифицирующихъ «народный языкъ», чтобы стать понятнымъ «низшимъ слоямъ населенія». Во Франціи въ каждой провинціи существуютъ мѣстныя нарѣчія, различныя «патуа»—и затѣмъ общій, всѣмъ доступный, всѣми употребляемый французскій языкъ, на которомъ говорятъ, пишутъ книги и газеты. И тѣ три-четыре милліона номеровъ изданій, которые ежедневно расходятся въ одномъ Парижѣ, всѣ написаны этимъ общелитературнымъ языкомъ.

Чтобы читать ихъ, надо понимать всѣ слова, надо быть знакомымъ съ понятіями, имъ соотвѣтствующими. Тотъ, кто обладаетъ этимъ умственнымъ капиталомъ, имѣетъ право называться monsieur, и не можетъ не называться имъ. Тѣмъ болѣе, что умственный ростъ массъ всегда связанъ съ развитіемъ чувства достоинства, съ повышеннымъ размѣромъ потребностей, съ высокимъ качествомъ труда.

Попробуйте по-барски грубо обойтись съ самымъ отрепаннымъ парижаниномъ, живущимъ самымъ грубымъ трудомъ,—онъ вамъ покажетъ! Недавно мнѣ пришлось быть въ С.-Антуанскомъ предмѣстьѣ, гдѣ сконцентрированы мебельныя мастерскія. Съ опытнымъ руководителемъ мы бродили по мастерскимъ, смотрѣли работу, бесѣдовали съ рабочими, зашли въ двѣ-три «рабочихъ» квартиры, т. е. къ семейнымъ рабочимъ, а вечеръ провели въ кафэ въ компаніи столяровъ. Что прежде всего мнѣ бросилось въ глаза—это манера работать. Во-первыхъ, безъ всякой торопливости, даже медленно, съ громадной экономіей силъ. Но каждое движеніе расчитано и цѣлесообразно, всѣ пріемы выработаны и сознательны. Такъ можетъ работать только интеллигентный человѣкъ, у котораго, поэтому, и работа выходитъ и хорошей, и красивой, и спорой. И, конечно, эта выработанность пріемовъ и сознательная расчитанность движеній не составляютъ особенности столяровъ. Такъ работаютъ всѣ.

Какъ живутъ рабочіе? Во-первыхъ —благообразно. Я говорю пока о внѣшнемъ, матеріальномъ благообразіи. Правда, въ Парижѣ квартиры дешевы. Правда, обстановку можно всегда завести въ кредитъ. Такъ что, принимая во вниманіе порядочный заработокъ рабочаго, въ особенности квалифицированнаго, это благообразіе понятно. Но оно, тѣмъ не менѣе, свидѣтельствуетъ о вкусахъ, о стремленіи жить чисто. Обыкновенно квартира семейнаго рабочаго — двѣ комнаты, передняя и кухня. Въ столовой все какъ слѣдуетъ, по парижской модѣ. Круглый или четырехугольный столъ, буфетъ съ посудой, зеркало надъ каминомъ, салфетка на столѣ, бездѣлушки, картины, цвѣты и часто клѣтки съ птицами. Въ спальнѣ грандіозная постель съ пуховиками, шкафъ, часто съ зеркальной дверью. Полы натерты Половики и коврики. Однимъ словомъ—какъ у буржуа.

— Но мы не буржуа,—о, мы не буржуа!—говорятъ мнѣ вечеромъ за стаканомъ вина въ кафэ мои собесѣдники.

— А какая разница?—спрашиваю я.

— Разница? Видите, мы говоримъ не о большихъ буржуа, не о капиталистахъ, а о маленькихъ, о людяхъ нашего поля, но которые поставили себѣ цѣлью сколотить состояніе, устроить собственное предпріятіе, пріобрѣсти какую-нибудь недвижимость. Когда человѣкъ рѣшитъ что-нибудь такое, тогда онъ дѣлается petit bourgeois. Что это за птицы? — хотите вы знать. Petit bourgeois—это человѣкъ, который, когда закуритъ папиросу спичкой, или зажжетъ огонь ею, потушитъ спичку и огарокъ этотъ спрячетъ, чтобы употребить второй разъ. Огарочекъ можно, напр., вечеромъ зажечь о газъ и опять закурить папироску. Вотъ это—буржуа. Но мы не такіе. Нѣтъ! Garçon! Еще бутылочку! Мы—рабочіе. Да. И мы не очень ко-

пимъ. Копить, копить и умереть! Э, monsieur, жизни не вернешь. Чѣмъ считать сантимы съ утра до ночи и ихъ же видѣть во снѣ, мы лучше сдѣлаемъ такъ: недѣлю хорошо поработаемъ, а въ субботу пойдемъ въ синематографъ или въ театръ. Въ воскресенье—на прогулку; хорошо пообѣдаемъ. И бутылку вина лишнюю прихватимъ. Ну, и если есть во что одѣться, и есть добрые друзья, то и можно жить. Мы любимъ жить.

Мой спутникъ и руководитель по этимъ мѣстамъ подтвердилъ мнѣ сказанное рабочимъ.

— Онъ правильно опредѣлилъ разницу между bourgeois и рабочимъ. Вотъ я—petit bourgeois. И я всю жизнь думаю, какъ бы не остаться безъ денегъ къ срокамъ платежей, а жена моя бережетъ каждый су, буквально каждый су. И его обѣдъ,—онъ показалъ на сосѣда, рабочаго,—въ воскресенье лучше моего. По воскресеньямъ онъ дѣлаетъ «бомбу» (il fait bombance), а я не дѣлаю.

— Ну, какая тамъ бомба! Мы не пьянствуемъ. Литръ вина—это положеніе. Но пьянствовать—нѣтъ. Отцы наши пили здорово, это вѣрно. Но за то и жили грязнѣй нашего. Все это перемѣнилось...

И то, что утверждали мои столяры, вполнѣ совпадало съ другими моими свѣдѣніями. По мѣрѣ того, какъ улучшаются заработки, сокращается пьянство. То же самое про электрическихъ рабочихъ говорилъ мнѣ Пато.

— Когда получали по четыре франка въ день—пили всѣ. Теперь, при десяти-франковомъ заработкѣ, пьяницъ нѣтъ.

И это понятно. Пьяницѣ не удержаться на линіи monsieur.

Быть monsieur, жить благообразно и возможно весело и полно,—такова философія и таковъ идеалъ громаднаго большинства парижской рабочей массы. Но это же, несомнѣнно, идеалъ и философія эпохи. Можно отвергнуть этотъ идеалъ, и философію считать убогой,—это дѣло вкуса; но оцѣнка, та или иная, не должна намъ закрывать глаза на дѣйствительность. Дѣйствительность же именно такова: здѣсь, въ Парижѣ, люди хотятъ жить, жить свободно, оживленно, возможно весело и полно, и занимать на свѣтѣ мѣсто, не лишенное солнца. Но это желаніе, эта созданная всей исторіей потребность, и соотвѣтствующія ей идеи права, морали и соціальнаго устройства,—и составляютъ характерную особенность нашей эпохи. Конечно, разные люди и разные классы вкладываютъ различное содержаніе въ эту максиму—«жизнь для жизни намъ дана». Плохо живущіе и нетерпѣливые становятся революціонерами; слабые—организуются; экономически угнетенные — дѣлаются соціалистами; люди мало расчитывающіе на реформы и на ходъ вещей — жгутъ спички съ двухъ концовъ и скупердяйствуютъ; богатые — ростовщичествуютъ

на весь міръ; люди шальныхъ заработковъ—удивляютъ міръ безуміемъ роскоши. И всѣ работаютъ изо всѣхъ силъ, и учатся, учатся.

Ошибается тотъ иностранецъ, который, шатаясь по Парижу, думаетъ, что это парижане наполняютъ въ будни толпами бульвары, сидятъ подъ навѣсами кафэ, лодырничаютъ и кейфуютъ. Вѣдь это не парижане. Это все,—за исключеніемъ бѣгающихъ по дѣламъ посыльныхъ и employés всякаго рода,—все иностранцы и провинціалы, пріѣхавшіе повеселиться, или по какимъ-либо дѣламъ. Парижанинъ же работаетъ отъ утра до обѣда, и отъ обѣда до 6—7 часовъ вечера. И такъ работаетъ не только рабочій, но и инженеръ, и чиновникъ, и служащій въ бюро. Послѣ работы—часа два отдыха. И въ десять часовъ на всѣхъ лѣстницахъ потушены огни, и всѣ двери на запорѣ. Когда поднимаются и спускаются по лѣстницѣ, не говорятъ, чтобы не разбудить спящихъ, потому что спящіе это—всѣ. А мѣшать спать нельзя. Такъ послѣ десяти часовъ вечера понимается поговорка: «самъ живи, и другимъ жить давай».

Напряженно работаютъ, напряженно и учатся. Начнемъ съ низшей школы. Съ двухъ-часовымъ перерывомъ, занятія продолжаются въ ней съ 8 часовъ утра до пяти. Это, какъ видите, не по-русски. Интенсивность занятій тоже не русская. Напрягаютъ чрезвычайно и умъ, и память. Пріучаютъ почти съ пеленокъ къ интенсивной работѣ мозга. Вкладываютъ въ черепъ массу точныхъ знаній, и требуютъ точныхъ и ясныхъ отвѣтовъ. Въ университетахъ и въ высшихъ школахъ сырой и рыхлый славянинъ учится съ трудомъ, онъ жалуется на перенапряженье духовныхъ силъ. Кстати, въ университетахъ готовятся не по учебникамъ. Каждый студентъ ведетъ подробнѣйшую запись лекцій, и чтобы сдать экзаменъ, надо знать не только офиціальную программу, и не только имѣть нѣкоторую умственную выучку,—надо знать все дѣйствительно пройденное, т. е. очень много.

Для кончившихъ школу и работающихъ въ жизни «ученье» продолжается въ видѣ посѣщенья различныхъ «курсовъ», лекцій, конференцій и т. п. Число ихъ громадно. Одни преслѣдуютъ чисто практическія цѣли—это курсы ремеслъ и знаній, необходимыхъ въ домашнемъ хозяйствѣ, въ торговлѣ и т. д.; другіе имѣютъ научный характеръ; третьи посвящены вопросамъ общественной и политической жизни. Какъ я сказалъ, ихъ число громадно. Читаютъ ихъ въ зданіяхъ комунальныхъ школъ, въ общественныхъ зданіяхъ, въ наемныхъ залахъ, въ кафэ. Всѣ они переполнены взрослой публикой, часто—стариками. И какъ въ школѣ, старые люди сидятъ и записываютъ въ тетрадку курсъ философіи, колоніальной географіи, новаго способа окулировки,

теоріи новаго двигателя, природы соціализма и т. д., и т. д. Это—не препровожденіе времени. Это—ученье.

Послѣ ученья и работы—отдыхъ и развлеченье.

Чтобы увидѣть отдыхающаго и развлекающагося парижанина, лучше всего въ лѣтній воскресный день идти въ лѣсъ, въ Булонскій лѣсъ или въ Венсенскій. Въ первомъ вы увидите людей, занимающихъ преимущественно верхнюю половину соціальной лѣстницы; во второмъ—преимущественно нижнюю. Но въ сущности и здѣсь, и тамъ вы увидите одно и то же: именно парочки, семьи, компаніи, которыя живутъ и даютъ жить другимъ. Громадная непринужденность, свобода, веселье, и вмѣстѣ съ тѣмъ удивительный порядокъ—удивительная благовоспитанность сказалъ бы я,—царятъ подъ деревьями, на полянахъ, гдѣ дѣти и взрослые играютъ, бѣгаютъ, лежатъ, закусываютъ, смѣются. Нѣтъ чопорной, натянутой и скучной чинности. Нѣтъ пьяныхъ; нѣтъ брани и скандаловъ. Никто не толкается, не задѣваетъ другихъ, не отравляетъ воздуха сквернословіемъ. И еще одна подробность: вмѣстѣ гуляютъ, веселятся, играютъ, проводятъ время всѣ поколѣнія. Очень часто можно видѣть семью, гдѣ дѣти, подростки, взрослые и старики находятъ удовольствіе въ обществѣ другъ, друга. У насъ, напр., молодежь всегда отобьется отъ «большихъ». «Большіе» тяготятся дѣтьми. Здѣсь же семья живетъ общей жизнью, и сообща проводитъ время. Потому что и въ семью проникъ принципъ: «живи, и жить давай другимъ».

Эта непринужденность веселья на «людяхъ», эта благопристойная и непритязательная простота, конечно, не исключительная особенность парижанъ. Весь культурный Западъ таковъ. Въ Парижѣ общее свойство лишь очень ярко выражено, и выражено, притомъ, изящно,—и потому особенно радуетъ мой глазъ, привыкшій на родинѣ къ накрахмаленной скукѣ и буйному гаму нашихъ празднествъ и гуляній.

Но я пишу все о «добродѣтеляхъ» парижанъ, о напряженномъ ихъ трудѣ, о чувствѣ достоинства, интеллигентности и жизнерадостности. Гдѣ же ихъ пороки? Они всюду, и такъ же ярки, какъ добродѣтели. И вытекаютъ они изъ общаго съ добродѣтелями источника. Кстати, это французская поговорка: Chacun a les défauts de ses qualités; у каждой добродѣтели свои недостатки. И я едва ли ошибусь, если скажу, что все отвратительное, жалкое и злое въ парижанахъ вытекаетъ изъ той же жажды жизни, которая является стимуломъ ихъ энергичнаго и яркаго существованія.

Три отрицательныхъ фигуры рисуются мнѣ на фонѣ парижской жизни. Изящный свѣтскій человѣкъ, мѣщанинъ и апашъ.

Нигдѣ на континентѣ утонченность матеріальной жизни не до-

стигли такой высокой степени, какъ въ Парижѣ. И нигдѣ не тратятъ такихъ безумныхъ денегъ,—благо ихъ много въ богатой странѣ,—на то чтобы сдѣлать жизнь нарядной. И такъ какъ наличность матеріальныхъ средствъ людей не стоитъ ни въ какомъ соотвѣтствіи со степенью духовнаго ихъ развитія, то естественно, что эта нарядность жизни—чисто матеріальная. Изящные моты и мотовки! Я жалѣю, что въ моемъ распоряженіи нѣтъ ихъ бюджетовъ, жалѣю, потому что они были бы конечно краснорѣчивѣе случайныхъ иллюстрацій, и какъ молотомъ пришибли бы простодушныхъ людей. Но что дѣлать! На нѣтъ и суда и нѣтъ, и мнѣ приходится ограничиться случайными иллюстраціями. Сколько должна приличная дама, une dame comme il faut, une dame du monde, истратить на свои наряды? Есть платья въ 500 фр., но есть платья и въ 5000 фр. Шляпы?—двадцать шляпъ въ годъ—это какъ разъ норма. Сколько онѣ могутъ стоить? Двѣ, три, пять и двадцать тысячъ франковъ. Послѣднюю цифру—двадцать тысячъ—и я имѣю изъ первоисточника, отъ шляпницы, у которой имѣется нѣсколько такихъ кліентокъ. Кто онѣ? Удачливыя демимонденки, не знающія счету денегъ? Нѣтъ, это настоящія дамы хорошаго общества, но такія, которыя хотятъ, чтобы все было по модѣ, по сезону, и все художественно и красиво. Но нельзя имѣть шляпъ на десять тысячъ въ годъ, и не имѣть всего остальнаго подъ стать. Одежда, столъ, обстановка, выѣзды, украшенія—все это рѣжетъ глазъ блескомъ и роскошью, сдержанной у настоящихъ богачей, кричащей у тѣхъ, кто тянется за ними. Стоитъ сходить на скачки въ день, когда разыгрывается Grand prix и весь «свѣтъ» и весь «полусвѣтъ» считаетъ долгомъ явиться въ трибуны, или на первое представленіе модной пьесы въ модный театръ, чтобы получить представленіе о безумной, наглой роскоши тѣхъ, кому «много дано», и объ ихъ громадномъ числѣ.

Легкомысленное и порочное тянется за «свѣтомъ». Средній человѣкъ не тянется. Онъ весь въ плѣну у мечты имѣть свой собственный приличный домъ. И хотя желаніе это и естественно и почтенно, все-таки всякому почтенному и естественному желанію есть мѣра. И эта мѣра переступается тамъ, гдѣ жизнь вообще находится подъ большимъ давленіемъ.

Нельзя ничего себѣ представить болѣе замкнутаго и изолированнаго, чѣмъ французскій мѣщанскій домъ. Его, во-первыхъ, никто не посѣщаетъ, кромѣ близкихъ родныхъ. Имѣть гостей—дорого, не по средствамъ. Принимать гостей, накормить обѣдомъ, дать чашку чая, самому съѣздить въ гости—все это расходы, которые отразятся на благоустройствѣ бонбоньерки, въ которой обитаетъ мѣщанинъ. Разъ, два раза въ годъ онъ устраиваетъ званый

вечеръ; безъ этого нельзя, вѣдь люди—не медвѣди въ берлогѣ, они живутъ въ обществѣ. На званомъ вечерѣ все очень нарядно, очень хорошо и даже безупречно. Затѣмъ—долгъ обществу уплоченъ, и люди живутъ для себя. Даже если въ домѣ имѣется молодежь, нуждающаяся въ обществѣ сверстниковъ, порогъ дома больше напоминаетъ баррикаду, чѣмъ порогъ. Не перешагнешь. Даже если въ домѣ невѣсты, перешагнуть его можетъ только тотъ молодой человѣкъ, который хочетъ жениться и считается приличной партіей.

Представьте себѣ на минуту, что вамъ 25—30 лѣтъ, что вы парижанинъ и познакомились гдѣ-нибудь съ семействомъ, гдѣ есть дочь, васъ заинтересовавшая. Вы дѣлаете визитъ—васъ принимаютъ любезно. Другой—на васъ смотрятъ внимательно и собираютъ справки. Если справки неблагопріятны, васъ въ третій разъ не примутъ. Благопріятны—примутъ, и случится такъ, что вы очутитесь глазъ на глазъ съ хозяйкой дома. Серьезная, любезная и спокойная, она сядетъ съ вами въ гостиной, и, скажетъ спокойно, какъ самую обыкновенную вещь:

— Скажите теперь, monsieur, какія ваши намѣренія?

— Я хотѣлъ бы жениться,—отвѣтите вы.

Тогда вамъ ласково улыбнутся, поговорятъ съ вами о вашихъ дѣлахъ, надеждахъ, родныхъ, ожидаемыхъ наслѣдствахъ, провѣрятъ полученныя свѣдѣнія, и разрѣшатъ посѣщать домъ на полужениховскомъ положеніи, чтобы дать вамъ возможность присмотрѣться и примѣриться, и присмотрѣться и примѣриться самимъ.

Но Боже васъ упаси сказать, что никакихъ особыхъ намѣреній у васъ нѣтъ и что вы ходите потому, что въ этомъ домѣ вамъ пріятно. Вамъ улыбнутся въ отвѣтъ, тихонько пожмутъ плечами, и слѣдующій разъ горничная скажетъ вамъ, что никого нѣтъ дома. И подѣломъ. Не шляйся зря, не отнимай времени, не причиняй расходовъ, и не компрометируй молодыхъ дѣвушекъ разговорами, что, вотъ, ходилъ, ходилъ, и пересталъ: должно быть не хороша.

Въ самомъ Парижѣ, гдѣ люди живутъ въ квартирахъ многоэтажныхъ домовъ, замкнутость мѣщанской семьи на такъ бросается въ глаза. Но стоитъ выѣхать за фортификаціи, въ пригороды, гдѣ одни на лѣто, а другіе и круглый годъ живутъ въ небольшихъ особнячкахъ—и вы тотчасъ же очутитесь въ странѣ высокихъ каменныхъ оградъ и плотныхъ желѣзныхъ рѣшетокъ, заплетенныхъ вьющейся розой, плющемъ и дикимъ виноградомъ. Иногда въ открытую калитку, въ случайный просвѣтъ трельяжа, вы увидите маленькій земной мѣщанскій рай—цвѣты, газоны, усыпанныя гравіемъ дорожки, вазы, скульптуру и нарядный домикъ. Но это только

случайно. Все на запорѣ, все закрыто и завѣшено отъ людей. On est chez soi. Часто на гребень каменнаго забора, окружающаго владѣнія, положены гвозди, осколки стеколъ. Иногда удается прочитать написанную на выставленной доскѣ надпись: «il y a des pièges»,—«есть капканы». Ходишь и только удивляешься. Для чего капканы, гвозди и битое стекло, для чего крѣпостныя стѣны, чуть-чуть что не башни, рвы и бойницы въ спокойныхъ, благоустроенныхъ резиденціяхъ мѣщанъ? И какъ согласить это неудержимое стремленіе отгородиться отъ людей съ общительностью и умѣньемъ быть въ обществѣ? Но жизнь полна противорѣчій: отъ нихъ не свободна и практика мѣщанскаго индивидуализма.

Третья изъ отрицательныхъ фигуръ Парижа—апашъ.

Въ большинствѣ случаевъ апашъ — это не хитровецъ, не человѣкъ раздавленный житейскими неудачами, нуждой и безработицей, не «бывшій человѣкъ», потерявшій энергію, спившійся и опустившійся. Апашъ, въ большинствѣ случаевъ, хищникъ, но дѣйствующій не подъ покровомъ «общественнаго порядка», подобно тысячамъ «акулъ» современнаго общества, а хищникъ, находящійся въ постоянной контроверзѣ съ «общественнымъ порядкомъ». Тамъ, гдѣ видъ громадныхъ богатствъ, безумной роскоши раздражаетъ, гдѣ вкусъ къ удовольствію, къ нарядной и широкой жизни проникаетъ въ массы, гдѣ трудъ тяжелъ и въ то же время даетъ средства лишь для очень скромнаго существованія,—тамъ неизбѣжно появляется апашъ, человѣкъ, ищущій помимо труда средствъ къ легкой жизни. Помимо труда—значитъ вообще путемъ преступленія. Апашъ—всегда воръ, часто грабитель, очень часто сутенеръ. Дѣйствовать въ одиночку трудно, и потому апаши организуются. Это своего рода тайное общество, очень замкнутое, съ строгой дисциплиной, съ нравами и обычаями, выработанными жизнью, съ своимъ особымъ кодексомъ поведенія, долга и чести. Чтобы быть членомъ этой разбойничьей ассоціаціи, надо обладать извѣстными душевными качествами. Мало быть лѣнивымъ и падкимъ на удовольствія жизни: надо быть смѣлымъ, дерзкимъ, пренебрегать опасностью, обладать своего рода героизмомъ. И все это мы находимъ въ мірѣ апашей, уродливомъ коррелятивѣ блестящаго и упорядоченнаго буржуазнаго общества. Сколько апашей въ Парижѣ — сказать трудно; никто ихъ не считалъ, и узнать ихъ по виду не всегда легко. Но ихъ немало. Чтобы со стороны посмотрѣть на этотъ міръ инстинктивныхъ бунтарей противъ порядка и «добрыхъ нравовъ», лучше всего отправиться вечеромъ въ кафэ и «бары» нѣкоторыхъ кварталовъ Парижа, преимущественно тѣхъ, гдѣ живетъ скученно бѣдное населеніе, или гдѣ по ночамъ шумитъ и коло-

бродитъ гулящій Парижъ, т. е. по преимуществу заѣзжій иностранецъ. Охотно ходятъ также смотрѣть апашей по ночамъ въ окрестности «Брюха Парижа». «Брюхо Парижа»—центральный рынокъ, окруженный сѣтью узкихъ и тѣсныхъ уличекъ и переулковъ,—кипитъ по ночамъ оживленной жизнью. Со всѣхъ вокзаловъ желѣзныхъ дорогъ, изъ всѣхъ окрестностей Парижа съѣзжаются сюда громадныя колымаги, полныя овощей, мяса, рыбы, всевозможныхъ пищевыхъ продуктовъ, нужныхъ чтобы насытить громадный городъ. Тысячи людей, лошадей и возовъ, безостановочное движеніе. Горы наваленныхъ на улицахъ мѣшковъ, баррикады тыквъ, крикъ и гомонъ при тускломъ свѣтѣ фонарей; всю ночь открыты кабаки, бары и рестораны. Естественно, что сюда стекаются всѣ любители ночной жизни,—а слѣдовательно и разнузданный и безпорядочный апашъ. Тѣмъ болѣе, что въ суетѣ людской, подъ покровомъ мрака ночи можно и поживиться.

Каждый разъ когда мнѣ приходилось попадать ночью въ окрестности Центральнаго рынка и заходить въ ночныя кафэ, мнѣ бросался въ глаза особый характеръ публики. Съ одной стороны грубый деревенскій людъ, огородники, возчики и т. п., съ другой—особый, дерзкій и наглый народъ, въ общемъ одѣтый не плохо, часто хорошо, но невольно возбуждающій чувство опасенья. Это безыдейные «враги общества»,—апаши. Ихъ будетъ и впредь тѣмъ больше, чѣмъ глубже въ буржуазное общество будетъ проникать практическій гедонизмъ.

Все это, конечно, пятна на солнцѣ. Но солнце отъ пятенъ не перестаетъ быть солнцемъ. Такъ и Парижъ. Сколько бы отрицательныхъ сторонъ мы въ немъ ни нашли, все-таки онъ остается городомъ напряженной жизни, напряженнаго труда физическаго и умственнаго, напряженныхъ исканій. Трудъ же и исканіе — та почва, на которой вырастаютъ лучшая жизнь и творческія идеи. Какія же творческія идеи, обѣщающія лучшую жизнь, крѣпнутъ въ современномъ Парижѣ?

Подвести итогъ духовной жизни умственнаго центра великой страны не легко. Указать направленіе основного умственнаго теченія? Но и для этого надо глубоко и основательно знать жизнь народа. Взять на себя отвѣтственность за правильность такого идейнаго подсчета я не рѣшаюсь. Вы позволите мнѣ, поэтому, заслониться авторитетомъ и сослаться на мнѣніе компетентнаго свидѣтеля и судьи—профессора Сорбонны Дюркгейма, крупнѣйшаго соціолога Франціи, уважаемаго и вліятельнаго члена профессорской

коллегіи. На одной конференціи Дюркгейма, на которой мнѣ пришлось присутствовать, онъ говорилъ:

— Когда двадцать пять лѣтъ тому назадъ мы, т. е. я и мои товарищи, окончили университетъ, мы были въ большинствѣ республиканцами и демократами, но въ нашихъ соціальныхъ воззрѣніяхъ были далеки отъ соціализма. Мнѣ лично долго пришлось послѣ того жить въ провинціи и не встрѣчаться съ бывшими товарищами. Когда, вернувшись въ Парижъ, я встрѣтилъ вновь многихъ изъ нихъ, я съ нѣкоторымъ изумленіемъ замѣтилъ, что почти всѣ мы продѣлали одну и ту же эволюцію,—всѣ мы стали соціалистами. Скажу болѣе. Все наше поколѣніе—я говорю про интеллигенцію, про людей умственнаго труда,—и всѣ послѣдующія поколѣнія болѣе или менѣе глубоко пропитаны идеями соціализма. Это признакъ времени. Что надо понимать подъ идеей соціализма?—продолжалъ Дюркгеймъ.—Соціализмовъ, говорятъ, много: научный, реформистскій, революціонный, соціализмъ гуманитарный, соціализмъ классовый, и каждый имѣетъ свои идеи. Но чтобы обнаружить основную идею великаго теченія, развѣтвленія котораго только что перечислены, надо отвлечься отъ различій и найти то общее, что въ нихъ есть. И это общее есть мысль о глубокой общественной реформѣ, которая замѣнила бы индивидуалистическую анархію общественно-цѣлесообразной организаціей. Обобществленіе орудій труда—дѣло будущаго; но первые шаги къ нему сдѣланы. Обобществленіе жизни совершается постепенно и неуклонно. Безостановочно «человѣческая новь» организуется въ синдикаты и ассоціаціи. Безостановочно растутъ прерогативы государства, представляющаго общественный коллективъ. Цѣлый рядъ общественныхъ службъ перешелъ и переходитъ въ завѣдываніе и подъ контроль государства: передвиженіе, сношенія, дѣло образованія и воспитанія. Очевидно, мы стоимъ предъ могучимъ, все охватывающимъ соціальнымъ процессомъ обобществленія жизни. Соціализмъ есть его наиболѣе послѣдовательное и законченное выраженіе. Я не могу, поэтому,—говорилъ далѣе Дюркгеймъ,—считать его классовымъ движеніемъ. Конечно, рабочій классъ вообще, и пролетаріатъ въ частности, подготовленъ самымъ соціальнымъ положеніемъ своимъ и своими интересами къ усвоенію соціалистической идеи, такъ какъ она даетъ смыслъ, содержаніе и соціальную цѣль его ежедневной борьбѣ за лучшую жизнь. Но соціализмъ не составляетъ монополіи класса—и это къ счастью, такъ какъ осуществленіе его вопреки интересамъ и съ сопротивленіемъ другихъ классовъ было бы, можетъ быть, сомнительнымъ. Идея соціализма, тысячами путей и опираясь на множество практическихъ соображеній, проникаетъ во всѣ классы

общества и хотя медленнѣе, чѣмъ пролетаріатъ, но проникаетъ и въ буржуазію. Поэтому-то и можно считать соціализмъ основной идеей нашей эпохи, постепенно, но неуклонно завоевывающею міръ до полнаго господства.

О мірѣ, можетъ быть, говорить рано. Но о Парижѣ—можно. И это доказывается тѣмъ, что Парижъ, центръ и сосредоточіе богатства, знати всякаго рода и власти, даетъ три четверти принадлежащихъ ему парламентскихъ мандатовъ соціалистамъ. Нельзя, поэтому, сказать, что у наряднаго, шумнаго, кипучаго и упорно работающаго Парижа нѣтъ своей великой идеи.

Существуетъ представленіе о парижанкѣ, какъ о существѣ легкомъ, граціозномъ, вѣтреномъ, чтобы не сказать болѣе. Это представленіе поддерживается въ значительной степени литературой. Французскій романъ, французская сцена, удовлетворяя спросу на пряно-веселое, съ удивительнымъ упорствомъ выводятъ женщину, все содержаніе жизни которой—адюльтеръ. Въ то же время внѣшній видъ парижской улицы даетъ намъ образъ граціозной, нарядной, веселой женщины. Изъ этихъ двухъ, отчасти поверхностныхъ впечатлѣній и складывается ходячее представленіе. А такъ какъ въ то же время французская женщина была до послѣдняго времени лишена имущественныхъ правъ, да и теперь ограничена въ нихъ, мало училась, оказывала удивительное равнодушіе къ феминизму, то взглядъ на нее, какъ на «украшеніе» дома, отъ скуки занимающейся амурами, не встрѣчалъ ни сопротивленія, ни возраженія. Но взглядъ этотъ совершенно невѣренъ.

Есть, конечно, общественный слой, гдѣ дѣвушка воспитывалась прежде и отчасти воспитывается теперь за четырьмя стѣнами,—монастырскими, когда ихъ было много, семейными въ настоящее время. Но выйдя въ жизнь изъ монастыря или изъ семейнаго затвора, дѣвушка во Франціи вовсе не изображаетъ изъ себя сильфиду даже въ зажиточныхъ слояхъ населенія. Какъ правило, въ дѣловомъ мірѣ,—а кто же въ настоящее время не принадлежитъ къ нему?—и женщина занимается дѣломъ, иногда семейнымъ, домашнимъ хозяйствомъ, иногда принимая то или иное участіе въ дѣлѣ мужа. И работаетъ она такъ же, какъ и мужчина, прилежно, быстро и четко. Но, конечно, въ богатыхъ кругахъ женской праздности во Франціи такъ же много, какъ и въ любой другой странѣ Европы. Чтобы составить себѣ представленіе о женщинѣ вообще, надо спуститься ступенькой ниже, потомъ еще ниже. И тутъ мы увидимъ, что женщина не украшаетъ собою только домъ, но и работаетъ повсюду

и, главное, умѣетъ работать. Случай познакомилъ меня, напр., съ вдовою крупнаго чиновника, служившаго предъ смертью директоромъ кабинета министра иностранныхъ дѣлъ. Пенсіи вдова не получила. Состояніе было небольшое; дѣтей двое. Раскинувъ умомъ, вдова крупнаго чиновника купила себѣ пай въ большой красильнѣ и вошла сама въ дѣло, отдала ему все свое время, улучшила его, развила, скупила остальные паи, стала его полной хозяйкой, скопила деньги, настроила теперь дачъ въ Динанѣ, и говоритъ:

— Теперь мнѣ старость не страшна, и для дѣтей кое-что есть.

Мнѣ хотѣлось выяснить—представляетъ ли она въ нѣкоторомъ родѣ исключеніе, или же такихъ дѣятельныхъ и дѣловыхъ женщинъ много въ ея средѣ.

— Я почти не знаю женщинъ, которыя сидѣли бы сложа руки. Конечно, въ молодости надо повеселиться. Потомъ, когда дѣти малы—они берутъ много времени. Но вѣдь надо же чѣмъ-нибудь занимать свое время. Да и о средствахъ надо думать. А вы все думаете, что мы, француженки, эфирныя созданія?!

Спускаемся внизъ, въ среднюю и мелкую буржуазію, занятую торговлей, ремесломъ, подрядами. Здѣсь семья—настоящая трудовая ассоціація. За кассой—женщина, за счетными книгами—она, за прилавкомъ—она. Хорошо одѣтая, веселая, говорливая, любезная, энергичная, она—не менѣе важное колесо промышленной и трудовой жизни, чѣмъ мужчина. Въ семьѣ же—таково мое впечатлѣніе—она командуетъ. Съ годами, пріобрѣтая embonpoint, атуры, карминный цвѣтъ лица и сугубую рѣшительность маперъ, она имѣетъ даже пожалуй устрашающій видъ. Я всегда съ особой осторожностью бесѣдую съ дамами, возсѣдающими за своими конторками въ большихъ парижскихъ halls и вспоминаю при этомъ тѣхъ грозныхъ демократокъ, которыя, согласно преданію окружали во время террора гильотину и дѣловито вязали чулки, наблюдая, какъ работаетъ «вдова». Опасныя дамы, а не вѣтреныя и граціозныя.

Вѣтрены и граціозны, но къ сожалѣнію далеко не всѣ,—я говорю о граціозности,—дочери народа, многочисленныя мидинетки:—работницы, конторщицы, дочери мелкихъ буржуа и рабочихъ, наполняющія магазины, мастерскія и отели. Не граціозны, потому что тяжелый сидячій трудъ портитъ ихъ фигуры и сгоняетъ краски съ лица. Въ противуположность дебелымъ лавочницамъ и хозяйкамъ, прикащицы и работницы въ большинствѣ тонки, хрупки и... вѣтрены. И часто вѣтрены поневолѣ. La vie est dure. Жить тяжело. Женскій заработокъ не великъ. То, что не блекнетъ совершенно отъ чрезмѣрнаго труда, ищетъ поэтому «подсобнаго заработка». И я не знаю, чья участь печальнѣе—тѣхъ ли хорошенькихъ, которыя

этотъ заработокъ находятъ, или тѣхъ, для которыхъ онъ недоступенъ по безобразію и уродству. Въ рабочихъ кварталахъ поражаетъ число полукарлицъ, недоразвитыхъ, слабосильныхъ дѣвушекъ жалкихъ существъ, замученныхъ слишкомъ интенсивной трудовой жизнью. Видимо тяжесть труда, слишкомъ рапняго и слишкомъ напряженнаго, хуже переносится болѣе нѣжнымъ организмомъ женщины.

Въ общемъ парижанка менѣе образована, чѣмъ парижанинъ,— прежде всего подъ вліяніемъ того скуднаго образованія, которое она получаетъ въ школѣ. Окончивъ школу, занятая хозяйствомъ и дѣтьми, она не имѣетъ времени ходить по лекціямъ, вечернимъ курсамъ и общественнымъ собраніямъ. Кругъ ея идей уже. Но именно поэтому можно судить по ней о силѣ многовѣковой культуры, пропитывающей всю общественную среду. Иначе какъ же объяснить изящную выдержанность, чувство собственнаго достоинства и ловкость въ трудѣ дочери парижскаго народа?

Постоянное число иностранцевъ, населяющихъ Парижъ, превышаетъ триста тысячъ. Нельзя, поэтому, говорить о Парижѣ, не упоминая о нихъ. Часть иностранцевъ живетъ въ Парижѣ по долгу и составляетъ осѣдлую часть колоніи; другая вѣчно смѣняется, наплывая со всѣхъ странъ свѣта и уплывая послѣ кратковременнаго пребыванія.

Осѣдлые иностранцы принадлежатъ къ нѣсколькимъ общественнымъ группамъ. Это во-первыхъ, люди богатые, свободные, которымъ нравится жизнь въ Парижѣ. Елисейскія поля заселены, напр., англичанами и американцами. Ихъ колоніи многочисленны и богаты, и для парижскихъ лавочниковъ это желанные гости. Затѣмъ идетъ учащаяся молодежь: студенты, студентки, художники. Нѣтъ, кажется, націи, которая не имѣла бы въ этой группѣ своихъ представителей; мы находимъ здѣсь южноамериканцевъ и турокъ, японцевъ и грековъ. Окунувшись одновременно во французскую науку и въ оживленную жизнь парижской улицы, они развезутъ потомъ по всему свѣту славу французской культуры и нѣкоторую часть французскихъ идей. Этимъ путемъ, въ ряду другихъ, создается моральное вліяніе Франціи.

Наконецъ третью категорію составляютъ эмигранты, преимущественно политическіе. Издавна, со временъ великой французской революціи, Франція давала у себя пріютъ тѣмъ, кому, вслѣдствіе политическихъ преслѣдованій, становилось тѣсно дома. По очереди иногда одновременно, Парижъ видѣлъ въ своихъ стѣнахъ эмигран-

товъ изъ всѣхъ почти континентальныхъ государствъ. Теперь, когда въ большинствѣ европейскихъ государствъ установился правовой режимъ, число эмигрантовъ въ Парижѣ упало, и единственной крупной эмигрантской колоніей является русская. Кромѣ нея можно отмѣтить развѣ небольшія колоніи испанцевъ и старо-турокъ. Русскіе эмигранты насчитываются тысячами. Сколько тысячъ? Я не знаю. Статистики нѣтъ. Иные считаютъ, что шесть; другіе полагаютъ, что ихъ значительно больше десяти тысячъ. Несомнѣнно одно: ихъ очень много. Судить объ этомъ можно по тому, что во многихъ лѣвобережныхъ кварталахъ Парижа русскій языкъ приходится слышать на улицахъ на каждомъ шагу.

Живетъ русская эмигрантская колонія въ Парижѣ очень бѣдно, безъ связей съ французской жизнью, безъ общенія съ французскимъ обществомъ. Это и понятно. Въ массѣ она не обладаетъ въ достаточной степени орудіемъ общенія, языкомъ, а съ другой стороны мало участвуетъ въ трудовой жизни страны. И для этого есть достаточныя основанія: люди интеллигентныхъ профессій рѣдко обладаютъ знаніемъ ремеслъ, техническими знаніями вообще; русскіе рабочіе, въ общемъ, ниже, по производительности труда, французскихъ. Прибавьте сюда полное незнаніе языка рабочими, и станетъ понятнымъ почему имъ долго приходится бѣдствовать прежде чѣмъ пристроиться къ какому-либо прочному заработку. Большая часть колоніи живетъ, поэтому, скудными присылками съ родины, и лишь въ послѣднее время возникъ рядъ попытокъ собственными усиліями выйти изъ этого тягостнаго положенія. Возникли разнообразные курсы и школы, поставившіе своей задачей дать русскому эмигранту съ одной стороны—знаніе языка, съ другой—профессіональныя знанія. Къ числу послѣднихъ школъ принадлежатъ техническіе курсы, организованные кружкомъ частныхъ лицъ при участіи «Общества русскихъ инженеровъ» въ Парижѣ, «Эмигрантской кассы»—филантропической организаціи, существующей много лѣтъ,—и эмигрантскаго «Бюро труда». Для этого хорошаго дѣла удалось привлечь частныя пожертвованія и теперь курсы, съ двумя отдѣленіями, слесарнымъ и электротехническимъ, стоятъ довольно прочно, переполнены учащимися и служатъ колоніи хорошую службу.

Гораздо большее вліяніе на физіономію жизни Парижа оказываютъ тѣ милліоны иностранцевъ, волны которыхъ безостановочно вливаются въ стѣны «самаго веселаго города въ мірѣ». Имъ Парижъ, конечно, рисуется преимущественно подъ знакомъ веселья. И это естественно. Иностранцы растрачиваютъ въ Парижѣ милліоны, если не милліарды, и Парижъ ревностно заботится о томъ, чтобы этотъ золотой потокъ не оскудѣвалъ. Онъ запускаетъ въ карманы,

своихъ гостей тысячи помпъ и выкачиваетъ изъ нихъ золото всѣми возможными и невозможными способами, конечно, все время увеселяя ихъ. Пойдите въ большіе театры, въ нарядные кафэ-концерты, въ многочисленные кабарэ,—большая часть публики всегда иностранцы. Для кого въ Moulin-Rouge, въ антракты, въ особыхъ низкихъ боковыхъ комнаткахъ, устланныхъ восточными коврами, за плату въ 1 франкъ (!) танцуютъ нагія одалиски, и нагія же негритянки устраиваютъ танецъ живота? Для иностранцевъ. Для кого въ кабарэ «Ода» кривляются черти, а въ кабарэ «Рой»—полунагіе и нагіе ангелы отмачиваютъ до умопомраченія скабрезныя штуки? Для иностранцевъ. Для иностранцевъ въ подвалахъ другого кабарэ идутъ дьявольскія мессы. Для иностранцевъ—отели, какъ дворцы, удивительныя выставки въ магазинахъ, вѣчный безумный ночной праздникъ на «внѣшнихъ бульварахъ». Отнимите у Парижа иностранцевъ—и улицы его сразу опустѣютъ, исчезнетъ на лицѣ его вѣчная галантная улыбка, оборвется ночной разнузданный карнавалъ, буржуа закричитъ, что жить не на что, и сразу откроется истинное лицо Парижа—серьезное, дѣловитое и красивое. Но нѣтъ той силы, которая могла бы прекратить этотъ вѣчный приливъ иностранцевъ, и потому Парижъ, какъ Янусъ, будетъ многоликъ. И, смотря по точкѣ зрѣнія, онъ будетъ являться намъ подъ разными видами: то громаднаго рабочаго улья, то очага пламенныхъ идей, то всесвѣтнаго кабака. Оттого-то и будутъ жить, рядомъ съ первичнымъ названіемъ «добраго города Парижа», позднѣйшія наименованія: «городъ-свѣточь» и «всемірный Вавилонъ».

Бѣлоруссовъ.

ПИСЬМО ИЗЪ АВСТРІИ.

Только что закончившійся австрійско-нѣмецкій соціалдемократическій конгрессъ замѣчателенъ уже по мѣсту, гдѣ онъ состоялся. До сихъ поръ для партейтаговъ выбирались города, являющіеся центрами промышленныхъ областей. На этотъ разъ былъ выбранъ Инсбрукъ, главный городъ Тироля, окруженный кольцомъ чудныхъ, величественныхъ горъ, но служащій центромъ самаго закоренѣлаго католическаго обскурантизма, самаго полнаго умственнаго застоя. Было время, когда въ долинахъ Тироля вѣялъ духъ свободы, когда ти-

рольскіе крестьяне, какъ одинъ человѣкъ, поднимались на защиту своей политической и духовной независимости, когда борцы за религіозную и политическую свободу изъ другихъ странъ находили здѣсь пріютъ и убѣжище. Но это было давно—еще во времена реформаціи. Тироль былъ тогда одной изъ богатѣйшихъ странъ въ Европѣ; его горы изобиловали серебромъ; торговая дорога, связывавшая Германію съ Востокомъ, вела по альпійскимъ долинамъ; народъ жилъ въ довольствѣ и крѣпко стоялъ за свои освященныя вѣками права. Постепенно картина измѣнилась. Естественныя богатства страны истощались, окрѣпшіе государственные устои Австріи превратили вольную область въ скромную провинцію; католичество, восторжествовавшее надъ реформаціей, наложило желѣзную узду на духовную жизнь народа; торговый путь изъ средней Европы на Востокъ былъ передвинутъ къ Средиземному морю. И въ послѣднія сто лѣтъ съ именемъ Тироля было связано представленіе о бѣдности и крайней духовной отсталости. Ни одна новая мысль, ни одно вѣянье свободы, носившіяся въ серединѣ прошлаго столѣтія по Европѣ, не проникали за высокую стѣну тирольскихъ Альпъ, гдѣ на склонахъ паслись убогія стада, а въ долинахъ обѣднѣвшіе крестьяне безвольно и бездумно несли возложенное на нихъ ярмо. Послѣднія десятилѣтія всколыхнули, однако, и это царство застоя. Желѣзныя дороги внесли струю новой жизни въ страну; красота природы стала притягивать тысячи туристовъ, возвращающихъ долинамъ то серебро, которое взято было когда-то изъ нѣдръ горъ. Это измѣнило условія жизни не только города, но и деревни. Въ населеніе стали проникать новыя стремленія и новыя мысли. Около тридцати лѣтъ тому назадъ началась первая организаціонная работа среди тирольскаго пролетаріата (первая организація сформировалась изъ желѣзно-дорожныхъ рабочихъ и служащихъ). Она шла очень медленно, но все же двигалась впередъ. Теперь Инсбрукъ имѣетъ ежедневную рабочую газету, и какъ разъ во время конгресса инсбрукскіе соціалъ-демократы праздновали открытіе собственной паровой хлѣбопекарни, устроенной со всѣми усовершенствованіями новѣйшей техники. Такимъ образомъ, уже самый тотъ фактъ, что въ сердцѣ Тироля, бывшаго такъ долго оплотомъ клерикализма и безмыслія, засѣдалъ конгрессъ рабочей партіи, представляетъ собою несомнѣнно интересное явленіе.

Не только мѣсто, но и время партейтага носило особую печать. Недавнія событія въ Вѣнѣ, когда мирная сначала демонстрація противъ общей дороговизны неожиданно приняла характеръ возстанія, стоившаго четырехъ человѣческихъ жертвъ, и послѣдовавшій затѣмъ драконовскій судъ, присоединившій къ этимъ жертвамъ

цѣлый рядъ новыхъ, еще не успѣли отойти въ область прошлаго. Вздорожаніе предметовъ первой необходимости, тяготѣющее надъ малоимущею частью населенія, особенно чувствительно для рабочей массы, и вопросъ о борьбѣ съ этимъ зломъ не потерялъ своей остроты отъ жестокихъ мѣръ, принятыхъ противъ демонстрантовъ 17-го сентября. Говоря, на конгрессѣ, объ этихъ мѣрахъ, глава австрійскихъ соціалъ-демократовъ, Викторъ Адлеръ, воскликнулъ: «Гнетъ нужды даетъ себя чувствовать далеко за предѣлами рабочаго сословія. Лежащіе надъ пролетаріатомъ средніе слои общества также стонутъ отъ дороговизны; потребность противодѣйствія ей пробуждается и въ нихъ. Министръ-президентъ объяснилъ «энергичныя мѣры», принятыя 17-го сентября, тѣмъ, что ему стала понятной вся опасность положенія. Что же онъ сдѣлалъ? Онъ натравилъ судей на бѣдныхъ жертвъ—и больше ничего... Мы не должны скрывать отъ себя, что намъ скоро придется удвоить наши силы и нашу неустрашимость»...

Рефератъ по вопросу о вздорожаніи предметовъ первой необходимости и квартиръ представилъ Отто Бауэръ, извѣстный и въ Россіи теоретикъ австрійской с.-д. партіи. Онъ раскрылъ органическую связь между общими условіями страны—аграрными, промышленными и политическими — и даннымъ вопросомъ. Онъ указалъ на нераціональное веденіе сельскаго хозяйства, вслѣдствіе чего аграрная, по преимуществу, страна, какою является, несмотря на развитіе индустріи, Австро-Венгрія, не въ состояніи прокормить собственное населеніе и принуждена прибѣгать къ ввозному хлѣбу. Не истощенность земли, не недостаточность ея, а исключительно устарѣлый способъ обработки является причиной этого явленія. Какой абсурдъ, съ точки зрѣнія національнаго хозяйства—предоставить продовольствіе всего народа на личный произволъ самой бѣдной, самой невѣжественной и самой отсталой части населенія!.. Съ помощью новѣйшей науки—химіи, техники и политической экономіи—возможно достигнуть въ сельскомъ хозяйствѣ неслыханныхъ результатовъ; но кто въ дѣйствительности пользуется указаніями аграрной науки? Крестьяне не въ состояніи ими пользоваться не только по незнанію, но и по бѣдности. А крупные землевладѣльцы? Австро-Венгрія имѣетъ огромное число крупныхъ и даже крупнѣйшихъ помѣщиковъ, но они находятъ гораздо болѣе выгоднымъ использовать свои владѣнія для разведенія лѣса и для сѣянія техническихъ растеній. А какіе огромные участки земли пропадаютъ непроизводительно, служа своимъ владѣльцамъ исключительно для удовольствій охоты..!

Говоря о вздорожаніи сахара и объ устройствѣ синдиката, диктующаго цѣны на этотъ продуктъ, Бауэръ разъяснилъ зна-

ченіе и роль синдикатовъ вообще. Синдикаты являются логическимъ и естественнымъ результатомъ капитализма на той ступени развитія, какой онъ достигъ въ настоящее время въ Европѣ. Бауэръ указалъ на полную невозможность, при существующихъ хозяйственныхъ условіяхъ, устранить, или сколько-нибудь чувствительно ослабить вредъ причиняемый синдикатами потребителямъ. Съ неотразимой ясностью указалъ референтъ на неразрывную связь между неимовѣрно возрастающими квартирными цѣнами и общими земельными условіями. Не отрицая необходимости той борьбы, которую ведетъ соціалъ-демократія въ парламентѣ и внѣ его противъ всѣхъ этихъ золъ, Бауэръ видитъ однако въ предлагаемыхъ ею мѣрахъ лишь палліативы.

Бауэру возражали два депутата рейхсрата, Элленбогенъ и Рейманъ. Съ нѣкоторымъ раздраженіемъ они выставили на видъ принципіальную и практическую важность тѣхъ мѣръ, которыя Бауэръ считаетъ палліативами. Указавъ на успѣхи, достигнутые благодаря закону, ограничивающему произволъ картелей, Элленбогенъ съ ироніей испытаннаго въ политической практикѣ дѣятеля воскликнулъ:— «Бауэръ доказалъ намъ, что корень зла лежитъ въ капиталистическомъ строѣ современнаго хозяйства. Въ этой истинѣ никто изъ насъ не сомнѣвается. Откладывать, однако, рѣшеніе жизненно важныхъ вопросовъ до того момента, когда съ исчезновеніемъ капитализма исчезнутъ и связанныя съ нимъ болѣзненныя общественныя явленія, было бы не только долго, но и опасно». Одинъ изъ членовъ конгресса внесъ предложеніе отпечатать рефератъ Бауэра въ видѣ отдѣльной агитаціонной брошюры. Онъ мотивировалъ это предложеніе тѣмъ, что вопросъ объ общей дороговизнѣ, причины которой совершенно неясны и непонятны массѣ, подавляюще дѣйствуетъ на все настроеніе рабочей среды. Выясненіе связи между этимъ явленіемъ и общими условіями капиталистическаго хозяйства полезно какъ въ идейномъ, такъ и въ практическомъ смыслѣ.

Самой существенной и самой важной частью программы конгресса былъ, третій ея пунктъ: «Отношеніе нѣмецкой соціалъ-демократіи къ братскимъ партіямъ въ Австріи». На этомъ пунктѣ сосредоточивалось все вниманіе не только членовъ конгресса, но и всѣхъ австрійскихъ соціалистовъ, безъ различія національности и оттѣнковъ. Здѣсь дѣло шло о судьбахъ общей австрійской соціалъ-демократіи, поскольку она представляетъ собою интернаціоналъ въ интернаціоналѣ. Дѣло въ томъ, что роковая болѣзнь Австріи— національная борьба и національное соперничество,—уже давно, медленно, но неудержимо, разрушающая внутреннюю жизнь этой страны, въ послѣдніе годы внесла ядъ своего разложенія и въ

соціалъ - демократическую партію. До послѣднихъ лѣтъ австрійская рабочая партія, скроенная изъ весьма различныхъ народностей, умѣла, несмотря на всѣ трудности, удержаться на почвѣ интернаціонализма. Это была въ большой степени заслуга умѣлой и умной политики центральнаго комитета, засѣдающаго въ Вѣнѣ, а прежде всего заслуга Виктора Адлера. Тонкій психологъ и дипломатъ по натурѣ, дальновидный политикъ, съ головой горячей и трезвой въ одно и то же время, Адлеръ однимъ обаяніемъ своей личности сглаживалъ неровности и устранялъ недоразумѣнія. Но, живя въ Вѣнѣ, онъ, несмотря на весь свой умъ и дальновидность, не съумѣлъ во время или въ достаточной степени оцѣнить оппозиціонное настроеніе въ отдѣльныхъ частяхъ своей арміи. Какъ бы то ни было, ходъ вещей оказался сильнѣе умной политики Адлера и умныхъ національно-политическихъ построеній теоретиковъ партіи—Бауэра и Реннера, уже давно занимающихся разрѣшеніемъ національнаго вопроса въ Австріи. Первая трудность этого вопроса состоитъ въ томъ, что онъ въ сущности неразрѣшимъ—такъ же неразрѣшимъ, какъ «неразрѣшимы» для больного ракъ или чахотка. Вторая трудность его въ томъ, что его необходимо «рѣшать», нѣтъ возможности его игнорировать или обойти. Приходится рѣшать завѣдомо неразрѣшимое, лѣчить завѣдомо неизлѣчимое.... Что содѣйствовало обостренію вопроса до его теперешнихъ рѣзкихъ формъ — въ данную минуту опредѣлить трудно. Чехи обвиняютъ нѣмцевъ—т. е. центральный комитетъ въ Вѣнѣ—въ игнорированіи чешскихъ національныхъ интересовъ; нѣмцы, повидимому, съ гораздо большимъ правомъ и основаніемъ ставятъ чехамъ въ вину игнорированье интересовъ пролетаріата изъ-за узко національныхъ соображеній. Несомнѣнно одно: своихъ успѣховъ австрійская рабочая партія достигла только благодаря крѣпкой объединенности всѣхъ своихъ частей. Нѣмецкая соціалъ-демократія въ Австріи одна на своихъ плечахъ вынесла все рабочее движеніе; она была матерью и колыбелью австрійскаго интернаціонала. Но несомнѣнно также и то, что вмѣстѣ съ ростомъ и укрѣпленіемъ партіи росли и укрѣплялись ея отдѣльныя части и, по неизбѣжной логикѣ развитія, стремились занять самостоятельное положеніе. Этотъ процессъ уклоненія отъ центра проявлялся въ чешской соціалъ-демократіи уже давно, и съ нимъ долго считались въ Вѣнѣ, поскольку это согласовалось съ цѣльностью общеавстрійской партіи. Пока дѣло шло о стремленіи чеховъ къ національному обособленію *политическихъ* организацій — мирное рѣшеніе вопроса было дѣломъ не особенно труднымъ. Но чехи внесли вопросъ о національномъ раздѣленіи въ *профессіональныя* организаціи—и это послужило сигналомъ къ открытой борьбѣ, такъ какъ подобнымъ

раздѣленіемъ нарушаются, и принципіально, и практически, устои австрійскаго рабочаго движенія.

На этой почвѣ росъ и обострялся «чешскій вопросъ» внутри партіи. Съ полнымъ правомъ гордясь своими успѣхами, чехи стали относиться къ нѣмецкой партіи и къ центральному комитету—незамѣтно можетъ быть для самихъ себя—какъ къ непріятному опекуну, не считаясь съ тѣмъ, что подъ опекой нѣмцевъ создалось и укрѣпилось ихъ собственное движеніе. Интересны въ этомъ отношеніи слова, сказанныя извѣстнымъ польскимъ лидеромъ Дашинскимъ и сербо-кроатскимъ соціалистомъ Деметровичемъ, явившимися въ качествѣ представителей своихъ партій на инсбрукскій конгрессъ. «Вся наша партія», сказалъ Дашинскій, «съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ за ходомъ вашихъ совѣщаній. Мы прекрасно сознаемъ, что дѣло здѣсь идетъ о самомъ тяжеломъ осложненіи въ австрійскомъ интернаціоналѣ. Мы также сознаемъ, что настоящее рѣшеніе вопроса не можетъ не быть одностороннимъ—одностороннимъ съ формальной стороны, такъ какъ здѣсь находится лишь часть австрійскаго интернаціонала, и эта часть не въ состояніи рѣшать за всѣхъ. Но мы знаемъ, что находящаяся здѣсь часть соціалъ-демократіи—самая большая, что она владѣетъ наибольшей силой въ нашей интернаціональной семьѣ, что она воплощаетъ въ себѣ численность, знаніе и исторію австрійской соціалъ-демократіи. Здѣсь не мало будетъ говориться о національной борьбѣ, о національномъ увлеченіи, о національной деморализаціи. Я не присоединяю своего голоса къ этому хору. Въ теченіе двадцати лѣтъ, прошедшихъ съ того времени, когда мы въ первый разъ, какъ партія, участвовали на общихъ совѣщаніяхъ вѣнскаго партейтага, мы достаточно показали себя защитниками національныхъ правъ, національной самостоятельности, національнаго самоопредѣленія. Но въ теченіе этихъ двадцати лѣтъ мы все же могли съ вами работать, не измѣняя ни соціализму, ни нашей націи. И неправы тѣ, которые говорятъ, что только нѣмецкіе товарищи несли на себѣ бремя интернаціональныхъ обязанностей, между тѣмъ какъ другіе народы упивались націонализмомъ. Мы не менѣе охотно взяли на себя бремя интернаціонализма, сознавая, что эта обязанность даетъ права, что только она дѣлаетъ существованіе соціализма въ Австріи возможнымъ. Чѣмъ были бы мы теперь, еслибы не составляли одно цѣлое въ теченіе этихъ двадцати лѣтъ? Какіе жалкіе національные осколки, окрашенные снаружи красной соціалистической краской, представляли бы мы теперь, если бы не шли въ работѣ рука объ руку, если бы не боролись плечомъ къ плечу? Это каждый изъ насъ чувствуетъ, и мы этимъ не отстраняемъ отъ себя тѣхъ обязанностей, которыя связываютъ насъ съ націей».

То же отношеніе къ данному вопросу сказалось и въ рѣчи сербо-кроатскаго делегата Деметровича. «Сербо-кроатская соціалъ-демократія—сказалъ онъ,—считаетъ васъ своими учителями въ соціалъ-демократической работѣ. Болѣе того: мы сознаемъ себя только частью всего рабочаго движенія въ Австріи. Съ нѣкоторымъ страхомъ смотримъ мы на положеніе вещей. Настоящій кризисъ нѣкоторые называютъ кризисомъ интернаціонализма. Это ошибка. Кризисъ интернаціонализма невозможенъ. Интернаціонализмъ—кардинальный принципъ рабочаго движенія во всемъ мірѣ. Кризисъ въ австрійской артіи есть по моему кризисъ самой Австріи».

Кто недостаточно ознакомленъ со внутренней структурой Австріи, кто не знаетъ тѣхъ запутанныхъ нитей, какими связаны между собою различныя народности этой страны, тотъ послѣ словъ Дашинскаго и Деметровича долженъ съ недоумѣніемъ спросить: почему же именно у чеховъ національная обособленность приняла такой тяжелый и опасный для всей партіи характеръ? Объясненіе этому надо искать въ историческихъ и этнографическихъ условіяхъ Австріи вообще. Чехи столѣтія подрядъ жили среди нѣмецкаго населенія въ качествѣ покореннаго, исторически-мертваго народа. Они сами считали себя, какъ нація, отжившими. Верхніе слои потеряли національный характеръ и не имѣли ничего общаго ни съ языкомъ, ни съ обычаями своихъ предковъ; низшіе—сѣрая крестьянская масса и не менѣе сѣрый рабочій людъ—не могли ни въ чемъ этотъ характеръ проявить. Съ середины прошлаго столѣтія начинается, благодаря быстрому промышленному подъему въ Богеміи, національное возрожденіе чеховъ. Города, раньше населенные исключительно нѣмцами, начинаютъ съ изумительной быстротой чехизироваться. Прага, еще въ шестидесятыхъ и даже въ семидесятыхъ годахъ носившая чисто нѣмецкій характеръ, вновь перерождается въ старую чешскую столицу. Притокъ сельскаго населенія въ города и ростъ благосостоянія передвинули границы общественныхъ слоевъ вверхъ; создалось то сословіе—буржуазное или третье,—которое, какъ и всюду до сихъ поръ, сдѣлалось носителемъ не только экономическаго, но и культурнаго развитія, выдѣливъ изъ себя слой интеллигенціи, стоящей во главѣ интеллектуальнаго движенія. Къ изумленію самихъ чеховъ, у нихъ въ три-четыре десятилѣтія выростаетъ литература — скромная съ точки зрѣнія великихъ европейскихъ литературъ, но богатая, если считаться съ недавнимъ ея возникновеніемъ; развивается также искусство. Чехи убѣдились, что они живутъ, что передъ ними широкій путь національнаго развитія. Ихъ гордость понятна, ихъ непріязненное отношеніе къ нѣмцамъ, бывшимъ волею историческихъ судебъ такъ долго ихъ угнетателями,—

объяснима. Что эта гордость въ значительной мѣрѣ перешла въ заносчивость, чувство проснувшагося національнаго достоинства — въ шовинизмъ, а непріязненность къ нѣмцамъ—въ острую и агрессивную вражду, это — роковое историческое заблужденіе, можетъ быть понятное, но все же печальное.

Весь этотъ исторически-психологическій процессъ наложилъ свою печать и на соціалъ-демократическую чешскую партію. Какъ ни велика разница между соціалистическими взглядами сознательнаго пролетаріата и обывательскимъ настроеніемъ другихъ слоевъ общества — въ пунктѣ гипертрофическаго національнаго чувства эти слои скрещиваются, или по крайней мѣрѣ соприкасаются. Тѣмъ болѣе, что—какъ вѣрно отмѣтили нѣкоторые ораторы на партейтагѣ—враждебно-оппозиціонное отношеніе чеховъ къ нѣмецкой партіи имѣетъ свои корни больше въ чешской партійной интеллигенціи, въ вожакахъ, чѣмъ въ массѣ рабочихъ, привыкшихъ стоять за станкомъ рука объ руку съ нѣмецкими рабочими и видѣть въ нихъ товарищей по нуждѣ и товарищей въ борьбѣ. И именно то обстоятельство, что чешскій сепаратизмъ носитъ не соціалистически-пролетарскій, а общебуржуазный характеръ, дѣлаетъ его особенно опаснымъ для рабочаго движенія, а борьбу съ нимъ особенно трудной.

Рефератъ по этому, самому важному, пункту программы представилъ Викторъ Адлеръ. Въ продолженіи трехъ часовъ весь конгрессъ съ неослабѣвшимъ, можно сказать *страстнымъ* вниманіемъ слѣдилъ за его рѣчью, замѣчательной не только по техникѣ, но еще больше по силѣ вложеннаго въ нее чувства, по тонкости психологическаго чутья, по изумительной, объективности. «Я не безъ нѣкотораго волненія—сказалъ онъ—приступаю къ своему реферату. Рѣшать внутренне-партійный вопросъ первой важности, вопросъ, составляющій жизненную проблему для партіи, въ моментъ, когда австрійскому пролетаріату приходится горячо бороться на экономической и политической почвѣ—дѣло нелегкое. Но это для насъ не ново. Что національныя различія играютъ въ Австріи такую же роль, какъ и экономическія, что совмѣстная жизнь различныхъ націй въ Австріи имѣетъ для всей страны, для всѣхъ классовъ и для рабочаго въ частности, огромное значеніе — этотъ фактъ занимаетъ насъ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ австрійская соціалъ-демократія. Правда, если мы оглянемся на ея первые шаги, мы не замѣтимъ такъ ясно вліянія національныхъ различій; но это объясняется тѣмъ, что пролетаріатъ въ то время находился еще на первоначальной ступени развитія. Еще важнѣе то, что тогда не былъ еще развитъ пролетаріатъ внѣ нѣмецкой среды. Несомнѣнно, однако, что съ тѣхъ поръ, какъ индустріализація

захватила славянскую почву, вопросъ о національныхъ различіяхъ ставитъ намъ все большія и большія затрудненія. Въ настоящее время мы переживаемъ тяжелый кризисъ. Единству нашей партіи грозитъ опасность, развитіе сепаратизма угрожаетъ разбить это единство до полнаго обезсиленія партіи, до полной невозможности ея функціонированія»...

Указавъ на то, что главный принципъ соціалъ-демократіи— *національная самостоятельность при интернаціональной объединенности*, Адлеръ продолжалъ: «съ этимъ убѣжденіемъ мы въ свое время организовались и должны признать, что объединенность соціалистическихъ партій всѣхъ націй въ одну сослужила австрійскому пролетаріату неоцѣнимыя услуги. Мы переживали времена острой національной борьбы всѣхъ противъ всѣхъ; мы, нѣмцы, были тогда еще слабы; нечего и говорить, какъ слабы были организаціи другихъ націй въ Австріи. Но наша объединенность дала намъ возможность—не только намъ нѣмцамъ, но и чехамъ, полякамъ, словенцамъ — противостать шовинистской демагогіи; она помогла намъ превратить интернаціональный идеалъ въ сознательную жизненную идею, въ убѣжденіе. Возникновеніе разногласій съ чехами обусловливается несомнѣнно тѣсной территоріальной связью между ними и нѣмецкимъ населеніемъ». Насмѣшливой ироніей звучатъ дальнѣйшія слова референта: «если бы мы съ чехами также мало касались территоріально, какъ съ поляками и итальянцами, мы жили бы въ той же интимности, въ той же ненарушимо-ясной интернаціональной солидарности и дружбѣ, какая существуетъ, напримѣръ, между нами и французами. Но дѣло обстоитъ иначе: насъ соединяютъ другъ съ другомъ не принципы только, мы связаны общими организаціями, общей практической работой, и на этой почвѣ всегда оставалось достаточно мѣста для треній. Въ своихъ требованіяхъ чехи обыкновенно ссылались на «практическую необходимость», съ которой слѣдуетъ считаться. Практической необходимостью объяснялись требованія все бо́льшихъ и бо́льшихъ уступокъ на національной почвѣ, требованія федерализма и довольно широкой автономіи въ политическомъ и профессіональномъ отношеніи. Но я васъ спрашиваю, неужели мы совсѣмъ удалились отъ тѣхъ временъ, когда «практическія требованья» *пролетаріата* и пролетарской борьбы стояли для насъ на первомъ мѣстѣ? «Считаетъ ли себя чешская соціалъ-демократія въ настоящее время *чешской группой въ интернаціоналѣ* или только *соціалъ-демократической группой среди другихъ чешскихъ партій*?..» Корень проблемы, по мнѣнію референта, лежитъ въ вопросѣ: можетъ ли партія, состоящая изъ отдѣльныхъ національныхъ группъ, имѣть общія профессіональныя организаціи? Отвѣтъ на этотъ вопросъ

можетъ быть только одинъ: партія, сгруппированная изъ различныхъ національныхъ частей, ни въ какомъ случаѣ не должна и не можетъ имѣть сгруппированныхъ по національностямъ профессіональныхъ организацій. Объединенной партіи соотвѣтствуютъ только *объединенныя, интернаціональныя, профессіональныя организаціи.* «На политической почвѣ можно довольно далеко идти самостоятельно, не нарушая цѣльности партіи. Но какъ только мы пошатнемъ общность профессіональныхъ союзовъ, мы погубимъ жизненный нервъ всей политической борьбы, и въ политическія организаціи сразу будетъ внесено вредное настроеніе. Вспомнимъ, что суть политики состоитъ, главнымъ образомъ, въ борьбѣ различныхъ мнѣній. Этого нельзя сказать о профессіональныхъ союзахъ. Сепаратистскія стремленія обнаруживаются здѣсь не въ одномъ только различіи мнѣній: они создаютъ факты въ самой жизни пролетаріата. Это колоссальная разница».

Приведенныя цитаты достаточно характеризуютъ отношеніе какъ самого Адлера, такъ и всѣхъ другихъ австрійскихъ с.-д. партій къ чешскому сепаратизму. Когда всѣ попытки со стороны центральнаго комитета достигнуть соглашенія съ чехами остались безъ результата, и чехи въ началѣ 1910 г. стали разбивать одну общую организацію за другой, центральный комитетъ и та небольшая, относительно, часть чехо-моравскихъ соціалъ-демократовъ, которая осталась вѣрна принципу интернаціонализма въ профессіональныхъ организаціяхъ апеллировали, лѣтомъ того же года, къ интернаціональному конгрессу въ Копенгагенѣ. Ни одинъ голосъ не поднялся здѣсь въ защиту сепаратизма. Несмотря на то, что рѣшеніе интернаціональнаго бюро носило совершенно безличный характеръ и выразилось лишь въ формѣ утвержденія общаго принципа: въ странахъ со смѣшаннымъ населеніемъ профессіональныя организаціи безусловно должны быть общими—чехи были крайне задѣты; они объявили открытую войну какъ всему интернаціоналу, такъ и въ частности нѣмецко-австрійской партіи. На крамольную группу чехо-моравскихъ соціалъ-демократовъ чехи наложили анафему, объявивъ ихъ предателями и исключивъ ихъ изъ партіи. Группѣ этой ничего другого не оставалось сдѣлать, какъ объявить себя самостоятельной соціалъ-демократической централистской партіей. Формы борьбы сепаратистовъ, вѣрнѣе—сепаратистской прессы, приняли съ этого момента характеръ абсолютно несовмѣстимый съ достоинствомъ соціалистической партіи; нѣкоторые сепаратистскіе органы стали до каррикатурности напоминать шовинистскія чешскія газеты, живущія исключительно «нѣмцо-яденіемъ». Коснувшись этого факта, Адлеръ съ глубокимъ волненіемъ, произведшимъ на всѣхъ слушателей сильнѣй-

шее впечатлѣніе, воскликнулъ: «Важно не то, что насъ ругаютъ: мы не чувствуемъ себя оскорбленными. Важно, что этимъ вносится губительный ядъ въ души и головы рабочихъ: этого мы не можемъ простить сепаратистамъ!»

Предложенная референтомъ обширная резолюція, которую всѣ ораторы единодушно признали мастерскимъ продуктомъ дипломатичности, была чистѣйшимъ отраженіемъ интеллектуальной и моральной личности Адлера. Указавъ на жизненное значеніе интернаціонализма въ профессіональныхъ организаціяхъ Австріи, строго осудивъ въ принципѣ сепаратистскія стремленія, резолюція эта не содержала ни одного рѣзкаго слова противъ чеховъ и избѣгала всякаго намека, который могъ бы дать новую пищу націоналистическимъ тенденціямъ сепаратистовъ. Внося эту резолюцію, Адлеръ заранѣе считался съ оппозиціей со стороны крайнихъ элементовъ партіи, представителемъ которыхъ является Штрассеръ, редакторъ выходящей въ нѣмецкой Богеміи газеты «Vorwärts». Штрассеръ, пользующійся сочувствіемъ всѣхъ лѣвыхъ въ партіи, уже не разъ выступалъ противъ центральнаго комитета, обвиняя его въ недостаткѣ революціонной активности и неустанно призывая къ «рѣшительнымъ мѣрамъ», требуя объявленія сепаратистовъ стоящими внѣ интернаціонала и не имѣющими права считать себя соціалъ-демократической партіей. Сторонники Штрассера, какъ и онъ самъ, упустили при этомъ изъ виду, что сепаратисты ведутъ за собой 250.000 организованныхъ чешскихъ рабочихъ, а чешско-моравскіе централисты — 30.000. Будь отношеніе этихъ чиселъ обратное, «рѣшительныя мѣры», предлагаемыя Штрассеромъ, были бы быть можетъ, единственнымъ рѣшеніемъ неразрѣшимаго вопроса. При существующихъ же условіяхъ, «отлучить» сепаратистовъ—значило бы бросить перчатку всему чешскому пролетаріату: рѣшительность этой мѣры нисколько не измѣнила бы положенія вещей и, во всякомъ случаѣ, не *улучшила* бы его. Лѣвой оппозиціи Адлеръ посвятилъ значительную часть своего реферата. «Я знаю—сказалъ онъ—насъ обвинятъ въ слишкомъ большой уступчивости; но это все же лучше, чѣмъ противоположное обвиненіе». Апеллируя не только къ логикѣ мысли, но и къ логикѣ чувства, референтъ указалъ на необходимость избѣгать всего, что могло бы затруднить чехамъ шагъ къ возвращенію. Не слѣдуетъ забывать, что не только смѣлость, но и терпѣніе должно быть добродѣтелью партіи.

Послѣ реферата Адлера лѣвые отказались отъ своей собственной резолюціи, которую намѣревались внести. Это было побѣдой Адлера, тѣмъ болѣе характерной, что за резолюцію «рѣшительныхъ мѣръ» несомнѣнно оказалось бы если не большинство, то

очень значительное меньшинство. Раздраженіе противъ чеховъ дошло до такой степени, что всякое рѣзкое выступленіе могло найти живой откликъ.

Представителямъ политики благоразумія приходится, впрочемъ, считаться не только съ лѣвой, но и съ правой оппозиціей. Направленіе праваго крыла партіи нельзя охарактеризовать, какъ въ Германіи, однимъ словомъ: «бернштейніанство». Въ Австріи его главной особенностью является нѣмецко-націоналистическая окраска. Стоя принципіально на интернаціональной почвѣ, представители его, по чувству, націоналисты видятъ въ поступательномъ движеніи чеховъ опасность для нѣмецкой культуры въ Австріи, въ особенности въ тѣхъ частяхъ Богеміи и Моравіи, гдѣ нѣмецкое населеніе уже теперь находится въ меньшинствѣ. Защитниками нѣмецкихъ интересовъ въ этомъ, также не пролетарскомъ, а обще-національномъ смыслѣ явились на партейтагѣ редакторъ «Arbeiterzeitung» Лейтнеръ (Karl Leuthner) и профессоръ Людо Гартманъ, оба—депутаты рейхсрата. Блестящая рѣчь умнаго и даровитаго Лейтнера доставила слушателямъ огромное эстетическое удовольствіе; но каждый невольно спрашивалъ себя, что общаго между этими—интересными съ точки зрѣнія народной психологіи, вѣрными съ исторической точки зрѣнія—теоріями и рабочей партіей, программа которой основана на *интернаціональной* классовой борьбѣ пролетаріата противъ капитализма. Добавленія къ резолюціи Адлера, предложенныя Гартманомъ и имѣвшія въ виду «принятіе мѣръ къ защитѣ нѣмецкаго меньшинства въ славянскихъ частяхъ государства», были отклонены партейтагомъ—«на этотъ разъ», какъ въ частной бесѣдѣ утверждалъ деп. Гартманъ. Такимъ образомъ «политика благоразумія» побѣдила и на этомъ фронтѣ. Можетъ быть дѣйствительно слѣдуетъ прибавить: «на этотъ разъ». Рѣчь Лейтнера, проникнутая благоговѣніемъ передъ богатствомъ старой германской культуры; агрессивность чеховъ, стремящихся какъ можно шире раздвинуть рамки своей молодой культуры; намеки польскаго представителя Діаманта на нарождающееся смутное націоналистическое теченіе въ галиційскомъ пролетаріатѣ—все это ясно показываетъ, какую бездну непримиримыхъ противорѣчій заключаетъ въ себѣ тѣсное сожительство славянъ и нѣмцевъ въ Австріи. Чешскій сепаратизмъ—не партійная болѣзнь; корни его лежатъ въ исторіи, связавшей два народа такими тѣсными узами, которыя часто создаютъ, вмѣсто братства и любви, вражду и ненависть.

Надежда Штрассеръ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Событія истекшаго года. — Неудачи нашей дипломатіи. — Конфликтъ съ Соединенными Штатами и его послѣдствія. — Ошибочныя увлеченія нашихъ націоналистовъ.—Министерскій оптимизмъ.—Конецъ парламентскихъ споровъ о Марокко.—Китайскій кризисъ и персидскія дѣла.

Истекшій годъ не скоро забудется въ Европѣ. Онъ принесъ народамъ столько тревогъ и волненій, поднялъ столько новыхъ и жгучихъ вопросовъ, что долго еще придется дипломатамъ возиться съ оставленнымъ имъ наслѣдіемъ. Франко-германскій споръ изъ-за Марокко, обострившій взаимныя отношенія между Германіею и Англіею и едва не приведшій къ разрыву и войнѣ, неожиданный захватъ турецкихъ сѣверо-африканскихъ провинцій морскими силами Италіи, междоусобія въ Персіи, связанныя съ русско-персидскимъ конфликтомъ, внутренній переворотъ въ Китаѣ, угрожающій крупными перемѣнами и замѣшательствами на Дальнемъ Востокѣ, недоразумѣнія и споры по поводу неудачной дипломатической кампаніи относительно Дарданеллъ и Босфора, русско-американскій конфликтъ изъ-за толкованія торговаго договора 1832 г.,—таковы важнѣйшія, далеко еще не вполнѣ ликвидированныя событія 1911-го года, имѣющія общее международное значеніе.

Нѣкоторыя изъ этихъ событій непосредственно касались Россіи. Къ сожалѣнію, они происходили отчасти въ такое время, когда въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ существовало междуцарствіе и русская дипломатія оставалась безъ отвѣтственнаго и компетентнаго руководителя, вслѣдствіе продолжительной болѣзни С. Д. Сазонова. Временные замѣстители и подчиненные министра, вмѣсто того, чтобы соблюдать обычную осторожность и благоразуміе въ дипломатическихъ дѣлахъ, стали дѣйствовать смѣло и рѣшительно, принимая на себя иниціативу весьма сорьезныхъ и рискованныхъ предпріятій, и успѣли въ короткое время произвести крайне непріятную путаницу въ нашихъ международныхъ отношеніяхъ. Какъ и почему это произошло, чѣмъ объяснить самовольную предпріимчивость второстепенныхъ дѣятелей, компрометировавшихъ Россію безъ всякой къ тому надобности,—мы не знаемъ; но наша политика несомнѣнно пострадала, и ея неудачи были для насъ тѣмъ болѣе чувствительны, что онѣ сопровождались явными доказательствами какой-то странной неумѣлости и необдуманности.

Въ Персіи мы предъявляли одинъ ультиматумъ за другимъ, не считаясь ни съ внутреннимъ состояніемъ страны, ни съ безпомощнымъ положеніемъ правительства, ни съ желаніями и взглядами Англіи, съ которою насъ связываетъ формальная конвенція по персидскимъ дѣламъ. Наше дипломатическое вѣдомство какъ будто умышленно старалось возбудить противъ Россіи вражду и недовѣріе не только въ персидскомъ народѣ, но и въ англійскомъ общественномъ мнѣніи и въ политической печати другихъ странъ; повсюду высказывались обидныя для насъ предположенія и догадки о мотивахъ и цѣляхъ нашей внѣшней политики. Нетрудно было заставить безсильную Персію подчиняться всѣмъ нашимъ требованіямъ, но эта формальная готовность подчиненія была въ сущности для насъ безполезна, если не имѣлось въ виду покончить съ самостоятельнымъ существованіемъ персидскаго государства. Послѣднія наши требованія, включая и требованіе денегъ на расходы по содержанію русскихъ войскъ въ предѣлахъ Персіи, приняты персидскимъ правительствомъ 9-го декабря, о чемъ оффиціально заявлено въ газетахъ отъ имени нашего министерства иностранныхъ дѣлъ; но въ то же время нашъ небольшой охранительный военный отрядъ въ Тавризѣ подвергается нападенію вооруженныхъ туземцевъ, при чемъ съ нашей стороны имѣются убитые и раненые,—и слѣдовательно опять является матеріалъ для новыхъ категорическихъ требованій, и мы вновь могли бы предъявить персамъ суровый ультиматумъ, который опять-таки былъ бы покорно принятъ персидскимъ правительствомъ. Какой же практическій смыслъ имѣли бы эти непрерывные ультиматумы при господствѣ полной внутренней анархіи въ Персіи? Очевидно, надо было прежде всего дать возможность мѣстному правительству положить конецъ этой анархіи и водворить какой-нибудь порядокъ въ странѣ, не раздражая туземнаго патріотизма угрозами иностраннаго вмѣшательства—или же надо откровенно приступить къ военной оккупаціи персидской территоріи, а для этого необходимо было бы предварительно войти въ надлежащее соглашеніе съ Англіею и Германіею. Наша дипломатія не рѣшалась идти прямо ни по тому, ни по другому пути, и ея торопливыя энергическія мѣры имѣли пока только одинъ результатъ—усиленіе анархіи и антирусской агитаціи въ Персіи.

Столь же странно было поведеніе нашей дипломатіи въ вопросѣ о Дарданеллахъ и Босфорѣ. Въ Константинополѣ велись какіе-то секретные переговоры объ открытіи проливовъ для русскихъ военныхъ судовъ; Порта уклонялась отъ обсужденія одностороннихъ русскихъ проектовъ и намековъ, ссылаясь на общій международный характеръ вопроса, предусмотрѣннаго лондонскимъ трактатомъ 1871-го года,

при участіи шести великихъ державъ. Объ этой попыткѣ русской дипломатіи печатались подробныя статьи и корреспонденціи въ иностранныхъ газетахъ и журналахъ; высказывались разныя мнѣнія, большею частью неблагопріятныя для Россіи, а сочувствующіе намъ публицисты недоумѣвали, для чего мы подняли столь щекотливый вопросъ и какимъ образомъ можно было разсчитывать на установленіе исключительной привилегіи въ пользу русскаго военнаго флота путемъ переговоровъ съ одною Турціею. Позднѣе оказалось, что никакихъ оффиціальныхъ переговоровъ о Дарданеллахъ вовсе не было и что напрасно такъ долго толковала о нихъ иностранная пресса: происходили только частныя бесѣды въ Константинополѣ, по личной иниціативѣ русскаго посла, г. Чарыкова, не имѣвшаго на то полномочія,—и это разъясненіе удивило многихъ не только въ Европѣ, но и у насъ, хотя мы ко всему уже привыкли. Что же представляетъ собою наше дипломатическое вѣдомство, если каждый отдѣльный посолъ можетъ на собственный страхъ вести свою самостоятельную политику и поднимать крупные международные вопросы безъ вѣдома и участія центральнаго управленія? Неужели русская дипломатія дошла до такого состоянія анархіи только подъ вліяніемъ продолжительной болѣзни министра? Не слѣдуетъ ли предположить, что нашему послу въ Константинополѣ было поручено «зондировать почву», а когда попытка не удалась, то рѣшено отречься отъ нея, возложивъ всю отвѣтственность на г. Чарыкова? Такъ отчасти и понята была за границей заключительная оффиціальная версія по вопросу о Дарданеллахъ; но наша репутація отъ этого не выиграла.

Третье неудачное дѣло нашей дипломатіи—допущеніе ошибочныхъ принципіальныхъ пререканій съ Соединенными Штатами изъ-за торговаго договора—не связывалось уже съ болѣзнью министра, а оправдывалось соображеніями внутренней политики. Текстъ трактата 1832-го года обезпечиваетъ сѣверо-американскимъ гражданамъ безспорное право въѣзда въ Россію и пребыванія въ предѣлахъ русской территоріи безъ всякихъ ограниченій, точно такъ же какъ и русскимъ подданнымъ предоставлено пріѣзжать безпрепятственно въ Соединенные Штаты. На практикѣ этотъ принципъ равенства и взаимности нарушается въ томъ отношеніи, что для извѣстной категоріи американскихъ гражданъ устанавливаются съ нашей стороны ограничительныя условія, въ зависимости, отъ вѣроисповѣдныхъ различій, о которыхъ ничего не сказано въ договорѣ 1832 г. Русскія консульства въ Соединенныхъ Штатахъ, при визированіи паспортовъ американскихъ гражданъ, собирающихся отправиться въ Россію, требуютъ отъ нихъ свѣдѣній о религіи и отказываютъ въ раз-

рѣшеніи пропуска лицамъ еврейскаго вѣроисповѣданія, на томъ основаніи, что, по существующимъ русскимъ законамъ, иностранные евреи не допускаются въ предѣлы имперіи и могутъ получить доступъ въ Россію только въ исключительныхъ случаяхъ и на непродолжительный срокъ, съ особаго каждый разъ разрѣшенія. Американцы возстаютъ противъ такого толкованія ихъ договорныхъ правъ; они находятъ, что ихъ совершенно не касаются русскіе законы объ евреяхъ и что самая попытка различать американскихъ гражданъ по вѣроисповѣданіямъ составляетъ явное нарушеніе прямого смысла русско-американскаго трактата 1832 года. Въ теченіе многихъ лѣтъ, пока евреи составляли еще ничтожный по численности и значенію элементъ населенія въ Соединенныхъ Штатахъ, не было поводовъ къ разногласіямъ и спорамъ; но затѣмъ положеніе дѣлъ измѣнилось. Какъ указываетъ авторъ обстоятельной статьи объ этомъ предметѣ въ вѣнской «Neue Freie Presse» (отъ 19-го декабря), д-ръ Каминка, число евреевъ въ Америкѣ за послѣднія десятилѣтія возрастало съ каждымъ годомъ въ громадной прогрессіи, причемъ главный притокъ переселенцевъ шелъ изъ Россіи. Сотни тысячъ русскихъ евреевъ, вытѣсняемыхъ изъ родныхъ мѣстъ безправіемъ, преслѣдованіями и нуждою, безпрепятственно принимались Соединенными Штатами; тридцать лѣтъ тому назадъ числилось тамъ не болѣе 250 тысячъ евреевъ, а въ настоящее время ихъ наберется свыше двухъ милліоновъ. Многіе изъ нихъ выдвинулись въ разныхъ областяхъ промышленной дѣятельности или либеральныхъ профессій; потомки ихъ сдѣлались уже природными американцами, усвоили мѣстные нравы и обычаи, хотя сохранили старыя религіозныя вѣрованія и традиціи. Еврейство пріобрѣло значительное вліяніе и стало крупною общественно-политическою силою; представители его все чаще и все въ большемъ числѣ выѣзжаютъ по дѣламъ въ чужіе края и между прочимъ въ Россію, и недоразумѣнія съ русскими консульствами становятся все болѣе многочисленными; еще непріятнѣе положеніе тѣхъ, которые, полагаясь на свое званіе американскихъ гражданъ, попадаютъ на русскую территорію безъ консульской визы и рискуютъ быть высланными обратно за границу въ двадцать четыре часа за свою принадлежность къ еврейской вѣрѣ. Не такъ давно подобный непріятный инцидентъ случился съ американцемъ, занимающимъ постъ посланника въ Константинополѣ: потребовалось особое ходатайство, чтобы разрѣшить ему въѣздъ въ Россію, но американецъ обидѣлся и не пожелалъ воспользоваться любезно предоставленнымъ ему разрѣшеніемъ. Граждане Соединенныхъ Штатовъ не хотятъ получать въ видѣ особой любезности то, что принадлежитъ имъ по праву; они не желаютъ зависѣть отъ

доброй воли чужого правительства въ пользованіи своими законными договорными правами, и это съ ихъ стороны вполнѣ естественно.

Американская точка зрѣнія по данному вопросу отстаивалась цѣлымъ рядомъ министровъ и политическихъ дѣятелей; съ 1904-го года требованіе отмѣны вѣроисповѣдныхъ ограниченій для американскихъ гражданъ въ Россіи вошло въ оффиціальныя программы обѣихъ великихъ политическихъ партій и составило одинъ изъ существенныхъ пунктовъ ихъ избирательныхъ платформъ. При президентскихъ выборахъ 1908-го года Вильямъ Тафтъ далъ отъ имени республиканской партіи формальное обѣщаніе употребить всѣ старанія для удовлетворенія справедливыхъ жалобъ американскихъ евреевъ. Въ октябрѣ того же года сенаторъ Рутъ, статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ, сообщилъ обращавшейся къ нему еврейской депутаціи, что по вопросу о толкованіи торговаго договора въ примѣненіи къ евреямъ не получено удовлетворительнаго отвѣта отъ русскаго правительства и что, поэтому, будутъ начаты переговоры о полномъ пересмотрѣ трактата. Повидимому,—замѣчаетъ г. Каминка, изъ статьи котораго мы заимствуемъ эти данныя, — русская дипломатія не отнеслась серьезно къ предположеннымъ переговорамъ и уклонялась подъ разными предлогами отъ обсужденія американскихъ желаній по существу, ссылаясь, между прочимъ, на необходимость считаться съ настроеніемъ Государственной Думы. Тогда началась въ Соединенныхъ Штатахъ энергическая агитація въ защиту нарушенныхъ правъ. Лѣтомъ 1910-го года вліятельные представители американскаго еврейства, Яковъ Шиффъ, Зульцбергеръ и Адлеръ, обратились къ президенту Тафту съ меморандумомъ, въ которомъ предлагали вести переговоры съ Россіей не въ Петербургѣ, а въ Вашингтонѣ, и въ случаѣ неблагопріятнаго результата—заявить о расторженіи договора.

Въ апрѣлѣ 1911-го года предсѣдатель парламентской комиссіи по иностраннымъ дѣламъ, Вильямъ Зульцеръ, внесъ въ палату представителей слѣдующую резолюцію. «Сенатъ и палата представителей въ собраніи конгресса постановили: народъ Соединенныхъ Штатовъ признаетъ основнымъ принципомъ, что права гражданъ ни внутри страны, ни за границей не могутъ быть поставлены въ зависимость отъ расы или религіи; правительство Соединенныхъ Штатовъ заключаетъ свои договоры съ цѣлью равной защиты всѣхъ разрядовъ гражданъ безъ различія и не можетъ сохранять силу такого договора, при примѣненіи котораго другая сторона различаетъ американскихъ гражданъ по расѣ и религіи; русское правительство нарушаетъ заключенный въ Петербургѣ 18 декабря 1832 г. между Соединенными Штатами и Россіей договоръ, не признавая американскихъ паспортовъ по-

причинѣ вѣроисповѣданія или расы ихъ владѣльцевъ; упомянутый договоръ по приведеннымъ основаніямъ долженъ быть расторгнутъ въ возможно скорѣйшемъ времени, и президентъ уполномачивается довести до свѣдѣнія русскаго правительства, что договоръ прекращаетъ свою силу и перестанетъ дѣйствовать по истеченіи года со дня извѣщенія». Эта резолюція долго оставалась безъ движенія, чтобы дать время русскому правительству сдѣлать соотвѣтственные шаги для достиженія желательнаго компромисса; но съ нашей стороны ничего въ этомъ смыслѣ предпринято не было. Бывшій президентъ Рузевельтъ совѣтовалъ передать спорный вопросъ на разсмотрѣніе Гаагскаго третейскаго трибунала; однако время проходило, а между американцами установилось мнѣніе, что никакого спора тутъ нѣтъ, что вопросъ совершенно ясенъ и что упорное нежеланіе русской дипломатіи отнестись къ нему съ надлежащимъ вниманіемъ должно быть признано оскорбительнымъ для Соединенныхъ Штатовъ. Въ этомъ духѣ состоялось постановленіе на митингѣ въ Нью-Іоркѣ, въ ноябрѣ 1911-го года, при участіи нѣсколькихъ выдающихся сенаторовъ. Одинъ изъ нихъ, сенаторъ О'Горманъ, сказалъ между прочимъ въ своей рѣчи: «Мы не думаемъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла чужого государства, но мы не можемъ также признать за другими націями право дѣлать различіе между нашими гражданами по ихъ религіи. По духу нашихъ учрежденій установленіе такого различія не допускается въ нашей странѣ, и мы не можемъ допустить, чтобы кто-либо изъ нашихъ гражданъ подвергался за границей униженію. Я не думаю, чтобы американскій народъ терпѣлъ такой договоръ, при которомъ два милліона нашихъ согражданъ подвергаются ограниченію своихъ правъ». Наконецъ, 13-го декабря (нов. ст.) палата представителей большинствомъ трехсотъ голосовъ противъ одного приняла приведенную выше резолюцію Вильяма Зульцера. Русскій посолъ, г. Бахметевъ, указалъ вашингтонскому кабинету на некорректный тонъ этой резолюціи, которая заранѣе приписываетъ Россіи нарушеніе существующаго договора и возлагаетъ на нее отвѣтственность за послѣдствія этого нарушенія. Споръ грозилъ перейти на политическую почву и могъ привести къ разстройству старинныхъ дружественныхъ отношеній между обѣими великими державами, чего вовсе не желало правительство Соединенныхъ Штатовъ; поэтому, для избѣжанія подобныхъ непріятныхъ разсужденій въ верхней палатѣ американскаго конгресса, президентъ Тафтъ взялъ на себя немедленное рѣшеніе вопроса и сдѣлалъ это въ такой формѣ, которая не исключаетъ позднѣйшаго дружественнаго соглашенія. Въ на-

шихъ газетахъ было напечатано объ этомъ слѣдующее оффиціальное сообщеніе:

«Пребывающій въ С.-Петербургѣ посолъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, нотою отъ 4 сего декабря, сообщилъ министру иностранныхъ дѣлъ о намѣреніи своего правительства прекратить дѣйствіе заключеннаго 6 (18) декабря 1832 года между Россіей и Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами трактата. Трактатъ этотъ, вслѣдствіе сего заявленія и на основаніи ст. 12 его, остается въ силѣ до 19 декабря 1912 (1 января 1913) года.

«Вмѣстѣ съ симъ г. Куртисъ Гайльдъ заявилъ, что правительство Штатовъ предлагаетъ россійскому правительству нынѣ же приступить къ переговорамъ по заключенію между обѣими странами новаго соглашенія, касающагося торговли и мореплаванія, на началахъ, болѣе соотвѣтствующихъ современнымъ интересамъ обоихъ правительствъ.

«Вышеизложенное заявленіе было принято министромъ иностранныхъ дѣлъ къ свѣдѣнію отъ имени Императорскаго правительства въ оффиціальной нотѣ отъ 5 сего декабря».

Изъ сдѣланнаго нами обзора фактовъ и обстоятельствъ, предшествовавшихъ послѣднему заявленію вашингтонскаго кабинета, можно видѣть, что толкованія нашихъ легкомысленныхъ газетныхъ патріотовъ о спеціальныхъ еврейскихъ мотивахъ и тенденціяхъ принятой Соединенными Штатами мѣры, внушенной будто бы желаніемъ оказать давленіе на Россію въ видахъ пересмотра дѣйствующихъ у насъ законовъ объ евреяхъ,—совершенно произвольны и неосновательны. Американцы хлопочутъ о своихъ собственныхъ правахъ и интересахъ, какъ и о правахъ и интересахъ своихъ согражданъ, а вовсе не о правахъ русскихъ подданныхъ, исповѣдующихъ іудейскую вѣру. О какой-либо попыткѣ вмѣшательства въ наши внутреннія дѣла и отношенія никогда не было и рѣчи въ американской полемикѣ по еврейскому вопросу. Американскіе евреи могутъ сочувствовать своимъ русскимъ соплеменникамъ, но они не настолько наивны, чтобы считать возможнымъ и полезнымъ иностранное заступничество въ этой области. Столь же произвольно и нелѣпо утверждать,—какъ это дѣлаетъ «Новое Время»,—что рѣшеніе правительства и конгресса Соединенныхъ Штатовъ есть всецѣло продуктъ еврейской агитаціи, что оно навязано президенту Тафту и палатѣ представителей какими-то закулисными «владыками» и потому не заслуживаетъ вниманія. Если подъ «владыками» разумѣть финансовыхъ королей и милліардеровъ, то между крупнѣйшими изъ нихъ, какъ извѣстно, нѣтъ ни одного еврея, и обычные суевѣрные толки нашихъ запуганныхъ націоналистовъ объ еврей-

скомъ или инородческомъ «засиліи» никакъ не могутъ быть примѣняемы къ Америкѣ. Но если бы даже американскій конгрессъ и президентъ Тафтъ въ самомъ дѣлѣ подчинялись какимъ-либо финансовымъ владыкамъ, Соединенные Штаты все-таки оставались бы для насъ великою и могущественной державою, съ которою намъ слѣдуетъ поддерживать хорошія и дружественныя отношенія въ видахъ безопасности нашихъ интересовъ на Дальнемъ Востокѣ. Каковы бы ни были внутреннія политическія отношенія и условія въ Соединенныхъ Штатахъ, они не даютъ русской печати права умалять значеніе и роль заатлантической республики въ общихъ международныхъ дѣлахъ. Да и не нашимъ націоналистамъ говорить свысока о чужихъ внутреннихъ дѣлахъ. Что сказали бы эти россійскіе патріоты, еслибы какая-нибудь вліятельная американская газета вздумала столь же высокомѣрно разбирать качества закулисныхъ вдохновителей нашей администраціи и нашего парламента? «Новое Время» вѣроятно усмотрѣло бы въ этомъ дерзкое иноземное посягательство на наше внутреннее благополучіе. И по справедливости названная газета должна была бы сама избѣгать такого рода посягательствъ на достоинство и авторитетъ чужихъ великихъ націй и государствъ.

Нѣкоторые изъ нашихъ недалекихъ націоналистовъ нашли даже нужнымъ угрожать американцамъ таможенною войною въ отвѣтъ на отмѣну стараго торговаго договора; другими словами, они готовы были бы, для доказательства своихъ патріотическихъ чувствъ, отвергнуть предложеніе президента Тафта вступить въ переговоры о новомъ торговомъ трактатѣ.

Прежде всего, остается непонятнымъ, чѣмъ именно оскорблены патріотическія чувства нашихъ націоналистовъ? Тѣмъ ли, что правительство Соединенныхъ Штатовъ заступается за такую категорію американскихъ гражданъ, которая у насъ подлежала бы разнымъ ограниченіямъ? Но вѣдь американцы имѣютъ право держаться своихъ собственныхъ взглядовъ и по своему понимать свои политическія и международныя обязанности; смѣшно было бы видѣть въ этомъ обиду для Россіи. Не могутъ же гг. Гучковъ и Лерхе навязывать американцамъ свое особое пониманіе договорныхъ обязательствъ, какъ подчиненныхъ, будто бы, контролю россійскаго націонализма. Затѣмъ, если эти господа чувствуютъ потребность проявить въ наглядной формѣ свой патріотизмъ, то почему они проявляютъ его на чужой счетъ, съ возложеніемъ всѣхъ жертвъ и затратъ на массу русскихъ потребителей американскихъ товаровъ?.. Практическіе дѣятели нашей промышленности не могли, конечно, соблазниться ребяческимъ проектомъ октябристскихъ вождей; но странно уже и то, что они его

серьезно обсуждали. Нашъ вывозъ въ Соединенные Штаты доходитъ до 34 милліоновъ рублей въ годъ, и почти въ такую же сумму опредѣляется цѣнность привоза. Многія отрасли нашей промышленности зависятъ отъ правильной торговли съ Америкою и сильно пострадали бы отъ повышенія пошлинъ на необходимые имъ американскіе продукты; въ свою очередь и сбытъ русскихъ товаровъ въ Америкѣ сократился бы, и въ результатѣ мы причинили бы вредъ самимъ себѣ. По здравому смыслу, въ интересахъ разумнаго патріотизма, мы должны желать своевременнаго заключенія выгоднаго для обѣихъ сторонъ торговаго договора между Россіею и Соединенными Штатами, на основѣ дѣйствительной взаимности и равноправія.

Можно надѣяться, что колеблющаяся до сихъ поръ между различными вліяніями дипломатія войдетъ у насъ, наконецъ, въ нормальную колею, съ выздоровленіемъ отвѣтственнаго руководителя нашей внѣшней политики, С. Д. Сазонова. Въ бытность свою въ Парижѣ, 8-го декабря (нов. ст.), министръ высказалъ свои общія идеи и намѣренія въ бесѣдѣ съ извѣстнымъ политическимъ обозрѣвателемъ газеты «Temps», Андрэ Тардье. Онъ говорилъ, разумѣется, въ успокоительномъ и оптимистическомъ тонѣ. Понятно, что «неизмѣнною основою» нашего политическаго курса остается франко-русскій союзъ, выдержавшій уже двадцатилѣтній періодъ испытанія и провѣрки. «Между Россіею, Франціею и Англіею существуетъ полное единство взглядовъ»; въ Персіи безусловно оправдалась польза англо-русскаго соглашенія 1907-го года. Относительно персидскихъ дѣлъ «политика Россіи будетъ спокойною, умѣренною, согласною съ существующими трактатами»; но—прибавилъ министръ,—«мы не допустимъ нарушенія нашего національнаго достоинства и нашихъ торговыхъ интересовъ». По отношенію къ Китаю также установилась «полная гармонія взглядовъ» между Франціею, Англіею и Японіею, съ которою поддерживаются въ этой области «самыя лучшія связи». «Всякая неосторожная иниціатива здѣсь исключена. Мы слѣдимъ за развитіемъ волненій внимательно, но безъ нервности». Газетные толки о переговорахъ въ Константинополѣ по вопросу о проливахъ,—о чемъ мы упоминали уже выше,—отнесены министромъ къ категоріи «легендъ». Въ заключеніе министръ еще разъ подчеркнулъ важность соглашеній и союзовъ, въ основѣ которыхъ лежитъ принципъ всегдашней взаимности и солидарности.

Мы не сомнѣваемся, что русская политика была бы избавлена отъ многихъ разочарованій и неудачъ, если бы она дѣйствительно соблюдала тѣ принципы благоразумія, которые указаны нашимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ въ разговорѣ съ парижскимъ журналистомъ. По прибытіи въ Петербургъ, онъ имѣлъ еще бесѣду съ со-

трудникомъ одной изъ русскихъ газетъ; со временемъ онъ, быть можетъ, ознакомитъ съ своими взглядами и Государственную Думу.

Оригинальная парламентская полемика между германскимъ канцлеромъ и британскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ довольно ясно раскрыла наиболѣе чувствительныя и больныя мѣста въ международныхъ отношеніяхъ между Англіею и Германіею. Бетманнъ-Голльвегъ говорилъ откровенно, безъ дипломатическихъ тонкостей; сэръ Эдуардъ Грей разсуждалъ сухо и дѣловито—и оба они только выяснили положеніе, нисколько не смягчая его. Въ своей заключительной рѣчи въ имперскомъ сеймѣ, 5-го декабря, германскій канцлеръ, возражая Грею, вновь доказывалъ, что не Германія относится враждебно къ Англіи, а напротивъ Англія повсюду ставитъ преграды свободному росту и колоніальному расширенію Германіи. Нѣмцы должны увеличивать свой военный флотъ до тѣхъ поръ, пока онъ не обезпечитъ имъ свободы отъ стѣснительнаго британскаго контроля и отъ чрезмѣрныхъ британскихъ притязаній. Германская нація, непрерывно возрастающая по численности, развивающая свою культурную и промышленную производительность въ колоссальныхъ размѣрахъ, ищетъ для себя простора въ мірѣ, но повсюду встрѣчаетъ противодѣйствіе или глухую непріязнь со стороны англичанъ.

Если безпристрастно формулировать причины взаимнаго антагонизма между Англіею и Германіею по поводу марокккскихъ дѣлъ, то нельзя не придти къ заключенію, что британскіе министры и политическіе дѣятели даютъ достаточный матеріалъ для неудовольствія германскихъ патріотовъ. Англичане привыкли считать свое владычество на моряхъ обязательнымъ и неизмѣннымъ на вѣчныя времена, чѣмъ-то въ родѣ разъ навсегда установленной аксіомы, не допускающей никакихъ сомнѣній; они признаютъ, поэтому, необходимымъ имѣть такой военный флотъ, который всегда былъ бы сильнѣе соединенныхъ флотовъ двухъ первоклассныхъ морскихъ державъ. Изъ числа остальныхъ государствъ культурнаго міра. Германія рѣшила выйти изъ предначертанныхъ ей Англіею рамокъ и достигнуть самостоятельнаго морскаго могущества, способнаго соперничать съ британскимъ. Это стремленіе континентальной имперіи показалось англичанамъ доказательствомъ воинственныхъ замысловъ, покушеніемъ на неприкосновенность и цѣлость вѣкового зданія британскаго величія. Между тѣмъ очевидно, что Англія не имѣетъ разумнаго основанія претендовать на исключительное, привилегированное положеніе въ мірѣ и не можетъ запретить другимъ націямъ стремиться къ такому же развитію своихъ силъ и средствъ на моряхъ и океа-

нахъ, — ибо въ сущности всѣмъ хватитъ мѣста на земномъ шарѣ.

Германія стоитъ за равноправность—и въ этомъ ея право. Англія не признаетъ равноправности и распоряжается чужими правами по своему усмотрѣнію, опираясь на свою привилегію; такъ поступила она въ 1904-мъ году, отдавъ Марокко Франціи и Испаніи, безъ вѣдома и участія Германской имперіи. По какому праву—спрашиваютъ нѣмцы,—Англія самовластно распорядилась тогда судьбою страны, которая ей не принадлежала и не принадлежитъ? Почему она по крайней мѣрѣ не привлекла къ участію въ дѣлѣ и Германію? Внушительный отвѣтъ на приготовленія французовъ къ одностороннему захвату Марокко былъ данъ Германіею въ Танжерѣ. Выступленіе императора Вильгельма II сразу уничтожило франко-британскую сдѣлку и заставило великія державы идти въ Алжесирасъ. Урокъ прошелъ безплодно для англичанъ. Впослѣдствіи, когда французскія войска заняли значительную часть Марокко, Германія опять заявила свое право голоса, пославъ военное судно въ Агадиръ. Франція вступила съ нею въ переговоры; но въ это время, безъ всякаго законнаго къ тому повода, Англія вмѣшалась въ качествѣ державы-распорядительницы и предупредила германское правительство, что не допуститъ занятія Германіею какого-либо пункта по марокскому побережью. Почему не допуститъ и по какому праву? Если французамъ и испанцамъ предоставлено подѣлить между собою Марокко, то, казалось бы, можно бы позволить и нѣмцамъ, по соглашенію съ Франціею, получить кусокъ земли съ гаванью. Но Англія не позволила,—и пришлось сдѣлать видъ, что и намѣренія не было водвориться въ какомъ-нибудь уголкѣ Марокко. Германія должна была молча отступить и направить свое вниманіе на Конго; но она глубоко затаила обиду и ярко выразила свои чувства въ печати и парламентѣ. Англія могла говорить такимъ тономъ съ Германіею только потому, что твердо знаетъ за собою безспорное превосходство морской военной силы; но неужели превосходство силы должно такъ открыто высказываться въ мирныхъ отношеніяхъ между равноправными великими державами? Вѣдь не скажетъ же Германія Бельгіи или Испаніи, что не позволитъ имъ дѣйствовать извѣстнымъ образомъ, на томъ основаніи, что она несравненно сильнѣе названныхъ странъ. Англійскіе государственные люди и дипломаты не считаются съ психологіею Германіи, ея правителей и патріотовъ; они не вникаютъ въ ихъ національныя идеи и понятія, не заботятся объ ихъ чувствахъ, и невольно наносятъ имъ чувствительныя раны, когда думаютъ только съ сухой дѣловитостью констатировать факты или обезпечить достиженіе опредѣленнаго практическаго результата.

Такъ же болѣзненно задѣвали они прежде французовъ и такъ же рѣзко обращались иногда съ Россіею, до устройства новѣйшихъ соглашеній. Германія пока дѣлаетъ изъ поведенія Англіи только одинъ выводъ: что надо идти дальше по пути вооруженій и все болѣе усиливать свой флотъ; но многіе разсчетливые англичане предвидятъ уже тотъ моментъ, когда Англія сойдется и сблизится съ своею новою соперницею, подобно тому какъ она благополучно сошлась съ своими старыми вѣковыми соперниками въ Европѣ и Азіи.

Любопытно, что о правотѣ Германіи въ марокскомъ спорѣ много говорилось во французской палатѣ депутатовъ, къ великому неудовольствію ея патріотическаго большинства. Жоресъ, въ своей двухдневной рѣчи, 19 и 20-го декабря (нов. ст.), нападалъ на французскую дипломатію за ея увлеченіе неблаговидными колоніальными захватами и оправдывалъ естественное стремленіе Германіи къ пріобрѣтенію новыхъ рынковъ. Онъ договорился до того, что возбудилъ шумные протесты значительной части палаты и былъ даже призванъ къ порядку президентомъ Бриссономъ. Тѣмъ не менѣе, изъ всѣхъ рѣчей, произнесенныхъ во время этихъ шестидневныхъ преній, рѣчь Жорѐса была несомнѣнно самая замѣчательная. Онъ говорилъ о великихъ руководящихъ идеяхъ истинно-республиканской политики, о нравственномъ долгѣ и справедливости, объ уваженіи къ чужимъ національностямъ и племенамъ,—все о вещахъ старомодныхъ и непрактичныхъ, вызывающихъ улыбку недоумѣнія у трезвыхъ дѣльцовъ; но его слушали съ напряженнымъ вниманіемъ и интересомъ, ибо старыя идеи облекались имъ въ изящныя и вдохновенныя формы. Въ совершенно противоположномъ духѣ говорилъ другой блестящій ораторъ, давно не выступавшій въ парламентѣ по болѣзни, представитель старой монархической Франціи, графъ де-Мэнъ. Его рѣчь была первою при открытіи преній по марокскому вопросу въ засѣданіи 14-го декабря; она была принята всѣми, какъ рѣдкое произведеніе ораторскаго искусства, но красивыя фразы ея звучали холодно и никого не убѣждали. Длинныя рѣчи главы кабинета Кальо, депутатовъ Дешанеля, Мильерана, министра иностранныхъ дѣлъ де-Сельва были содержательны и дѣловиты. Большинство согласилось съ ихъ доводами: палата утвердила проектъ франко-германскаго соглашенія 393 голосами противъ 36 при 130 воздержавшихся. Французамъ остается теперь осуществить состоявшуюся сдѣлку на практикѣ, въ предѣлахъ Марокко.

Въ Китаѣ процессъ разложенія имперіи быстро подвигается впередъ, и новый порядокъ вещей обрисовывается пока только въ туманныхъ чертахъ. Республиканская партія господствуетъ, повидимому, въ центральныхъ и южныхъ провинціяхъ; сторонники манчжурской династіи все болѣе теряютъ почву. Между представителями обоихъ лагерей ведутся переговоры при общемъ посредничествѣ знаменитаго Юаньшикая; но соглашеніе между революціоннымъ собраніемъ въ Шанхаѣ и конституціонною палатою въ Пекинѣ едва ли возможно при настоящихъ обстоятельствахъ. Многое зависитъ теперь отъ личныхъ рѣшеній лукаваго и энергическаго государственнаго человѣка, на котораго обѣ враждующія партіи продолжаютъ возлагать свои надежды.

Персидскія дѣла принимаютъ крайне серьезный оборотъ въ виду послѣднихъ кровавыхъ нападеній на русскихъ офицеровъ и солдатъ, о чемъ свидѣтельствуетъ появившееся въ газетахъ 15-го декабря правительственное сообщеніе:

«Обсудивъ положеніе, создавшееся вслѣдствіе дерзкихъ нападеній 8-го декабря на русскія воинскія части и учрежденія въ Тавризѣ, Рештѣ и Энзели, и принимая во вниманіе, что эти враждебныя дѣйствія, сопровождавшіяся къ тому же мѣстами звѣрскими истязаніями и надруганіями надъ ранеными и убитыми, требуютъ самаго серьезнаго возмездія, и что персидское правительство, хотя и не причастное къ этимъ дѣйствіямъ, не обладаетъ должною силою, чтобы покарать виновныхъ,—русское правительство признало нужнымъ принять само въ означенныхъ городахъ карательныя мѣры по своему усмотрѣнію.

«Въ этихъ видахъ начальникамъ отрядовъ, по соглашенію съ русскими консулами въ Тавризѣ и Рештѣ, предписано приступить въ безотлагательному принятію строжайшихъ мѣръ по наказанію виновныхъ въ упомянутыхъ нападеніяхъ и къ устраненію на будущее время причинъ, вызвавшихъ подобныя явленія. Въ качествѣ таковыхъ мѣръ указаны: арестованіе всѣхъ русскихъ и персидскихъ подданныхъ, принимавшихъ участіе въ нападеніи на русскія войска, сужденіе ихъ по законамъ военнаго времени, обезоруженіе фидаевъ и прочихъ безпокойныхъ мѣстныхъ элементовъ; разрушеніе мѣстъ, откуда оказывается сопротивленіе, а равно и другія мѣры, которыя по свойствамъ совершенныхъ нападеній будутъ признаны необходимыми въ цѣляхъ возстановленія порядка и наказанія виновныхъ.

«Объ этихъ распоряженіяхъ 10-го декабря поставленъ былъ въ

извѣстность намѣстникъ Его Императорскаго Величества на Кавказѣ для снабженія соотвѣтственными инструкціями начальниковъ отрядовъ».

Карательныя экспедиціи—орудіе обоюдоострое и опасное въ странѣ съ враждебнымъ и воинственнымъ населеніемъ. Придется, по всей вѣроятности, прибѣгнуть къ военной оккупаціи страны, чтобы обезпечить свободу дѣйствій экспедиціонныхъ отрядовъ, а оккупація связана съ чрезвычайно щекотливыми вопросами и затрудненіями, о которыхъ надо подумать заранѣе. Прежде всего—повторяемъ,—ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ отступать отъ духа и смысла англо-русской конвенціи 1907-го года.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

— Чернышевскій въ Сибири. Переписка съ родными. Выпускъ I (1865—1875). Спб. Издательство «Огни». 1912.

Первый выпускъ переписки Н. Г. Чернышевскаго за время его ссылки въ Сибири охватываетъ періодъ его пребыванія въ Кадаѣ и Александровскомъ заводѣ, гдѣ онъ отбывалъ каторжныя работы, и первые годы жизни въ Вилюйскѣ, куда онъ былъ отправленъ по окончаніи срока этихъ работъ. Письма Чернышевскаго, вмѣстѣ со вступительной статьей Е. А. Ляцкаго, примѣчаніями М. Н. Чернышевскаго и рядомъ иллюстрацій (въ томъ числѣ впервые появляющіеся въ печати виды Кадая и Вилюйскаго острога), даютъ полную и за душу берущую картину жизни знаменитаго изгнанника, осужденнаго при помощи подлога и обреченнаго, путемъ ничѣмъ неоправдываемыхъ отягченій его жизни въ качествѣ поселенца, на медленное угасаніе. Но чѣмъ произвольнѣе и отяготительнѣе были кары, обрушившіяся на Чернышевскаго, тѣмъ въ большемъ величіи встаетъ предъ нами трогательная простота и кротость, съ которою онъ переноситъ все это, какъ неизбѣжную «мелочь». Его мученичество встаетъ теперь въ ореолѣ подлинной святости, ничѣмъ невозмутимой чистоты сердца и намѣреній. «Самое лучшее, что могли бы мы *всѣ* сдѣлать—это умереть»—въ отчаяніи писала дѣтямъ жена Чернышевскаго въ 1874-мъ году, видя, съ какой холодной безпощадностью отвергаются всѣ ходатайства о

малѣйшемъ смягченіи участи Н. Г.—«Фамилія Чернышевскаго проклята Богомъ. Ее слѣдуетъ стереть съ лица земли, какъ можно скорѣе!» Она подписывала прошенія противъ своего желанія и противъ воли Н. Г. Самъ онъ находилъ въ себѣ силы не только существовать на каторгѣ и въ такомъ гибломъ мѣстѣ, какъ Вилюйскъ (эта послѣдняя ссылка была несомнѣннымъ ухудшеніемъ его положенія въ сравненіи съ каторгой), но и жить мыслью и заботами о своей семьѣ. Надъ удручающими внѣшними условіями своей жизни онъ всегда умѣетъ посмѣяться и обычно представляетъ ихъ вполнѣ сносными, чуть ли не роскошными въ сравненіи съ его требованіями. Въ перепискѣ раскрывается, между прочимъ, исторія трогательныхъ его попытокъ поссорить съ собою остающуюся въ Россіи свою семью и семью Пыпиныхъ. А. Н. Пыпинъ поддерживалъ съ нѣжной заботливостью жену и дѣтей Н. Г.—и съ нимъ-то и затѣвалась ссора, въ тѣхъ соображеніяхъ, что, порвавъ съ ссыльнымъ всякія отношенія, семья будетъ лучше устроена и спокойна. Затѣя разбилась о столь же ничѣмъ незамутимую совѣсть А. Н. Пыпина; послѣ письма Пыпина объ этой ссорѣ Н. Г. писалъ ему: «Я писалъ тебѣ въ первомъ моемъ отвѣтѣ на него, что стоило бы поцѣловать за него твою руку. Разумѣется, это лишняя церемонія. Ты и забудь, что я, не стѣсняясь приличіями, въ мысляхъ своихъ исполнилъ ее». Высокій, чистый строй души Чернышевскаго съ неменѣе обаятельной стороны раскрывается въ тѣхъ урокахъ морали, которые онъ иногда читаетъ своимъ сыновьямъ. Ни тѣни озлобленія и негодованія на жестокость людей и собственной судьбы. Въ окружающихъ его онъ, съ талантомъ истинно любящей натуры, видитъ вездѣ только хорошихъ и неизмѣнно добрыхъ къ нему людей, настолько добрыхъ, что они (въ Вилюйскѣ) уже не обижаются на него, когда онъ даетъ откровенно понять, что ему съ ними скучно. «Источникъ всего хорошаго для людей, и, въ томъ числѣ, благородныхъ чувствъ — добрыя отношенія человѣка къ его близкимъ, эти обыденныя отношенія къ людямъ съ которыми живетъ человѣкъ въ одной квартирѣ. Хороши эти отношенія?—то и люди честны и добры; много на свѣтѣ такихъ людей?—то и хорошо для всѣхъ, хоть эти люди живутъ и работаютъ для себя и живущихъ на одной квартирѣ съ ними, а не для человѣчества и тому подобныхъ абстракцій». Вражда къ абстракціямъ и всякому искусственному энтузіазму даетъ Чернышевскому рѣдкій даръ видѣть и помнить одно хорошее отъ людей и подсказываетъ ему слова: «въ прошломъ—все хорошо. И пусть думаютъ о немъ наши дѣти, которымъ полезно думать хорошее о матери и отцѣ». Въ настоящемъ онъ полонъ все охватывающей терпимости, истинной

терпимости мудреца, проникшаго въ глубокую сущность человѣческой природы. Нельзя не считать подлиннымъ выраженіемъ его отношенія къ собственному процессу такія, напр., слова: «ни въ комъ изъ людей высокихъ оффиціальныхъ положеній не видѣлъ я ничего, кромѣ уваженія и личнаго расположенія ко мнѣ...» Перечитывая эти письма, въ которыхъ впервые раскрывается съ такой полнотой сердце Чернышевскаго, можно вполнѣ прочувствовать извѣстный стихъ Некрасова: «Его послалъ Богъ гнѣва и печали рабамъ земли напомнить о Христѣ»... Сравнительно немного въ вышедшемъ выпускѣ переписки мы узнаемъ о предметахъ занятій Чернышевскаго. Отойдя отъ текущей журналистики, онъ стремится сдѣлать результаты науки и мысли предметомъ философскихъ обобщеній. Это видно въ особенности изъ его настойчивыхъ просьбъ присылать только тѣ, хотя бы старыя, книги которыя имѣютъ существенное, основоположное значеніе въ наукѣ. Въ перепискѣ съ сыновьями онъ иногда высказывается и по поводу новыхъ явленій и теченій въ наукѣ, часто—съ полнымъ пренебреженіемъ; такъ, онъ рѣзко отрицательно отнесся къ Дарвиновской «борьбѣ за существованіе». Вѣроятно, въ этой все возраставшей оторванности отъ развитія науки и отъ ежедневной литературной работы была наиболѣе тягостная сторона его изгнанія... Какъ бы то ни было, письма Чернышевскаго изъ Сибири займутъ мѣсто въ русской литературѣ наряду съ лучшими страницами его журнальныхъ писаній, и навѣрно станутъ въ рядъ извѣстнѣйшихъ произведеній міровой литературы изгнанничества и страдальчества во имя свободной мысли.

— М. Гершензонъ. Образы прошлаго. Москва, 1912.

Въ новой, очень объемистой книгѣ г. Гершензона собраны вмѣстѣ и небольшія по размѣрамъ историко-литературныя изслѣдованія по частнымъ вопросамъ, какъ три статьи о Пушкинѣ, и болѣе крупныя по объему біографія славянофила Петра Кирѣевскаго, критическій этюдъ о поэмахъ Тургенева, очеркъ о роли Герцена въ международной демократіи, съ приложеніемъ переписки Герцена съ видными людьми Запада; далѣе, нѣсколько небольшихъ замѣтокъ о Н. Тургеневѣ, Пестелѣ, М. Глинкѣ, А. А. Ивановѣ, объ оригиналѣ лермонтовскаго доктора Вернера—врачѣ Мейерѣ, о Кетчерѣ, и, наконецъ, обширное собраніе писемъ Н. Огарева къ его первой женѣ Марьѣ Львовнѣ, съ нѣкоторыми сопроводительными замѣчаніями объ ихъ отношеніяхъ и жизни—собраніе, само по себѣ составляющее цѣлую книгу. Все это было уже въ печати, не представляетъ интереса новизны и не имѣетъ достаточнаго единства. Но въ отдѣльности

статьи и замѣтки большею частью очень цѣнны, какъ результатъ чрезвычайно внимательнаго изученія и вдумчиваго освѣщенія болѣе или менѣе интересныхъ фактовъ исторіи русскаго общества и литературы. Въ частныхъ изслѣдованіяхъ г. Гершензонъ умѣетъ восходить до интересныхъ обобщеній, связывая изслѣдуемое явленіе съ болѣе общими и важными, и освѣщать глубокіе психологическіе корни отдѣльныхъ литературныхъ настроеній. Такъ напримѣръ, художественный замыселъ «Пиковой дамы» Пушкина, которую г. Гершензонъ ставитъ чрезвычайно высоко, интересно и реалистически освѣщенъ какъ «соприкосновеніе души, опредѣленно настроенной, съ соотвѣтствующимъ этому настроенію элементомъ дѣйствительности». Анекдотъ о трехъ картахъ мало по малу разрушилъ душу Германа, съ назрѣвавшими въ ней уже раньше безуміемъ и гибелью. Краткая замѣтка о Пестелѣ даетъ г. Гершензону поводъ выдвинуть важный, съ историко-психологической точки зрѣнія, вопросъ о причинахъ странной для насъ общей и крайней откровенности показаній декабристовъ на слѣдствіи. Выводъ автора подчеркиваетъ общность психологіи декабристовъ и правительственной власти до 14 декабря: «они были глубоко проникнуты мыслью, что предметъ ихъ стремленій есть вмѣстѣ съ тѣмъ правильно понятый интересъ власти; они психологически отождествляли себя съ этой властью и, безъ преувеличенія можно сказать, относились къ ней съ сыновнимъ чувствомъ. Весь ихъ заговоръ представлялся имъ какъ бы семейнымъ дѣломъ между ними и ею... Признанія декабристовъ было только продолженіемъ ихъ дѣла». Съ выводами г. Гершензона приходится серьезно считаться даже тамъ, гдѣ онъ, можетъ быть, и не правъ (полемика, вызванная его статьей «Сѣверная любовь А. С. Пушкина», или спорная характеристика Тургенева, въ которой особенно замѣтны уклоны критика въ сторону мистико-интуитивныхъ настроеній). Методъ, связывающій глубину индивидуальной психологіи историческихъ личностей съ общей психологіей людей эпохи, въ рукахъ г. Гершензона неизмѣнно живъ и часто плодотворенъ. Не безъ права, вмѣсто предисловія, книгѣ предпосланы, съ нѣсколько изысканнымъ изяществомъ, слова Шекспира: «госпожа, которой я служу, все мертвое волшебно оживляетъ и дѣлаетъ работу мнѣ отрадой».

Ч. В—скій.

— О. Н. Ольнемъ. Цѣпи.—Передъ разсвѣтомъ. (Разсказы). Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Въ двухъ разсказахъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ, сказываются обычныя достоинства автора: яркость письма, тщательная литературная отдѣлка и спокойная сдержанность повѣство-

ванія. Ольнемъ не принадлежитъ къ очень распространенному теперь типу писателей, которые отличаются экспансивностью и спѣшатъ высказаться. Холодноватая объективность писательницы, пожалуй, даже чрезмѣрна. Ея произведенія ничего не говорятъ намъ о ней самой, о ея вкусахъ. Мы не знаемъ, кому изъ своихъ героевъ она сочувствуетъ, съ кѣмъ изъ нихъ она живетъ общею жизнью... У насъ есть уже три сборника ея разсказовъ, но по нимъ совсѣмъ нельзя себѣ представить интимную физіономію автора.

Лучшій изъ двухъ разсказовъ—«Цѣпи». Въ немъ удачно намѣченъ супружескій конфликтъ, выростающій на почвѣ проявляемаго обоими супругами эгоизма и взгляда другъ на друга какъ на собственность. Какъ въ обрисовкѣ дѣйствующихъ лицъ, особенно Зины, такъ и въ развитіи дѣйствія, чувствуется большая увѣренность и зрѣлость автора. Но, именно въ виду этого, къ разсказу можно предъявлять болѣе строгія требованія въ отношеніи внутренней послѣдовательности и художественной выдержанности. Страшный мелодраматическій конецъ разсказа не соотвѣтствуетъ ни характеру героини, ни всей сравнительно спокойной, обыденной картинѣ, которую авторъ рисуетъ и въ первой супружеской комбинаціи, и во второй. Зина перваго своего мужа уважала, но не любила, а второго любила, но недостаточно уважала. Отсюда ея разочарованіе и недовольство жизнью... Можетъ быть. Но нельзя повѣрить, чтобы такая здоровая, цѣльная, съ яркимъ сознаніемъ своей личности, женщина, изъ-за этихъ неудачныхъ опытовъ, поставила крестъ надъ своей жизнью, рѣшила трагически изъ нея уйти. Къ тому же, ни въ отношеніяхъ ея къ супругамъ, ни въ ея психологіи не проявлялось ничего больного, даже ничего слишкомъ интенсивнаго. Вообще, такой исходъ совсѣмъ не подготовленъ, художественно не оправданъ авторомъ, и это ослабляетъ впечатлѣніе прекрасно написаннаго разсказа.

«Передъ разсвѣтомъ» колоритно рисуетъ бытъ и нравы будто бы «предразсвѣтной», но, въ сущности, пока живущей въ безнадежномъ мракѣ провинціи.

— Н. И. Олигеръ. Собраніе сочиненій. Томъ первый. Спб. 1911 г. Ц. 1 р. 25 коп.

Собранія сочиненій теперь въ модѣ. Молодые авторы включаютъ въ свои сборники не только законченныя произведенія, но и всякіе наброски, иногда совершенно ненужный хламъ. Такія изданія вызываютъ справедливыя нареканія. Вѣдь всякое собраніе сочиненій есть итогъ, а итоги преждевременно подводить не слѣдуетъ:

это вредно для самого автора, можетъ впослѣдствіи заставить его раскаяться, отречься отъ самого себя. Г. Олигеръ тоже нѣсколько поспѣшилъ съ «собраніемъ». Его настоящая литературная дѣятельность впереди, а не позади; какъ писатель, онъ еще молодъ, ему нужно работать надъ собой, прогрессировать, а не собирать написанное. Впрочемъ, и въ написанномъ у него уже есть что собирать. Всѣ его произведенія имѣютъ опредѣленную физіономію, хотя въ нихъ, большею частью, нѣтъ художественной законченности, и они ниже того, чѣмъ могли бы быть.

У Олигера есть большое преимущество передъ многими изъ нашихъ новыхъ писателей: его талантъ —ярко эмоціональный. Ему доступно истинное вдохновеніе, столь скудное, почти угасшее въ молодой литературѣ. Искры этого ничѣмъ не замѣнимаго священнаго огня даютъ право возлагать на автора надежды. Помѣхой для его совершенствованія является очевидная торопливость его работы и отсутствіе выдержки. Ему все какъ будто некогда заняться собой, некогда додумывать и вынашивать свои произведенія, некогда ихъ отдѣлывать. А между тѣмъ, такіе законченные разсказы, какъ напр. «Бѣлые лепестки», показываютъ, что и въ отношеніи техническаго мастерства Олигеръ могъ бы достигнуть многаго, еслибы захотѣлъ.

Къ сожалѣнію, въ первый томъ изданія вошли далеко не лучшія произведенія Олигера. Талантливый авторъ, повидимому, не устоялъ противъ соблазна издавать все. Онъ включилъ въ сборникъ совсѣмъ слабый разсказъ: «Любовь», вычурный, надуманный и очень грубый. Хорошо, если наличность этого разсказа въ первомъ томѣ сочиненій — простой недосмотръ, а не авторское самоослѣпленіе. Но въ той же книжкѣ, на ряду съ неудачной «Любовью», напечатанъ прекрасный очеркъ: «На аванпостахъ», рисующій психологію революціонера по неволѣ, съ его вѣрой въ дѣло и горькимъ сомнѣніемъ въ томъ, что это «дѣло»—его дѣло. Противупоставленіе большого общественнаго цѣлаго и себя, «маленькаго винтика», вообще занимаетъ Олигера. Оно не ново и стало характернымъ для русской литературы еще со временъ Гаршина; но у Олигера эта психологическая нотка получила своеобразную индивидуалистическую окраску нашихъ дней.

Тепло и тонко написанъ разсказъ: «Холодъ» и съ юморомъ— очеркъ: «Покой».

Е. Колтоновская.

— Д. Я. Айзманъ. Собраніе сочиненій. Томы I и II. Спб. 1911.

Айзманъ—писатель очень популярный, очень читаемый, но въ то же время мало оцѣненный, или оцѣненный невѣрно и однобоко.

И критика, и читатели всегда искали въ немъ преимущественно публициста и, не обинуясь можно сказать, за деревьями лѣса не видѣли въ его творчествѣ. Въ этомъ виноватъ былъ отчасти самъ Айзманъ, выступавшій въ горячее, боевое время съ горячими, боевыми темами. Подъ гулъ погромовъ онъ выступилъ съ «Кровавымъ разливомъ», «Терновымъ кустомъ», «Сердцемъ бытія»; внутренній разладъ въ интеллигентномъ еврействѣ, въ которомъ яростно столкнулись и забурлили сіонистское движеніе, не сдающееся, несмотря ни на какія разочарованія, старое ассимиляторское теченіе и холодный квіэтическій индифферентизмъ утомленныхъ и отчаявшихся душъ—быстро и чутко отраженъ въ «Ледоходѣ». Темы въ глазахъ читателя почти заслонили художественную трактовку, «что» — заглушило «какъ». Писательская манера Айзмана, его стиль, художественные пріемы, типичность его героевъ - все это словно не попало на поле зрѣнія читателя, заинтересованнаго не исключительно темами Айзмана и въ особенности ихъ связью съ тѣмъ подлинно кровавымъ разливомъ, который на нашихъ глазахъ затопилъ русскую дѣйствительность и все еще не можетъ всосаться въ поруганную землю. Злободневность ужасовъ, которые внушили Айзману столько страницъ, еще не совсѣмъ исчезла. Ихъ боль еще чувствуется. Но все-таки она ослабѣла, и теперь, когда читаешь тѣ же разсказы Айзмана въ новомъ изданіи, яснѣе убѣждаешься въ настоящей силѣ этого писателя. Прежде всего ему данъ рѣдкій даръ — подмѣчать въ жизни и возсоздавать въ искусствѣ типы. Есть писатели, и талантливые, и занимательные, и умѣющіе наблюдать жизнь, написавшіе десятки томовъ, но не давшіе ни одного типа, который остался бы въ душѣ читателя. Айзманъ написалъ сравнительно немного; онъ не злоупотребляетъ перомъ и не насилуетъ своего вдохновенія, но ему удалось создать небольшую галлерею художественныхъ и соціологическихъ типовъ. Анархистъ Желтуха, сіонистка Соня Розенфельдъ, работница Мина—эта еврейская Марія Спиридонова,—идеалистъ Саулъ Ароновичъ умѣющій передъ чужимъ горемъ отодвинуть «немножечко въ сторону» свой голодъ, свою нужду, свою чахотку, міродеръ и эксплуататоръ «мусю» Цыпоркесъ, чилійскій консулъ Лазарь Мироновичъ, этотъ горе-дипломатъ изъ черты осѣдлости, зло и нагло издѣвающійся надъ нимъ градоначальникъ,—всѣ они врѣзываются въ память, такъ вѣрно и сочно выписаны эти фигуры.. Соціологъ, историкъ нашей переломной эпохи найдутъ здѣсь цѣнный матеріалъ. «Паѳосъ» Айзмана—любовь и жалость. Хотя онъ только въ прикосновеніи къ родной еврейской почвѣ черпаетъ свою силу, и отрываясь отъ нея слабѣетъ и блѣднѣетъ, но въ немъ нѣтъ и капли шовинизма. Этическая истина, что всѣ люди—

братья, для него больше, чѣмъ аксіома: она—тотъ нравственный воздухъ, которымъ онъ дышетъ. Айзманъ—моралистъ, но его мораль не прописная, не теоретическая, а кровная, безъ малѣйшей тенденціозности. По манерѣ письма Айзманъ—реалистъ, примыкающій къ старой «тургеневской» школѣ. Его стиль цѣломудренъ и строгъ; ничего лишняго, никакихъ выкрутасовъ и фіоритуръ, но все выдержано въ мѣру художественной необходимости и законченности. Въ наше время всяческой словесной «стилизаціи» и надуманнаго манерничанья его простота и безыскусственность по истинѣ rara avis. За Айзманомъ есть хорошее прошлое, и, несомнѣнно, предъ нимъ открывается еще лучшее будущее.

— В. Свѣтловъ. Современный балетъ. Издано при непосредств. участіи Л. С. Бакста. Спб. 1911.

Балетъ, какъ самостоятельная отрасль сценическаго искусства, переживалъ въ послѣдніе годы тяжелый кризисъ. Послѣ нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, когда его руководителемъ былъ покойный Петипа (ихъ по справедливости можно назвать «вѣкомъ Петипа»), талантливый мастеръ старой школы, русскій балетъ застылъ въ холодномъ академизмѣ и уже клонился къ упадку; не лучше обстояло дѣло и на Западѣ. Устарѣли сюжеты, устарѣла техника, и зритель уже не могъ съ снисходительнымъ благодушіемъ любоваться тѣмъ, что заставляло зѣвать еще Онѣгина («еще амуры, черти, змѣи на сценѣ скачутъ и шумятъ... а ужъ Онѣгинъ вышелъ вонъ»). Прежде все сходило съ рукъ: незатѣйливая, за волосы притянутая къ дѣйствію, наивно-мелодическая музыка; шествіе населяющихъ Россію народовъ съ участіемъ отплясывающихъ «Рапсодію» Листа венгерцевъ (!); наяды и русалки въ нерастрепанныхъ тарлатановыхъ тюникахъ; появленіе въ числѣ египетскихъ рѣкъ Невы, Темзы, Гвадалквивира и Рейна. Техника танца, съ отчаянными скачками, сложными пируэтами и замысловатыми fouettés, дошла почти до цирковой окраски. Декораціи брались какія попало, безъ малѣйшаго соотвѣтствія содержанію. «Балеты долго я терпѣлъ»,—сказалъ себѣ, наконецъ, зритель, махнулъ рукою и отвернулся. Балетъ, казалось, доживалъ свои послѣдніе дни, ставъ достояніемъ небольшой группы старомодныхъ чудаковъ, довольствовавшихся печальными остатками стараго «тюниковаго» балета. Г. Свѣтловъ обстоятельно и остроумно разсказываетъ, какъ стряпался этотъ балетъ композиторомъ, балетмейстеромъ, декораторомъ, костюмеромъ и исполнителями, изъ которыхъ каждый «зналъ себя», не заботился объ ансамблѣ,—и въ результатѣ, какъ у гоголевскаго повара, получался «какой-нибудь вкусъ», которымъ вполнѣ

удовлетворялась столь же неприхотливая публика. Но теперь въ связи съ общей литературно-художественной и театральной эволюціей, публика выросла, ея запросы усложнились, а балетъ почти не подвинулся впередъ и замеръ. Единственное цѣнное, что въ немъ еще оставалось—это школа стараго Петипа, изъ которой вышелъ рядъ талантливыхъ танцовщицъ и танцовщиковъ. И вотъ, балета коснулись новыя вѣянія. Небольшая группа артистовъ, художниковъ и любителей балета внесла въ обветшавшее и выродившееся искусство «хоровое начало». Она поняла простую истину, что безъ единенія всѣхъ силъ, безъ тѣсной связи въ единствѣ замысла и выполненія и либреттиста, и композитора, и декоратора, и исполнителей, все будетъ по-прежнему. Она выбросила за бортъ всякую фальшь и выдохнувшуюся условность, освѣтила репертуаръ, реформировала технику, которую привела къ реальной простотѣ и естественности. Безусловныхъ восторговъ г. Свѣтлова можно не раздѣлять, нѣкоторыя расточенныя имъ хвалебныя оцѣнки можно считать преувеличенными, но нельзя не согласиться съ критикомъ въ основныхъ его выводахъ. Такія явленія, какъ дѣятельность Дягилева, Бакста, Фокина, Рериха, Александра Бенуа, Коровина, Головина, какъ созданное Айседорой Дунканъ стремленіе къ сокровищницѣ, завѣщанной эллинизмомъ, какъ блестящія и молодыя дарованія Павловой, Карсавиной, Нижинскаго, какъ исключительный успѣхъ русскаго балета на Западѣ, гдѣ балетъ уже считался похороненнымъ и отпѣтымъ, показали, что этотъ родъ искусства приближается къ возрожденію и во всякомъ случаѣ таитъ въ себѣ здоровые зачатки жизненности и роста. Львиная доля заслуги въ этомъ отношеніи принадлежитъ русскимъ новаторамъ и русскому балету. Станетъ ли балетъ тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть, чѣмъ онъ видится реформаторамъ его въ ихъ мечтахъ, переростетъ ли онъ рамки красиваго развлеченія и приблизится ли къ идеалу широкаго и свободнаго творчества — покажетъ будущее; но свой опаснѣйшій кризисъ онъ пережилъ и можетъ гордиться несомнѣнными залогами прогресса. Происшедшая въ немъ эволюція уже теперь отражается на всемъ театрѣ, въ особенности на декораціяхъ и постановкахъ. Г. Свѣтловъ всесторонне характеризовалъ состояніе современнаго балета. Надъ внѣшностью книги немало потрудились типографъ-артистъ Б. Г. Скамони и Л. С. Бакстъ, лучшій книжный иллюстраторъ и талантливый рисовальщикъ театральныхъ постановокъ и костюмовъ Александръ Бенуа и Н. Рерихъ проявили себя, по обыкновенію, проникновенными мастерами. Кромѣ нѣсколькихъ десятковъ отличныхъ фототипій и автотипій, въ книгѣ дано около десятка оліогравюръ и десятка три воспроизведеній въ краскахъ.

Особенно выдаются портреты Фокина (Сѣрова), Бакста (Кустодіева), Александра Бенуа (Бакста). Вообще всѣ детали изданія поражаютъ изяществомъ и художественной законченностью. Даже за-границей, гдѣ типографское искусство стоитъ выше, чѣмъ у насъ, рѣдко появляются такія образцовыя работы.

— Вопросы теоріи и психологіи творчества. Томъ III.—К. Ѳ. Тіандеръ. Очеркъ исторіи театра въ Западной Европѣ и въ Россіи. Харьковъ. 1911.

На русскомъ языкѣ немного написано изслѣдованій по исторіи театра, и въ особенности мало общихъ обзоровъ; можно назвать только книги Алексѣя Веселовскаго, Б. В. Варнеке, П. О. Морозова посвященныя исторіи русскаго или европейскаго театра порознь. Г. Тіандеру принадлежитъ, такимъ образомъ, первая попытка обозрѣть исторію русскаго и иностраннаго театра отъ наивной литургической драмы до современнаго намъ театра «настроенія». Свою задачу авторъ опредѣлилъ вѣрно: «во-первыхъ, представить развитіе внѣшней театральной техники: декорацій, бутафорскихъ принадлежностей, устройства сцены и проч.; во-вторыхъ, выяснить различные стили драматическаго творчества въ зависимости отъ обще-литературныхъ тенденцій; въ-третьихъ, установить вліяніе репертуара на театръ». Удовлетворительному, безъ особыхъ натяжекъ, пропусковъ и умолчаній, исполненію этой задачи не помѣшали даже нѣкоторые странно-схоластическіе взгляды автора, видящаго, напримѣръ, назначеніе сценическаго искусства въ томъ, что оно «воспроизводитъ жизнь въ настоящемъ (!) ея видѣ, какъ неподдѣльную дѣйствительность, со всѣми ея движеніями, звуками и красками; отсюда и ея удобопонятность, которая не достигается ни живописью, ни музыкой, ни эпосомъ» (шаткій критерій эта удобопонятность, стоитъ вспомнить хотя бы символическую драму Метерлинка). Есть и такіе существенные промахи, какъ огульное отнесеніе Пушкина-драматурга къ бытовому театру. Самая слабая часть книги г. Тіандера — русскій театръ XIX; все остальное — цѣнный обзоръ исторіи театра какъ зрѣлища и литературнаго жанра.

Н. Л.

— Проф. Павелъ Виноградовъ.—Средневѣковое помѣстье въ Англіи. С.-Петербургъ. 1911 г.

Нельзя не привѣтствовать появленіе на русскомъ языкѣ классическаго сочиненія проф. Виноградова о ростѣ англійскаго помѣстья.

Въ самой Англіи «Growth of the Manor» въ короткій срокъ выдержало уже два изданія, и западно-европейская критика своевременно отмѣтила капитальное значеніе этой работы. Въ настоящее время оксфордскій профессоръ дѣлаетъ цѣнный даръ русской читающей публикѣ переработкою своего англійскаго труда. До сихъ поръ въ исторической литературѣ не было сочиненія, которое въ ясномъ и отчетливомъ охватѣ характеризовало бы эволюцію средневѣковаго помѣстья; книга П. Р. Виноградова является для него тѣмъ, чѣмъ былъ былъ для государства-города древняго міра образцовый трудъ Фюстель-де-Куланжа: «Cité antique». Исключительная эрудиція автора, его глубокая освѣдомленность въ источникахъ дали ему возможность поставить изслѣдованіе на широкую основу. Эволюція англійскаго помѣстья рисуется на обще-европейскомъ фонѣ, причемъ одинаково подчеркиваются какъ черты сходства, такъ и черты различія. Часто небольшое замѣчаніе заключаетъ въ себѣ детальнѣйшій анализъ спеціальнаго источника, ставитъ на очередь крупныя ученыя проблемы.

Одиннадцать главъ книги рисуютъ ростъ манора отъ его зачатковъ въ кельтское и римское время и кончая его пышнымъ расцвѣтомъ въ феодальную эпоху. Интересно разобрана кельтская племенная организація, съ ея особымъ соціальнымъ и хозяйственнымъ укладомъ. Разбирая земельные порядки кельтскаго періода, проф. Виноградовъ уже отмѣчаетъ нѣкоторое отношеніе ихъ къ надвигающейся манорiальной системѣ. Слѣдующій отдѣлъ, посвященный римскому вліянію, далеко выходитъ за предѣлы мѣстной, британской исторіи и даетъ рядъ цѣнныхъ экскурсовъ, по соціальной исторіи римской имперіи. Особенно выдаются замѣчанія объ образованіи колоната, о значеніи эмфитевтическихъ держаній. Широко использованы и надписи Африки и Азіи, и папирусы Египта. Обстоятельно обрисованъ хозяйственный укладъ саксонской эпохи, съ привлеченіемъ данныхъ германскихъ и скандинавскихъ. Ясно и отчетливо показано, какъ къ концу древне-англійскаго періода свободное по своему происхожденію рабочее населеніе подчиняется военному классу и личный авторитетъ помѣщика беретъ верхъ надъ сельской общиной, возникшей раньше манора и независимо отъ него. Норманское завоеваніе (гл. IX) окончательно опредѣляетъ основныя начала манорiальной системы, господствующей въ феодальную эпоху. Глава X и XI знакомятъ съ соціальнымъ и хозяйственнымъ строемъ феодализма. Соціальный укладъ Англіи въ XI вѣкѣ былъ подвергнутъ спеціальному обслѣдованію авторомъ въ его трудѣ: «English Society in the Eleventh Century», соціально-юридическая исторія англійскаго вилленажа съ исчерпывающей полнотой пред-

ставлена имъ въ «Villainage in England». Заключительныя главы настоящей книги даютъ ясную и отчетливую общую конструкцію феодальныхъ условій. Завоеваніе и «общее право» подчинили населеніе системѣ частныхъ правъ и частнаго хозяйства. Но и подъ покровомъ своеобразнаго и сложнаго института—манора—сохранялись и жили древніе принципы общинной дѣятельности и круговой поруки. И. Бороздинъ.

— Экономическо-статистическій сборникъ. Выпускъ II. Кредитная кооперація въ московскомъ уѣздѣ. Москва. 1911.

Нѣсколько времени тому назадъ въ нашемъ журналѣ помѣщена была рецензія на книжку Н. П. Макарова о сельско-хозяйственной коопераціи въ Костромской губерніи. Теперь передъ нами находится другое изслѣдованіе того же автора, по близкому вопросу о кредитной коопераціи въ сельскомъ хозяйствѣ. Кредитъ—не ростовщическій, а коммерческій, организованный — составляетъ, весьма важное условіе прогрессивнаго развитія промышленности; широкое развитіе интенсивнаго крестьянскаго хозяйства, напр., въ Германіи тѣсно связано съ распространеніемъ въ крестьянской средѣ организованнаго кооперативнаго кредита, устранившаго разорительный для земледѣльцевъ частный ростовщическій кредитъ. Мелкій земледѣльческій производитель повсюду получаетъ доступъ къ организованному кредиту значительно позже своего крупнаго собрата: частный капиталъ считаетъ себя слишкомъ крупной особой, чтобы обратить вниманіе на нужды крестьянина. Организованный кредитъ является къ послѣднему въ формѣ кредита кооперативнаго, т. е. въ формѣ организаціи, устраиваемой самими кредитующимися; а для этого требуется наличность многихъ предпосылокъ соціальнаго и культурнаго характера. Позже всего, конечно, организованный кредитъ дѣлается доступнымъ русскому земледѣльцу: напомнимъ, что у насъ не осуществлены еще элементарныя политическія условія дѣятельности кооперативныхъ учрежденій, которыя могутъ прекратить свое существованіе по волѣ любого полицейскаго. Въ послѣдніе годы, тѣмъ не менѣе, въ крестьянской средѣ проявляется болѣе и болѣе живое стремленіе къ устройству кооперативовъ вообще и кредитныхъ коопераціи въ особенности. Почти всѣ кредитные кооперативы, составляющіе предметъ изслѣдованія г. Макарова, учреждены въ послѣднія десять лѣтъ. Г. Макаровъ изслѣдуетъ кредитную кооперацію въ Московскомъ уѣздѣ не отдѣльно взятую, а въ ея отношеніи къ крестьянскому хозяйству. Ему хотѣлось бы выяснить вопросъ о томъ, служитъ ли

кредитъ для поддержанія хозяйства in statu quo, для его расширенія или умаленія. Но такъ какъ для прямого отвѣта на эти вопросы слѣдовало бы имѣть данныя объ эволюціи хозяйства у самихъ кредитующихся, а матеріалами для автора служили лишь свѣдѣніи объ операціяхъ кредитныхъ учрежденій и нѣкоторыя данныя о хозяйственномъ положеніи членовъ кредитныхъ товариществъ и о хозяйственномъ характерѣ районовъ дѣятельности послѣднихъ, то косвеннымъ путемъ разнообразныхъ комбинацій имѣющихся цифръ г. Макаровъ пытается получить отвѣты на вопросы, не допускающіе прямаго рѣшенія. Несмотря на малый раіонъ изслѣдованія автора, результаты послѣдняго могли бы имѣть общій интересъ, такъ какъ они повторялись бы повсюду при сходной комбинаціи обстоятельствъ. Но свойства имѣющихся матеріаловъ—ихъ недостаточность и съ количественной стороны, и въ смыслѣ ограниченности учитываемыхъ хозяйственныхъ признаковъ, и, наконецъ со стороны краткости періода дѣятельности кредитныхъ учрежденій—не давали возможности обстоятельно освѣтить намѣченные вопросы. Въ границахъ имѣющихся матераіловъ тщательно выполненная работа г. Макарова представляетъ для статистиковъ немалый интересъ.

— Н. А. Крюковъ. Аргентина. Сельское хозяйство въ Аргентинѣ въ связи съ общимъ развитіемъ страны. Петербургъ. 1911.

Этимъ изданіемъ департамента земледѣлія заканчивается рядъ работъ Н. А. Крюкова по описанію сельскаго хозяйства въ странахъ, служащихъ «нашими конкурентами на всемірномъ сельскохозяйственномъ рынкѣ». Эта книга, какъ и болѣе раннее сочиненіе этого же автора,—относительно Канады, Даніи и Австраліи,—составлена на основаніи не только многочисленныхъ оффиціальныхъ и частныхъ литературныхъ матеріаловъ, но и личнаго посѣщенія авторомъ изслѣдуемой страны. Книга начинается краткимъ историческимъ очеркомъ Аргентины, довольно подробнымъ описаніемъ ея естественныхъ особенностей, общихъ демографическихъ и политическихъ условій и состоянія ея внѣшней торговли (въ концѣ книги имѣется очеркъ землевладѣнія въ этой странѣ). Затѣмъ идетъ часть сельско-хозяйственная, съ примыкающими отраслями по обработкѣ непосредственныхъ продуктовъ сельскаго хозяйства. Въ этой части значительное мѣсто отведено описанію отдѣльныхъ хозяйствъ (имѣній, мясныхъ, молочныхъ, масляныхъ фабрикъ), что придаетъ ему большую конкретность и наглядность. Имѣется, между прочимъ, описаніе большого предпріятія по приготовленію либиховскаго мясного экстракта,

первые шаги котораго сдѣланы были подъ наблюденіемъ самого Либиха. Конкретныя описанія отдѣльныхъ преимущественно крупныхъ предпріятій, играющихъ очень крупную роль въ экономическомъ развитіи Аргентины, представляются особенно умѣстными въ этой именно, только что начинающей, можно сказать, свое развитіе странѣ, гдѣ личный починъ, опытъ и энергія играютъ главную роль. Вслѣдствіе принятой системы описанія отдѣльныхъ предпріятій, послѣднія являются какъ бы конкретными картинками изъ экономической исторіи этой молодой страны.

Въ нашей литературѣ Аргентина является, преимущественно, какъ конкурентъ Россіи по сбыту зерна. Н. А. Крюковъ рисуетъ ее, главнымъ образомъ, какъ страну животноводства, успѣшно развивающагося, благодаря посѣву люцерны, замѣняющей здѣшнія жесткія травы и давшей возможность разводить культурныя породы скота и развить въ широкихъ размѣрахъ экспортъ мяса въ Европу. Широкое примѣненіе этихъ посѣвовъ есть дѣло самыхъ послѣднихъ лѣтъ.

Книга заканчивается очеркомъ мѣръ содѣйствія развитію сельскаго хозяйства Аргентины со стороны правительства и мѣстныхъ организацій, краткими конспективными очерками сосѣднихъ съ Аргентиной южно-американскихъ государствъ и описаніемъ (по личнымъ наблюденіямъ въ 1904 г.) нѣкоторыхъ крупныхъ мясныхъ рынковъ и фабрикъ въ С.-А. Соед. Штатахъ. Трудъ г. Крюкова, (снабженный многочисленными рисунками, читается съ большимъ интересомъ и безъ сомнѣнія получитъ то распространеніе, какого онъ по справедливости заслуживаетъ. В. В.

— Бремъ. Жизнь животныхъ. Четвертое, совершенно переработанное и значительно расширенное изданіе профессора Отто Цуръ-Штрассена. Авторизованный переводъ подъ редакціей проф. Псих.-Невр. Инст. Н. М. Книповича. Шестой томъ. Птицы. СПБ. Ц. 6 руб. въ переплетѣ.

Кому изъ русскихъ читателей не знакома съ дней его юности классическая книга Брема! Содержаніе ея вполнѣ соотвѣтствуетъ ея заглавію: она касается почти исключительно образа жизни животныхъ, съ очень небольшими анатомическими или эмбріологическими введеніями, да и то преимущественно для группъ низшихъ безпозвоночныхъ. Первыя полныя изданія книги Брема, а также разныя сокращенныя изданія и переложенія ея для школъ и любителей природы (появившіяся послѣ смерти автора въ 1884 г.), имѣли въ свое время огромный успѣхъ. Съ теченіемъ времени натуралисты стали все болѣе и болѣе пренебрегать изученіемъ самой жизни жи-

вотныхъ. Вся энергія изслѣдователей за послѣднія 25—30 лѣтъ сосредоточилась на изученіи внутренней организаціи животныхъ и связанныхъ съ этимъ вопросовъ сравнительной анатоміи и эмбріологіи, морфологіи, гистологіи, цитологіи и т. п. Не только въ новѣйшихъ научныхъ университетскихъ курсахъ, но даже въ болѣе популярныхъ учебникахъ зоологіи относительно образа жизни животныхъ—кромѣ развѣ нѣкоторыхъ группъ насѣкомыхъ,—обыкновенно нельзя найти почти никакихъ указаній. Въ послѣднее время, при громадномъ прогрессѣ зоологическихъ знаній, становилось, однако, все болѣе и болѣе ощутительнымъ отсутствіе въ литературѣ строго научныхъ изслѣдованій, которыя описывали бы образъ жизни животныхъ съ такою же обстоятельностью, съ какою въ руководствахъ по зоологіи излагается ихъ внутренняя организація или ея развитіе. Въ виду этого нельзя не привѣтствовать первый томъ русскаго перевода новаго нѣмецкаго изданія «Жизни животныхъ» Брема, обнимающаго 13 большихъ томовъ, со всѣхъ сторонъ охватывающаго предметъ и переработаннаго на основаніи новѣйшихъ біологическихъ матеріаловъ. Какъ вполнѣ справедливо замѣчаетъ, въ предисловіи, редакторъ русскаго перевода, книга Брема является, притомъ, единственнымъ въ своемъ родѣ «справочнымъ изданіемъ». Русское изданіе выходитъ почти параллельно съ нѣмецкимъ. По этой причинѣ русскій переводъ начинается не съ перваго, а съ шестого тома, составляющаго первую часть описанія жизни птицъ (всего птицамъ посвящены четыре тома, VI—IX); остальные тома должны слѣдовать по мѣрѣ печатанія нѣмецкаго оригинала. Въ настоящемъ томѣ помѣщено описаніе жизни плоскогрудыхъ птицъ (страусовъ, казуаровъ, киви и проч.), гагарообразныхъ, (пингвиновъ, буревѣстниковъ, аистовъ), гусеообразныхъ и дневныхъ хищныхъ птицъ. Въ началѣ книги дается краткій очеркъ строенія и жизни птицъ и сказано нѣсколько словъ объ ископаемыхъ птицахъ и объ исторіи ихъ происхожденія. Нѣмецкій текстъ переработанъ, кромѣ Zur Strassen'a, еще такими авторитетными спеціалистами, какъ W. Marschall и F. Hempelmann, и о достоинствахъ его, поэтому, излишне распространяться. Кромѣ 99 рисунковъ въ текстѣ, 15 таблицъ отличныхъ фотографій и трехъ автотипій, настоящій томъ снабженъ еще 27 роскошно исполненными цвѣтными таблицами. Редакторъ перевода оставилъ нѣмецкій текстъ безъ измѣненій и дополненій. Для удобства пользованія, рядомъ съ русскими названіями сохранены нѣмецкія, а при передачѣ собственныхъ именъ—транскрипція латинскимъ шрифтомъ, что, въ виду трудности точной передачи нѣкоторыхъ именъ, напр. англійскихъ, является вполнѣ цѣлесообразнымъ. Не совсѣмъ гармонируетъ съ внѣшнимъ изяществомъ изданія неясность или неуклю-

жесть нѣкоторыхъ мѣстъ перевода; нужно надѣяться, что въ послѣдующихъ томахъ подобные недочеты языка будутъ устранены. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. «Въ другихъ мѣстахъ мы имѣли случай убѣдиться въ такой же любви жителей къ страусамъ. Нужно было лишь одно слово, т. е. надо было только похвалить птицу, чтобы сдѣлаться счастливымъ обладателемъ страусовъ» (стр. 83), «Киркъ получилъ скомороха (особый видъ орла), который съѣлъ извергнутое гіеной отравленное мясо и былъ оглушенъ (!) этимъ» (стр. 427); «При стояніи животныя опираются часто, но далеко не всегда (!), на всю стопу» (стр. 130); «Голосъ пингвиновъ никакъ не можетъ быть названъ пріятнымъ, но онъ громкій» (стр. 131); «Конечно, можно было бы, несмотря ни на что, усомниться въ правдивости разсказа, но я лично не сомнѣваюсь ничуть» (стр. 405); «Достаточно одной такой пальмы, чтобы приковать къ себѣ пару этихъ птицъ» (стр. 562). Желательно, далѣе, чтобы правописаніе географическихъ названій было одинаковымъ во всей книгѣ, а то, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ Falkland-Inseln названы Фальклэндскими островами (стр. 132), въ другомъ—Малуинскими (Фальклэндскими) (стр. 138), а въ третьемъ — Фальклэндскими (стр. 536, 539). Въ транскрипціи именъ въ одномъ мѣстѣ буква H передана какъ X (напр. Хохштеттеръ—Hochstetter), въ другихъ какъ Г (Геккель, Haekuel). Нельзя также сочувствовать попыткамъ введенія новыхъ русскихъ названій, взамѣнъ прямой транскрипціи латинскихъ, принятой въ большинствѣ нашихъ учебниковъ. Такъ, Archaeopteryx не совсѣмъ удачно названъ «первоптицей» (стр. 62), а Archaeornithes—«первоптицами» (стр. 63), вмѣсто обычныхъ: археоптериксъ, первичныя птицы,—а Palamedeae, напр., названы просто Паламедеями (стр. 260). Несмотря, однако, на указанныя мелкія неточности и стилистическія погрѣшности, настоящій русскій переводъ новаго изданія Брема можетъ быть признанъ въ высшей степени цѣннымъ вкладомъ въ зоологическую литературу. — А. Щ.

— Пензенскій Городской Вѣстникъ». Выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ. Годъ изданія 1-ый. Изданіе Пензенскаго Городского Управленія. Цѣна по подпискѣ 3 р. въ годъ.

— Извѣстія Архангельскаго Городского Общественнаго Управленія и врачебно-санитарное дѣло въ Архангельской губ. Изданіе архангельскаго городского управленія. Цѣна по подпискѣ 3 р. въ годъ.

Возможность появленія изданій, заглавія которыхъ выписаны выше, свидѣтельствуетъ о томъ, что кошмарная полоса апатіи, отсутствія интереса къ общественному дѣлу проходитъ, и на смѣну

тишины, наступившей въ глубинѣ Россіи послѣ 1905—6 г.г., выступаетъ новая жизнь. При многихъ городскихъ управленіяхъ давно издаются «извѣстія городскихъ думъ», представляющія обычно сборники сырого матеріала чисто мѣстнаго интереса: въ нихъ печатаются управскіе доклады, доклады разныхъ комиссій и краткіе отчеты о засѣданіяхъ думы. «Извѣстія» эти немногимъ отличаются отъ губернскихъ вѣдомостей или вѣдомостей градоначальства. Счастливое исключеніе среди этой массы сѣрыхъ, неинтересныхъ изданій составляетъ неоффиціальная часть «Извѣстій московской думы», освѣщающая сложные вопросы городского дѣла съ точки зрѣнія нуждъ широкихъ слоевъ населенія и знакомящая со всѣмъ, что появляется новаго въ области муниципальнаго дѣла въ культурныхъ государствахъ. При петербургскомъ городскомъ головѣ Н. А. Рѣзцовѣ была сдѣлана попытка внести нѣкоторое оживленіе въ «Извѣстія с.-петербургской городской думы»; въ видѣ приложеній къ нимъ стали появляться отдѣльныя работы, касающіяся тѣхъ или иныхъ сторонъ городской жизни; но это новшество не привилось, и петербургскія «Извѣстія», приближающіяся къ 50-лѣтнему юбилею, послѣ ухода Н. А. Рѣзцова продолжаютъ влачить неинтересное существованіе. Къ типу московскихъ «Извѣстій» приближаются, повидимому, изданія, которымъ посвящена настоящая замѣтка. Вышедшія книжки обоихъ журналовъ производятъ хорошее впечатлѣніе не только своей вѣрой въ свѣтлое будущее нашихъ городовъ, но и разнообразіемъ затрагиваемыхъ темъ и серьезнымъ къ нимъ отношеніемъ. Оба журнала широко и правильно опредѣляютъ свои задачи. Новыя вѣянія созидательно-творческаго характера—говоритъ «Пензенскій Вѣстникъ»,—«охватили за послѣдніе годы почти всѣ города Россіи, и поставили передъ ними для рѣшенія цѣлый рядъ задачъ, требованій и просто пожеланій, сводящихся въ результатѣ къ одному логически-ясному и неизбѣжному знаменателю, подъ наименованіемъ: благо всего городского населенія». Передъ городскими общественными управленіями,—читаемъ мы въ «Архангельскихъ Извѣстіяхъ»,—встаютъ съ каждымъ годомъ все новыя новыя задачи, открываются цѣлыя области городского хозяйства, къ которымъ городскія думы почти не прикладывали своихъ рукъ, въ сравненіи съ тѣмъ, что дѣлаютъ на Западѣ: городская санитарія, удобные и дешевые способы передвиженія, жилищный вопросъ, удешевленіе жизненныхъ продуктовъ, организація труда и т. д.—всѣ эти задачи сейчасъ только намѣчаются и ждутъ рѣшенія». «Пензенскій Вѣстникъ» заканчиваетъ уже первый годъ своего существованія; архангельскій журналъ впервые появился только въ ноябрѣ. Первая книжка этого журнала поражаетъ количествомъ матеріала; заго-

ворили, очевидно, люди, имѣющіе сказать много, но которымъ до сихъ поръ что-то мѣшало говорить. Хочется думать, что и дальнѣйшія книжки будутъ такъ же интересны. Новыя теченія замѣчаются и во многихъ другихъ городахъ, поскольку объ этомъ можно судить по печатнымъ органамъ городскихъ управленій: Самара, Кишиневъ, Тифлисъ обновляютъ свои изданія.

— Николай Ивановичъ Пироговъ и его наслѣдіе—пироговскіе съѣзды. Юбилейное изданіе подъ редакціей М. М. Гранъ, З. Г. Френкеля и А. И. Шингарева. Спб., 1911 г.

Въ концѣ 1910 г. вся Россія торжественно отпраздновала столѣтіе рожденія Н. И. Пирогова. На происходившемъ въ томъ же году въ Петербургѣ пироговскомъ съѣздѣ врачей возникла мысль объ изданіи юбилейнаго сборника. Въ настоящее время мысль эта осуществлена, и хотя изданіе не принадлежитъ обществу русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова, но имена составителей сборника и самый ихъ трудъ служатъ порукой въ томъ, что работа эта совершена подъ сѣнью пироговскаго общества. Открывается книга талантливо и любовно написанной монографіей А. И. Шингарева о жизни и дѣятельности Н. И. Пирогова. Прошло тридцать лѣтъ со дня его смерти, но время, по справедливому замѣчанію автора, не только не стерло величаваго образа, не только не затуманило его идеаловъ, но еще не приблизило насъ хотя бы къ частичному ихъ осуществленію. Изумительная по своей разносторонности фигура Н. И. Пирогова еще долго будетъ привлекать къ себѣ изслѣдователей и изъ благодарной памяти потомства никогда не изгладится образъ учителя-человѣколюбца. Весьма цѣннымъ дополненіемъ къ труду А. И. Шингарева является составленная имъ и помѣщенная въ концѣ книги библіографія трудовъ Н. И. и литературы о немъ. Статьи С. Н. Игумнова: «Пироговское общество и общественная медицина», К. И. Шидловскаго: «Общество русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова» и М. М. Грана: «Обзоръ и сводъ дѣятельности одиннадцати пироговскихъ съѣздовъ» знакомятъ съ исторіей возникновенія общества, характеризуютъ дѣятельность его съѣздовъ и даютъ, въ хронологическомъ порядкѣ, перечень обсуждавшихся на съѣздѣ вопросовъ. Пироговское общество и его съѣзды явились, по словамъ С. Н. Игумнова, выраженіемъ общественной самодѣятельности, стремленіемъ къ общенію и самоопредѣленію, которыя подавлялъ старый приказно-крѣпостной строй. Статьи указанныхъ авторовъ, представляя большой практическій интересъ для врачей, знакомятъ и болѣе широкіе круги съ общественными и научными вопросами, возникав-

шими въ медицинскомъ мірѣ въ теченіе четверти вѣка. Характеристикѣ Н. И., какъ научнаго дѣятеля и профессора хирургіи, посвящена статья проф. В. И. Разумовскаго, проникнутая благоговѣніемъ къ памяти учителя. Нѣсколько страницъ книги заняты «матеріалами къ біографіи Н. И. Пирогова», сообщенными С. Я. Штрайхомъ, неутомимымъ изслѣдователемъ жизни Н. И. Среди этихъ матеріаловъ обращаетъ на себя особое вниманіе записка Н. И. объ археологіи, вопросы которой занимали его въ одесскій періодъ его дѣятельности, такъ какъ «ни одна часть нашего обширнаго отечества не представляетъ такого богатства классическихъ воспоминаній, какъ Новороссія. Вкѣшность юбилейнаго изданія достойна всякой похвалы. Очень хорошо исполнены портреты Н. И. Пирогова въ разные періоды его жизни, портреты многихъ дѣятелей пироговскаго общества и снимки съ разныхъ документовъ. В. Б—ъ.

Въ теченіе декабря мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Акціонеръ. Отъ ошибки къ произволу. Къ проекту новаго устава Владикавказской жел. дор. Спб., 1911 г.

Д'Аннунцио, Габріэле. Собраніе сочиненій. Т. X. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Арабажинъ, К. П. Этюды о русскихъ писателяхъ. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Бабинъ, А. В. Исторія Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Въ двухъ томахъ. Спб., 1912 г. Цѣна за два тома 5 руб.

Бальмонтъ, К. Д. Полное собраніе стиховъ. Т. VI и VII Москва, 1911 г. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 коп.

Бароха, Пио. Полное собраніе сочиненій. Т. I. Приключенія Сильвестра Парадокса. Романъ. Пер. съ испанскаго Л. С. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Беннигсенъ, А. В., гр. Нѣсколько данныхъ о современной Монголіи. Спб., 1912 г. Цѣна 75 коп.

Бердяевъ, Николай. Алексѣй Степановичъ Хомяковъ. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 60 коп.

Бибиковъ, Иларіонъ. Вскрытіе живого трупа Л. Н. Толстого. Этюдъ. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Бирюковъ, П. Левъ Николаевичъ Толстой. Біографія. Томъ I. Москва, 1911 г. Цѣна 2 р. 20 коп.

Блиновъ, Ив. Отношенія Сената къ мѣстнымъ учрежденіямъ въ XIX вѣкѣ. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Богучарскій, В. Я. Изъ исторіи политической борьбы въ 70-хъ и 80-хъ гг. XIX вѣка. Москва, 1912 г. Цѣна 3 р.

Боднарскій, Б. С. Краткое изложеніе десятичной библіографической классификаціи. Изд. 2-ое. Москва, 1911 г.

Бондаръ, С. Д. Англиканская епископальная церковь. Спб., 1911 г.

Будкевичъ, Ф. П. Единственное основаніе, на которомъ можно привести все законодательство въ порядокъ и водворить правосудіе въ государствѣ. Варшава, 1911 г.

Вагнеръ, Рихардъ. Сочиненія. Подъ Ред. А. А. Волынскаго. Т. II. Моя жизнь. Мемуары. Вып. II. Спб., 1912 г.

Вандаль, Альбертъ. Наполеонъ и Александръ I. Томъ II. Пер. съ франц. В. Шиловой. Спб., 1911 г. Цѣна 3 р.

Вельскій, В. (В. В. Кирьяковъ). Выбитые на хутора. Землеустроители и народъ. Москва, 1912 г. Цѣна 60 коп.

Венгеровъ, С. А. Въ чемъ очарованіе русской литературы XIX вѣка? Спб., 1912 г. Цѣна 15 коп.

Визе, Леопольдъ. Сущность политической свободы. Пер. съ нѣм. А. А. Малинина. Москва, 1911 г. Цѣна 25 коп.

Волкова, М. М., женщина-врачъ. Гигіена брака. Спб., 1912 г. Цѣна 50 к.

Волковъ, Николай. Озимь. Стихотворенія. Москва, 1912 г. Цѣна 60 к.

Волконскій, Сергѣй, кн. Человѣкъ на сценѣ. Спб., 1912 г. Ц. 1 р. 50 к.

Волынскій народный календарь на 1912 г. Любань, 1912 г. Ц. 20 к.

Гавриловъ, Сергѣй. Бродяга. Изъ встрѣчъ съ Л. Н. Толстымъ. Москва, 1912 г. Ц. 30 к.

Гейбергъ, Гуннаръ. Собраніе сочиненій, Т. II, Москва, 1911 г. Цѣна 1 р.

Генигинъ, Ив. Стихотворенія. Рига, 1912 г.

Глаголинъ, Б. За кулисами моего театра. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Гоуардъ, Эбенизеръ. Города будущаго. Пер. съ англ. А. Ю. Блоха. Спб., 1911 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гофманъ, Викторъ. Любовь къ далекой. Разсказы. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Грейденбергъ, Б. С. Психологическія основы нервно-психической терапіи. Харьковъ, 1912 г. Цѣна 30 к.

Груздевъ, С. Кооперація въ сѣверномъ краѣ. Спб., 1912 г.

Добролюбовъ, Н. А. Полное собраніе сочиненій. Подъ ред. Е. В. Аничкова. Томъ IV. Спб., 1911 г.

Добролюбовъ, Н. А. Собраніе сочиненій. Подъ ред. Вл. П. Кранихфельда. Томъ I, II, III, IV. Спб., 1911 г. Цѣна каждаго тома 1 р.

Драгеймъ I.—I. Ф. С. Эхо жизни. Разсказы. Т. I. Спб., 1911 г. Ц. 1 р.

Дружининъ, Н. П. Право и личность крестьянина. Ярославль, 1912 г. Цѣна 1 р. 20 к.

Дуговскій, Ф. С. Недочеты въ дѣлѣ постройки и эксплуатаціи нашихъ желѣзныхъ дорогъ. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р.

Дюшенъ, Л. Исторія древней церкви. Москва, 1912 г. Цѣна 2 р.

Журавскій, А. В. Европейскій Русскій Сѣверъ. Къ вопросу о грядущемъ и прошломъ его быта. Архангельскъ, 1911 г. Цѣна 50 к.

Замотинъ, И. И. Романтизмъ двадцатыхъ годовъ XIX ст., въ русской литературѣ. Томъ I. Изд. 2-ое. Спб., 1911 г. Цѣна 2 р.

Зомбартъ, Вернеръ. Евреи и хозяйственная жизнь. Авторизированный пер. подъ ред. Г. Гроссмана. Часть I. Съ пред. къ рус. пер. И. Х. Озерова. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Ивановъ-Разумникъ. Т. I. Литература и общественность. Т. II. Творчество и критика. Т. III. Великія исканія. Спб., 1912 г. Цѣна каждаго тома, 1 р. 25 к.

Инфантьевъ, П. Жизнь народовъ Россіи. Этнографическіе разсказы. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Кадминъ, Н. Очерки по исторіи русской литературы. Подъ ред. А. К. Бороздина. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 35 коп.

Каменскій, Василій. Землянка, Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Кантъ, Иммануилъ. Основоположеніе къ матафизикѣ нравовъ. Пер. Л. Д. Б. подъ ред. В. М. Хвостова. Москва, 1912 г. Цѣна 70 к.

Караскевичъ-Ющенко, С. С. — Повѣсти и разсказы. Спб., 1912 г. Цѣна 2 р. 25 к.

Карѣевъ, Н. И. Собраніе сочиненій. Т. I. Исторія съ философской точки зрѣнія. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Кащенко, В. П. Коллекція спеціальныхъ пособій для вспомогательныхъ классовъ и дѣтскихъ садовъ. Москва, 1912 г.

Кизеветтеръ, А. А. Историческіе очерки. Москва, 1912 г. Цѣна 3 р.

Киппенъ, А. Разсказы. Т. I. Москва, 1912 г. Ц. 1 р. 25 к.

Козьминыхъ-Ланинъ, И. М. Къ вопросу о грамотности и экономическихъ условіяхъ труда на суконныхъ и бумаго-ткацкихъ фабрикахъ Москов. губ. Москва, 1812 г. Ц. 35 коп.

— Механическое ткачество въ Московской губ. Обработка хлопка. Москва, 1812 г. Ц. 35 к.

Колтоновская, Е. А. Критическіе этюды. Спб., 1912 г. Ц. 1 р. 25 к.

Кошкаровъ, С. Н. Въ родныхъ поляхъ. I. Москва, 1912 г. Ц. 5 к.

Краниихфельдъ, Вл. П. Въ мірѣ идей и образовъ. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Ли, Генри-Чарлсъ. Исторія цивилизаціи въ средніе вѣка. Пер. съ франц. А. В. Башкирова, подъ ред. С. Г. Лозинскаго. Т. I. Спб., 1911 г.

Либровичъ, С. Ф. Царь или не царь? Историческая хроника. Спб. 1912 г. Ц. 1 р.

Луговой, А. Собраніе сочиненій. Т. VII. Между двухъ смутныхъ идеаловъ. Спб., 1911 г. Ц. 1 р.

Лукашевичъ, I. Д. Неорганическая жизнь земли. Томъ III. Часть 3-я. Спб., 1911 г. Ц. 4 р.

Немировичъ-Данченко, Вас. И. Боевая Голгоѳа. Изд. 6-ое. Спб., 1912 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Книга великой любви. Очерки и разсказы для дѣтей школьнаго возраста. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 50 к.

— Мужицкая обитель. Для юношества, семьи и школы. Спб., 1912 г. Ц. 1 р. 50 к.

Малиновскій, I. Открытое письмо деп. гос. думы Г. Г. Замысловскому. Томскъ, 1911 г.

Мейеръ, Эдуардъ. Теоретическіе и методологическіе вопросы исторіи. Пер. съ нѣм. А. А. Малининъ. Изд. 2-ое. Москва, 1911 г. Цѣна 60 к.

Минцловъ, С. С. Обзоръ записокъ, дневниковъ, воспоминаній, писемъ и путешествій, относящихся къ исторіи Россіи и напечатанныхъ на русскомъ языкѣ. Вып. I. Новгородъ, 1911 г. Ц. 2 р.

Митрофановъ, П. П. Л. Н. Толстой. Спб., 1911 г.

Мишеевъ, Н. Очерки по исторіи всеобщей литературы. Часть II. Средніе вѣка и эпоха возрожденія. Спб., 1912 г. Ц. 1 р. 25 к.

Муйжель, В. В. Собраніе сочиненій. Т. IV. Спб., 1912 г. Ц. 1 р.

Некрасовъ, П. А. Вѣра, знаніе и опытъ. Основной методъ общественныхъ и естественныхъ наукъ. Спб., 1912 г. Ц. 1 р. 50 к.

Немировскій, А. О. Реформа городского самоуправленія. Спб., 1911 г. Ц. 1 р. 25 к.

Ницше, Фридрихъ. Автобіографія (Ecce homo). Пер. съ нѣм. подъ ред. и съ предисл. Ю. М. Антоновскаго. Спб., 1912 г. Ц. 1 р.

Ольнемъ, О. Н. Цѣпи. Передъ разсвѣтомъ. Спб., 1911 г. Ц. 1 р. 25 к.

Осиповичъ, Н. М. Собраніе сочиненій. Т. II. Спб., 1911 г. Ц. 1 р. 25 к.

Первушинъ, С. А. Къ вопросу о постановкѣ бюджетныхъ изслѣдованій. Двѣ приходо-расходныя записи крестьянъ Московскаго уѣзда. М., 1912 г.

Подъячевъ, С. Разсказы. Книга первая. Спб., 1911 г. Ц. 1 р. 25 к.

Полянскій, Н. Н. Русское уголовное законодательство о стачкахъ. Москва, 1912 г. Цѣна 2. р. 50 к.

Розовъ, Борисъ. Разсказы. Спб., 1912 г. Ц. 1 р.

Рунова, О. Летящія тѣни. Разсказы. Спб., 1912 г. Ц. 1 р.

Свирскій, А. И. Рыжикъ. Приключенія бродяги. Изд. 4-ое. Спб., 1912 г. Ц. 1 р. 25 коп.

Селивановъ, А. Основы Богопониманія въ духѣ ученія Христа. Рязань 1911 г.

Славлевъ, П. Въ чужомъ пиру похмѣлье. Повѣсть. Рига, 1912 г. Цѣна 1 рубль.

Снѣгинъ, Н. Сказки въ стихахъ. СПБ., 1909 г., Цѣна 1 р.

Соловьевъ, Вл. С. Сочиненія. Подъ ред. С. М. Соловьева и Е. Л. Радлова. Т. II. Изд. 2-е. СПБ., 1911 г. Цѣна 2 р.

Спекторскій, Е. Александръ Львовичъ Блокъ. Государствовѣдъ и философъ. Варшава, 1911 г. Цѣна 30 коп.

Сѣверцевъ-Полиловъ, Г. Т. Библіотека необъяснимыхъ и таинственныхъ явленій и случаевъ. Вып. I. СПБ., 1902 г. Цѣна 15 коп.

— Кому лучше? СПБ., 1912 г. Цѣна 1 р. 50 к.

— Сказки и были. СПБ., 1912 г., Цѣна 1 р. 75 коп.

— Странички прошлаго. Очерки и разсказы. СПБ., 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

— Царскій духовникъ. Очерки и разсказы. СПБ., 1912 г., Цѣна 1 р. 50 к.

Танъ, В. Г. Восемь племенъ. Книга для юношества. СПБ., 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп

Телешовъ, Н. Д. Разсказы и сказки для юныхъ читателей. СПБ. 1912 г. Цѣна 1 р. 75 коп.

Те-Пе. Бѣлая лилія. Сборникъ стихотвореній. Валуйки, 1911 г. Цѣна 30 коп.

Толмшевскій, Х. Х. Въ мірѣ рясы. Разсказъ. СПБ., 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Толстой, Левъ. Кругъ чтенія. Т. I. Цѣна 1 р. 30 коп. Т. II, вып. I. Цѣна 40 коп., вып. II—цѣна 65 коп. Москва, 1911 г.

Урусовъ, С. П., кн. Книга о лошади. Томъ I. Изд. 3-е. СПБ., 1911 г.

Филипповъ, А. Н., проф. Депутаты Екатерининской комиссіи и правительствующій сенатъ. СПБ., 1910 г. Цѣна 50 коп.

Франсэ, Р. Чувство у растеній. Пер. съ нѣм. М. Розенфельдъ. СПБ., 1912 г. Цѣна 60 коп.

Черепнинъ, Н. П. Русская литература въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Очеркъ для юношества. СПБ., 1911 г. Цѣна 15 коп.

Шарпъ, Рихардъ. Чудеса птичьяго міра. Москва, 1911 г. Цѣна 2 р.

Шейнисъ, Д. И. Еврейское студенчество въ цифрахъ. Кіевъ, 1911 г. Цѣна 35 коп.

Щеголевъ, П. Е. Пушкинъ. Очерки. СПБ., 1912 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Ярошевичъ, А. П. Очеркъ хуторскихъ хозяйствъ Кіевской губ. Кіевъ, 1911 г.

— Очерки экономической жизни юго-западнаго края. Вып. II. Типы хозяйствъ Кіевской губ. Вып. III. Производительность сельскаго хозяйства и производительные районы Кіевской губ. Вып. IV. Бывшіе общинники Уманскаго уѣзда. Кіевъ. 1911 г. Цѣна каждаго выпуска 30 коп.

Ястрембскій, Ф. Товарообмѣнъ Минской губ. въ связи съ ея особенностями. Минскъ, 1911 г.

Ѳедоровъ, А. М. Сонеты. СПБ., 1911 г. Цѣна 1 р.

Ѳедоченко, А. Н. Тиверій на Капри. Историческій очеркъ. СПБ., 1912 г. Цѣна 60 коп.

Альманахъ—календарь для всѣхъ на 1912 годъ. Изд. «Разумъ». СПБ. 1912 г. Цѣна 25 коп.

Библіотека «Юнаго читателя». I. Среди углекоповъ. Цѣна 30 коп. II. Въ тискахъ. Цѣна 35 коп. III. Къ сѣверному полюсу. Цѣна 30 коп. IV. Н. Березинъ. Три мѣсяца среди людоѣдовъ. Цѣна 50 коп. V. Среди дикарей. Біографич. разсказъ Виктора Окса. Цѣна 25 коп. VI. Дѣла и люди средневѣковья. Я. А. Берлина. Цѣна 45 коп. VII. Н. Березинъ. Въ Новый Свѣтъ за счастьемъ. Цѣна 40 коп. СПБ., 1912 г.

Докладъ объ оцѣночныхъ работахъ Пензенской губ. зем. управы пензенскому губ. зем. собр. очередной сессіи 1911 г. Пенза, 1911 г.

Духовный Христіанинъ, № 11. СПБ., 1911 г.

Ежегодникъ главнаго управленія землеустройства и земледѣлія по департаменту земледѣлія за 1910 г. СПБ., 1911 г.

Задача и устройство средней школы. Подъ ред. Зоргенфрея, пер. Ѳ. А. Гартцъ. СПБ., 1911 г. Цѣна 20 коп.

Земледѣльческій центръ Юга. Общая характеристика областного района въ естественно-историческомъ и статистико-экономическомъ отношеніяхъ. Сост. подъ ред. В. В. Морочевскаго. СПБ., 1911 г.

Извѣстія Архангельскаго Городского Общественнаго Управленія. № 1. Архангельскъ, 1911 г.

Извѣстія Одесскаго библіографическаго об-ва при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ. Одесса, 1911 г. Цѣна 10 коп.

Изданія «Посредника». № 4. Малымъ ребятамъ. № 37. Л. Толстой. Власть тьмы. № 203. О. Бова. Мой звѣринецъ. № 231. Какъ мнѣ сдѣлать самому? Вып. IV. Отто Робертъ. Какъ самому устроить стереоскопъ? № 233. Ф. Паркеръ. Маленькіе американцы. № 234. На морѣ и на землѣ. № 247. Онруди. Маленькіе норвежцы. № 250. А., А., Б. и В. Минервины. Малыши за работой. Первая книга для развитія рѣчи и выработки языка. № 251. Л. Станюковичъ. Когда я была маленькая. № 390. В. В. Рахмановъ. О томъ, какъ надо жить, чтобы быть здоровымъ. № 802. Н. Кабановъ. Самый легкій языкъ—эсперанто. № 844. Вильямъ Чаннингъ. О самовоспитаніи, о самоотреченіи и духовной свободѣ. № 934. С. Т. Семеновъ. Порченый. № 946. Т. Г. Шевченко. Катерина. № 947. Т. Г. Шевченко. Наймичка. № 966. Ручное земледѣліе или хлѣбный огородъ. Руководство къ выращи-

ванію хлѣбныхъ растеній безъ помощи скота. № 985. Указатель русской и иностранной вегетаріанской литературы. Составили В. Алексѣева, Ѳ. Германъ и А. Зоковъ. № 993. С. Поспѣловъ. Шарманщикъ. № 999. Л. Н. Толстой. Живой трупъ. № 1001. С. Т. Семеновъ. Передъ волей. «Деревенское хозяйство и крестьянская жизнь». Книга 98-я. В. Полуэктовъ. Луженіе, паяніе и покрываніе металловъ (никкелированіе).—Библіотека свободнаго воспитанія и образованія и защиты дѣтей. Вып. LXXIII. А., А., Б. и В. Минервины. Руководство къ преподаванію по книгѣ «Малыши за работой». Вып. LXXV. Передовыя школы и воспитательныя учрежденія Европы и Америки. Книга 6-я. Школа, полная жизни. По Э. Потерсу, съ франц. М. Порѣцкая. Вып. LXXVI. А. Дерновъ-Ярмоленко. Азбука матери. Выпускъ LXVIII, книга 5-я. Сиротскій домъ Прево и его создатель Поль Робенъ. О. В. Кайдановой.—«Маякъ», № 10 и 11.—«Свободное воспитаніе», № 2.

Извѣстія «Сотрудника». № 1. О Кіевской старинѣ. Сост. В. Щербина. Цѣна 15 коп. № 2. В. И. Щербина. Международный музей войны и мира въ Люцернѣ. Цѣна 8 коп. № 3. Первый русскій печатникъ. Сост. А. Андріевскій. Цѣна 10 коп. № 4. Я. С. Кулжинскій. Какъ сложилась сказка о Кириллѣ Кожемякѣ. Цѣна 5 коп. № 5. О водѣ. Сост. проф. М. И. Коноваловъ. Цѣна 15 коп. № 6. Отчего и какъ горитъ свѣча? Сост. проф. М. И. Коноваловъ. Цѣна 8 коп. № 7. О твердой земной корѣ. Сост. проф. М. И. Коноваловъ. Цѣна 15 коп. № 8. О воздухѣ. Сост. проф. М. И. Коноваловъ. Цѣна 15 коп. Петербургъ—Кіевъ, 1912 г.

Изданія Спб. общества грамотности. I. Илья Муромецъ. Былина. Рисунки И. Я. Билибина. II. Соловей Будиміровичъ. Рисунки А. И. Вахрамѣева. Спб., 1912 г.

Каменноугольная промышленность въ Россіи въ 1910 г. Вып. I. Каменноугольная промышленность южной Россіи. Харьковъ, 1911 г. Цѣна 1 р.

Каталогъ книгъ Яранской городской публичной библіотеки и систематическій указатель сочиненій, помѣщенныхъ въ лучшихъ русскихъ журналахъ за 1901—1908 гг. Сл. Кукарка. Вятской губ., 1910 г.

Краткій отчетъ дѣятельности Харьковской комиссіи народныхъ чтеній за 25 лѣтъ ея существованія (1886—1911 гг.). Харьковъ, 1911 г.

Литературно-художественные альманахи изд—ва «Шиповникъ». Книга 16-ая. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Матеріалы по статистикѣ движенія землевладѣнія въ Россіи. Вып. XX. Купля-продажа земель въ Европ. Россіи въ 1905 г. Спб., 1911 г.

Народный календарь на 1912 г. Изд. «Общественной Пользы». Спб., 1912 г. Цѣна 20 коп.

Организація сбыта ремесленныхъ издѣлій. Спб., 1912 г.

О религіи Льва Толстого. Сборникъ изд—ва «Путь». Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 70 коп.

Отчетъ Харьковскаго комитета по вывозу минеральнаго топлива, руды, флюсовъ, соли и чугуна изъ горнозаводскаго района Юга-Россіи. Екатеринославъ, 1911 г.

Почтово-телеграфная статистика за 1909 годъ. Спб., 1911 г.

Правила молодымъ учителямъ. Спб., 1912 г. Цѣна 5 коп.

Сказанія иностранцевъ о русской арміи въ войну 1904—1905 гг. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 75 коп.

Статистическій атласъ города Москвы. Территорія, составъ населенія, грамотность и занятія. Москва, изданіе 1911 года.

Торговля и промышленность Европейской Россіи по районамъ. Общая часть и приложеніе; выпуски I—XII Спб., 1911 г.

Указатель главнѣйшихъ фабрикъ и заводовъ всей Россіи. Адресно-справочная книга. Одесса, 1912 г.

Универсальная Библіотека. № 465. Г. Х. Андерсенъ. Калоши счастья и другія сказки. Пер. съ датскаго С. Займовскаго № 469—470. Лафкадіо Гёрна Японскія сказки Кванданъ. Пер. съ англ. С. Лоріе. № 471. Жоржъ Сандъ. Замокъ Пиктордю. Пер. съ франц. Н. Кранихфельдъ. Москва, 1912 г. Цѣна каждаго выпуска 10 коп. № 537. А. Ѳ. Воейковъ. Домъ сумасшедшихъ. Парнасскій адресъ—календарь. Вступит. статья и ист.-литер. комментарій. Н. Розанова и Н. Сидорова. № 554. Н. В. Гоголь. Портретъ. Носъ. Шинель. Коляска. № 556—557. Н. А. Добролюбовъ. Темное царство. № 558. Н. А. Добролюбовъ. Что такое обломовщина? Когда же придетъ настоящій день? № 562—563. М. В. Ломоносовъ. Избранныя сочиненія. Стихи и проза. Подъ ред. Н. Сидорова и Н. Гусева. № 564. Н. А. Добролюбовъ. Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ. № 706. Радофи Джалолюдинъ. Пер. съ арм. Н. Багатуровой. Съ пред. Юрія Веселовскаго. № 707. В. Реймонтъ. Изъ дневника. Пер. съ польскаго Владиміра Высоцкаго.

Урожай полевыхъ культуръ въ Самарской губ. въ 1911 г. Бюллетень № 9. Саратовъ, 1911 г.

Фіорды. Сборникъ датскихъ, норвежскихъ и шведскихъ писателей въ пер. А. и П. Ганзенъ № 6. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Хозяйственно-статистическій обзоръ Уфимской губ. за 1910 годъ. Уфа. 1911 г.

Экономическо-статистическій сборникъ Московской уѣздной земской управы. Вып. III. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р.

Энциклопедическій словарь т—ва «Бр. А. и И. Гранатъ и К°». Седьмое, совершенно переработанное изданіе, подъ ред. профессоровъ Н. С. Гамбарова, В. Я. Желѣзнова, М. М. Ковалевскаго, С. А. Муромцева (†) и К. А. Тимирязева, Томъ 8-й. Варынскій—Великобританія. Москва, 1911 г.

Юго-Востокъ Европейской Россіи. Общая характеристика областного района въ естественно-историческомъ и статистико-экономическомъ отношеніяхъ. Сост. подъ ред. В. В. Морачевскаго. Спб., 1811 г.

Юридическія записки, изд. Демидовскимъ Юридическимъ Лицеемъ. Вып. IV. Ярославль, 1911 г.

1911 годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ, Вып. IV и V. Спб., 1911 г.

Veda. Dvomesčnik na Znanost in kulturo № 6. Gorica, 1911 г.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Холмскій законопроектъ въ Государственной Думѣ.—Его несвоевременность.—Преувеличеніе и преуменьшеніе его значенія.—Доводы за и противъ.—Что нужно для Холмскаго края.—Законопроектъ о городскомъ самоуправленіи въ Царствѣ Польскомъ.—Положеніе дѣлъ въ Госуд. Думѣ и Госуд. Совѣтѣ.

Когда въ 1905 г., на одномъ изъ московскихъ земскихъ съѣздовъ, въ первый разъ подвергся публичному обсужденію вопросъ о мѣстѣ, которое должно быть занято Царствомъ Польскимъ въ обновленномъ русскомъ государственномъ строѣ, среди присутствующихъ высказана была мысль о возможности и желательности измѣненія границъ царства, въ видахъ присоединенія къ нему нѣкоторыхъ мѣстностей, населенныхъ преимущественно поляками, и отдѣленія отъ него другихъ, съ преобладающимъ не-польскимъ населеніемъ. Эта мысль была встрѣчена съ большимъ сочувствіемъ, какъ потому, что въ ней не было ничего предвзятаго, исключительнаго, односторонняго, такъ и потому, что осуществить ее предполагалось при условіяхъ одинаково обезпечивающихъ права и интересы различныхъ національностей. Съ тѣхъ поръ многое, очень многое измѣнилось; угасли надежды, обострились старыя антипатіи, начинавшееся сближеніе уступило мѣсто вновь усилившемуся недовѣрію. И вотъ, при такой обстановкѣ приближается къ разрѣшенію часть, одна только часть выдвинутаго шесть лѣтъ тому назадъ вопроса: Государственная Дума разсматриваетъ законопроектъ о выдѣленіи изъ губерній Люблинской и Сѣдлецкой, входящихъ въ составъ Царства Польскаго, нѣсколькихъ уѣздовъ и объ образованіи изъ нихъ, въ предѣлахъ имперіи, новой—Холмской—губерніи. Въ 1905 г. намѣчалось полюбовное соглашеніе, ведущее къ смягченію вѣковой вражды—а теперь создается почва для новаго взаимнаго озлобленія. Несвоевременность—вотъ, въ нашихъ глазахъ, первый коренной недостатокъ холмскаго законопроекта. Планъ отдѣленія Холмщины возникалъ не разъ въ эпоху ничѣмъ неограниченнаго абсолютизма, когда исполненіе его не могло быть поставлено на счетъ народа, не могло, слѣдовательно, углубить пропасть между поляками и русскими. Въ сущности, конечно, народъ, представительствомъ котораго отнюдь не можетъ считаться Дума 3-го іюня, и теперь непричастенъ къ задуманному дѣлу—но существуетъ формальный поводъ утверждать противное, формальное основаніе для раздѣленія—и, слѣдовательно, уменьшенія—отвѣтственности передъ современниками и потомствомъ. Какъ

и «общеимперское» законодательство, какъ и многое въ организаціи западно-русскаго земства, холмскій законопроектъ заслоняетъ истинныя потребности *народа* мнимыми требованіями *націи*, т. е. притязаніями узкаго національизма. Драгоцѣнное время уходитъ на проведеніе безполезныхъ, еще чаще — вредныхъ преобразованій; въ наслѣдство, передаваемое будущему, вносятся, вмѣсто точекъ опоры, новые камни преткновенія на пути, безъ того достаточно загроможденномъ преградами всякаго рода.

Какъ глубоко противорѣчіе, коренящееся въ самой постановкѣ холмскаго вопроса—объ этомъ даютъ понятіе, прежде всего, рѣчи защитниковъ законопроекта. Около него, съ самаго момента появленія его на свѣтъ, было поднято много шума; много было пущено въ ходъ экстраординарныхъ средствъ привлеченія къ нему страстнаго вниманія (массовыя петиціи, паломничества, съѣзды, коллективныя поѣздки депутатовъ). Все заставляло думать, что ему придаютъ особую важность, изъ-за него считаютъ возможнымъ отодвинуть на задній планъ, отсрочить на неопредѣленное время давно назрѣвшія преобразованія. Внезапно происходитъ переворотъ: преувеличеніе уступаетъ мѣсто преуменьшенію. «Въ дѣйствительности»—утверждаетъ министръ внутреннихъ дѣлъ,—«эта мѣра есть ничто иное, какъ одна изъ мѣръ измѣненія порядка управленія въ небольшой части нашей необъятной Россіи». И «голоса справа» подчеркиваютъ эти слова возгласами: «Вѣрно, совершенно вѣрно». Покрывается рукоплесканіями большинства и заключительное восклицаніе министра: «Польша есть лишь одна изъ составныхъ частей великой Россіи». Но если это такъ, то почему же нельзя исправить недостатки, замѣчаемые въ управленіи данною мѣстностью, не нарушая ея связи со всѣмъ окружающимъ, не предпринимая ломки, во всякомъ случаѣ сопряженной съ большими неудобствами и затрудненіями? На чемъ основано ожиданіе, что, при тожественности всѣхъ частей государства, простое измѣненіе внутренняго ихъ распорядка можетъ улучшить положеніе одной изъ нихъ? Одно изъ двухъ: если Польша—ничто иное, какъ составная часть единой Россіи, то предположенное выдѣленіе Холмщины теряетъ всякую raison d'être; если же этой части свойственны особенности, чуждыя остальнымъ, то нельзя низводить передѣлку ея границъ на степень маловажной административной задачи, которой только по недоразумѣнію приписывается какое-то серьезное значеніе.

Само собою разумѣется, что на самомъ дѣлѣ недоразумѣнія нѣтъ; сложность и серьезность вопроса одинаково, въ сущности, сознается обѣими сторонами. Усилія ораторовъ большинства были направлены, главнымъ образомъ, именно къ тому, чтобы раскрыть различіе между

Царствомъ Польскимъ и сопредѣльными мѣстностями имперіи. И этой разницы не отрицали представители меньшинства, расходясь съ большинствомъ въ ея характеристикѣ и оцѣнкѣ. Мы встрѣчаемся здѣсь съ слѣдующею странностью: администрація въ Царствѣ Польскомъ вообще и въ Холмщинѣ въ особенности состоитъ, какъ извѣстно, изъ русскихъ людей, большею частью даже изъ русскихъ «въ кавычкахъ», т. е. несвободныхъ отъ націоналистической окраски. Какъ же объяснить возможность тѣхъ притѣсненій, тѣхъ несправедливостей, жертвой которыхъ, если вѣрить правымъ и октябристамъ, оказывается русское и, преимущественно, православное населеніе «несчастнаго края»? Яснаго и убѣдительнаго отвѣта на этотъ вопросъ мы въ преніяхъ Государственной Думы не находимъ. Не всегда, — читаемъ мы въ рѣчи епископа Евлогія, — «не всегда можно нашимъ крестьянамъ обращаться къ чинамъ администраціи, не всегда они являются истинными помощниками нашего русскаго безпомощнаго крестьянина; среди нихъ являются такіе типы, которыхъ нашъ народъ очень выразительно и очень многозначительно называетъ панскими». Ничего невѣроятнаго въ этомъ, конечно, нѣтъ; но вѣдь самъ епископъ не утверждаетъ, что это — общее правило. Конкретныхъ фактовъ въ распоряженіи обвинителей было, повидимому, мало, такъ мало, что на одного и того же начальника уѣзда (переведеннаго, притомъ, на другое мѣсто) пришлось ссылаться и преосвященному Евлогію, и графу Бобринскому. Да и гдѣ ручательство въ томъ, что въ губерніяхъ, пограничныхъ съ Царствомъ Польскимъ, нѣтъ должностныхъ лицъ, заслуживающихъ именованія «панскими», и что ихъ не будетъ въ Холмской губерніи?... Если вѣрить гр. Бобринскому, въ Варшавѣ есть вліятельный администраторъ, систематически удаляющій изъ Холмщины хорошихъ чиновниковъ и замѣняющій ихъ плохими, чтобы дискредитировать тамъ русскую власть. Допустимъ, что это такъ; вѣдь въ русскомъ административномъ мірѣ невѣроятное часто бываетъ возможнымъ. Но въ такомъ случаѣ не проще ли было бы уволить недобросовѣстнаго администратора, чѣмъ предпринимать, для пресѣченія злоупотребленій, такую рискованную операцію, какъ выдѣленіе Холмщины изъ состава Царства Польскаго?.. И какъ совмѣстить, дальше, огульныя обвиненія мѣстнаго чиновничества въ систематическомъ притѣсненіи русскихъ и православныхъ съ тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что всѣ должностныя лица края, назначаемыя правительствомъ, отъ высшихъ до низшихъ, принадлежатъ къ числу русскихъ и православныхъ, а къ занятію выборныхъ должностей — гминныхъ судей, войтовъ, писарей — католики фактически почти не допускаются? По словамъ деп. Гарусевича, не вызвавшими

опроверженія, дѣло дошло до того, что въ мѣстности, затрогиваемой законопроектомъ, «совсѣмъ почти нѣтъ выборныхъ гминныхъ судей: всѣ—по назначенію отъ правительства». На помощь администраціи, когда сталкиваются интересы католиковъ и православныхъ, всегда, притомъ, можетъ придти православное духовенство, поставленное въ Царствѣ Польскомъ гораздо лучше, чѣмъ въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ [1]). Не въ одномъ только составѣ чиновничества, не въ одномъ положеніи духовенства чувствуется преобладаніе русскаго, православнаго элемента. Въ полу-уніатской мѣстности (т.е. въ Холмщинѣ и Подляшьѣ) крестьянамъ-католикамъ не разрѣшается пріобрѣтать землю при содѣйствіи крестьянскаго банка; употребленіе польскаго языка воспрещается даже въ благотворительныхъ и пожарныхъ обществахъ, въ ссудо-сберегательныхъ товариществахъ; польскій языкъ въ начальныхъ училищахъ не преподается вовсе; устройство частныхъ школъ и даже пріютовъ для малолѣтнихъ дѣтей не допускается. Все это вмѣстѣ взятое едва ли можетъ возбудить въ русскомъ православномъ населеніи края сознаніе угнетенія его католиками и поляками. Гораздо больше основаній можно было бы найти для противоположнаго заключенія.

Православная вѣра, православная церковь—увѣряютъ защитники законопроекта—подвергаются въ Холмщинѣ издѣвательству и униженію. Въ доказательство этому епископъ холмскій привелъ длинный рядъ выписокъ изъ дѣлъ, производившихся, въ 1905-6 гг., въ люблинскомъ окружномъ судѣ —выписокъ, содержащихъ въ себѣ возмутительно-грубыя и неприличныя нападенія на православіе. Но вѣдь виновники ихъ были преданы суду, и изъ рѣчи преосвященнаго Евлогія не видно, чтобы они были оправданы судомъ или подвергнуты чрезчуръ снисходительной карѣ. Ничего, слѣдовательно, не говорятъ подобные факты ни о какомъ-то безправномъ, приниженномъ положеніи православныхъ и ихъ духовенства, ни даже о степени распространенія среди католиковъ религіознаго фанатизма. Преступныя выходки, своевременно дошедшія до суда, не даютъ матеріала для защиты такихъ выводовъ, точно такъ же какъ и немногіе случаи насилія или самодурства по отношенію къ православнымъ, оглашенные епи-

---

[1]) Вотъ нѣсколько фактовъ, заимствуемыхъ нами изъ рѣчи деп. Гарусевича и изъ книги деп. Дымши: «Холмскій вопросъ». Расходы казны на одного православнаго священника составляютъ въ Холмщинѣ и Подляшьѣ, въ среднемъ, 1238 руб., на католическаго — 38 руб. Несравненно больше и земельный надѣлъ православнаго духовенства, сравнительно съ католическимъ. Число православныхъ церквей значительно превышаетъ число католическихъ, изъ которыхъ многія въ послѣднее время были обращены въ православныя. Въ 78 гминахъ съ преобладающимъ католическимъ населеніемъ вовсе нѣтъ костеловъ.

скопомъ Евлогіемъ и гр. Бобринскимъ. Совсѣмъ другое впечатлѣніе производитъ порицаніе чужой вѣры или церкви, когда оно исходитъ не отъ отдѣльныхъ лицъ, а отъ органовъ печати, имѣющихъ оффиціальный или полу-оффиціальный характеръ. Таковы издаваемые холмской духовной консисторіей, при участіи холмскаго свято-троицкаго братства, «Холмская церковная жизнь» и «Холмскій Народный Листокъ». Знаменательны уже заглавія нѣкоторыхъ статей этого листка, приведенныя въ рѣчи деп. Гарусевича: «Имѣетъ ли католикъ душу» (отвѣтъ автора: «сомнѣваюсь»), «Неправды папской вѣры». Въ самыхъ статьяхъ встрѣчаются выраженія въ родѣ слѣдующихъ: «Католическая вѣра плюгавенькая, одна брехня и ложь, возмутительное фарисейство, беззастѣнчивое лицемѣріе» (при чтеніи въ Думѣ этихъ словъ справа раздался голосъ: «правда»); «глупство католиковъ способно лишь заставить вѣрноподданный народъ поучить ихъ немножко, ибо ничего другого не остается дѣлать, какъ взять палку и бить прямо по головѣ». Въ проповѣди, воспроизведенной «Холмскою церковною жизнью», самъ епископъ холмскій назвалъ римско-католическую религію «жестокимъ издѣвательствомъ надъ правдой». Ссылку оратора на эту проповѣдь преосвященный Евлогій прервалъ восклицаніемъ: «въ такомъ видѣ, какъ она (т. е. римско-католическая религія) теперь»—но этой оговоркой нимало не уменьшается значеніе факта, упомянутаго деп. Гарусевичемъ. Для вѣрующихъ католиковъ особенно обидны должны быть именно уничижительные отзывы о вѣрѣ, которую они исповѣдуютъ, о церкви, къ которой они принадлежатъ *въ данную минуту*... Сравненіе фактовъ, приведенныхъ обѣими сторонами, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что беззащитнымъ является въ Холмщинѣ, въ настоящее время, гораздо больше католицизмъ, чѣмъ православіе.

Намъ могутъ возразить: «да, въ настоящее время—но что было въ 1905-6 г., въ смутную эпоху, когда пассивную роль пришлось играть православнымъ»? Что тогда дѣло не обошлось безъ эксцессовъ—это болѣе чѣмъ вѣроятно: струна, сильно перегнутая въ одну сторону, перегибается въ другую, какъ только она предоставлена самой себѣ. Менѣе всего можно удивляться массовымъ переходамъ въ католичество, о которыхъ съ негодованіемъ или скорбью говорятъ ораторы большинства. Чтобы понять ихъ значеніе, стоитъ только припомнить картины положенія бывшихъ уніатовъ, нѣсколько разъ нарисованныя К. П. Побѣдоносцевымъ въ качествѣ синодальнаго оберъ-прокурора. Число такъ называемыхъ «упорствующихъ», т. е. мнимо обращенныхъ изъ уніи въ православіе, но не имѣющихъ съ нимъ, на самомъ дѣлѣ, ничего общаго, даже въ оффиціальныхъ отчетахъ признавалось постоянно растущимъ; въ теченіе двухъ

лѣтъ (1895—97) оно увеличилось съ 73 до 83 тысячъ. Некрещеныхъ дѣтей числилось между ними, въ концѣ 90-хъ годовъ, болѣе 26 тысячъ. По словамъ оберъ-прокурора, къ православію «упорствующіе» относились съ озлобленіемъ, избѣгая встрѣчъ и бесѣдъ съ православнымъ духовенствомъ. На убѣжденія священниковъ крестить дѣтей по православному обряду многіе «упорствующіе» отвѣчали: «скорѣе утопимъ, чѣмъ окрестимъ въ православной церкви». И такое настроеніе длилось годами, десятками лѣтъ, не уступая ни увѣщаніямъ, ни преслѣдованіямъ. Что должны были переживать глубоко вѣрующіе люди, лишенные всякаго религіознаго утѣшенія—это легко себѣ представить. Удивительно ли, что при первомъ ослабленіи гнета десятки и сотни тысячъ поспѣшили оставить церковь, внушавшую имъ только «озлобленіе», и, за отсутствіемъ уніатскихъ храмовъ и уніатскаго духовенства, потянулись въ столь долго бывшій для нихъ запретнымъ и тѣмъ болѣе заманчивый костелъ?... Докладчикъ думской комиссіи, деп. Чихачевъ, задаетъ себѣ вопросъ, какимъ образомъ могло случиться, что «упорствующихъ», ко времени изданія указа 17-го апрѣля, было около 80 тыс., а перешло въ католичество слишкомъ вдвое больше, около 180 т.—и объясняетъ это «недоразумѣніемъ», «неустойчивостью въ вѣроисповѣдномъ отношеніи». Едва ли, однако, «недоразумѣніе» могло принять такіе громадные размѣры. Не слѣдуетъ забывать, что рядомъ съ «упорствующими» всегда—какъ признавалъ и К. П. Побѣдоносцевъ, — были «колеблющіеся», т. е. не уклоняющіеся совершенно отъ православія, но, въ сущности, не считающіе себя православными. Число такихъ лицъ, вслѣдствіе неопредѣленности ихъ положенія, не поддавалось точному подсчету; но, если принять во вниманіе существовавшіе тогда чисто механическіе пріемы зачисленія въ разрядъ православныхъ [1]), оно должно было быть весьма значительно. Припомнимъ, что аналогичныя явленія наблюдались и среди вновь обращенныхъ въ православіе изъ лютеранизма (въ остзейскомъ краѣ) или магометанства (въ восточныхъ губерніяхъ); и тутъ цѣлыя массы считавшихся православными переходили обратно въ свою прежнюю вѣру (или въ вѣру своихъ предковъ), какъ только палъ ужасный принципъ, формулированный К. П. Побѣдоносцевымъ въ желѣзныхъ словахъ: «законъ россійскаго государ-

---

[1]) Въ 1888 г., напримѣръ, священнику села Орлова (Люблинской губерніи) было поручено произвести разслѣдованіе о всѣхъ лицахъ греко-уніатскаго исповѣданія орловскаго прихода, перешедшихъ въ латинство въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ, потомки которыхъ *должны нынѣ принадлежать къ православію*, и списокъ такихъ лицъ представить въ консисторію для дальнѣйшаго распоряженія. Отъ такихъ «разысканныхъ» православныхъ трудно ожидать большого усердія къ октроированной имъ вѣрѣ.

ства не признаетъ отпаденій отъ православія». Если г. Чихачевъ не отрицаетъ, что возсоединеніе уніатовъ съ православной церковью было, въ отношеніи значительной части края, совершенно искусственнымъ, если самъ епископъ Евлогій считаетъ несомнѣннымъ, что къ «катастрофѣ» 1905-го года привела «неумѣлая, безсистемная политика, какъ церковная, такъ и государственная», съ ея «грубыми ошибками», то приписывать бѣгство изъ православія польско-католическимъ обѣщаніямъ или угрозамъ—не значитъ ли, по извѣстному французскому выраженію, chercher midi à quatorze heures?

Все сказанное нами до сихъ поръ можетъ служить отвѣтомъ на вопросъ, поставленный министромъ внутреннихъ дѣлъ: подвергается ли населеніе Холмщины польскому засилію, установлено ли стремленіе ополячить его обращеніемъ въ католицизмъ? Въ рѣчи министра, помимо небольшой экскурсіи въ давно и невозвратно прошедшее (самое новѣйшее изъ названныхъ имъ событій относится къ началу XVIII-го вѣка!), единственнымъ подтвержденіемъ «засилья» является ссылка на 1906-ой годъ, иллюстрированная... цитатой изъ доклада думской комиссіи!.. Болѣе многочисленны и сложны, но, какъ мы видѣли, не болѣе доказательны доводы ораторовъ большинства. Между тѣмъ, именно въ данномъ вопросѣ заключается ключъ къ рѣшенію всего дѣла. Допустимъ, что справедливо первое положеніе, выставленное А. А. Макаровымъ; допустимъ, что проживающій въ Холмщинѣ народъ есть по преимуществу народъ русскій. Отсюда, очевидно, еще не вытекаетъ необходимость выдѣленія Холмщины изъ состава Царства Польскаго. Это выдѣленіе представляетъ столько затрудненій, возбуждаетъ столько страстей, что для его оправданія недостаточно однихъ этнографическихъ соображеній; нужно убѣжденіе, что русскому народу живется худо, а при новыхъ условіяхъ будетъ житься лучше. Такого убѣжденія изъ всего сказаннаго въ Думѣ вынести нельзя. Не доказана, впрочемъ, и первая предпосылка: болѣе чѣмъ спорнымъ осталось и опредѣленіе племенного состава жителей Холмскаго края. Лишены всякаго значенія аргументы, почерпнутые изъ исторіи, не только потому, что они смутны и противорѣчивы, но и потому, что истинныя нужды населенія обусловливаются не столько его прошлымъ, сколько его настоящимъ. Важнѣе древнихъ актовъ, съ этой точки зрѣнія, настроеніе массы. Его нельзя раскрыть съ помощью статистическихъ данныхъ, даже самыхъ точныхъ—а въ настоящемъ случаѣ о точности и достовѣрности ихъ не можетъ быть и рѣчи. Одинаково разнорѣчивы свѣдѣнія о числѣ русскихъ и поляковъ, о числѣ католиковъ и православныхъ—и не только разнорѣчивы, но часто сомнительны по самому ихъ происхожденію. Ограничимся двумя примѣрами. Одинъ и тотъ же губернаторъ,

основываясь на лингвистическомъ признакѣ, насчиталъ въ одномъ изъ уѣздовъ своей губерніи въ 1907 г. около 25 тыс. русскихъ (въ обширномъ смыслѣ слова, т. е. великороссовъ, малоруссовъ и бѣлоруссовъ) и около 42 тыс. поляковъ, а въ 1909 г.—около 50 тыс. русскихъ и около 18 тыс. поляковъ! Передъ производствомъ всеобщей переписи велѣно было свѣдѣнія о вѣроисповѣданіи бывшихъ уніатовъ вносить въ переписные листы не на основаніи ихъ личныхъ показаній—какъ это слѣдовало бы по общему порядку,—а на основаніи сообщеній мѣстной администраціи (гминныхъ и сельскихъ управленій); въ счетчики, при этомъ, рекомендовалось избирать народныхъ учителей, псаломщиковъ, вообще лицъ православнаго исповѣданія, близко стоящихъ къ православному духовенству и потому хорошо знающихъ, кто принадлежитъ къ числу колеблющихся и упорствующихъ... При всей тенденціозности значительнаго числа свѣдѣній, положенныхъ въ основаніе оффиціальной статистики, общіе ея итоги вовсе не говорятъ за рѣшительный перевѣсъ православнаго населенія надъ католическимъ; наоборотъ, послѣднее оказывается даже нѣсколько болѣе многочисленнымъ, чѣмъ первое (310 тыс. и 304 тыс.). Нѣсколько иной выводъ даютъ этнографическія данныя: число говорящихъ на русскомъ (большею частью—малорусскомъ) языкѣ опредѣляется думскою комиссіею, на основаніи переписи 1897-го года и приблизительнаго съ тѣхъ поръ прироста населенія, въ 450 тыс. душъ (по другимъ свѣдѣніямъ — до 463 тыс.; но даже эта послѣдняя цифра составляетъ лишь половину—51% — всего населенія проектируемой Холмской губерніи, при чемъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ пропорція значительно измѣняется въ пользу поляковъ). Если даже не принимать въ расчетъ, что въ такихъ мѣстностяхъ, какъ Холмщина, вѣроисповѣданіе часто тяжелѣе падаетъ на вѣсы, чѣмъ національность, то все же нельзя не признать, что статистическія данныя, при толкованіи, наиболѣе благопріятномъ для задуманной реформы, являются для нея основой чрезвычайно шаткой.

Защитники законопроекта признаютъ выдѣленіе Холмской губерніи изъ состава Царства Польскаго безусловно необходимымъ въ виду предстоящаго введенія въ царствѣ городского, а затѣмъ и земскаго самоуправленія. Это самоуправленіе—говоритъ деп. Чихачевъ,—непремѣнно будетъ по духу, по характеру, по направленію польское, и введеніе его, при сохраненіи нынѣшнихъ границъ царства, «было бы рѣшительнымъ шагомъ по пути ополяченія восточныхъ мѣстностей губерній Люблинской и Сѣдлецкой и отозвалось бы весьма печально на судьбѣ русскаго Холмскаго края». Намъ слышится въ этихъ словахъ явное недоразумѣніе. Если самоуправленіе въ Царствѣ ольскомъ, говоря вообще, будетъ польскимъ, то это объясняется

преобладаніемъ, на всемъ почти его пространствѣ, польскаго національнаго элемента; но почему же оно должно быть непремѣнно польскимъ тамъ, гдѣ такого преобладанія нѣтъ, гдѣ—какъ въ томъ увѣренъ деп. Чихачевъ — большинство принадлежитъ русскимъ? Если земское самоуправленіе будетъ введено въ Царствѣ Польскомъ на тѣхъ же, приблизительно, основахъ, какія приняты въ разсматриваемомъ Думою проектѣ самоуправленія городского, то русское населеніе получитъ, въ добавокъ, спеціальную охрану, въ видѣ куріальной системы. Но здѣсь является на сцену второй доводъ: экономическая слабость русскаго населенія, зависимость его отъ поляковъ, въ особенности отъ польскихъ землевладѣльцевъ. Весьма возможно, даже вѣроятно, что такая слабость, такая зависимость существуетъ; но развѣ съ образованіемъ Холмской губерніи, отдѣленной отъ Царства Польскаго, вмѣстѣ съ крестьянствомъ не перейдутъ туда всѣ угнетающія и связывающія его силы? Въ рѣчи гр. Бобринскаго силы экономическія, соціальныя названы болѣе могучими, чѣмъ силы государственныя и административныя. Въ этомъ есть значительная доля правды; но развѣ взаимоотношеніе силъ измѣняется съ перемѣщеніемъ пограничной черты? Тотъ же ораторъ назвалъ русскую администрацію въ Холмщинѣ «отвратительною». А развѣ она будетъ другою въ Холмской губерніи? Развѣ ослабѣютъ пружины, которыми располагаетъ «ординація Замойскаго»? Развѣ прекратится переходъ въ католичество, пока не исчезнетъ благопріятствующая ему обстановка — и развѣ исчезновеніе ея связано съ измѣненіемъ границъ Царства Польскаго? Не напоминаютъ ли наши націоналисты, въ своихъ ожиданіяхъ «славы и добра» отъ Холмской губерніи, участниковъ Крыловскаго «квартета»—и не примѣнимы ли къ нимъ заключительныя слова этой басни?

Въ рѣчи депутата гр. Уварова—представляющей, по своей содержательности и сдержанному тону, яркій контрастъ съ крикливою и фразистою рѣчью гр. Бобринскаго, — подробно освѣщена та сторона дѣла, которой почти вовсе не касались другіе ораторы. Гр. Уваровъ ставитъ вопросъ, на сколько устройство новой губерніи и выдѣленіе ея изъ состава Царства Польскаго будетъ полезно и выгодно для мѣстныхъ жителей? Теперь культурными центрами данной мѣстности служатъ губернскіе города Люблинъ и Сѣдлецъ; въ первомъ 62 тысячи жителей, во второмъ гораздо меньше (23 тыс.), но все же и онъ связанъ съ уѣздами множествомъ экономическихъ нитей. Ничего подобнаго нельзя сказать о вновь проектируемомъ губернскомъ городѣ—Холмѣ, въ которомъ всего 17 тыс. жителей, въ томъ числѣ 6000 русскихъ, 7000 евреевъ и 4000 поляковъ. Въ обыкновенное время Холмъ — совершенно опустѣлый городъ; только въ нѣкото-

рые праздничные дни сюда приходятъ многочисленные православные богомольцы. По многимъ дѣламъ — судебнымъ, учебнымъ, землеустроительнымъ—жителямъ Холмской губерніи придется, притомъ, обращаться въ Кіевъ и Житоміръ, отстоящіе отъ Холма гораздо дальше, чѣмъ Варшава. Кіевская судебная палата должна будетъ рѣшать гражданскія дѣла на основаніи совершенно неизвѣстныхъ ей до сихъ поръ польскихъ законовъ, такъ какъ дѣйствіе этихъ законовъ предполагается сохранить въ Холмскомъ краѣ и послѣ выдѣленія его изъ Царства Польскаго. Адвокатовъ, хорошо знакомыхъ съ польскимъ гражданскимъ правомъ, нужно будетъ, по крайней мѣрѣ на первое время, выписывать изъ Варшавы. Остаться въ силѣ для новой губерніи должны и многія другія учрежденія Царства Польскаго (полицейская организація, межевая часть, гминные суды); но будутъ ли они въ новой обстановкѣ тѣмъ, чѣмъ были въ старой?.. Несомнѣнную пользу, по словамъ гр. Уварова, извлечетъ изъ образованія Холмской губерніи только графъ Лидерсъ, потому что на его землѣ находится вся околица Холма и часть самого города; да еще, можетъ быть, не безвыгоднымъ для строителей — но, конечно, убыточнымъ для казны—окажется возведеніе въ Холмѣ строеній, безъ которыхъ не можетъ обойтись губернскій городъ... Наконецъ, цѣлымъ рядомъ соображеній гр. Уваровъ старался доказать, что выдѣленіе Холмской губерніи изъ состава Царства Польскаго—и, слѣдовательно, изъ вѣдѣнія варшавскаго генералъ-губернатора, — нежелательно и даже опасно съ стратегической точки зрѣнія. Правъ ли онъ и въ этомъ — мы судить не беремся; онъ самъ, очевидно, не допускаетъ на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній и соглашается признать себя побѣжденнымъ въ такомъ лишь случаѣ, если военный министръ заявитъ съ думской каѳедры, что считаетъ выдѣленіе Холмщины по меньшей мѣрѣ безвреднымъ для дѣла государственной обороны.

Въ арсеналѣ защитниковъ законопроекта есть еще одинъ аргументъ, имѣющій, по ихъ убѣжденію, рѣшающее значеніе. «Я удостовѣряю—читаемъ мы въ рѣчи епископа Евлогія,—что пока Холмщина будетъ составлять нераздѣльную часть Царства Польскаго, пока поляки будутъ смотрѣть на нее какъ на свое неотъемлемое историческое національное достояніе, пока русскій народъ будетъ мучительно сознавать свою прикованность къ Польшѣ, намъ не поднять русскую Холмщину, не воскресить ея самобытность.. Польша будетъ—говорятъ бѣднымъ, забитымъ холмскимъ крестьянамъ—будетъ не только въ Варшавѣ или Радомѣ, но и въ Холмѣ и Подляшьѣ. А народъ нашъ знаетъ, что значитъ это *будетъ*; онъ отлично знаетъ, что не будетъ тогда мѣста ни русской

православной вѣрѣ, ни для русскаго языка, ни для русскаго народа. Можетъ быть Польша вернется—вотъ подъ какимъ сознаніемъ вѣчно живетъ холмско-русскій крестьянинъ». Преосвященный Евлогій призываетъ Думу разсѣять этотъ кошмаръ, разрубить эти вѣковыя цѣпи, ввести русское населеніе Холмскаго края въ общерусское русло; онъ выражаетъ надежду, что и поляки откажутся тогда отъ своихъ притязаній на Холмщину. Можно было бы спросить, какимъ притѣсненіямъ—кромѣ экономическихъ, зависящихъ не отъ принадлежности края къ имперіи или къ царству,—подвергалось холмское крестьянство, за послѣдніе полвѣка, со стороны поляковъ, политически безправныхъ и безсильныхъ; можно было бы усомниться въ живучести воспоминаній о давно миновавшемъ гнетѣ, возсозданіе котораго въ фантазіи посильно только для людей хорошо знакомыхъ съ отдаленнымъ прошлымъ. Но это завело бы насъ слишкомъ далеко; мы ограничимся только однимъ замѣчаніемъ. Если вѣра поляковъ въ свое исключительное право на Холмщину и Подляшье такъ сильна, какъ изображаетъ ее преосвященный Евлогій, то неужели она изсякнетъ только потому, что законодательнымъ актомъ, состоявшимся безъ участія мѣстнаго населенія, данная мѣстность будетъ перечислена изъ состава царства въ составъ имперіи? И если страхъ холмскихъ крестьянъ передъ польскимъ засильемъ дѣйствительно такъ великъ, то исчезнетъ ли онъ только потому, что измѣнится названіе губерніи и прекратится подчиненіе ея варшавскому генералъ-губернатору? Вѣдь Польша и теперь, какъ выразился министръ внутреннихъ дѣлъ, ни что иное, какъ часть россійскаго государства; частью этого государства Холмскій край является, слѣдовательно, независимо отъ наименованія, которое онъ носитъ, и вѣдомства, которому онъ подчиненъ. Его будущая участь обусловливается совокупностью обстоятельствъ, которыхъ нельзя предвидѣть и нельзя регулировать мѣрами въ родѣ проектируемой въ настоящее время. Важно одно: чтобы холмское крестьянство перестало чувствовать себя забитымъ, чтобы возросло его матеріальное благосостояніе, поднялось его духовное развитіе. Тогда ему не будетъ страшно никакое внѣшнее давленіе: въ рѣшеніи его судьбы ему дана будетъ возможность сыграть самостоятельную роль.

Высказываясь за образованіе Холмской губерніи и за выдѣленіе ея изъ Царства Польскаго, думская комиссія разошлась съ правительственнымъ законопроектомъ, во-первыхъ, въ томъ, что не нашла нужнымъ включать новую губернію въ составъ кіевскаго генералъ-губернаторства, во-вторыхъ—въ томъ, что отвергла распространеніе на нее дѣйствующихъ по сю сторону границы Цар-

ства Польскаго ограничительныхъ правилъ относительно польскаго и еврейскаго землевладѣнія. Къ первому мнѣнію присоединился, въ своей рѣчи, министръ внутреннихъ дѣлъ; но соображенія комиссіи по второму вопросу онъ призналъ «не вполнѣ убѣдительными». Болѣе чѣмъ вѣроятно, что взглядъ министерства одержитъ верхъ въ Государственной Думѣ—или въ Государственномъ Совѣтѣ. Въ послѣднемъ случаѣ думское большинство едва ли захочетъ поставить на карту судьбу любезнаго ему законопроекта—и значительной части населенія новой губерніи будетъ поднесено, какъ don de joyeux avénement, ничѣмъ не оправдываемое правоограниченіе. Никто отъ этого ничего не выиграетъ, а многіе много потеряютъ. Хуже всего окажется, конечно, положеніе евреевъ, этихъ souffre-douleur ультра-націоналистической политики.

Одни ли только націоналисты, однако, хотятъ выдѣленія Холмщины изъ Царства Польскаго? Не стоитъ ли за него и малорусское населеніе края, многочисленное и наименѣе во всѣхъ отношеніяхъ обезпеченное? Безспорно, малороссы Люблинской и Сѣдлецкой губерній, хорошо зная положеніе своихъ родичей въ сосѣдней австрійской Галиціи, не могутъ относиться къ полякамъ съ довѣріемъ и любовью, не могутъ не желать перемѣны къ лучшему, правовой и матеріальной. Возможно и то, что нѣкоторые изъ нихъ ожидаютъ такой перемѣны отъ предположеннаго уменьшенія территоріи Царства Польскаго. Весь вопросъ въ томъ, въ какой степени основательно это ожиданіе? Что всего дороже для малороссовъ? Безъ сомнѣнія—широкое признаніе правъ родного языка, родной культуры. Существуетъ ли оно по сю сторону границы Царства Польскаго? Конечно—нѣтъ. Давно ли малороссы, въ оффиціальномъ актѣ, были причислены къ числу инородцевъ и вмѣстѣ съ ними объявлены объектомъ правительственнаго недовѣрія? Давно ли были закрываемы въ Кіевѣ малорусскія общества, именно какъ малорусскія? Давно ли въ Госуд. Думѣ раздавались голоса противъ господства родного языка въ начальной школѣ—голоса, находящіе теперь громкое эхо въ Государственномъ Совѣтѣ? Ослабѣла ли агитація противъ украйнофильства, руководимая г. Савенко и К°? Не находитъ ли она, наоборотъ, все новую и новую поддержку именно въ той средѣ, къ которой принадлежатъ главные защитники холмскаго законопроекта? Вотъ, напримѣръ, профессора кіевскаго университета Черновъ и Армашевскій, одинъ—предсѣдатель, другой—товарищъ предсѣдателя кіевскаго клуба націоналистовъ. Громя «мазепинское движеніе», они утверждаютъ, что малороссы—самые опасные противники единства и цѣлости россійской имперіи. Бѣду Россіи они видятъ въ томъ, что «съ мазепинскою пропагандою не ведется никакой борьбы». Съ ихъ

точки зрѣнія, слѣдовательно, все еще мало запретительныхъ и ограничительныхъ мѣръ, все еще мало репрессій. И въ то время, когда въ «станѣ ликующихъ» торжествуютъ подобные взгляды, малороссамъ рекомендуется возлагать надежды на мирное и благоденственное житіе въ новой губерніи, бокъ-о-бокъ съ волынскимъ доменомъ архіепископа Антонія и архимандрита Виталія, съ кіевскими твердынями націонализма!... Посмотримъ теперь на другую сторону медали: спросимъ, что мѣшаетъ поднять уровень народной—т. е. преимущественно малорусской—массы въ Холмскомъ краѣ, безъ всякаго перемѣщенія демаркаціонной черты между имперіей и царствомъ? Думская комиссія предлагаетъ принять, одновременно съ холмскимъ законопроектомъ, цѣлый рядъ пожеланій, касающихся скорѣйшаго введенія въ Холмской губерніи всеобщаго обученія, открытія въ ней возможно густой сѣти высшихъ начальныхъ и среднихъ училищъ, распространенія внѣшкольнаго образованія, а также ремесленныхъ, техническихъ и сельско-хозяйственныхъ знаній, скорѣйшей отмѣны сервитутовъ, широкаго развитія дѣятельности крестьянскаго банка, съ цѣлью удовлетворенія нуждъ безземельнаго и малоземельнаго населенія. Но развѣ для всего этого требуется нарушеніе связи между Холмщиной и царствомъ? Развѣ всѣ намѣченныя комиссіею блага менѣе цѣнны для обитателей сосѣднихъ губерній царства (Радомской, Ломжинской, Сувалкской) и имперіи (Гродненской, Волынской, Кіевской)? Неужели мысль комиссіи такова: поспѣшимъ облагодѣтельствовать Холмскую губернію, чтобы примирить населеніе съ происшедшей перемѣной—а остальныя губерніи могутъ и подождать, такъ какъ въ усиленномъ о нихъ попеченіи нѣтъ надобности? Вѣдь это было бы въ одно и то же время и вопіющею несправедливостью, и плохимъ расчетомъ. Купить расположеніе покровительствуемой губерніи едва ли удалось бы, такъ какъ именно торопливость и тенденціозность реформъ, сыплющихся изъ рога изобилія, повредила бы спокойному усвоенію ихъ всѣми классами населенія—а въ губерніяхъ, оставленныхъ за флагомъ, болѣзненно чувствовалось бы пренебреженіе къ ихъ законнымъ правамъ и интересамъ. Не проще ли было бы—продолжая, конечно, работу надъ общими преобразованіями, одинаково необходимыми для всѣхъ частей государства, и ведя ее въ несравненно болѣе скоромъ и рѣшительномъ, на самомъ дѣлѣ, темпѣ, чѣмъ установившійся въ послѣднее время,—теперь же предоставить Холмщинѣ все особенно для нея цѣнное: дѣйствительную равноправность всѣхъ ея жителей, дѣйствительную вѣротерпимость, дѣйствительную защиту личности, дѣйствительную возможность пользованія землею, дѣйствительное уваженіе къ правамъ народнаго языка и народнаго обычая?.. Быть можетъ, рано или поздно настанетъ моментъ спокойнаго

рѣшенія вопроса, теперь волнующаго сердца; быть можетъ, свободно и безпрепятственно выскажется по этому предмету само населеніе, желаніяхъ котораго теперь возможны только догадки. Въ ожиданіи этого момента, здоровой политикой можетъ быть признана только та, которая ставитъ себѣ цѣлью не внезапное, искусственное измѣненіе сложившихся условій, благопріятное, будто бы, для одной изъ заинтересованныхъ сторонъ, а умѣлое пользованіе этими условіями направленное къ общему благу, къ смягченію національнаго и религіознаго антагонизма.

Мы упомянули выше о проектѣ введенія въ Царствѣ Польскомъ городского самоуправленія—проектѣ, который ставится въ связь съ выдѣленіемъ Холмщины. Сравнительно съ дѣйствующимъ въ имперіи городовымъ положеніемъ 1892-го года и съ спеціальнымъ закономъ, изданнымъ для Петербурга въ 1903 г., онъ является, несомнѣнно, шагомъ впередъ, создавая болѣе широкія основы избирательнаго права, меньше оставляя мѣста для административнаго усмотрѣнія. Если припомнить, что въ Царствѣ Польскомъ самоуправленіе не существовало до сихъ поръ даже по имени, то нетрудно понять, что впечатлѣніе, произведенное проектомъ на представителей царства въ Государственной Думѣ, было, въ общемъ, благопріятное. Непостижимымъ для насъ остается только одно: какимъ образомъ члены польскаго коло, горячо возстававшіе, года два тому назадъ, противъ введенія куріальной системы въ западно-русскомъ земствѣ, могли отнестись не только пассивно, но даже сочувственно къ распространенію аналогичной системы на города Царства Польскаго? Конечно, въ польской печати давно уже высказывалась мысль о недопустимости еврейскаго равноправія, находившая, повидимому, гораздо больше сторонниковъ, чѣмъ противниковъ; но все же можно было ожидать, что, поставленные въ необходимость выбрать между явною непослѣдовательностью и отказомъ отъ національнаго предубѣжденія, представители Царства Польскаго предпочтутъ второе—и изъ угнетаемыхъ не обратятся въ угнетателей. Готовность польскаго коло голосовать за главныя основы законопроекта—и, слѣдовательно, за вводимую имъ куріальную систему—деп. Грабскій мотивировалъ, въ началѣ преній, соображеніями чисто практическаго свойства: онъ выразилъ мысль, что «нагроможденіе поправокъ» могло бы стать «роковымъ» для судьбы реформы, которая во всякомъ случаѣ знаменуетъ собою значительную перемѣну къ лучшему въ положеніи Царства Польскаго. Другіе ораторы были болѣе откровенны. «Мы сознаемъ»—воскликнулъ деп. Яронскій,—«что въ настоящій моментъ вводить самоуправленіе въ нашихъ городахъ безъ ограниченія для евреевъ было бы

совершенно немыслимо». Правда, онъ старался укрѣпить свою позицію ссылкою на обстоятельства, независящія отъ поляковъ: онъ указывалъ на то, что еврейская равноправность въ Царствѣ, при полномъ отсутствіи ея въ Западномъ краѣ, вызоветъ усиленный наплывъ евреевъ въ польскіе города—а это сдѣлало бы для поляковъ еврейскій вопросъ, «безъ того уже острый, совершенно невыносимымъ» [1]). Въ концѣ концовъ, однако, онъ выставилъ такой тезисъ: «евреи составляютъ у насъ большинство населенія во многихъ городахъ, но тѣмъ не менѣе мы не можемъ не считать этихъ городовъ польскими и не можемъ ихъ признавать еврейскими». Напрасны были призывы къ справедливости, съ которыми обращались къ польскому коло представители оппозиціи; напрасны были усилія прогрессистовъ доказать цѣлесообразность системы пропорціональныхъ выборовъ и громадное ея превосходство передъ куріальной системой; напрасно представитель Эстляндской губерніи (деп. Бенеке), чувствуя опасность, которою установленіе національныхъ курій угрожаетъ Остзейскому краю, цитировалъ слова Гнейста: «ничто не содѣйствуетъ въ такой степени сближенію враждебныхъ національностей, какъ введеніе системы мѣстнаго самоуправленія, въ которой ни о какихъ куріяхъ, ни о какихъ различіяхъ національныхъ не должно быть и рѣчи». Рѣшимость польскаго коло оказалась столь же непоколебимой, какъ и рѣшимость націоналистовъ и октябристовъ: статьи о куріяхъ прошли въ редакціи, предложенной министерствомъ и принятой думскою комиссіею. Были, конечно, сдѣланы попытки еще болѣе обездолить евреевъ, исходившія отъ крайнихъ правыхъ. Деп. Березовскій 2-ой предлагалъ слѣдующую поправку: «евреи, впредь до пересмотра особыхъ о нихъ законоположеній (т. е., съ точки зрѣнія непримиримыхъ юдофобовъ, впредь до «греческихъ календъ»), допускаются къ участію въ городскомъ общественномъ управленіи въ городахъ Привислянскаго края на основаніяхъ, установленныхъ городовымъ положеніемъ 1892-го года»

[1]) Напомнимъ, что законопроектомъ установляются въ городахъ Царства польскаго три куріи: русская, еврейская и польская (въ составъ послѣдней входятъ, кромѣ поляковъ, горожане всѣхъ другихъ національностей, за исключеніемъ русской и еврейской). Въ городахъ, гдѣ евреи составляютъ болѣе половины всего населенія, число гласныхъ отъ нихъ не должно превышать 20%, во всѣхъ остальныхъ—10%. На должности президента города, бургомистра (городского головы) и его помощника, городского секретаря и секретаря городской управы евреи избираемы быть не могутъ, а въ составъ управы можетъ входить только одинъ еврей. Что касается до русской куріи, то число избираемыхъ ею гласныхъ должно быть пропорціонально числу русскихъ избирателей; но если послѣднихъ насчитывается въ городѣ хоть пять, то они избираютъ отъ себя одного гласнаго.

(т. е. входятъ въ составъ городскихъ думъ, въ весьма ограниченномъ числѣ, не иначе, какъ по назначенію администраціи). Когда эта поправка была отклонена, деп. Марковъ 2-ой, въ рѣчи, исполненной, по обыкновенію, злобнаго чувства противъ «іудеевъ» [1]), объявилъ, отъ имени крайнихъ правыхъ, что они будутъ голосовать противъ особой еврейской куріи, т. е. за соединеніе въ одной куріи поляковъ и евреевъ. Сторонники такого соединенія отлично понимали, что оно будетъ выгодно для евреевъ, но держались, очевидно, правила: «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше»—а можетъ быть надѣялись достигнуть, этимъ путемъ, провала всего непріятнаго для нихъ законопроекта. И они были не очень далеки отъ успѣха: ихъ поправка, поддержанная—по совершенно другимъ соображеніямъ, всѣми или нѣкоторыми прогрессистами,—отклонена большинствомъ только 36 голосовъ (126 противъ 90)... Правительственный законопроектъ включалъ въ еврейскую курію не только евреевъ по вѣроисповѣданію, но и евреевъ по происхожденію, принявшихъ христіанство. Противъ этого постановленія, фактически создававшаго для цѣлой категоріи лицъ положеніе «отверженныхъ», возстала даже думская комиссія и исключила его изъ своихъ предположеній. За его возстановленіе высказался деп. Тимошкинъ, но остался въ меньшинствѣ.

Возвратимся къ образу дѣйствій польскаго коло. Неужели города, въ которыхъ много, очень много евреевъ, перестали бы быть польскими, если бы евреи получили избирательное право наравнѣ съ поляками и даже воспользовались бы имъ для образованія въ городской думѣ громаднаго еврейскаго большинства? Одно изъ двухъ: или характеръ города опредѣляется преобладающею въ немъ національностью — въ такомъ случаѣ городъ, въ населеніи котораго значительное большинство составляютъ евреи, уже теперь является «еврейскимъ» и останется имъ при всякой избирательной системѣ; или характеръ города зависитъ отъ окружающей его среды, отъ дѣйствующихъ въ немъ законовъ, отъ наиболѣе распространеннаго въ немъ языка, отъ наиболѣе вліяющей на него литературы— и въ такомъ случаѣ онъ можетъ быть польскимъ и при еврейскомъ большинствѣ городской думы. Усилія поляковъ должны быть направлены не къ умаленію правъ той или другой части населенія Цар-

[1]) Достаточное понятіе объ этой рѣчи могутъ дать слѣдующія слова: «полякамъ мало того, что іудеи съ ними сдѣлали, мало того, что они разрушили ихъ государство, мало закабаленій, въ которыхъ ихъ держатъ іудеи; имъ хочется ввергнуть свой народъ въ окончательную гибель, имъ хочется довести до того, чтобы ихъ польскіе города, подобно Содому и Гоморѣ, не могли уже имѣть и десяти польскихъ праведниковъ, и имъ останется со своими жидами только провалиться въ преисподнюю».

ства Польскаго, а къ тому, чтобы все больше и больше росло обаяніе польской культуры, способной выдержать конкурренцію, даже борьбу со всякою другою . . . Установляемая законопроектомъ куріальная система, помимо обостренія отношеній между поляками и евреями, представляетъ для поляковъ и другія серьезныя неудобства, Она включаетъ въ польскую курію національности, ревниво охраняющія свою самостоятельность—напр. литовцевъ, интересы и права которыхъ настойчиво и умѣло защищалъ деп. Булатъ, — и готовитъ, такимъ образомъ, рядъ столкновеній, едва-ли благопріятныхъ для польскаго престижа. Принимая и поддерживая ее, какъ желанное орудіе борьбы съ евреями, поляки лишаютъ себя права возражать противъ устройства русской куріи, которое, при другихъ условіяхъ, могло бы вызвать съ ихъ стороны далеко не безосновательную критику. Они безмолвно признаютъ себя неправыми въ вопросѣ о куріяхъ Западнаго края, такъ недавно еще служившихъ предметомъ ихъ нападеній. Уменьшить до извѣстной степени опасность разлада, которымъ грозитъ куріальная система, могло бы предоставленіе каждой куріи права выбирать гласныхъ не только изъ своей среды, какъ это устанавливаетъ законопроектъ, но и изъ среды другихъ курій. Къ этой цѣли была направлена поправка деп. Грабскаго, принятая комиссіею, но отвергнутая общимъ собраніемъ Думы; оно пошло за представителемъ русскаго населенія гор. Варшавы (деп. Алексѣевымъ), между тѣмъ какъ именно русское меньшинство могло бы получить нѣсколькихъ лишнихъ гласныхъ, пользующихся особымъ уваженіемъ среди поляковъ или евреевъ. Доказательствомъ этому можетъ служить слѣдующій интересный фактъ, приведенный въ рѣчи деп. Булата. Въ городѣ Волковышки, Сувалкской губерніи, существуетъ частная гимназія, содержимая всецѣло на средства общества, въ составъ котораго входятъ главнымъ образомъ евреи, затѣмъ литовцы и немного русскихъ и поляковъ. Соотвѣтственно этому распредѣляются и сборы на гимназію; меньше всего платятъ русскіе—и тѣмъ не менѣе во главѣ дѣла стоятъ, по выбору общества, русскіе чиновники. Деп. Булатъ совершенно справедливо видѣлъ въ этомъ фактѣ аргументъ противъ куріальной системы вообще—но онъ говоритъ и въ пользу возможно большей свободы куріальныхъ выборовъ.

Спѣшимъ оговориться: позиція, занятая польскимъ коло въ Государственной Думѣ не можетъ быть поставлена въ пассивъ всего польскаго общества, всего польскаго народа. Надъ Царствомъ Польскимъ, какъ и надъ имперіей, тяготѣетъ избирательная система, введенная 3-го іюня 1907 года. Сильно урѣзанное въ числѣ, нынѣшнее представительство Царства Польскаго, поставленное на узкую

основу, не можетъ считаться истиннымъ представительствомъ его населенія. Оно отражаетъ собою, если не исключительно, то преимущественно, настроеніе одной только партіи, изъ котораго нельзя выводить никакихъ общихъ заключеній.

Нѣсколько запоздалымъ, но вполнѣ умѣстнымъ было выступленіе барона Мейендорфа, въ засѣданіи Думы 5-го декабря, по обоимъ финляндскимъ законопроектамъ. Какъ бы ни былъ безнадеженъ протестъ, онъ сохраняетъ свою нравственную силу, когда въ основаніи его лежатъ неоспоримые факты. Октябриста, хотя бы и лѣваго, никто не можетъ заподозрить въ покушеніи на цѣлость и единство государства, на права господствующей націи—и обѣ рѣчи барона Мейендорфа были выслушаны безъ тѣхъ своеобразныхъ перерывовъ и репликъ, съ которыми приходится считаться ораторамъ оппозиціи. Нисколько не отрицая обязанность финляндцевъ участвовать въ оборонѣ государства, бар. Мейендорфъ съ особенною ясностью выразилъ свою мысль въ короткой репликѣ на замѣчанія докладчика. «Моя точка зрѣнія такова», воскликнулъ онъ: «выкупъ воинской повинности немыслимъ, а вести политику, при которой можно было бы привлекать финляндскихъ гражданъ къ отбыванію воинской повинности натурой — возможно». Вотъ именно: все дѣло въ политикѣ. Будь избранъ другой путь къ сближенію имперіи съ Финляндіей, не было бы тѣхъ затрудненій, которыя встрѣчаетъ теперь удовлетвореніе даже самыхъ безспорныхъ требованій... Въ другой рѣчи, по законопроекту о правахъ русскихъ гражданъ въ Финляндіи, бар. Мейендорфъ ярко освѣтилъ юридическую невозможность осуществить этотъ проектъ безъ прямого нарушенія сеймоваго устава 1906-го года, измѣненіе котораго, по прямому его смыслу, допустимо не иначе, какъ по соглашенію монарха съ финляндскимъ сеймомъ. Не менѣе убѣдительно доказывалъ тотъ же тезисъ деп. Маклаковъ, до крайности слабы были возраженія деп. Шечкова и гр. Беннигсена (послѣдній утверждалъ, между прочимъ, что внесеніемъ законопроекта *на заключеніе* сейма было исполнено требованіе сеймоваго устава!) — но правые и октябристы, какъ и слѣдовало ожидать, не захотѣли сойти съ однажды занятой позиціи, и оба законопроекта были приняты въ послѣднемъ чтеніи безъ всякихъ измѣненій. Послѣ рождественскихъ вакацій окончательная санкція Думы будетъ, конечно, дана и выдѣленію Холмщины, и куріальной системѣ въ городахъ Царства Польскаго.

Если—что болѣе чѣмъ вѣроятно—черезъ законодательныя со-

бранія пройдетъ указъ 14-го марта о западно-русскомъ земствѣ, то продукты обострившагося «національизма» составятъ главную часть скуднаго, очень скуднаго наслѣдства, которое получитъ страна послѣ ухода третьей Думы. Дѣло въ томъ, что изъ всѣхъ законопроектовъ, уже переданныхъ или имѣющихъ быть переданными изъ Думы въ Государственный Совѣтъ, наибольшіе шансы утвержденія верхнею палатою имѣютъ именно тѣ, которые касаются окраинъ. Финляндскіе законопроекты только что внесены въ Госуд. Совѣтъ — а въ печати уже появляются свѣдѣнія о безотлагательномъ ихъ разсмотрѣніи. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что они пройдутъ черезъ верхнюю палату такъ же быстро и гладко, какъ ихъ первоисточникъ—законъ 17-го іюня 1910-го года. То же самое можно сказать и о холмскомъ законопроектѣ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ куріальная система, въ приложеніи къ Западному краю, потерпѣла, правда, крушеніе въ Государственномъ Совѣтѣ; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы онъ *теперь* отклонилъ ее какъ для западнаго земства, такъ и для польскихъ городовъ. Тогда пылали страсти, теперь угасшія; тогда ставился, въ сущности, *личный* вопросъ, теперь уже разрѣшенный судьбою. Въ концѣ концовъ, такимъ образомъ, будутъ нанесены удары финляндцамъ, полякамъ и евреямъ; но многое ли будетъ сдѣлано для русскаго народа? Оставляя въ сторонѣ все то существенное и важное, чѣмъ «не успѣла» заняться третья Дума, спросимъ себя, какая судьба ожидаетъ принятые Думою законопроекты, далеко не свободные отъ серьезныхъ недостатковъ, но все же знаменующіе собою перемѣну къ лучшему — законопроекты о волостномъ земствѣ, о мѣстномъ судѣ, о всеобщемъ обученіи, объ организаціи начальной школы? Поразительная медленность, обнаруживаемая при разсмотрѣніи ихъ Государственнымъ Совѣтомъ, вызвала со стороны крестьянъ-членовъ Думы совершенно ненормальный шагъ—обращеніе за помощью къ предсѣдателю совѣта министровъ, затѣмъ къ предсѣдателю Государственнаго Совѣта. Его нельзя оправдать, но можно понять, можно даже отчасти извинить, если представить себѣ положеніе крестьянъ, которымъ предстоитъ возвращеніе на родину, послѣ пятилѣтней законодательной работы, съ пустыми руками. Отчаяніе — плохой совѣтникъ, плохая гарантія разборчивости въ выборѣ средствъ... И вотъ, въ Госуд. Совѣтѣ началось какое-то движеніе. Если бы все сводилось къ *разсмотрѣнію* законопроектовъ, то, можетъ быть, громадная потеря времени оказалась бы, до извѣстной степени, вознаградимой; но вѣдь недостаточно *разсмотрѣть* законопроекты—нужно еще принять ихъ, безъ ломки или передѣлки, на которую не могла бы согласиться даже третья Дума. Расчитывать на такой исходъ, при нынѣшнемъ составѣ

и настроеніи Госуд. Совѣта, болѣе чѣмъ трудно — и все острѣе становится вопросъ о коренномъ преобразованіи нашей верхней палаты.

Н. Н. ЗЛАТОВРАТСКІЙ.

(† 10-го Декабря 1911 г.).

Въ Москвѣ скончался популярный писатель, знаменитый беллетристъ, Николай Николаевичъ Златовратскій. Онъ умеръ почти скоропостижно, хотя уже давно не отличался здоровьемъ и жилъ тихо, одиноко, въ небольшомъ кружкѣ семьи и друзей, вдали отъ кипѣнья настоящаго дня.

Литературная дѣятельность Златовратскаго кончилась еще въ половинѣ 90-хъ годовъ. Въ послѣднее время онъ ничего не писалъ, кромѣ своихъ воспоминаній [1]), всецѣло уходя въ прошлое, для него столь дорогое, неотдѣлимое отъ души... Это былъ одинъ изъ писателей, опредѣляющихся прежде всего «направленіемъ», тѣсно связанныхъ со своей эпохой.

Въ концѣ 70-хъ, въ началѣ 80-хъ годовъ. Н. Н. Златовратскій возбуждалъ къ себѣ особый, живѣйшій интересъ: онъ былъ учителемъ своего поколѣнія, властителемъ его думъ.

Исторія, конечно, отнесется съ большимъ вниманіемъ къ произведеніямъ Златовратскаго. Они дадутъ ей весьма цѣнный матеріалъ для изученія цѣлой громадной полосы въ нашемъ общественномъ развитіи: и интеллигентской психологіи, и деревенскаго быта послѣ освобожденія крестьянъ. Вмѣстѣ съ Глѣбомъ Успенскимъ, Златовратскій является краеугольнымъ камнемъ народничества— не того теоретическаго народничества, которое процвѣтало въ «Недѣлѣ», въ статьяхъ Юзова и П. Ч., а эмоціональнаго, проникнутаго народной стихіей. Для многихъ теперь «народничество» — мертвая схема, а тогда это былъ живой нервъ. Интересы новой, свободной деревни привлекали вниманіе всѣхъ лучшихъ людей. Общественный альтруизмъ — характерная черта той эпохи—долженъ былъ имѣть своимъ источникомъ народолюбіе, заботу о народѣ. Одни ограничивались задачей: *все для народа*. Другіе еще дополняли и осложняли ее: *все черезъ народъ*. Златовратскій въ своихъ чувствахъ къ

---

[1]) Часть этихъ воспоминаній подъ заглавіемъ: «Въ шестидесятыхъ годахъ», напечатана въ №№ 9 и 10 «Вѣстника Европы» за 1910 г.

народу шелъ чуть ли не дальше всѣхъ: ничего помимо народа, ничего безъ народа... Въ этомъ его настроеніи не было ничего искусственнаго и надуманнаго. Оно вытекало изъ всего его существа.

Н. Н. Златовратскаго часто противопоставляютъ Глѣбу Успенскому. Его называютъ оптимистомъ, идеализаторомъ народной жизни, а Успенскаго считаютъ ея трезвымъ наблюдателемъ, пессимистомъ. Различіе между настроеніями обоихъ писателей, однако, менѣе существенно, чѣмъ глубокая, органическая разница ихъ натуръ, ихъ художническихъ индивидуальностей. Глѣбъ Успенскій и тоньше, и глубже Златовратскаго. Но у послѣдняго есть одно важное преимущество: бо́льшая уравновѣшенность душевнаго склада, полнота и гармоничность развитія, какъ художника. Оба писателя отличаются искренностью, но результаты ея у нихъ различны. Какъ ни глубоко проникся народной стихіей мученикъ Глѣбъ, онъ остался для народа чужимъ; можетъ быть, онъ и замучился потому, что подходилъ къ народу со стороны, какъ кающійся интеллигентъ. Ни ужасовъ крестьянской жизни, ни насильственныхъ операцій надъ собой его сложная психика не вынесла. А Златовратскій—совсѣмъ свой для народа. Это прямой наслѣдникъ Рѣшетникова, не идейный демократъ, а одинъ изъ тѣхъ народныхъ интеллигентовъ, какіе изображены у него въ «Устояхъ». Златовратскій—крестьянинъ и по происхожденію. Онъ интеллигентъ-разночинецъ лишь по отцу. Мать и дядья (со стороны отца) тѣсно связываютъ его съ сельскимъ духовенствомъ, а предки его—прямо изъ крестьянской среды. Умъ и сердце у него народные, и въ этомъ главный источникъ его писательскаго оптимизма.

Златовратскій и Успенскій—ровесники, но ихъ общественная природа такъ различна, что ихъ можно бы отнести къ разнымъ эпохамъ. Златовратскій — типичный и очень яркій представитель *старшаго* поколѣнія 70-хъ годовъ, выросшаго подъ солнцемъ, окрыленнаго надеждами и прочной вѣрой въ жизнь, бодраго, здороваго, энергичнаго. Успенскій скорѣе примыкаетъ къ поколѣнію *младшему*, съ его разочарованностью и надломленностью.

Н. Н. Златовратскій, какъ личность и какъ писатель—фигура гораздо болѣе своеобразная, чѣмъ можетъ показаться при первомъ бѣгломъ знакомствѣ съ его творчествомъ. Въ ней поражаетъ чеканная, законченная опредѣленность и внутренняя цѣльность. Общественныя условія, личныя обстоятельства и природныя черты характера какъ будто умышленно сплелись дружно и гармонично, чтобы создать такого органическаго оптимиста и народолюбца, какого мы видимъ въ Златовратскомъ.

Въ предисловіи къ собранію сочиненій онъ самъ дѣлаетъ по-

пытку объяснить происхожденіе этого своего основного писательскаго настроенія. «Склонность мою къ этому роду писательства поддерживали во мнѣ, вѣроятно, тѣ особыя обстоятельства, среди которыхъ прошло мое дѣтство и отрочество. То было время подготовленія реформы 19-го февраля, вызвавшее, какъ извѣстно, большое оживленіе въ провинціи. Мой отецъ, хотя и былъ простымъ чиновникомъ при дворянскомъ собраніи, усиленно работалъ въ то время, если не ошибаюсь, въ губернскомъ комитетѣ по разработкѣ вопросовъ, касающихся экономическаго положенія народа, а затѣмъ, не смотря на очень скудныя средства, при содѣйствіи наиболѣе развитыхъ дворянъ, открылъ публичную библіотеку, гдѣ мнѣ приходилось часто помогать ему. Въ то же время, благодаря близкому родству съ бѣднымъ сельскимъ духовенствомъ, въ нашей семьѣ не прекращалась и непосредственная связь съ деревней. Среди этихъ условій зарождались мои первыя сознательныя впечатлѣнія, которыми я, подъ вліяніемъ общей горячности и торопливости того времени, спѣшилъ, часто въ очень неудачной формѣ, подѣлиться съ своими ближними. Оглядываясь теперь назадъ, на эти прошедшіе годы моего писательства, я не могу не высказать судьбѣ благодарности за все то, что создало для меня возможность пережить, можетъ быть и очень немногія, минуты, свѣтлаго и возвышеннаго настроенія. Эти минуты особенно для меня дороги. Если условія моей жизни, въ главномъ, общи у меня съ многими изъ моихъ сверстниковъ, то эти минуты опредѣляютъ другую сторону моей жизни—интимную, сердечную, сказавшуюся и въ смутныхъ впечатлѣніяхъ дѣтей въ «старомъ домѣ», отъ грубой ласки няни Кузьминишны и «незамужницъ» до любвеобильныхъ порывовъ «золотыхъ сердецъ», и тамъ, гдѣ я мысленно сопутствую по длинной «снѣговой путинѣ» простому человѣку, призванному къ общему служенію дѣлу любви и справедливости, или переживаю минуты сердечнаго общенія съ бѣдною чернорабочею артелью и глухою деревенскою общиною. Среди этихъ образовъ крѣпла моя вѣра въ будущее и лучшія мечты юности находили живую почву».

Во вступленіи къ «Деревенскимъ буднямъ» Златовратскій говоритъ о томъ особенномъ интересѣ къ деревнѣ, который пробудился въ обществѣ послѣ освободительной реформы. «Значеніе деревни въ глазахъ общества становилось настолько серьезнымъ, что всѣ, кому были дороги интересы народа, поспѣшили уйти въ эту «новую деревню», чтобы вынести оттуда рядъ честныхъ, искреннихъ и добросовѣстныхъ наблюденій...»

Окружающая общественная атмосфера и домашнія впечатлѣнія

вліяли на Златовратскаго въ одномъ и томъ же духѣ, подготовляя въ немъ писателя, беззавѣтно преданнаго интересамъ народа.

Н. Н. Златовратскій родился въ 1845-мъ году, во Владимірѣ, въ небогатой чиновничьей семьѣ. Какъ видно изъ его собственныхъ словъ, его отецъ игралъ довольно видную роль въ жизни тамошней интеллигенціи, что способствовало раннему пробужденію умственныхъ и, въ частности, литературныхъ интересовъ въ будущемъ писателѣ.

Съ дѣтскихъ лѣтъ Н. Н. Златовратскій не зналъ достатка. А когда, съ перемѣной общественныхъ вѣяній, его отецъ лишился мѣста, семья впала въ нужду. Еще гимназистомъ будущій писатель, долженъ былъ заботиться о заработкѣ, помогать отцу. Онъ окончилъ гимназію въ 1864-мъ году; поступить въ московскій университетъ, какъ ему хотѣлось, не удалось. Онъ выдержалъ экзаменъ въ петербургскій технологическій институтъ, но пройти тамъ всего курса не смогъ. Помѣшала все та же преслѣдовавшая его нужда. Петербургъ оказался полезнымъ только въ томъ отношеніи, что далъ Златовратскому возможность познакомиться съ литературнымъ міромъ. Въ 1866 г. онъ попалъ въ корректоры газеты «Сынъ Отеч.», и вскорѣ затѣмъ дебютировалъ маленькимъ разсказомъ въ «Отеч. Запискахъ» Говорятъ, нужда его въ это время была такъ велика, что ему не за что было купить чернилъ, и онъ писалъ разведенной синькой, выпрошенной у хозяйки [1]). Златовратскій началъ помѣщать мелкіе очерки въ «Искрѣ» (Курочкина) и «Будильникѣ» (Вейнберга). Но бѣдствія его въ столицѣ такъ расшатали его здоровье, что ему пришлось ѣхать для поправки на родину. Здѣсь онъ пишетъ свое первое значительное произведеніе: «Крестьяне-присяжные», которое было въ 1874 г. напечатано въ «Отеч. Запискахъ», и окончательно выбираетъ своей профессіей писательство. Въ 1877 г. на страницахъ «Отеч. Зап.» появляются его «Золотыя сердца», а въ 1878-83 гг.—самыя выдающіяся его произведенія: романъ «Устои» и очерки «Деревенскіе будни». Конецъ 70-хъ и начало 80-хъ годовъ были временемъ расцвѣта его литературной дѣятельности. Первое собраніе сочиненій Златовратскаго вышло въ 1884-мъ, второе — въ 1891-мъ, третье въ 1897 г.; въ настоящее время предполагается четвертое, которое началъ подготовлять еще самъ авторъ.

Въ произведеніяхъ Н. Н. Златовратскаго фигурируютъ, съ одной стороны, люди близко ему знакомой народной среды, съ другой—интеллигенты, стремящіеся въ народъ. И тамъ, и здѣсь его вниманіе привлекаютъ, по преимуществу, «золотыя сердца»; въ его

---

[1]) Исторія рус. лит. XIX в. Изд. т-ва «Міръ». Вып. 20, стр. 161.

изображеніяхъ всегда чувствуется извѣстная доля розоваго тумана. Но все же распространенное у насъ обвиненіе Златовратскаго въ томъ, что онъ «обсахариваетъ» своихъ героевъ, нельзя признать справедливымъ. Обсахариваніе предполагаетъ нѣчто умышленное, тенденціозное, а нашему народнику была чужда всякая преднамѣренность и искусственность. Въ его любви къ народу нѣтъ никакого надсада, его интересъ къ нему,—чисто стихійный. Въ свои образы, иногда односторонніе, иногда разукрашенные, онъ вкладываетъ глубокую внутреннюю правду своихъ чувствъ. Идеализація не мѣшаетъ его героямъ быть настоящими, живыми. Его мужикъ живетъ, говоритъ и мыслитъ по-мужицки, интеллигентъ—по-интеллигентски. Онъ знаетъ то, что изображаетъ. Его романъ «Устои»—такой же драгоцѣнный жизненный документъ, какъ и описательные очерки: «Деревенскіе будни», куда онъ старался вносить «только факты».

Несмотря на присущую Златовратскому склонность идеализировать любимый предметъ, онъ не закрываетъ глазъ на темныя его стороны. Въ «Будняхъ» онъ самъ говоритъ о томъ, какъ мучатъ его всякія «но» въ деревенскомъ укладѣ. «Безъ *но* и вообще рѣдко бываетъ что-либо на свѣтѣ, а въ крестьянской жизни тѣмъ паче. Можетъ быть, и я, какъ всякій сторонній наблюдатель, пришелъ бы въ умиленіе отъ картины лопухинскаго покоса, еслибы не видалъ я раньше другой картины—картины «распредѣленія», еслибы не зналъ я, что среди этихъ «по-милу» собравшихся вытей немало работаетъ батраковъ, еслибы не видалъ я забитыхъ избъ, еслибы не окружала меня въ деревнѣ душная атмосфера «двоедушія и двуличія», еслибы... еслибы... о, читатель, какъ много этихъ «еслибы»!»

Въ изображаемой писателемъ борьбѣ старой деревенской правды и новой сочувствіе его, конечно, на сторонѣ старой. Иначе и быть не могло. Для этого онъ слишкомъ національнен, слишкомъ проникнутъ старымъ укладомъ народной жизни, симпатіями къ общинѣ, къ «міру», къ своеобразному деревенскому альтруизму («ежели у сосѣда плохо, и у тебя хорошему не быть... жди бѣды»). Слишкомъ близокъ къ Златовратскому его чудаковатый романтикъ, странникъ Минъ («съ которымъ поговорить—тоже, что въ церковь сходить»), чтобы онъ могъ раскрыть свою душу для новой индивидуалистической правды, которая и теперь врывается въ деревенскую жизнь, главнымъ образомъ, въ формѣ кулачества и разнаго хулиганства... Но обрисовалъ онъ *новыхъ людей* деревни вполнѣ правдиво и ярко. Его Петръ Бонифатьевъ и Борисъ Пимановъ—живыя, значительныя фигуры.

Въ эпилогѣ къ «Устоямъ» Златовратскій показалъ, какъ от-

четливо онъ представлялъ себѣ одно изъ самыхъ печальныхъ явленій русской жизни, тревожившее всѣхъ народолюбцевъ: глубокую разъединенность интеллигенціи и народа. Отчаянный вопль Лизы, что *въ глазахъ* деревенскаго мальчишки, ея ученика, *ея* нѣтъ, что индивидуалистъ Петръ ему ближе, чѣмъ она,—производитъ очень сильное впечатлѣніе. Но самъ авторъ далекъ отъ отчаянья, отъ скептическихъ и пессимистическихъ настроеній кающихся интеллигентовъ. Если въ русскомъ народѣ есть возвышенный старецъ Минъ, то зачѣмъ приходить въ отчаянье?.. Нашего народолюбца поддерживаетъ въ оптимизмѣ не вѣра въ незыблемость внѣшнихъ «устоевъ», а, что гораздо важнѣе, «безконечная, неизживаемая вѣра» въ правду жизни, которая, по его мнѣнію присуща всякому человѣку, а стихійному деревенскому человѣку—особенно.

Е. Колтоновская.

ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Проектъ новаго устава о воинской повинности.—Условія его разсмотрѣнія въ Государственной Думѣ.—Общая тенденція проекта.—«Гуманность», неизвѣстная иностраннымъ тюрьмамъ.—Истязанія въ псковской каторжной тюрьмѣ.—«Волевые импульсы» тюремной администраціи.—Н. Н. Бекетовъ †.

Изъ всѣхъ требованій, предъявляемыхъ государствомъ населенію, самое тяжелое есть, конечно, требованіе давать солдатъ. Въ смыслѣ тяжести, воинская повинность стоитъ внѣ сравненія со всѣми другими государственными повинностями,—не только съ денежными, но и съ отправляемыми натурою. Дѣйствительно, можно ли сравнивать, съ одной стороны, обязанность выставлять подводы для проѣзда начальствующихъ лицъ и чиновъ полиціи, или обязанность бросать, хотя бы въ самое горячее время, полевыя работы и идти тушить лѣсные пожары, или обязанность, въ качествѣ присяжнаго засѣдателя, отрѣшаться въ теченіе двухъ-трехъ недѣль отъ личной жизни и отъ личныхъ дѣлъ, и съ другой—обязанность семьи на долгіе годы разставаться съ сыномъ, а самого призваннаго на военную службу—подвергаться ея опасностямъ въ военное время и суровому казарменному режиму—въ мирное?

Воинская повинность одинаково тяжела какъ индивидуально, для

отдѣльныхъ семей и лицъ, такъ и для населенія въ цѣломъ. Она тяжела, какъ въ моральномъ отношеніи, такъ и въ экономическомъ. Сколько драмъ разыгрывается каждую осень по деревнямъ въ періодъ призыва новобранцевъ! Сколько молодыхъ, цвѣтущихъ жизней войско и въ мирное время не возвращаетъ населенію, или возвращаетъ физически и нравственно искалѣченными въ той ломкѣ, черезъ которую проходитъ человѣкъ, прежде чѣмъ изъ него сдѣлаютъ солдата! Семья долго ростила работника. Чуть только изъ него работникъ сдѣлался—его беруть на три или на четыре года. Богатство страны—въ производительномъ трудѣ населенія. Воинская повинность отнимаетъ отъ производительнаго труда болѣе милліона наилучшихъ по физическому здоровью людей, оставляя ежегодно въ каждомъ возрастномъ классѣ, за исключеніемъ единственныхъ сыновей, только больныхъ и слабыхъ. Въ періодъ расцвѣта физическихъ силъ только единственные сыновья и калѣки могутъ вести нормальную брачную жизнь. Цѣлый же милліонъ молодыхъ и здоровыхъ людей отъ нея устраняется. Что принципъ всеобщей воинской повинности, при милліонномъ составѣ арміи въ мирное время, въ концѣ концовъ долженъ способствовать вырожденію—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія.

И тяжесть воинской повинности не устранима. Въ исторически-послѣдовательномъ измѣненіи системъ комплектованія арміи, если ослабляется тяжесть въ одномъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается въ другомъ. Сокращается срокъ службы—увеличивается численность годового контингента новобранцевъ. Устраняется несправедливость сословныхъ привилегій—низшія сословія реально отъ этого не выигрываютъ. Въ первые годы по введеніи устава 1874 г., при шестилѣтнемъ срокѣ службы, армія брала въ каждый призывъ около 150 т. новобранцевъ. Сейчасъ, при трехлѣтнемъ срокѣ, призывается почти полмилліона. Въ связи съ переходомъ отъ рекрутской повинности къ всеобщей, бытовыя условія солдатской службы измѣнились, но гораздо болѣе на бумагѣ, нежели въ дѣйствительности, и, во всякомъ случаѣ, далеко не поднялись на ту высоту, которая соотвѣтствовала бы уровню пониманія служебнаго долга и личнаго достоинства образованными классами населенія. Въ теченіе цѣлыхъ тридцати лѣтъ дѣйствія устава 1874 г. въ войскахъ сѣкли. «Мордобойство» не искоренено. Солдаты несутъ и сейчасъ лакейскія обязанности въ офицерскихъ собраніяхъ и служительскія—въ вещевыхъ складахъ и въ госпиталяхъ. Денщичій вопросъ все еще остается вопросомъ.

При такомъ значеніи воинской повинности, все, что съ нею связано, естественно не можетъ не вызывать самаго живого обще-

ственнаго интереса. Почему же не замѣтно его было въ декабрѣ, когда Государственная Дума разсматривала проектъ новаго устава? Конечно, отвѣтъ должно искать въ общихъ условіяхъ минуты. Но, на-ряду съ общими условіями, оказали свое дѣйствіе и спеціальныя. Проектъ покрытъ тайной. За непроницаемой завѣсой канцелярской тайны онъ былъ изготовленъ военнымъ министерствомъ. Въ тиши и тьмѣ думской комиссіи государственной обороны, гдѣ сидятъ только «свои» для третьей Думы депутаты—націоналисты съ октябристами и крайніе правые,—онъ получилъ предварительную обработку въ законодательныхъ учрежденіяхъ. Въ общемъ собраніи Думы онъ разсматривался, во-первыхъ, при закрытыхъ дверяхъ и, во-вторыхъ, во вновь изобрѣтенномъ «работоспособною» Думой порядкѣ—въ порядкѣ «законодательной чехарды». Когда происходили общія пренія, вмѣсто отчетовъ, въ газетахъ печатались такіе обрывки рѣчей, изъ которыхъ при извѣстномъ напряженіи мысли можно было понять то, что предлагается военнымъ министерствомъ или А. И. Гучковымъ. Понять же возраженія противъ предложеній было рѣшительно невозможно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, полностью воспроизводились думскіе скандалы. Такимъ образомъ, получалось впечатлѣніе какого-то сплошного сумбура. Когда Дума перешла къ постатейному обсужденію проекта, отчеты стали полнѣе. Но такъ какъ они проходили черезъ безапелляціонную цензуру представителя военнаго вѣдомства, то вѣры въ точность воспроизведенія неблагопріятныхъ для проекта рѣчей, само собою разумѣется, быть не могло. Вѣры не было бы, если бы военное вѣдомство вычеркивало нежелательныя для него рѣчи и молчало. Но оно сочло долгомъ оповѣстить, что, идя «на встрѣчу широкой гласности обсужденія законопроекта», «лишь (!) оставило за собой право накладывать запрещеніе на печатаніе тѣхъ рѣчей, кои касаются секретной стороны дѣла *или не имѣютъ никакого отношенія къ представленному законопроекту*».

Это откровенное «оповѣщеніе» было напечатано въ «Новомъ Времени» (№ 12838) подъ видомъ «разъясненія одного изъ участниковъ разработки проекта устава». И газету, ранѣе говорившую о «непонятномъ секретѣ», который сдѣлало изъ проекта военное министерство, оно повидимому удовлетворило. Но, какъ ни высокъ авторитетъ «Новаго Времени» въ глазахъ «одного изъ участниковъ разработки проекта» и наоборотъ, думаемъ, что, все-таки, еще рано отождествлять «освѣдомленную» газету и русское общественное сознаніе. Законъ даетъ каждому министру широкое право разрѣшать оглашеніе изъ отчета о закрытомъ засѣданіи Думы только тѣ части, опубликованіе которыхъ онъ сочтетъ возможнымъ, — если засѣданіе было объявлено закрытымъ по его заявленію. Военный министръ

использовалъ свое право—для устраненія изъ отчетовъ рѣчей, которыя «не имѣютъ никакого отношенія къ представленному законопроекту.» Въ «послушной» Думѣ такая безпримѣрная цензура какъ и на столбцахъ «Новаго Времени», не встрѣтила протеста. Но русское общество — не Дума, созванная по закону 3 іюня. Въ немъ, какъ бы глубоко ни проникло «успокоеніе», не можетъ вызывать интереса законопроектъ, въ отношеніи котораго ему предлагается знать только то, что по мнѣнію автора законопроекта имѣетъ къ законопроекту отношеніе.

Дума, съ своей стороны, сдѣлала все нужное, чтобы и обрывки отчетовъ, касающіеся реформы воинской повинности, не сосредоточивали общественнаго вниманія. По предложенію октябристовъ, она съ конца ноября вела законодательныя работы «параллельно», въ слѣдующемъ любопытномъ «порядкѣ»: 25 и 26 ноября—Холмщина, 28-го городовое положеніе для Царства Польскаго, 30-го ноября и 2-го декабря утромъ—уставъ о воинской повинности, 2-го декабря вечеромъ—Холмщина, 5-го декабря—городовое положеніе, 7-го декабря—воинскій уставъ утромъ и рабочее законодательство вечеромъ, 9 декабря до 1 ч. дня—воинскій уставъ, съ 2 ч.—рядъ мелкихъ проектовъ и выкупъ варшаво-вѣнской желѣзной дороги. При такой «чехардѣ», и у членовъ Думы едва ли осталось ясное представленіе, какія и насколько необходимыя новыя тяготы они готовятъ населенію.

Не зная текста статей проекта новаго устава о воинской повинности, нельзя его ни разбирать, ни высказывать детальныхъ о немъ сужденій. Но говорить объ общей его тенденціи и о типичныхъ для него постановленіяхъ можно. Какъ то, такъ и другое, въ обрывкахъ отчетовъ опредѣлилось вполнѣ. Въ засѣданіи Государственной Думы 7 декабря начальникъ генеральнаго штаба, возражая противъ поправки о сокращеніи срока дѣйствительной службы до двухъ лѣтъ, заявлялъ: «При двухгодовомъ срокѣ являются громадныя затрудненія, напримѣръ, въ пополненіи унтеръ-офицерскаго состава, и этотъ вопросъ является крайне серьезнымъ въ западно-европейскихъ государствахъ. Къ двухгодовому сроку переходятъ исключительно съ цѣлью увеличенія запасовъ, а вовсе не потому, что населеніе по своему развитію достаточно подготовлено для сокращенія срока службы. Намъ увеличивать запасъ не представляется никакой необходимости, и поэтому у насъ нѣтъ никакихъ основаній къ сокращенію срока службы». Для составителей проекта, слѣдовательно, существовала только одна сторона вопроса—интересы и потребности

арміи, и вовсе не существовало другой—интересовъ населенія. Эта тенденція составляетъ характерную основу всѣхъ военныхъ законопроектовъ, которые проходили черезъ третью Думу. Она же положена въ корень реформы воинской повинности.

Въ эпоху великихъ реформъ шестидесятыхъ годовъ на вопросъ смотрѣли иначе. Тогда считали, что какъ бы важны ни были потребности государственной обороны, но у государства есть и другія задачи. Тогда интересы военнаго дѣла сопоставляли съ интересами населенія и взаимно ихъ соподчиняли. Тогда была дана широкая система льготъ по семейному положенію, по роду занятій и по образованію—для обезпеченія благосостоянія семьи, для развитія въ странѣ образованія и для сохраненія въ населеніи лицъ, посвятившихъ себя педагогической дѣятельности. Тогда, опредѣляя срокъ дѣйствительной военной службы, представители военнаго вѣдомства не рисковали утверждать, что его продолжительность зависитъ *исключительно* отъ того, нужно или нѣтъ увеличивать контингентъ запасныхъ. Теперь завѣты графа Д. А. Милютина забыты. Послѣ-конституціонная русская государственность оторвала себя отъ интересовъ населенія и, какъ Молохъ, требуетъ отъ него только жертвъ. Такъ, не считаясь ни съ чѣмъ, ассигнованы были и ассигнуются до сихъ поръ сотни милліоновъ народныхъ денегъ на срытіе старыхъ крѣпостей и на возведеніе новыхъ, на амурскую желѣзную дорогу, на возрожденіе флота. Также точно, «исключительно» поскольку того требуютъ интересы развитія вооруженныхъ силъ, проектируется измѣнить порядокъ отправленія воинской повинности. Всѣ возраженія съ точки зрѣнія интересовъ населенія объявлены «не имѣющими никакого отношенія къ представленному законопроекту». Вмѣстѣ съ военнымъ министерствомъ, на той же почвѣ стоятъ, судя по отчетамъ, думская комиссія обороны и все правое большинство «народныхъ представителей», которое гордится тѣмъ, что выше всякой мѣры увеличенъ военный бюджетъ, и торопится до новыхъ выборовъ лишить населеніе тѣхъ уступокъ его экономическимъ и культурнымъ интересамъ, на коихъ построена была въ 1874 г. система воинской повинности.

Льготы по семейному положенію даютъ въ результатѣ недоборъ новобранцевъ по отдѣльнымъ призывнымъ участкамъ и способствуютъ тому, что воинскія присутствія недостаточно строго бракуютъ безльготныхъ. Такъ разсуждали составители проекта. А потому проектъ упраздняетъ нынѣшнія льготы третьяго разряда, льготы второго—переноситъ въ третій и сохраняетъ значеніе льготы перваго разряда не для всѣхъ единственныхъ сыновей, а лишь для тѣхъ, которые не имѣютъ работоспособнаго отца. Въ воинскихъ

присутствіяхъ проектъ усматриваетъ организаціонный недостатокъ, заключающійся въ томъ, что, по ихъ «гражданскому» характеру и составу, интересы населенія имъ слишкомъ близки. И дабы парализовать этотъ «недостатокъ», который соотвѣтствовалъ духу стараго устава и не долженъ имѣть мѣста въ новомъ,—въ составъ уѣзднаго присутствія включаются снабженные особыми полномочіями два члена отъ военнаго вѣдомства, а въ составъ губернскаго—четыре.

Будетъ ли въ Россіи повышаться процентъ людей, получившихъ высшее и среднее образованіе—военному вѣдомству безразлично. Безразлично это, повидимому, и совѣту министровъ, черезъ который проектъ прошелъ прежде внесенія въ Думу, а также думской комиссіи обороны. И на основаніи такого «послѣ-конституціоннаго» отправного положенія, окончившіе университетъ въ отношеніи отбыванія воинской повинности уравнены съ окончившими низшую начальную школу. По первоначальнымъ опредѣленіямъ устава 1874 г., при шестилѣтнемъ общемъ срокѣ службы, окончившіе университетъ служили по жребію шесть мѣсяцевъ, вольноопредѣляющимися—три. Въ восьмидесятыхъ годахъ было рѣшено, что стремленіе къ университетскому образованію не нуждается въ такомъ энергичномъ поощреніи. Но, все-таки, тогда полагали, что поощрять прохожденіе хоть шести классовъ средней школы нужно, и льгота для окончившихъ высшія учебныя заведенія была понижена лишь до уровня льготы для прошедшихъ шесть классовъ. Въ настоящее время, по мысли составителей проекта, должна поощряться только простая грамотность. И для нея, однако, принята такая мѣра поощренія, которая имѣетъ микроскопическое значеніе. При общемъ срокѣ службы въ три года въ пѣхотѣ и въ пѣшей артиллеріи, т. е. для главной массы призываемыхъ, и въ четыре года—въ кавалеріи или въ спеціальныхъ войскахъ,—лица, имѣющія льготу по образованію, будутъ служить три года. Слѣдовательно, при назначеніи на службу въ пѣхоту и въ пѣшую артиллерію они не будутъ имѣть льготы вовсе, и только при назначеніи въ кавалерію и въ спеціальныя войска ихъ срокъ службы сокращается на одинъ годъ.

Послѣдовательно изгоняя изъ устава все, что подсказывалось заботами объ интересахъ населенія, проектъ допускаетъ пониженіе срока службы для окончившихъ высшія и среднія учебныя заведенія до двухъ лѣтъ только въ интересахъ арміи: если они выдержатъ экзаменъ на офицера запаса. Но для права держать экзаменъ, по проекту, еще недостаточно имѣть образовательный цензъ. Необходимо, сверхъ того, обладать правомъ быть офицеромъ. Что скрывается подъ новымъ, до сихъ поръ закону неизвѣстнымъ терминомъ, кото-

рый многократно повторялся съ думской трибуны: «лица, имѣющія право быть офицерами»,—преніями пока разъяснено не было. Но разъ онъ противополагается термину: «лица, пользующіяся правами по образованію»,—то ничего другого, кромѣ сословныхъ привилегій, въ немъ быть не можетъ. Если это такъ и если согласно предположеніямъ проекта уставъ получитъ силу закона, то въ условіяхъ «обновленнаго» государственнаго строя получится любопытный возвратъ къ тому, что было до отмѣны крѣпостного права.

Не менѣе характерно разрѣшенъ въ проектѣ вопросъ объ изъятіяхъ и льготахъ по роду занятій. Главную, по численности, категорію лицъ, освобождаемыхъ въ настоящее время отъ дѣйствительной службы и зачисляемыхъ при призывѣ въ запасъ, составляютъ народные учителя. Авторовъ проекта испугало, что, по введеніи всеобщаго начальнаго обученія, число такихъ лицъ увеличится, и они отъ народныхъ учителей льготу отняли. Какое имъ дѣло, что школы будутъ безъ учителей! Они полагаютъ, что и школы нужны постольку, поскольку въ дѣтскомъ возрастѣ уже будутъ подготовляться будущіе солдаты. А для этого нужны учителя, обязательно прошедшіе черезъ ряды арміи. Въ одной изъ рѣчей такъ прямо и говорилось: «Освобождая учителей всѣхъ школъ отъ дѣйствительной службы, мы не только создаемъ условія, при которыхъ учительскій кадръ заполняется почти исключительно лицами, совершенно незнакомыми съ военной службой, чуждыми арміи, не знающими ее, но болѣе того, мы какъ бы искусственно открываемъ въ него двери для лицъ, относящихся отрицательно къ самой идеѣ военной службы, а можетъ быть и къ арміи, и избирающихъ педагогическую дѣятельность не въ силу призванія, а часто ради освобожденія отъ воинской повинности. Иначе говоря, мы создали особо благопріятныя условія для доступа въ учителя людямъ, которые въ государственныхъ интересахъ отнюдь не допустимы въ эту корпорацію»... Эта тирада пріобрѣтаетъ особенную цѣнность, если вспомнить, что въ большинствѣ народныхъ школъ работаютъ не учителя, а учительницы.

Требованіе антисемитовъ о недопущеніи въ армію евреевъ въ проектѣ удовлетворенія не получило. По этому поводу «участникъ разработки проекта устава» въ «Новомъ Времени» разъяснилъ: «Полный пересмотръ устава о воинской повинности потребовалъ бы слишкомъ много времени. Для того же, чтобы не задерживать вопросовъ, достаточно уже назрѣвшихъ и настоятельно нуждавшихся въ разрѣшеніи, военнымъ министерствомъ рѣшено эти вопросы провести въ первую очередь, а вслѣдъ за ними вести остальную работу по пересмотру устава. Вопросъ же о евреяхъ и прочихъ инородцахъ по своей сложности не могъ быть включенъ въ первую очередь, такъ какъ разработка его могла бы

задержать по крайней мѣрѣ на цѣлый годъ осуществленіе крайне важныхъ и необходимыхъ мѣропріятій. Поэтому указанный вопросъ отнесенъ во вторую очередь. Нынѣ этотъ вопросъ разрабатывается и войдетъ въ законопроектъ второй очереди, который предположено внести въ Гос. Думу осенью будущаго года». Такимъ образомъ, столь же дикая, сколь и нелѣпая мысль антисемитовъ—поставить цѣлую народность внѣ общаго для всѣхъ подданныхъ государства законовъ и тѣмъ наложить на коренное населеніе сугубо увеличенную тяготу военной службы,—если не получила осуществленіе въ законопроектѣ, то только потому, что вопросъ еще разрабатывается. Но авторитетное ея признаніе со стороны правительства уже есть. Вопросъ же о замѣнѣ воинской повинности для духоборовъ и вообще для лицъ, отрицающихъ службу въ арміи по религіознымъ убѣжденіямъ, конечно, и не разрабатывается. Современная государственность считаетъ, что у нея есть достаточно цѣлесообразное средство разрѣшенія конфликта между религіозными убѣжденіями и совѣстью человѣка и предъявляемымъ ему требованіемъ быть солдатомъ: ссылка въ каторгу на шесть лѣтъ, какъ высшая, и отдача на четыре года въ исправительныя арестантскія отдѣленія, какъ низшая мѣра наказанія.

Той же тенденціей, какъ въ отношеніи льготъ и изъятій, проникнуты предположенія, касающіяся института вольноопредѣляющихся. Общеимперская разверстка годового контингента новобранцевъ такъ конструирована въ проектѣ, что военный министръ получаетъ право брать въ призывъ и нѣсколько мѣсяцевъ задерживать на службѣ значительно больше новобранцевъ, чѣмъ будетъ опредѣляться въ законодательномъ порядкѣ. Отъ перебора интересы арміи не страдаютъ. Страдаютъ «только» интересы населенія. Такъ чего же стѣсняться!..

«Появленіе каждаго отчета главнаго тюремнаго управленія—писали 6 декабря «казенныя перья»—неизмѣнно сопровождается рядомъ замѣчаній слѣва на тему о томъ, что русская уголовная политика не выдерживаетъ критики, что тюремное дѣло поставлено неправильно, что положеніе арестантовъ, подъ которыми, впрочемъ, понимаются исключительно политическіе преступники, ужасно, что всѣ правительственныя начинанія въ этой области—«хорошія слова», которыя такъ и остаются словами». И далѣе, въ видѣ примѣра «недобросовѣстной» критики «лѣвыхъ листковъ», «Россія» отмѣчала обычное оспариваніе утвержденій отчетовъ, «что правила тюремнаго режима, примѣняемаго въ русскихъ тюрьмахъ, не только не имѣютъ

характера излишней суровости, но и отличаются гуманностью, неизвѣстной практикѣ большинства иностранныхъ тюремныхъ учрежденій».

Каковы эти отсутствіе «излишней суровости» и «гуманность, неизвѣстная практикѣ большинства иностранныхъ тюремныхъ учрежденій»,—о томъ безпрерывно свидѣтельствуютъ голодовки то въ одной, то въ другой тюрьмѣ. Еще недавно «голодала» рижская тюрьма куда главное тюремное управленіе посылало для ревизіи особаго чиновника и откуда, послѣ ревизіи, цѣлыя партіи арестантовъ были переведены въ Москву, въ Саратовъ, въ Орелъ и въ Воронежъ. Съ точки зрѣнія «Россіи» и тюремнаго вѣдомства, голодовки, конечно, свидѣтельствуютъ не болѣе, какъ только объ упорствѣ «политическихъ преступниковъ» въ желаніи чинить непріятности «отличающемуся гуманностью» начальству. А потому ни «казенныя перья», ни главное тюремное управленіе не задумываются надъ тѣмъ, что въ большинствѣ «иностранныхъ тюремныхъ учрежденій», гдѣ неизвѣстны правила режима, «примѣняемаго въ русскихъ тюрьмахъ»,—неизвѣстны и голодовки. Но кто не вытравилъ въ себѣ сознанія, что преступники, хотя бы и политическіе, суть люди,—для тѣхъ, само собою разумѣется, муки голода, переносимыя не только добровольно, но переносимыя подъ угрозою карцера и розогъ, свидѣтельствуютъ о самой послѣдней степени отчаянія, — того отчаянія, въ которомъ жажда смерти уже готова побороть жажду жизни.

Не разъ въ газетахъ сообщалось объ ужасахъ, творящихся въ псковской каторжной тюрьмѣ, и о ея начальникѣ, полковникѣ Черленковскомъ, который говоритъ про себя заключеннымъ: «я камень!» Мѣстныя газеты—одна лѣвая и одна правая — снова полны фактовъ, просочившихся сквозь тюремныя стѣны. Въ «Рѣчи», 16 декабря, была напечатана статья г. Базилевича, при чтеніи которой морозъ деретъ по кожѣ. В. Г. Короленко пытается пробить ледъ въ сердцахъ тѣхъ, у кого «еще не вполнѣ заглохло человѣческое чувство». «Теперь — пишетъ онъ («Рѣчь», 18-го декабря)— Псковъ является ареной захватывающей и потрясающей трагедіи. 15-го декабря въ «Псковской Жизни» писали, что «голодовка въ тюрьмѣ продолжается. Нѣкоторые изъ голодающихъ проявляютъ большую слабость... Тюрьму посѣтилъ жандармскій офицеръ г. Злобинъ»... Этотъ ужасъ продолжаетъ, значитъ, висѣть надъ городомъ, объединяя общество въ одномъ чувствѣ. Но что можетъ сдѣлать общество? Растерянная администрація предоставляетъ мѣстной прессѣ кидать свои страшныя обвиненія... А въ это время 105 человѣкъ пытаются умереть, а тюремная администрація, быть можетъ, опять

розгами стремится возбудить въ нихъ охоту къ жизни... Верхотурье, Вятка, Пермь, Вологда, Зерентуй... Теперь Псковъ! Что это за ужасная «автономія истязательства» за этими каторжными стѣнами»!..

Голодовкѣ предшествовала ревизія, которую производилъ самъ начальникъ главнаго тюремнаго управленія, г. Хрулевъ. Заключенные приносили ему жалобы, и тутъ же стоялъ начальникъ тюрьмы. Восемь человѣкъ жаловались на то, что они были высѣчены по явно неосновательному оговору психически больного товарища по камерѣ. Заключенный Ивановъ—на то, что его высѣкли за отказъ принять изъ рукъ начальника тюрьмы пасхальное «красное яичко» и затѣмъ избили три надзирателя. Первымъ г. Хрулевъ сказалъ: «Дѣло прошлое, надо простить!» Второму: «Это было давно, надо забыть»!.. «О, я, конечно, понимаю—справедливо оцѣнилъ эти отвѣты В. Г. Короленко:—г. Хрулевъ только поддерживалъ престижъ власти. Можетъ быть... вѣроятно... скажемъ даже, навѣрное, наединѣ съ г. Черленковскимъ г. Хрулевъ такъ же гуманно и мягко сказалъ свое «надо простить» и истязателю... Онъ только не принялъ въ соображеніе, что есть вещи, которыя не покрываются простымъ благодушіемъ. У него просили справедливости, а не прекраснодушія. А отказъ въ такой справедливости доводитъ до крайняго отчаянія»... Уѣхалъ г. Хрулевъ—105 физически и душевно измученныхъ живыхъ людей въ сѣрыхъ халатахъ рѣшили голодать. «Начальникъ-камень» отвѣтилъ имъ на готовность нести муки голода... розгами.

Въ псковской тюрьмѣ—въ одной ли псковской!—существуетъ система: въ одну камеру съ политическими непремѣнно сажать самыхъ отъявленныхъ негодяевъ изъ уголовныхъ. Эти уголовные то посягаютъ на юношей-политиковъ, «предлагая имъ стать ихъ женами», то дѣйствуютъ въ роли провокаторовъ, представляя собою глаза и уши начальника, отъ которыхъ никогда и на одно мгновеніе нельзя укрыться. Насколько невыносимо такое постоянное принудительное общеніе,—объ этомъ еще писалъ Достоевскій. Г. Базилевичъ говоритъ, что въ Псковѣ есть своеобразное учрежденіе: «каторжныя клѣтки»—и по поводу ихъ приводитъ слѣдующую выдержку изъ письма одного заключеннаго: «Эти клѣтки—маленькія желѣзныя камеры, имѣющія три шага въ длину и полтора въ ширину и выходящія рѣшетчатыми окошечками въ корридоръ. Видъ этихъ примыкающихъ одна къ другой клѣтокъ долженъ произвести на непривычнаго человѣка удручающее впечатлѣніе, у насъ же многіе мечтаютъ о томъ, чтобы попасть въ нихъ».

По статистическимъ даннымъ, собраннымъ заключенными, въ псковской тюрьмѣ за два съ половиною года высѣчено 130 человѣкъ и получили они въ сложности 5625 ударовъ розгами. Тѣлесныя наказанія,

какъ тюремная дисциплинарная мѣра, не вездѣ еще отмѣнены и на Западѣ. Но не нужно справокъ въ отчетахъ, чтобы безошибочно сказать, что ни по числу наказанныхъ, ни по общей суммѣ числа ударовъ, ничего подобнаго не знаетъ ни одна иностранная тюрьма. Приведенныя цифры свойственны только нашей, специфически-русской «гуманности». Да и у насъ, въ періодъ послѣ манифеста 17 апрѣля 1863 г. и до возвѣщеннаго «обновленія», едва ли тюремная «гуманность» имѣла когда-либо такое яркое цифровое выраженіе. Еще болѣе характерны проступки, за которые эти 130 человѣкъ получили 5625 ударовъ. 16 заключенныхъ были наказаны 825-ю ударами за нежеланіе отвѣчать по-солдатски на привѣтствіе, двое—80-ю за заявленіе о плохой пищѣ, одинъ—50-ю за записываніе въ тетрадь стихотвореній и онъ же—10-ю за то, что не кричалъ во время порки, одинъ—5-ю за сорванный цвѣтокъ, одинъ—30-ю за искаженіе слова «капуста», десять—365-ю за найденныя письма и газеты и т. д.

«Нежеланіе отвѣчать по-солдатски» — тюремный проступокъ, невѣдомый «иностраннымъ тюремнымъ учрежденіямъ». Оно и понятно. Тамъ во главѣ тюремъ стоятъ директоры,—люди, быть можетъ, суровые и педантичные, но, во всякомъ случаѣ, получившіе подготовку не въ войсковой казармѣ. У насъ же считается, что лучшій цензъ для должности начальника тюрьмы — военная служба. Офицеры-начальники сплошь и рядомъ ничего другого не приносятъ въ чрезвычайно трудное и сложное дѣло управленія тюрьмой, кромѣ требованія выправки, выпучиванія глазъ и крика: «здравія желаю, ваше высокоблагородіе!» На почвѣ неподчиненія этимъ требованіямъ со стороны чуждыхъ солдатской муштровки людей и начинаются столкновенія «политиковъ» съ тюремной администраціей. «Политикамъ» эти требованія кажутся ненужными и унижающими ихъ человѣческое достоинство. Офицеры-начальники не понимаютъ, почему политическихъ заключенныхъ больно ударяетъ требованіе вскакивать при ихъ входѣ, держать руки по швамъ, «бодро» смотрѣть въ глаза и кричать: «здравія желаю, ваше высокоблагородіе!» И они съ тѣмъ большей настойчивостью къ этимъ требованіямъ относятся, переходя порою въ прямое издѣвательство. Человѣку тяжело кричать: «здравія желаю!» Ему нарочно по десяти разъ въ день говорятъ: «здорово!»

7-го февраля 1909 г. въ псковскую тюрьму прибылъ изъ Петербурга этапъ въ 31 чел. «Не зная, что ожидаетъ насъ на мѣстѣ,—читаемъ въ сообщеніи изъ псковской тюрьмы,—мы еще въ вагонѣ рѣшили вести себя въ соотвѣтствіи съ требованіями инструкцій главнаго тюремнаго управленія, чтобы не дать повода для примѣненія репрессій, не позволяя, въ то же время, переступать ихъ въ

сторону ухудшенія нашихъ условій со стороны «тюремной администраціи». Явившись къ вновь прибывшимъ, полковникъ Черленковскій обратился къ заключеннымъ съ привѣтствіемъ: «Здорово!»— И получилъ отвѣтъ: «Здравствуйте!» Съ этого и начались преслѣдованія. Какъ оказалось, заключенные, въ отвѣтъ на привѣтствіе начальника, должны отвѣчать такъ: «Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе!» Не добившись «законнаго» привѣтствія отъ группы заключенныхъ, полк. Черленковскій сталъ подходить къ каждому изъ вновь прибывшихъ политическихъ въ отдѣльности и каждому изъ нихъ повторялъ: «Здорово!» Нашлось нѣсколько человѣкъ, которые отвѣтили надлежащимъ: «Здравія желаю» и т. д., остальные же были заключены въ карцеръ, гдѣ и провели ночь на голомъ полу. На другой день увѣщеванія повторились, начальникъ не добился своего, и политическіе заключенные были перепороты: 15 человѣкъ получили по 25 ударовъ и одинъ, «болѣе дерзкій», 100 ударовъ («Рѣчь», № 345).

«Волевые импульсы» возведены въ принципъ управленія. Министръ, отдаваясь «волевымъ импульсамъ», «нажимаетъ» на законъ, когда встрѣчаетъ противодѣйствіе законодательныхъ учрежденій. Губернаторъ штрафуетъ газеты и давитъ всѣ проявленія общественности «у себя» въ губерніи. Земскій начальникъ насильно выгоняетъ крестьянъ на отруба. Начальникъ тюрьмы сѣчетъ за то, что ему не кричатъ «здравія желаю», за то, что отъ него не хотятъ брать «краснаго яичка». Онъ издѣвается, истязуетъ, а потомъ идетъ христосоваться и требуетъ, чтобы съ нимъ христосовались. Таковы его «волевые импульсы». Типы Островскаго умерли въ купечествѣ и возродились въ тюремной администраціи...

Одинокъ ли г. Черленковскій? Начальнику саратовской тюрьмы г. Гумберту, малолѣтній сынъ пожаловался на жену надзирателя Изотова. Г. Гумбертъ позвалъ къ себѣ Изотову, изругалъ ее, а затѣмъ вытолкнулъ вонъ. Послѣ этого онъ позвалъ надзирателя Изотова и приказалъ ему избить жену «до полусмерти», грозя въ противномъ случаѣ уволить. Изотовъ повиновался, но пожалѣлъ жену и побилъ ее только «для виду». Г. Гумбертъ пожелалъ лично удостовѣриться, точно ли выполнено его приказаніе. При осмотрѣ имъ Изотовой оказалось, что «на мордѣ нѣтъ синяковъ». Тогда г. Гумбертъ позвалъ Изотова вторично и велѣлъ ему бить жену «какъ слѣдуетъ». А чтобы не было и на этотъ разъ обмана, послалъ съ нимъ для присутствія при избіеніи другого надзирателя и своихъ дѣтей: того же пятилѣтняго сына и старшую дочь, дѣвочку лѣтъ восьми; самъ же открылъ въ своей квартирѣ окно, чтобы слышать

крики избиваемой... На этотъ разъ Изотовъ добросовѣстно исполнилъ приказъ начальника: такъ избилъ жену, что тутъ же послѣ этого побѣжалъ за докторомъ. Это, очевидно, не понравилось г. Гумберту: онъ снова вызвалъ къ себѣ Изотова и объявилъ ему, что онъ больше не служитъ, а пока что, «для вытрезвленія», отправилъ его въ полицейскую часть подъ арестъ. Какъ сообщалъ корреспондентъ «Рѣчи» (27 апрѣля 1911 г., № 110), приведенный разсказъ заимствованъ имъ изъ жалобы, поданной Изотовымъ саратовскому губернатору.

Одинъ изъ самыхъ выдающихся русскихъ химиковъ, покойный Николай Николаевичъ Бекетовъ служилъ не одной наукѣ. Живой и отзывчивый, несмотря на свой преклонный возрастъ, онъ былъ извѣстенъ въ ряду той сравнительно очень небольшой группы петербуржцевъ, которой не только въ короткое время освободительнаго движенія были близки общественныя дѣла. До самаго послѣдняго времени его можно было встрѣчать въ самыхъ разнообразныхъ публичныхъ собраніяхъ. Н. Н. пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Близко знавшіе его люди относились къ нему съ искренней любовью и высоко цѣнили кристальную чистоту его души. Къ Н. Н. шли за помощью и съ просьбами походатайствовать о «смягченіи участи», о пересмотрѣ «дѣла»—и онъ ѣздилъ, стучался въ тѣ закрытыя для другихъ двери, которыя передъ его сѣдинами, случалось, и раскрывались...

КЪ РУССКОМУ ОБЩЕСТВУ

(по поводу кроваваго навѣта на евреевъ).

Во имя справедливости, во имя разума и человѣколюбія мы подымаемъ голосъ противъ новой вспышки фанатизма и темной неправды.

Изстари идетъ вѣковѣчная борьба человѣчности, зовущей къ свободѣ, равноправію и братству людей, съ проповѣдью рабства, вражды и раздѣленія. И въ наше время, какъ это бывало всегда, тѣ самые люди, которые стоятъ за безправіе собственнаго народа, всего настойчивѣе будятъ въ немъ духъ вѣроисповѣдной вражды и племенной ненависти. Не уважая ни народнаго мнѣнія, ни народныхъ правъ, готовые подавить ихъ самыми суровыми мѣрами,—они

льстятъ народнымъ предразсудкамъ, раздуваютъ суевѣріе и упорно зовутъ къ насиліямъ надъ иноплеменными соотечественниками.

По поводу еще не разслѣдованнаго убійства въ Кіевѣ мальчика Ющинскаго въ народъ опять кинута лживая сказка объ употребленіи евреями христіанской крови. Это—давно извѣстный пріемъ стараго изувѣрства. Въ первые вѣка послѣ Рождества Христова языческіе жрецы обвиняли христіанъ въ томъ, будто они причащаются кровью и тѣломъ нарочно убиваемаго языческаго младенца. Такъ объясняли они таинство евхаристіи. Вотъ когда родилась эта темная и злая легенда! Первая кровь, которая пролилась изъ-за нея, по пристрастнымъ приговорамъ и подъ ударами темной языческой толпы,—была кровь христіанъ. И первые же опровергали ее отцы и учители христіанской церкви. «Стыдитесь, — писалъ св. мученикъ Іустинъ въ обращеніи своемъ къ римскому сенату,— стыдитесь приписывать такія преступленія людямъ, которые къ нимъ не причастны. Перестаньте! Образумьтесь!»

«Гдѣ же у васъ доказательства?—спрашивалъ съ негодованіемъ другой учитель церкви, Тертулліанъ.—Одна молва. Но свойства молвы извѣстны всѣмъ... Она почти всегда ложна. Она и жива только ложью. Кто же вѣритъ молвѣ?»

Теперь лживость молвы, обвинявшей первыхъ христіанъ, ясна, какъ день. Но, изобрѣтенная ненавистью, подхваченная темнымъ невѣжествомъ, нелѣпая выдумка не умерла. Она стала орудіемъ вражды и разлада даже въ средѣ самихъ христіанъ. Доходило до того, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ католическое большинство кидало такое же обвиненіе въ лютеранъ, большинство лютеранское клеймило имъ католиковъ.

Но всего болѣе страдало отъ этой выдумки еврейское племя, разсѣянное среди другихъ народовъ. Вызванные ею погромы проложили кровавый слѣдъ въ темной исторіи среднихъ вѣковъ. Во всѣ времена случались порой убійства, передъ цѣлями которыхъ власти останавливались въ недоумѣніи. Въ мѣстахъ съ еврейскимъ населеніемъ всѣ такія преступленія тотчасъ же объяснялись обрядовымъ употребленіемъ крови. Пробуждалось темное суевѣріе, вліяло на показанія свидѣтелей, лишало судей спокойствія и безпристрастія, вызывало судебныя ошибки и погромы...

Часто истина все-таки раскрывалась, хотя и слишкомъ поздно. Тогда наиболѣе разумныхъ и справедливыхъ людей охватывали негодованіе и стыдъ. Многіе папы, духовные и свѣтскіе правители клеймили злое суевѣріе и разъ навсегда запрещали властямъ придавать разслѣдованію убійствъ вѣроисповѣдное значеніе. У насъ такой указъ былъ изданъ 6 марта 1817 г. императоромъ Але-

ксандромъ I [1]). Въ 1870 г. греческій патріархъ Григорій тоже осудилъ легенду объ употребленіи евреями христіанской крови, назвавъ ее «внушающимъ отвращеніе предразсудкомъ нетвердыхъ въ вѣрѣ людей».

Но указы тлѣютъ въ архивахъ, а суевѣрія живучи. И вотъ, снова, даже съ трибуны Г. Думы распускаютъ старую ложь, угрожающую насиліемъ и погромами.

Въ этой лжи звучитъ та самая злоба, которая нѣкогда кидала темную языческую толпу на первыхъ послѣдователей христіанскаго ученія. Еще недавно въ Китаѣ та же сказка объ употребленіи дѣтской крови, пущенная китайскими жрецами противъ миссіонеровъ, стоила жизни сотнямъ мѣстныхъ христіанъ и европейцевъ. Всегда за нею слѣдовали самыя темныя и преступныя страсти, всегда она стремилась ослѣпить и затуманить толпу и извратить правосудіе.

И всегда съ нею боролось чувство любви и правды. Не къ одному римскому сенату были обращены слова христіанскаго писателя, мученика Іустина, который въ свое время боролся съ тѣмъ же суевѣріемъ.

«Стыдитесь, стыдитесь приписывать такое преступленіе людямъ, которые къ тому непричастны. Перестаньте, образумьтесь!»

Мы присоединяемъ свои голоса къ голосу христіанскаго писателя, звучащему изъ глубины вѣковъ призывомъ къ любви и разуму.

Бойтесь сѣющихъ ложь. Не вѣрьте мрачной неправдѣ, которая много разъ уже обагрялась кровью, убивала однихъ, другихъ покрывала грѣхомъ и позоромъ!..

Слѣдуютъ 83 подписи, къ которымъ впослѣдствіи присоединились многія другія.

---

[1]) Здѣсь изъ первоначальнаго текста воззванія исключены слова («и подтвержденъ 18-го января 1835-го года въ царствованіе императора Николая I-го»), включенныя въ него по ошибкѣ (см. письмо В. Г. Короленко, напечатанное въ газетахъ 11-го минувшаго декабря).

Ред.

СВОДНЫЙ СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ.

ТЕКУЩЕЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ЗА ПЕРВОЕ ПОЛУГОДІЕ 1911 ГОДА.

Механика. Физика.

Глинка, И.—Опытъ по методикѣ физики. Изд. «Обр.» 146 стр. Спб. 11. 70 к.
Строеніе вещества («Нов. идеи въ физикѣ». В. I.) 132 стр. Спб. 11. 60 к.
Франкъ, М. Л.—Исторія аэронавтики. Изд. «Возд.» 216 стр. Спб. 10. 2 р. 25 к.
Цингеръ, А. В.—Начальная физика. 2 изд. Саблина. XXII + 523 стр. М. 11. 2 р.

Химія.

Кимминсъ, К.—Химія жизни и здоровья. 2 изд. Сабашниковыхъ. 180 стр. М. 11. 80 к.
Оствальдъ, В.—Аналитическая химія. Изд. «Обр.» 300 стр. Спб. 11. 1 р. 40 к.
Рюминъ, В. В.—Простѣйшіе опыты по химіи. 2 изд. Сытина. 248 стр. М. 10. 75. к.
Штокъ, А. и Штэлеръ, А.—Практическое руководство по количественному неорганическому анализу. Изд. «Матез.» 173 стр. Од. 11. 1 р. 20 к.

Астрономія и геологія.

Дубровскій, К.—Простые физическіе приборы и наглядныя пособія по космографіи 3 изд. 110 стр. Спб. 10. 1 р.
Клейнъ, Г.—Астрономическіе вечера. 2 изд. «Вят. Т-ва». 415 стр. Спб. 11. 1 р. 25 к.
» Прошлое, настоящее и будущее вселенной. Изд. «Вят. Т-ва». XII + 320 стр. Спб. 11. 1 р. 25 к.
Коббель, Ф.—Таблицы опредѣленія минераловъ. 4 изд. Риккера. XLII + 119 стр. Спб. 11. 1 р.
Нечаевъ, А. В.—Минералогія и геологія. 4 изд. «Пир. Т-ва». XIV + 220 стр. Кв. 11. 90 к.
Ньюкомъ, С.—Астрономія для всѣхъ. 2 изд. «Матез.» XII + 288 стр. Од. 11. 1 р. 50 к.
Штерне, К.—Эволюція міра. Изд. «Мір.». т. I. 490 стр. М. 11.

Біологія.

Ауэрбахъ, Ф.—Основныя понятія современнаго естествознанія. Изд. «Phys». 204 стр. Спб. 11. 1 р. 25 к.

Брэмъ, А. Э.—Жизнь животныхъ. Т. II. Изд. «Общ. Плз.» 730 стр. Спб. 11. 6 р.

Бурдо, Л. — Вопросъ о смерти. Изд. Суворина. XVI + 301 стр. Спб. 11. 1 р. 50 к.

Гедонъ, Е. — Учебникъ физіологіи. 3 изд. «Сотр.» XII + 535 стр. Кв. 11. 3 р. 20 к.

Данилевскій, В. Я.—Этюды по физіологіи личной и соціальной жизни. I. Изд. «Общ. Плз.» 88 стр. Спб. 10. 50 к.

Заленскій, В. Р.—Учебникъ физіологіи растеній. 3 изд. «Пир. Т-ва». 162 стр. Кв. 11. 80 к.

Итоги науки. Изд. «Мір.» Кн. II, III. 131—409 стр. М. 11.

Кайгородовъ, Д.—Бесѣды о русскомъ лѣсѣ. Краснолѣсье. 8 изд. Суворина. XI + 128 стр. Спб. 11. 1 р.

Кюстэръ, Э. — Половой процессъ и размноженіе у растеній. Изд. «Косм.» 162 стр. М. 11. 1 р. 25 к.

Ламаркъ.—Философія зоологіи. Изд. «Нк.» LXXVII. 313 стр. М. 11. 2 р.

Маевскій, П. — Весенняя флора Средней Россіи. 7 изд. Сабашниковыхъ. 120 стр. М. 11. 30 к.

Сабанѣевъ, Л. П.—Рыбы Россіи. Изд. «Пр. и Ох.» 1064 стр. М. 11.

Уоллесъ, А. Р. Дарвинизмъ. 2 изд. Сабашниковыхъ. XXVI+577 стр. М. 11. 2 р. 40 к.

Ферворнъ, М.—Общая физіологія. В. II. Изд. «Св. Пр.» 474 стр. М. 11. 3 р.

Шиплей, А. Э. и Мэнъ-Брайдъ, Э. В. — Курсъ зоологіи. Изд. Сабашниковыхъ. 647 стр. М. 11. 3 р.

Шмейль, О.—Человѣкъ и животныя. 2 изд. «Пир. Т-ва». XII + 207 стр. Кв. 10. 1 р.

Якобсонъ, Г. Г. — Жуки Россіи и Зап. Европы. В. IX. Изд. Девріена. 641—720 стр. Спб. 11. 24 р. (12 в.).

Психологія.

Бинэ, А. и Симонъ, Т.—Развитіе интеллекта у дѣтей. Изд. Саблина. 162 стр. М. 11. 75 к.

Вундтъ, В.—Основы физіологической психологіи. II. ред. Крогіуса и др. В. VII, VIII. Спб. 11. 1 р. 90 к.

Геймансъ, Г. — Психологія женщины. Изд. Богдановой XII + 248 стр. Спб. 11. 1 р. 50 к.

Ерузалемъ, В.—Учебникъ психологіи. Изд. «Мір.» 289 стр. М. 11. 1 р. 20 к.

Клапаредъ, Э.—Психологія ребенка и экспериментальная педагогика. Изд. Богдановой. 167 стр. Спб. 10. 1 р.

Мюнстербергъ, Г. — Психологія и учитель. Изд. «Мір.» 343 стр. М. 10. 1 р. 50 коп.

Нечаевъ, А.—Учебникъ психологіи. 4 изд. 151 стр. Спб. 11. 80 к.

» Очеркъ психологіи для воспитателей. 4 изд. 352 стр. Спб. 11. 1 р. 60 к.

Штеркъ, К. и В. — Воспоминаніе, наказаніе и ложь въ раннемъ дѣтствѣ. Изд. Богдановой. 173 стр. Спб. 11. 1 р. 25 к.

Философія.

Бергсонъ, А.—Время и свобода воли. Изд. «Р. М.» 238 стр. М. 11. 1 р. 50 к.

Берманъ, Я. А.—Сущность прагматизма. Изд. «Злат.» XI + 240 стр. М. 11. 1 р. 75 к.

Виндельбандъ, В.—Исторія древней философіи. XVI+397 стр. М. 11. 1 р. 75 к.
Джемсъ, У. — Вселенная съ плюралистической точки зрѣнія. Изд. «Косм.» 235 стр. М. 11. 2 р.
Кантъ.—Грезы духовидца. Пер. п. р. Волынскаго. 2 изд. 125 стр. Спб. 11. 1 р.
Ламетри.—Человѣкъ-машина. Пер. Констанса. 140 стр. Спб. 11. 1 р.
Лопатинъ, Л. М.—Философскія характеристики и рѣчи. Изд. «Пут.» 393 стр. М. 11. 3 р.
Ницше, Ф.—П. с. с. Т. III. Изд. «М. Кн.» XXXIII—349 стр. М. 10. 3 р.
Пирсонъ, К.—Грамматика науки. Изд. «Шип.» 655 стр. Спб. 11. 4 р.
Риккертъ, Г.—Науки о природѣ и науки о культурѣ. Изд. «Обр.» 195 стр. Спб. 11. 85 к.
Юшкевичъ, П.—Новыя вѣянія. Изд. «Пром.» 209 стр. Спб. 11. 1 р. 25 к.

Религія. Исторія церкви.

Ренанъ, Э.—Римъ и христіанство.
Гарнакъ, А.—Исторія догматовъ.
Бончъ-Бруевичъ, В. (ред.)—Новый Израиль («Матеріалы...»—в. VI) CXXXI+485 стр. Спб. 11. 5 р.
Никольскій, Н.—Древній Израиль. Изд. «Мір.» 324 стр. М. 11. 1 р. 50 к.
Гэтчъ, Э.—Эллинизмъ и христіанство. Раннее христіанство. («Общ. исторія европ. культуры». Т. VI, отд. II). Изд. Брокгауза-Ефрона. 467 стр. Спб. 11. 4 р. 50 к.
Фарраръ, Ф. В.—Жизнь и труды Св. Ап. Павла. 4 изд. Тузова. 876 стр. Спб. 11. 3 р.
Функъ, Ф. К.—Исторія христіанской церкви. Изд. Сытина. 616 стр. М. 11. 2 р. 50 к.

Искусство.

Ганслик, Э.—О музыкально-прекрасномъ. 2 изд. Юргенсона. 162 стр. М. 11. 1 р. 50 к.
Грабарь, И.—Исторія русскаго искусства. Изд. Кнебеля. В. VII—IX. Спб. 10—11. (по 1 р. 60 к.).
Маковскій, С.—Современная скульптура. Изд. «Мір.» В. VI. М. 11.
Муратовъ, П.—Образы Италіи. Т. 1. Изд. «Нов. Сл.» 265 стр. М. 10. 2 р. 25 к.
Тугендхольдъ, Я.—Иностранные художники. Пювисъ-де-Шаванъ. Изд. «Огн.» 91 стр. Спб. 11. 1 р.
Христіансенъ, Б.—Философія искусства. Изд. «Шип.» 289 стр. Спб. 11. 1 р. 75 к.

Литература. Языкознаніе.

Алферовъ, А. Д.—Родной языкъ въ средней школѣ. Изд. «Сотр. Шк.» 556 стр. М. 11. 2 р. 50 к.
Ашевскій, С.—Бѣлинскій въ оцѣнкѣ его современниковъ. 328 стр. Спб. 11. 1 р. 25 к.
Богородицкій, В. А.—Общій курсъ русской грамматики. 3 изд. 494 стр. Кз. 11. 2 р.
Брандесъ, Г.—С. с. Т. XVIII. 2 изд. «Просв.» 405 стр. Спб. 11. 75 к.

Булгаковъ, В. Ѳ.—У Л. Н. Толстого въ послѣдній годъ его жизни. Изд. Сытина. 336 стр. М. 11. 50 к.
Булгаковъ, С. Н.—Чеховъ, какъ мыслитель. 47 ст. М. 10. 25 к.
Бѣлинскій, В. Г.—С. с. п.ред. Иванова-Разумника. 3 т. CXXIV + 1040 + 1140 + 1117 стр. Спб. 11. 3 р. 50 к.
Венгеровъ, С. А.—С. с. т. I. Изд. «Пром.» 205 стр. Спб. 11. 1 р.
Вересаевъ, В.—Живая жизнь (Достоевскій и Л. Толстой). Ч. I. 214 стр. М. 11. 1 р. 25 к.
Вопросы теоріи и психологіи творчества. Т. I. 2 изд. Лезина. 432 стр. Хрк. 11. 1 р. 75 к.
Гриневичъ, П. Ф. (Якубовичъ). — Очерки русской поэзіи. 2 изд. «Р. Б.» 403 стр. Спб. 11. 1 р. 50 к.
Житецкій, П.—Теорія поэзіи. 7 изд. 204 стр. Кв. 11. 1 р.
Ивановъ-Разумникъ.—Исторія русской общественной мысли. Т. II. 3 изд. XVII + 520 стр. Спб. 11. 3 р. (2 т.).
Исторія русской литературы XIX в. Изд. «Мір.» Т. I. 368 стр. М. 10.
Коганъ, П.—Очерки по исторіи нов. русской литературы. Т. I. в. 1. 3 изд. «Зар.» 296 стр. М. 11. 1 р.
» » » т. III, в. 1. 2 изд. 185 стр. М. 11. 1 р.
» Очерки по исторіи западно-европейскихъ литературъ:
Т. I. 5 изд. «Зар.» XI + 411 стр. М. 11. 1 р. 50 к.
» II. 4 изд. 450 стр. М. 11. 1 р. 50 к.
» III. ч. 1 и 2. 2 изд. 304 + 116 стр. М. 11. 2 р. 50 к.
» Бѣлинскій и его время. Изд. «Зар.» 151 стр. М. 11. 70 к.
Кривенко, С. Н.—С. с. 2 т. LV + 478 + 456 стр. Спб. 11. 2 р. 50 к.
Лансонъ, Г.—Методъ въ исторіи литературы. Изд. «Мір.» 76 стр. М. 11. 40 к.
Лернеръ, Н. О.—Бѣлинскій. Изд. Сытина. 168 стр. М. 10. 50 к.
Мейе, А.—Введеніе въ сравнительную грамматику индо-европейскихъ языковъ. Пер. Кудрявскаго. 428 стр. Юр. 11. 3 р. 60 к.
Мережковскій, Д. С.—П. с. с. Изд. Вольфа. Т. I—IV. 336+348+376+264 стр. Спб. 11. 18 р. (15 т.).
Михайловскій, Н. К.—П. с. с. 5 изд. Т. I. 970 стр. Спб. 11. 2 р.
Овсянико-Куликовскій, Д. Н.—С. соч. Изд. «Общ. Плз.» и «Пром.» Т. VIII и IX. 256+224 стр. Спб. 11. 3 р.
» Гоголь въ его произведеніяхъ. 2 изд. 125 стр. Спб. 11. 60 к.
Петровъ, Г. С.—У пустого колодца. 308 стр. М. 11.
Писаревъ, Д. И.—Соч. Т. V. 5 изд. Павленкова. 572 стр. Спб. 11. 1 р.
Пушкинъ.—Переписка. Т. III. Изд. Акад. Наукъ. XV+473. Спб. 11. 1 р. 50 к.
Розановъ, М. Н. — Ж. Ж. Руссо и литературное движеніе конца XVIII в. и нач. XIX в. Т. I. 559 стр. М. 10. 2 р.
Рубакинъ, Н. А.—Среди книгъ. 2 изд. «Нк.». М. 11. 3 р.
Соловьевъ, В. С.—Письма. II. ред. Радлова. Т. III. 336 стр. Спб. 11. 2 р.
Фидлеръ, Ф. Ф.—Первые литературные шаги. Изд. Сытина. 268 стр. М. 11. 1 р.
Фуксъ, Г.—Революція театра. (Мюнх. худ. театръ). Изд. «Гр. Дн.» XV+287 стр. Спб. 11.
Чернышевскій, М. Н.—О Чернышевскомъ. 2 изд. 78 стр. Спб. 11. 50 к.

Право.

Аристотель.—Политика. Изд. Спб. Филос. О-ва. XII+465 стр. Спб. 11. 3 р.
Бикерманъ, I. М. — Черта еврейской осѣдлости. Изд. «Раз.» 152 стр. Спб. 11. 75 к.

Веселовскій, Б.—Исторія земства. Т. IV. Изд. Поповой. 694+104+XXIX. Спб. 11. 20 р. (4 т.).

Генкинъ, Д. М.—Справка о торговой кредитоспособности. Изд. Башмаковыхъ. 115 стр. М. 11. 75 к.

Гессенъ, Ю.—Законъ и жизнь. (Еврейск. в-съ) 189 стр. Спб. 11. 1 р.

Гинцбургъ, С.—Смертная казнь у евреевъ. 30 стр. Спб. 10. 15 к.

Дернбургъ, Г.—Пандекты. В. Ш. Обязательственное право. Пер. п. ред. Соколовскаго. 3 изд. XII+396 стр. М. 11. 2 р.

Дерюжинскій, В. Ѳ.—Полицейское право. 3 изд. XII+550 стр. Спб. 11. 3 р.

Ивановскій, В. В.—Учебникъ административнаго права. 4 Изд. 506 + X стр. Кз. 11.

Канторовичъ, Я. А.—Авторское право. Изд. «Пр.». 424 стр. Спб. 11. 1 р. 50 к.

Кей, Э.—Женское движеніе. Изд. Саблина. 175 стр. М. 10. 1 р.

Корфъ, С. А.—Административная юстиція въ Россіи. Т. II. 507 стр. Спб. 10. 5 р. (2 т.).

Магазинеръ, Я. М.—Чрезвычайно-указное право въ Россіи. 173 стр. Спб. 11. 1 р.

Малянтовичъ, П. Н. и Муравьевъ, Н. К. Законы о политическихъ и общественныхъ преступленіяхъ. Изд. «Пр.». XV+616+227 стр. Спб. 10. 3 р. 50 к.

Марголинъ, А. Д.—Въ полосѣ ликвидаціи. 204 стр. Кв. 11. 1 р. 25 к.

Матте, П.—Роспускъ парламента на Западѣ. Изд. «Общ. Плз.» 276 стр. Спб. 11. 2 р.

Пережитое. (Еврейск. в-съ). Т. Ш. 400+49+80 стр. Спб. 11. 2 р. 50 к.

Полянскій, Н.—Уголовный процессъ. Изд. Сытина. 202 стр. М. 10. 50 к.

Сергѣичъ, П.—Искусство рѣчи на судѣ. 389 стр. Спб. 10. 3 р.

Спекторскій, Е.—Проблема соціальной физики въ XVII ст. Т. I. 563 стр. Врш. 10. 3 р.

Усовъ, М. Л.—Евреи въ арміи Изд. «Раз.» 84—179 стр. Спб. 11. 2 р. 50 к.

Цытовичъ, Н. М.—Сельское общество, какъ органъ мѣстнаго управленія. 233 стр. Кв. 11. 1 р. 60 к.

Шершеневичъ, Г. Ф.—Общее ученіе о правѣ и государствѣ. 2 изд. 163 стр. М. 11. 40 к.

Народное образованіе.

Борисовъ, Я.—Руководство по библіотечной техникѣ. 164 стр. Спб. 11. 1 р. 25 к.

Вахтеровъ, В. И.—Предметный методъ обученія. 3 изд. Сытина. 301 стр. М. 11. 80 к.

Дидрихсонъ, А.—Историческій обзоръ дѣятельности Харьковскаго Общества распр. въ народѣ грамотности. (1869—1909). 261 стр. М. 11.

Нормальный планъ постановки библіотечной техники въ небольшихъ библіотекахъ. Изд. Спб. о-ва библ. 73 стр. Спб. 11. (400 экз.).

Попруженко, М. Г.—Одесская Городская Публичная библіотека. (1830—1910). 84 стр. Од. 11.

Ролланъ, Р.—Народный театръ. 149 стр. Изд. «Зн.» Спб. 10. 70 к.

Русскіе учителя за-границей. Ч. II. 336+X+17 стр. М. 11. 1 р. 60 к.

Симонъ, Е. Е.—Школа и хлѣбъ. } Изд. Горбунова-Посадова. 40 стр. М. 11.
Спарло, Дж. (но).—Вопль учащихся дѣтей. } 25 к.

Чарнолускій, В.—Земство и народное образованіе. Ч. II. 187—346 стр. М. 11. 1 р.

Чарнолускій, В. Настольная книга по народному образованію. Т. IV. Изд. «Зн.». 788 стр. Спб. 11. 5 р.

Чарнолускій, В.—Школьная гигіена, санитарія и архитектура. Изд. «Зн.» 64 стр. Спб. 11. 60 к.

Чуковскій, К.—Матерямъ о дѣтскихъ журналахъ. 103 стр. Спб. 11. 60 к.

Медицина.

Блохъ, И.—Половая жизнь нашего времени. 2 изд. «Общ. Плз.» 624 стр. Спб. 11. 2 р. 50 к.

Блюменталь, Ф. М.—Общественная борьба съ туберкулезомъ въ Западной Европѣ и Америкѣ. Ч. I. 2 изд. X+301 стр. М. 11.

Жанэ, П.—Неврозы. Изд. «Косм.» XI+315 стр. М. 10. 2 р. 50 к.

Жукъ, В. Н.—Мать и дитя. 9 изд. Губинскаго. XXIV+985 стр. Спб. 11. 3 р.

Кисель, А. А. и Майзель, И. Е.—Развитіе и воспитаніе дѣтей. 2 изд. Сытина. 67 стр. М. 11. 25 к.

Кравковъ, В. П.—Заразные факторы людского благополучія. XV+505 стр. Яр. 10. 2 р. 75 к.

Нагеръ, Ф. Р.—О глухонѣмотѣ. Пер. Брамсона. 22 стр. Спб. 10. (300 экз.).

Тезяковъ, Н. И.—Бесѣды по гигіенѣ въ примѣненіи ея къ народной школѣ. 6 изд. Риккера. X+168 стр. Спб. 11. 60 к.

Харитоновъ, Ѳ. М.—Къ вопросу объ обеззараживаніи книгъ грѣтымъ воздухомъ при нѣкоторыхъ комбинаціяхъ его температуры и влажности. 202+124+18+XVIII. Спб. 11. (300 экз.).

Сельское хозяйство.

Беттнеръ, I.—Садъ и огородъ. В. IV. 127 стр. М. 10. 45 к.

Бутлеровъ, А. М.—Какъ водить пчелъ. 7 изд. В. Эк. о-ба. 46 стр. Спб. 11. 10 к.

Золотницкій, Н. С.—Наши садовые цвѣты, овощи и плоды. Изд. Карцева. 336 стр. М. 11. 1 р. 50 к.

Калантаръ, А. А.—Общедоступное руководство по молочному хозяйству. 5 изд. 174 стр. Спб. 11. 60 к.

Кулешовъ, П. Н.—Свиноводство. 5 изд. Риккера. XII+161 стр. Спб. 11. 1 р.

Скалозубовъ, Н.—Какъ выводятся новые сорта культурныхъ растеній, 41 стр. Юр. 10. 25 к.

Педагогика.

Бехтеревъ, В. М.—Первоначальная эволюція дѣтскаго рисунка въ объективномъ изученіи. Изд. Пс.-Невр. Инст. 50 стр. Спб. 10. (300 экз.)

» О половомъ оздоровленіи. 19 стр. Спб. 10.

Мейманъ, Э.—Лекціи по экспериментальной педагогикѣ. т. I, II, 2 изд. «Мір.» 802—317 стр. М. 11. 3 р. 20 к.

Поповъ, Н. М.—Современная эпидемія школьныхъ самоубійствъ въ Россіи. 102 стр. Кв. 11. 80 к.

Руссо, Ж. Ж.—Эмиль или о воспитаніи. Изд. Тихомирова. I+756 стр. М. 11. 3 р. 50 к.

Стоюнинъ, В. Я.—Педагогич. Соч. 3 изд. XXXIX+480 стр. Спб. 11. 2 р. 75 к.
Ушинскій, К. Д.—Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія. Т. II. 12 изд. XIV+444 стр. Спб. 11. 2 р.
Филиппъ, Ж. и Поль Бонкуръ, Г.—Воспитаніе ненормальныхъ дѣтей. Изд. «Косм.» X+160 стр. М. 11. 1 р. 25 к.
Чернышевъ, В.—Педагогическая дѣятельность Пирогова. 84 стр. Спб. 11. 40 к.

Исторія.

Быкова, А. Ѳ.—Разсказы изъ исторіи Италіи XIX в. Изд. Доров. и Чаруши. 78 стр. М. 10. 50 к.
Великая реформа. Изд. Сытина. Т. III—VI. 266+280+308+378 стр. М. 11.
Великая реформа. Изд. «Обр.» 191 стр. М. 11.
Величкинъ, Н. М.—Освобожденіе крестьянъ въ Англіи, Германіи и Франціи. Изд. Сытина. 200 стр. М. 11. 50 к.
Випперъ, Р.—Учебникъ древней исторіи. 8 изд. 212 стр. М. 11. 1 р.
Вѣнокъ на могилу С. А. Муромцева. 263 стр. М. 10. 1 р. 50 к.
Довнаръ-Запольскій, М. В.—На зарѣ крестьянской свободы. 238 стр. Кв. 11. 1 р.
Ефименко, А. Я.—Элементарный учебникъ русской исторіи. Изд. Башмакова. 174 стр. Спб. 11. 75 к.
Зѣлинскій, Ѳ.—Изъ жизни идей. Т. II. 3 изд. X+416 стр. Спб. 11. 1 р. 80 к
Карѣевъ, Н.—Краткая исторія прошлаго столѣтія (Европы) 288 стр. Спб. 11. 75 к.
Князьковъ, С.—Какъ сложилось и какъ пало крѣпостное право въ Россіи. 4 изд. Кнебеля. 102 стр. М. 11. 30 к.
Корсаковъ, В. В.—Въ проснувшемся Китаѣ. 404 стр. М. 10. 1 р. 50 к.
Лабунскій, В.—Промыслы и торговля въ древней Руси. 2 изд. Сытина 47 стр. М. 11. 15 к.
Лависсъ и Рамбо.—Исторія XIX в. Изд. Гранатъ. Т. I, III. 321+341 стр. М. 11.
Масперо.—Древняя исторія народовъ Востока. 2 изд. 714 стр. М. 11. 4 р.
Москва въ ея прошломъ и настоящемъ. т. IV. Изд. «Обр.» 116 стр. М. 11.
С. А. Муромцевъ. Изд. Сабашниковыхъ. 419 стр. М. 11. 2 р.
Обнинскій, В.—Новый строй 2 ч. Изд. «Обр.» 327 стр. М. 11.
Освобожденіе крестьянъ. Дѣятели реформы. Изд. «Н. Сл.» XXXII+342 стр. М. 11. 3 р.
Плано-Карпини. I.—Исторія монголовъ. Изд. Суворина. XVI+219 стр. Спб. 10. 3 р.
Рубрукъ, В.—Путешествіе въ восточн. страны.
Ренанъ, Э.—Исторія израильскаго народа. Т. II., в. 3. Изд. Брокгауза—Ефрона. 250 стр. Спб. 11. 1 р. 50 к.
Семеновъ, В.—Расплата. 2 изд. Вольфа. 182 стр. Спб. 11. 1 р.
» Бой при Цусимѣ. 4 изд. Вольфа. 108 стр. Спб. 11. 60 к.
Соловьевъ. С. М.—Исторія Россіи. 3 изд. «Общ. Плз.» Кн. I—IV, т. I—XX. 1726+1726+1580+1656 стр. Спб. 11. 15 р. (5 кн.).
Тарле, Е. В.—Рабочій классъ во Франціи въ эпоху революціи. Ч. II. XV+580 стр. Спб. 11. М. 2 р. 50 к.

Географія.

Броуновъ, П. И.—Курсъ физической географіи. Изд. Риккера. 534 стр. Спб. 10. 4 р.

Гейки, А.—О преподаваніи географіи. 3 изд. Знаменскаго. 256 стр. М. 11.
Географическій словарь. Изд. Лурье. В. IV. 241—288 стр. Спб. 11. 35 к.
Дорватовскій, С.—Сочи и Красная Поляна. Изд. Доров. Чарушн. 248 стр. Спб. 11. 1 р.
Елпатьевскій, С.—Египетъ. Изд. «Общ. Плз.» 213 стр. Спб. 11. 1 р.
Къ южному полюсу. (Экспедиція Шекльтона). Пер. п. р. Колмогорова. XXII+162 стр. М. 11. 1 р.
Лесгафтъ, Э.—Краткій курсъ географіи Европы. 178 стр. Спб. 11. 80 к.
Макгованъ, Д.—Китайцы у себя дома. Изд. Девріена. 225 стр. Спб. 10. 3 р.
Нечаевъ, А. П.—Почва и ея исторія. 2 изд. 64 стр. Спб. 11. 25 к.
Тужилинъ, А. В.—Современный Китай. 2 изд. 427+341 стр. Спб. 10. 5 р. 50 к.

Политическая экономія. Статистика.

Гвоздевъ. С.—Записка фабричн. инспектора. Изд. Доров. и Чарушн. 263 стр. М. 11. 1 р.
Кауфманъ, А. А.—Статистика. 210 стр. М. 11. 50 к.
Кетлэ.—Соціальная физика. Т. I. 336 стр. Кв. 11. 2 р.
Конрадъ, I.—Сельское хоз. и аграрная политика. Ч. I. 160 стр. М. 10. 50 к.
Кулишеръ, I. М.—Промышленность и рабочій классъ на Западѣ въ XVI—XVIII ст. Изд. Брокгауза-Ефрона. 168 стр. Спб. 11. 1 р. 50 к.
Озеровъ, И. Х.—Оборотная сторона нашего бюджета. 191 стр. М. 10. 1 р.
» Основы финансовой науки. В. I. 4 изд. 544 стр. М. 11. 3 р.
Петражицкій, Л. I.—Акціи, биржевая игра и теорія экономическихъ кризисовъ. Т. I. 307 стр. Спб. 11. 2 р. 25 к.
Плеханъ, И. С.—Бюджетные законы. Изд. «Пр.» 565 стр. Спб. 11. 3 р. 50 к.
Покровскій, И. П. Государственный бюджетъ Россіи. (1901—10). Изд. «Жз. и Зн.» 118 стр. Спб. 11. 1 р. 50 к.
Репенакъ, А. В.—Страхованіе рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ въ Германіи. XII+244 стр. М. 11. 2 р.
Святловскій, В. В.—Мобилизація земельной собственности въ Россіи. 2 изд. 150 стр. Спб. 11. 1 р.
Тотоміанцъ, В. Ѳ.—Мощь коопераціи. 4 изд. «Ул.» 32 стр. Спб. 11. 10 к.
» Сельско-хозяйственная кооперація. 2 изд. Семенова. 368 стр. Спб. 11. 2 р.
Туганъ-Барановскій, М. И. — Основы политической экономіи. 2 изд. «Пр.» XI+512 стр. Спб. 11. 2 р. 75 к.
Фортунатовъ, А. Ѳ.—О статистикѣ. 2 изд. 56 стр. М. 10. 30 к.
Чупровъ, А. И. — Курсъ политической экономіи (Учен. труды, ч. II, в. 2). Изд. И. М. Ун. XIII+354 стр. М. 11. 1 р. 20 к.

К. Деруновъ.

Издатель М. М. Ковалевскій. Редакторъ К. К. Арсеньевъ.

ИЗВѢЩЕНІЯ.

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденный Особый Комитетъ по устройству въ Москвѣ Музея 1812-го года извѣщаетъ, что въ Музеѣ постановлено устроить спеціальный юбилейный отдѣлъ, въ которомъ предположено собрать все, что появилось и появится въ свѣтъ въ различныхъ изданіяхъ, отрасляхъ знаній, торговли и промышленности, посвященное столѣтнему юбилею великой Отечественной войны 1812 года, дабы тѣмъ самымъ сохранить въ Музеѣ 1812 года для будущихъ поколѣній наглядную картину общаго интереса къ этой великой страницѣ нашей исторіи.

Комитетъ обращается ко всѣмъ издателямъ и лицамъ, что-либо предпринимающимъ, съ покорнѣйшей просьбой о присылкѣ въ Музей 1812 года (Москва, Кремль, Потѣшный Дворецъ) въ двухъ экземплярахъ каждаго произведенія, посвященнаго столѣтнему юбилею Отечественной войны и походовъ 1813-15 г.г.

Среди учрежденій, обслуживающихъ интересы дѣтей, стоитъ Попечительство о малолѣтнихъ С.-Петербургскаго Общества Патроната, которое несетъ на себѣ заботы о дѣтяхъ, причастныхъ къ дѣтскому суду и оставленныхъ по приговору судьи на свободѣ.

Помощь дѣтямъ въ трудныя для нихъ минуты нужна различная: для одного нужно снять уголъ, другого отправить на родину, помочь деньгами, платьемъ и т. д.

Въ распоряженіи Попечительства есть еще средство помочь малолѣтнему: помѣстить его въ общежитіе, которое содержится на средства Общества Патроната. Общежитіе разсчитано на десять мальчиковъ; живя въ Общежитіи, они получаютъ полное содержаніе.

Оставаться въ общежитіи они могутъ, пока не подыщутъ себѣ работу.

Оставлять мальчиковъ подолгу въ общежитіи невозможно, такъ какъ свободнаго мѣста всегда кто-нибудь уже ждетъ, а помѣстить больше, чѣмъ 10-ть человѣкъ, тоже нельзя, некуда.

Попечительству помогаютъ Общество Патроната, нѣкоторыя учрежденія и частныя лица, но помощь такъ скромна, что заставляетъ терпѣть нужду во всемъ: нѣтъ запаса бѣлья, теплаго платья,

книгъ для дѣтей, нельзя организовать врачебной помощи, не говоря уже о томъ, что отсутствіе средствъ не позволяетъ думать о расширеніи общежитія.

Попечительство обращается съ горячей просьбой къ обществу оказать посильную поддержку въ дѣлѣ устройства судьбы заброшенныхъ дѣтей.

Всякая помощь, какъ бы мала она ни была, будетъ принята съ глубокой благодарностью.

Пожертвованія вещами и деньгами принимаются въ Канцеляріи Попечительства (Екатерингофскій пр., 4, кв. 101) по понедѣльникамъ, вторникамъ, пятницамъ и субботамъ отъ 11 до 4 час.

Комитетъ Попечительства.

Въ городѣ Бѣлевѣ, тульской губерніи, основанъ земскій научно-образовательный и художественный музей. Уѣздная земская управа задается цѣлью собрать въ музеѣ возможно больше матеріаловъ, относящихся къ изученію природы, исторіи и быта Бѣлевскаго уѣзда Особенный интересъ представляютъ, съ этой точки зрѣнія, печатныя изданія, касающіяся Бѣлевскаго уѣзда и сосѣднихъ мѣстностей, старыя рукописи, картины, гравюры и, главнымъ образомъ, все то, что можетъ послужить къ устройству въ музеѣ особыхъ отдѣловъ извѣстныхъ всей Россіи Бѣлевскихъ уроженцевъ—В. А. Жуковскаго. славянофиловъ братьевъ Кирѣевскихъ, А. П. Елагиной, К. Д. Кавелина. Пожертвованія, соотвѣтствующія этой цѣли, могутъ быть направляемы въ Бѣлевскую уѣздную земскую управу.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ПЕРВАЯ.—ЯНВАРЬ.

СТРАН.

I. ЦВѢТЫ ВОСПОМИНАНІЙ.—I. Сосѣдка.—II. Безпорядки.—III. Королевна.—**Евгеній Чириковъ** 3

II. I. ДАРЫ.—II. ПРИБЛИЖЕНІЕ.—Стихотворенія.—**П. Соловьева** . . . 45

III. ВАДЕРА.—**А. Ѳедоровъ**. 47

IV. ЛИТВА.—Стихотвореніе.—**Сергѣй Городецкій** 118

V. ИЗЪ ДАЛЬНИХЪ ЛѢТЪ.—**С. Чудновскій**. 121

VI. ЗАГОВОРЪ.—Стихотвореніе.—**Ада Чумаченко** 155

VII. ВЕСНОЮ.—Стихотвореніе.—**Ада Чумаченко**. 157

VIII. ПЕТЕРБУРГСКОЕ СТУДЕНЧЕСТВО И ВЛАД. СЕРГ. СОЛОВЬЕВЪ.—**Н. Никифоровъ**. 158

IX. КЪ ПСИХОЛОГІИ ДОБРОЛЮБОВА.—**Д. Овсянико-Куликовскій**. . . 187

X. СОЦІАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ТРЕТЬЯГО ПРИЗЫВА.—**Максимъ Ковалевскій**. 202

XI. НА СНѢЖНОЙ ВЕРШИНѢ (Der Wetterwart).—Романъ I. Ц. Геера.—Переводъ съ нѣмецкаго **З. Журавской**. 218

XII. КРИКИ СОВЫ.—Стихотвореніе.—**Николай Морозовъ**. 278

XIII. Хроника. — СТАЧКИ ТРАНСПОРТНЫХЪ РАБОЧИХЪ ВЪ АНГЛІИ.—**А. Чекинъ**. 279

XIV. СТАЧКИ И УСЛОВІЯ ТРУДА РУССКИХЪ РАБОЧИХЪ ВЪ 1910-мъ ГОДУ.—**А. Малинъ**. 292

XV. КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ.—**С. Адріановъ**. 298

XVI. ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Саратовская секта «душителей».—Неосновательность газетныхъ сообщеній. — Легкомысліе, сѣющее сѣмена опасныхъ легендъ.—Удручающая картина голодовки.—Голодъ растетъ, а помощь слабосильна. — Повсемѣстная неудача съ общественными работами. — Запретъ на право «кормить голодныхъ». — Пора возстановить это «право или эту обязанность».—**И. Жилкинъ**. 307

XVII. ПО ПОВОДУ ОДНОЙ КНИГИ.—Письмо изъ Лондона.—**Діонео**. . . . 318

XVIII. ПАРИЖЪ И ПАРИЖАНЕ.—(Письмо изъ Парижа). **Бѣлоруссовъ**. . . 335

XIX. ПИСЬМО ИЗЪ АВСТРІИ.—**Надежда Штрассеръ**. 352

XX. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Событія истекшаго года. — Неудачи нашей дипломатіи.—Конфликтъ съ Соединенными Штатами и его послѣдствія.—Ошибочныя увлеченія нашихъ націоналистовъ. — Министерскій оптимизмъ.—Конецъ парламентскихъ споровъ о Марокко. — Китайскій кризисъ и персидскія дѣла. 364

XXI. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Чернышевскій въ Сибири. Переписка съ родными. Выпускъ I (1865—1875). — М. Гершензонъ. Образы прош-

стр.

лаго.—**Ч. В—скій.** — О. Н. Ольнемъ. Цѣпи.—Передъ разсвѣтомъ.—Н. И. Олигеръ. Собраніе сочиненій. Томъ первый. — **Е. Колтоновская.**—Д. Я. Айзманъ. Собраніе сочиненій. Томы I и II.—В. Свѣтловъ. Современный балетъ.—**Н. Л.**—Вопросы теоріи и психологіи творчества. Томъ III.—К. Ѳ. Тіандеръ. Очеркъ исторіи театра въ Западной Европѣ и въ Россіи.—**Н. Л.** — Проф. Павелъ Виноградовъ. Средневѣковое помѣстье въ Англіи. — **И. Бороздинъ.** — Экономическо-статистическій сборникъ. Выпускъ II. Кредитная кооперація въ московскомъ уѣздѣ.—Н. А. Крюковъ. Аргентина. Сельское хозяйство въ Аргентинѣ въ связи съ общимъ развитіемъ страны.—**В. В.** — Бремъ. Жизнь животныхъ.—**А. Щ.**—«Пензенскій городской вѣстникъ».—«Извѣстія Архангельскаго Городскаго Общественнаго Управленія и врачебно-санитарное дѣло въ Архангельской губ.». — Николай Ивановичъ Пироговъ и его наслѣдіе пироговскіе съѣзды.—**В. Б—ъ.**—Новыя книги и брошюры. 377

XXII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Холмскій законопроектъ въ Государственной Думѣ. — Его несвоевременность. — Преувеличеніе и преуменьшеніе его значенія.—Доводы за и противъ.—Что нужно для Холмскаго края.—Законопроектъ о городскомъ самоуправленіи въ Царствѣ Польскомъ. — Положеніе дѣлъ въ Государственной Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ. 402

XXIII. Н. Н. ЗЛАТОВРАТСКІЙ.—**Е. Колтоновская.** 421

XXIV. ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.—Проектъ новаго устава о воинской повинности.—Условія его разсмотрѣнія въ Государственной Думѣ.—Общая тенденція проекта. — «Гуманность», неизвѣстная иностраннымъ тюрьмамъ.—Истязанія въ псковской каторжной тюрьмѣ.—«Волевые импульсы» тюремной администраціи.—Н. Н. Бекетовъ. 426

XXV. КЪ РУССКОМУ ОБЩЕСТВУ (по поводу кроваваго навѣта на евреевъ). . 438

XXVI. СВОДНЫЙ СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ.—**К. Деруновъ.** 441

XXVII. ИЗВѢЩЕНІЯ. 449

XXVIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ. 453

XXIX. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

3